

ТЕРНОВАЯ ВЕДЬМА

ИСТЕРА

ЕВГЕНИЯ
СПАЩЕНКО

Annotation

Какой бы желанной ни казалась Изольде Мак Тир мирная жизнь, когда Северный ветер приносит на ледяных крыльях отголоски древней сказки, она отправляется вместе с ним на поиски легендарной Розы Ветров. Чтобы найти наконец королевство Тьер-на-Вьёр — загадочную родину терновой колдуньи — и расплести тугой узел колючих чар. Да только принцесса не ведаёт, что, пускаясь в дорогу, следует воле неумолимой судьбы. И ни она, ни верный Таальвен Валишер, ни гордый Хельмвинд, шагнув сквозь колдовские зеркала, — в мир терновой ведьмы, — уже не будут прежними.

- [Евгения Спащенко](#)

-
- [ОТ АВТОРА](#)
-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)

- [ГЛАВА 23](#)
 - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
-

Евгения Спащенко
ИСГЕРД

ОТ АВТОРА

Когда я была маленькой, то, едва дочитав очередную волшебную историю, возвращалась к первой странице и начинала ее заново. Мысль о том, чтобы утратить чувство чудесного, вернуться из сказочного похода, а пуще всего — вырасти, бесконечно меня расстраивала.

Но минули годы, и я осознала истину — дети, хоть и становятся взрослыми, не теряют способность верить — в торжество судьбы, первозданное колдовство, великую любовь. Век за веком плетутся узоры сказок сквозь наши мечты, соединяя их в единое неразрывное полотно. И покуда хотя бы один Мечтатель бережет в сердце героев этой книги, она не закончится.

Евгения Спащенко

По твоим чудесам лишь вздыхать да сохнуть, колдунья,
Утопая в морях асфальта и проводов.
Вот поспеют клевер да лен на полях, пойду я
Ночью летней прочь от изломанных городов.

Ничего не возьму, кроме косточек абрикосовых,
Чтобы рос среди небыли мой одичавший сад.
Видят боги, таким, как я, за мечтою сосланным,
Зачарованным бездорожьем, нельзя назад.

Вместо крови у нас ручьи да вода болотная,
Оттого кличет тина, скребет на душе камыш,
А она, как туман, пугливая и бесплотная,
Рвет оплетку из вен — под кожей не утаишь.

Ей ищи не ищи терема-палаты гранитные —
Сманит трелью рассветной, ягодным соком лес.
Звездопадом течет с небес молоко пролитое,
Млеет дымкой по телу лунных шелков отрез.

И стирают ветра сердцевину до основания,
Обнажая себе на радость резную суть.

Истонченный до звона, поисками израненный,
Я приду на их зов волшебный когда-нибудь...

ГЛАВА 1

ПРИНЦЕССА ИСГЕРД

Волосы ее были белы. Но не той ослепительной белизной, что вросла в вершины скалистых, покрытых снегами гор на границах Тьер-на-Вьёр, скорее их цвет напоминал сероватое шерстяное сукно, жемчужную мягкость паутины, благородную седину на висках почтенных храмовых старцев. Только до старости Исгерд было так далеко, что она казалась выдумкой, страшной сказкой.

Сила, черной кровью бегущая по жилам девушки, обеспечивала ей долгие века жизни и вечную любовь подданных, ибо кто в Тьер-на-Вьёр не любил терновую принцессу — божество во плоти, по милости которого царят мир и процветание.

А вот ее брату не так повезло: Этельстан родился обыкновенным человеком, не унаследовав и капли терновой силы. А значит, судьба его подчинялась незыблемым законам времени, которое уже через пару десятков лет сотрет с лица принца свежесть юности, расчертит гладкий лоб морщинами.

Это случалось прежде: если в королевской семье на свет появлялось несколько детей, терновник неизменно благословлял только одного — девочку. И ноша ее была тяжела: долгими столетиями править страной в одиночестве, хоронить друзей и родных, век которых отчаянно краток, пока не родится новая жрица.

Но Исгерд старалась не думать о грядущем, заглушая страхи бесконечными делами. Она любила брата, наверное, с того самого дня, как они вдвоем появились на свет, — непохожие, словно луна и солнце. И представить себе мир без Этельстана принцесса не могла.

— Ах! — Девушка неосторожно щелкнула садовыми ножницами, и острый шип терновой розы впился ей в палец.

Она слизнула языком чернильную капельку, выступившую на коже, и осторожно положила срезанный цветок в корзину к остальным.

— Пожалуй, хватит для букета.

Дворцовый цветник был гордостью принцессы, хотя советники то и дело ворчали, что будущей королеве не пристало заниматься подобными глупостями. Но под ее властной рукой растения росли, как зачарованные. И ради созерцания бархатной красоты черных лепестков Исгерд готова была

часами копать в земле.

К счастью, сегодня никто не посмел указывать на расписание. В двадцатый день рождения терновой принцессе позволялось многое, если не все.

Слегка приподняв длинный подол, — ровно настолько, насколько позволял этикет, — она направилась в глубь сада, ища среди зарослей барбариса и лазурной гортензии крошечную беседку. Наверняка Этельстан там — читает, как обычно, улизнув от утомительных занятий, положенных ему по титулу.

Когда цветущий кустарник сомкнулся за ее спиной, Искерд наконец разглядела облупленные деревянные колонны... Следует сегодня же повелеть привести их в порядок... Принц Тьер-на-Вьёр достоин мрамора и золота, а не ссохшегося сарая!

В детстве крошечная, укрытая от посторонних глаз беседка на склоне холма была и ее любимым местом, но с течением времени забот у принцессы прибавилось. Теперь она не позволяла себе тратить минуты в уютной тени, листая очередную книжку брата.

— Этельстан! — радостно воскликнула девушка, поднимаясь по скрипучим ступеням. — Все утро тебя не видно.

Запальчивый ореховый взгляд взметнулся на мгновение к ее лицу, но досада в нем быстро угасла, уступая место напускной покорности.

— Куда еще мне деваться, Герда?

Принц отложил потрепанный томик стихов и медленно встал. Казалось, поэзия ничуть не интересовала его сегодня. По темным кругам под глазами, по измятой рубашке Искерд поняла: Этельстан прячется здесь с самого рассвета.

Что за мрачные мысли терзают его сердце? Ах, почему брат неизменно становится жертвой меланхолии? А ведь ровесники его, наделенные властью и знатным положением, веселятся вовсю, устраивая походы и состязания, играючи завоевывая придворных дам. Но едва ли дворцовые забавы заботят принца.

— Я собрала для тебя букет. — Она с улыбкой вручила брату корзину и мягко обняла его за плечи. — С днем рождения!

— С днем рождения, ваше высочество, — отстраненно похлопал ее по спине Этельстан.

— Да что с тобой? — Искерд озабоченно вгляделась в знакомые черты.

Пожалуй, он выглядел чуть бледнее обычного. Вместо привычного хвоста гладкие темные волосы в беспорядке рассыпались по плечам. Но разве это причина для тревоги?

— Ничего. — Принц виновато потупился. — Просто, как по мне, день выдался невеселый.

Девушка насупила седые брови.

— Завтра тебя коронуют, — кисло продолжил он, — и пути наши окончательно разойдутся. Отныне всякий твой вздох, биение сердца будут принадлежать Тьер-на-Вьёр... А для меня станет преступлением красть драгоценное королевское внимание...

— Ох, Этельстан. — Принцесса негодуя поджала губы. — Что за нелепые выдумки? Пусть меня и нарекут королевой, я не перестану быть твоей сестрой! Разве в прошлом я хоть раз пренебрегала тобой?

Он рассеянно отошел к деревянному парапету, опустил розы на скамью.

— Нет, но времени на друзей и родных у тебя все меньше. Скоро оно встанет между нами непреодолимой стеной. И если для терновой принцессы двадцать первый год ознаменует триумфальное восхождение на престол, меня он лишь приблизит к неизбежной старости, смерти, забвению...

— Ну хватит! — прервала его девушка. — Не желаю портить торжество подобной чепухой. Ты все еще юн, брат. Впереди тебя ждет долгая и счастливая жизнь. К чему маяться от тоски, проклинать будущее, которое пока даже не определено?

Принц вздрогнул, как от удара, и резко обернулся. Горечь придала черноты его карим глазам. Но терновая принцесса расценила это по-своему.

«Он боится, — решила она, — расставания, одиночества... Беззащитный перед хаосом грядущего».

И, сменив гнев на милость, потянула брата за руку.

— Обещаю, с тобой не произойдет ничего дурного. Я буду хранить тебя, укрывать от невзгод... в конце концов, ты — мое отражение, как душа твоя — продолжение моей...

Этельстан шумно вдохнул, словно собирался возразить, но слова утонули в звонком щебете птиц.

— Верь мне, — прошептала сестра, крепче сжимая его дрожащие пальцы.

И пускай пламенный взгляд принца ничуть не походил на выражение ее собственных бесцветных глаз, Исгерд всматривалась в него, будто в зеркало.

— Ты, как всегда, права, Герда, — промолвил после паузы Этельстан. Голос звучал на удивление беззаботно. — Не стоит хандрить, когда у терновой принцессы праздник.

— Сегодня и твой день рождения, помнишь?

Его тонкий рот скривился в улыбке.

— Разумеется... Ты, главное, не сердись. Сама знаешь, мне свойственно впадать в уныние.

Исгерд покачала головой и расправила складки алого, как военный стяг, наряда. Кажется, тучи в душе ее беспокойного брата рассеялись, по крайней мере, на какое-то время.

— Пойдем, — повелела она, чинно беря Этельстана под локоть. — Хочешь узнать, как пройдет вечерний бал?

Конечно, — пробормотал он, привычно подстраиваясь под шаг сестры.

— Я приготовила для тебя несколько сюрпризов. Один из них — присутствие милой баронессы, с которой мы так славно поохотились прошлым летом. А еще будут состязания в стрельбе из лука и стихосложении, чтобы ты мог показать себя с лучшей стороны...

Девушка все болтала, изящно прикрывая синеватые губы ладонью, чтобы не хихикать во весь рот. Но Этельстан не слушал. Глаза его остекленели, душа давно покинула залитые солнцем лужайки — словно бы не являлась продолжением души Исгерд...

Внезапно голубое небо над шпилями Тернового дворца покачнулось, принялось стремительно таять, будто кусок масла на раскаленной жаровне. Изольда почувствовала, как ее буквально вырывает из пестрого сна. Исчезли ароматные гортензии — вместо них по обе стороны от принцессы выросли столбики широкой кровати. Облака превратились в пыльные складки полога, свет померк.

«Где я?» — хотелось спросить девушке, но страх заговорить до сих пор преследовал ее в тревожных зыбких видениях. Правда, теперь ей не приходилось бродить нагишом по лесам.

Изольда поморгала, силясь разглядеть хоть что-нибудь в густом предрассветном мраке. Пламя в очаге дотлевало — полагаться на его умирающий свет было глупо. Потому она приподнялась на подушках в поисках свечи. Той не оказалось, зато потрясенная девушка обнаружила нечто другое — рядом с ней, занимая половину постели, спал Лютинг. Одеяло сползло, обнажая его широкую грудь, человеческая рука покоилась всего в паре вершков от ее ладони.

Осторожно, чтобы древесина не скрипнула, принцесса попыталась отползти от Мак Тира. Но при первом же движении его густые брови нахмурились. Таальвен будто дразнил ее, притворяясь спящим.

Затаив дыхание, Изольда переждала несколько мгновений, а затем медленно свесила ногу с кровати. Как только она собралась опустить на

пол вторую, муж ее открыл глаза и вцепился в тонкое девичье запястье мертвой хваткой.

— ...Владыка души и тела! — отчеканил он жестко, с силой потянув девушку на себя.

— Нет! — взбрыкнула она. — Пожалуйста!

Но пальцы Лютинга держали крепче тисков болотного короля.

— Ты поклялась! — прорычал он, подминая под себя дрожащую пленницу. — Забыла?

— Отпусти!

Она задыхалась. А вокруг смыкалась липкая темнота. И не было в ее клубах ни верха, ни низа, ни крепких объятий принца Мак Тира. Но принцесса уже не могла соображать трезво, лишь билась в истерике, захлестываемая ужасом. В ушах раздавался зловещий смех тьер-на-вьёр.

— Изольда, проснись!

Кто-то встряхнул ее, заставляя остатки удушающего сна схлынуть. И, распахнув заплаканные глаза, девушка увидела Таальвена Валишера. Он обеспокоенно замер над ее постелью, встав на задние лапы, уперев передние в матрас, ничем не походивший на перину из сна.

— Очнулась?

— Да, — простонала принцесса, натягивая одеяло.

Волк тут же спрыгнул на пол.

— Ты так кричала, что, должно быть, весь лес подняла на уши. Не удивлюсь, если Лива с Зефиром слышали тебя в долине.

— Прости... — Изольда обессиленно откинулась на резное изголовье.

Мир медленно обретал знакомые очертания: занавески на окнах тихонько покачивались, настольное зеркальце, подаренное кудесницей, пускало по стенам огненные отсветы.

— Снова терновая ведьма? — сдержанно спросил Таальвей, усаживаясь рядом с камином.

Изольда нехотя кивнула. Плечи ее все еще тряслись.

— Расскажешь, что тебе снилось?

Несколько месяцев она с трепетом ждала этого вопроса, догадываясь, что не сумеет соврать. Правда, волк был терпелив — будил ее по ночам, успокаивал, стерег тревожный сон до рассвета... Казалось, он и сам догадывается о причине кошмаров, потому молчит. Но игнорировать ночные истерики бесконечно Лютинг не мог.

— Лучше выбросить все из головы... — Надеясь спрятаться от пытливого зеленого взгляда, принцесса укуталась в шерстяное покрывало.

Волк продолжал смотреть, без слов требуя ответа. Пришлось говорить.

— Сегодня, как обычно, я видела беловолосую девушку, слышала ее мысли. Когда-то она жила в Терновом дворце и нарекалась Искерд, теперь мы зовем ее тьер-на-вьёр.

Острые уши Таальвена с любопытством приподнялись.

— Ее давние воспоминания овладевают мной по ночам. Всякий раз я вижу нечто иное, становлюсь свидетелем утерянного осколка прошлого...

— Оно пугает тебя?

— Нет. — Изольда мотнула головой. — Терновая ведьма не хочет, чтобы я знала о ее жизни. Но прервать сновидение не в ее силах. Зато она может изменить его. И чтобы вытолкнуть меня из собственных воспоминаний, насылает кошмары...

— Тебе нечего страшиться, — ощерившись в сторону темных углов, заверил Таальвен. — Нет такой опасности, с которой я не смог бы совладать. Только скажи, что за чудовища преследует тебя в забытьи?

Но нападать было не на кого. Комната дремала в уютных отблесках пламени, в закутках скрывался лишь сонный полумрак. И, холодея от звука собственного голоса, принцесса выдохнула сдавленно:

— Мне снишься ты, Лютинг Мак Тир...

Поначалу он не сумел растолковать смысла этих слов, а когда понял, что продолжения истории не последует, произнес сипло:

— Я причиняю тебе вред?

— Ты... — Губы Изольды дрогнули. Признание жгло язык не хуже тлеющих головешек.

— Но ведь ты знаешь: я ни за что не обижу тебя! — воскликнул с досадой волк, незаметно переходя на рык.

Ему невыносимо было думать, что девушка, пусть и во сне, боится острых клыков и когтей, серой звериной шкуры.

Но вовсе не грозный облик приводил ее в трепет.

— Ты приходишь как человек... — прошептала Изольда глухо.

Выпытывать больше не имело смысла. И без пояснений очевидно: ничего хорошего в ее видениях не происходит. Таальвен проглотил противный комок в горле и обреченно сомкнул челюсти.

— Посидеть с тобой до утра?

Он по-прежнему был неспособен произнести то, что желал.

— Посиди, — жалобно пискнула она.

«Чтобы не пришел тот — другой... Чтобы он не глядел на меня голодным взором...»

Лютинг вздохнул тяжело и устроился у горящего без каких-либо дров очага.

— Ложись...

И Изольда повиновалась, спрятав пылающее лицо в подушку.

* * *

Дом требовалось нарядить, ведь семнадцатый день рождения случается раз в жизни. Потому Изольда и отправилась в долину, в надежде наполнить свое лукошко цветами. Из них можно сплести белые, голубые, алые гирлянды, а затем развесить прямо под потолком как флаги и знамена.

А вместо вытканых шелком гобеленов пускай будут венки из гибкой лозы. Достаточно вымочить ее в холодной воде и украсить сушеными яблоками, ягодами, еловыми шишками.

Что и говорить, не слишком богатое убранство, но, если живешь посреди леса в зачарованной хижине, сойдет и оно...

В общем-то, принцесса не особенно скучала по роскоши родного дома. Простого жилища, обустроенного кудесницей Ливой, ей вполне хватало. С утра до ночи во всех его каминах горело колдовское пламя, а крошечная водяная мельница у крыльца доставляла горячую воду прямо из подземного источника...

Но от осознания того, что она еще шесть лет не увидит брата, не вернется в любимый чертог, на нее иногда накатывала тоска. Приходилось прятать подернутый печалью взгляд от Таальвена Валишера, хотя он все равно чувствовал, как ноет сердечко его прекрасной жены. И чтобы напрасно не мучить волка, Изольда уходила в лес или в долину, ссылаясь на придуманные дела.

Часами она собирала ягоды, неподвижно лежала на поляне, укрытая прошлогодними листьями и солнечным светом... А когда возвращалась, Таальвен встречал ее. И мысль о том, что он ждет, чутко прислушиваясь к лесным шорохам, наполняла душу покоем.

— Изольда Мак Тир... — завороченно выдохнула принцесса, опускаясь в высокую траву. В памяти мигом воскрес образ Лютинга из ночных кошмаров.

Чтобы отогнать наваждение, она с макушкой окунулась в ароматное озеро из луговых цветов. К счастью, это подействовало. Разлегшись посреди цветущего поля, девушка смежила веки.

Почти год пугающие видения преследовали ее, и одержать верх над их маревом никак не удавалось. Изольда была уверена: сны — дело рук тьерна-вьёр, но от этого ужас ее не становился меньше. Принцесса отчаянно

боялась приморского королевича, словно он был чудовищем.

С тех самых пор, как Изольда сообщила умирающему Таальвену, что знает о его проклятии, они больше не обсуждали прошлое. Напротив — старательно делали вид, будто его не существует. Так принцессе жилось спокойнее, хотя она понимала: волка тяготит положение дел.

Но было бы несправедливо утверждать, что молодожены несчастны. У них имелись свои радости: частенько они гостили у Ливы, наслаждаясь вечной весной в Долине ветров, отправлялись с Зефиром в воздушные путешествия или подолгу болтали с ним у натопленного очага, пока ночь заливала крышу их уютного домика смоляной чернотой.

Приступы неконтролируемого колдовства почти не беспокоили Изольду, а терновая ведьма в ее голове молчала. То ли боялась Лютинга, то ли просто затаилась, замышляя недоброе. Принцессе было довольно и того, что она не видит бледного, искаженного ненавистью лица.

— Вжик! — Над травяным морем пронеслась пчела, сбивая пыльцу с нежных бутонов ветреницы. Запахло сладостью.

«Вот бы устроить бал в трапезной замка Северин, — размечталась Изольда, — зажечь после заката все до единой свечи, пригласить гостей и до полуночи наблюдать, как они пестрой вереницей вплывают в нарядный чертог, попарно кружат под музыку, порхая от трона к уставленным угощениями столам... А затем в комнату войдет Стефан в роскошном черном наряде, расшитом золотом. Он галантно протянет мне руку и увлечет на середину зала, чтобы танцевать до самого утра...»

Принцесса вскинула ладонь к небу, воображая, как принимает приглашение очередного кавалера на вальс. Широкий рукав платья соскользнул, обнажая колючие завитки на коже, и улыбка девушки погасла.

Вряд ли найдутся смельчаки, желающие явиться на праздник к терновой ведьме. Так что среди поклонников ее будут только любимый брат и бесстрашный Таальвен Валишер, которого, кажется, никаким колдовством не отвадить.

Смахнув с ресниц туманные образы, она с досадой поднялась и принялась рвать цветы. До вечера оставалась уйма работы: состряпать угощение, украсить холл, соорудить прическу, в конце концов. И пусть вместо придворных рыцарей и их дам на ужин приглашены лишь Лива с Зефиром, это не помешает им славно повеселиться. День рождения пройдет по-королевски, без хандры и досадных неожиданностей.

— Мне кажется, пирог самое время вынуть из печи, — мягко подметил волк, щурясь от едкого дыма.

Угольная корочка будущего торта угрожающе потрескивала.

— Еще пара мгновений! — крикнула принцесса из соседней комнаты.

Целый час она балансировала на стремянке под потолком, закрепляя цветочные гирлянды, развешивая гнезда из лозы. Получалось неплохо, но об угощении именинница напрочь забыла, с головой погрузившись в приятную суматоху.

— Изольда, у этого пирога в запасе не осталось ни минуты! Если не спасти его сейчас, есть будет нельзя.

— Почему? — удивилась девушка.

— Потому что он превратится в золу. — Таальвен лапой распахнул ставни, впуская в душную кухню вечерний ветерок.

Порыв воздуха играючи подхватил запах гари и в два счета донес до принцессы.

— Что-о-о? Я ведь только его поставила! — Она возмущенно зашипела и сбежала по хлипким перекладинам. — О нет!

Вместо пышного румяного каравая в печи дотлевал бесформенный уголек, больше похожий на сгоревшее полено. Вытащив его на стол, Изольда сокрушенно опустила плечи.

— Как такое могло случиться?

— Может, путаница с рецептом? — предположил Таальвен тактично.

— Едва ли. В нем все предельно просто. — Девушка принялась к сухарю, и удушающий кашель мигом сдавил ей горло. — Какая гадость!

— На вид не так плохо, — попытался ободрить ее Лютинг.

— Неужели? Тогда сравни мое творение с тортом, который готовит Лива!

— Ну... у нее больше сноровки.

Волк осторожно приблизился к столу с противоположной стороны. Глаза его слезились.

— Не в этом дело. — Огорченная принцесса опустилась на скамейку. — Любая стряпня, к которой прикасаются мои руки, обречена стать несъедобной — проклятие какое-то!

В словах ее таилась доля истины: проведя почти два года вдали от замковых кухарок, Изольда так и не научилась готовить. Даже незатейливые блюда у нее выходили пересоленными, недоваренными, жесткими, словно подошва старого сапога.

Кроме того, принцесса раз за разом ранила руки, стоило взять в них нож, роняла глиняные миски, забывала вовремя снять их с огня. Потому

снедь чете Мак Тир чаще всего приносила кудесница. Еда ее была настолько вкусной, что напоминала принцессе дворцовую кухню. Хотя ингредиенты Лива использовала проще некуда: муку, яблоки, ягоды, крупу, орехи или огородную зелень. Разумно было предположить: без магии у очага заклинательницы не обошлось.

— Давай я сбегаю к Ливе и попрошу ее прихватить что-нибудь съестное из дому, — решил наконец озвучить витающие в воздухе мысли Лютинг. — Время еще есть...

— И речи быть не может, — запротестовала Изольда. Впрочем, без особой решительности в голосе. — Заставлять гостей самостоятельно тащить на званый ужин угощение — позор для виновницы торжества.

— Иначе мы останемся голодными...

— Нет. — Именинница сгребла в фартук остывший и окончательно затвердевший пирог и гордо прошествовала на крыльцо. — Я сделаю новый торт.

Совершенная беспомощность на кухне не давала ей покоя, ведь Изольда привыкла с блеском справляться с задачами, за которые бралась. Без труда ей давались шитье и ткачество, игра на музыкальных инструментах и изучение иноземных языков. Даже уборку упрямая принцесса освоила в два счета. И только проклятое мастерство готовки не желало подчиняться.

Возможно, причина крылась в том, что управляться с обедом малышку Хельди в детстве никто не учил. Или секреты печей и сковородок действительно ускользали от девушки. В любом случае в свой день рождения она была намерена одержать верх над тортом.

— Не трать время попусту, Изольда...

Волк поплелся за ней следом и принялся наблюдать, как именинница яростно крошит сгоревший сухарь в кормушку для лесных птиц. Он охотно согласился бы лечь сегодня спать на пустой желудок, лишь бы принцесса не печалилась по пустякам.

— Лучше отправляйся к источнику, прими ванну.

— Только после того, как закончу на кухне!

Таальвену было невдомек, отчего вдруг какой-то каравай обрел для нее такую важность. Ведь булки и кренделя и раньше бесславно гибли в руках его неумелой жены. Нет, дело здесь вовсе не в выпечке — Изольда чем-то взволнована.

Лютинг скользнул взглядом по фигурке на ступеньках: гордая осанка, повзрослевшее лицо... За время, проведенное с ней, он научился понимать принцессу без слов, угадывать настроение, почти читать ее мысли. И

сейчас от волка не укрылась нервная дрожь, с которой тонкие пальцы растирали хлебные корки.

Кажется, сама Изольда не ведаёт, отчего сердце так гулко стучит, но предчувствие уже шепчет о чём-то — манящем, пугающем...

Таальвен зажмурился, насильно заставляя себя отвлечься. Нельзя вторгаться в чужую душу подобно грабителю! Едва ли принцесса знает, что он способен ловить её переживания, и счастлива от такого поворота событий точно не будет.

— Ф-ф-ф! — Изольда сердито сдула со лба непослушный локон, выбившийся из хитроумной причёски.

С непривычки ныли плечи. Нечасто ей доводилось стоять подолгу с поднятыми руками. Неудивительно, что теперь они гудят.

Позабывать бы о злосчастном ужине, окунуться в горячую воду. Поплывать вдоволь, а затем натереться розовым маслом, облачиться в шелковое платье...

Предусмотрительная Лива пристроила за домом купальню, чтобы её подруга могла каждый вечер нежиться в источнике, скрытая от посторонних глаз. И за это принцесса была ей крайне благодарна.

Может, послушать волка и позволить заклинательнице накрыть на стол? Не в первый ведь раз...

— И думать забудь отступать перед трудностями! — процедила девушка себе под нос, сверкая полными синевы глазами. — Праздник пройдет как загадано.

И, отряхнув фартук, направилась к чулану, чтобы раздобыть муки для нового каравая.

Волк молча наблюдал, как сыплются на выметенный накануне пол хлебные крошки.

* * *

— До чего ж ты поседела, сестренка! — захохотал Зефир, увидев белую от муки и сахарной пудры Изольду. — Я-то думал, люди стареют чуть медленнее.

Раздосадованная именинница уперла испачканные руки в бока, но скрыть улыбку не смогла — слишком заразительно смеялся Западный ветер.

— Вот тебе подарок. — Он извлек из-под пестрой короткой полы алый сверток и вручил принцессе. — Лива болтала, будто люди подносят друг

другу дары на изломе каждого года жизни. Я, конечно, в такие небылицы не верю, но гостинец для тебя на всякий случай припас.

— Ох, спасибо! — Принцесса прижала ладони к груди. — Я и не рассчитывала на подарки.

Отчаяние мигом улетучилось из ее сердца, уступив место детскому восторгу.

— Значит, чудная традиция — правда? — забавно выпучил глаза Зефир.

— Естественно. — Изольда отряхнула пальцы от комочков налипшего теста и бережно развернула бархатную ткань. — А почему она кажется тебе странной?

— Видишь ли... — Ветер взьерошил непослушные пепельные вихры. — Если я прикажу одним только своим помощникам одаривать себя раз в году, то через десяток лет придется превратить все подгорные пещеры Сеам Хор в набитое доверху хранилище!

— Но ведь у людей, в отличие от ветров, не так много близких друзей, — мигом нашлась с ответом Изольда. — Да и живем мы не в пример меньше.

Такое объяснение лишь подогрело интерес верховного к людским обычаям. И, поразмыслив, он снова спросил:

— Сколько же длится средняя человеческая жизнь пять веков, семь?

— Чутьочку меньше... — Принцесса загадочно хлопнула друга по плечу, оставив на разноцветной накидке след белой пятерни. — Но западному владыке не стоит справляться о грустном в мой день рождения. Сегодня положено веселиться!

Окончательно позабыв о стряпне, она встряхнула подарок и с восхищением уставилась на драгоценный плащ. Материал, из которого тот был сшит, казался невесомым. Тонкие колючие узоры покрывали ткань по каемке, оплетая широкий капюшон, затейливой вязью сбегая по подолу. Золотистые тесемки служили одновременно и прочной шнуровкой, и изысканным украшением.

— Ах какая красота! — Кружась, именинница вплыла в холл, натянула чудесную накидку прямо поверх фартука и завертелась перед старинным зеркалом.

— Смотрится изумительно! — подтвердил Зефир из кухни. — Красный тебе к лицу.

Спрятав зардевшиеся щеки в складках огромного капюшона, принцесса шепнула:

— В детстве у меня была похожая вещица — подарок бабушки. Его я

тоже получила на день рождения.

— Случаются же совпадения! — игриво присвистнул юноша. — Рад, что обычаи соблюдены. Осталось позаботиться о музыке и небесных огнях, которые искрами разлетаются под звездами...

Как только он это произнес, в очаге прогремел оглушительный взрыв.

— Ай! — Изольда застыла на мгновение, а затем бросилась к печке.

— Осторожно! — предупредил Западный ветер, хватая ее за руку. — Там, кажется, что-то горит.

— Мой пирог! — Она попыталась вывернуться. — Пусти, сейчас же!

Но ворваться в черную от дыма комнату не успела. Входная дверь отворилась, впуская в дом обеспокоенную Ливу.

— Что здесь происходит?

— Пожар! — завопил что есть силы Зефир, взмывая вместе с принцессой под потолок.

Копоть на его лице смешно контрастировала с мучной маской Изольды.

— Где горит?! — гаркнул встревоженный Таальвен, в два прыжка спускаясь по ступеням.

— Нигде, — простонала именинница, болтая в воздухе ногами. — Все, что можно, давно превратилось в угольки.

Но ее никто не услышал.

— Ву-у! — взвыло протяжно в волшебной печи.

Так и не поняв, какая именно беда приключилась, заклинательница метнулась в гущу пламени и прошептала несколько невнятных, но строгих слов.

Огонь тотчас утихомирился, зловещие дымные облака улетучились из комнаты через окно, а гарь со стен исчезла, растворившись в мягком вечернем свете.

— Так-то. — Лива стряхнула пылинку с широких брюк и вежливо заявила, обращаясь к своему жениху:

— Будь добр, поставь Изольду на пол и помоги мне внести корзину с ужином...

А когда ветер выполнил ее просьбу, лукаво подмигнула имениннице:

— Представляешь, вчера я увлеклась и наготовила столько, что одной и за неделю не съесть. Если вы с Таальвеном не поможете, придется выбрасывать.

— О! — Принцесса горестно вздохнула.

Как всегда, прозорливая кудесница умудрилась оказать помощь незаметно и вовремя. Недаром она живет на земле многие сотни лет.

— Надеюсь, ты не откажешься?

— С радостью приму от тебя угощение.

— Вот и славно. Ох, я ведь совсем забыла — с днем рождения! — Заклинательница заключила Изольду в крепкое кольцо рук.

Пока они обнимались, волк украдкой прошмыгнул в кухню и оглядел очаг. Тот мирно поблескивал белеными стенами. На чугунной решетке тихонько шипел чайник — ни следа былой катастрофы.

«Даже чердачные балки в этом жилище послушны воле кудесницы, — хмыкнул про себя он. — Не дом, а цепной пес. Но следует отдать заклинательнице должное: она явилась вовремя».

Вражда Лютинга с Ливой была делом прошлым, но волк до сих пор с подозрением относился к чарам Зефировой нареченной.

— Значит, я успею переодеться, пока вы накроете на стол? — донеслись до него слова жены.

Кажется, принцесса смирилась с тем, что над нынешним вечером она не властна, — так или иначе судьба явит, что уготовано.

— Если поторопишься. — Лива шутливо подтолкнула ее к лестнице, ведущей в спальню.

— Бегу. — Изольда устало стащила фартук, утерла им испачканное лицо и побрела в свою комнату.

«А все-таки хорошо, что я — не владычица замка Северин, — думала принцесса, затягивая бесконечную шнуровку на новом наряде, подаренном кудесницей. — Иначе несчастья не избежать. Недаром у меня целый день все из рук валится. Словно вот-вот случится неотвратимое».

Завязав на корсаже последний узелок, Изольда одернула рукава и распустила кудри. Пришлось пожертвовать прической, чтобы вычесать из нее муку и сажу. И ладно, она ведь не ждет в гости послов из соседней державы.

Умопившись на миниатюрный табурет перед настольным зеркальцем, именинница принялась водить щеткой по волосам... Семнадцать лет... в таком возрасте замуж выдают. Хотя она-то год как окольцована.

Словно в подтверждение этих мыслей, тяжелые перстни на безымянных пальцах торжественно вспыхнули: топаз, синий, как краткая летняя ночь, и морион, похожий на ее собственную кровь. Первый камень был талисманом Стефана — с ним он никогда не расставался. Второй символизировал могущество дома Северин. Забавно, что оба кольца достались ей, хотя ни одно не предназначалось по праву.

Невольно принцесса залюбовалась массивной серебряной оправой. Какой перстень она отдаст Лютингу, когда придет время? Не все ли равно,

если впереди долгие шесть лет?

Отстраненно разглядывая терновый узор на своих щеках, Изольда вновь взмахнула расческой. И пока в зачарованной дымке зеркального мира атласная белизна кожи расцветала чернотой, губы девушки неслышно напевали:

Был бы ты, милый, отзвуком серебра,
Тонкой огранкой звезды на моей груди,
Стала бы я к тебе ласкова и добра,
Гордо носила бы, пестовала: «Свети!»

Реять тебе белъш вереском на холме —
Нежил бы волосы, вился бы по плечам.
Только пленить-присвоить чтоб не умел,
В дом не ходил, не маял мою печаль.

Пока она шептала, деревья за окном пригибались ниже. Листья чернели, скручивались от холода. Над поверхностью горячего источника за клубился пар, словно зима на мгновение вернулась в эти края.

Вешним богам обратить бы тебя в песок:
Губы, глаза, предплечья сровнять с землей,
Чтобы вовек угнаться за мной не мог,
След охранял — безропотный и немой.

Хочешь, целуй, как муж, отнимай покой
Ветром-бураном, ноченькой во хмелю.
Но не трави улыбкою колдовской,
Сердца не тронь лукавым своим «люблю».

Изольда бормотала, и холодок пробежал по ее шее, заставляя вспоминать, как жжется зачарованная пряжа в чулане Пайян-Жен. Опасное путешествие в усадьбу Хаар Силлиэ случилось давным-давно. Злоключения остались позади, незачем, собрав волю в кулак, нестись сквозь ночь и вьюгу, искать Таальвена Валишера. Отчего же сердце стучит набатом, заставляя хозяйку изнывать от туманных предчувствий?..

Кос не плети мне на свадьбу, не куй колец,
Гибелью кликать впору, а не женой.
Станет венком погребальным тебе венец...
Правь же коня назад, драгоценный мой...

Как во сне, принцесса пропела последний куплет. И голубая зарница осенила небеса. Неистовый, до мельчайшего вихря знакомый ураган взвыл в вышине — так далеко, что и не слышать, но Изольда почуяла его каждой чернильной веточкой.

«Не может быть!»

Гребешок выпал из ослабевших пальцев, обиженно звякнув о доски. Принцесса вынырнула из топких размышлений, как рыба из глубины.

Пора мне научиться не спать наяву, а то мерещится всякое... — С деланным спокойствием она поднялась, оперлась локтями о подоконник.

Кругом было тихо: в синеве зажигались звезды, лес привычно шептался, будто живой. Тонкой невидимой струйкой из кухни поднимался чудесный аромат не то пирога, не то сладкой запеканки.

— Пора. — Намереваясь закрыть ставни, девушка высунулась из окна, и тут на щеку ей опустилась одинокая острая снежинка.

Тоньше паучьей нити, она мгновенно растаяла, но это не имело значения. Подобрав юбки, именинница стремглав сбежала по лестнице и выскочила на крыльцо.

— А вот и ты... — едва успела пробормотать изумленная Лива.

Вместе с Зефиром она расставила на столе блюда и кувшины, зажгла свечи. Но, кажется, виновница торжества не оценила стараний. Стрелой девушка вылетела во двор, погасив на бегу с десяток хрупких огоньков.

— Что с ней? — недоуменно пожал плечами Западный ветер.

Наострив уши, Таальвен Валишер мрачно поднялся из своего угла и потрусил за Изольдой.

А она между тем уговаривала себя, спускаясь с травянистого холма:

— Просто прогуляюсь перед застольем — проверю окрестности, чтобы спалось спокойнее.

И непрощенная надежда бутоном зрела в груди.

Особый хрустальный перезвон, доносящийся издали, принцесса узнала бы из сотни ветряных порывов. По ершистым дуновениям, заставляющим все живое коченеть до весны, ее плечи тосковали, словно по доброму другу.

— Не в первый раз я грежу с открытыми глазами, — твердила

терновая колдунья, карабкаясь на крутой пригорок. — Может статься, и теперь чудится...

А земля вокруг тем временем покрывалась морозной глазурью. Крошась под подошвами туфельек, цветочные стебли жалобно хрустели. Дыхание превращалось в белые облака.

Шаг, еще один — и запыхавшаяся, бледная от напряжения принцесса ступила на затерянную среди зарослей поляну Сердце ее наконец перестало вырываться из реберной клетки. Радостно ёкнув, оно вдруг утихло, а сама Изольда застыла статуей.

Напротив, в верхке от выбеленной инеем земли, парил Хельмвинд. Длинные рукава его наряда мерно колыхались, волосы серебрились в ночной темноте.

Точеное лицо не изменилось, будто равнодушная маска — единственное, что оно умело выражать. Но Изольду было не обмануть огнем ледяного взгляда, она отлично знала, как неукротим гнев верховного, как всепоглощающе его отчаяние.

— Хельм. — На губах мелькнула смущенная улыбка. Ноги сами понесли вперед.

— Здравствуй, Изольда Мак Тир. Давно не виделись, Звонкий бесстрастный голос всколыхнул тишину. — Но я пришел не к тебе. Хочу поговорить с тьер-на-вьёр.

ГЛАВА 2

О ЧЕМ МОЛЧАТ ЛЕГЕНДЫ

Башня стенала и вздрагивала, словно живая, но Северный ветер знай сидел себе у камина, вороша полуистлевшие тома. Огонь за решеткой чадил больше, чем освещал, и, чтобы разглядеть стершиеся записи на ветхих страницах, приходилось совать их едва ли не в пламя.

— Негоже верховному рыться в этой трухе, господин, — плаксиво заголосил укутанный в лохмотья старикашка.

Росту в нем было полтора аршина, но громкий скрипучий голос сотрясал цитадель наподобие урагана.

— Тише, Ирифи, ты мешаешь мне читать! — в очередной раз осадил вихря северный владыка.

Тот лишь вцепился в грязные космы скрюченными пальцами одной руки, второй оттягивая тонкую косицу засаленной шейной шнуровки, бывшей некогда украшением.

— В проклятых книгах все тлен, повелитель! И ты тоже обратишься в прах, если позволишь ему укрепиться в собственном сердце!

— В чтении нотаций ты и Эйалэ переплюнешь. — Хёльмвинд поморщился и протянул руку за очередным пыльным талмудом.

В стороне от кресла уже выросла целая стена из них.

— Прах, смерть... — не унимался маленький плакальщик.

Суча тощими ногами в воздухе, он чихал и кашлял, и каждое мгновение раздражался душераздирающими воплями.

— Ну хватит! — не выдержал ветер. Повелевать полубезумным вихрем было совершенно невозможно. — Ступай-ка вниз и принеси мне дров.

Скорбный взгляд Ирифи прояснился, он замямлил с придыханием:

— Дрова... Знаю, где спрятаны знатные поленья, — у каждого своя история... о кораблях и тронных залах... о сосновых лесах на краю мира... Даже о драконах, да! О змеях, закованных в чешуйчатые панцири, и их страшной посмертной жизни на дне Огненной реки... Они до сих пор лежат там — безмолвные, нетронутые тлением...

Наконец звуки его голоса утихли в провалах лестниц, и Хёльмвинд вздохнул с облегчением. С тех пор как он прибыл в очередную сторожевую башню, местный хранитель — Пыльный вихрь Ирифи — изводил его

полоумными наставлениями.

Вразумлять старика было бесполезно. Кажется, он свихнулся сотни лет назад, когда Хельмвинд еще мальчишкой носился над заснеженными далями. С тех пор верховные не особо интересовались судьбой своего подопечного. И тот жил себе в заваленных хламом, забытых соплеменниками залах сторожевой цитадели, день ото дня глубже погружаясь в пучину сумасшествия.

Лишь недавно Северный ветер понял: Ирифи не просто так околачивается здесь, а неустанно сторожит... древние знания. Поначалу догадка показалась вздором. Кто станет покушаться на груды заплесневевшей бумаги? Уж точно не легкокрылые бризы и бураны, которых чтение интересовало меньше всего. Может, призрачные враги? Но вряд ли в мире найдется хоть одно разумное существо, которое развяжет войну с ветрами.

Пыльный вихрь прояснить вопрос отказывался, лишь пыхтел и пыжился, силясь не подпустить северного владыку к книжным полкам. Разумеется, остановить Хельмвинда ему не удалось, ведь всякий ветер обязан подчиниться воле верховного. Зато Ирифи не прекращал стенать и выть, пока его господин листал пожелтевшие страницы. Хорошему настроению это отнюдь не способствовало.

— Добрые дрова... прочные драккары... — заохал вихрь, громяхая поленьями.

Северный ветер измученно сжал голову.

— ...Люльки и боевые колесницы, столбики кровати, ножки от трона Розы Ветров...

— Что ты сказал? — Хельмвинд резко подался вперед. — Повтори!

— Кареты, штандарты... — рассеянно моргая, затянул старик.

— Нет, про Розу Ветров.

Вихрь сгрузил гнилые деревяшки в черный от золы очаг.

— Кабы знала ты, Роза Ветров, о безумном коварстве,

Нам не лить над тобою бы горьких безудержных слез.

А теперь лишь тоска правит бал в светлом Ветряном царстве —

И тепло твоих губ сон смертельный до срока унес...

— Да! — подхватил одобрительно Северный ветер. — Поведай мне о Ветряном царстве. Где его искать?

И показательно отодвинул от себя кипу свернутых в трубочку

манускриптов. Старикашка от радости кувыркнулся в воздухе. Пожалуй, от него мог быть толк.

Целый год Хёльмвинд потратил на поиски. И хотя вопросов с каждым днем становилось все больше, загадки на его пути разрешались. Сначала верховный наткнулся на барельефы в Общем доме, по которым прочел легенду о Розе Ветров. Затем, изучив книги и древние свитки, обнаружил: когда-то история о ветряной повелительнице не считалась сказкой.

Но вот беда: достоверно выяснить, какой именно у нее конец, было крайне сложно. По одной версии, владычица ветров умерла, по другой — уснула. Найти бы башню, в которой она жила, согласно легенде.

И Хёльмвинд принялся с утроенным рвением рыться в уцелевших библиотеках верховных. К сожалению, о цитадели Розы в них не говорилось почти ничего.

«Крепость, — писали кое-где, — твердыня в сердце светлого Ветряного царства...»

В детстве он полагал, что под этим названием подразумеваются его собственные с братьями и сестрой владения. Но перелопатив десятки замысловатых текстов, понял: царство существует само по себе, да только дорога к нему позабыта. Но, может статься, не всеми?

— Если отвечу, обещаешь оставить пустые поиски? — на удивление ясно спросил Ирифи.

— Да, — соврал Хёльмвинд без промедления.

Помощник его захлопал в ладоши, задрожал и метнулся в соседнюю комнату, доверху забитую сломанной древней мебелью.

— Вот! — Ликуя, он выволок оттуда мутное зеркало, испещренное трещинами.

— Что это? — Теряя терпение, северный владыка поднялся из кресла.

— *В колдовских зеркалах не сокрыты под заклятиями правды...*

— Я знаю эту песню. К чему ты ведешь?

— *В колдовских зеркалах...* — возбужденно повторил Ирифи, взмывая под самую крышу.

— Хочешь сказать, родина моих предков находится за пыльным разбитым стеклом?

— Ты, верно, умом тронулся, господин. — Вихрь округлил глаза, чем окончательно вывел своего повелителя из душевного равновесия. — Лишь в зеркалах Тьер-на-Вьёр есть обратная сторона.

Вместо того чтобы рывкнуть на прислужника, потерявшего всякое почтение, Северный ветер запустил пальцы в белоснежные волосы и задумчиво умолк.

— Конечно! — спустя мгновение осенило его. — Колдовские зеркала — это зеркала Тьер-на-Вьёр. Как же я раньше не догадался!

Воспарив над полом, он стащил с полки очередной фолиант и уронил на стол.

— Ай-яй-яй! — завопил Ирифи. — Ты дал слово прекратить чтение.

— Нет, — между делом бросил ветер, — я обещал лишь оставить пустые поиски. А теперь, кажется, знаю, что ищу.

— Горе! — пуще прежнего зарыдал низкорослый вихрь. — Погибель, забвение!

— Прочь! — Хёльмвинд повелительно дунул ледяным порывом, выметая сторожа башни из комнаты. — Я должен разыскать Розу Ветров.

* * *

— Я хочу говорить с терновой ведьмой, — повторил Северный ветер, и Изольда осеклась, гадая, удивляться ей или обижаться на такое неласковое приветствие.

— И думать забудь! — ответил Таальвен Валишер за девушку. — Ее нет дома.

Он шел за принцессой по пятам, и теперь, когда взору открылась затянута льдом поляна, шерсть на загривке помимо воли встала дыбом.

— А вот и твой муж. — Хёльмвинд неискренне усмехнулся. — Чуток как дикий зверь и так же радушен...

— Тааль... — Изольда обескураженно обернулась, но волк не дал ей и слова вставить.

— Что ему нужно?

— Свидание с тьер-на-вьёр. — Верховный сложил руки на груди. — Ты, разумеется, не против?

Волчья спина изогнулась хищной дугой, выражая истину красноречивее слов, но ветряной прищелец даже не моргнул.

«Как бы Лютинг не перешел к более решительным действиям», — заволновалась Изольда и поспешила сгладить напряжение.

— Волк пытается сказать: терновая колдунья не явится, как ни зови.

— Забавно, а мне послышалось другое. — Взгляд ветра скользнул по оскаленной волчьей морде. — Но раз так, придется вести беседу с тобой, принцесса.

— Еще чего! — процедил Таальвен, и девушку обожгло исходящей от него яростью.

Правда, это ее ничуть не испугало, лишь вызвало приступ внезапного недовольства. До чего бестолковые существа мужчины: один своим презрением портит радость от встречи, другой ведет себя, будто старый ревнивец!

— Лютинг Мак Тир, — Изольда приосанилась, и растерянная девчушка в ее облике исчезла, — к чему грубости? Хельмвинд — наш друг. Не раз он помогал мне и заслужил по меньшей мере возможность быть выслушанным.

— Хех! — фыркнул приморский королевич, неохотно меняя воинственную позу. — Раз так, пусть выкладывает побыстрее и убирается.

Принцесса обреченно закатила глаза, но спорить не стала.

Даже не ведая обо всем, что произошло между ней и Северным ветром, муж ее испытывал к нему стойкую неприязнь, словно чуял в верховном соперника. А ведь ей так хотелось, чтобы волк и ветер враждовали хоть чуточку меньше.

— Итак, Хельм, — вежливо кивнула она, — я тебя слушаю.

— Ты знаешь сказку о Розе Ветров?

Изольда не поверила своим ушам. Целый год от северного владыки не поступало вестей, а теперь он является, чтобы обсудить историю из собственного детства, как будто они расстались вчера.

— Кажется, Зефир рассказывал...

— Хорошо. Повтори ее.

От приказного тона у Таальвена свело зубы. По какому праву белобрысый вертопрах ведет себя, словно он здесь король? И почему принцесса не осадит наглеца?

— Давным-давно в Ветряном царстве жила прекрасная Роза Ветров... — начала пересказ Изольда.

— Покороче. — Северный владыка нетерпеливо дернул плечом.

Принцесса нахмурилась, но просьбу выполнила, урезав сказку до нескольких предложений.

— Она была доброй и справедливой и однажды из чувства жалости впустила в свой дом колдунью. Ослепленная завистью, та напала на благодетельницу, и несчастная Роза погибла от ее рук...

— Или уснула, лишившись сил в борьбе с коварной ведьмой, — по другой версии, — закончил ветер удовлетворенно.

«Может, он не в себе? — пронеслось в голове у Изольды. — Угодил в ловушку хитроумных чар или просто пьян...»

— А догадываешься ли ты, что за колдунья явилась в Ветряное царство под личиной бедной странницы?

— Понятия не имею...

Принцесса поежилась от холода. Знала бы, что Северный ветер зайвится ко дню ее рождения, чтобы декламировать древние легенды посреди леса, прихватила бы из дому подаренный Зефиром плащ.

— Я подскажу: это твоя старая знакомая, — не унимался Хельмвинд.

И Изольда наконец смекнула.

— Терновая ведьма? Хочешь сказать, она убила владычицу ветров?

— Верно...

— Нам пора к столу, — напомнил Таальвен Валишер с нажимом, поторапливая непрошеного гостя.

«И то правда, — про себя согласилась Изольда. — Лива с Зефиром заждались. Нужно непременно уговорить Хельма остаться на ужин и незаметно выяснить, отчего он так странно себя ведет».

— Таальвен имеет в виду, мы будем рады, если ты присоединишься к нам и вместе с нами отпразднуешь день моего рождения... а после договорим.

— Что-о-о? — взвился волк.

— К каким еще гостям? — подхватил в унисон верховный.

— К Зефиру, конечно, и его чудесной невесте, — строго воззрилась на обоих мужчин Изольда, — они там небось уснули от скуки.

Северный ветер надменно вздернул подбородок.

— Ни за что не сяду за один стол с лгуньей-кудесницей!

— Значит, придется ждать утра здесь, если хочешь продолжить. — Принцесса развернулась и твердой походкой направилась к дому.

В глубине души она не была уверена, что северный владыка уступит, но других уловок, чтобы завлечь его в жилище, не нашлось.

— Стой! Мое дело важнее, — попытался образумить Изольду ветер.

Волк все еще тарацился на него, борясь с непреодолимым желанием вцепиться незваному гостю в горло или хотя бы в ногу.

— Обещаю обсудить его сразу после застолья, — пропела тень, потерявшая очертания во мгле.

— Эйалэ тебя побери!

За год девчонка набралась дерзости — то ли приумножила силы, то ли просто подросла.

Хельмвинд замялся, пытаясь убедить себя, что без выполнения ее условий не обойтись. Ведь ему в любом случае требуется помощь тьер-навьер. И он вовсе не тешится предвкушением нескольких часов, которые проведет в компании ведьмы.

— Эй, погоди! — Тряхнув бело-голубым саваном, верховный таки

последовал к дому на опушке.

— Чтоб тебя! — чертыхнулся раздосадованный Лютинг. Чутье подсказывало: от гостя теперь так просто не избавиться.

* * *

Когда Изольда лучезарно, хоть и немного натянуто улыбаясь, вплыла в комнату, Лива готова была выдвигаться на ее поиски.

— Ты где бродила?! — воскликнула заклинательница.

— Встречала давнего друга.

— Кого? — Западный ветер выглянул в окно и уронил от удивления кружку. — Ну дела!

— Кто бы там ни был, предлагаю не бить посуду, — заворчала кудесница, сметая на совок глиняные осколки.

Но через мгновение она и сама разжала пальцы, расколов черепки повторно в мелкую пыль. Входная дверь скрипнула, пламя в очаге пугливо нырнуло под обгоревшие поленья. В дом, сыпля снежинками, влетел Северный ветер.

— Хёльмвинд! — с искренним восторгом завопил западный владыка. — Где же ты пропадал?

Он стиснул брата в объятиях и бесцеремонно хлопнул по спине, не дав опомниться.

— Далеко, — сдержанно отвечивал гость, пятясь в сторону.

— А я уже умаял посыльных поручениями слетать в Железный дом. Сто лет от тебя вестей не было. Здорово, что додумался вернуться ко дню рождения Изольды!

Омрачать ликование жениха Лива не стала, но скептически поджала губы.

«Чтобы этот спесивец старался поспеть сюда к празднику, о котором даже не слышал, — держи карман шире!»

Северный ветер тут же оправдал нелестные догадки заклинательницы, полюбопытствовав со скучающим видом:

— Что за торжество?

— День, когда я родилась, — как ни в чем не бывало пояснила принцесса.

Она чинно уселась за стол и расправила на коленях ткань праздничного наряда.

— Это ведь случилось много лет назад...

— А отмечают знаменательную дату люди каждый год, — со знанием дела растолковал младший верховный.

— Нелепость...

Насупившись, именинница потянулась за ножом и хладнокровно вспорола тыквенную запеканку.

— Хотите кусочек?

Несмотря на угрожающий жест, голос звучал дружелюбно.

— Нет, — вежливо отказался Зефир за себя и брата одновременно. — Мы обойдемся напитками.

Выбрав укромный угол, в котором поместился бы единственный гость, Хельмвинд порывом подманил к себе стул и величественно опустился на сиденье. Западному ветру пришлось довольствоваться местом по другую сторону стола.

— У тебя есть подарок для Изольды? — осведомился он.

Северный владыка вопросительно изогнул бровь.

— Не годится нарушать человеческие традиции, брат!

— И что обычно люди преподносят друг другу? — Тонкие белые пальцы сплелись в замок, болотный перстень тускло блеснул в свете свечей.

— Замки, лошадей, сундуки, доверху набитые сокровищами... — Принцесса отмахнулась благодушно. — Но это вовсе не обязательно.

— Отчего же, — Хельмвинд закинул ногу на ногу, — могу создать для тебя коня, быстрого, как ураган.

По спине Изольды пробежал колючий холодок.

— Спасибо, не нужно...

Она и забыла, каким несносным бывает верховный.

Потянуло свежей ночной прохладой. На пороге появился Таальвен Валишер. Его угрюмое настроение не укрылось от Ливы. Она как раз ссыпала остатки загубленной посуды в печь, когда угольная волчья тень легла на каменный пол.

Ощутила негодование мужа и именинница. И мысленно пообещала раскрыть ему правду о том, почему чувствует ответственность за судьбу ветра. Наверняка Лютинг поймет, и сердце его смягчится.

— Если все в сборе, предлагаю поднять кубки. — Она дождалась, пока волк усядется в противоположном от Хельмвинда углу, и плеснула гостям яблочного сидра.

— С праздником, Хельди! — провозгласила кудесница, видя, что пирующие не спешат выкрикивать тосты.

— С днем рождения! — подхватил Зефир.

Принцесса благодарно улыбнулась. Несмотря на все неожиданности, свалившиеся на ее плечи, семнадцатый год жизни наступил, и надлежало приветить его как следует. На ее родине это значило: не оставлять ни капли на доньшках праздничных чаш.

— До дна, — предупредила именинница.

Вмиг кувшин опустел. Заклинательница живо откупорила второй и посоветовала сквозь завесу неловкой тишины:

— Попробуйте малиновое вино. Урожай прошлого года.

— Очень вкусное! — Принцесса пригубила и зажмурилась от удовольствия.

— Оно знатно путает мысли, — заговорщицки понизил голос Западный ветер. — Помню, как после тройки кубков я не смог оторвать ступни от земли.

Хельмвинд фыркнул, брезгливо отставляя свою чашу с остатками напитка. На Ливу он не глядел, предпочитая делать вид, что кудесницы не существует. Быть может, если бы ветер догадывался о дурном предзнаменовании своего жеста, то не стал бы воротить нос от кубка. Но посвящать его в тонкости северинских традиций Изольда не решилась.

Так и ужинали — посадив непрощенные мысли и слова под замок молчания. Пока Зефир не попытался снова выведать у брата подробности его путешествий.

— Откуда, говоришь, ты явился? — невзначай обронил он.

— Из сторожевой башни в Море штормов.

— Она еще стоит? Я думал, ветхие стены давно поглотила пучина.

— Нет, — качнул головой ветер, — но уцелело немного.

Младший верховный вынул из складок накидки тоненькую дудочку и приладил у себя над плечом. Миг, и из нее полилась нежная музыка.

— Что ты там искал?

Изольда притихла, перестав изображать, что ее интересуют только вино и запеченная тыква. Лютинг продолжал буравить Хельмвинда тяжелым взглядом.

— Хм...

Вообще-то ветер не собирался открывать правду брату и тем более его изворотливой подружке. Он и принцессе предпочел бы объяснить все отчасти. Но что-то подсказывало: укрыть от нее даже незначительную деталь истории будет сложно.

— Ладно. — Нехотя нырнув рукой в карман и выудив оттуда кожаную тубу, верховный бережно вытряхнул на стол затертый до дыр свиток.

— Что это? — Западный ветер с интересом завис над ним.

Изольда тоже украдкой вытянула шею.

— Карта!

Параллели и меридианы сильно выцвели, надписи угадывались с трудом, но тонкие ниточки рек, треугольники гор проглядывали отчетливо.

— Я видела похожие, когда рылась в библиотеке Стефана.

— Действительно, карта, — изучив ветхую бумагу, согласился Зефир. — Но что в ней особенного?

Со своего места принцесса подметила очертания легендарных чудовищ, нарисованных поверх океанов, а еще в глаза бросились замысловатые буквы. Точно такие были в письме Эйалэ, которое Либ доставил однажды в спальню своего владыки. Ветряной язык — помнится, Изольда так и не смогла его прочесть. Значит, карта принадлежит ветрам.

Северный верховный склонился над пергаментом, осторожно разгладил изорванные углы. Пряди его длинных волос скользнули по столешнице.

— Если приглядеться, здесь надпись.

— Ветряное царство? — Зефир ткнул пальцем в выцветшую вязь, больше похожую на узор.

— Именно.

— Но, Хельмвинд, это же просто сказка для маленьких ветров!

— А вон те буквы видишь? — Не касаясь хрупкой бумажной поверхности, Северный ветер прошелся ладонью над символами на длинной ленте, как знамя венчающей карту.

Зефир прищурился. Древние руны потускнели и напоминали завитушки, а не ветряной алфавит. Поди разбери.

— Тьер-навь-ёр... — по слогам произнес он.

— Тьер-на-Вьёр? — Изольда возбужденно вскочила с места, подошла ближе. Но надписи на свитке так и остались для нее диковинными загагулинами.

— Ты ведь не думаешь, что перед нами карта легендарной страны, которой, вообще-то, не существует? — развеселился Западный ветер.

Брат его иронии не разделил. Свернув старинную вещицу, он осторожно затолкал ее в потертый тубус.

— Хельм, прошу, не пугай меня, — перестал улыбаться Зефир. Тревога по капле просачивалась в мягкую серость его удивленно распахнутых глаз. — Скажи, что притащил эту бумажку смеха ради.

Верховный неутешительно завинтил крышку на чехле. Настроен он был более чем серьезно. Но страх принцессы за рассудок ветра отчего-то унялся. Ощущая покалывание в кончиках пальцев, она зачарованно

подступила к нему, уставилась снизу вверх.

— А не связана ли твоя находка со сказкой о Розе Ветров?

— Не только с ней, и с тобой тоже. — Хёльмвинд таинственно понизил голос. — Если, конечно, верить, что по венам твоим течет магия, принадлежавшая *той самой* колдунье.

* * *

— ...История о Розе Ветров лишь кажется сказкой. За тысячи лет она обросла волшебными деталями, изменилась, но по-прежнему говорит нам о том, о чем мы должны были помнить: когда-то ветра покинули царство своих предков...

Чистый, как горный воздух, голос Хёльмвинда звенел и струился, наполняя уютное лесное жилище неуловимой тревогой, тоской по былым временам.

— Ветряное царство — не миф или иносказание, оно существует... существовало, пока терновая ведьма не лишила Розу Ветров сил...

— Ну, будет, Хёльм. — Западный ветер с укором помахал пустым кубком. — Изольда ничего такого не делала.

Он специально не упоминал при принцессе, что за колдунья по преданию явилась к ветряной владычице, когда рассказывал ей древнюю сказку, чтобы не расстраивать девушку. Но, похоже, его прямолинейному брату были безразличны чувства других.

— Я говорю не об Изольде, а о тьер-на-вьёр. — Северный владыка шелестнул рукавом, отчего изрядно оплывшие свечи робко затрепетали.

Зефир почесал затылок.

— Сдается, я совсем запутался...

— Изольда лишь делит тело и разум с терновой ведьмой.

— Ты уверен? — Западный ветер выразительно оглядел шипы на щеках именинницы.

— Да, — подал внезапно голос Таальвен Валишер. — Принцесса — существо из плоти и крови, невзирая на ее цвет. И оттого, что ей подвластны терновые чары, она не становится мифической колдуньей из прошлого.

Заявление его прозвучало как непреложная истина и сказано было скорее, чтобы убедить саму девушку: никто не займет ее место в собственном теле. Но младший верховный внял ему и размышлял какое-то время.

— Значит, ты утверждаешь, что могущественная чародейка древности погубила Розу Ветров, а затем поселилась в ее голове?

Хёльмвинд бросил в сторону Изольды короткий взгляд.

— Очень на то похоже.

— Но зачем? — Смешливое лицо пепельноволосого юноши сделалось непривычно серьезным.

— Однажды тьер-на-вьёр сказала, что возрождалась в моих родственницах по материнской линии снова и снова, — задумчиво изрекла принцесса. — Видимо, по какой-то причине дух ее был лишен тела.

— И что нам до этого? — щелкнул зубами Лютинг. Беспокойная, преисполненная трепета и туманных намеков обстановка в доме ему не нравилась. — Пусть терновая ведьма из твоей сказки жила когда-то, какой теперь прок ворошить былое?

— Существование ее доказывает правдивость старинной легенды. И заодно реальность Ветряного царства, находившегося где-то в пределах Тьер-на-Вьёр. — Готовый к натиску насмешек и возражений Северный ветер скрестил руки на груди.

Услышав такое, Зефир пригорюнился, а куда менее деликатный волк без обиняков заявил:

— Чушь!

Но принцессе обманчивые утверждения околесицей не казались. И без помощи чар она чувствовала: мысли Хёльмвинда ясны.

Кривя губы в упрямой усмешке, он прошелся по комнате, окутывая каждого из присутствующих снежными завихрениями, а затем заговорил, обращаясь лишь к терновой колдунье:

— Целый год я изучал барельефы в башнях и замках, ворошил древние талмуды, перебирал свитки. И в конце концов осознал: вотчина ветров — не выдумка. Загвоздка в том, как понять, где она находится. Но тут на выручку пришел старый добрый Ирифи.

— Пыльный вихрь? — уточнил младший верховный рассеянно. — Разве он не выжил из ума?

— Отчасти. Но под гнетом старческого помешательства еще теплится истина. — Хёльмвинд уперся в стол ладонями. — Ирифи поведал, где искать Ветряное царство: в Тьер-на-Вьёр — загадочной стране, откуда родом сама терновая ведьма. Несложно догадаться, зачем она показала мне Розу Ветров, почему заставила снова и снова лицезреть сны, в которых та лежит в забытии в зачарованной башне. Думаю, колдунья хочет вернуться домой, да вот беда: не знает туда дороги.

— Погоди. — Западный ветер обхватил ладонями лохматую голову. —

С каких пор тебя преследуют эти видения?

— С той самой минуты, как тьер-на-вьёр вернула меня к жизни после трясины Давена Сверра.

— И ты не засомневался ни разу в их правдивости? Вдруг ведьма решила на досуге поводить тебя за нос? — Зефир пристыженно потупился, вспомнив про сидящую рядом Изольду.

— Какой в этом смысл? — возразил Хёльмвинд.

— Наказать за сумасбродство, довести до умопомрачения. Погляди на себя — гоняешься за призраками, как одержимый!

Северный верховный вздохнул, тон его смягчился.

— Не думаю, что ты прав, Зефир, к тому же твое доверие мне нынче не нужно. Достаточно, если речам моим внемлет она. — Вопросительный взор упал на молчаливую принцессу, колючки на лбу которой блестели черной короной.

— По воле твоей знакомой меня преследуют образы, Изольда. Ведомый их отголосками, я отправился искать правду и нашел ее, а теперь хочу узнать, как попасть в страну Тьер-на-Вьёр, чтобы дойти до Ветряного царства и разбудить Розу Ветров...

— Хватит, брат. — Западный владыка сочувственно потянулся к плечу Хёльмвинда, чтобы усадить того, но властный окрик заставил отдернуть ладонь.

— Нет!

Ставни задрезжали, площадки на столе трусливо подпрыгнули. Впрочем, страшиться не было причин: приказ отдала Изольда, хотя голос ее и звенел от терновых чар.

— Пусть говорит! — замороженно повелела она. — Ибо все это правда.

«Нужно немедленно растормошить ее, унять колдовскую дрожь!» — выла от бессилия звериная душа Лютинга.

Но заглушить зов терновой магии в своей жене он не мог. Если не сделать этого сейчас, рока не избежать. Пускай принцесса не догадывается, к чему приведут увещевания беловолосого ветра, сам волк давно знает: спокойной жизни конец...

— Значит, ты вызнал, как попасть на родину терновой ведьмы? — скрестив искрящийся синий взгляд с ледяным — Хёльмвинда, спросила Изольда.

— Через зеркала Тьер-на-Вьёр.

— Зеркала?

Северный верховный снял со стены гнездо из лозы и шишек и до

хруста смял тонкие ветви.

— О них следует спросить у Эйалэ.

— С какой стати ему ведать о *таком*? — последовал изумленный возглас Зефира.

— Потому что наш старший брат веками стережет заветное зеркало, дабы никто не прошел сквозь него. — Хрупкое украшение в руках Хельмвинда раскрошилось в пыль.

— Хм. — Западный ветер схватил пиликающую по его воле дудочку и заткнул отверстие пальцем. — Если Восточный ветер действительно хранитель какого-то секрета, вряд ли он выдаст его. Вспомни, как сложно добиться от него повиновения.

— Верно. Но кое-кому Эйалэ не откажет. — Северный ветер кивком указал на ошеломленную именинницу, и она нервно закусила губу.

— Он твой должник, принцесса, и выполнит любую просьбу.

— Не уверена... — Она принялась механически тереть почерневшие от колючек руки. — Но можно попробовать.

— Изольда! — Волк с трудом унял клокочущее в горле негодование. — Ты вовсе не обязана помогать. Зачем ввязываться в сомнительную передрагу, если наша жизнь лишь недавно вошла в тихое русло?

Изольда виновато опустила глаза.

— Понимаешь, Розу Ветров Хельмвинду показала я...

— Нет, это сделала терновая ведьма. И сейчас оба вы идете у нее на поводу.

— О, Таальвен, — принцесса присела рядом с волком, — обещаю, ничего дурного не произойдет. Я лишь помогу выведать, правда ли Эйалэ сторожит дорогу к зеркалу Тьер-на-Вьёр.

— А потом? — Он взглянул на нее, заранее зная ответ, в котором Изольда пока себе не призналась.

Последняя свечка на столе погасла, траурно мигнув.

— Ох, как поздно! — спохватилась принцесса. — Не время ли нам заканчивать с празднованием?

— Давно пора, — впервые за несколько часов отозвалась Лива.

На губах ее застыла вежливая полуулыбка, но глаза едва скрывали тревожные мысли.

— Захватишь корзину, Зефир?

— Погодите! — Ветер шаркнул сапогами и взвился к потолку. — Если завтра вы собираетесь в Вишневый дом, я с вами.

— Исключено, — отчеканил Хельмвинд.

— А кто мне запретит? — Юноша дурашливо крутанулся в воздухе и ловко выскользнул в окно. — Куда хочу, туда лечу!

— Я тоже отправлюсь, — громогласно заявил волк.

— Так, может, соберем маленькую армию, чтобы устроить Эйалэ? — предложил с издёвкой Северный ветер.

Тащить за собой целую ватагу он не собирался. Но Таальвен воззрился на упрянца так, что, если бы в доме было молоко, оно непременно бы скисло.

— Изольда — моя жена! Без меня она никуда не пойдет!

Принцесса поморщилась от гортанного рыка, в котором, словно щепки в речном водовороте, тонули всякие возражения.

Превратить бы серого в ледышку! На языке у Хёльмвинда вертелась сотня колких слов, но от правды не скрыться: Мак Тир действительно законный супруг девчонки.

— Мы уходим. — Лива спешно взялась за дверную ручку. — Хёльди, проводишь на крыльцо?

Так как жених кудесницы еще мгновение назад улетучился, из дома девушки вышли вдвоем. Было глубоко за полночь, непроглядная темень затопила лес до самой долины.

— Спасибо за все, — устало пробормотала именинница, — и прости, если Хёльмвинд был слишком груб.

— Ты не вернешься домой... — Проигнорировав вежливое прощание, закликательница горячо сжала тонкие пальчики своей подруги. Глаза ее подернулись дымкой. — Если завтра сойдешь с порога вместе с Северным ветром, судьба твоя навсегда изменится.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу, уж поверь. Недаром мои предки некогда подняли громадный пласт земли в небеса! Остатки древней силы еще подвластны мне, и я боюсь за тебя, милая.

Сбитая с толку принцесса обхватила себя за плечи, в поисках опоры прислонилась к деревянным перилам. По коже прошелся озноб. Но трепетала Изольда вовсе не от страха. Напротив — предупреждение Ливы открыло ей глаза.

Горизонт за лесом на мгновение полыхнул белым пламенем. Это яркая, как алмаз, звезда откололась от небосвода и огненной искрой чиркнула по полотну ночи.

«Судьба... — мысленно повторила принцесса. — Вдруг на новом опасном пути я опять обрету пыл, которого так недостает теперешней затворнической жизни? Возможно, Лютинг перестанет наконец

преследовать меня в снах, а власть терновой ведьмы удастся сбросить?»

Нет, она не может остаться. Как бы ни уговаривала Лива, как бы страстно ни желал того волк. Нельзя противиться голосу, что манит вслед за ветром, за отголосками сказок, которые принес он на своих ледяных крыльях.

И, поборов оцепенение, Изольда крепко обняла дорогую подругу, а затем прошептала тихонько:

— О, Лив, если чары до сих пор живут в твоём сердце, тебе ли не знать, как сладок, безжалостен их зов. И когда он вскипает в крови, что нам остается делать?

— Прощаться... — после долгого молчания прошептала беззвучно кудесница. Лисьи ее глаза были полны соленой воды.

— Прошу, не тоскуй по нам... Однажды мы обязательно... Прощай...

ГЛАВА 3

В КОЛДОВСКИХ ЗЕРКАЛАХ

— Чаю, господин? — эхом прозвенело в голове у Эйалэ.

Кажется, этот бесстрастный голос звал его уже несколько минут, но лишь сейчас звукам удалось пробиться сквозь толщу сна наяву. Страхивая гипнотическую полудрему, Восточный ветер рассеянно проговорил:

— Да, спасибо.

Облаченная в длинную пеструю хламиду ветресса осторожно подобрала рукава и поставила на чайный столик новую пустую чашку. Затем занесла над ней дымящийся чайничек и до краев наполнила ароматной янтарной жидкостью. При этом выражение ее лица ничуть не изменилось, словно белая маска скрывала его.

— Что-нибудь еще? — Губы девушки двигались, но глаза смотрели в пустоту — сквозь стены и самого владыку.

— Нет. — Он взмахнул рукой, позволяя прислужнице унести предыдущую порцию безнадежно остывшего напитка. Через пару секунд от ее присутствия остался лишь шелковый шелест многослойных одежд.

Тогда ветер рассеянно встал, прошелся к дальнему краю балкона и замер у обрыва, которым заканчивался верхний этаж его чудного чертога. Сердце стучало тревожно.

С тех пор как Пыльный вихрь явился в Вишневы дом, покинув свой пост в сторожевой башне, Эйалэ ждал гостей. Он знал наверняка: Хельмвинд явится, и долг его, как брата и старшего среди верховных, — остановить безумца. Никто не должен разведать, что представляют собой *проклятые зеркала*. Пусть истории о Розе Ветров и стране Тьер-на-Вьёр навсегда останутся сказками!

Восточный ветер заложил руки за спину и двинулся в противоположный угол комнаты. Сандалии его гулко шлепали о деревянный пол.

Разве не затем древние праветры наделили его даром, чтобы он берег покой собратьев? От сумасбродства и знаний, способных искалечить не одну жизнь, открыть запретную дорогу в мир, что самим своим существованием угрожает этому.

Верховный занес сжатую в кулак ладонь над маленьким искусственным водоемом и уронил в воду гладко обточенный камешек.

Золотые рыбки испуганно кинулись врассыпную. Вот что случается, когда чужеродная сила нарушает естественный ход событий!

Эйалэ нахмурился, глубже погружаясь в невеселые раздумья. Разумеется, идея искать Ветряное царство явилась в голову Хельма не сама по себе. Его надоумила терновая ведьма! Признаться, восточный верховный недооценил ее. И теперь придется платить за досадную ошибку. Но, быть может, не все потеряно и сил его хватит на то, чтобы остановить одержимого опасными идеями брата?

В конце концов, Изольда — юная девушка. Не так сложно запугать ее зловещими предостережениями, описать для острастки кошмары, которые могут приключиться с ее друзьями в гиблом, богами забытом месте, куда она собралась.

Эйалэ взъерошил волосы на висках, и гладкая его прическа чуть растрепалась. Все-таки он знал: рано или поздно подобное случится — один из ветров явится к порогу Вишневого дома и потребует права всколыхнуть *зеркальную гладь*. Не предвидел верховный лишь того, что это будет Хельмвинд. Жаль, нельзя нарушать правила, иначе восточный владыка давно бы послал кого-то из младших на обратную сторону зеркала, запечатав тем самым опасный проход навсегда...

— Так это правда?! — Капризный возглас ворвался в покои, звоном отразился от тонких стенок чайного фарфора. Ты обязан сознаться!

В комнату влетела взъерошенная Фаруна и, поджав пухлые губы, замерла напротив брата.

— И тебе доброго дня...

«Как же некстати ее принесло — теперь шума не оберешься. — Восточный ветер спрятал ладони в широкие рукава. — Стоит усыпить разум сестры на час-другой...»

Растолковав задумчивый взгляд по-своему, Фаруна уперла руки в бока и добавила воинственно:

— Не отпирайся, Эйалэ. Верно ли, что Хельмвинд вновь тащит терновую ведьму в твой чертог?

— Понятия не имею. Я не слежу за ним.

— Нечестно! — Она притопнула ногой по воздуху. — Все вы скрываете от меня правду.

— Присядь, Фару. Если твои догадки справедливы и северный владыка действительно направляется сюда, мы скоро об этом узнаем. Что же до беспочвенных обид, — хозяин дома взял со стола хрустальный колокольчик и позвонил в него, — предлагаю обсудить их за чаем.

Говорил он, как обычно, спокойно, размеренно, но противиться

вежливым приказам было невозможно. Да и незачем — страсти, желания блекли в присутствии Эйалэ, теряли смысл. Хотелось застыть неподвижно и глядеть до скончания веков, как горный туман за стеной переползает с вершины на вершину...

Южная ветресса поспешно отвела глаза и, чтобы сбросить подкрадывающееся оцепенение, принялась отряхивать запыленные шаровары. Покончив с одеждой, она поправила золотые браслеты на запястьях и щиколотках и нехотя опустилась на мягкое сиденье напротив брата.

— Итак, тебя что-то тяготит? — Он вернул колокольчик на место, в то же мгновение безвольная фигура привратницы возникла в полумраке комнаты. Карминовые губы пятном атели на выбеленном лице.

Фаруна поежилась, взглянув на нее. Почему помощницы старшего верховного вечно напоминают призраков?

— Вижу, ты волнуешься за Хельмвинда... — Восточный ветер принял очередную чашку из рук служанки, и она поплыла в сторону гостьи.

— Разумеется! И тебе следует задуматься о его благополучии. Я знаю, брат искал кое-что в старых ветряных чертогах...

Облик Эйалэ остался, как прежде, безмятежным.

— Пускай... Отчего дела его так заботят тебя?

— Потому, — верховная понизила голос, — что мне известно: Хельм был в сторожевой башне в Море штормов.

— До сих пор не вижу причин для тревоги. — Восточный ветер аккуратно заправил тонкую косицу за ухо, и прическа его вновь стала идеальной.

— Хватит притворяться! — не выдержала ветресса. Горячий вихрь приподнял ее блюдо высоко над столом. — Пусть мне неведома и половина секретов верховных, но уж про Хельма я могу сказать точно: тьер-на-вьёр вскружила ему голову.

Несколько кусочков сахара резко взлетели к потолку и плюхнулись в чашку, расплескав кругом янтарную жидкость.

— И если сейчас мы никак неотреагируем на его выходки, быть беде...

В обычной ситуации Эйалэ повел бы с сестрой долгие пространные беседы, от которых она сама бы поспешила сбежать как можно скорее. Но сейчас времени не осталось. Требовалось избавиться от Фару, иначе оказия с северным владыкой грозила обернуться катастрофой.

Так что верховный поймал в плен гипнотического взора горящие негодованием очи южной гостьи и произнес вязким, как паутина, голосом:

— Уверяю тебя, сестра, Северный ветер не сообщает никому о своих замыслах... Более того, он редко гостит у меня...

Но договорить Эйалэ было не суждено. Заламывая руки, кувыряясь в воздухе, в покой влетел перепуганный Ирифи.

— Беда! — завопил он что есть мочи. — Хёльмвинд прибыл в Вишневый дом, а следом ведьма, погубившая Розу Ветров!

* * *

Аромат летнего ночного леса окутывал Изольду, словно она опять оказалась в гуще тревожных туманных снов. Пальцы тонули в густой волчьей шерсти, пропахшей горькими травами и волшебством, и стоило обнять Лютинга за шею покрепче, как принцесса начинала слышать упрямое биение его сердца.

Точно так же оно стучало под ее дрожащими пальцами год назад, когда Таальвен истекал кровью. Каким бледным тогда сделалось его лицо! Но ядовитая зелень глаз лишь расцвела сочнее, будто впитала в себя страх, злость, смятение захваченной врасплох колдуньи.

— Ох! — выдохнула Изольда, приподняв взлохмаченную голову. Миг, и она снова зарылась в теплый мех своего спутника.

Рассматривать горизонт, когда скачешь верхом на ледяном облаке, — не лучшая идея. Робко поглядывать по сторонам, устроившись на Блифарте, — еще куда ни шло. Но в этом случае пришлось бы ехать бок о бок с Хёльмвиндом, чего с рассвета вставший не с той ноги Таальвен точно бы не стерпел. А лезть на закорки к Зефиру и тем самым портить его путешествие, принцесса не пожелала. Потому и болталась теперь в небе, истово моля богов, чтобы Северный ветер ненароком не уронил их с волком.

— Замерзла? — прорычал Таальвен, щурясь от ветра и солнечного света.

Тряска и гадкое чувство пустоты под лапами были ему не по нутру.

— Нет. — Изольда в десятый раз натянула на голову капюшон, который тут же слетел. Пальцы ее дрожали. — Но очутиться на земле не отказалась бы.

— Уже совсем скоро, — раздался в стороне бодрый возглас. Это Западный ветер решил проверить, все ли в порядке у его друзей. — Приглядитесь: верхний этаж Вишневого дома виднеется среди туч.

Принцесса добросовестно попыталась различить в мутной белизне

знакомый шпиль, но из глаз мигом потекли слезы.

— Поверю тебе на слово!

— Эх, повезло вам с погодой, — присвистнул довольный юноша. — Обычно над этим кряжем грозы да туманы.

— Он издевается? — прошипел волк сквозь зубы, и спутница его беззвучно прыснула со смеху.

Всю дорогу Зефир развлекал их, парил неподалеку, хотя мог легко вырваться вперед. Впрочем, кому-то же нужно было следить, чтобы небесные путешественники не замерзли насмерть. Хёльмвинда, похоже, этот вопрос не слишком заботил. С утра он лишь соизволил явиться к порогу Изольдиного дома и осведомиться сухо:

— Полетишь с Мак Тиром?

Ответ был очевиден, потому верховный живо наколдовал вихристое облако для обоих и скрылся в вышине.

— А оно точно не рассеется по пути? — потыкав лапой в мягкую хмарь, уточнил Лютинг.

Но жена его уверенно ступила в ветроворот, и выбора у волка не осталось.

— Бом-м-м! — гулко пробил круглый гонг на одном из этажей, приветствуя гостей и предупреждая о чем-то хозяина восточного чертога.

«Странно, — мысленно удивилась принцесса, — в прошлый раз он молчал...»

Беспокойный перезвон ширился, разгоняя птиц и тяжелые облака. И вот под ногами у повисших над пропастью спутников возникла каменистая поверхность плато.

— Слава Розе Ветров! — вздохнула Изольда, радуясь, что несколько часов назад завтрак в виде куска вчерашнего пирога не полез ей в горло.

— Прибыли! — огласил Зефир, помогая девушке выбраться из воздушной воронки. Та исчезла, как только волк с облегчением спрыгнул на землю.

— Будьте осторожны, — предупредил Хёльмвинд, возникший из ниоткуда. — Эйалэ нас ждал.

В отличие от младшего брата, возбужденным он не выглядел. Только глаза сияли ярче обычного, но едва ли хоть кто-нибудь, кроме Изольды, умел толковать по этому блеску настроения верховного.

— Ты говоришь так, словно он нас под замок посадить собирается, — скорчил рожицу Западный ветер.

Хёльмвинд не ответил — лишь окинул голый утес хмурым взглядом и сжал бледные губы.

Встреча верховных получилась почти торжественной. Мало того что все они были в сборе, так еще и разношерстная свита в виде Пыльного вихря и четы Мак Тир добавляла событию важности. Безразличные ко всему привратницы Вишневого дома тоже поднялись в верхние покои и молча замерли под стенами.

Прежде чем Южная ветресса обрушила на Изольду праведный гнев, гостья успела подметить, что лица у помощниц Эйалэ совершенно одинаковые.

— Да как ты посмела опять осквернить присутствием нашу священную обитель, скрытую от людей?!

— А она что здесь делает? — искренне удивился Хёльмвинд.

И Фаруна от возмущения едва не опрокинулась со стула.

— Я имею полное право находиться в восточном чертоге! В отличие от этой вот...

— По сути, Изольда не нарушала ветряных правил, — деликатно подметил Зефир. — Она ведь не человек.

— Что еще хуже! — злобно зыркнула на него смуглая красавица.

Западного ветра она не жаловала, всю жизнь считая его простаком.

— Во второй раз Хёльм привел в Вишневый дом терновую ведьму! Я своими ушами слышала, как Ирифи заявил, будто она стала причиной гибели легендарной Розы Ветров.

Колкий прозрачный взгляд мгновенно отыскал сжавшегося в комок вихря, который прятался за широкой спинкой хозяйского кресла.

— Тщедушный старикашка... — процедил Северный ветер.

В ответ вихрь выглянул из своего укрытия и затаил скорбно:

— Я пекусь о твоей безопасности, господин.

— О ней я и сам прекрасно позабочусь!

— Заведя дружбу с терновой колдуньей? — с напускной небрежностью поинтересовалась Фаруна.

Предотвратить набирающую обороты перепалку между ветрами можно было единственным способом. И Эйалэ воспользовался им, воздев кверху руку.

— Достаточно! — Воздух завибрировал, словно по нему прошлась грозовая волна. — Давайте не будем забывать, что все вы у меня в гостях. Ведите себя, как подобает почтительным визитерам, иначе тьер-на-вьёр со своим спутником или привратницы мои решат, что верховным неведомо

взаимное уважение.

«Судя по остекленевшим взглядам, вряд ли они вообще способны здраво соображать», — с ноткой язвительности отметила принцесса и в поисках защиты опустила ладонь на холку Таальвена.

Отстраненный голос восточного владыки мгновенно подействовал на спорщиков: Фаруна пристыженно потупилась, Зефир заморгал. Северный ветер напряженно скрестил руки, пытаясь сопротивляться подчиняющей силе брата.

— Вот и славно. — Эйалэ поднялся на ноги, мягко прошелестел в сторону Изольды. — Рад снова приветствовать тебя, терновая ведьма. С удовольствием приму и твоего друга...

При этих словах его узкие карие глаза сощурились еще больше. Как бы ветер ни старался скрыть своего любопытства, Изольда видела: новая персона поглотила его внимание.

— Это мой муж — Лютинг Вестильд Таальвен Валишер Мак Тир, — заявила она во всеуслышание, бесстрашно подняв голову.

Южная ветресса потрясенно охнула, Хельмвинд скривился, как от зубной боли.

— Прекрасно, — заключил хозяин дома и, не нарушив расстояния в несколько последних вершков между собой и принцессой, вернулся к чайному столику.

Повинуясь незаметному жесту, восточные ветрессы отправились прочь. И вскоре интерес его вновь переметнулся к Хельмвинду.

— Предлагаю обсудить, что за мысли не дают покоя твоему сердцу, брат. Тем более Фару озабочена тем же вопросом.

— Мои хлопоты ее не касаются, — фыркнул беловолосый ветер. — Предпочитаю потолковать с тобой наедине.

— Зефир здесь, — предупреждая раздосадованное шипение сестры, напомнил восточный владыка. — Не вижу смысла в соблюдении тайн.

Хельмвинд сердито придвинул ближайший стул и уселся. В каждом его жесте сквозило недовольство.

— Хорошо, но пусть Фаруна ведет себя смирно.

— Она будет молчать, — пообещал Эйалэ, пряча жутковатую улыбку.

— Тогда расскажи мне о зеркалах Тьер-на-Вьёр...

Воцарилась тишина. Пыльный вихрь за креслом вздрогнул и заскулил, но Восточный ветер не изменился в лице.

— Зачем?

— Как верховный, я имею право знать обо всех тайнах, открытых ветрам.

Кажется, мнение Хёльмвинда разделяли и младшие брат с сестрой. Зефир выжидающе склонил голову, Фаруна забыла на мгновение о существовании ненавистной ей золотоволосой ведьмы и приготовилась слушать.

Эйалэ не торопился. Пальцы его нежно поглаживали лакированное дерево подлокотников, мысли витали за пределами действительности.

— Р-рып. — Половицы в темной глубине дома заговорщицки поскрипывали.

Так и не дождавшись приглашения сесть, Изольда заняла дальнейшее кресло, опустив руки на колени.

— Некоторые секреты лучше не выдавать даже существам, справедливо на них претендующим... Иначе может произойти непоправимое.

— Вздор, — отбросив шелковое полотно волос за спинку, сказал Северный ветер. — Мне уже известно о том, что зеркала реальны и являются коридором в мир Тьер-на-Вьёр, — Ирифи оказался бесценным источником сведений... Но где их искать, как пройти сквозь поверхность?

Эйалэ задумчиво изучил сгорбленную фигуру дрожащего вихря: наверняка тот хотел как лучше, но опрометчиво сболтнул лишнее. Что ж, не стоило возлагать столь тяжкую ответственность на его дряхлые плечи... Похоже, придется раскрыть правду. Да только так, чтоб охота копаться в ней пропала.

— Попасть в Терновое королевство несложно — достаточно лишь пересечь зеркальную границу. — Ветер обвел присутствующих взглядом, от которого сердца замедлили стук. — Но после того как это будет сделано, проход навсегда закроется. Такова суть волшебных коридоров. Потому никто не рискует отправляться в Тьер-на-Вьёр.

— Значит, зеркалом можно воспользоваться лишь раз? — недоверчиво уточнил Хёльмвинд. Такого расклада он не предвидел.

— Погодите! — Зефир встрепенулся изумленно. — Вы сейчас всерьез обсуждаете существование сказочной страны, из которой родом терновая ведьма? А как же другие чудеса, о которых бается в детских историях: Голодный лес, Удел душеловов?..

Восточный владыка величественно пожал плечами.

— Никто не ведает, что на самом деле сокрыто за зеркалами Тьер-на-Вьёр, ведь ни одно существо, будь то ветер или человек, за тысячи лет не пересекало границу.

— Почему? — сдавленно выдохнула принцесса.

В глубине ее тела сам по себе возникал легкий зовущий гул, который

щекотал изнутри, заставлял колдовскую силу вскипать и пениться. Чудилось, что мятущееся сердце сию секунду разорвется на части, если не узнает о волшебном королевстве больше.

— На то есть причина. — Хозяин дома подался вперед. — Видишь ли, Изольда, стоит кому-то из нашего мира уйти на другую сторону, равновесие может пошатнуться. Особенно это касается ветров...

— То есть веских доводов у тебя нет? — подытожил Хёльмвинд свысока, намекая, что в запасе у брата одни недомолвки и пустые угрозы.

Эйалэ запнулся, в уголках его странных глаз появились крошечные морщинки.

— Давным-давно ветра жили в Терновой стране, а затем случилось непоправимое. И если бы последние из нас не ушли оттуда, кто знает, носились бы сейчас бризы и ураганы над здешними землями...

— Так вы утверждаете, Ветряное царство реально? — снова выпучил глаза простодушный Западный ветер. Внезапно обретенная тайна предков никак не укладывалась в его голове.

— Уймись, наконец! — одернул его Хёльмвинд. Пустая болтовня начинала его раздражать.

— Но, Хёльм, только представь себе...

— Послушайте, — Эйалэ строго свел темные брови, — какие бы земли ни лежали по ту сторону зеркала, для нас они навеки утеряны. Там ничего нет — один прах и скорбь...

— А Роза Ветров? — последовал робкий вопрос. Внимать предостережениям Зефир не собирался.

— Легенда гласит, ее больше нет.

— Ты не знаешь этого наверняка! — С неприсущей ему горячностью северный владыка стиснул ладони в кулаки.

— Хёльмвинд, я действительно не могу утверждать, что владычица ветров мертва. Но даже если она спит вечным сном, для нас же безопаснее никогда не будить ее. Пусть сказки останутся сказками... — примирительно донеслось из-за чайного столика.

— Мы сами сделали их таковыми. И теперь блуждаем в своем суеверном страхе. — Теряющий остатки воли Северный ветер яростно потряс головой. — Зачем? Ради какой цели?

Лишь сейчас принцесса обнаружила, что Фаруна давно грезит наяву, обмякнув словно кукла с затуманенным взором.

— Я не сумею ответить на твои вопросы, потому что сам не владею правдой до конца. Но готов поклясться: путешествие в страну Тьер-на-Вьёр обернется для тебя гибелью. Для каждого из вас! Так не лучше ли сокрыть

вздорные мысли на самом дне разума, отрешиться от них, чтобы жить покойно?..

Восточный ветер обратил строгий лик к Изольде, и ей захотелось отвернуться, спрятать лицо на груди у отважного волка. Но вместо этого принцесса только глубже зарылась пальцами в седой мех. Требовательный голос отдавался в висках болезненным стуком, но не имел над ней власти.

— Так путь тебе известен, Эйалэ из Вишневого дома?

Ветер недобро сощурился.

— Ни один мудрец не предскажет, что ждет вас на нем! Теплится ли в Терновой стране жизнь или она ушла вслед за нашими легкокрылыми предками... Если не хочешь затеряться в глубинах проклятых зеркал, послушай меня, девочка...

От покровительственного обращения внутри у Изольды будто лопнула тугая струна.

— Следи за языком, верховный! Ведь я могу и осадить за непочтительность. И тем более за порожные угрозы, о сути которых ты сам не догадываешься.

Синие глаза ее искрились, терновые браслеты давно перекинулись с тонких запястий на шею Лютинга, но не причиняли ему вреда — лишь сплетались тугим ошейником. И по прерывистому дыханию девушки, по ее дрожащему голосу Таальвен чуял: за его спиной могущественная колдунья, имя которой — Изольда Мак Тир.

Эйалэ расправил тонкие усы, потер бороду — этих жестов принцессе хватило, чтобы уловить его беспокойство, как бы ветер ни храбрился.

— Хочешь встретить верную смерть — не стану держать, но Хёльм с тобой не пойдет.

— Пойдет, если таково его желание. — Изольда спрыгнула со своего места и направилась к Северному ветру, застывшему истуканом.

Льдистые его глаза погасли, красивое лицо сделалось бездушным.

— Твоим чарам не побороть мои, — бросил снисходительно восточный владыка.

По встревоженный Ирифи позади него плаксиво запричитал:

— Метка... я вижу метку на его груди...

— Ты был бы прав, верховный, если бы не моя власть над твоим братом. Суть ее во сто крат глубже, чем природа твоих сил. Гляди же!

Без колебаний колдунья прикоснулась к плечу Хёльмвинда, стиснула в пальцах его холодную руку. Грудь ветра судорожно всколыхнулась. Секунда-другая, и взор его обрел осмысленное выражение.

— О! — только и проронил Эйалэ.

— Проклятье! — Хельмвинд ухватился за голову, идущую кругом.

И лишь Зефир продолжал изумленно таращиться из своего угла. Полчаса кряду он наблюдал за принцессой с братьями, но поделаться ничего не мог. Охранный амулет, который перед отлетом вручила ему Лива, не позволял уснуть, но могущества его было недостаточно, чтобы расшевелить ветра, попавшего под влияние магнетических чар.

— Покажи нам зеркало Тьер-на-Вьёр! — приказала тем временем принцесса. — Хочу увидеть его собственными глазами.

— Нет, — возразил хозяин дома после длительной паузы.

— Нет? — Она нахмурила светлые брови, и нежное личико сделалось коварным. — А есть ли у тебя право отказать мне? Припомни, владыка, как год назад просил меня об услуге. Пришла пора вернуть долг, и путь в Тьер-на-Вьёр — именно то, что я хочу взамен.

Ладони и ступни Восточного ветра внезапно отяжелели, в душе заворчалось неведомое прежде чувство беспомощности.

— Означает ли это, что ты окончательно вознамерилась покинуть пределы нашего мира?

Острые волчьи уши пытливо замерли. Но сейчас и сам Лютинг не посмел бы противиться персту всесильной судьбы. Ведь и он ощущал, как вокруг поднимается невидимый, но оттого не менее мощный водоворот, выбраться из которого можно, лишь оставив любое сопротивление.

— Да, — неожиданно для самой себя заявила девушка.

— Что? — оторопел Хельмвинд.

— Я отправлюсь с тобой.

— Зачем? — Сердце его безумно колотилось. — От тебя мне требовалось лишь содействие в разговоре с Эйалэ.

— И ты его получил, но у меня имеются свои основания посетить Тьер-на-Вьёр. — Изольда смущенно оглянулась, ища поддержки у Таальвена. Грозовая синева в ее глазах потихоньку таяла.

— Посетить? — насмешливо хмыкнул Восточный ветер. — Скорее всего, ни один из вас не вернется.

— Но ведь зеркало не единственное? — пробормотал Зефир сонно.

В тот же час братья будто вспомнили о его существовании и обернулись к юноше: Эйалэ с недоумением, Хельмвинд — одобрительно.

— *«В колдовских зеркалах не сокрыть под заклятиями правды...»* — говорится в детской песенке. — Младший ветер протер глаза. — Значит, их много?

— Едва ли. — Эйалэ откинул со лба прядь гладких волос. — Меньше десятка, я полагаю. К тому же неясно, где находятся остальные и

действуют ли.

— Вот и узнаем — на обратном пути. — Собравшись наконец с силами, северный владыка поднялся из кресла. — Пока же меня этот вопрос не слишком заботит. Я собираюсь отыскать Розу Ветров.

— Горе! — как ненормальный завопил Ирифи и кинулся ему под ноги, теребя свой нелепый кожаный ошейник. — По ту сторону только тлен, повелитель. Пусть же мертвое остается таковым! Нельзя колебать зеркальную гладь, нельзя будить прошлое!

Еще немного, и Хельмвинд бы сжалился над несчастным вихрем, но подать ему руку поспешила Изольда.

— Не расстраивайся, — ободряюще улыбнулась она. — Иногда беспрекословно верить древним заветам — не самое удачное решение.

Бывший соглядатай сторожевой цитадели уставился на девушку огромными бесцветными глазами и через мгновение опасно отнял пальцы от тернистой ладони. Больше он не сказал ни слова.

— Ох, Хельм, — предпринял последнюю попытку Восточный ветер, явственно чувствуя, как судьба брата утекает из-под его неусыпного контроля. — Воля твоя не принадлежит самому себе, а твое сердце...

— ...Моя личная проблема, — неприязненно оборвал ветер. — Забудь о нем и подумай лучше о пустой скорлупке, что спрятана в твоей собственной груди.

Эйалэ осекся. Говорить с северным верховным всегда было тяжело, но теперь, когда за спиной его маячила могущественная терновая чародейка... Лишь ее смерть уберегла бы брата от страшной ошибки. Но по силам ли ветру такое?

Цепкий змеиный взор обжег его, словно ядовитый укус.

«Вздумаешь причинить Изольде вред, придется сначала иметь дело со мной», — предостерегал он.

И видят правоты, восточный владыка не был уверен в том, кто окажет отпор свирепее — ослепленная колдовством девушка или ее зачарованный спутник.

— Что ж, — решил хозяин Вишневого дома. — Я поведаю вам о зеркале Тьер-на-Вьёр, сторожить которое приставлен в уплату за мой необдуманый поступок. Но ты, терновая ведьма, должна уяснить: все что угодно может стрястись, если пройти сквозь зеркальную поверхность. Говорят, ни одно заклинание не устоит перед силой зеркал. Прими к сведению и то, что случившееся с твоими спутниками отныне будет на твоей совести. Стоит ли это возможности вернуться домой?

Расчетливый вопрос ножом полоснул по сердцу и без того

обеспокоенной принцессы. А ведь действительно, за пределами знакомого мира может поджидать любая кручина. Чем плоха нынешняя жизнь — уютный домик, затерянный среди леса на краю Долины ветров, долгие вечера у натопленного очага?.. Впереди — тишь и беззаботные годы, прежде чем Лютинг станет собой... и пускай сердце ноет от невысказанной тоски, ее можно перетерпеть...

Но тут в скорбные мысли принцессы ворвался полный решимости голос мужа. На секунду ей даже померещилось, что за спиной ее расправил человеческие плечи отважный приморский принц. И набежавшая тень унеслась прочь.

— Каждому человеку судьба предрешила нечто особенное, — промолвил Таальвен. — И если нить ее заведет кого-то из нас на кривую дорожку, так тому и быть. Следует ли винить в том Изольду?

Эйалэ не разделил его благородного порыва и изрек угрюмо, как предсказание:

— Это вы решите сами, но не под сенью мирных небес, а в дороге, полной мук и лишений... Мне же надлежит лишь отплатить по счетам.

* * *

Восточный ветер хлестал неистовее иных северных буранов, но негибаемая фигура Эйалэ раз за разом мелькала в густом тумане. Неудивительно, что верховному нипочем собственные ураганы, а вот Изольду они почти сбивали с ног. К тому же ватные клубы облаков застилали все кругом — дальше четырех саженей мир было не разглядеть.

— Не упускай ветряного хитреца из виду, — шепнул волк прежде, чем гости Вишневого дома покинули его следом за хозяином.

И теперь принцесса опасливо оглядывалась всякий раз, как гулкое эхо разносилось над ее головой. Но то был лишь разгулявшийся среди утесов вихрь.

Хёльмвинд шагал впереди — белые одежды напрочь сливались с туманным маревом. Замыкал процессию едва переставляющий ноги Зефир.

— Пришли, — чересчур скоро провозгласил старший верховный.

Чтобы разогнать надоедливые тучи, ему пришлось пару раз дунуть на ладонь. Но в конце концов те повиновались и лениво расползлись, обнажив край скалы.

— И куда же? — Хёльмвинд демонстративно заозирался.

— Это дорога в Тьер-на-Вьёр.

— Это обрыв!

— А ты полагал, к зеркалу ведут золотые ступени?

Северный ветер подлетел к пропасти и заглянул за край изломанного камня. Но внизу на тысячу саженей виднелись лишь плотно сбитые облака.

— Вздумал обвести нас вокруг пальца?

— Твое недоверие огорчает меня, брат, — бесцветным тоном сообщил Эйалэ. — На дне ущелья, под пологом дымки, не редющей и в самые солнечные дни, застыли зеркальные воды — вход в Терновую страну, который вы ищете.

— Не обессудь, я слетаю и проверю. — Хельмвинд изготовился нырнуть в море облаков, но брат жестом остановил его.

— Боюсь, кроме голых скал ты ничего не обнаружишь...

— Как так? — Северный владыка раздраженно сложил руки на груди.

Пространная, загадочная манера брата говорить выводила его из себя.

— Зеркало — зачарованное. Попасть в него можно, только шагнув с высоты в пропасть. Причем тебе придется позабыть об умении летать.

— Безумие! — Окончательно оживившийся на свежем воздухе Зефир ухватил северного верховного за рукав и затряс отчаянно. — Ты ведь не думаешь подвергать Изольду с Таальвеном такой опасности? А если вместо обещанной воды внизу окажется камень?

Хельмвинд мягко отцепил пальцы западного владыки от своего наряда.

— Тогда, судя по всему, я разобьюсь вместе с ними. Ведь Эйалэ утверждает, что мне надлежит упасть.

— Вразуми же их, брат! — Терзаемый дурными предчувствиями, Западный ветер кинулся к хозяину Вишневого дома.

— Я пытался, — вздохнул тот. — Но терновая ведьма не желает слушать.

В панике Зефир обратил полные ужаса глаза к Лютингу, стоящему поодаль.

— Таальвен, вы втроем собираетесь броситься с утеса... Это верная гибель!

— Только если верховный врет, — возразила принцесса, пытливо вглядываясь в благородные черты Эйалэ. — Но поступать так с его стороны крайне неразумно. Во-первых, потому что обманывать терновую колдунью недалековидно, а во-вторых, Хельмвинд так или иначе падет жертвой подобной лжи.

Восточный владыка аккуратно поправил стоячий воротник. Невозможно было угадать, оскорбили ли его предположения девушки.

— О зеркалах Тьер-на-Вьёр я говорю правду. Но обещать, что в их глубинах с вами не случится беды, не могу.

— А почему бы нам не отправить ветра первым? — внезапно предложил Лютинг. Мозолить лапы в стороне ему надоело. — Пусть прыгает, и, если через минуту-другую не расшибется в лепешку, мы отправимся следом.

— Отличный план. — Хёльмвинд иронично хлопнул в ладоши. Насчет симпатий Мак Тира он не питал надежд.

Но принцесса вспыхнула от возмущения.

— Мы ни за что не поступим так! Таальвен, как тебе не стыдно замышлять подобное?

— А что ему станется? — Волк невинно заморгал. — Увидит, что в ущелье нет водоема, — улетит в последний момент. Ветряные умения постоянно при нем.

Потрясенная вероломной находчивостью мужа, Изольда приготовилась к гневной тираде, но северный верховный опередил ее.

— Мак Тир нрав. Я пойду первым и, если не найду зеркало, предупрежу вас.

— Все вы заблуждаетесь, — эхом провозгласил Эйалэ, привлекая к себе всеобщее внимание. — Дорога закроется, как только на нее шагнет путник, так что трогаться придется вместе. Кроме того, замедлить или отменить падение будет нельзя. Здесь бессилён любой из ветров.

— Все у тебя просчитано до мелочей. — Северный верховный с ненавистью покосился на брата.

Тот равнодушно развел руками.

— Я лишь передаю, что знаю о зеркале... Если услышанное вам не по вкусу, не суйтесь в Тьер-на-Вьёр.

Он степенно отвернулся, и принцесса с волком и ветром вновь остались наедине со своим непростым выбором.

— Я могу пойти один, — заявил Хёльмвинд без лишних эмоций.

Изольда взглянула на него с обидой и упрямо сжала губы.

— Я должна очутиться по ту сторону.

— Значит, решено, — клацнул зубами волк.

То, что он не оставит свою спутницу ни при каких обстоятельствах, разумелось само собой. От этого уверенность ее крепла, словно терновое волшебство наполняло девушку могуществом.

Северный ветер кивнул согласно. На такой ответ и была надежда, ведь втроем любая дорога кажется легче. Он набрал в легкие побольше воздуха. Руки дрожали. Но отнюдь не страх заставлял голубую кровь бешено

пульсировать в жилах. Хёльмвиндом владело трепетное предвкушение нового, таинственного.

И чувство это сполна разделяли его спутники, решительно подступившие к обрыву.

— Изольда, — сипло и жалобно протянул Зефир, не решаясь поверить, что друзья его и брат вот-вот исчезнут, покинут пределы родного мира, быть может, навсегда.

— Все в порядке. — Принцесса ободряюще улыбнулась. — Возвращайся к Ливе, она приглядит за тобой.

Северный ветер оставил эту реплику без издевок и нервно переступил с ноги на ногу.

— Готовы?

Чтобы не пользоваться собственной силой, пришлось встать босыми ступнями на каменистую землю.

— Нужно идти шаг в шаг, — как заклинание, проговорила Изольда, — иначе проход замкнется до срока.

«Шаг в шаг», — про себя повторил Таальвен, соображая, как сделать это, если вместо ног у тебя четыре звериные лапы.

— Р-рум! — гроыхнуло вдали — со стороны моря приближалась буря. Всполохи ее были далеки и безвредны, но по багряным зарницам предугадывалось буйство будущего урагана, словно обозленная природа восставала против готового свершиться колдовства.

— Будь что будет, — зажмурилась принцесса. Липкий влажный вихрь с ошметками облаков хлестнул по плечам, подтолкнул в спину. Молочное невесомое озеро, шипя, пенилось у ног в тонких туфельках.

Падать, наверное, высоко, но слева высокая фигура Северного верховного заслоняла от бед, справа Лютинг охранял ее от врагов — разве можно желать сопровождения надежнее?

Темнеющий небосвод пронзила молния, раздался второй за этот день гонг, и отчаянная троица одновременно шагнула — едва не держась за руки, боясь лишний раз вдохнуть.

— Ах! — Западный ветер подскочил к краю утеса. Но сколько бы он ни всматривался в облачную муть, отследить, как падают вниз его друзья, не удавалось.

— На твоём месте я не ждал бы их возвращения... — сухо промолвил Эйалэ, поворачивая к чертогу. Горечь в его голосе учуял даже беспечный Западный ветер.

Оставшись один, он еще какое-то время побродил вдоль пропасти, сляясь побороть непрошенные слезы. А затем покинул Вишневый дом,

бросив прощальный взор на проклятую дымку. Если мгновение назад Хёльмвинд, Изольда и Таальвен и были здесь, теперь не осталось ни малейшего намека на их присутствие. Ватная пелена зеркала Тьер-на Вьёр поглотила их без остатка.

ГЛАВА 4

ДРАКОНЬЯ ПЕСНЯ

Миновав поворот в нарядно украшенный, битком набитый бальный зал, Иггерд двинулась дальше по коридору. Свет сделался мягче, но от шума веселой музыки невозможно было укрыться ни в одном уголке праздничного дворца.

Торжество шло как по маслу: официальные тосты благополучно произнесены, подарки вручены под одобрительные аплодисменты знатных гостей. Объявили танцы, и опьяневшие от сладости летней ночи и крепкого вина придворные ринулись плясать так истово, словно всем им в одночасье исполнилось не больше шестнадцати.

Станцевав первый лендлер во главе хоровода, именинница тем самым выполнила очередную обязанность хозяйки вечера и теперь надеялась, что ее короткого отсутствия никто не заметит.

— Вот так, — промолвила принцесса удовлетворенно, закалывая гребнем пряди, посмевшие нарушить гармонию ее прически.

Без надобности расправив пышный буф на платье, она отступила на шаг и придирчиво изучила свое отражение. Золотистое мерцание свечей скрадывало бледность кожи — Иггерд не выглядела по обыкновению болезненной, но черные разводы вен все равно портили картину. А эти синюшные губы — как ни покрывай их пудрами да помадами, останешься страхолюдиной.

Девушка отвернулась от зеркальной поверхности с разочарованным вздохом. С самого детства она знала, что не красавица, но втайне надеялась на умелые руки горничных. Увы, даже лучшие мастерицы не сумели превратить ее бесцветную внешность в цветущий лик юной девы. Конечно, можно зачернить ресницы и брови, но разве надлежит будущей королеве размалевываться, как девице из балагана?

«Все это глупости, — напомнила себе принцесса, ныряя в полумрак дворцовых анфилад, — великая сила подвластна мне — самая могущественная из тех, что достаются людям. Неблагодарно сетовать на отсутствие пригожего личика!»

Так она успокаивала себя не один раз, подмечая, с каким трепетом взирают молодые герцоги и маркизы на хорошеньких барышень при дворе. И только Этельстан оставался неизменно верным и глядел на нее одну.

Дорогой брат... Сегодня он особенно нервничал, когда открывал бал с будущей королевой. Ладони взмокли, танцевальные па получались неловкими — наверняка переживал по поводу завтрашней коронации.

— Как только сумеешь вырваться, приходи на наше место в саду, — шепнул принц, прерывисто дыша сестре в ухо.

Она забавно сморщила нос.

— Разве это не потерпит до завтра?

— Герда, для меня невообразимо важно встретиться с тобой именно сегодня!

Глаза Этельстана лихорадочно блестели, и она решила не будить недавних обид отказом.

— Хорошо.

С тех пор, казалось, минула вечность. Бесконечные гости все желали ей мудрости, процветания, словно благополучие ее — единственное, что занимало их умы. Скучные вельможи заводили пространные разговоры ни о чем, целовали ей руку, делали комплименты.

За полночь вырвавшись из духоты праздничного холла, принцесса и сама ощутила облегчение. Скорее бы стащить с головы стальной обруч, к которому крепились живые цветы, и подарить отдых гудящим ногам...

Но пока гремел бал, она вышагивала гордо и степенно, сохраняя прямую осанку, расправив усталые плечи, будто невидимые наблюдатели не спускали с нее глаз даже в безлюдных переходах. Так уж воспитывали терновых принцесс — во всем служить подданным примером.

— Этельстан? — тихонько позвала Исгерд, очутившись в саду.

В ответ соловей зашелся встревоженной трелью и резко умолк.

— Хм. — Она осторожно ступила на траву.

Ночь выдалась безлунная — ни Серб, ни Альхека три дня кряду не появлялись на небосводе. В открытой части дворцового парка пришлось установить жаровни с огнем, чтобы вышедшие подышать свежим воздухом придворные сумели отыскать в зарослях обратную дорогу.

Но в личных королевских владениях светильников не жгли — гости сюда не забредали.

«И мне не следовало», — отчего-то промелькнуло в мыслях у принцессы.

Придерживая платье, она спустилась по знакомой тропинке в глубь благоухающего сада. Ночные птицы больше не щебетали, откуда ни возмись над верхушками деревьев взвился сердитый холодный ветер.

«А ведь было тихо». — Исгерд замешкалась, готовая повернуть назад. В висках болезненно постукивало.

Но неожиданно до нее долетели едва слышимые обрывки слов:

— ...Придет... готов поклясться...

— ...Верное решение...

Повинуясь внутреннему порыву, обеспокоенная девушка юркнула в заросли барбариса и мышкой затаилась там.

— ...Так несправедливо, — обличал исступленно незнакомый женский голос. Вдали раздались крадущиеся шаги.

Может, она застучала у беседки тайных возлюбленных?

— ...Уже должна явиться, — совершенно отчетливо произнес Этельстан, — без оружия и охраны.

«Что он такое говорит?» — Недоумевая, принцесса опустила на колени.

Собеседники приблизились еще на несколько саженей.

— Сила жрицы терновника — сама по себе мощная защита, — возразила незнакомка поучительно.

— Но не в моем присутствии. Поверь, Герда не станет нападать...

Сбитая с толку девушка вытянула шею, надеясь различить лица заговорщиков сквозь листву. Поверить в то, что один из них — ее брат, она не могла. А даже если так, происходящему отыщется разумное объяснение.

Но выбраться из укрытия и спросить Этельстана напрямую не позволяло глубинное чутье, предупреждавшее об опасности.

«Не окликай его, — твердило оно, — не выдавай себя, иначе случится несчастье!»

Как назло сад в эту ночь напоминал склеп: плотный ночной туман, согнанный с гор противным вихрем, заслонял обзор, обе луны, вконец истончившись за долгий месяц, ждали своего часа, чтобы снова воссиять.

Надеясь подобраться поближе, Исгерд раздвинула густые ветви.

— Тс-с, — зазвучало вдали, — Сабизель говорит, мы не одни!

Сердце принцессы екнуло.

— Может, припозднившаяся служанка?

Речь мужчины до боли напоминала говор Этельстана.

— Отправляйся к фонтану, — велела его дама, — я проверю укромные скамейки в дебрях гортензии. А северный верховный прочешет дальние клумбы. Если встретишь ее, знаешь, что делать...

Через несколько секунд невесомая фигура прошелестела мимо барбарисового убежища именинницы, не потревожив ни единой травинки. Шагов принцесса не слышала.

Холодея от дурных предчувствий, Исгерд отсчитала про себя долгих тридцать мгновений и не дыша двинулась в сторону дворцовой стены.

Наверняка с ее братом произошло что-то ужасное. Может, его околдовали, или того хуже — лишили сознания и бросили в темном закоулке среди деревьев. Вдруг могущественный чародей воспользовался его личиной как прикрытием? Нужно оповестить стражу, найти виновных как можно скорее...

Но гадкий внутренний голосок помешал принцессе позвать на помощь сию секунду. Ведь если один из говоривших — все же Этельстан, как объяснить его поведение охране, не навлекая на брата подозрений?

Нет, она проберется к фонтану и сама выяснит, в какой переплет попал принц. А затем поможет ему, как подобает любящей сестре.

Осторожно высвободившись из зеленого лабиринта, Игерд ступила на поросшую сорняками гравиевую дорожку — об этом пути мало кто знал, они с братом пользовались им в детстве, когда требовалось быстро сбежать из-под надзора придворных учителей.

Но на сей раз происходящее едва ли напоминало забавную шалость. В каждом звуке, шорохе ночи сквозила неведомая напасть.

Чтобы не шуметь, принцесса выскользнула из тонких бальных туфель. Камни непривычно холодили босые ступни. От росы подол роскошного наряда мгновенно промок. Но станешь ли обращать внимание на подобные пустяки, если беда грозит жизни любимого человека?

Крадущейся поступью Игерд добралась до каменной ограды — кладка в три человеческих роста опоясывала королевский сад. Заброшенная тропинка выводила к открытой полукруглой площадке. В дальнем ее конце прямо из стены била струя воды — ледяной поток, вырывающийся из пасти древнего чудовища.

Терновая принцесса помнила, как много лет назад, набравшись храбрости, запустила руку ему в глотку, чтобы Этельстан поверил: она ничего не боится. И, глядя, как важно задирает голову вымокшая до нитки сестра, он хохотал до упаду.

«Теперь дракон придет за тобой, обязательно явится! Темной порой, когда будешь сладко спать в своей постели! Ведь ты нанесла ему смертельную обиду, а змеи не прощают оскорблений».

Разумеется, юный принц сочинял, чтобы довести будущую королеву до смертельного ужаса. И ему это удалось. Ночь за ночью маленькая Герда ждала, что в покоях ее раздадутся шипение и скрежет когтей по мраморному полу. Пока однажды не проснулась в прочном коконе из терновника. Колючки намертво вросли в стены, разрушили крышу опочивальни, отрезав ее от остального дворца. Под их волшебным пологом принцесса вновь обрела покой и веру в собственные силы. Вот бы ощутить

их теперь.

Скрывшись за статуей полуразрушенного бесхвостого льва, Исгерд потихоньку огляделась. У фигурной чаши, полной до краев, темнела мужская фигура. Принцессе не требовались светильники, чтобы узнать ее. Каждое горячее движение, каждый жест были ей знакомы: у фонтана, тербя в пальцах сухой травяной венки, расхаживал Этельстан. Голова его была опущена, плечи поникли.

«Да что с тобой?!» — вертелось на языке у девушки, но тот словно отнялся.

И хотя мудрость первобытного колдовства требовала бежать, принцесса питала к брату искренние, глубокие чувства. Потому, преодолевая оцепенение, вышла из своего укрытия и сипло прошептала:

— Этельстан?

Принц вздрогнул, обернулся затравленно, словно зверь, загнанный в клетку.

— Я... всего лишь... — Слова оборвались, он невидяще уставился на кольцо переплетенных цветов и стеблей чертополоха.

И тут раздался сигнал тревоги.

— Бом-м! — затрезвонил гулко сторожевой колокол.

Брат и сестра одновременно устремили взоры на шпиль дворца, увенчанный громадным драгоценным камнем. Обычно тот бывал кристально-прозрачен. Но стоило врагам вторгнуться в неприступные пределы королевской крепости, наливался кровью. И сейчас, в безлунной вышине, зачарованный алмаз источал рубиново-алый цвет, заливавший парк и стены.

— Ох! — вскрикнул Этельстан, уставившись на свои багряные ладони.

Венок он давно выронил, и, коснувшись земли, тот рассыпался прахом.

— Что ты наделал? — одними губами произнесла принцесса.

Ответа не было. Ах, если бы у нее имелась минута — всего одно мгновение, чтобы спокойно поговорить. Но поблизости уже зажигались огни, поднятая по тревоге замковая гвардия, громохочая, ворвалась в зеленый лабиринт.

Внезапно черный вихрь с воем завертелся у ног онемевшего принца, подхватил его, покорно наблюдавшего за ветряными оковами.

— Нет! — опомнилась Исгерд — слишком поздно: Этельстан оказался выше садовой ограды.

— Найди меня, Герда! — успел прохрипеть он, и нездешний шальной

ветер поволок свою жертву прочь — в слепую черноту неба.

— Стража, сюда! — закричала во весь голос терновая принцесса.

Мигающие язычки факелов поплыли у нее перед глазами. Каменная голова змея в стене фонтана ощерилась, утробно зарычала. Что за чары? Охваченная смятением девушка попятилась, но вместо садовой аллеи оказалась посреди болота. Гравий исчез — босая нога по щиколотку провалилась в зыбкую жижу.

— Невозможно! — Она рванулась в сторону, пытаясь выбраться на сушу, — до алой от колдовского зарева травы было рукой подать.

Но с каждым движением проклятая трясина сжимала крепче, а ворвавшиеся на площадь солдаты, казалось, не замечали тонущую.

— Я здесь! — окликнула их принцесса, по колени барахтаясь в чавкающей почве.

Никто не обернулся. Люди бестолково шныряли среди кустов, остекленевшие взгляды скользили мимо.

Скоро топь, в которую обратилась тропинка, втянула потрясенную жертву по пояс, навалилась на плечи.

— Проснись! — повелела себе Изольда, силясь уцепиться за барбарисовую ветвь, чтобы удержаться на поверхности, но липкая грязь неумолимо влекла ко дну.

Вдруг видение задрожало, разошлось по швам, будто ветхая ткань, и обрывки его мигом унесло мутной водой. На смену болоту явилась тягучая пелена. Бултыхаясь в ней, как в густом киселе, принцесса задыхалась от ужаса, но поделаться ничего не могла.

В мгновение ока она позабыла, где искать небо или землю, куда плыть, чтобы наполнить воздухом горящие легкие. Глядеть по сторонам было бесполезно — кругом серел бесконечный безжалостный мир зачарованного текучего стекла.

«Помогите!» — собиралась крикнуть Изольда, но страх, что оно хлынет ей в горло, лишил голоса.

Осталось лишь биться неистово, моля всех известных богов, чтобы путь ее не оборвался здесь. Неужели Эйалэ был прав и сквозь студенистую гладь зеркала Тьер-на-Вьёр нет дороги?

Сомкнув веки, Изольда все плыла, не разбирая направления. С каждым мигом гребки становились слабее. И когда сил совсем не осталось, а отчаяние вгрызлось в нутро жадными челюстями, чьи-то сильные руки ухватили принцессу и потащили вверх.

«Болотный король волочет меня к алтарю... — сонно решила она. И прежде чем спасительный обморок окутал тело, задумалась: — И почему

каждый норовит жениться на терновой ведьме?»

* * *

Фыркая и отплевываясь, Лютинг вынес бесчувственную колдунью на берег. Невесть по какой причине она застряла в толще зеркала, в то время как спутники ее давно и благополучно выбрались. Мокрый до нитки Северный ветер скорчился на песке, пытаясь, по-видимому, прийти в себя после долгого плавания. Глаза его были закрыты, но спину сотрясала мелкая дрожь — значит, жив.

«Поди ж ты, замерз, — злорадно отметил про себя приморский принц. — Даром что северный».

У него самого ноги почти отнялись — озеро оказалось ледяным. Таальвен так до конца и не понял, когда стеклянная зыбь превратилась в обыкновенную пресную воду — очнулся он почти на поверхности. А затем пришлось возвращаться за увязшей в зеркале принцессой.

— Вот так. — Он бережно опустил свою драгоценную ношу на землю и отжал собственные прилипшие к спине волосы. Пальцы неуклюже скользнули по голым плечам.

— Что за... — Таальвен замер, ошарашенно уставившись на человеческие руки. Густая теплая шерсть больше не защищала их, с непривычки тело покрылось гусиной кожей.

Не смея поверить в происходящее, он оцупал лицо и кинулся к водяной глади. Из нее на принца воззрился хмурый незнакомец.

«Я брежу, иначе не объяснить!» — Он принялся ловить свое отражение, как одержимый, в ушах эхом звенели слова Восточного ветра:

«Говорят, ни одно заклинание не устоит перед силой зеркал...»

От озерного холода пальцы свело — с детства знакомое жителю северных земель чувство вызвало у Таальвена полубезумную улыбку. Как же прекрасно — ощущать собственные ладони!

Все еще не веря счастью, бывший волк потянулся — спина не изгибается дугой, колени не выворачиваются... С наслаждением принц хрустнул суставами. Когти тоже исчезли... Теперь он свободен? А что же Изольда — чары по-прежнему довлеют над ней?

Больно ущипнув себя, чтобы убедиться: людской облик — не наваждение, Лютинг вернулся к своей жене и заботливо убрал с ее щек тяжелые от влаги пряди. Чернильные колючки никуда не исчезли. Принцесса дышала ровно, хоть и наглоталась воды... Обрадуется ли она

ему, когда очнется?

Терновые побеги буйно разрослись на лилейной коже. Разглядывая их, Таальвен не испытывал священного ужаса или отвращения — напротив, колдунья виделась ему совершенной. И чересчур резко очерченные скулы, и выпирающие ключицы нравились королевичу, хотя в землях Мак Тир чтили иной канон красоты.

Приморцы любили статных девушек, полнотой форм напоминавших морских сирен. Их прельщали румяные ланиты и пухлые губы, зычные голоса. Но ему не было дела до подводных чаровниц. Тонкая, как серебряный клинок, краса северинской принцессы запала ему в душу, оплела ее изнутри...

Погрузившись в раздумья, Лютинг ненароком прикоснулся к щеке Изольды. В следующую секунду голубые глаза ее распахнулись, безмятежное лицо исказил испуг.

— Прочь! — Она зашлась кашлем, выплевывая озерную воду. — Прошу, не трогай меня!

Застигнутый врасплох Таальвен изумленно отпрянул.

— Все это — лишь дурной сон. — Колдунья попыталась встать, но запуталась в складках мокрого подола. — Исчезни, уйди...

Она замотала головой, тем самым усугубляя головокружение. Мираж на уговоры не поддался.

— Видать, не действует твое колдовство, ведьма: Мак Тир целехонек, хоть ты ему трижды приказала провалиться сквозь землю, — прозвучало насмешливо.

Лишь сейчас Изольда заметила, что лежит на рыхлом песке, а не в постели. От потрясения ей привиделось, будто давний сон о Лютинге, стискивающем ее в объятиях, вернулся. Но в реальности все обстояло намного хуже. Таальвен Валишер — взлохмаченный, в одних коротких бриджах — сидел напротив и всматривался в нее своими ядовитыми глазами.

Хёльмвинд устроился поодаль, выглядел он неважно, словно подрался с Хаар Силлиэ.

— Что случилось? — Безуспешно надеясь, что образ перед ней испарится, принцесса подтянула колени к животу.

— Зеркало Тьер-на-Вьёр вернуло мне прежний вид, — проговорил Лютинг глухо, будто пользоваться человеческим языком для него было в диковинку.

— Хочешь сказать, проклятие снято? — В голосе Изольды ощущалось бездонное отчаяние.

— Наверное...

— Но это... неправильно... Нельзя снимать чары без предупреждения!

— А налагать можно? — уточнил Таальвен с горькой усмешкой.

Краска залила лицо принцессы.

— Я... хотела сказать... это может быть опасно...

— Предлагаешь вернуть меня в тело волка, чтобы не случилось беды?

— Вовсе нет! Просто я не ожидала...

Она потупилась. Слова застряли в горле, пальцы бессильно сжимались и разжимались.

— Ну и картина, — бесцеремонно вмешался в разговор Северный ветер. — Выходит, мой брат как минимум дважды сказал правду.

Окончательно очухавшись после купания, он воспарил над поверхностью и поднял небольшой смерч — лучшего способа высушить доходящие до бедер волосы не придумаешь.

— В первый раз Эйалэ указал дорогу в Тьер-на-Вьёр. Во второй — предупредил, что наложенные чары при переходе на эту сторону теряют силу. Между прочим, удобный метод избавления от порчи. Жаль только, после такого на одно зеркало становится меньше.

Погоди, — спохватилась Изольда, — если проклятье Таальвена исчезло...

Она устремила к ветру взор, осененная радостной догадкой.

— То вы теперь законные муж и жена, — ехидно докончил Хёльмвинд, — поздравляю!

— Да нет же, я твержу о другом: твое колдовство тоже пропало! — Пальцы колдуньи, опрометью бросившейся к нему, рванули влажную ткань его рубашки. — Дай-ка взглянуть. Так и есть!

Терновый цветок на белой коже не проявлялся, как бы Изольда ни призывала волшебство явить свою силу. Недавнее потрясение сменилось ликованием.

— Ты свободен, Хёльм!

Северный ветер растерянно склонил голову. Суть наконец дошла до него. Но радоваться северному владыке пришлось не долго — настал черед Таальвена задавать вопросы.

— Свободен от чего? — Он шумно стряхнул песок с широких ладоней.

— Ты ему не сказала? — В возгласе ветра прозвучало неподдельное удивление. Он-то думал, между возлюбленными нет секретов.

— Собиралась, — смущенно залепетала девушка, — но повода не нашлось...

— О чем вы твердите? — повторил Таальвен требовательно.

В людском облике — осанистый, с насупленными бровями — он вызывал у Изольды гораздо больше опасений, чем громадный зубастый волк.

— Понимаешь, я ненарочно приворожила Хёльмвинда...

Лютинг сложил на груди сильные руки.

— Вернее, это сделала терновая ведьма, чтобы верховный подчинился ее воле... Но теперь приворот не имеет значения — все растворилось в глубинах зеркала.

Приморский принц ее облегчения не разделил и отчеканил, глядя исподлобья:

— Иными словами, ветер был влюблен в тебя?

— Нет! — вскинулся северный владыка высокомерно.

— Да... — тихо подтвердила девушка.

Воцарилось тягостное молчание. Вопреки худшим ее опасениям, свирепствовать Таальвен не стал, лишь обжег присутствующих зеленым взглядом. Одни боги ведали, что творилось у него в голове. Смятение же верховного Изольда лицезрела без труда, как бы тот ни тщился его спрятать.

«Вот тебе и Терновая страна, — с досадой вздохнула она. — Лучше бы нас здесь поджидало прожорливое чудовище — от него укрыться проще, чем от замешательства...»

Но так или иначе, троица переправилась на другую сторону — это ли не повод праздновать? Принцесса украдкой взглянула на мрачные лица спутников, которые, похоже, не собирались восторгаться. А затем с интересом осмотрелась: за спиной как по волшебству возник высокий хвойный лес.

— Ох! — невольно вырвалось у Изольды. — Какие сосны!

Отвлеченные ее восхищением, Таальвен с Хёльмвиндом подняли головы. Недомолвки на время забылись — чересчур необыкновенными были исполинские деревья. Ветвистые кроны будто окаменели — ни одна иголка не шевелилась. Безотчетно в их тени возникало чувство, что сосны изучают путников.

Налюбовавшись вдоволь, Северный ветер промолвил:

— Роща выглядит странно, но меня куда сильнее тревожит другое... Прислушайтесь.

Лютинг напряг звериный слух и с сожалением обнаружил, что волчьи способности отныне ему неподвластны. Впрочем, тишина здесь и без них наотмашь била по ушам.

— Ничего не слышу, — озадаченно сообщила Изольда.

— В том-то и дело. — Хёльмвинд медленно качнулся из стороны в сторону. — Ни вихря, ни легкого бриза... Поблизости не сыскать ни одного ветра, словно мы в глубокой пустой могиле...

* * *

Сосны и правда уходили ввысь на сорок, а то и пятьдесят саженей, стволы вымахали настолько необъятными, что потребовался бы целый хоровод девушек, чтобы их обхватить.

Гигантские деревья обступили озерный плес, посеребрённый туманом, дальний берег прятался от глаз. Мощные древесные корни намертво впились в каменистый песчаник, хитросплетения их сбегали до самой воды, отважно карабкались по пологому холму, крошили в пыль обточенные волнами белые валуны.

Камни эти напомнили Изольде колдовскую изгородь Волчьей пасти — тот же шершавый блеск, костяная белизна. Но по форме они отнюдь не походили на зубы.

Путники условились осмотреться как следует и по одиночке бродили вдоль побережья, предаваясь сумбурным мыслям. Хёльмвинд улетел в сторону дальних круч, Лютинг ушел к песчаным отмелям, убедившись, что принцессе не грозят дикие звери или сумасшедшие жрецы. Волноваться было не о чем: похоже, с ветрами землю эту покинула любая жизнь — даже трава сонно оцепенела.

Изольда скиталась по редкому подлеску, надеясь встретить белку или сороку. Попадались одни меловые бульжники выше ее головы. Правда, боязни колдунья в их компании не испытывала: безмолвная роща была лишена чар, в ее сонных объятиях на принцессу снизошел внезапный покой. Словно сердце обрело дом, которого не хватало ему с первого мятежного стука.

«Сквозь траву прорастает камней
Костяных колдовское соцветье...
Мы ушли в зеркала вслед за ней —
И не встретишь крылатых на свете», —

Принцесса безотчетно напевала, и тишина жадно вбирала в себя каждый оброненный звук.

Едва ли Изольда припоминала, где разучила эту мелодию. Не исключено, что та самовольно возникла в голове, но куплет тянулся, сочился сладостью на языке, отчего обрывать напев не хотелось.

Гуляя по лесу, терновая колдунья воображала себя песчинкой, былинкой в траве. Неужели весь мир Тьер-на-Вьёр так огромен? Под присмотром мудрых сосен ничто не тревожило ее душу. Разве только волк, которого больше так не назовешь.

Ей совестно было от своей реакции на его чудесное превращение. Надлежало порадоваться за Таальвена, кинуться ему на шею... Но грозный молодой мужчина с проседью в густых волосах слабо походил на мирного волка, ничего от нее не требовавшего...

— Таальвен Валишер — мой муж, — напомнила себе принцесса. — Нелепо шарахаться от него.

Слова не принесли должной уверенности. Она смущенно повертела на пальце перстень с морионом. Расстаться с этой вещицей Изольда собиралась лишь по прошествии долгих шести лет. Эх, не впервой судьба путает ее планы.

Размышлять о будущем вдруг расхотелось. Принцесса приложила ладонь к морщинистому сухому стволу и ласково спросила:

— Может вы, деревца, подскажете, как поступить?..

На коре блеснули капельки медовой смолы. И тут мысли Изольды просветлели: да ведь в Тьер-на-Вьёр с ней прибыл тот, кто способен вернуть речь сосновой роце! Нужно лишь разогнать застоявшийся воздух.

— Хёльмвинд! — Принцесса стремглав понеслась со склона. — Сюда!

Не дожидаясь, пока он соизволит явиться на зов, она вскарабкалась на прибрежный утес и крикнула еще громче:

— Хёльм!

— В чем дело? — заворчал ветер за ее спиной. Он вернулся мгновенно, но, убедившись, что колдунья цела и невредима, поспешил стереть с лица непрошеную тревогу.

— Я кое-что придумала. — Вид у Изольды был воодушевленный.

— Вспокоить воплями округу?

— Почти. Только вместо криков мы используем ураган. Хорошая встряска этому месту не повредит.

Верховный состроил озадаченную гримасу.

— От озерной воды у тебя жар? Или замороженный тьер-на-вьёрский лес лишает остатков здравого смысла?

— Хотя бы дослушай, — пламенно возразила принцесса. — Сами сосны подсказали мне, как поступить...

— Неужели? — Хёльмвинд скользнул глазами по молчаливой роще. Озабоченное выражение вновь проступило под маской превосходства. — Не следовало, видимо, оставлять тебя одну...

— Хватит намекать на мое безумие! Я нахожусь в здравом рассудке.

— Потому ведешь беседы с деревьями?

Принцесса уже раскрыла рот, чтобы выпалить достойный ответ, но тут вмешался подоспевший издалека Лютинг.

— Изольда, что у вас стряслось?

Он пустился сюда, как только услышал крик, но ветра обогнать не сумел.

— Твоя жена помешалась, — пожал плечами верховный.

— Неправда. — Принцесса вздернула подбородок. — В голову мне пришла чудесная идея, а Хёльм, вместо того чтобы внять ей, упирается.

Говорила она четко, размеренно. Таальвену хватило одного беглого взгляда, чтобы убедиться: с разумом девушки все в порядке.

— Какая идея?

— Хочу, чтобы Хёльмвинд полетал кругами...

— Еще чего! — спесиво фыркнул северный владыка. — Я тебе не Зефир — мельницы вертеть.

Пришлось терновой колдунье призвать на помощь все самообладание, чтобы не дернуть его за рукав.

— Ты не понимаешь, без ветра здешние края словно в беспамятстве — спят и грезят о том, чтобы кто-нибудь разрушил чары древнего сна. Нужно их растормошить, всколыхнуть как следует... Из нас троих лишь ты способен на такое.

Верховный воззрился на девушку сверху вниз. В голубых глазах ясно читалось заветное «пожалуйста», и ветряное сердце дрогнуло. Не откажешь ведь сладкоголосой упрямице.

— Закружись вихрем, подними ураган, — почуяв победу, просияла принцесса. — Пусть буря накроет эти немые просторы!

Пойманный в плен колдовского голоса, Хёльмвинд сдался: как марево, растворился в воздухе, неспешно поднялся к небесам и описал большой круг над озером.

— Еще, — повелела Изольда, подмечая, как оживает водная гладь.

Ветер взметнулся выше, набирая силу, закружил по спирали. Сосны под его крылом восторженно скрипнули.

— Сильнее! — Принцесса запрокинула голову. Мощь верховного пьянила, будто принадлежала ей самой.

— Как скажешь, — хмыкнул Хёльмвинд с высоты, стрелой сигая к

противоположному берегу. Раздался удар по воде, тучи брызг и песка поднялись в воздух. А затем, осыпая головы спутников снежинками, ураган бросился на рощу.

От ледяного порыва Таальвену пришлось спрятаться за скалу, заслонить слезящиеся глаза. Но принцесса только захлопала в ладоши.

— Дуй крепче!

Мгновение, и над озерной поверхностью разразился настоящий шторм: чудовищные волны превратили ее в кипящий котел, острые льдинки, звеня, проливались колючим дождем. Хёльмвинд вился и буйствовал, не принося, впрочем, никакого вреда природе. Сторонился он и Изольды, оберегая ее, насколько мог, от натиска стихии.

Деревья под беспокойным прикосновением верховного вострепнулись, словно живые, заскрипели, заголосили. И было в этом привычном звуке нечто таинственное, будто сосны, молчавшие тысячи лет, хором запели забытую песню.

Сквозь траву прорастает камней
Костяных колдовское соцветье...
Мы ушли в зеркала вслед за ней —
И не встретишь крылатых на свете...

— Лети, лети, Северный ветер, пускай этот мир вздохнет наконец и скинет оковы проклятого сна!

Ветер вьется, крыло обнажив,
Лишь ему наши ведомы тайны.
Среди сосен и тоненьких ив
Над озерною гладью хрустальной...

Лютинг замороженно глядел, как пенятся брызги у ног принцессы. Ладони ее были воздеты к небесам, непокорные кудри швыряло из стороны в сторону, колючки на коже змеились. Казалось, Изольда едва удерживает равновесие на скользкой скале, — еще секунда, и неистовый порыв толкнет ее в яростную пучину.

Но стан ее оставался ровным, будто невидимые цепи сковали колдунью. Губы ее шевелились — даже сквозь шум волн принц слышал дивную песню.

Век не сыщешь желанней огня,
Чем бурлящий в холодных глубинах, —
Закалялась в потоке броня
И мерцала на выгнутых спинах...

Как бисер, певунья нанизывала слова на нить сложной мелодии, звук за звуком возрождая ее из небытия. Она пела о прошлом Тьер-на-Вьёр, и, постигнув суть древних куплетов, можно было узнать, откуда взялись волшебные зеркала.

Но легенд изначальных канва
Расплелась, за века разметалась.
И умолкла хвостов тетива —
Только песня драконья осталась...

Строки в голове принцессы внезапно оборвались, мелодия смолкла, так и не пойманная до конца.

— Прошу, покружи быстрее, — взмолилась Изольда, ища глазами бесплотного Хельмвинда.

Она обязана завершить начатое, иначе тоска навсегда поселится в сердце. Но грянувший с небес голос вернул колдунью к реальности.

— Если позволю буре разгуляться, ты замерзнешь насмерть, но до того ураган сметет тебя в озеро.

Лишь сейчас принцесса заметила, как страшно околела. Лица она почти не чувствовала, губы горели, зато платье и плащ совсем высохли.

Поймав напоследок лишенный формы, но послушный ее желаниям вихрь, Изольда вздохнула и опустила затекшие руки.

— Драконья песня...

Нахлынувшая печаль понемногу отпускала, оставляя взамен непосильную усталость.

«Она едва стоит на ногах». — Таальвен предупредительно подскочил к камню, и замерзшая колдунья соскользнула в кольцо его рук.

— Теперь здешние берега вновь обрели душу... Вы ведь слышали, о чем шла речь в куплетах?

Принц кивнул, придерживая Изольду. Чужеземный напев опустошил ее, словно превратив в полый сосуд.

— Кажется, ты и правда пробудила какие-то силы, — согласился

Хельмвинд, приземляясь рядом.

Легкий северный ветерок продолжал парить над верхушками леса.

— Это древнее тьер-на-вьёрское сказание, — прошептала Изольда, с трудом ворочая языком. — ...Умолкла хвостов тетива... Только песня... драконья... осталась...

Лютинг вновь подхватил ее, ощущая, что принцессе не хватает мочи и для десятка шагов.

— Нужно развести костер.

— Зачем? — удивился верховный.

— Чтобы ее согреть...

Царственный лик ветра аж перекосило: ему ходить за дровами? До какой поры эти двое собираются им помыкать, словно безродным вихрем?

К чести Лютинга, снаряжать Хельмвинда в помощники он не стал. Оставил на попечение верховного измотанную колдунью и самостоятельно отправился за хворостом.

«Значит, любовных чар больше нет? — гадал ветер, наблюдая, как бьется темная жилка на девичьем запястье. — Отчего же тогда я не смею оторвать от тебя взгляда?»

Но Изольда не слышала немого вопроса. Полусонная, она покачивалась на волнах драконьей песни, пытаясь выхватить из полутьмы времен ускользающие куплеты. Вот бы призвать на помощь все на свете ураганы, чтобы завершить напев, докопаться до истины, но их здесь не слышали сотни сотен лет.

* * *

Густой смоляной аромат лужицами растекся в вечернем воздухе, укрыл в ласковых объятиях троих пришельцев, разбивших лагерь на озерном берегу. Сосновые поленья горели, уютно потрескивая, вздымая в синюю вышину снопы драгоценных искр. Из сухих иголок, собранных Лютингом, вышла великолепная мягкая лежанка.

«Не хуже перин в королевских опочивальнях, — улыбнулась Изольда. — Может, в суровых приморских землях все матрасы набивают хвоей?»

После дневного пения ей стало гораздо лучше — ноги не подкашивались, как чужие, сон улетучился. Она пригрелась у костра настолько, что развязала тесемку на плаще и вручила его Таальвену.

— Продрогнешь, — заспорил принц.

И девушке пришлось самой набросить гладкую ткань на его плечи.

— Ты околеешь скорее. Нужно раздобыть мужскую одежду до того, как отправимся в путь.

— Вам не обязательно лететь со мной, — вмешался Хёльмвинд. — Ты стремилась только попасть в Тьер-на-Вьёр, Изольда...

Он устроился в вершке над землей, как можно дальше от пламени. Сладкий тягучий дым безмерно раздражал верховного, пришлось отгонять его легкими дуновениями.

— Не говори чепухи! В первую очередь мы поможем тебе разыскать Розу Ветров, — воспротивилась принцесса. — Судьба терновой ведьмы связана с ней неразрывно, сам же утверждал.

Хёльмвинд неохотно кивнул. Древние сказания, в которых о терновой колдунье не говорилось ничего хорошего, и при желании было не стереть из памяти. Впрочем, остаться один он не жаждал.

— Выясним тайну ветряной владычицы, заодно разведем о тьер-на-вьёр... В моих снах ее, кстати, называют не иначе, как терновая принцесса... — Изольда потянулась за панцирем испеченного в золе пресноводного краба и с наслаждением впила зубами в сочное белое мясо. Нехитрый ужин раздобыл Таальвен Валишер, и даже крабы у него получились вкуснее самой изобретательной ее стряпни. — Далеко до Ветряного царства?

Северный ветер развернул на песке ветхий пергамент.

— Если верить тому, что я сегодня увидел с высоты, мы находимся среди Витгаэз Шаст'эну — Озер драконов. Судя по карте, лететь отсюда не так уж долго. Если не терять время на переправу вас двоих.

— Зато в моей компании могущество терновой ведьмы всегда к твоим услугам, — не растерялась принцесса. — И никакие чары не страшны.

— И как же ты намерена защищать меня от врагов и чудовищ? Споешь им колыбельную? — поддел верховный.

— Именно. А для тебя сочинять волшебные куплеты не стану, неблагодарный грубиян.

Пока колдунья в шутку с ним переругивалась, Лютинг изучал блеклые росчерки на карте — тут и там на бумаге пестрела дюжина озер. Какие из них бесполезны, а которые еще ведут в родной мир?

Но вовсе не возможные зеркала привлекли его внимание. Взгляд волка уткнулся в крошечную черную башенку на бумаге, увенчанную каким-то знаменем. Любопытно, что гласит крючковатая подпись под ней?

— Гадаешь, где искать зеркала, ведущие домой? — Изольда придвинулась ближе. — Жаль, на пергаменте нет соответствующих

пометок. Боюсь, некоторые водоемы давно запечатаны.

Мелодичный голос вывел Таальвена из оцепенения, и он поглядел на принцессу сквозь оплавленный жаром воздух. Домой? Желание возвращаться на миг затмила иная, непонятная надежда. Но признавать ее существование вслух он не решился.

— Полагаю, Эйалэ не пустил бы нас на эту сторону, не будучи уверенным, что действующие зеркала существуют, — рассуждал Хельмвинд, в уме подсчитывая пятнышки нарисованных озер.

— Потому что на самом деле он тебя любит? — На лице принцессы появилось наивное выражение.

— Нет, всего лишь следит за ветряным равновесием, которое нарушится, если я исчезну...

— Думаю, ты к нему несправедлив. — Гладкая поверхность берегового валуна удачно подвернулась Изольде под бок, и она прислонилась к нему, будто к каменной спинке кровати. — Наверняка восточный верховный не совсем тиран. Его почитают подданные...

— Безмозглые бездушные марионетки...

— Как грубо! — Перед мысленным взором принцессы всплыли красивые лица восточных ветресс — признаться, одинаковостью своей они наводили на нее жуть. Пришлось поморгать, чтобы отогнать видение. — У любых поступков обязательно имеется объяснение. На плечи Эйалэ, наверное, давит непосильная ноша — он же старший. Потому и пытается всех направить.

— Погружая в пучину забвения? — Хельмвинд напряженно уперся в скрещенные ноги. — Ты не знаешь, о чем толкуешь, колдунья.

Интуиция подсказывала Изольде: она ступила на скользкую дорожку, но ей не терпелось утешить ветра.

— Какой брат причинит вред брату? Если бы ты вел себя с ним помягче...

— Я не намерен обсуждать с тобой доблести Эйалэ, с отрочества промышлявшего лишением воли! — резко прервал ее северный владыка. — За века мне опостытели пути и запреты. Если не терпится поразглагольствовать о пользе чар, ведьма, поищи себе другую компанию!

Тряхнув полой узорчатого плаща, он поднялся и рванул к берегу так, что Изольда не успела даже окликнуть, — бледный силуэт в мгновение ока растаял в ночной мгле.

«Все моя пустая болтовня, — различила она в словах ветра отголоски собственных грехов, — разбередила старые раны... Нынче, когда могущество приворота сошло на нет, неприглядная суть тернового

колдовства предстанет перед ветром во всей красе и он невзлюбит меня почти так же сильно, как Эйалэ. Нельзя хорошо относиться к тому, кто ради выгоды пленил твое сердце».

Изнывая от вины и горести, принцесса свернулась клубочком, улеглась у костра и из-под полуопущенных ресниц принялась следить за Таальвеном Валишером. Еще одна печаль, не дающая покоя... Сколько раз Изольда оставалась с волком наедине, засыпала под присмотром его колдовского взгляда. Так почему теперь в груди все сжимается, стоит встретиться с ним глазами?

Она-то верила, что оставила страх в далеких лесных кошмарах, навеянных тьер-на-вьёр. Но от нынешнего принца не спасет пробуждение — он явится, где бы колдунья ни спряталась.

Таальвен молча слушал, как колотится ее сердце, — сбивчиво, пропуская удары. Мысли Изольды были сокрыты от него, но переживания с лихвой выдавали их ход. Она боится его, но не в серой шкуре с клыками-кинжалами, а в людском обличье. Из какого зернышка в душе принцессы проросло это гнетущее чувство, как его одолеть? Раньше Лютингу верилось: наваждение исчезнет, едва спадут чары. Теперь же и сам он не был уверен, что Изольда некогда бежала от него по воле тьер-на-вьёр.

* * *

Наутро принцессу разбудил беззаботный шум соснового леса. Деревья поодаль всюю перешептывались, и казалось, корни их глубоко в песке оживленно поскрипывают. Вчерашний огонь горел по-прежнему весело. Наверняка Лютинг поддерживал его до рассвета.

При этой мысли в груди у Изольды потеплело: под охраной волка ей и в Терновом королевстве спалось спокойно, как дома. Но тут вспомнилось, что спутника с мягкой звериной шерстью и острыми ушами больше нет. Нужно привыкать к новому облику.

Чтобы привести мысли в порядок, Изольда отправилась к озеру умываться. Пока она плескалась, к костру вернулся Таальвен, нанизал пойманную только что рыбу на тонкие ветви и пристроил печься на камни.

Уже через несколько минут бока ее зарумянились, берегом поплыл аромат, от которого у принцессы неподобающе заурчало в животе. Все же у Лютинга-человека имелось преимущество перед зверем: он умел готовить, в отличие от Изольды.

Кое-как расчесав спутанные волосы, наскоро вытряхнув из них

сосновые иголки, принцесса подхватила юбку и чуть ли не бегом вернулась в лагерь. Самое время завтракать.

Таальвен Валишер всю хозяйничал у огня: притащил дров и хвороста, соорудил из широких жестких листьев неведомого прибрежного растения сносное подобие тарелок.

— Пахнет изумительно. — Терновая колдунья изящно опустилась на лесную перину. — Как ты умудрился голыми руками наловить столько рыбы?

— Соорудил острогу из сухой ветки. — Королевич кивком указал на длинный сук, лежащий у его ног. На конце тот расщеплялся и походил на крючковатые вилы. — Для жителя приморья это куда проще, чем хватать добычу зубами.

Изольда напряженно сцепила пальцы, но Лютинг, занятый стряпней, не заметил ее замешательства.

— А уж готовить, имея две пары лап и клыки, — сущее мучение, после которого вновь обрести руки — предел мечтаний. — Он снял с камней запеченную рыбешку и протянул ее жене. — Не обожгись.

— Значит, — принцесса осторожно подула на угощение, — находиться в теле волка было невыносимо?

Таальвен поймал ее покаянный взгляд и призадумался. Он помнил, как одуряюще пряно благоухали луговые травы, как бурлило в крови, стоило бегом пуститься по лесу на четырех лапах. А еще на ум пришли долгие ночи, когда он сторожил беспокойный сон своей суженой, что доверчиво льнула к нему.

— Нет, — хмыкнул принц, — не так уж нестерпимо бегать в волчьей шкуре... Но только не семь лет кряду.

— О, Тааль! — Изольда в сердцах отодвинула нетронутый завтрак. — Честное слово, я не хотела проклинать тебя...

— Уверен, что хотела, — в шутку возразил он. — Столько ужасов обо мне порассказала, пока у меня были лапы и хвост.

Изольда залилась краской.

— Я не это имела в виду.

— Когда говорила, что я бессердечный захватчик? Или сетовала, что морским змеям впору бы сожрать меня при рождении?

— Довольно! — Она спрятала лицо в ладонях, сгорая со стыда. — Ты не должен был подслушивать.

— А что я мог поделать? — пожаловался он. — Проклятие сковало мне язык. Волей-неволей приходилось помалкивать да мотать на ус.

Заприметив плохо сдерживаемую ухмылку на выразительном лице

мужа, принцесса немного успокоилась. Оказывается, он умеет шутить.

— Вообще-то, ты сам во всем виноват. Решил втихомолку жениться на мне — вот и расхлебывай!

— Втихомолку? — Брови Лютинга поползли вверх. — Да я делал тебе с десяток официальных предложений.

— Ни разу не взглянув на меня, не побеседовав?

Он запнулся и ответил уклончиво:

— Мне не нужно было видеть тебя, чтобы разобраться в своих желаниях.

— А мне бы знакомство не помешало! — Изольда ни с того ни с сего рассердилась. Волна давнего возмущения всколыхнулась в душе с новой силой, гневные искорки заплясали в глазах.

Резкая смена настроения не укрылась от приморского королевича.

— Положим, — он отложил рыбу и произнес серьезно, — я бы попросил твоей руки напрямую. Ты бы ответила согласием?

У Изольды язык так и чесался выпалить:

«Теперь мы этого не узнаем!»

Но совесть не позволяла продолжать мучить Таальвена. Довольно и того, что он два года отбегал в рабстве у терновых чар. Правда, простить своенравное желание взять ее в жены столь просто она не могла. Потому умолкла, спрятавшись от звериного взора за полотном костра. Ох, нельзя им коротать время вдвоем!

К счастью, потревоженное пламя вдруг качнулось, заискрило. В вихре колючих снежинок на песок опустился Хельмвинд, и его появление спасло принцессу от дальнейшей беседы.

— Я нашел деревню, — вместо приветствия бросил ветер. — Всего в часе быстрого лета. Думаю, у местных найдется одежда для Мак Тира.

— Прекрасно, — сумрачно буркнул Лютинг.

Прутья хвороста жалобно хрустнули в его ладонях.

Но Изольда восприняла новость с куда большим энтузиазмом.

— Самое время туда отправиться! Чтобы не откладывать надолго поход в Ветряное царство.

Она поспешно одернула платье и направилась к Хельмвинду, так и не доев свой завтрак. Натянутая улыбка заиграла на губах, лишь сильнее обличая взвинченность девушки.

Верховный озадаченно покосился на Мак Тира. Может, он досадует, так как придется остаться в лагере? Само собой разумелось: Таальвену не место в этом путешествии. В таком виде ему нечего делать ни в деревне, ни в студеной дымке поднебесных облаков.

Но все же приморский принц поднялся на ноги и спросил, не глядя на ветра:

— Полетишь вдвоем с ним?

— Ты лишь удержишь нас по дороге, — нарочито небрежно пожала плечами Изольда. — Кроме того, распугаешь крестьян — вряд ли они привыкли к полуголым мужчинам, падающим с небес.

— Такие, как ветер, к ним тоже нечасто заглядывают. — Лютинг ткнул пальцем в сторону верховного.

— Он сделается на время невидимым, — пояснила принцесса, — и присмотрит, чтобы я не попала в переплет.

Доводы были весомыми, но Таальвену все равно не хотелось отпускать жену. Главным образом потому, что он чуял ее смятение.

— Вряд ли в глухой деревушке с нами произойдет что-то плохое. Мы мигом вернемся.

«Крепко же ей приспичило улизнуть от него», — отметил Северный ветер с мстительным удовольствием.

Наконец Лютинг сдался — не удерживать же ее силой, — и, дернув за тесемки, вернул Изольде накидку.

— Летим! — тотчас же приказала она, кутаясь в теплую ткань.

Просить Хёльмвинда дважды не требовалось.

ГЛАВА 5

ВЕСТНИК С ТОГО СВЕТА

До самого утра Хёльмвинд не сомкнул глаз, в раздумьях расхаживая по дальнему берегу и порывистым вихрем швыряя в пучину мелкую гальку. Что-то с ним было неладно: то ли зеркало Тьер-на-Вьёр в последний миг разладилось, то ли на ветров оно не оказывало расколдовывающего действия. Как иначе объяснить, что чувствовал он себя так же скверно, как до погружения в его студенистые воды?

Пусть колючая метка исчезла, тоска, занозой саднящая изнутри, ничуть не ослабла. Может, Изольда ошиблась насчет приворота или зачаровала его повторно?

От бесконечных догадок в висках у верховного закололо. Нужно, как раньше, думать лишь о Розе Ветров, тогда тяжесть отпустит. Ветряная повелительница проснется и освободит его от тревог — зачеркнет их всемогущей дланью.

За последние месяцы Хёльмвинд привык полагаться на свою одержимость. Пока принцессы не было рядом, Роза Ветров целиком занимала мысли, но стоило Изольде вновь появиться, поблекла, словно утративший силу морок. Разумеется, ветер жаждал отыскать живую легенду, только сосредоточиться на ней одной больше не мог.

Ведь не было отныне пламени ярче, чем то, что излучала собою девушка, сидящая перед ним, — напряженная, будто тетива. Верхом она по-прежнему держалась скованно, правда от каждого скачка не трепетала. Напротив, ехала, подставив лицо потокам воздуха и ухватив поводья двумя руками.

— Это Блэш, — заявил верховный двадцатью минутами ранее, выколдовав из шквальных порывов пепельного ветряного коня.

— А как же Блифарт? — с сожалением протянула Изольда. Она успела привыкнуть к норовистому скакуну.

— Он остался в Железном доме. — Хёльмвинд посадил колдунью в седло и запрыгнул следом.

От земли они оторвались мягче обычного. В целом Блэш оказался смирным: коленца на скаку не выписывал, взбрыкивать не спешил. Может, потому принцесса осмелела.

Но чутье подсказывало ветру: причина ее безрассудной храбрости — в

утренней перепалке с Мак Тиром. Чем-то он снова не угодил девушке. И поделом!

Версты с тихим свистом сминались под могучими копытами — ветряной конь одним махом покрывал громадные расстояния. Внезапно ватная перина облаков расступилась: из бездонной пропасти вынырнули травянистые взгорья, словно шелком изукрашенные вереском.

— Ах! — вырвалось у Изольды. — Вот бы нарвать полные охапки цветов да заплести в белоснежные венки...

Но Блэш не ведал устали: склоны показались лишь на миг и сменились лентами рек, ржавым сукном полей. От пестрого мелькания у принцессы закружилась голова.

— Не смотри вниз, — предупредил Хёльмвинд. — Не то свалишься.

Наездница крепче стиснула повод и зажмурилась. Озираться по сторонам толку не было — все равно одна лазурь да молочные стада туч. Так и ехала — прислушиваясь к гулкому вою в ушах, ловя губами одинокие снежинки.

Через час, попривыкнув к тряске, Изольда расслабила затекшие плечи: не так уж страшно скакать в поднебесье... и тут конь плавно ушел вниз. Сдержать стиснувший грудь вопль не удалось.

— Боги! — Изольда приготовилась к смерти.

Но Северный ветер ловко перехватил поводья, и животное послушно выровнялось — вот кому по-настоящему принадлежит голубая высь! Когда у ног показалась земля, девушка воздала хвалу провидению за то, что полетом правила не она, а верховный владыка.

Тряхнуло — Блэш ударил копытом о мягкую почву.

— Деревня вон за тем косогором, — кивнул в сторону Хёльмвинд, соскакивая с крупа. — Десяток хибар — не более, но другого жилья в округе не найти.

— Угу, — простонала принцесса, с трудом выравнивая дыхание. Ей бы его прыть.

— Пешком саженой двадцать, — нетерпеливо тряхнув гладкой шевелюрой, заметил верховный.

С завистью оценив его безупречный внешний вид, Изольда натянула на голову глубокий капюшон. Если бы не тугая коса, кудри ее топорщились бы, как прутья у метелки.

— Дай хоть дух перевести.

Издеваться ветер не стал — смолчал великодушно, даром что самому ему путешествие показалось скучным.

— Послушай, — смилив дрожь в ногах, колдунья вдруг вспомнила о

чем-то важном. — А деньги у тебя есть?

— Деньги? — Губы Хельмвинда презрительно изогнулись. — Я — верховный владыка, повелитель северных ураганов, один из четырех, правящих воздушным войском, — зачем мне металлические побрякушки?

— На них можно купить одежду, — печально вздохнула девушка.

— Я думал, мы ее просто возьмем.

— Это называется воровством. — Она подбоченилась, поглядела строго.

— У людей — возможно.

— У всех, Хельмвинд! Вот представь, я отберу у тебя ценность, не принадлежащую мне по праву. — Колдунья запнулась, оценив смысл собственного высказывания.

Но Северный ветер не смутился и заявил диктаторским тоном:

— Раз мы притащились в эту глушь, пойдешь за тряпками. В противном случае твой благоверный полетит в одних штанах!

— Не называй его так! — вскипела принцесса и добавила сердито: — Вас, мужчин, хлебом не корми — дай покомандовать. Будь моя воля, превратила бы всех в... Ох, ладно!

Она растрепала косу и прикрыла золотистой копной изрисованные щеки.

— Достану я вещи для Таальвена!

Алая ткань накидки взметнулась в такт удаляющимся шагам.

— Вряд ли твои ухищрения проведут местных, — насмешливо прозвенело рядом. — Колючки не увидит только слепой.

— Тогда понадеемся, что жители этой деревни никогда не слышали о терновых чарах, — ответила принцесса в пустоту. — Вы с Лютингом выглядите чересчур подозрительно, чтобы просить о помощи. Лично я бы вас к дому и на аршин не подпустила.

— Ты сейчас сравнила меня и этого проходимца?

— Он принц, — напомнила Изольда.

— А я...

— Да-да, верховный владыка, повелитель северных ураганов, один из четырех, правящих воздушным войском... Но если по первому твоему зову сюда не слетится легион ветряных солдат, лучше тебе умолкнуть!

Невидимый ветер оскорбленно зашипел.

— Тс-с... — приложила палец к губам колдунья.

Стало тихо. Миновав каменистую кручу, она вышла на равнину и оказалась прямо у шатких плетеных ворот. За ними задней стеной к холму жался неприглядный домишко под соломенной крышей. Дюжина его

братьев-близнецов лепилась к склону где придется.

Людей видно не было. По кудрявому от сорняков двору бродили полудикие утки и тощие куры. Последние деловито копались в земле, выклеывая из ее недр жирных дождевых червей.

«Один в один напоминает задворки обычных деревень», — подумала принцесса. Терновую страну она воображала иначе.

Но домыслить, как именно должно выглядеть легендарное королевство, не успела. На порог хижины, кряхтя, вышла сгорбленная старушка и, подслеповато щурясь, оглядела подворье.

— Мартэ, ты гусей выгнала? Ох, непослушная девчонка!

Шаркая ободранными лаптями, бабка слезла с единственной ступеньки и потопала напрямик к Изольде. Та обомлела, глядя на приближающуюся хуторянку, язык словно прилип к нёбу — что сказать, как объяснить свое появление?

— Мартэ, это ты, негодница? — тем временем окликнула хозяйка домика. — Почему обмерла, как вкопанная?

И, лишь приковыляв к приставленным к тыну воротцам, она разглядела гостью. Воцарилось гробовое молчание.

Судорожно отсчитывая про себя каждую секунду, принцесса ждала, что старушка вот-вот заголосит, кинется наутек, но испещренное морщинами лицо просветлело, глаза широко распахнулись.

— Ведомо ли такое — светлая госпожа у моего порога!

— Здравствуйте... — изумленно взирая на спину, согнутую в низком поклоне, выдавила Изольда. — Простите, что потревожила... Нельзя ли купить одежду в вашей деревне?

— А? — Бабка выпрямилась, насколько позволяли ноющие кости, ошарашенно заморгала.

Сто лет она ждала и верила, что жрица терновника из сказаний прошлого возвратится, и вот — незабвенная обращается к ней.

Изольда приблизилась, стараясь двигаться как можно более размеренно, подняла в знак мира ладони кверху. Дыхание предательски участилось: как бы ее снова не сунули в подземелье. Но на морщинистом лице отражалось скорее недоумение, чем испуг или алчный голод.

— Мне нужно мужское облачение, понимаете?

Старушка почесала поясницу и радостно закивала. А затем поплелась в дом, поминутно оглядываясь.

— Похоже, в этой деревне искать помощи без толку, — сокрушенно прошуршал Хельмвинд над ухом у девушки.

Ощувив незримое присутствие, она задышала ровнее. Если ветер прав,

через мгновение-другое они уберутся отсюда. Но, к удивлению обоих, бабка скоро вернулась. С собой она несла небольшой ларец, почерневший от сырости.

— Вот, благостная госпожа... — Новый поклон скрутил ее в три погибели.

Скрипнув калиткой, Изольда медленно вошла во двор, осторожно тронула пальчиками клепаную крышку сундучка. Под ней обнаружилась тонкая кружевная фата, по всей видимости, бережно хранимая не один десяток лет.

— С этим она припозднилась, — хмыкнул ветер ехидно, и принцесса наугад ткнула в пространство локтем.

К счастью, слышала старушка едва ли не хуже, чем видела.

— Вы неверно истолковали, — аккуратно уложив на место невесомую ткань, промолвила Изольда. — Покрывало для замужества мне ни к чему. Раздобыть бы мужской наряд — штаны, рубаху, куртку...

Седая хуторянка восхищенно таращилась на ее точеные кисти. Камни в обручальных перстнях переливались радугой.

— Бессмысленно говорить с ней, — с досадой заворчал Хельмвинд.

Кроны ближайших деревьев качнуло раздраженным порывом. Зачувя его, бабка чуть не лишилась чувств.

— Невидадь какая — ветер!

У соседних ворог сонно тявкнула собака. От неожиданности принцесса попятилась. Эдак старуха всю округу переполошит.

— Пойдем. — Верховный мягко потянул колдунью за рукав.

— Не бросай нас, милостивая госпожа! — взвыла бабка вдогонку. — Бери что пожелаешь.

На глазах ее выступили слезы. Этого Изольде было довольно, чтобы позабыть о своих опасениях. Присев рядом со старушкой, она принялась утешать ее.

— Не плачьте, я не хотела вас обидеть!

— Я знала, что ты придешь, всемогущая. Хотя ждать пришлось долго... — От избытка чувств горемычная плюхнулась на колени.

— Вы перепутали меня с кем-то...

— Изольда... — Воздушное прикосновение скользнуло по плечу принцессы. Но предупредить ее верховный владыка не успел.

Воздух распорол отчаянный оклик.

— Бабушка! Что вам от нее нужно?

Чумазая девочка, года на три младше Изольды, сверкнув босыми пятками, взволнованно бросилась к воротам. Две черные косички уgrams

затрепыхались на бегу.

— Не знаю, отчего она так расстроилась. — Принцесса отпрянула от старушки. — Надеюсь, причина не в моей просьбе.

И, спешно пряча руки под длинным плащом, прошмыгнула за сломанную калитку. Но колдовские отметины не укрылись от зоркого взгляда. Девочка покосилась насупленно и заворковала над рыдающей.

— Мартэ, я знала, знала... — всхлипывала старушка, возбужденно лепеча. С каждым словом внучка ее мрачнела все больше. Когда же старческие слезы высохли, она усадила трясущуюся бабушку на завалинку, а сама неохотно приблизилась к воротам.

— Она говорит, вы — терновая принцесса...

Дыхание Изольды враз сбилось, в голове зашумело. Но, мысленным приказом запретив себе паниковать, она возразила с улыбкой:

— Твоя бабушка ошиблась. Меня зовут Изольда Се... Мак Тир... Несколько дней назад я пустилась в дальнюю дорогу. А на хутор к вам заглянула потому, что мне нужна мужская одежда — любая, которая найдется.

Мартэ слушала, ссутулив тощие плечи. Напрасно незнакомка пытается выдать себя за простую путницу: ни в одной деревне окрест не сыщешь девушку с такой нежной кожей. И пальцы у нее чернены колючками — не иначе колдунья. А раз так — пусть убирается восвояси, им на хуторе ведьмы ни к чему!

Различив недобрый всполох в темных глазах, принцесса поежилась.

— Кажется, мне лучше уйти.

Неприязнь на лице простодушной хуторянки читалась без лишних намеков.

Изольда почти развернулась, как вдруг старушка под стенкой замахала клюкой, заохала.

— Мартэ, внученька!

Та подскочила, обняла ее за немощные плечи.

— Я здесь, бабушка.

И вновь полоумная зашипела, отчаянно тыча в незнакомку в красной накидке. Разобрать сбивчивый шепоток Изольде не удалось. Но Мартэ, дослушав до конца, недовольно кивнула.

— Ждите здесь, — бросила она в сторону и хмуро потопала в дом.

А через минуту выскользнула из-за деревянной двери, сжимая под мышкой какие-то тряпки.

— Это вот одежда моего отца — рубаха, штаны, жилет. Обувки нет — давно протерлась. Бабушка велит отдать — просто так, в дар...

И она боязливо выставила руки, протягивая Изольде скатанные валиком вещи.

— Спасибо! — обрадовалась принцесса. Подарок был как нельзя кстати, ведь платить все равно нечем. — Как же мне отблагодарить вас?

Она привычно тряхнула головой и капюшон сполз, выставив напоказ лоб и украшенные колючей вязью скулы.

— Ничего не нужно, — попятилась Мартэ. От удивления рот ее распахнулся. — Берите и уходите.

Вообразив, насколько возросло бы ее потрясение, стой рядом осязаемый Хельмвинд, девушка натянула на волосы съехавшую ткань и заспешила прочь. В мыслях вертелась сотня вопросов.

Если первый встреченный в Тьер-на-Вьёр человек узнал в ней терновую ведьму, значит ли это, что на люди здесь лучше не появляться? Или добрая старушка давно помешалась, перепутав легенды с былью?

Тропинка, по которой неслась Изольда, круто взбежала вверх, увлекая ее дальше. Чтобы остановить колдунью, Северному ветру пришлось дохнуть на нее потоком холода.

— К Озерам драконов ты пешком собралась?

— О, Хельм, — она замедлила шаг, развернулась на каблуках, — слышал, о чем они толковали? У меня душа в пятки ушла.

— Значит, дремучая бабка с нелюдиминой внучкой способны испугать тьер-на-вьёр?

— За нее отвечать не стану, но мне от их взглядов стало не по себе... Словно страннику, годы спустя вернувшемуся в разрушенный, безвозвратно изменившийся дом. Охватывают смута, отчаяние...

Ветряным перезвоном верховный подозвал добродушного Блэша и вспрыгнул в седло.

— А еще становится жутко, — не обращая внимания на гарцующего скакуна, продолжила принцесса. — Как в кольце из белых камней...

— Дай мне руку, — повелел Хельмвинд, подъехав вплотную. Нарезать круги рядом с объятый тревогой колдуньей ему наскучило.

Сморгнув, она послушно протянула ладонь, без пререканий позволила усадить себя в седло.

— Боюсь, обитатели Тьер-на-Вьёр будут не рады мне...

Уловив дрожь в ее голосе, верховный вспомнил, как крушил проклятую деревню, затерянную среди холмов. Голодное пламя костра тогда трусливо жалось к земле. Невесомая колдунья в его объятиях безвольно обмякла...

— Забудь о страхах, терновая ведьма. — Сцепив зубы, он хлестнул

ветряного коня. — У тебя теперь есть Мак Тир, который не даст в обиду. Разве эта мысль не внушает тебе покоя?

Вместо ответа Изольда тяжело вздохнула.

* * *

Когда в низине показались поляны с вереском, Хельмвинд осадил Блэша, понукая его снизить высоту.

— Что ты делаешь? — удивилась принцесса.

Не признаваться же, что он видел, с какой тоской она провожает взглядом цветочную белизну. Пришлось выдумывать на ходу.

— Этот скакун не привык бегать под седлом, тем более носить двоих. Нужно дать ему передохнуть.

— О, бедняжка, — тут же посочувствовала Изольда.

Она и не догадывалась, что Блэшу может быть тяжело. Блифарт-то обычно гнал, как оголтелый. Казалось, скакать он может сутки напролет.

— Приземлимся на пару минут и тронемся дальше.

— Прямо здесь? — не скрывая восторга, ахнула колдунья. Вереск уже касался ступней робкими соцветиями.

— Да. — Хельмвинд натянул поводья.

Спешившись, Изольда по пояс окунулась в ароматную реку, берегов которой не отыскать. Длинные ветви любовно стлались по земле, опутывали щиколотки, стоило погрузить их в травянистые заводи. Издалека склоны, заросшие вереском, походили на заснеженные плоскогорья.

Потеряв голову от медового аромата, принцесса с упоением рвала тонкие стебли. Ее проворные пальчики укладывали их — ветка за веткой — в прочное зеленое кольцо. Дюжина шагов, и нарядный веночек готов — только голову подставляй. Нахлобучив его вместо короны, Изольда по новой принялась за работу.

— Осторожнее, — предостерег Северный ветер, — кручи здесь обрывистые — пусть из-за вереска и не видно. Следи, куда ступаешь.

Он потрепал по загривку озадаченного внезапной остановкой коня, отпуская его побегать по крутогорам, а сам устроился на подушке из мха. Белые шерстяные облака лениво клубились над головой. Домыслы не давали покоя.

Что поведаст о былом Роза Ветров, когда проснется? Пролет ли свет на загадки или, как сородичи его, сбившись с пути, станет жить без

прошлого? Но нет, она ведь ветряная повелительница — горсточка лет ей нипочем! Наверняка Роза расскажет, что произошло в Ветряном царстве.

О том, что он может не найти владычицу ветров, верховный не думал. Сердце его, ныне разговорчивое как никогда, твердило обратное. И зов, пускай не такой сильный, как раньше, влек в дорогу.

Прикрыв глаза, Хёльмвинд вспомнил, как бродил во сне по каменному кругу пола в безмолвной башне. Солнечные лучи пронизывали ее насквозь золотыми иголками. Вместе с пылью свет просачивался в пробойны в стенах, тек через обвалившуюся наполовину крышу. И сияющими лужицами собирался на постели спящей. Вот-вот веки, потревоженные бесцеремонными отблесками, задрожат, поднимутся... Но красавица с темными волосами лежала неподвижно, как мраморное изваяние...

— Ай! — вскрикнула со смехом Изольда, падая в мягкую траву. — Еще немного, и я бы шлепнулась на тебя.

Охапка белых цветов в ее руках рассыпалась.

— Ты нарочно здесь притаился?

Северный ветер окинул колдунью долгим туманным взглядом.

— Все же здорово, что Блэшу потребовалась передышка! Гляди, я сплела венок для Таальвена. Правда, он подарок вряд ли возьмет, так что наденем на шею твоему скакуну.

Принцесса уместилась поудобнее и принялась собирать вереск, выпавший из букета.

— А давай заплетем тебе тонкую косу у виска? Белая ветка будет чудно в ней смотреться. — На душе у нее сделалось так светло, что хотелось болтать без умолку.

Но верховный словно воды в рот набрал, и собственный монолог постепенно стал казаться девушке бестолковой трескотней.

— Судя по всему, прически тебе не интересны... Чего же ты желаешь?

Он поглядел на нее — повзрослевшую, ставшую за последний год еще более изящной, и от ледяного порыва щеки Изольды запылали. Сейчас ей не требовалось запрокидывать голову, чтобы рассмотреть его красивое печальное лицо...

«Неужели и в этих горах тень не покидает ветряного сердца? Скоро она сторит в пылу радостной встречи с Розой Ветров», — успокоила себя колдунья.

Северный ветер подобрал с земли веточку вереска, начавшую увядать, рассеянно повертел в пальцах.

— Хёльмвинд?

Белый венок на коленях принцессы распался сам по себе. Верховный

представил, как тянется за ним, узлом завязывает последний найденный цветок, — до колдуньи ведь не больше аршина. Но руки его так и остались по локоть в траве.

— Ну что ты молчишь? — Напевный голос взволнованно дрогнул.

— Пора возвращаться, — эхом откликнулся ветер и свистнул коня.

* * *

— Она назвала тебя терновой принцессой?

В раздумье Таальвен обрывал ветки на увядшем вересковом венке. От костра на песке осталось черное пепелище.

— Да, но имелась ли в виду Исгерд?

— Исгерд? — уточнил Северный ветер, наблюдая за тем, как живо терновая колдунья управляется со своими кудрями.

— Так тьер-на-вьёр нарекалась еще до того, как стала ведьмой...

— Знать бы, какие легенды ходят о ней в этих краях, — промолвил приморский королевич, — может, здесь она и не ведьма вовсе?

Принцесса призадумалась.

— Готова поспорить, девочка в откровения бабки не поверила, — уж больно подозрительно косилась на колючки. В моих снах у терновой принцессы их не было...

— Что толку гадать? — Хельмвинд дернул плечами. Пустопорожние домыслы утомили его. — Окажемся рядом с людским поселением — спросим.

— А если Изольду после этого потащат на костер? — Лютинг сощурил волчьи глаза.

— Так ведь выведывать будешь ты.

В знак протеста принцесса швырнула горсть песка в сторону ветра, но он быстрее птицы поднялся над землей.

— Да ладно вам, кто в наше время жжет колдуний?

«Голодные дикари?» — Чтобы не накликать беду, Изольда прикусила язык.

— Дай-ка. — Она потянулась ладонью к Лютингу, требуя вернуть истрепанный веночек, и, получив его, тотчас отправилась к реке.

— Ты куда?

— Отпущу его на воду. Будет бывшим хозяевам озера мой подарок. Раз вы, невежды, носить не хотите...

Последнюю фразу девушка пробурчала укоризненно.

— Она говорит о драконах? — затягивая подпругу на Блэше крепче, удивился Хёльмвинд. Чуть ли не впервые он обратился к Мак Тиру без колкости и ехидства.

Лютинг недоуменно качнул головой. А затем крикнул принцессе вдогонку:

— Гляди, как бы крылатые змеи тебя не сцапали! Вдруг на дне еще дремлет парочка.

— Издевайтесь сколько влезет. — Изольда задрала подбородок. — Вот оседлаю одного, посмотрим, что вы запоете.

Придерживая юбку, она сбежала по песчаной насыпи и присела у серебристой зеркальной глади. Необъятный водоем выглядел мрачно: небо над ним устилало тучи, туман вихрился на дальних берегах, время от времени обнажая черные пики сосен.

— Нет тут никаких драконов, — успокоила саму себя колдунья и опустила вересковый ободок на волны. Чтобы его не прибило к берегу, пришлось забрести в озеро по колено и подтолкнуть.

— Плыви... — С чувством исполненного долга принцесса сошла с отмели, но внезапно чьи-то цепкие пальцы ухватили ее под водой.

— А-ай!

От истошного крика у Лютинга с ветром заложило уши.

— Помогит... — Кудрявая макушка скрылась в мутной толще.

Позабыв обо всем на свете, Таальвен Валишер бросился к берегу. Он редко испытывал страх, но сейчас грудь сдавило стальным обручем.

— Изольда!

Но Хёльмвинд подоспел скорее. За шиворот вытащив барахтающуюся колдунью с мелководья, он сердито поставил ее на ноги. Там, где она бултыхалась мгновение назад, вода едва доставала до пояса.

— Только попробуй заявить, что это была шутка!

— Там... там, — оскальзываясь на мокром берегу, залепетала принцесса, — кто-то есть!

Дрожащими руками она вцепилась в рубашку подбежавшего к ней Таальвена и охнула, когда, вытянув ее на сушу, он спрыгнул в озеро.

— Нет, не ходи!

Казалось, после частых визитов в Болотное царство колдунья должна была привыкнуть к утопленникам и подводным чудовищам. Но липкий ужас сковывал тело всякий раз, как она вспоминала черные щупальца и посиневшие лица.

— Стой на месте, — повелел приморский королевич, словно с малых лет привык ловить озерных драконов. Самообладание быстро вернулось к

нему, а забраться в холодную толщу было даже приятно.

Мягко ступая над водной гладью, Северный ветер всматривался в глубины. Внезапно он застыл и молниеносно ударил по поверхности, исходящей мелкими барашками. Волны на миг расступились, являя взорам наблюдателей седую косматую голову. В следующий миг верховный выволоч на песок фыркающего брыкающегося старика.

— Так я и думал! С первой секунды на этих берегах мне чудилось дуновение другого ветра — слабое, но различимое. И слух меня не подвел.

Он ухватил Пыльного вихря за тщедушные плечи и хорошенько встряхнул.

— Признавайся, убогий, Эйалэ тебя подослал?!

— Нет, повелитель, — захныкал Ирифи. — Я сам увязался за вами. Не могу допустить, чтоб ты загубил свою жизнь...

— Как ты умудрился пройти сквозь зеркало? — Хёльмвинд разжал пальцы, но вихрь так и остался болтаться в воздухе.

— Прыгнул следом с нижнего уступа — шаг в шаг.

— Гроза на твою безмозглую голову!

— Значит, под водой за ногу меня цапнул он? — Принцесса выдохнула с облегчением. Старичок, в отличие от болотных чертей, вызывал у нее симпатию.

— Я только хотел предупредить, — нахохлился Ирифи, — не ходите в Ветряное царство!

— Ха! — С гримасой недовольства северный владыка отжал намокший рукав.

Изольда проявила больше сострадания и вежливо поинтересовалась:

— Почему?

— Там смерть! — Вихрь смешно оскалил сточенные зубы, надеясь утрашить колдунью.

— Ты повторяешься, старик, — бросил через плечо ветер, успевший вернуться к оседланному Блэшу.

— Приходится твердить одно и то же, ведь ты глух к голосу разума!

— Это я-то его игнорирую?

При намеке на старческое слабоумие Ирифи обиженно надулся.

— Все вы, как мотыльки на свет, летите на погибель. Хоть ты, фейлан, внемли мне! — Он уставился выцветшими глазками на Таальвена Валишера.

Принц вздрогнул, но трепета, которым в нем отозвалось чужеземное слово, не выказал.

— Ты ошибся, вихрь, меня зовут иначе.

— Имя твое мне не интересно, только душа имеет значение! Но куда вам, глупцам, до ее заветов! — Страж башни закувыркался над землей в клубах пыли.

— Если так заботишься о благополучии своего господина, почему бы не отправиться с нами? — неожиданно для всех предложила Изольда.

Ей было отчаянно жаль несчастного старичка.

— Что ж за напасть! — рявкнул в сердцах северный владыка. — Теперь он не отстанет от нас.

— Ну и пусть себе летит — в компании веселей. — Принцесса стянула тесьму на своей накидке. — Не бросать же его на берегу, в конце концов.

— Порази вас буран...

— И тебе того же, — отвечивал Таальвен, забираясь на спину серебрясто-буланой ветряной кобылы.

— В добрый путь. — Пропустив мимо ушей их обмен любезностями, принцесса натянула поводья. — Будь умницей, Блэрти, следуй за своим братом и не растворяйся по дороге.

* * *

Плечи, грива и хвост у Блэрти отливали железом, умная морда, живот и бока искрились серебром. Невзирая на двух седоков, скакала лошадь резво и весело, хотя и была помельче длинноногого Блэша.

Хельмвинд долго сомневался, прежде чем сотворить ее для Изольды с Таальвеном, пусть колдунья и утверждала, что ездил верхом на Блифарте без помощи ветров. Но с грузом из двоих взрослых людей, волочащимся в облаке за спиной, верховный не преодолел бы расстояние до Ветряного царства и за неделю. Так что выбирать не приходилось.

Создав самое покладистое из подвластных ему животное, ветер понадеялся, что колдунья сумеет с ним совладать. Своего скакуна он намеренно не пускал в галоп, чтобы не отъезжать далеко от черноухой Блэрти.

Но принцесса отлично справлялась и без постороннего вмешательства. Во всяком случае, до первой тряски. Что ж, Хельмвинд успеет подхватить девушку при падении, а Мак Тир пускай летит вверх тормашками.

В сотый раз проверив, следуют ли за ним спутники, северный владыка направил копя в облака. Треклятый Ирифи серым вихрем неся позади — докучливый старикашка.

Изольде от его присутствия, напротив, путешествовалось спокойнее:

не так страшно, когда за спиной кто-нибудь есть. Хотя, если быть точной, сразу за ней восседал Таальвен Валишер, до обидного невозмутимый.

«Просто он не понимает, что в любой момент может свалиться вниз», — хмыкнула про себя принцесса.

Сама она до сих пор побаивалась небесных скачек. Но мысль о том, что ответственность за их с Лютингом жизни целиком и полностью лежит на ней, добавляла храбрости. И, расправив хрупкие плечи, она гордо правила несущейся вдаль Блэрти.

Но час проходил за часом, день постепенно угасал. И вскоре даже переливающийся радугой закатный небосвод не мог вырвать колдунью из объятий дремы.

— Очнись, Изольда, — промолвил Таальвен, крепче прижимая ее к себе.

От этого голоса она встрепенулась, вжала болтающиеся пятки в серебристые бока.

— Я не сплю.

Блэрти возмущенно заржала.

— Спишь. — На лице королевича промелькнула незаметная улыбка. — И бормочешь во сне.

— Неправда! — Она попыталась вывернуться из кольца его рук.

— Еще какая, сама знаешь.

Зардевшаяся принцесса закусил губу. Она догадывалась, чье имя твердила в забытии снова и снова.

— Пора делать привал, — сменил тему Лютинг, властным движением отбирая поводья.

— До полной темноты уйма времени.

— Но ты устала.

— Вовсе нет. — Она упрямо выпрямилась в седле.

Таальвен вздохнул, принимая мудрое решение не перечить. Как и Хельмвинду, Изольде не терпелось увидеть шпили сказочного Ветряного царства. И с тем, что до него несколько дней изнуряющего пути, смириться ей было сложно. Пускай же проедет еще немного.

Каким-то загадочным внутренним чутьем Лютинг улавливал: надолго сил колдуньи не хватит. И оказался прав: спустя час она вновь начала клевать носом.

— Хельмвинд, — позвал Таальвен тихо, придерживая спящую принцессу за плечи. В том, что ветер услышит, он был уверен.

Скоро в ночной темноте блеснул серебристый бок Блэша. Верховный окинул седоков вопросительным взглядом, на несколько мгновений

задержав его на лице с терновыми завитками.

— Нужно устраиваться на ночлег. Дальнейший путь она не осилит.

Не сказав ни слова, северный владыка кивнул и послал коня вниз. Блэрти бодро потрусила следом.

* * *

Так минули сутки, а за ними другие. На следующую ночь в вышине показалась тонкая сабелька голубой луны. Засмотревшись на ее нежное сияние, Изольда чуть не соскользнула с лошади.

— Это Серб, — утопая в мареве чужих воспоминаний, изрекла она. — Но где же Альхека?

Вторая луна упрямо скрывалась в чернильной пучине, не желая являть свой лик оседлавшим облака чужеземцам. А может, она просто привиделась одурманенной грезами принцессе?

Дружно изучая звездный небосвод, всадники продолжали путь. Подчас Изольде чудилось: тела ее спутников каменные. Ведь и Таальвен, и Хельмвинд с рассвета до позднего вечера без усталости гнали вперед. В то время как ей скачка давалась нелегко.

Предположим, Северного ветра, привыкшего к бесконечным полетам, не брало утомление, но Лютинг-то человек — откуда у него такая закалка? Теряясь в догадках, колдунья строго приказывала себе бодрствовать. И полночь за полночью выскальзывала из реальности, в изнеможении падая в объятия человека, от которого чаяла сбежать. Но самое странное — положив голову ему на плечо, пусть в беспамятстве, она вновь чувствовала себя под защитой волка.

Таальвен в дороге почти не разговаривал. Встречный ветряной поток мигом уносил слова, к тому же и без бесед он различал отголоски переживаний задумчивой принцессы. И только когда она спала, в ответ на его молчаливый зов эхом отдавалась тишина. Наверное, Лютинг мог бы прорваться сквозь ее завесу, даже в омуте зыбких грез выследить девушку. Но повторно заставлять ее нестись сквозь призрачные леса он не желал.

Ирифи также не спешил болтать на лету. Едва поспевая за шустрými скакунами, он хрипел и кашлял, но упрямо парил в воздухе. Лишь когда над головами спутников взошел лиловый полукруг грозной Альхеки, пыльный вихрь сжался в комок и заскулил скорбно:

— Ох, беда, уже скоро...

Хельмвинд и сам чуял близость цели, потому подгонял смекалистого

коня, уговаривая его на ветряном наречии. Блэш прыдал ушами и устремлялся вперед с утроенной скоростью. Но на горизонте не было ни намека на владения Розы Ветров.

Наконец, к обеду пятого дня, всадники забрались так высоко, что сами облака показались далеким пенным морем. Над головами раскинулась бесконечная лазурь, на ее драгоценном полотне вырисовались крошечные силуэты чудных гор. Верхушки у них были высоченные и тоненькие, словно стебли каменных цветов, располагались они невероятно близко друг к другу.

Пришпорив жеребца, северный владыка подставил руку ко лбу козырьком и сообщил, сдерживая триумф:

— Это башни.

Через несколько часов природа странных цилиндрических вершин открылась и Изольде с Таальвенном. Из далекого плоскогорья, как поганки из гнилого пня, действительно торчали круглые башни. Основания их терялись в клубящейся дымке. Между стенами протянулись сотни тоненьких мостиков.

«Наверное, они удерживают древнюю кладку от разрушения», — сообразила принцесса. Если скопище каменных столбов и есть ветряной дворец, то переходы между залами и этажами его обитателям ни к чему.

Время шло, тоненькие стебли на глазах превращались в крепости — замок ширился, рос, пока не заслонил собой весь горизонт. Как замороженный, ветер всматривался в провалы окошек, силясь определить то самое, что снилось ему когда-то. Но все они были похожи — одинаково темные, заброшенные.

— Внемлите мне! — ни с того ни с сего заорал Ирифи надтреснутым голосом.

От неожиданности Изольда подскочила, и кобыла ее на десяток саженей провалилась в пропасть.

— Чтоб тебя! — дернулся верховный, вскидывая ладонь.

Длинный прочный аркан протянулся к шее испуганной Блэрти. Почуввав хозяйскую хватку, она мигом успокоилась, потопала вверх, будто по невидимым ступенькам.

— Решил их убить? — осведомился ветер, когда лошади поравнялись.

— Напротив — спасти. — Пыльный вихрь выпучил глаза. О том, что может навредить золотоволосой колдунье, он не подумал. — Здесь пролегает последний рубеж — граница, преодолев которую, вы сдвинете безжалостное колесо судьбы.

— Как же надоел. — Хельмвинд потер пальцами виски и развернул

Блэша.

— Остановись, повелитель! Ты еще молод, сердце твое ранено, но пока живо...

— Если опасаясь лететь дальше, подожди нас здесь, — положила конец его причитаниям принцесса. — Мы разбудим Розу Ветров и вернемся.

На горемычного страдальца она ничуть не обижалась.

Таальвену, в отличие от спутников, передалась лихорадка старика. Но любопытство ее заглушило. Принц тронул пятками кроткую кобылу.

— Ох! — Ирифи застыл в воздухе, провожая путников безотрадным взором. — Глазам бы моим не лицезреть этих стен снова. Как давно я божился, что не вернусь сюда, а теперь мой сородич опять ступит в забытое царство...

Всхлипнув горестно, он опустил голову и полетел вниз, словно перышко, пущенное по ветру.

ГЛАВА 6

ВЕЯ ЭРНА

Как стены исполинского муравейника, башни ветряного дворца пестрели входами и выходами. Покосившиеся двери вели прямо в пропасть, окна без ставней таращились неприветливо.

— Неказисто для королевской резиденции, — заключил Таальвен, и Хельмвинд смерил его ледяным взглядом.

— Он ведь пустует сотни лет. — Изольда ступила на поверхность широкого каменного мостика. — Неудивительно, что постройка в таком запустении.

С оглядкой приморский принц прошелся по шатким булыжникам, скрепленным с башнями лишь столетней кладкой в местах стыков.

— Здесь нужно поосторожнее.

Разумеется, он в первую очередь обращался к принцессе, но та запустила пальцы в черную гриву Блэрти и нежно потрепала, оставив предупреждение без внимания.

— Спасибо тебе, милая.

— Разделимся и поищем спальню Розы Ветров, — нетерпеливо прошелестел Хельмвинд. Он поднялся уже достаточно высоко, высматривая что-то среди каменных стен.

— А как она выглядит? — решила прояснить принцесса.

— Как... покои в башне. Если увидите что-нибудь интересное, зовите.

Лютинг нахмурился. Башенок на этой каменной клумбе было не счесть: дюжины их громоздились друг возле друга, краснели на солнце облезлой черепицей, щерились дырами в стенах и крышах.

— Раз других зацепок у нас нет, начнем вон с той светлицы, — наугад ткнула пальцем в ближайшее окно Изольда. — Впрочем, ты пока можешь осмотреть другие залы, Тааль.

— Одну я тебя не отпущу.

— Я вполне способна постоять за себя. — Колдунья ухватилась за подоконник и без усилий влезла на него. — Подумай, сколько раз мне приходилось спасать тебя из беды?

— А по чьей вине мы в нее попадали? — Лютинг спрыгнул следом на пыльный пол.

— Что за оскорбительные намеки? Раз боишься напастей,

преследующих терновую ведьму, Лютинг Вестильд Таальвен Валишер Мак Тир, беги от меня!

Окинув бдительно подгнившие потолочные балки, он приблизился к распалившейся принцессе и неторопливо привлек к себе, смахивая с ее кудрей кружевную сеть паутины.

— Некуда бежать...

Первым порывом Изольды было отскочить, но проследив за настороженным взглядом мужа, колдунья заметила, как просел истертый ковер в шаге от места, где она только что стояла. Часть пола в древних покоех давно обвалилась, и, если бы не королевич, принцесса угодила бы в бездонную яму.

— Тебе всего семнадцать, Изольда, — строго напомнил он, — почти весь свой век ты коротала в безопасности родного чертога и вряд ли представляешь, что может поджидать странника в заброшенном зачарованном замке, так что слушайся старших.

От неслыханной дерзости голос у принцессы пропал: этот некоронованный захватчик станет упрекать ее, терновую колдунью, в отсутствии опыта? Возмутительно!

Она стряхнула его руки и пожалела, что нельзя гордо удалиться, хлопнув дверью: чересчур маленьким был пятачок безопасного пространства.

— Ты... ты... Лучше бы оставался волком!

— Боюсь, тебе и тогда бы пришлось повиноваться, — усмехнулся Таальвен, и до принцессы начало доходить: он пошутил.

Синие искры в ее глазах разгорелись пуще прежнего. Из-за подобного чувства юмора следовало проклясть наглеца повторно, но вместо страшных колдовских стихов на ум приходили нелепые безобидные строки из детских песенок.

Глядя, как беспомощно мечется голубой взгляд, приморский королевич повременил минуту, а затем подытожил мирно:

— Башня безлюдна. — На всякий случай он заглянул даже в дыру под ковром. — Заберемся в другую?

Яростный вид жены ничуть его не тревожил.

— Помочь тебе выбраться наружу?

— Только посмей! — буркнула Изольда, сердито подвязывая платье узлом. А затем выскочила в оконный проем, прошипев на лету: — Эйалэ тебя разрази!

Но восточный владыка не пугал Лютинга. Как ни в чем не бывало он перемахнул через подоконник, покидая комнату. Впереди ждали сотни

покоев, разоренных безжалостным временем.

* * *

Порывом сорвав ветхую занавеску, Хёльмвинд влетел в круглую комнатку. Сколько их было сегодня — дюжина, три десятка? Он рыскал по замковым опочивальням, как одержимый, переворачивая столы и стулья, вздымая в воздух клубы вековой пыли.

Некоторые башни строили ради единственной каморки, в других размещались анфилады покоев. Вспомнить, в каком именно месте дожидалась пробуждения Роза Ветров, верховный не мог. Потому проверял все двери и коридоры, которые встречал.

— И тут пусто... — Снежный ураган просвистел через прореху в крыше, вырвался на простор.

Неужели во дворце не окажется никого? Нет, она обязана покоиться здесь, иначе поиски и надежды напрасны!

Терзаясь бессилием, ветер не заметил, как ворвался в громадный зал, доверху забитый хламом. Под ногами грудями ржавели пустые доспехи. Гирлянды из цветов — таких хрупких, что страшно дотронуться, — украшали стены. Под ними хоронились знамена с эмблемами, символики которых Хёльмвинд не ведал.

Глубоко вздохнув, он опустился ближе к полу. Кажется, когда-то плитку покрывали лепестки, сейчас от них остались горы праха. Разбитые зеркала в серебряных рамах, дырявые сундуки, блюда и кувшины с отколотыми ручками загромождали проход.

Паря над ними, северный владыка с интересом озирался. Уж не на кладовую ли он наткнулся? Но почему она такая огромная по сравнению со спальнями, в которые едва втиснется единственная кровать?

Издаലെка рассматривая гобелен в конце зала, Хёльмвинд вдруг насторожился. Если это тупик, зачем возводить к нему ступеньки?

Не дыша он метнулся к закопченному ковру, по обе стороны от которого в скобах торчали остатки ржавых подсвечников. Осторожно, чтобы не обрушить карниз, просочился сквозь плотную завесу и замер, пораженный. Напротив на круглом каменном возвышении стояла старинная кровать под креплением для полога. Кисейная ткань давно рассыпалась, вместо нее в воздухе кружили мириады пылинок. Вечернее солнце любовно золотило перины, и в его закатных лучах Хёльмвинд увидел спящую мертвым сном Розу Ветров.

Она была великолепна — строгая и беззащитная одновременно. Оливковая кожа сияла, будто владычице не больше трех сотен лет. Темные волосы веером устлали подушку. Засохшие розы покоились на ее груди, как драгоценное ожерелье.

Воздушное черное платье ручьем стекало с кровати. Под его траурными складками прятались ступени каменного постамента и погребальные букеты.

Не смея двинуться с места, Северный ветер оцепенело разглядывал красавицу. Находка потрясла его, оглушила. И, зажмурившись, Хёльмвинд ошеломленно попятился. В тот же час петли, поддерживающие гобеленовый занавес, затрещали, тяжелый карниз ударился о камень, утянув за собой вереницу знамен.

Ветер и моргнуть не успел, как кругом поднялась жуткая кутерьма. Все падало и валилось, гремело, словно в забытой богами усыпальнице осталось чему рушиться. Пыль стояла столбом.

— Проклятье! — громко чихнул верховный, выпутываясь из аршинов грязной ткани.

К его удивлению, учиненный бедлам никак не сказался на покое спящей: ветряная повелительница лежала в своей постели, как прежде, слегка сдвинув густые брови.

Зато Изольду шум обеспокоил всерьез.

— Хёльмвинд! — донеслось с порога. Оказывается, в зал можно было войти через парадную дверь.

Принцесса обвела помещение встревоженным взглядом.

— Что у тебя стряслось?

— Я... нашел ее, — запинаясь, пробормотал ветер.

— Правда? — За спиной у Изольды выросла тень. Это Лютинг заслонил солнечный свет.

— Сами взгляните. — Хёльмвинд поднялся в воздух и вытряхнул из волос клочки паутины. Признаться, он до конца не верил собственным глазам.

Изольда робко ступила на узкую бархатную дорожку, протянувшуюся от порога до постели в другом конце зала. В усыпальнице царил настоящий бардак.

— Здесь будто терновник похозяйничал... — она прошлась вдоль залежей истлевших сокровищ и подобрала тоненький острый кинжальчик, — а этот клинок за века на диво не затупился.

Северному владыке было невтерпеж дожидаться, пока колдунья осмотрит сундуки и знамена, и легким смерчем он расчистил дорогу к

кровати.

— Скорее, идите сюда!

— А можно? — Изольда на цыпочках взобралась по ступенькам. Пришлось наступить на нескончаемый траурный наряд. — Все-таки я — возможная причина ее гибели...

— Она жива, разве не видишь? — Ветер расправил складку на простыни.

Пытаясь различить в тишине сонное дыхание, принцесса подкралась ближе — грудь Розы не колыхалась.

Последним к постели подошел Таальвен Валишер. Властный облик спящей добрых чувств ему не внушал. Будь он волком, шерсть на его загривке наверняка бы встопорщилась.

— Как же она красива! — преодолев первое потрясение, выдохнула терновая колдунья. — Настоящая королева из сказки. Как ее разбудить?

Хельмвинд опустился на пол по другую сторону ложа, босые ступни коснулись прохладной ткани. Над этим вопросом он также ломал голову.

— Я бы предложила... — Отогнав мысль о поцелуе, Изольда осеклась, краснея.

— Что?

Безошибочно истолковав замешательство принцессы, Лютинг шепнул вполголоса:

— Вряд ли это поможет...

— Да о чем речь? — наморщил лоб верховный.

— Забудьте. — Смущенная Изольда поспешила отвести глаза. — Лучше объясните... что у нее в руках?

Она ляпнула наобум, заметив сцепленные пальцы Розы, и совершила открытие: в неподвижных ладонях действительно виднелся какой-то предмет. Края его вспыхивали на свету желтоватыми гранями. Лепестки безымянного цветка проступали сквозь полупрозрачный камень.

— Похоже на амулет... — Хельмвинд склонился над ложем, намереваясь отнять у спящей любопытную вещицу. Но стоило коснуться гладкой поверхности, рука Розы дрогнула и впиалась в его запястье.

Все случилось мгновенно. Ветер задохнулся, словно его ударили в грудь, и мучительно сморщился.

— Хельм! — Принцесса бросилась разжимать мертвые пальцы.

Но верховный шквалом оттолкнул ее.

— Не подходите!

Уговаривать Таальвена не пришлось. Некогда звериное чутье давно било тревогу. Только Изольде не было дела до его предчувствий — стрелой

она кинулась к постели.

— Стой! — предупредил принц, делая быстрый выпад.

Ноги девушки затрепыхались над полом, и вот она, не сообразив как, оказалась в дальнем конце зала.

— Тааль, ему ведь больно!

Лютинг оттащил извивающуюся колдунью к двери. Доказательство мучений Хёльмвинда он видел без лишних пояснений.

Вцепившись пальцами в прикроватный столбик, верховный до скрипа сжал челюсти. Капля за каплей из него будто цедили жизнь — вынимали ветряные силы, как ленты из шкатулки. В глазах плясали огоньки, нутро жгло нестерпимым огнем — еще немного, и он потеряет способность стоять.

Но тихий нежный голос в голове молил беззвучно:

— Пожалуйста, не отпускай...

И ветер стискивал окостеневшую ладонь, покорно позволяя лишать себя штормовой неукротимой мощи, самой сути.

— Удержи меня, поделись своей силой, — мысленно повелела владычица.

Противиться было невозможно — Хёльмвинд намеревался выполнить ее просьбу во что бы то ни стало. Но ослабевшие ноги вдруг подкосились — он упал на колени.

— Сделай же что-нибудь! — вскричала принцесса, с ужасом наблюдая, как гаснет льдистый взор.

— Разве не видишь, он терпит по доброй воле, — попытался втолковать Лютинг.

Но Изольда и слышать не желала.

— Значит, разум его затмился... Пусти, дай мне помочь!

Она брыкалась и шипела, не вполне осознавая, отчего так яростно рвется к траурному ложу. Внутри все клокотало. Но верный защитник принцессы был непреклонен. Он знал: если ослабит хватку, произойдет несчастье.

Вечернее солнце налилось кровью. Откуда ни возьмись над полом взвился затхлый ураган. Тяжелая удушливая волна окатила усыпальницу, разметала ссохшиеся цветочные скелеты. И наконец пальцы Розы Ветров разжались.

Помедли она секунду-другую, Хёльмвинда пришлось бы оплакивать. Но владычица отпустила его как раз вовремя, чтобы не дать прерывистому дыханию затихнуть, — едва живой ветер мешком повалился на плиты.

Ресницы спящей дрогнули, затрепетали, серые в крапинку глаза

изумленно уставились на дырявый потолок. Облокотившись на пыльные подушки, Роза царственно приподняла голову — на пол посыпались погребальные гирлянды. И, моргнув несколько раз, возвестила утомленным голосом:

— Ох, как же долго я спала...

От неожиданности Изольда с Таальвеном онемели. Принц опустил руки: приближаться к постели его заложница теперь не спешила. На нее вдруг нашло колючее колдовское оцепенение.

Ветряная владычица с хрустом размяла затекшие за столетия плечи. На незваных гостей она не обратила внимания. А вот Хельмвинд, распластавшийся в черных складках ее облачения, заинтересовал красавицу.

— Встань, — величаво приказала она.

Верховный, шатаясь, распрямил спину. Лишь правотры ведают, чего ему это стоило, но в конце концов северному владыке удалось поймать хлипкое равновесие.

— Понимаю, вовсе не так принято чествовать своего спасителя, но уверяю тебя, это лишь временная мера...

Северный ветер растерянно заморгал. Было ясно: смысла возвышенной речи он не разобрал.

Тогда Роза Ветров благодарно коснулась его ладони и пропела:

— Чтобы вырваться из оков волшебного сна, понадобилась сила, которой у меня не было. Пришлось одолжить твою. Но обещаю, я верну ее, как только окрепну...

— Этого не случится! — желчно выпалила терновая ведьма. — Потому что сию секунду ты умрешь!

Она сжалась, как кобра, готовая к прыжку, и сильным броском метнула клинок, найденный Изольдой среди мусора. Но Таальвен Валишер оказался проворнее. Заподозрив неладное еще до того, как колдунья занесла серебряную рукоять, он изловил ее и опрокинул на себя.

Кинжал все же проделал смертоносный путь, но просвистел мимо цели, легко чиркнув по щеке Хельмвинда, срезав на лету локон его белых волос.

Настал черед Розы Ветров поражаться. Затравленно оглянувшись в сторону обидчицы, она охнула и попыталась соскочить с высокой постели. Но сдвинуть подол необъятного, как занавес, платья было не так просто.

— Не дай ей меня убить! — Ветряная повелительница в панике вцепилась в рукав северного владыки. — Умоляю!

Не соображая до конца, от чего ее спасает, Хельмвинд рывком стащил

Розу Ветров с перин и, опустив на пол, заслонил собой. Собственная сапфировая кровь струйкой закапала ему на воротник.

— Прочь с дороги, бесталанный принц! — тем временем рывкнула раздосадованная ведьма. — Или ты ищешь гибели?

Выбираясь из обломков, в которые они с колдуньей кубарем укатились, Таальвен нарочно наступил ей на подол. Но тьер-на-вьёр безжалостно разодрала ткань и стремглав кинулась к сундукам в поисках нового оружия.

— Очнись, Изольда! — скомандовал Лютинг.

Девушка едко закаркала.

— Зря стараешься. Целый год я копила силы, таилась в глубине ее тщедушной душонки — все ради этого момента!

Изловчившись, Лютинг захлопнул крышку громадного короба, и колдунья обдала принца чернотой лишенных зрачков глаз.

— Осторожно, человек, не становись у меня на пути!

Терновник щупальцами вился у ее шеи, бледное лицо заострилось. Сотворить бы гудящий смерч, но ведьма не собиралась попусту расходовать усилия. Потому нападать на принца не стала — обманном движением качнулась в сторону, а затем прыгнула за наконечником от дырявого штандарта.

Умело распознав маневр, Таальвен бросился вдогонку, выбил копье из-под ее ног. Было ясно: отступить он не собирается.

— Ну хорошо, — с растущим бешенством тьер-на-вьёр расправила плечи, — сначала разделаюсь с тобой, если настаиваешь...

— А ты, — она ткнула перстом в оторопевшую от ужаса Розу Ветров, — твой черед наступит после. И ручаюсь, легкой кончины тебе не видать — я выколю твои глаза, вырву из груди завистливое сердце и растопчу его!

От низкого гортанного голоса стены башни потряхивало. Хёльмвинд чувствовал, как их дрожь передается ему. Если бы он только мог, то подхватил бы ветряную владычицу, унес прочь, но тело никак не желало отрываться от пола.

— Хватит, Изольда, — бесстрастно промолвил Лютинг, становясь аккурат между ней и траурным ложем.

Дыхание его сделалось размеренным, как в бою, нервы натянулись, но рассудок оставался ясным. Бежать принц не думал — лишь зорко следил за колючими побегами, хищно тянущимися ввысь.

— Глупец, мало тебе страданий? Надеешься одолеть меня? — Молниеносно она вскинула руку, и шипастая ветвь размером с дубинку шарахнула по камню.

— Лучше бы девчонка испепелила тебя в ту ночь, превратила в крысу! Оставь уже нас в покое! Дай мне докончить начатое!

Без передышки она хлестала воздух ветвями, волчком вертелась на месте — Лютинг едва успевал уворачиваться. От разрушительных ударов пол ходил ходуном, с крыши в усыпальницу летела черепица, но тьер-на-вьёр не жалела хлипкие своды.

Таальвен мягко приземлился на ноги, перевел дыхание. Продолжать так дальше нельзя: даже если волшебные растения не доберутся до ветра с Розой, их прикончит обвал, а заодно и его. Уклонившись от очередного хищного побега, принц перекатился по плитам и прыгнул прямо к терновой ведьме.

— Поймала! — Обвивая свою жертву чарами, она зашлась безумным хохотом.

«Мак Тиру конец», — решил Северный ветер, отступая назад. Сам он испытывал полное бессилие перед колдуньей.

Но Таальвену только и требовалось, что подобраться ближе. Не обращая внимания на терновник, он стиснул обезумевшую девушку за плечи, дерзко заглянул ей в лицо.

— Немедленно приди в себя!

— Ха-ха-ха, безумец, я тебя уничтожу!

— Не уничтожишь. — Приморский королевич сжал ее скулы, запрокинул золотоволосую голову. — Ты ничего не сделаешь, тьер-на-вьёр, потому что и душа эта, и тело принадлежат мне!

Она дернулась, гневно мотнула головой — мужские пальцы только сильнее впечатались в кожу.

— Отпусти!

Острые, как лезвия, колючки змеями опутали его плечи, распорол тонкую рубашку, оставляя на теле кровавые следы. Но Таальвен не замечал боли. Незнакомая, пьянящая мощь занималась в нем — дарующая власть обладать, подчинять.

— Ненавижу! — вырывалась отчаянно терновая ведьма. — Будь ты навеки проклят, трижды несчастен!

Она выла и царапалась, но рывок за рывком колючие побеги змеились все слабее, не нанося принцу серьезных ран, исчезая понемногу. По крупицам собранные силы неотвратно таяли.

— Изольда терпеть тебя не может, слышишь! Прикоснись, и увидишь отвращение на нежном личике!

Лютинг не слушал. Однажды слова эти ранят его глубже терновых колючек, но не сейчас. В это самое мгновение он чувствовал лишь, как

бьется испуганной ласточкой девичья душа, пока двое тянут ее в разные стороны. И чтобы вырвать Изольду из цепких когтей тьер-на-вьёр, королевич притиснул корчащуюся колдунью к себе, впился в ее почерневшие губы.

Ругательства стихли. Поцелуй был коротким, злым и вместе с тем пьянящим, как дурман. Одним махом он лишил ведьму воли. Стремительно теряя сознание, она всхлипнула:

— Глупцы, вы не понимаете... я должна казнить ее... Иначе у Тьер-на-Вьёр не будет будущего...

Метущийся взгляд угас — глаза закатились. От нечеловеческих усилий из носа принцессы побежала тонкая струйка черной крови.

Лютинга словно окатило ушатом холодной воды.

— Изольда?

Эйфория от собственного могущества в миг растворилась, на смену пришел вязкий, сосущий страх. Едва сдерживая озноб, принц опустил бесчувственную девушку на землю, приложил пальцы к ее горлу. Беспокойная жилка под кожей упрямо отбивала удары — хвала небесам, жива!

Отгоняя подступившую тошноту, Таальвен произнес облегченно:

— Все прошло. Она снова стала собой.

Хёльмвинд даже не попытался пошевелиться: двойное потрясение сковало его. Но Роза Ветров, с трудом скомкав бесконечное платье, сбежала по ступенькам.

— Живее, неси ее сюда! Нужно сделать все возможное на случай, если ведьма вернется.

Механически подчиняясь приказу, Таальвен подхватил принцессу и двинулся к кровати.

— Клади на ложе!

Похоже, ветряная владычица довольно скоро избавилась от испуга. Расчистив перину от засохших роз и стебельков, она приподняла голову Изольды и бережно подложила под нее подушку.

— А теперь помогите отыскать мой янтарь. Из-за нелепого наряда мне не сделать и десятка шагов. Быстрее! — Она подтолкнула в спину обоих мужчин, одним взмахом вызвав послушный вихрь. — Янтарь заперт в ларце из костей дракона и должен был покоиться у меня в головах. Но какой-то олух, видимо, переставил.

Двигаясь, как хмельные, Хёльмвинд с Таальвеном принялись обшаривать усыпальницу. Сундук нашелся почти сразу — в дальнем углу за кроватью, прикрытый мертвыми цветочными венками.

Увидев его, Роза Ветров возликовала:

— Слава праветрам, дайте мне!

Откинув костяную крышку, она поспешно выхватила из шкатулки большой янтарный медальон с почерневшим цветком в твердой древесной смоле и осторожно надела на шею принцессы.

— Теперь бояться нечего.

Сделав глубокий вдох, Таальвен Валишер повторил фразу про себя, надеясь, что в отзвуках ее заключена вещая сила.

«Опасность миновала...»

Руки его потихоньку переставали трястись. На губах горчил терновый поцелуй, с привкусом собственной крови, запечатлевший, вопреки чаяниям колдуньи, безраздельное право принца на Изольду.

«Никто не властен разорвать эту связь, — вдруг постиг истину Лютинг. И, окинув взглядом измученную принцессу, добавил мысленно: — Одна только смерть».

* * *

Давненько Изольда не просыпалась после колдовского обморока, да и тьер-на-вьёр больше года так не свирепствовала. Видно, берегла силы для триумфального возвращения. В том, что стало причиной очередного помутнения рассудка, принцесса не сомневалась.

Нащупав под собой мягкую постель, она настороженно пошевелилась. В следующую секунду в голове будто взорвался красочный фейерверк.

— Ох! — Тихий стон вырвался из горла.

— Изольда?

Из ночного тумана возник Таальвен Валишер. Наверное, караулил у ее кровати. В темноте, чуть подсвеченной оплывшими восковыми огарками, было видно только силуэт.

Колдунья несколько раз зажмурилась, силясь вернуть глазам былую зоркость. К счастью, дымка рассеялась — глухой сумрак неохотно отступил.

— Что случилось? Почему у меня голова трещит?

— Из-за терновой ведьмы. Мы с ней повздорили...

— О боги! — Поморщившись, она села и медленно повернулась к мужу.

Тот устроился в сажени от каменного постамента — на обломках старинного ржавого пьедестала. По всей видимости, вытащил из-под

статуи. Скрещенные на груди руки, а также ладони, лицо и плечи были чудовищно исцарапаны.

— Тааль, неужели мы с тобой подрались?!

Зеленые глаза мрачно полыхнули.

— Вряд ли это можно назвать дракой.

Объясни же, в чем дело? Где Хельмвинд и куда подевалась Роза Ветров?

Изольда свесила ноги к полу, мечтая поскорее убраться с траурного ложа. От прогорклого запаха свечей во рту стоял гадкий соленый привкус.

— Они ушли в тронный зал. Ветру о многом нужно порасспросить... Кажется, Роза не гневается особо, — он поймал ее недоуменный взгляд, — за то, что ты пыталась ее убить.

— Что?! — От такой новости Изольда повторно чуть не лишилась чувств. — Как это произошло?

— Быстро, — признался Лютинг. — Ни я, ни ветер не ожидали, что ты запустишь в ветряную владычицу кинжал. К счастью, тьер-на-вьёр промахнулась. Следующие попытки навредить Розе также не увенчались успехом. В общем, никто не пострадал...

— погоди. — Преодолевая головокружение, принцесса подалась к нему. — Чего я... то есть она хотела?

Вырвать Розе Ветров сердце... — Таальвен соскреб с подбородка засохшую кровь, — и вроде прозвучало что-то насчет выцарапанных глаз.

— Какой кошмар! — Девушка плюхнулась на ступеньки. — Теперь ветряная владычица ни за что не простит меня.

— Говорю же, она не гневается — подарила тебе охранный амулет. — Он указал на медальон, и лишь сейчас Изольда осознала, что болтается у нее на шее. Янтарь таинственно искрился, отражая звезды, но, несмотря на красоту, украшение хотелось немедленно снять.

— По ее словам, он как-то бережет от тьер-на-вьёр.

— Тогда понятно, почему так жжется...

Она поднесла к свету камень, с любопытством разглядывая колючую головку чертополоха, утонувшую в смоле.

— Принцесса, — неуверенно начал Лютинг, — с тобой все в порядке?

— Шутишь? — Изольда сокрушенно уронила голову. — Я разгромила усыпальницу Розы Ветров, дважды покусилась на ее жизнь, клялась сотворить жуткие вещи... Что она обо мне подумает?

— Я не об этом. — Он поднялся и подошел ближе. — У тебя... болит что-нибудь?

Она фыркнула, не уловив в его расспросах тревожных ноток.

— Все без исключения — ребра, виски, плечи... Словно меня от души поколотили. Даже губы саднит! И взгляни только на мой испорченный наряд — терновая ведьма вконец озверела?

Бодрая болтовня утихомирила беспокойство приморского королевича. Кажется, гибель от изнеможения принцессе не грозила.

— Хорошо. — Он взял ее за руку, увлекая в недра темного коридора.

— Не вижу ничего хорошего. Куда мы идем?

— К Розе Ветров.

— Ой, нет! — Изольда уперлась в каменную плитку каблуками. — Мне стыдно показаться ей на глаза. Давай лучше удерем незаметно.

В кои-то веки она предлагала Таальвену бежать вместе, но он возразил, поборов искушение:

— Вряд ли ты так поступишь, узнав, что случилось с Хельмвиндом.

— А что с ним? — Неловкость была мигом забыта.

— Увидишь. — Таальвен подтолкнул принцессу вперед, начиная жалеть, что секундой ранее отказался от побега.

Теперь-то им точно не отделаться от верховного. Ведь Изольда не бросит его — опустошенного, неспособного больше летать.

* * *

— Почему она это сделала? — разнесся по залу звенящий голос. — Как одолела тебя? К чему стремилась?

— Я... не знаю, — вздохнула Роза Ветров удрученно. — Ничего не помню. После стольких веков в мыслях сплошной хаос.

— А причина, по которой ушли ветра? — Хельмвинд ближе подступил к потускневшему золотому трону.

Но повелительница его и на сей раз безотрадно склонила голову.

— Понятно... — Разочарование сквозило в каждом движении ветра. Спутанные волосы коснулись лица.

— Мне жаль, верховный. — Роза задумчиво оглядела одинокую фигуру. — Быть может, прошлое обретет смысл, когда ветряная сила ко мне вернется. А пока...

Приоткрытая дверь скрипнула. Из-за нее показалась встрепанная кудрявая макушка.

— Вот и мои гости. — Ветряная повелительница радушно распахнула ладонь. — Входите же!

Для проспавшей тысячи лет выглядела она чудесно: золотистая кожа

сияла во всполохах факелов, алые губы походили на бархатные цветочные лепестки. Облачение Роза сменила — теперь на ней переливалось атласом роскошное платье с высокой талией. Стоячий воротник украшали узоры, рукава плотно облегли гибкие руки.

Шагнув в тронный зал, Изольда невольно залюбовалась шевелюрой красавицы: пряди ее волос колыхались, как кувшинки на воде, голову венчал полукруглый головной убор, отделанный сухими цветами. Пышная грудь величественно вздымалась под корсажем.

«Я по сравнению с ней просто тощая замухрышка», — решила принцесса, поспешно одернув рваную бахрому на юбке.

Но Роза даже бровью не повела.

— Мы толком не успели познакомиться, — кивнула она, лучась благодушием. — Меня зовут Вея Эрна.

— Изольда Мак Тир, — присела в скромном реверансе колдунья. — Простите, что напала на вас.

Роза Ветров деликатно прокашлялась:

— Ничего страшного. В конце концов, это была тьер-на-вьёр. Так вы ее называете?

Принцесса с благодарностью ухватилась за возможность сменить тему.

— Значит, в вашей стране у колдуньи действительно иное имя?

— В древние времена ее величали терновой принцессой. — Вея Эрна погрузилась в раздумья.

— Отчего же в таком случае она сделалась ведьмой?

— Сложно сказать...

Держащийся на небольшом расстоянии от Изольды Лютинг готов был побиться об заклад, что серые в янтарную крапинку глаза ветряной владычицы лукаво вспыхнули. Но то могла быть обыкновенная игра света.

— Ты не представила своего спутника, — словно прознав о его догадках, оживилась Роза.

Изольда спохватилась.

— Это Лютинг Вестильд...

— Таальвен Валишер, — перебил принц.

— Западный ветер? — Вея Эрна намотала на палец гладкую прядку. — Забавно, среди моих подопечных был твой тезка.

— Он покинул Тьер-на-Вьёр вместе с остальными ветрами? — сделала попытку поддержать беседу принцесса.

Красавица на троне болезненно затаила дыхание.

— Нет, он умер.

Три пары глаз одновременно уставились на нее — с удивлением,

недоверием, сочувствием. И, сложив на коленях руки, Роза Ветров промолвила грустно:

— Хотите узнать, как это случилось? Я помню немного... Лишь как однажды терновая принцесса собрала войско и напала на Ветряное царство. Разгорелся долгий жестокий бой, многие ветра погибли. А в самом конце мы встретились с Искерд лицом к лицу. Понятия не имею, как все сложилось после. Но видимо, в неистовой битве не одна я утратила мощь...

Вея Эрна напряженно поправила цветочную корону, по всему ощущалось: она старается воскресить образы минувшего изо всех сил.

— Колдунья была сильна — ничего удивительного, что она улизнула в другой мир в поисках подходящего пристанища для неприкаянной души. Думаю, уже тогда она лелеяла надежду вернуться...

— И мы послушно исполнили ее волю, пройдя через зеркало и прилетев в ветряной дворец, — пригорюнилась Изольда.

— Не корите себя, — приободрила Роза Ветров. — Без вашей помощи я бы ни за что не очнулась от колдовской дремы. От всего сердца я благодарна Северному ветру.

Только теперь принцесса вспомнила, зачем заглянула в тронный зал: она ведь беспокоилась о Хельмвинде! Но в присутствии ветряной владычицы удерживать разбредающиеся мысли оказалось непросто. Слишком притягательным было ее грозное великолепие.

Очнувшись от наваждения, Изольда отыскала глазами верховного, призраком маячившего в стороне. Нахмурившись, он стоял босиком на каменных плитах. Белизна кожи будто поблекла: чудилось, что голубоватое свечение, обычно исходящее от ветра, исчезло. Даже спиральные узоры на его плаще прекратили движение.

— Боюсь, это моя вина, — проследив за взглядом колдуньи, призналась Вея Эрна. — Раньше меня подпитывал дух четырех верных помощников. Но они погибли — мои добрые верховные... и ради пробуждения я отняла чужую силу.

— А как... умирают ветра? — запинаясь, пробормотала Изольда.

Она отчаянно боялась показаться грубой, но вопрос не давал покоя.

— Растворяются, исчезают... — отрывисто пояснил Хельмвинд вместо владычицы. — Но на смену им тут же являются другие старшие. Странно, что здесь все обернулось иначе...

Принцесса чуть не пискнула от радости, услышав его голос — звонкий, как прежде. Может, ветер пострадал не так сильно?

— Что ж, — пожала плечами Вея Эрна, — равновесие недолго пошатнётся, если в ход событий вмешивается терновая ведьма... Но не

будем предаваться унынию — ты восстановишь его!

Она неожиданно указала на верховного, и тот удивленно выпрямился.

— Покуда хоть один ветер присутствует в Тьер-на-Вьёр, мощь моя восполнима. Нужно лишь отыскать ветряные башни и добыть для меня горловины от зачарованных рогов. Напившись из них, я восстановлю былое величие.

Роза Ветров слетела с трона, царственно поднялась над полом. Платье ее вздулось, как парус.

— Твой дар уже у меня — значит, северную башню можно исключить. Осталось всего три, — она приблизилась к ветру, держась чуть выше его головы, — найди их, Хёльмвинд, и справедливость восторжествует!

Похоже, к такому повороту верховный не готовился. Онемев, он обескураженно возрился на Вею Эрну.

Как никто представляя сумбур в душе ветра, Изольда шагнула к нему и робко уточнила:

— Если Хёльм принесет вам горловины, вы вернете ему силу?

— Безоговорочно! — встрепенулась Роза. — Я бы отдала ее прямо сейчас, но тогда снова погружусь в сон.

Из-за своего причудливого головного убора она казалась выше на целый вершок.

— Далеко эти башни? — осведомился Таальвен деловито.

С тем, что по поручению Вей Эрны придется тащиться дружной оравой, он давно смирился. Хорошо бы находилось искомое не за тридевять земель.

Но ветряная владычица подтвердила худшие догадки королевича, вздохнув с сожалением:

— Боюсь, башни рассеяны по всей Терновой стране. И пешком до них добираться не одну неделю... Но если поторопитесь, втроем вы...

— Я отправлюсь один! — угрюмо отчеканил ветер.

От неожиданности Вея Эрна позабыла, о чем вела речь. Но Изольду подобным тоном было не пронять.

— Мы пойдем с тобой, — строго заявила она.

— Зачем? Вам в подобном походе нет никакого толку.

Принцесса недовольно вздернула подбородок. Неужели Хёльм искренне полагает, что она оставит его в беде?

— Во-первых, мне крайне важно, чтобы Вея Эрна восстановила свою память. Может, в забытой правде о тьер-на-вьёр кроется тайна, как ее изгнать. Во-вторых, я обязана хоть как-то искупить недостойное поведение и отплатить за чудесный подарок. И в-третьих...

Она стиснула янтарный амулет и оглянулась на Таальвена в поисках поддержки. Ожидать ее от человека, недолголюбивавшего верховного владыку, было неразумно, но принц ни с того ни с сего кивнул коротко. Колдовская страна манила его не хуже сокровищ.

— Вот видишь. — Принцесса уперла руки в бока.

На лице Северного ветра застыло нерешительное выражение. На согласие Мак Тира он не рассчитывал.

— Славно, — оборвала напряженную тишину Роза Ветров, — проблема решена.

Не скрывая любопытства, она по очереди изучила лица своих гостей и, взмахнув шлейфом, развернулась к трону. Сдержанная перепалка, состоявшаяся мгновение назад, наводила на мысли о запутанных отношениях троицы.

— Завтра я начерчу пометки на вашей карте, — все еще гадая, какими узелками связаны судьбы Изольды, Таальвена и Хельмвинда, проговорила Вея Эрна, — по ним вы дойдете до западной, восточной и южной башен. А пока отправляйтесь спать. После такого долгого дня всем надлежит хорошенько отдохнуть.

«Жутковато устраиваться на ночлег здесь, — хмыкнула про себя принцесса. — Постели — словно ложа мертвецов. Да и стены того гляди рухнут под натиском времени».

Без слов угадав, что заботит девушку, Вея Эрна огляделась и добавила успокаивающе:

— Основание у этой башни крепкое. Моей ветряной магии вполне хватит, чтобы поддерживать сооружение в целости. Так что смело выбирайте любую опочивальню на нижних этажах и ни о чем не переживайте.

С вежливой улыбкой она указала на дверь.

— В коридоре под люком в полу есть витая лестница — она приведет вас вниз.

Не отважившись перечить темноволосой красавице, Изольда смущенно пожелала доброй ночи и поплелась к выходу. По пятам за ней следовал Таальвен Валишер.

ГЛАВА 7

ПО ВЕЛЕНИЮ РОЗЫ

Луны Тьер-на-Вьёр сияли, как самоцветные камни в недрах Железного дома, с той лишь разницей, что по яркости они способны были затмить целую россыпь подземных кристаллов. Нежно-голубые, лиловые полосы косыми мазками растекались по пыльному полу, превращали и без того диковинную комнату в колдовские покои из сказки. Казалось, лунный свет проходит сквозь витражи, вбирая в себя невиданные оттенки. Но стекло в здешних башнях отродясь не имелось.

С головой погрузившись в причудливый танец разноцветных бликов, Хельмвинд застыл на постели — плечи неподвижны, колени согнуты. Позолоченное изголовье служило ему опорой, руки бессильно вязли в пыльных складках некогда роскошных покрывал.

— Вея Эрна... — беззвучно шептал ветер в темноте. Но никакие имена в тот момент не способны были вернуть ему душевный покой.

Власть управлять бурями, ураганами исчезла, а вместе с ней ушла невесомая сила, наполнявшая тело от макушки до кончиков пальцев. На смену явилась тяжесть, будто на плечи верховного владыки разом опустилось бремя всех ветряных печалей.

Наверное, ему полагалось ликовать после пробуждения Розы Ветров, и Хельмвинд искренне радовался, что теперь она в мире живых, но даже эти мысли не утешали. Ведь тому, кто создан рассекать небеса, невыносимо, бессмысленно ступать по земле.

Смежив усталые веки, северный владыка откинулся на спинку кровати. Как никто он желал освободить ветряную владычицу и наивно полагал, что ради этой цели не колеблясь пожертвует всем. Но плата за воскрешение оказалась непомерно высока. А его повелительница, его путеводная звезда — нема и безучастна. На устах ее — печать столетнего беспомыслия... Каких новых потерь будет стоить отомкнуть ее?

Изо всех сил борясь с гнетом тягостных ощущений, Северный ветер втянул воздух в легкие. Ребра свинцовой клеткой сдавливали грудь. Хотелось вырваться за пределы ее прутьев, раствориться в ледяном водовороте... Но ненасытная пустота камнем тянула к земле. Как осилить эту страшную ношу?

— Я помогу, — всего час назад пообещала Вея Эрна.

Она дождалась, пока в коридоре стихнут шаги Изольды и Таальвена, а затем прикоснулась к запекшейся ранке на щеке верховного. Через секунду та почти затянулась.

— Не печалься, мой друг, тяжесть скоро ослабнет. Ты заново обретешь способность ходить и дышать. А моя благодарность за временную утрату будет поистине невыразимой — клянусь вернуть тебе все сторицей...

Сила плескалась в ее очах мерцающим золотом. Глядя в них, несложно лишиться любых сомнений, как во власти Эйалэ. Хотя нет...

Хельмвинд безотчетно тронул ниточку шрама на лице.

Однажды Роза станет могущественнее, чем Эйалэ, чем все ветра, вместе взятые. Нужно лишь принести ей утерянное.

— Украденное... — подсказала Вея Эрна во мраке призрачного тронного зала. — Жизнь у меня отобрали насильно...

Лицо ее озарила ожесточенная вспышка. Или ветру померещилось, как сжались в полоску алые губы?

— Освободи меня, Хельмвинд, — оседая на каменные плиты, промолвила она. — Ты — единственная моя надежда...

И в тихом призыве верховному почудились стальные нотки. Разум подсказывал: несмотря на позу и тон, ветряная владычица не просит. Значит, ему надлежит подчиниться, шагать по земле, смилив смятение...

Но вот беда: при одной мысли о покорности — судьбе или высшему существу — внутри начинало клокотать. Никто не учил ветра повиноваться, и эта наука давалась с болью и тяжким трудом.

* * *

Пока Изольда очнулась, солнце успело вскарабкаться в самую высь. Спалось ей отвратительно: тело и мысли заполнила зыбкая пустота, словно принцесса была сосудом, из которого вынули содержимое и погрузили в реку из пепла.

«Уж лучше наблюдать во сне за прошлым терновой ведьмы, чем задыхаться в сухом горячем потоке», — решила она, выбираясь из затхлых перин. В голове болезненно пульсировало.

Чтобы хоть немного взбодриться, Изольда прошла по комнате. Прошлой ночью она толком не разглядела обстановку — толкнула двери первой попавшейся на пути спальни и плюхнулась на подушки.

Надо думать, Лютинг ночевал где-то поблизости. Отделаться от его неусыпного сопровождения было невозможно. С другой стороны, под

присмотром бывшего волка она чувствовала себя не такой потерянной, хоть не призналась бы в этом ни за какие коврижки.

— О! — вырвалось у нее невольно, стоило приподнять крышку громадного сундука.

Внутри, аккуратно сложенные, хранились богатые наряды. Удивительно, но тление не тронуло ткани — кружево, шелк и парча так и манили примерить рубахи и ливреи. Золотые, изумрудные, серебряные нити завивались в сложные узоры на воротниках, окаймляли лацканы и шлицы.

Не устояв перед их мягкостью, колдунья нырнула в недра глубокого короба. Увы, вся одежда в нем оказалась мужской. Искусно расшитые туники, тончайшие накидки с прорезями на рукавах были безнадежно велики ей даже на первый взгляд.

Разочарованно вздохнув, Изольда выпустила из пальцев нежный батист и направилась к ларцу поменьше, примостившемуся у окна. Его она сразу заприметила и очень обрадовалась отсутствию замков и потайных механизмов в крышке. Вскоре содержимое оказалось аккуратно разложенным по полу — сундук заполняли ботинки и сапоги всевозможных форм и размеров: высокие, с отворотами, каблуками и на шнуровке, исключительно мужские.

— Сплошное невезение! — воскликнула принцесса огорченно. — А ведь мне позарез необходимо дорожное платье. После бесчинств тьер-навьер старое превратилось в лохмотья.

Так и не сунув миниатюрную ступню ни в одну из пар обуви, Изольда огляделась. Нескладная гора сундуков, поставленных друг на друга, загромождала дальнюю стену почти полностью. Наверняка в них найдутся туалеты и для нее.

Рискуя сломать шею, Изольда взобралась на шаткую конструкцию и пошарила в верхнем ларце. Тщетно — там обнаружили только куртки, камзолы и драгоценные плащи, похожие на Хельмово колдовское облачение. Орнамент на них сплетался в ажурную паутинку сам по себе.

«Не иначе, ветряные чары, — смекнула колдунья. — Потому вещи и сохранились за века».

Она подтянула к себе увесистую шкатулку и вытащила на свет парочку невесомых шейных платков. Под ними скрывались булавки и перья, следующий короб был забит бриджами, чулками и панталонами...

Похоже, эта комната принадлежала придворному ветру, знавшему толк в элегантных нарядах, но девушке здесь делать нечего, смирилась с очередной неудачей Изольда.

Придерживаясь за угол сундука, она спрыгнула на пол. Тотчас неустойчивое сооружение покачнулось, накренилось, словно кипа книг.

— Ой! — Принцесса едва успела отскочить в сторону, прежде чем все начало рушиться.

Деревянные стенки ларцов жалобно затрещали, на пол хлынул ворох роскошных щегольских нарядов. Но на этом все и кончилось — не так много их хранилось в покоех.

Хорошо хоть, Вея Эрна расположилась этажом выше. Может, она не узнает о беспорядке?

Виновато озираясь, Изольда принялась собирать разбросанную одежду — напрасная затея, если класть ее все равно некуда. Внезапно в руки ей попала симпатичная рубаша с пышными рукавами и шнуровкой у горла — вполне подходящая для худенького юноши. Следом за ней из-под обломков был извлечен бордовый жилет из набивной ткани и такие же по цвету бархатные панталоны.

— Как по мне шито! — Она просияла. — И к плащу Зефира подойдет изумительно!

Настроение вмиг поднялось. А уж когда принцесса отыскала узенькие сапоги — себе по ноге, радости не было предела.

— Это много лучше женских тряпок! — Рывком стаскивая платье, Изольда запрыгала по комнате.

В мужском костюме куда удобнее путешествовать, подниматься на кручи, ездить верхом. И почему она раньше не додумалась одолжить у Ливы шаровары?

Облачившись в чужую, но так ладно сидящую на ней одежду, Изольда окинула себя придирчивым взглядом и выскочила в коридор. Внешним видом она осталась довольна. Теперь — бегом хвастаться ветру и Таальвену. Наверняка они оценят ее вкус и изобретательность.

* * *

— Тебе нельзя так идти, — осмотрев колдунью с ног до головы, провозгласил Лютинг. Лицо его приобрело какое-то странное выражение, будто за шиворот ему бросили ледышку.

— Почему же? — насупилась Изольда.

— Потому...

Таальвен еще раз скользнул глазами по тонким запястьям в мягких тисках манжет, оценил крой тесного жилета. На мгновение взгляд его

задержался на талии принцессы, туго обтянутой широким поясом. Панталоны на ее бедрах сидели как влитые, а стройные ноги из-за высоких голенищ казались длиннее.

— ...Потому что девушкам не подобает так одеваться.

— Глупости, — взмахнула алым плащом Изольда, — мы же не при дворе.

Она стянула на шее золотые тесемки и лукаво усмехнулась:

— Между прочим, дома я тоже носила мужские наряды. Когда отправлялась со Стефаном на прогулку.

— И сколько лет тебе было в ту пору — десять?

— Какое это имеет значение?

Таальвен опустил голову. Легче позволить Изольде расхаживать в сорочке на голое тело, чем объяснять, по каким причинам нынешнее одеяние не подходит для девичьих форм. В конце концов, всегда можно укутать ее с головы до...

Он устался на колени принцессы, выглядывающие из-под короткой накидки... Зато сливовых узоров почти не видно.

— Мне все ясно. — Изольда вздернула подбородок. — Я просто не нравлюсь тебе.

— Что? — От неожиданности Лютинг чуть не рухнул с кровати.

Но колдунью его искреннее удивление не разубедило.

— Отчего же еще ты тарацишься на меня, как на заморское чудище? — Она приосанилась, чтобы выглядеть выше. — Пусть так, я не собираюсь больше путаться в неудобных юбках! А если тебе мой облик не по нраву, можешь не смотреть.

Таальвен по-прежнему глядел на нее ошарашенно, и Изольда приняла его молчание за подтверждение собственных догадок.

Разумеется, в новом туалете она не столь привлекательна, как Вея Эрна в своих изысканных платьях, но можно хотя бы из вежливости изобразить одобрение.

— Зато в этой одежде меня никто не узнает. — Она натянула на голову капюшон. — Притворюсь странствующим юношей, чтобы не привлекать внимание...

Видимо, изумление Лютинга плавно переросло в скептическое выражение, потому что Изольда в ответ на его замешательство уязвленно умолкла.

— По-твоему, мужская рубаша и панталоны — хорошая маскировка? — как можно безобиднее поинтересовался Таальвен.

— Конечно, ведь под ними ничего не видно...

Принц хмыкнул, и в который раз у Изольды возникло желание хорошенько огреть грубияна. Да что с ним вообще происходит?

— Хватит гримасничать, словно на плечах у тебя самого королевская мантия! Прежде чем корчить мины, раздобудь хотя бы сапоги. — Она развернулась на каблуках и двинулась к выходу. — Подумать только, Стефан намеревался отослать меня в страну, где у мужчин столь варварские манеры! Надеюсь, Хёльм окажется более обходительным...

Удаляясь, она все бормотала, а грохот подошв по стылým каменным плитам вторил монотонному ропоту. Лютинг еще долго слышал, как сердито чеканит шаг его жена, правда, податься вдогонку не помышлял. Что он возразит ей — поведает, как соблазнительна юная принцесса, или запретит пускаться в дорогу без юбки? В первом случае это вызовет ее смущение, во втором — неприязнь и гнев. Пусть лучше носит что пожелает, чем сторонится Таальвена, как чумного.

Ему, кстати, тоже давно пора избавиться от обносков. Что там колдунья говорила насчет зачарованной одежды?

Приморский королевич с хрустом потянулся и направился в комнату, в которой Изольда провела ночь. Находилась она совсем рядом с его спальней — за незапертыми смежными дверями.

* * *

Пыла принцессы хватило ненадолго: через четверть часа ей надоело исследовать бесконечные пустующие уровни башни, а Хёльмвинд как в воду канул. По привычке хотелось громко его позвать, но девушка помнила: легкокрылый ветер разучился летать, ему никак не примчатся на зов.

— Хёльм? — С опаской она протиснулась в тоненькую щель в полукруглой арочной двери. Изнутри пахло сыростью и пылью. Вряд ли верховный избрал бы такое местечко для ночлега.

Наверное, накануне ему несладко пришлось, ведь не каждый день лишаешься сил. Колдунья зажмурилась и попыталась представить, как бы она себя чувствовала без терновой магии. Не то чтобы ее могущество ежесекундно ощущалось в теле, но колючие узоры внушали уверенность, что принцесса осилит любые испытания.

Если бы было дозволено, она приняла бы толику их и за ветра, лишь бы облегчить его страдания. Но позволит ли Хёльмвинд помогать? Чутье подсказывало неутешительный ответ.

— Ау! — без особой цели крикнула в пустоту принцесса.

Чем ниже, тем запущеннее выглядели этажи ветряной цитадели: глубокие трещины веками вгрызались в камни, влага уничтожала пышное убранство.

«Пора возвращаться, — повелела себе колдунья и побрела вверх по узкой винтовой лестнице. — Должно быть, Северный ветер отправился в тронный зал».

Когда она переступила порог круглого пустынного холла, дневной свет за окнами начал темнеть: небеса постепенно заволакивало тучами, не сулившими ничего доброго. Еще немного, и громовые раскаты ударят по крышам ветряного дворца.

Хёльмвинд в одиночестве бродил по светлице — все внимание его было поглощено мозаикой на стенах, выцветшей от времени. Она изображала ветров в полупрозрачных одеждах, прибывших в эти края на заре их рождения. Виднелись под рисунками и письма, но от стройной вязи остались разрозненные осыпавшиеся фрагменты.

— Разузнал что-нибудь полезное? — Изольда неловко замялась в дверях.

— Нет, — бросил ветер через плечо. — Не летопись, а бессмысленные стекляшки.

— Может, их создавали для красоты? — Она запрокинула голову, разглядывая грандиозные батальные сцены. Шлемы и наконечники копий когда-то сияли позолотой, но краска давно поблекла.

Досадливо фыркнув, Хёльмвинд обернулся. Прозрачные глаза — не такие яркие, как прежде, но неизменно холодные — воззрились на колдунью.

— Чьи это вещи?

— Мои. — Она поправила пряжку на ремне и робко добавила: — Если Вея Эрнэ позволит.

— Хм, — верховный подошел ближе и оценивающе изучил принцессу, — в них ты напоминаешь Фару.

Вовсе нет. — Сама не понимая отчего, Изольда смешалась и покраснела. — Едва ли мы с ветрессой похожи.

Поверь мне. — Он задумчиво повертел перстень Давена Сверра на пальце и добавил с ехидцей: — Обе обожают совать нос в чужие дела.

— Ну, знаешь ли, — выдохнула Изольда, — история с тьер-на-вьёр касается меня напрямую...

Она поравнялась с ветром и по старой памяти приподнялась на цыпочки. Но внезапно выяснилось: он не настолько высок, когда стоит на земле.

— Тебе нужны башмаки. И наряд попрacticalнее. Вряд ли этот долго прослужит в дороге.

Хельмвинд небрежно подтянул обвисшие рукава — насчет костюма колдунья советовала верно, да и ноги у него замерзли, но больше всего проблем создавали волосы. Взлохмаченную гриву не так-то просто привести в порядок: пряди лезли в глаза, путались в складках плаща.

— В моей спальне как раз обнаружился целый ветряной гардероб! Сапоги, кафтаны, кольчуги. Уверена, ты найдешь туалет по размеру.

За возможность поболтать на отвлеченную тему Изольда ухватила с тройным усердием, к тому же ветер вел себя как ни в чем не бывало — хороший знак.

— Понадобятся плотная туника, шерстяной плащ... Перчатки или наручи тоже не помешают...

Не дослушав ее, северный владыка кивнул.

— Согласен. Но прежде мне потребуется нож. Тот, которым ты вчера угрожала Вее Эрне, сгодится.

— Зачем? — забеспокоилась Изольда.

Она надеялась раз и навсегда позабыть о проклятом кинжале.

— Идем, поможешь его отыскать...

— Погоди. — Принцесса нагнала его на ступеньках. — Зачем тебе клинок?

— Хочу обрезать волосы.

Колдунья споткнулась, встала как вкопанная.

— Нет!

— Да. — Верховный переступил порог усыпальницы Розы Ветров. — Иначе однажды они задушат меня во сне.

— Как же так? — Изольда рванула следом, с трудом сдерживая вопли протеста. — Нельзя принимать подобные решения сторяча!

— Это всего лишь волосы. — Руки ветра уже шарили в кучах хлама.

— Неправда. У тебя волшебная шевелюра — в жизни не видела красивее.

— Оставишь себе на память.

— Я серьезно, Хельм, — желая настоять на своем, она тронула его за локоть, — избавляться от таких волос — преступление. Ты же Северный ветер, в конце концов!

Запретные слова сорвались быстрее стрелы. Если бы могла, колдунья взяла бы их назад, но сказанного не воротишь.

Верховный владыка отшатнулся от нее, сжался напряженно.

— Ошибаешься, я кто угодно теперь, но не повелитель вьюг и

северных ураганов! Глупо тешиться мыслью, что все будет как раньше, от правды это не убережет!

Резким движением он стянул болтающуюся лоскутами бесполезную накидку и швырнул на пол. Лицо сделалось каменным.

«Глупая, глупая девчонка!» — Изольда закусил губу, в тысячный раз проклиная свой болтливый язык. На роду ей, что ли, написано ненароком ранить дорогих людей?

— Либо помоги раздобыть клинок, — промолвил ветер глухо, — либо не путайся под ногами.

Вспышка гнева на свою незавидную участь угасла, уступив место насущным заботам. Только принцесса, попавшая под горячую руку, затаила в душе печаль.

Нож она откопала в два счета — голубой блеск так и притягивал взор.

— Вот. — Мысок сапога уперся в острое лезвие. — Противно до него дотрагиваться.

Без колебаний ветер потянулся к гладкой рукояти, занес руку для одного решительного движения. Но тихий возглас не дал совершить задуманное.

— Погоди... Не стоит так коротко. — Принцесса запнулась и раскрыла черную от узоров ладошку. — Позволь мне... Обещаю, когда закончу, волосы не будут тебе мешать.

Верховный вздохнул: и что ей до его колтунов? Но противиться молящему взгляду не смог — безмолвно вложил ветряной кинжал в тонкие пальцы.

— Садись, — голос принцессы мигом окреп, — даже без умения летать ты все еще слишком высокий.

Она деловито огляделась в поисках кресел или стульев. Ни того, ни другого в усыпальнице не нашлось. Пришлось остановить выбор на траурном ложе. Ветер нахмурился, но перечить не стал.

— Только бы Вея Эрна не явилась нежданно. — Отложив нож, Изольда выудила из кошелька на поясе гребешок.

— Она в дальней башне, — успокоил Хельмвинд, прислушавшись к далекому слабому шелесту за стенами. — А это зачем?

На гребень он покосился, словно на ядовитое жало.

— Сиди спокойно, — шикнула терновая колдунья. — Если я поручилась привести в порядок твою прическу, выполню обещание непременно. А уж как — моя забота.

— Ха! — Верховный состроил недовольную мину.

Но стоило костяным зубцам погрузиться в его белоснежные волосы,

деланая кичливость исчезла. Руки у принцессы были нежными, как у ветресс, играющих на арфах. Пальцы двигались умело, мягко, под их неощутимым нажимом спутанные пряди вновь превратились в гладкий шелк.

— Вот так, — приговаривала колдунья, играючи расплетая тугие узелки, — позабудь о горестях, Северный ветер...

Колючки на ее запястьях и лбу лениво подрагивали, но Хёльмвинд не замечал этого. Сейчас он не способен был даже подняться на ноги — столь сильной оказалась умиротворяющая терновая магия. Прочным шипастым заслоном она обволакивала его сердце, прогоняла прочь тревоги.

На мгновение свет кругом померк, в мире остались лишь ласковые пальцы Изольды и ее мерный шепот... Спустя секунды, мнившиеся вечностью, принцесса осторожно тряхнула его за плечо и позвала озадаченно:

— Хёльм, ты слышишь меня?

Морщась от сожаления, она провела голубым лезвием по хвосту, предварительно собранному в жгут, и почти доплела вторую косу у виска ветра, когда он ни с того ни с сего разлегся на перинах с закрытыми глазами.

Колдунья собиралась разбудить его, окликнуть, но лицо верховного было так безмятежно, что тормозить его не хватило духу. Будто Вея Эрна, он погрузился в тихое забытие, голова покоилась в ворохе погребальных лент и кружев. Если бы северный владыка не лежал поперек кровати, можно было бы вообразить, что покои эти принадлежат ему, а не Розе Ветров.

Припомнив о ней, принцесса встрепенулась. Что скажет повелительница, обнаружив ее, колдующей над Северным ветром? Мираж, нашедший на девушку, растворился.

— Хёльм?

Темные ресницы задрожали, но в ветряных глазах по-прежнему блуждали мягкие озера тумана.

— Я закончила. Полюбуйся, что получилось. — Колдунья поспешно вручила ему осколок зеркала, добытый из ржавой погнутой рамы.

Верховный сел, растерянно сжимая отполированное стекло. В голове звенела приятная пустота. С зеркальной поверхности на него взирал бледный незнакомец с ледяными глазами. Повернув голову и скосив взгляд, он увидел, что его гладкие волосы — чуть ниже лопаток — заплетены на висках и собраны сзади в тонкий пучок.

Не произнося ни звука, он вернул осколок принцессе.

— Не нравится? — с замиранием сердца протянула она.

Терновые ветви на скулах чернильно поблескивали.

— Напротив... а куда подевался твой кулон?

Изольда ухватила за шею и округлила глаза: обжигавшая кожу вещица и правда пропала.

— Не заметила, как оставила в комнате с платьем, — она смущенно спрыгнула со ступенек, — побегу за ним, пока ничего не случилось.

Алый плащ крылом взвился над землей.

— Поздно. — Хёльмвинд стряхнул с покрывал черный цветочный прах.

Пора привыкнуть к ведьмовским выходкам тьер-на-вьёр. Хотя он мог бы поклясться: все это время существом его владела не она и даже не Вея Эрна, а золотоволосая колдунья со звонким голосом и светлым солнечным именем.

* * *

— Друзья мои, — прочистив горло, проговорила Роза Ветров, — сегодня я облетела собственные владения и лишней раз убедилась в своей досадной немогущности: сил мне хватило только на то, чтобы осмотреть верхние этажи башен... Это упрочило решение отпустить вас в дорогу одних.

«Надо же, — скрестил руки Таальвен Валишер, — будто она когда-то собиралась к нам присоединиться».

Царственными ужимками и величавым видом его было не провести: не то чтобы Вея Эрна вызвала вражду у бывшего волка, но и безоговорочно доверять он ей не собирался.

И хотя, по словам властительницы, добралась до тронного зала она с трудом, ей вполне достало мочи принарядиться. Коралловое платье тяжелыми складками укрывало трон, драгоценная парча на высоком лифе блестела жемчугом.

«С такими рукавами только в походы ходить», — нахмурился Лютинг, оценив нарядные оборки до самой земли.

Изольде, наоборот, внешний вид Розы внушал благоговение. Принцесса стояла перед ней, почтительно сложив ладони, словно одна из ветресс, покорных всевышней воле, и воображала, как однажды поможет вернуть Вее Эрне былое могущество.

Новые наряды своих гостей ветряная повелительница восприняла как

должное — не смутил ее ни мужской костюм принцессы, ни то, что Лютинг вооружился коротким мечом из ее арсенала. Даже длина волос Хельмвинда оставила Розу равнодушной, или она предпочитала не вмешиваться в чужие заботы.

Но так или иначе, ветряная одежда пришлась как нельзя кстати. Таальвен разжился короткой кожаной курткой с заклепками, рубахой, штанами и тяжелыми сапогами и стал похож на разбойника с большой дороги. Хельмвинд в украшенной орнаментом тунике выглядел не так грозно, но и он прихватил из сундуков кое-что для самозащиты: длинный упругий хлыст висел у его бедра.

«Нужно бы утащить втихомолку злополучный голубой клинок, — строила планы Изольда. — А то я единственная осталась без оружия».

— ...Не ведаю об опасностях, подстерегающих пешего, но карту для вас начертала... — степенно вела речь Вей Эрна. — Остается надеяться, беды в дороге минуют вас.

«Держи карман шире!» — насупился Таальвен. — Когда это несчастья обходили их с принцессой стороной?

Следом за Хельмвиндом он подошел к столу, желая рассмотреть ветхий пергамент.

— Южная цитадель находится ближе всех, — плавно указала Вей Эрна. — Путь к ней пролегает через Огненную реку... До западной башни придется добираться через болота, а восточная...

Она осеклась и обреченно отвернулась. Кружевная мантия на остроконечных рожках затейливого головного убора трепыхнулась мотыльком.

— Боюсь, чтобы достичь восточного чертога, вам придется обогнуть Тьер-Леран — терновый город.

И, не дождавшись реакции, на которую рассчитывала, ветряная владычица закончила гробовым голосом:

— Это столица Тьер-на-Вьёр... Ни при каких обстоятельствах не входите в ее ворота и вообще сторонитесь людей! Я ведь понятия не имею, что произошло в наших краях за сотни лет: как живут в королевстве, какие блюдут порядки... Вдруг метки на теле Изольды сослужат вам дурную службу!

Она нависла над принцессой, и темные волосы всколыхнулись жадными щупальцами.

— Мы защитим ее, — пообещал Лютинг сумрачно. Тяжелая мужская ладонь легла на плечо колдуньи.

— Хорошо. — В глазах Вей Эрны затлели желтые искорки. Она

сдержанно улыбнулась. — По возможности остерегайтесь дорог. Ночуйте вдали от людских жилищ, никому не открывайте цель своего странствия. Если попадете в передрагу, я не смогу помочь... Изольда...

Колдунья не мигая оставилась на обтянутые тканью колпаки на голове ветряной властительницы.

— Не снимай янтарный амулет никогда, слышишь? В Тьер-на-Вьёр терновая ведьма как нигде близка к источнику своей силы, пускай у нее нет собственного тела. И видят боги, она не оставит попыток заполучить твое!

— Обязуюсь неустанно его носить. — Принцесса погладила смоляной камушек, и пальцы легонько обожгло.

— Хёльмвинд, для тебя у меня тоже найдется подарок. — Подманив к себе металлическую шкатулку, Роза Ветров вынула из нее колючий сухой браслет, увенчанный цветами чертополоха, и вручила верховному. — Пока он на тебе, мы будем видеться во сне. Не обещаю частые визиты — для этого я чересчур слаба, но время от времени ты сможешь посвящать меня в ваши дела.

Без колебаний ветер натянул украшение на запястье, прикрыл мягким рукавом. Обсуждать приказы повелительницы не имело смысла.

— Что ж... — Она удовлетворенно сплела пальцы. — Не стоит мешкать — дорога не ждет...

И первые капли дождя тревожно забарабанили по черепице.

* * *

Вниз, вниз уходили лестницы башни — в сумрак безлюдных, помертвевших за века залов. Света почти не было — приходилось продвигаться на ощупь, придерживаясь за стены, молясь небесам, чтобы не оступиться в темноте. Но вот ступени кончились — запертые входные двери перегородили путь.

— В сторону, — скомандовал Лютинг, наваливаясь на створки плечом.

Задвижка снаружи надтреснуто скрипнула.

Вея Эрна ждала путников на пороге. Как быстро она одолела спуск — за секунду, минуту? Хёльмвинд поморщился с досадой, стараясь не выдавать отвращения от пешей прогулки. А ведь раньше ему бы и в голову не пришло пользоваться ступенями.

— Слава праветрам, старая дорога цела! — выдохнула Роза облегченно. — Я проверила.

И умчалась в сторону обрыва, прикрываясь от дождевых капель

невидимым заслоном.

— Разумеется, ветра ею не пользовались, но паломники, поклонявшиеся нашим предкам, поднимались по древним камням...

— Поглядим, безопасно ли по ним спускаться по прошествии тысяч лет, — ворчливо подхватил Лютинг в тон повелительнице.

Смущенная Изольда ткнула его в бок — как можно пререкаться с Розой Ветров? И, завернувшись в непромокаемую ткань накидки, заспешила следом. Хёльмвинд шагал последним.

Когда втроем они достигли склона горы, ливень припустил знатный. Но колдовская одежда неплохо оберегала от воды.

— Не вижу троны, — развел руками Таальвен.

Ветряная владычица любезно ткнула пальцем куда-то вниз. На уступе под ними, прямо в скале, были вырублены грубые крутые ступени — такие узкие, что взрослому мужчине едва хватит пространства, чтобы не сорваться в пропасть. Ломаная каменная лента петляла по крутогорам, по всей видимости, опоясывая вершину десятки раз до самого подножия, но рассмотреть ее не давали облака.

— А другого пути не существует? — Всеми правдами принцесса силилась сохранить боевой дух.

Лазала она отменно, а вот высоты разумно побаивалась.

Вея Эрна скорбно сдвинула брови.

— Нет.

«Разбиться при падении с жалкого пригорка... — С отрешенным видом Хёльмвинд прыгнул на верхнюю ступень. — Эйалэ бы оценил иронию».

— Удачи тебе, северный владыка. — Вея Эрна с шелестом подалась за ним, и темные пятна грязи тотчас расплылись на длинном ее шлейфе. — Всем вам...

— Спасибо, — поблагодарила Изольда за троих, съезжая вниз по склону.

Муж ее замыкал процессию. Верховный кивнул и двинулся вперед, желая как можно быстрее убраться с проливного дождя. Мечта его исполнилась нескоро.

* * *

У каменной кривой лесенки не было конца: лишь только путники преодолевали крутой спуск, за поворотом маячил другой. Идти

приходилось гуськом, плотно прижимаясь к кручам, чтобы ненароком не сверзиться вниз. От дождя камни стали скользкими — сползая по ним, принцесса нервничала.

Зато удобное мужское облачение показало себя с лучшей стороны. В платье ей было бы не сделать на этих уступах и сотни шагов.

Кругом белело ватное ничто. Уши глохли, глаза слепли в дымном мареве, что льнуло к ногам, но отгонять тучи было без толку. Да и пропасть в их шерстяных клубках выглядела не такой безжалостно-хищной.

— Ох. — Пальцы Изольды впились в острый булыжник за спиной.

Чтобы перевести дыхание, пришлось сделать очередную остановку. Ветер ушел достаточно далеко — не угнаться. Таальвен же был тут как тут.

— Устала?

Сбившееся дыхание выдало Изольду с головой.

— Как думаешь, долго нам еще?

Принц уставился куда-то перед собой, стараясь различить мир в молоке тумана.

— Неблизко.

— О, Тааль, лучше бы ты солгал. — Она уселась на вымытую водой ступеньку и прислонилась лбом к шершавой глади горы. Ноги налились свинцом.

— Лучше бы ветер оставался при своих крыльях, — задумчиво возразил он. — Пойдем.

И принцесса, застонав, продолжила путь.

К вечеру дождь прекратился, дочиста вымытое водой дневное светило милостиво разогнало тучи. В горле у Хельмвинда пересохло, ступни и колени горели огнем. Кто же знал, что передвигаться по-людски так мучительно? Но ветер неуклонно двигался вперед — упрямства у него было с избытком.

Изольда, напротив, все чаще отставала. И это казалось непривычным. В прошлом ей хватило сил, чтобы усердно работать у Хаар Силлиэ... Куда теперь подевались терновые чары? Впрочем, магия тьер-на-вьёр не впервой вела себя странно.

— Пять тысяч двести девяносто один, пять тысяч двести девяносто два... Есть ли край у треклятого серпантина? Пять тысяч двести девяносто три... — Верховный обогнул каемку каменного парапета, и белесая хмарь за поворотом расступилась.

Злополучная лестница все так же неслась вдаль, но в зарождающихся сумерках можно было рассмотреть сочную зелень поросших травой склонов. Неужели они дошли?

— Эй! — балансируя на краю, прокричал ветер. — Осталось несколько верст!

— Тогда проще прыгнуть, — донеслось до него издалека. Новость отнюдь не показалась Изольде радостной.

Но когда девушка своими глазами увидела травянистые пологие взгорья, она передумала.

— Боги, близок конец нашим страданиям! Я не сомневаюсь в умозаключениях Розы Ветров, но с этой «тропинкой» онахватила лишнего.

— Удивительно, что дорога вообще существует, — промолвил Хёльмвинд. — Что за люди поклонялись ветрам?

— Те самые, что после поражения Вей Эрны соорудили ей усыпальницу? Бесстрашные упрямы! Я бы на эту гору не полезла и за все сокровища Тьер-на-Вьёр. — Принцесса прибавила шаг, благополучно забывая о том, что уже согласилась встать на опасную тропу, — причем вовсе не ради богатств.

Стемнело. Проклятые ступеньки множились, как заколдованные, земля манила, но не приближалась. Изольде хотелось вопить от отчаяния, но ее ветряной провожатый не знал устали. И когда принцесса готова была рухнуть с обрыва, подошва сапога коснулась мягкой земляной почвы.

— Вот почему жизнь людей так коротка, — прохрипел Северный ветер, измотанно опускаясь в траву. Казалось, легкие его вот-вот разорвутся.

— Ты еще не убежал от улеб-хёстов или слуг болотного короля. — Принцесса свалилась рядом.

Но Лютинг, последним сошедший с лестницы, потянул ее за капюшон.

— Вставайте! Прежде чем спать, нужно разжечь костер и согреться.

— Буран на твою голову, — прошипел Хёльмвинд сквозь зубы. Тело его превратилось в сплошной комок боли.

Опиравшаяся на колени терновая колдунья склонна была согласиться, если бы не беспощадная правота приморского королевича: они вымокли и продрогли. Негоже в таком виде ночевать в траве. К счастью, у Изольды был припасен порошок, которым снабдила подругу Лива. Если посыпать им поленья, пламя будет полыхать без остановки несколько часов.

— Вот. — Негнущимися пальцами она протянула мужу заветный мешочек. — Щепотки хватит до рассвета.

Таальвен бережно распустил шнуровку. Усталость на миг проступила на суровом лице, и сонная явь перед глазами колдуньи задрожала, сливаясь с грезами.

«Волосы его седы... Пахнут лесом, холодом, с тех пор как волк ходил

в колдовской упряжке... Это притягивает, как безудержная звериная ярость в пружинистых лапах...»

Но вместо воображаемых когтей человеческие руки укладывали ее поближе к огню, укутывали волшебным плащом. И прежнее их неистовое буйство исчезало до поры — звенело росой на кончиках теплых пальцев.

ГЛАВА 8

ПЕРЬЯ И КОСТИ

— Мы не можем двинуться в путь без Ирифи! — бунтовала расстроенная Изольда. — Он обещал дождаться нас внизу.

— У этого полоумного старикашки выюга в голове. — Плечи Хельмвинда небрежно дрогнули. — Не уверен, что он вообще понял твои слова.

— Ну конечно понял. — Принцесса сверкнула голубыми глазами. — Иначе бы уточнил.

— Говорю тебе, вихрь давно выжил из ума. — Ветер затолкал в суму плащ и проверил, крепко ли держат тугие лямки. Судьба соплеменника нисколько его не тревожила.

«Бесчувственный чурбан! — Изольда сердито откинула за спину пышную косу. — Задумал бросить беспомощного спутника в колдовской стране, полной опасностей!»

Развернувшись, она потопала вниз по склону — искать Ирифи.

— Оставь ее, — беззлобно посоветовал Таальвен, предупреждая оклик, готовый сорваться с губ верховного. — Все равно не послушает.

Кошель с колдовским порошком отправился в его вещевой мешок.

— Но вихря здесь нет, — оглядев лесистые низины, сказал Хельмвинд. — И не было... я бы почувствовал.

— Волнений Изольды это не уймёт. Позволь ей самой убедиться, что ждать бессмысленно.

— Ты рассуждаешь так, будто знаешь, о чем она думает. — Ветер покосился на Мак Тира испытывающе — тот даже не дрогнул. При желании принц умел оставаться невозмутимым.

— Никто не может читать мысли...

— Я тоже так считал, пока своими глазами не убедился, как сдается терновая ведьма под натиском обыкновенного человека. Что ты с ней сделал?

— Ничего, — возразил Лютинг, пряча зеленый взгляд.

Загадочный вопрос и самому ему не давал покоя.

— И разумеется, Изольде лучше не знать об этом «ничего»? — предположил верховный с нажимом. Губы его тронула пронизательная ухмылка.

— Если тебе есть о чем ей поведать, я не стану удерживать. — С трудом преодолев звериное желание цапнуть собеседника, Таальвен шагнул к косогору. Густые волосы отливали на свету жемчужным серебром.

Не прошло и дюжины минут, как принцесса догнала спутников и уныло побрела рядом. К досаде своей, она не обнаружила ни следа пыльного вихря — пришлось спешно возвращаться. Домыслы о несчастьях, сулящих симпатичному старичку, саднили занозой, но поделаться девушка ничего не могла.

— Надеюсь, Ирифи увидит нас с высоты и присоединится, — жмурясь, она приложила ладонь козырьком ко лбу, — с ним идти веселее.

— Нравится, когда под боком бесконечно охают и голосят? — не преминул съязвить северный владыка.

Осадить его для Изольды было легче легкого.

— Намного больше, чем когда пыхтят от гордости и заносчиво закатывают глаза.

Фраза повеселила Таальвена, но он рассудительно смолчал. Не стоит рушить хрупкое перемирие, установившееся между ним и ветром. Для этого еще придет время.

— Непочтительные людишки! — Хёльмвинд с фырканьем отвернулся.

На том беседа оборвалась: тропинка резво сбегала вниз — требовалось следить, куда ступаешь, чтобы не соскользнуть по влажной от вчерашнего дождя траве.

Вдалеке мшистым покрывалом зеленели леса — их резкий лиственный запах кружил голову, увлекал за собой, словно невидимая нить, крепко оплетшая путников.

Когда высокие деревья замаячили перед лицом, Изольда радостно засияла. Облегчением виделось убраться подальше от скал. И чем глубже они уходили пиками в сизую небесную хмарь, тем легче становилось на душе у девушки. словно с исчезновением острозубых башен ветряной цитадели с глаз спала пелена — драгоценная, но оттого не менее тяжелая.

Не дожидаясь, пока изумрудный лесной сумрак стугнет над головой, Северный ветер вынул из сумы карту и разложил на земле меж узловатых корневищ.

— Мы на границе Ветряного царства. Впереди Гладан-Къэль.

— Что это значит? — спросила принцесса, беспечно кружась среди осин и ясеней.

— Голодный лес — чаща, которая хочет есть...

— Хорошо, что заранее предупредил, — насупил брови Таальвен Валишер, в одночасье расхотев углубляться в дебри с подобным названием.

— Лес замыкается кольцом вокруг ветряной горы — облететь можно лишь по воздуху. — Верховный скатал в трубку старинный пергамент. — Так что выбора у нас нет.

О том, что им предстоит пересечь Гладан-Къэль, он догадался сразу после того, как Вея Эрна снарядила его в путь. Бессонной ночью времени изучить карту Тьер-на-Вьёр было предостаточно.

— А вдруг это просто поэтическое выражение? — попыталась разрядить обстановку Изольда. — Как Море чудовищ на родине Таальвена или Гнилое ущелье в Черных горах? Любят же менестрели облекать обычные вещи в причудливую форму.

Лютинг поддел носком ботинка шапку громадного мухомора.

— Море чудовищ названо так потому, что сотни лет назад мои предки сражались в его волнах с глубоководным змеем. А из упомянутого тобой ущелья исходит ядовитый смрад, порождающий жуткие видения...

— Эй, — принцесса уперла руки в бока, — я пытаюсь настроиться на положительный лад!

Лицо Таальвена смягчилось.

— Если бы от этого был толк...

Северный ветер размышлял о своем. Обойдя Мак Тира, он навскидку избрал направление и двинулся по мягкому ковру из прошлогодних листьев.

— Слышали сказки о Гладан-Къэль?

По спине Изольды пробежал холодок.

— Нет.

— Говорят, роци его питаются живыми существами, будь то путники, звери или птицы. Потому здешние лоцины полны обглоданных костей... Неведомо, как лес поедает своих жертв, но шагнувшем под его сень уже не выбраться...

Поступь Лютинга сделалась осторожнее. Принцесса нервно сглотнула и ускорила шаг, чтобы не отставать. Откуда ни возьмись возникло непреодолимое желание взять мужа под руку.

— В детстве я считал это чепухой. — Поваленное деревце под сапогом Хельмвинда раскрошилось. — Байками, которые годятся, лишь чтобы пугать впечатлительного Зефира. Подобных историй о Тьер-на-Вьёр сотни — одна страшнее другой. Не думаю, что им стоит доверять...

— И все же Гладан-Къэль тебе не по душе? — Лютинг машинально положил руку на рукоятку клинка, инкрустированную янтарем.

Верховный спорить не стал.

— Когда-то и Роза Ветров казалась мне вымыслом...

— Давайте-ка сменим тему, — хлопнула в ладоши терновая колдунья. — Терпеть не могу небылицы о костях... Ладно, если их рассказывает Зефир, — речь у него задорная, полная жизни. А вот тебе, Хельмвинд, только жуть наводить!

Набрав в легкие сладковатого дурманящего воздуха, она распрямила спину.

— Лес как лес — ничего необычного.

Но Таальвен соглашаться с женой не спешил. Поравнявшись с ветром, он указал на свитый в кольцо хлыст, притороченный к его поясу.

— Умеешь обращаться с этой штукой?

— Можешь не сомневаться, — отозвался верховный с грозной готовностью.

Выглядело это как приглашение к драке.

«Ее нам только недоставало!» — помрачнела Изольда.

Но ссоры не последовало. Таальвен умолк, Хельмвинд поддержал паузу, будто оба они разом потеряли друг к другу интерес. Дальше спутники шли уверенно, не оглядываясь. Можно было подумать, впереди их ждет не хищная голодная чаща, а мощеная замковая аллея, до которой рукой подать. Ветви высоких дубов чернели в звонкой безветренной тишине.

* * *

Через несколько дней троица привыкла к таинственному лесу. По ночам Хельмвинд с Лютингом по очереди дежурили у костра, днем старались одолеть расстояние побольше. Препятствий на пути не возникало.

Невзирая на мрачные отголоски легенд, в Гладан-Къэль водились сычи, белки и зайцы. Последних Таальвену удавалось изловить пару раз, и тогда на ужин закатывали настоящий пир. А как-то утром приморский королевич заметил в лощине оленя и показал Изольде.

— Хорошо, что у нас нет лука и стрел, — прошептала она с восхищением, любуясь грациозной фигурой вдалеке.

Зверь безмятежно жевал траву.

— Даже если бы были, вряд ли я стал бы на него охотиться. — Таальвен подался назад, бесшумно выбираясь из густого кустарника, за которым он с принцессой прятался, словно за непроглядной зеленой стеной.

— Тебе тоже его жаль? — Изольда шмыгнула следом и вынула из прически несколько веточек.

Ее простодушие вызвало у королевича улыбку.

— Нет. Нам не съесть столько мяса за один раз, с собой мы его тоже не унесем...

И хотя в словах Лютинга звучала лишь справедливость охотника, на лицо Изольды набежала печальная тень: как буднично он рассуждает об убийстве.

Время текло — небо темнело и снова вспыхивало, но Гладан-Къэль и не думал редеть. Таальвен с Северным ветром сохраняли шаткий нейтралитет, перекидываясь за день десятком фраз. Кажется, обоих это устраивало.

Приморский принц ни в чем не винил верховного, но чувствовал: пока тот исподтишка разглядывает колдунью, не стоит считать его другом. С другой стороны, в его верности принцессе Лютинг не сомневался и спокойно оставлял девушку под присмотром северного владыки.

Изольда же угрюмых перемигиваний мужчин намеренно не замечала, всеми силами стараясь развлечь спутников. Она пела и болтала без умолку, расспрашивала о Приморском королевстве и Сеам Хор, восхищалась исполинскими деревьями и жарила на костре грибы, которые получались не слишком съедобными. Таальвен, с трудом прожевав хрустящие на зубах паутинники, отобрал у принцессы увешанный ими прутик.

— Отрава, а не еда! — закашлялся Хельмвинд, выплевывая горькое угощение. — Ты же ведьма, женщина, значит, обязана уметь готовить!

— Неужто? — негодуяще потеревив складку алого плаща, воскликнула принцесса. — Предлагаешь и на метле полетать?

Ветер скривился, запивая ключевой водой ужин, а вместе с ним иные упреки.

Больше Изольда не стряпала. Каждый вечер на стоянке ее предупреждающий взгляд говорил: «Только заикнитесь об ужине — превращу в жаб».

И мужчины благоразумно помалкивали — становиться лягушками им не хотелось.

* * *

— Двоелуние, — зачарованно промолвила колдунья, спрыгивая с кряжистой дубовой ветки, — невиданная красота!

Различив среди крон проблески лилового и голубого, она забралась повыше, чтобы отыскать на небе налитых красками Серба и Альхеку. И, завидев круглые бока обеих лун, задохнулась от восторга.

Вечер только набирался темени, медленно наступал, сбиваясь в синие лужицы призрачного тумана. Потому сияние зорь сквозь листву было не разобрать. А вот лунные блики прошивали ее навывлет, паутиной тянулись от могучих древесных верхушек до земных листвяных покровов.

Подозрительно всматриваясь в медленный танец света у ног, Таальвен невольно отступил в спасительную тень.

— Что-то здесь неладно... Слишком ярко.

— Еще бы! — Принцесса восторженно затанцевала. — На небе целых две полных луны.

Лютинг нахмурился. Делать привал в этом месте он отказался наотрез, и в поисках подходящей поляны путники прошагали еще несколько верст.

Почти смеркалось, но лиловая голубизна только сделалась ярче.

— Вон там прогалина. — Утомленная долгим переходом, Изольда была согласна и на самую неприятную постель.

Но Северный ветер жестом удержал ее.

— На ней также не стоит ночевать.

Спросить почему принцесса не успела. Раньше чем слова сорвались с языка, в разноцветных всполохах она увидела связки из перьев и мелких птичьих костей, гирляндами висящие на дальнем дереве.

Внутри все похолодело.

— Идем. — Таальвен потянул ее за руку. Но от того, что жуткая картина осталась за спиной, ничуть не полегчало.

Дебри потихоньку сгустились, овраги и буреломы все чаще преграждали дорогу.

Настороженно оглядывая заросли дикого кустарника, колдунья вдруг кивнула в сторону.

— Еще одно дерево.

Добела обглоданные кости позвякивали на ветвях ближайшей осины. На этот раз их обнаружилась добрая дюжина — черные перышки лоснились в лунных отблесках.

Лютинг замер в нерешительности, гадая, стоит ли возвратиться или безопаснее продолжить путь. Но как только он обернулся, ответ прояснился сам собой: вместо зеленых крон позади насколько хватало взора белели россыпи костяных амулетов.

— Дорога исчезла, — кивком подтвердил Северный ветер.

К счастью, ему хватило ума не высказывать вслух предположения на

сей счет.

Изольда исполошенно крутанулась на месте.

— Это пока ни о чем не говорит. — Перехватив ее беспомощный взгляд, Таальвен Валишер заслонил спиной украшенные ветви. — Предлагаю двигаться в прежнем направлении.

— Но... — девушка переступила с ноги на ногу, — там же гирлянд видимо-невидимо.

— Просто кости. — Сдернув один из амулетов, Хельмвинд пропустил его звенья сквозь пальцы и уронил в траву. — Сами по себе они безобидны.

От резкого движения остальные связки зловеще закачались, но больше ничего не произошло.

— Хорошо, — подавив беспокойство, уступила колдунья.

Магия ее безмолвствовала. Может, и верно — нечего бояться дороги, украшенной оберегами. Вдруг они призваны защищать путников?

Поглядев украдкой на стиснутые ладони Изольды, Лютинг направил ее по следам ветра. Чувства вдруг обострились. Может, оттого принц ощущал, как шипит полозом страх на задворках ее души.

Хельмвинд также ступал с опаской, прислушиваясь к тому, что творится за сотню сажений. Но как бы чутко он ни замирал, в ночной тишине ширился лишь дробный перестук полых птичьих косточек:

— Клик-клак, клик-клак.

Хорошо, что Изольда не способна была расслышать слабое, доводящее до озноба пощелкивание. Иначе ее наверняка пришлось бы тащить на плече. Пока же принцесса двигалась добровольно, пускай и не слишком воодушевленно.

Вместо тропинки под ногами давно теснились кочки и ухабы. Сонные деревья с костяными кронами обступили путников со всех сторон и угрюмо молчали — ни полночного крика вылетевшей на охоту совы, ни листовяного шороха. Затишье заставляло нервничать, хоть само по себе и не сулило бед. Во всяком случае, Таальвен не чуял поблизости ни одного живого существа.

К полуночи стало ясно: ночлега путешественникам ждаться нечего. Впрочем, обессиленная принцесса, невзирая на ломоту в ногах, сама не согласилась бы разбить лагерь в костяных дебрях. Под страшными деревьями она глаз не сомкнет — уж лучше топтать, куда хватит мочи. Вдруг заклятый лес кончится так же внезапно, как появился.

Но Северный ветер, кажется, был настроен не так решительно. Прикрываясь ладонью, он зевнул во весь рот и потер слипающиеся глаза.

— Ты в порядке? — Изольда задержала взгляд на бледном лице.

— Нет, — ворчливо отозвался верховный. — Чувствую себя слабым человеком, неспособным осилить жалкую сотню верст!

— Вот оно что, — девушка усмехнулась, — наконец ты с нами на равных.

В речах его она не распознала ноток досады или ожесточения — лишь бесконечную усталость.

— Честно говоря, в последнее время и я выдыхаюсь быстрее обычного. Видно, терновая ведьма совсем перестала помогать — бережет силы для себя.

«В тьер-на-вьёр ли дело?» — лениво всплыло в голове у Лютинга. Но размышлять дальше было чересчур утомительно. Мысли вязли в болоте туманной дремы, воспоминания путались, словно он снова стал волком, забывающим свой человеческий облик. Тело внезапно сделалось вялым, неповоротливым, будто принц управлял им издалека.

«Идти!» — строго приказал он себе.

Ноги повиновались неохотно: шаг — и мертвенные осины проплывают мимо, второй — алый плащ Изольды исчезает вдали.

— Тааль? — глухим эхом отдалось в ушах. — Нашел что-нибудь?

Кому принадлежит этот звонкий голос?

С трудом разлепив веки, Лютинг обнаружил, что стоит посреди чащи, в забытии уронив голову. Принцесса напряженно застыла поодаль, ожидая его ответа.

Чтобы догнать ее, понадобилось напомнить себе о долге и цели их похода.

— Ты ведешь себя странно, — пожаловалась колдунья, всматриваясь в отстраненные зеленые глаза. Подобный взор она помнила — он не знаменовал ничего доброго.

— А где... — Изольда оглянулась, ища Хёльмвинда.

Искать долго не пришлось — ветер бесцеремонно уселся под кроной ясеня, опершись спиной о мощный ствол. Костяные амулеты над ним торжествующе позвякивали.

— Тебе плохо, Хёльм?

Владыка и не думал отвечать. Разум его стремительно ускользал в спасительную топкую бездну, в которой не было ни испытаний, ни тревог.

— Да что с вами обоими происходит? — воскликнула Изольда, дергая верховного за руку и повторяя про себя, как молитву: «Главное — не паниковать...»

Льдистые глаза недовольно приоткрылись.

— Оставь меня, ведьма...

— Что значит, оставь? — Принцесса вцепилась в него еще яростнее, заставляя северного владыку подняться с земли.

Пока она возилась с ним, вздремнуть решил Таальвен Валишер и, высмотрев удобное местечко в гнезде корней, плюхнулся туда, настелив предварительно кучу сухих листьев.

— А это как понимать? — заслышав шорох, встрепенулась принцесса. — Немедленно вставай!

Но сквозь вязкое марево душной лесной ночи бывший волк различал ее голос смутно.

— Лютинг Вестильд Таальвен Валишер Мак Тир... — донеслось словно из-за запертой наглухо двери. Больше ничего было не разобрать.

— Прощу, очнитесь! — От отчаяния Изольда заломила руки. — Вы оба пугаете меня... Если это игра или шутка, самое время прекратить.

Но едва ли Таальвен с ветром притворялись. Дыхание их утихло, плечи опустились под тяжестью глубокого беспробудного сна. Казалось, мужчины попали под действие коварных могущественных чар — как бы Изольда ни умоляла, они оставались глухи и немые.

С ужасом сознавая, что растормошить спутников разумными доводами она не в силах, принцесса заметалась меж деревьями.

— Что теперь делать? Что делать?

В груди стало тесно и одновременно не хватало свежего воздуха.

— Хёльмвинд... — Она опустилась на колени рядом с ветром. — Слышишь меня?

Может, дать ему оплеуху? Наверняка это разбудит верховного.

Но, занеся ладонь для удара, принцесса вдруг остановилась. Бить столь безмятежное совершенное лицо — кощунство.

— Ох...

Так и не прикоснувшись к ветру, она осторожно подобралась к Лютингу. Во сне черты его разгладились и казались не такими суровыми, тонкий шрам белел у виска. Губы сжались, готовые изрекать безжалостные приказы...

«Пожалуй, стоит начать с Таальвена. Он проснется и поможет привести в чувство верховного». — Рассудив так, она замахнулась и вlepила мужу хлесткую пощечину.

Сердце зашло ликующим ужасом.

«Я вовсе не мщу за то, что он собирался увезти меня из дому силой».

— Таальвен! — Раздался новый звонкий шлепок, но принц даже ухом не повел.

Тогда колдунья замахнулась посильнее. На сей раз мрачное

удовлетворение сменилось искренним раскаянием.

— Просыпайся! — В отчаянии она затрясла мужа и бессильно уткнулась ему в плечо.

Это подействовало лучше оплеух. Не поднимая век, Лютинг шевельнулся, застонал беззвучным шепотом:

— О, Изольда... За что ты меня так ненавидишь?

— Хватит, — потерянно всхлипнула девушка. — Мне страшно, Тааль. От здешнего леса у меня мурашки...

— Тогда ложись спать. — Ловким движением он опрокинул ее на себя, прижимая к груди.

Колдунья взвилась, как ужаленная.

— Нет!

Но бороться с Лютингом не было надобности — наваждение прошло так же быстро, как возникло: приморский королевич снова спал, свесив голову набок.

— Проклятье! — Терновая колдунья безотрадно опустилась в жухлую траву, стиснула виски. — Как же мне заставить вас очнуться?

Как назло на ум не приходило ни одной идеи. Наверняка всему виной был прожорливый Гладан-Къэль — недаром о нем ходили легенды. Следовало убираться при первом появлении зловещих костей, а теперь осталось положиться на милость судьбы. Ни петь, ни колдовать сейчас принцесса не могла.

А не попробовать ли утащить спутников? Она с надеждой покосилась в сторону ветра. Раз он в прошлом умел летать, то должен весить не слишком много. Стоит рискнуть.

Изольда поднялась и крепко ухватила за мягкий сапог Хельмвинда. Рывок — и он на вершок сдвинулся с места. Повозившись еще немного, колдунья с горем пополам дотащила верховного до соседнего дерева и остановилась, отдуваясь.

— Неподъемная ноша!

С Лютингом дела обстояли куда хуже: ей не удалось даже выволочь его из гнезда корней.

«Может, соорудить для них носилки — идти станет легче...» — Изольда огляделась в поисках подходящих прутьев — у дубов на соседней поляне как раз имелась пара разлапистых длинных сучков.

Но стоило ей отойти от Таальвена Валишера на шаг, раздались хруст и шорох. Заросли шиповника заволновались, расступились — на луговину выскользнула невысокая фигурка в нищенской рясе и капюшоне.

В его складках лицо полностью терялось, но принцесса все же

почувствовала, с каким изумлением на нее уставились невидимые глаза. А затем тишину нарушил резкий хрипящий голос:

— Тина, кровь и старые кости, а ты почему не спишь?

— Я... мне... — вконец растерялась Изольда.

Невероятным казалось встретить в зачарованных дебрях кого-то еще. Разумно ли обращаться к незнакомцу за помощью?

— Мои спутники внезапно уснули, — решила поведать девушка.

По тому, как повернулась под капюшоном голова, можно было проследить за взглядом загадочной фигуры: на секунду он замер на белых волосах Хельмвинда, затем плавно переместился к ножнам у бедра Таальвена.

— Я пыталась привести их в чувство, но... — Колдунья взъерошила кудри.

Тут же глубокий провал накидки жадно впился теменью в ее изрисованные терновником черты.

— Черным-черна от шипов, выколи мне глаз! — надтреснуто скрипнула незнакомка.

В том, что она женщина, сомнений не осталось.

— Прошу прощения? — Изольда неловко попятилась. Новая знакомая нравилась ей все меньше.

— Я говорю: в дебри вы забрели, — поспешно исправилась пришелица. — Края гиблые — не уйдете, так лиха натерпитеесь или того хуже... По тропам здесь рыщет смерть!

От замогильного голоса волосы на затылке у принцессы зашевелились, но, смерив страх, она вежливо ответила:

— Мы с радостью покинем Гладан-Къэль, как только я разбужу своих провожатых...

— Нет, — зашаталась на месте темная тень, — ждать нельзя! Если не убежать сейчас, костей не соберешь.

Она ткнула в белеющие в лунном мареве связки и тихонько взвыла — то ли от трепета, то ли от нетерпения.

— Я живу тут много лет и знаю, о чем толкую!

Беспомощно оглядевшись, принцесса коснулась металлических заклепок на куртке Лютинга.

— Я вновь попробую их растормошить...

— Нет, — Пришелица вжала голову в сутулые плечи. — Слишком долго — они грядут!

— Они? — Перед глазами у терновой колдуньи заплясали черные круги.

— Те, кто насылают колдовской сон. Когда луны вступают в полную силу, они творят свои пакостные чары, а затем шарят по лесам в поисках свежатины — беспощадные, обезумевшие от голода!

— Как же быть? — Изольда покачнулась, едва сдерживаясь, чтобы не начать судорожно оглядываться.

— Идем со мной — я дам тебе зелье, прогоняющее морок. Только оно развеет проклятую дрему.

Заслышав о том, что придется бросить своих спутников, принцесса остервенело замотала головой:

— Я не оставлю их — беззащитных, безоружных!

Если хочешь спасти чужие жизни, поторопись! — От возбуждения фигура подскочила на месте. — Вот-вот явятся *глодальщицы*, и от них не защитят никакие травы.

Глодальщицы? Терновая колдунья ухватила за ветку, чтобы не упасть. Слабость накатывала на нее жаркими волнами. А вдруг тень в балахоне говорит правду и хищные прожорливые чудовища уже подбираются к луговине? Сумеет ли принцесса совладать с мечом Лютинга, если придется им воспользоваться?

Убегая от жутких картин в разыгравшемся воображении, Изольда шагнула к незнакомке.

— Далеко ли до твоего дома?

— С десяток сажений. — Длинные рукава услужливо замельтешили. — Всего несколько минут напрямик через Алую лощину. — Ты успеешь вернуться со снадобьем, но нужно спешить!

— А эти... глодальщицы... — Изольда нервно вздрогнула, — точно не доберутся сюда раньше?

Голос, ставший секунду назад заискивающим, вновь сердито зашипел:

— Кровь и кости, девочка! Чудовища крадутся с запада, обходя лес следом за колдовскими лунами. Свет ведет их, видишь? — Сморщенная растопыренная пятерня вознеслась к небу, словно пытаясь сграбастать в охапку звезды, Серб и Альхеку. — Пока он падает под косым углом, бояться нечего...

Изольда уставилась на лунные лучи, выхватывающие из темноты костяные связки.

— Но осталось недолго, — угрюмо каркнула незнакомка, — меньше болтовни!

И, развернувшись, заковыляла обратной тропой.

На то, чтобы принять решение, у принцессы было меньше минуты — потом низкорослую тень в капюшоне не выследить. От напряжения свело

пальцы. Как поступить? Причин доверять странной пришельце не было, но от ее сумбурных угроз сделалось так страшно, что выбора не осталось: нужно добыть лекарство для Таальвена и Хельмвинда. И хотя бросать их тревожно, из двух бед ночевка в окружении костей куда опаснее.

Потому Изольда торопливо присыпала обмякшие тела своих спутников листьями и подалась в чащобу за безликой фигурой.

— Подожди! Как тебя зовут?

— Ида, — прошелестело вовсе не там, где колдунья рассчитывала.

Пришлось с треском пробираться через колючие кусты.

— Я живу в Гладан-Къель больше ста лет, — пояснила женщина, голосом направляя принцессу.

— Одна?

— С сестрами... Всего нас трое.

Речь ее то приближалась, то отдалялась, будто Ида семенила по непролазным дебрям кругами, двигаясь быстро, как болотный огонек. Вообразить такое было тяжело, учитывая почтенный возраст сгорбленной старухи.

— А что вы делаете в лесу? — Принцесса замешкалась, поводя незрячими в темноте глазами из стороны в сторону.

Тут же слева раздалось сиплое:

— Собираем ягоды, сушим травы...

— Спасаем потерявшихся путников... — эхом прозвучало справа.

«Это все магия проклятого леса». — Изольда повертелась на месте и наугад двинулась через бурелом.

— А ты как сюда забрела? — между делом спросила Ида. Теперь ее голос, как и полагается, поскрипывал впереди всего в нескольких саженьях.

— Случайно, — без зазрения совести соврала Изольда. — Сбилась с друзьями с пути...

— Ну конечно, — хмыкнула себе под нос лесная обитательница. — Каждый из вас потом клянется: по ошибке, не намеренно... Но какая мне, в конце концов, разница?

— О чем ты говоришь? — напрягла слух настороженная колдунья.

Ида только безмолвно захихикала.

— Гляди, за косогором овраг. Забирай в сторону.

Доверие к странной провожатой стремительно таяло, но теперь, когда она завела принцессу в сердце непроходимого леса, той не оставалось ничего другого, кроме как повиноваться, — иначе из чащобы не выбраться. А ведь Лютинг с Северным ветром ждут ее помощи.

С опаской нащупывая дорогу, девушка двинулась на звук далеких

шагов чуть ли не ползком. Поначалу она еще пыталась запомнить направление, но быстро потеряла счет путаным зигзагам и поворотам. Сбивали с толку и постоянные хаотичные перемещения Иды.

Между тем лунное сияние сделалось ослепительным. Ступая в лужицы света, колдунья жмурилась, как от яркого солнца, и с замиранием сердца проверяла, не стали ли голубые и лиловые лучи совсем прямыми.

— Не отставай!

Невидимая фигура в рясе двигалась без промедлений. По-видимому, спать ей, как и Изольде, ничуть не хотелось. Более того, старуха ловко пролезала под низкими ветвями, перепрыгивала кочки и колдобины, взбиралась на пригорки. А поступь ее, поначалу такая тяжелая, стала и вовсе неразличимой.

— Долго еще? — окликнула терновая колдунья, заслоняя лицо от цепких колючих побегов.

Если бы не плащ, подаренный Зефиром, кожа ее пестрела бы царапинами гуще порезов Таальвена.

— Пяток саженой, — прозвучал довольный ответ.

Но ее ухмылки Изольда не заметила, рванув сквозь сучья с утроенной энергией, — слишком велика была ее радость. Пусть путница не знала, куда ее тащит коварная старуха, возможность оставить позади удушливые дебри казалась счастьем.

Жаль, обманчивым надеждам не суждено было сбыться. Когда терновая колдунья наконец вынырнула из чащи, взору ее предстала пугающая неутешительная картина. В низине, окутанный голубой лунной лазурью, щерился разрушенными постаментами древний погост. Провалившиеся от времени могилы вязли в лозах и корнях. За их нестройными разрозненными рядами черной грядой вздымался большой курган. Покатые бока его украшали травы и кости, из труб, натканных у самой верхушки, валил дым.

Принцесса пригляделась и различила у основания могильника беззубый зев входа, уводящего, должно быть, под землю. В глубине теплились гнилые желтоватые огоньки, похожие на глаза чудовищ.

Колени Изольды задрожали — теряя равновесие, она ошарашенно отступила назад.

— Но это же не дом, а кладбище!

— Прах и гнилое мясо! — злорадно подтвердила подскочившая Ида. — Теперь-то ты не помешаешь нам, ведьма!

И, стряхнув капюшон, бросилась на потерявшую речь спутницу.

Принцесса хотела увернуться, оттолкнуть старуху, но взгляд намертво

припечатался к кошмарному морщинистому лицу. Вместо кожи уродливый череп Иды будто обтягивала древесная кора. Нос ее ввалился, как у мертвеца, два ряда острых зубов отблескивали желтизной. Уши были длинными, остроконечными, вместо глаз сияли две тусклые мшистые лучинки.

— Прочь! — Узорчатая ладонь Изольды вскинулась. Как никогда ей нужен был волшебный терновник.

Но колдовства не случилось — шипы на коже безразлично чернели, сердце стискивало отчаяние.

Убедившись, что колдунья не опасна, отпрянувшая было Ида оскалилась и слизнула с клыков слюну.

— Это все, на что ты способна?

Ответить Изольда не успела. Внезапно она услышала позади сухой хруст, а затем твердое тяжелое полено опустилось ей на макушку.

— Вяжи ее, хватай за ноги! — раздалось над ухом.

Это было последним, что различила принцесса за пеленой боли. А потом ее поглотила липкая голодная чернота.

ГЛАВА 9

СЕСТРЫ ИЗ ГЛАДАН-КЪЁЛЬ

Ни скрипа, ни шороха — словно в сухом выжженном саду, дорогу в который позабыл даже ветер. Искверд хранит молчание, безмолвствует и терновник, пойманный в круг тягучей древесной смолы...

Застывшее время будто замедляет бег, и кажется: Изольда по колено увязла в черной реке из праха. Но поверхность ее не струится, не исходит волнами, а покрывает мир гладким тяжелым пластом. Окунешься в него — скитаниям среди пепла не будет конца.

— Есть здесь хоть кто-нибудь? — кричит принцесса в темноту, но в этом пустынном уголке тщетно ждать помощи.

Наконец впереди загорается слабый свет. Не помня себя от радости, она бежит на всполох, вытаскивая ноги из пыльной реки.

— Еще немного, — ликует принцесса, разрывая тяжелую завесу обморока.

И как только он отступает, реальность молотом обрушивается на ее плечи, жжет нестерпимой болью, путами врезается в нежную кожу.

«Жива, — с облегчением выдыхает Изольда. — Я жива, и значит, не придется проводить остаток вечности в страшном, спаленном дотла месте из сна...»

* * *

— А все же зря ты ее приволокла... — донеслось до принцессы сквозь пелену дурноты. — Вдруг девка окажется ведьмой?

— Будь она колдунья, давно бы поджарила мне бока...

Этот скрипучий голос показался Изольде знакомым.

— Но, Ида, глянь только на ее колючки!

— И что мне до них, Арса? Может, хитрюга нарочно разрисовалась, чтобы отгонять таких недотеп, как ты!

— А если за ней дружки явятся?

Послышался гулкий шлепок, похожий на звук подзатыльника. Глодальщица по имени Арса охнула и жалобно заскулила.

— Никто не придет, — недобро прокаркала ее сестра. — Вот-вот Ойра

доберется до них, а там уж соколикам не расправить крылышек — в два счета освежает и принесет домой отдельно от костей.

Она коварно захихикала, и какое-то мерзкое густое варево забулькало в такт.

От последних слов терновую колдунью бросило в дрожь. Чудовище ведет речь о Хельмвинде с Таальвеном? Изо всех сил она дернулась и попыталась вскочить. Но онемевшие от узлов на щиколотках ноги отказались повиноваться.

— Смотри-ка, наша рыбка очнулась! — Ида обернулась на шум. Острые морщинистые уши отвратительно оттопырились. — Сладко ли ты спала?

— Отпустите меня! — храбро выпалила Изольда в зеленовато-бурое лицо. — И тогда я, быть может, не стану вас наказывать.

— Ишь какая грозная! — Глодальщица ухватила за свисающую с потолка веревку и потянула.

Тут же руки принцессы, и без того сведенные и связанные над головой, вздернуло выше некуда. Плечи обожгло, суставы жалобно хрустнули.

— Повиси часок-другой, авось успокоишься... а мы пока распотрошим сегодняшнюю добычу.

— Нет! — Изольда яростно затрепыхалась. — Не смейте трогать Хельма и Таальвена! Я вас прокляну!

Заслышав о проклятиях, более трусливая от природы Арса юркнула за пузатый закопченный бок гигантского чана.

— Она упомянула чары, Ида! Что, если девка захочет нас заколдовать?

— Пусть попробует. — Глодальщица ухмыльнулась и, выудив из котла мозговую кость, впила в нее острыми кривыми зубами. — Вкусно... Но подбавь сон-травы, сестрица, а то зелье ослабеет.

— Сон-травы? — Болотные глазки Арсы взволнованно забегали. — Разве той, что мы бросили, не хватит?

Хляп! Ида шарахнула Арсу деревянной ложкой по лбу и раздражённо заворчала:

— Сколько можно препираться? Делай что велю, бестолочь! Или прикажешь мне идти в чулан?

— Что ты? — залебезила позеленевшая, как камыш, глодальщица. — Я и в одиночку управлюсь. А ты лучше отдохни.

Прихрамывая, она потащила в вырытую прямо в стене кладовую и суетливо там зашуршала.

Ида вновь принялась за свое пиршество.

С омерзением наблюдая, как она чавкает и причмокивает, Изольда

удостоверилась в справедливости имени, данного этому существу. Мощные челюсти без труда разгрызали самые твердые хрящики. Длинные проворные пальцы с загнутыми книзу когтями навевали мысли о Давене Сверре, но по сравнению с глодальщицей болотный король выглядел сущим красавцем.

Теперь-то принцесса поняла, как сильно ошиблась, посчитав Иду вековой старухой. Пускай та и была древней, а по росту едва догоняла девушку, зато обладала плотным приземистым телом, дающим особые преимущества. Могучие ноги наверняка позволяли легко отталкиваться от земли, прыгать и наступать жертву в полете, а сильные руки способны были переломить шейный хребет даже крупному животному. Стоит ли говорить о человеке, сморенном сном...

Представив, как чудовище, подобное Иде, подбирается к одному из ее спутников, Изольда судорожно вздохнула. Ей срочно нужен волшебный терновник! Но как бы она ни скрежетала зубами, шипы на ее коже не шевелились. Только веревки впивались сильнее.

— А вот и я... — Арса боком вынырнула из чулана, волоча по земле старую просмоленную корзину.

Ида даже не взглянула в ее сторону. Уши глодальщицы напряженно встопорщились.

— Слышишь?

— Нет. — Арса испуганно вжалась в стену.

Откуда-то сверху долетел свирепый захлебывающийся лай, напоминающий хрип придушенной арканом собаки.

— Варх-варх-варх!

Бывшая провожатая терновой колдуньи нахмурилась.

— Снова Ферх разбрехался. — Она притопнула узловой босой ступней и швырнула на скамью недоеденный ужин. — Небось, дохлятину учуял.

И, сцапав с дальней полки гниющий кусок мяса, направилась в мрачную нору подземного коридора.

— Схожу — проверю, а ты стереги. Да глаз с ведьмы не своди — не то удерет!

Стоило Иде скрыться, Изольда принялась вертеть затекшей шеей из стороны в сторону в надежде выяснить, в какой переплет она угодила. Положение было хуже некуда. Ноги оказались связаны, руки также опутывала толстая веревка, верхний конец которой предусмотрительно намотали на железный крюк. Тот, в свою очередь, крепился к канату, подвешенному к потолочной балке. Именно за него и тянула злобная

глодальщица, желая поднять пленницу повыше и показать тем самым, кто хозяин в этом жутком доме.

Но дом ли кругом вообще? Украдкой потирая о предплечье ноющий от недавнего удара затылок, Изольда на миг воскресила в памяти темную могильную насыпь. Курган на кладбище выглядел внушительно — под землей его переходы точно тянутся до бесконечности. И нет сомнений в том, что принцесса сейчас в одном из сырых могильных залов.

Она обшарила комнату быстрым взглядом, пряча его под густыми ресницами: для вырытой ради покойников комнатухи размер усыпальницы был огромен. Скругленные неровные стены куполом уходили под потолок. Там и здесь в них виднелись слепые провалы узких ходов. Всего Изольда насчитала двенадцать — и то лишь из главного холла. Если туннели разветвляются в глубине, бегство по ним без знания нужного направления равносильно гибели. Хорошо, что она запомнила лаз, ведущий на поверхность.

В центре комнаты громоздился черный от сажи исполинский чан. Очаг под ним развели прямо на земле и, похоже, никогда не гасили: золы и обугленных дров кругом валялось столько, что не выгрести и за неделю.

От варева на огне разило сладковатой гнилью и чем-то тяжелым, удушающим. Чтобы не вдыхать тошнотворные пары, терновая колдунья поспешила отвернуться.

Глаза ее задержались на грубых полках в алой полутьме. Груды перьев захламляли их, а еще мотки ниток, птичьи кости и грязные колтуны звериной шерсти. Так вот где глодальщицы плетут свои амулеты! Теперь принцесса была уверена, что костяные побрякушки мастерят именно они. Не иначе, чтобы заманивать путников поближе к логову. А там усыпляют несчастных и...

Изольда качнулась на своем крюке — ее замутило. Но малодушная Арса расценила это как угрозу.

— Эй! — Ее жилистый кулак поднялся над дымящим котлом. — Вздумаешь брыкаться, напущу на тебя Ферха! Его твои завитушки не страшат.

— Я только желаю усесться поудобнее, — неожиданно смиренно возразила Изольда. — А ваши тиски мешают. Либо опусти крюк, чтобы я могла сидеть, либо дай подняться на ноги.

— Может, и перину тебе подстелить? — осмелела глодальщица. — У нас здесь не постоялый двор!

— А я и не прошу о подушках да похлебке, — поражаясь собственному безрассудству, промолвила принцесса. — Просто немного

ослабь веревку... и в благодарность я не стану ябедничать Иде о том, что ты натворила...

Стрела была пущена наугад, но, как часто приключалось с Изольдой, попала прямехонько в цель. Арса, больше солнечного света опасавшаяся старших сестер, затряслась, заозиралась в страхе.

— Что ты можешь знать, девчонка? Тебя там не было!

— Нет, — кивнула колдунья с готовностью, чудом сохраняя самообладание. — Но я — терновая ведьма и толкую прошлое, будто раскрытую книгу. Как ни старайся, не убережешь ни одну тайну.

Оставалось уповать на то, что обеспокоенная чем-то глодальщица не раскусит ее нехитрое притворство, иначе ей не избежать гибели.

Старуха сердито ощерилась, не преминув, впрочем, отступить к дальним полкам.

— Брехня! Никогда о тебе не слышала.

— А о терновой принцессе тебе известно?

— Фех-фех... — Чудовище зашипело, сплевывая в огонь. — Не произноси ее имя в Гладан-Къэль! Слава могильным камням, бестия сотни лет как мертва и новой в Тьер-на-Вьёр не предвидится... Тина и кости, не собираюсь снова помирать от голода, перебиваясь белками да подземными крысами, пока она хозяйничает в Терновой стране...

Сморщенное лицо побурело, словно от притока крови. Самое время, рассудила Изольда, поджимая саднящие колени. Опирайтесь на них с каждой секундой становилось больнее.

— Если не хочешь голодать, опусти крюк... Иначе разболтаю твой секрет Иде или Ойре!

Услышав имя самой старшей сестры, Арса беспомощно втянула лысую голову в плечи и заковыляла к пленнице. Провиниться перед свирепыми родственницами для нее было хуже смерти. Наверняка они сурово накажут сестрицу, проведая, кто по ошибке уничтожил годовой запас магических усыпляющих трав.

Но разве Арса намеренно бросила их в огонь? Нет, нет и нет — лишь хотела поколдовать, пока Иды и Ойры не было дома, а корзина возьми да и вспыхни зеленым пламенем!

Что оставалось делать? Глодальщица наскоро насобираала на погосте крапивы и набила ею новое лукошко до отказа. Вдруг никто не заметит? Хорошо еще, у очага хранился запас сушеных связок. Его-то сестры и использовали этой ночью, дабы усилить одурманивающее влияние двух полных лун. Но час назад сгорели последние корешки. Потому Арса так нервничала, отправляясь в кладовую за новой партией.

— Ну что же, — полюбопытствовала принцесса с нажимом, — мне кликнуть Иду или ты выполнишь мою просьбу?

— Умолкни, болтливый мешок с костями! — злобно гаркнула глодальщица, но канат развязала.

Измученная пленница кулем рухнула на утоптаный земляной пол.

— Теперь будешь молчать?

— Обещаю. — Сдерживая стон, Изольда опустила одеревеневшие руки.

Полдела сделано. Дальше необходимо выпутываться, пока она цела. Не ровен час вернутся более смысленные чудовища, которых пустыми уловками не проведешь.

Превозмогая боль, принцесса огляделась в поисках ножа или другого острого предмета. Как же она умудрилась не взять с собой ветряной клинок? И хотя мысленно колдунья успела обругать себя последними словами, она прекрасно понимала: коварная Ида намеренно торопила ее на поляне, запугивая смертью спутников. Что ж, глодальщице блестяще удалось заморочить голову терновой ведьме. Одна радость — сон ее не сморил.

Потихоньку отползая в сторону, Изольда покосилась на Арсу. Но та была занята более насущной проблемой. Кряхтя и почесывая макушку, она перебирала скрученные листики крапивы — сон-трава для варева кончилась.

— Ох и достанется мне... а до рассвета еще целый час...

Она поднесла к крошечным глазкам горсть бесполезных веток, раздумывая, не кинуть ли их в чан вместо нужного ингредиента. И требуется-то всего ничего — два-три пучка. А к следующему месяцу Арса вновь насобирает. Даром что растет сон-трава на свежих людских могилах — этой ночью на погосте появятся как минимум три новых мертвеца! Вдруг над трупом ведьмы травы взойдет вдвое больше?

Вспомнив о колдунье, Арса задумалась. Ее сестра в магических способностях девки сомневалась, но ведь та доказала свои умения, догадавшись, куда исчезли запасы для сонных чар, хотя сама Арса не заикалась о своем проступке ни одной живой душе. Разве что Ферху, но он — собака, к тому же не шибко умная.

— Эй, ты! — Цепкие руки живо подхватили принцессу, так, что она и пискнуть не успела. — Ты правда ведьма?

— Правда, — выдавила Изольда, оказавшись на ногах.

Она уж подумала, глодальщица собирается ее сожрать. Но та внезапно огорошила пленницу:

— Тогда помоги мне. А взамен я тебя выпущу!

Видимо, хищный желтозубый оскал должен был означать дружелюбную улыбку. Но притворяться чудовище не умело. Вне всяких сомнений, намерения у него были самые скверные.

— Заманчивое предложение, — проговорила Изольда, сглатывая подступивший вопль. — Что тебе нужно?

— Превратить сорняки в сон-траву, конечно! — Арса пнула трухлявую корзину. — Да ты и сама смекнула... Но действовать надо немедленно, пока не возвратились сестры.

Принцесса уткнулась взором в лукошко. Худо-бедно в ее пульсирующей от удара и страха голове начала складываться понятная картина. Похоже, зелье служило глодальщицам сонными чарами — каждое двоелуние они добавляли его в чан, чтобы напустить на Гладан-Къэль морок. Но младшая сестра что-то сотворила с запасами. Недаром она струсилась, когда Ида потребовала подбавить дурман-травы...

— Ну, — Арса грубо ткнула пленницу в плечо, — подсобишь мне?

Изольда чуть не упала.

— Возможно.

— Тогда приступай!

— Сначала тебе потребуется меня развязать. — Принцесса попыталась улыбнуться как можно более непринужденно. — Для колдовства мне пригодятся руки.

Глодальщица с подозрением нахохлилась.

— ...И ноги, — добавила Изольда вкрадчиво, взывая к богам, чтобы те вдруг не наделили Арсу умом.

— Ладно. — Могильная старуха потянулась к скамье и выдернула из нее перепачканный гнилью тесак. — Будет тебе свобода!

Она гнусно захихикала и чиркнула острым широким лезвием по узлам на запястьях пленницы.

— Но если выкинешь какой-нибудь ведьмовской фокус, зажарю живьем!

Колдунья кивнула, растирая посиневшие ладони. Через секунду лодыжки ее также освободились.

— Дай мне стебель крапивы, — деловито потребовала Изольда. — И пустой горшок.

Заинтригованная глодальщица без промедления выполнила приказ.

— А теперь встань по другую сторону котла.

Второе повеление тоже было послушно исполнено. И когда коренастая фигура в балахоне очутилась напротив, девушка простерла руку над

булькающей серой жижей.

— Раз, два, три, сон-трава, гори! — проговорила она нараспев. И, метнувшись за ухватом, налегла на булькающий чан, опрокидывая его на ошарашенную Арсу.

Разумеется, принцесса не планировала ничего подобного, но идея сжечь проклятый курган дотла первой пришла в голову. И, кажется, была удачной.

Ошпаренная кипятком, опаленная колдовским пламенем глодальщица взвыла, захрипела от боли:

— Ах ты гадкая мерзавка, грязная обманщица! Я оторву тебе голову!

Грузное тело на удивление проворно закружилось по залу. Но выполнить свои угрозы Арса не успела. Исходящий паром отвар угодил ей прямоком в глаза, ослепив на время. Длинная ряса занялась в трех местах, запылала, освещая потолок ярче солнца.

Не дожидаясь, пока обезумевшее чудовище придет в себя, терновая колдунья сорвалась с места и побежала к туннелю, в котором не так давно скрылась Ида. Авось посчастливится не встретить злобную старуху на пути? А даже если нет, курган все равно скоро станет похож на пыхтящую печь, — неразумно оставаться в нем.

Отдавшись на милость судьбы, Изольда неслась, не разбирая дороги, а вслед ей летели вопли и проклятья, перемешанные с плотоядным гудением волшебного пламени. И земля осыпалась комьями с отсыревших бугристых сводов.

* * *

Таальвен вдохнул поглубже и резко закашлялся, выплевывая набившиеся в рот сухие листья. Паршивое чувство, словно его погребли живьем, прихватило ноги морозцем. Но стоило принцу поднять голову, оно отступило: земляной насыпи над ним не было — только тонкое листовое покрывало.

«Будто кто-то пытался меня спрятать, — догадался Лютинг. Тут же в мыслях пронеслось ликующее: — Изольда?»

Отряхиваясь по-звериному, он встал, внимательно огляделся. Кругом не было ни души. Левая щека саднила, в памяти призрачным фантомом мерцали смутные воспоминания о том, как принцесса давала ему оплеухи. И приснится же такое!

Сучья в вышине похрустывали, им угрожающе вторили костяные

гирлянды. Не обращая внимания на перестук, Лютинг подступил к куче сухой листвы в стороне и поворошил ее носком ботинка. Нога уперлась во что-то твердое.

Через мгновение из-под укрытия показалось плечо Хельмвинда. Не церемонясь, приморский принц сгреб верховного в охапку и подтащил к дереву.

— А ну, просыпайся!

Белокурая голова безвольно повисла.

— Вставай, кому говорю. — Таальвен тряхнул посильнее.

Когда и это не помогло, он замахнулся и несколько раз хлестнул ветра по щекам тыльной стороной ладони.

Послышался недовольный стон.

— Если не откроешь глаза, оставлю на поляне.

— А я оторву тебе руки, если не уберешь их от моего лица, — звякнул неласковый ледяной голос.

Лютинг выпрямился, хмыкнул удовлетворенно и, выждав минуту, пока верховный придет в себя, повелел:

— Идем.

— Куда? — В голове у Хельмвинда все еще мутилось от колдовского тяжелого сна.

— Нужно найти Изольду.

— Как ты собираешься ее искать?

Чтобы подняться, ветру пришлось ухватиться за нижнюю ветку.

Таальвен не ответил, фигура его застыла поодаль в сосредоточенном напряжении. Лицо обрело странное, чуть безумное выражение, пальцы несколько раз непроизвольно согнулись, словно ловя что-то в воздухе. Выглядело это жутковато, учитывая, что королевич находился в человеческом облики.

— Гладан-Къёл поворачивает путников в сон, — наконец заговорил он. — Но пожирает спящих отнюдь не заклятая чаща.

Северный ветер, который к тому времени успел закинуть на спину походную суму и вытряхнуть из рукавов колючие листья, мрачно нахмурился.

— Продолжай.

— Их утаскивает в свое логово какое-то чудовище — хитрое, расторопное... Так просто его не учуять — оно пахнет землей, крапивой...

Хельмвинд незаметно снял с бедра хлыст, смотанный кольцом.

— Хочешь сказать, оно унесло Изольду?

— Не унесло — увело... Принцесса шла по доброй воле — я слышу ее

шаги.

— Слышишь? — Ветер недоверчиво уставился на Мак Тира. — Как?

— Отчетливо. Вон в той стороне.

Верховный устремил взгляд в указанном направлении и попытался уловить в немоте ночи торопливую девичью поступь. Но единственным звуком, нарушавшим тишину, по-прежнему было костяное бряцанье.

— Тебе ее следов не найти, — возразил Таальвен, проследив за поворотом его головы.

— Почему? — Льдистый колючий взгляд обжег терновником.

Принц лишь пожал плечами. Продолжать бессмысленную беседу и терять драгоценное время, пока Изольда в опасности, он не собирался. К тому же ответов для Хельмвинда у него все равно не нашлось бы.

Еще раз сверившись с внутренними ощущениями, он зашагал в чащу. Ветру не оставалось ничего иного, кроме как двинуться следом. Но любопытство его не угасло.

— Не подумай, что я ставлю под сомнение твои волчьи инстинкты, Мак Тир... — Северный владыка пригнулся, забираясь в густые колючие заросли. — Просто хочу знать, каким образом тебе удастся выслеживать Изольду, если между вами нет никаких чар... Что это — последствия терновой магии, благодаря которым ты чуешь принцессу нюхом? А может, великая любовь, способная на настоящие чудеса?

Таальвен фыркнул, безжалостно обламывая жесткие ветви.

— Судя по издевкам, ты не особо веришь во власть этого чувства.

— Как и в могущество прочих иллюзий. — Ветер отступил назад, спасаясь от шипастого побега, норовившего хлестнуть его. — Видишь ли, я беру в расчет только реальные силы.

— Такие, как привороты, наговоры, проклятия?

Хельмвинд готов был биться об заклад, что, произнося это, Мак Тир ухмыляется: слишком велик соблазн напомнить верховному о злополучных любовных чарах. Но обсуждать с наглецом метку терновой ведьмы ветер не намеревался.

— Проклятие с тебя снято, — бесстрастно парировал он. — Так что же позволяет лишенному звериных способностей человеку ощущать могущественную колдунью сквозь время и расстояние?

— Если загадка не дает тебе покоя, — дерзко ответил приморский принц, — отнеси ее к числу недостойных внимания иллюзий, призрачных, как любовь. Тогда и голову ломать не придется.

Северный ветер молча скрипнул зубами. Однажды он превратит щенка в ледышку. Пусть только ветряная власть вернется... Поглядим, что Мак

Тир тогда запоеет.

— Сюда... — Лютинг обернулся в темноту.

Он не мог угадать мысли верховного в точности, но об их злокозненных поворотах догадывался. Что ж, пусть ветер свирепствует сколько влезет, а заодно привыкает к истине: не все в мире происходит по его желанию.

В общем-то, Таальвен мог честно признаться, что сам до конца не ведает, откуда взялась связь между ним и принцессой и как она действует. Но упускать шанс сбить спесь с северного владыки не хотелось.

Последующую дорогу мужчины одолели молча. Каким-то непостижимым образом Хельмвинду удавалось двигаться сквозь подлесок, не производя шума. Таальвену для этого требовалось выверять каждый шаг, но и он крался почти беззвучно. Потому спутники достигли погоста глодалыщиц незамеченными.

На их счастье, одурманивающее действие сон-травы оборвалось очень кстати: всего четверть часа назад голодная Ида затащила тело обмякшей терновой колдуньи под земляную крышу. И теперь ветер с приморским королевичем стояли на том самом месте, где произошла короткая стычка.

— Кладбище? — Хельмвинд приподнял бровь.

Зоркие глаза уже обшаривали туманную низину.

— Древнее как этот лес, — прибавил Лютинг. — Слышишь что-нибудь необычное?

— Слышу, как кипит в котле густое варево, — поведя головой из стороны в сторону, промолвил верховный, — и как топчут по пыльной земле тяжелые ступни... Слышу резкие голоса и смех... и кое-что еще...

Понадеявшись, что он имеет в виду Изольду, Таальвен выжидающе замер, но ветер взмахнул рукой, раскручивая плетень.

— Вынимай свой меч, Мак Тир. Кажется, мы разбудили здешнего стража.

Сталь в ножнах тихонько запела. Над разбитыми кладбищенскими плитами поднимался утробный могильный вой.

* * *

Словно ураган, Изольда, подгоняемая треском пожара, влетела в небольшое помещение у самого входа в курган и рванула к широкому лазу. Круглый, как монета, Серб манил призывно, исподтишка заглядывая под землю. Но выскочить наружу девушка не успела. Кто-то крепко ухватил ее

за шиворот. В ту же секунду в проем сунулась громадная собачья пасть и щелкнула у лица беглянки клыками длиной в вершок.

— Не туда! — послышалось за спиной.

Следом раздалось исступленное:

— Гарх-рарх-гарх!

Принцесса зажмурилась, сжалась в комок. Мгновением позже какая-то сила повлекла ее в глубь комнаты, подальше от зловонного зева. Лишь оказавшись у знакомого туннеля, Изольда поняла: ее держат руки Таальвена Валишера.

— Тааль! — Она обмякла от облегчения. — Как же я рада тебя видеть. Но королевич не дал ей даже дыхание перевести.

— Что там — под могильником? — Он ткнул в сторону коридора.

— Логово глодальщиц...

Оглушительный скулеж не позволил принцессе договорить. Невидимый противник рванул разъяренного пса наружу. Оскаленная морда, покрытая струпьями и проплешинами, исчезла в темном проеме.

Как зачарованная, колдунья уставилась в пустоту. Неужели эти страшные зубы встретили бы ее на выходе из кургана, опоздай ее муж хоть на секунду?

— Смотри на меня, Изольда, — строго приказал Таальвен Валишер, разворачивая принцессу к себе, — сейчас не время цепенеть... Лаз за нашей спиной... — он кивнул на круглое отверстие входа, — оканчивается тупиком?

— Н-нет, — золотистые ресницы потрясенно затрепетали, — там целая сеть подземных переходов.

— Отлично! Это нам подходит. — Принц втолкнул колдунью в глубь коридора и перехватил гладкую рукоять поудобнее.

— Погоди. — Пальцы в терновых узорах потянули за отворот черной куртки. — Под курганом свирепствует пламя, а еще притаилась обожженная Арса. Вряд ли огонь уничтожил ее.

— Арса? — переспросил Лютинг обескураженно.

— Младшая из трех чудовищ... Из их норы так просто не выбраться. В главном холле берет начало по меньшей мере дюжина туннелей. Одним богам известно, куда они ведут.

— Главное — подальше от погоста. — Таальвен бросил на улицу тревожный взгляд. Звуки возни отчего-то стихли. — Эй, ветер, ты там живой?

Глаза Изольды округлились от ужаса.

— Хочешь сказать, это чудовище держит на поводке Хельмвинд?

Словно в ответ на ее подозрения, послышались скрежет, сдавленное ругательство, а затем просвистел разрезающий воздух хлыст. Судя по холостому щелчку, грозное оружие не достигло цели.

Раздался злобный лай, и в следующий миг в комнату ввалился Северный ветер — бледный, запыхавшийся, но относительно невредимый.

— Старуха оклемалась, — с порога сообщил он. — В придачу из-за рощи явилась другая.

— Это Ойра, старшая из глодальщиц, — пояснила принцесса, мысленно восхваляя богов за то, что оба ее спутника не пострадали. — А у дома околачивалась Ида.

— Как славно, что вы успели познакомиться. — Хёльмвинд наскоро смотал смертоносную плетку. — Может, зря Мак Тир пырнул остроухую мечом?

— Ну, нет! — Изольда мстительно сжала кулаки. — Ей досталось поделом.

На дворе что-то заохало, зашипело. Ночь вспорол грудной сердитый бас:

— Тина, гниль и могильные плиты!

Наверняка он принадлежал взбешенной Ойре.

— Пора убираться, — поторопил Таальвен Валишер, снова вталкивая принцессу в сумрак коридора. На сей раз он крепко держал ее за руку.

— Но там пожар! — напомнила девушка.

— Ничего. Лучше огонь, чем зубы и когти могильных старух. Одна из них на моих глазах распорола освежеванную тушу оленя пополам.

Терновая колдунья поморщилась, стараясь не представлять себе зрелище. Хватит и того, что Ида и Арса станут сниться ей в кошмарах.

— Вперед, — дал команду Хёльмвинд. — Одно из чудовищ уже внутри — обогнуло могильник с другой стороны.

От этих слов Изольду передернуло. И, шепотом прокляв жуткую гладан-къёльскую ночь, она опять побежала. Но теперь девушку влек не только страх и прогорклый запах гари — Лютинг Мак Тир шел впереди, прикрывая ее спиной.

* * *

Жгучее дыхание пламени Северный ветер ощутил гораздо раньше, чем заметил первые алые отсветы. И хотя в бытность свою ветряным владыкой он не страшился пожаров, при взгляде на полыхающий зал в груди будто

струна натянулась. Сердце подсказывало: в нынешних обстоятельствах от огня стоит держаться подальше. Если нет желания на собственной шкуре прочувствовать, сильно ли донимают ожоги.

Похоже, Таальвен пришел к таким же выводам, поскольку замедлил шаг при входе в объятый искрами холл, не сговариваясь с ветром.

— Здесь же настоящая печка, утащи меня болотник! — Изольда рассеянно повела головой, с сожалением отмечая, что путь к половине спасительных туннелей перекрыт. — Как нам преодолеть огненную стену?

— Никак! — хрипло заклокотало в ответ.

В то же мгновение тяжелый острый тесак пролетел в верхушке от лица принцессы и погрузился в рыхлую стену по рукоять.

— Ни один из вас не покинет могильный дом живым! — злобно захрипела Арса, выбираясь из кладовой на свет. — Уж я постараюсь.

Выглядела она потрепанной — кожа на лице почернела и сморщилась, лысый череп покрылся мерзкими волдырями. От одежды остались одни обгоревшие ошметки. Сжимая в крючковой ладони громадный нож, глодальщица скалила клыки и силилась разомкнуть опухшие веки.

— Она нас не видит, — заключил Лютинг, описывая клинком полукруг.

— Зато прекрасно слышу! — Уродливая голова могильной старухи чутко качнулась. — А лишусь ушей, так выслежу вас по запаху.

Оттолкнувшись от земли мощными ногами, она вдруг прыгнула и взмахнула в воздухе своим ножом.

Мгновенно оценив обстановку, Таальвен отскочил, защищая принцессу от удара. Но его не последовало. Хлыст Северного ветра змеей обвился вокруг грузного тела чудовища, рванул Арсу прямо в объятые огнем кольцо.

— Кровь и кости! — громыхнуло сквозь треск и скрежет.

Рухнув на бок, словно гигантский пивной бочонок, остроухая старуха покатила по полу, сбивая свирепое пламя. Когда она, кряхтя, поднялась, ярости в слепом заплывшем взгляде заметно прибавилось.

— Ничтожные твари, я собственноручно спущу с вас шкуры, а после обглодаю кости одну за другой!

Жирный язык слизняком высунулся из разинутой пасти, облизал почерневшие губы.

— В сторону! — успел крикнуть Лютинг прежде, чем когти чудовища вспороли пустоту между ним и Хельмвиндом. Но глодальщица метила вовсе не в незваных гостей. С ликующими воплями она выдернула из стены топор и наперевес с ним ринулась в бой.

Преодолевая настойчивое желание зажмуриться, терновая колдунья

стремглав метнулась сквозь ревущую стену пожара. Треклятый терновник упорно не желал спасти ее от гибели. И принцесса справедливо рассудила, что под боком у Таальвена мешает драться да мозолит глаза разъяренному чудовищу. Лучше дать своим оборонителям простор.

Присев под стеной, она прикрылась от жара и копоти волшебным капюшоном и принялась шарить кругом в поисках хоть какого-нибудь оружия. Как на беду, среди золы и обломков валялись одни обгоревшие птичьи кости. Впрочем, помощь Лютингу не требовалась.

— Вом-м, — запел ветряной меч, как только принцесса оказалась на безопасном от сражения расстоянии.

Взмах, быстрый голубоватый росчерк... Казалось, в руках Мак Тира сверкает не сталь, а неуловимая молния.

— Ах ты мешок требухи! — Шипя от натуги, Арса отшатнулась. — Заходи сзади, сестра!

Заслышав это, Хельмвинд крутанулся на месте, замер, всматриваясь в темные глазницы подземных лазов. Из самого дальнего донесся грозный леденящий кровь вой. Клинок Лютинга начертил новый полукруг, и к взбешенному басу Ойры добавился стон ее младшей сестры, полный боли и ненависти.

— Болотная гниль! — взвизгнула она, обеими руками хватаясь за рассеченный бок. — Ты заплатишь за это!

Завертевшись волчком, старуха изо всей мочи навалилась на опорную колонну посреди зала, в надежде заживо похоронить вертлявого мерзавца под завалом. Опаленное дерево с готовностью затрещало, переломилось пополам, земляной свод кургана пришел в движение.

— О, нет! — воскликнула Изольда. — Ты погубишь нас всех!

Но ошалевшая глодальщица, давясь булькающим смехом, вновь саданула по остаткам деревянной подпорки.

— Ха-ха-ха!

— Оторви им головы, сестра! — долетело из коридора совсем близко.

Жаль, Ойра не успела оценить весь ужас беды, которую ее неразумная сестра навлекла на их чертог. Хельмвинд бросился чудовищу наперерез, и тотчас же над местом, где он стоял мгновение назад, потолок угрожающе просел. Трухлявые балки, врытые в могильную насыпь, сдвинуло с места, словно хлипкие соломинки, стены повело и сплющило.

— Ойра! — завопила младшая глодальщица во все горло.

Но было поздно. Своды над дальними туннелями рухнули, не выдержав веса кургана. Комья земли размером со сноп сена полетели в главный холл. Если бы не поразительное проворство, Северный ветер вряд

ли унес бы ноги.

— Нужно уходить! — бросил на ходу Лютинг, отступая в противоположный конец комнаты. По лезвию его ветряного клинка стекали струйки густой зеленой крови.

— Куда? — Принцесса с ужасом огляделась.

Путей к отступлению почти не осталось. Вершина могильной насыпи провалилась в зал, преградив дорогу к ближайшим туннелям. Те, что находились слева, были охвачены пожаром. Пламя, потревоженное внезапным завалом, сердито шипело и чадило едким дымом. Справа долетало невнятное бормотание оглушенной Арсы. Через минуту она придет в себя, и тогда шансов на спасение станет еще меньше.

— Вперед лучше не соваться, — предупредил Северный ветер, кашляя от пыли. — Глупая старуха разнесла половину могильника. Хорошо хоть, сестрицу свою прихлопнула.

Словно в ответ на его реплику, под обломками в непроглядном пылающем мареве что-то вяло зашевелилось.

— Клыки и железные когти...

Утерев со щеки сажу, Таальвен хмуро обернулся. Время на размышления истекло. Единственный свободный ход располагался аккуратно за его спиной, но где гарантии, что он выведет наружу? Дать их смогла бы лишь всезнающая колдунья.

Мысль о терновых чарах показалась принцу заманчивой, и он спросил у Изольды как можно мягче:

— Сумеешь выяснить, безопасен ли этот лаз?

Она только затравленно замотала головой.

— Я пыталась использовать терновую силу... Внутри словно пустота...

Северный ветер скользнул встревоженным взглядом по тонким девичьим рукам, прижатым к груди: костяшки на них побелели. Кажется, принцесса и правда прилагала все усилия, чтобы растормошить свою магию.

— Не страшно... — спокойно возразил Мак Тир, убирая меч в ножны. — Выбор у нас невелик, так что придется рискнуть.

— А если коридор закончится тупиком? — Голос Изольды дрогнул.

— Тогда вернемся и поищем другой...

Она поспешно кивнула, сознавая безнадежность подобной затеи. Оставалось надеяться: возвращаться им не придется.

— Хватит мешкать, — поторопил Хельмвинд, щелчком хлыста отгоняя разбушевавшиеся огненные языки. Жар уже проникал сквозь подошвы его

сапог. — Не то превратимся в жаркое, которым эта тварь закусит поутру.

Его зоркие глаза выхватили из дыма шатающуюся остроухую фигуру.

— Идем, — дал сигнал Таальвен Валишер, первым ступая под своды могильного туннеля.

Принцесса рысью юркнула вдогонку — подальше от пламени и хищных лап озверевшей глодальщицы. Хельмвинд покинул курган последним, поминутно оглядываясь, — плетка его была наготове.

Но в погоню за спутниками никто не бросился. Разве что пламя гудело им вслед, уничтожая остатки подземного склепа. А вскоре и его голодное потрескивание смолкло вдали.

Дорога резко пошла на спуск, сделала завиток — перед лицом приморского принца за клубилась тьма. Но едва ли она смущала его. Таальвен шагал твердо, уверенно, отринув страх перед призраками, а в случае реальной угрозы полагаясь на сталь.

В глухой тишине он прислушивался к любым звукам и шорохам, силясь различить в спертom воздухе подземелья далекие отголоски леса, запах трав и пение птиц. Будь он волком, подобное, скорее всего, удалось бы. Но за неимением лучшего приходилось довольствоваться смутной надеждой на спасение. Хорошо хоть, в делах, касающихся терновой колдуньи, она редко его подводила.

* * *

— Тааль... — тихо позвала Изольда, утыкаясь плечом во влажную стену туннеля. — Мы все время идем вниз. И значит, направляемся глубже под землю.

После долгой изматывающей ночи сил у принцессы не осталось, она боялась уснуть на ходу.

— Необязательно, — отозвался Мак Тир из черноты. — Гладан-Къэль растет у самого подножия гор, местность здесь холмистая. Неудивительно, что нам приходится спускаться.

Изольда с трудом отлепилась от земляной стены, служившей ей опорой, и обреченно двинулась на звук его голоса. Ног она почти не чувствовала.

— Ты всерьез полагаешь, что этот коридор выведет нас из леса?

Вместо ответа прозвучало задумчивое хмыканье — лгать во благо Лютинг по-прежнему не научился. А ведь мог сочинить, словно уловил дыхание просторов вдалеке. Хотя о каком дуновении грезить, если в

небесах Тьер-на-Вьёр не сыщешь ни единого ветра. Изольда печально уронила голову.

— Отраднo уже то, что мы не возвращаемся, — внезапно заявил Северный ветер, молчавший как рыба последние несколько часов.

— Откуда ты знаешь? — Под сапогом у принцессы хрустнула мелкая косточка.

— Я давно перестал различать стенанья и вопли раненого чудовища... На мгновение воцарилась напряженная тишина.

— Полагаешь, она мертва?

— Вряд ли... — вмешался Таальвен Валишер.

— А средняя сестра — Ида? — Изольда украдкой обернулась.

Принц умолк, прикидывая тяжесть ранения, которое он нанес глодальщице у входа в могильник. В конце концов сомнения одержали верх.

— Не знаю... Если эти существа умеют заживлять раны, как многие другие легендарные создания, то нет.

— Даже ветру не залечить подобные порезы, — возразил Хёльмвинд с толикой одобрения. — Ты вспорол старуху от груди до пупка.

Живо вообразив кровавую картину во всех подробностях, принцесса скривилась. Зря она начала этот разговор. С другой стороны, Хёльм обмолвился кое о чем любопытном. Стоило выяснить вопрос подробнее.

— Хочешь сказать, ветра можно убить мечом?

— А также топором, копьем, кинжалом... Главное — застать его в уязвимом обличе и пырнуть достаточно глубоко. — Верховный пожал плечами. — Вот только мало кто способен на такое.

— А тебя... когда-нибудь ранили? — робко поинтересовалась Изольда. Мысль о том, что кто-то рискнул бы вступить в драку с могущественным северным владыкой, казалась нелепицей.

Хёльмвинд с усмешкой провел по зажившей царапине на щеке — тонкий голубой след едва проступал.

— Ты сама задела меня не так давно, разве не помнишь?

— Я имею в виду настоящие увечья... — отмахнулась принцесса, — от сабель или острых секир... Случалось с тобой подобное?

— Нет. — Ветер с достоинством откинул за спину серебристые прядки. — Смертным не под силу изловить верховного.

Допытываться о бессмертных созданиях Изольда не решилась: нынешней ночи и так доставало кровожадных чудовищ. И чем позже она услышит о новых, тем лучше.

— Следует отдать тебе должное, — неожиданно поддержал беседу

Лютинг, — и без ветряной скорости сноровки у тебя с избытком. В бою ты движешься намного проворнее любого человека.

— Еще бы, — напыжился Хёльмвинд, игнорируя жалкую похвалу. — Но для ветра все равно недостаточно быстро.

— Чтобы остановить наших сегодняшних противников, этого хватило. А следующая драка поможет наверстать упущенное.

— Какая еще драка? — Терновая колдунья мигом очнулась от полудремы. — Вам не достаточно того, что могильные чудовища намеревались сварить из нас похлебку? Никаких больше стычек! Впредь постараемся избегать опасных мест.

— Тогда самое время убраться из Тьер-на-Вьёр, — резонно заключил ветер. — Беды здесь подстерегают на каждом шагу.

— И вовсе не на каждом. — Изольда вяло вздернула подбородок. — Просто не нужно бродить в полнолуние по проклятым лощинам и спать посреди зачарованного леса.

При упоминании о колдовских видениях Хёльмвинда прошибла дрожь.

— Будь моя воля, я бы вообще предпочел бессонницу, пока обретаюсь в столь беспомощном теле.

— Поверь, она ничуть не лучше. — Принцесса огорченно понурилась. — Уж я-то знаю...

Таальвен внимательно поглядел на нее во мраке, но заводить беседу о странном бессилии колдуньи не стал. К чему болтовня, если скоро он сможет лично проверить правоту своих догадок. Осталось лишь выбраться.

А коридор все тянулся. Раздумывая, как долго продержится еле плетущаяся Изольда, Лютинг сделал еще с десятков шагов и настороженно замер. Ни его слух, ни людское обоняние не улавливали ничего необычного, но все же какая-то внутренняя сила приказала остановиться. Упорствовала она не зря: в десятке саженей от приморского принца, угольно чернея, замаячила развилка. За ее чертой путь разветвлялся на два коридора — одинаково темных и глухих. Похоже, судьба вновь предоставила троице возможность попытать удачу — опять совершенно не вовремя.

— Куда теперь? — неуверенно спросила Изольда, поравнявшись с мужем. Оба туннеля не внушали ей доверия.

Меж густых бровей Лютинга залегла глубокая морщинка. Верного ответа он не знал. Зато Северный ветер не стал раздумывать. Обогнув спутников, он решительно двинулся вперед и, не расслышав позади привычных шагов, жестом поманил принцессу с Мак Тиром.

— Так и будете стоять истуканами? До выхода рукой подать.

Зеленые глаза уставились ему вслед.

— Как далеко?

— Если поторопимся, скоро увидим солнце.

«Солнце... — мысленно простонала терновая колдунья. — Мне бы полежать в ласковом сумраке часок-другой — опустить веки, саднящие от копоти...»

Но жаловаться вслух она себе не позволила и, собрав остатки воли в кулак, потащилась за Хёльмвиндом. Для того, кто подвергся действию сон-травы, он шествовал слишком бодро. Может, помимо усыпления, зелье глодальщиц обладало каким-то особым действием?

Изольда задумалась. Эх, нужно было устроиться с ветром и Таальвеном на поляне. Вдруг после короткого сна к ней бы вернулось утерянное терновое волшебство? Как славно, если бы оно сызнава заструилось по ее иссохшим жилам. Но с каждой секундой Изольда чувствовала все большее опустошение. Во рту горчило от пепельного вкуса, горло жгло — наверное, она надышалась колдовским дымом.

Словно вторя ее изнуренным думам, гладкий амулет Вей Эрны на груди тихо подрагивал.

* * *

Бесшумно, как тень, Таальвен Валишер запустил ладонь в походную суму и вытащил со дна короткий ветряной кинжал.

«Спи крепко, обессилевшая принцесса...»

Стащив простенькие ножны, явно принадлежавшие другому клинку, Мак Тир привычно сомкнул пальцы на рукояти. Терновая ведьма подобрала в усыпальнице Розы Ветров удивительно ладное оружие. Теперь оно принадлежит Изольде.

Принц взглянул на изящную фигурку, трогательно свернувшуюся калачиком, и подбросил в костер еще одно полено.

«Храбрая беззащитная Хёльди, пусть тебе будет тепло...»

Верховный ветер оказался прав, избирая в лабиринтах могильника коридор: меньше чем через час он вывел путников наружу. Но устраиваться на привал у затхлой норы, поросшей борщевиком, они не решились. И продолжили путь сквозь гряды каменистых холмов, покрытых рыжим мхом и остатками редкого леса.

Гладан-Къёлль какое-то время еще холодил спины, щерясь острозубым

гребнем, но вскоре скрылся за ломаными изгибами горизонта. Похоже, большую его часть троица путешественников преодолела под землей. Может, оно и к лучшему.

Пятнистые валуны, словно остов древних гор проступающие из-под травяного покрывала, таили в себе куда меньше опасности. Их замшелые бока влажно искрились на солнце, подземные ключи пробивали дорогу среди податливых известняков, сливаясь в синие неглубокие озера. Вода в таких водоемах была холоднее ледников, а по берегам паутинкой стлались крошечные цветы с острыми лепестками. Ни дать ни взять прекрасная страна из волшебных историй.

Привал устроили после полудня, разведя костер в низине под невысоким взгорьем. Изольда сразу улеглась спать, отказавшись от еды и питья. На усталость она не сетовала, но по темным кругам под глазами было понятно: богатая на события ночь далась ей тяжело.

Хёльмвинд же побродил в окрестностях какое-то время, внимательно прислушиваясь к далеким обманчивым отзвукам, и заявил в конце концов:

— Думаю, к востоку от леса живут люди...

— Тогда постараемся с ними не встречаться, — хмуро отозвался Лютинг. — Лучше всего путешествовать затемно.

Утверждение было дельным, учитывая, что путникам сейчас требовался отдых.

Солнце, богатным светом более всего походящее на весеннее, сияло ярко. Умостившись под горой, Таальвен стянул перчатки, расшнуровал плотную куртку и подставил исцарапанное лицо под ласковые лучи.

Северный ветер уселся по другую сторону от огня.

— Знатно она тебя разукрасила... Могильным старухам впору позавидовать.

— Это всего лишь царапины, — отмахнулся Мак Тир, — оставленные потому, что я не защищался.

— Я бы поглядел на твою оборону при случае... — мечтательно промолвил ветер.

— Разве стычки накануне тебе было недостаточно?

— Одно дело — отражать атаки глодальщиц, и совсем иное — сдерживать терновую ведьму.

— Я не собираюсь с ней драться. — Таальвен обнажил лезвие своего меча и принялся чистить его куском ткани.

— Даже если она захочет тебя убить? — Голубой взгляд сделался предельно серьезным.

— Даже в этом случае...

С каждым бережным движением сталь под рукой королевича тонко звенела. Покончив с полировкой, он откинул со лба седые пряди и устался на Хельмвинда.

— Ну а ты?

— Что? — вздернул бровь северный владыка.

— Что будешь делать, если колдунья пожелает твоей смерти?

На секунду верховный задумался, в замешательстве отыскивая ответ.

— Гадать, для чего ей это понадобилось... Ведь ко мне она, кажется, относится чуть благосклоннее, чем к тебе.

— О да. — Таальвен весело хмыкнул и залюбовался тонким шрамом на щеке собеседника. — Потому и оставила тебе всего одну метку?

— Точно. — Ветер растянул губы в кривой улыбке.

Со стороны разговор их выглядел почти дружеским, пусть на деле Мак Тир и пытался выведать, как поступит Хельмвинд в случае очередного помешательства терновой колдуньи. Кажется, полученные ответы приморца устроили, и, поворошив щепки в искрящемся пламени, он миролюбиво предложил:

— Ложись спать. Впереди долгий ночной переход. Я покараулю до заката.

До темноты у Таальвена оставалось незавершенное дело, для которого требовались голубой клинок и полное одиночество. К счастью, ветер об этом не подозревал.

Как только Хельмвинд улегся и задышал ровнее, Лютинг вынул нож из набитого мешка и склонился над принцессой. Она даже не шелохнулась — совсем как во времена, когда волк тенью рыскал у ее лежанки, высматривая врагов. Помнится, в те дни она так же морщила во сне гладкий лоб, сиюсь сбежать от кошмаров.

Какие видения преследуют ее сейчас? Различить смутные образы Таальвен не мог, но в их недоброй природе был уверен. Отчаяние, слабость затопили сны измотанной колдуньи, и виной всему проклятая побрякушка Вей Эрны.

Подцепив острием шнурок медальона, принц разрезал его пополам и, стараясь не прикасаться к янтарю, завернул в тряпицу. Так-то лучше. Посмотрим, что будет дальше.

Изольда, освобожденная от тяжелого амулета, слабо застонала сквозь дрему:

— Таальвен Валишер...

Через минуту лицо ее просветлело.

«Да, терновая ведьма. — Кончиками пальцев он провел по завиткам ее

волос и укрыл девушку алым плащом. — Теперь ты свободна».

Узоры на гладком лбу колыхались в такт несуществующему ветру.

ГЛАВА 10

ДОРОГА ИЗ МЕЛА И КРЕМНИЯ

Это было страшнее безграничной всеобъемлющей власти Лютинга Мак Тира над ее душой, страшнее смерти — зыбучая угольная река, полная пепла и горечи. Как ни барахтайся — не спасешься, не выберешься из черного песка.

Могильной насыпью он давил Изольде на плечи, путами свертывался вокруг лодыжек. Поначалу она пыталась идти, затем плыть, но любые усилия приводили лишь к тому, что она вязла глубже, в ужасе запрокидывая голову, чтобы не захлебнуться прахом.

— Пусть это закончится...

Тонкие руки тщетно тянулись ввысь, губы шептали молитвы... Колдовская река не знала жалости.

Задыхаясь под невыносимой тяжестью, принцесса снова отчаянно рванулась, и внезапно ступни ее коснулись гладкой твердой поверхности. Боги, неужто спасение? Шаг, другой — она буквально прорывалась сквозь текучую толщу, пока острые песчинки впивались ей в кожу. Но вот движения сделались свободнее — черная река заструилась горячими потоками.

— Что это? — изумилась Изольда, с макушкой уходя под воду.

Тут же она вынырнула из большой круглой купальни и принялась кашлять и отплевываться.

— Ваше высочество? — раздалось сверху. — С вами все в порядке?

Растерянный серый взгляд метнулся сквозь клубы душистого пара.

— Я...

— Задремали во время ванны, принцесса? — подхватил еще один почтительный женский голосок.

— Да, наверное, — выдохнула Исгерд с облегчением.

Обхватив себя за голые плечи, она прикрыла глаза и вновь погрузилась в разогретые воды купальни.

— Не стоило плавать так долго.

В воздухе удушающе пахло благовониями. Запах поднимался от раскаленных жаровен, над которыми их жгли, дымными кольцами собирался под потолком.

— Здесь слишком душно, — пожаловалась терновая принцесса, —

распахните двери на балкон.

— Но... вдруг вас кто-нибудь увидит? — тихо пробормотала служанка. Искерд приосанилась и по ступенькам вышла из бассейна.

— Как тебя зовут?

— Дорте, госпожа...

— Мне незнакомо твое лицо, Дорте. — Мокрые плети жемчужных волос хлестнули по величавой спине.

— Она заступила на службу всего два дня назад, — пояснила вторая помощница и с поклоном протянула принцессе полотенце.

— Вот оно что. — Искерд стяхнула прилипшие к коже цветочные лепестки, которыми были щедро присыпаны воды купальни, и лишь затем начала вытираться.

— Да будет тебе известно, Дорте, Терновый дворец построен на скалистом неприступном холме. По периметру его окружают стена и живая изгородь — вряд ли кто-нибудь подберется столь близко, чтобы заглянуть в окно. А даже если бы и смог, эта комната находится на последнем этаже самой высокой башни и балконом выходит на Пустошь. Разве там живут люди?

— Нет, ваше высочество. — Служанка виновато потупилась и бросилась открывать балконные двери.

Между тем ее подруга поднесла будущей королеве роскошный халат и помогла в него завернуться.

— Прошу, госпожа.

— Благодарю, — рассеянно промолвила принцесса, обертывая пестрый поясок вокруг талии, — принесите прохладительное питье и можете быть свободны.

Служанки переглянулись. Одна из них — та, что не первый год жила во дворце, — поспешно скрылась в смежной комнате. Дорте же снова замялась, взволнованно сцепив ладони в замок.

— Еще какие-то вопросы?

Властный невозмутимый голос заставил прислужницу занервничать пуще прежнего.

— Никаких, принцесса... Просто ваш брат...

— Этельстан? — Искерд приняла из рук первой помощницы полный до краев кубок. — Что-то случилось?

— Сегодня утром он настаивал на аудиенции...

— И? — Принцесса с наслаждением отпила сладкий прозрачный нектар.

— Я пояснила ему, что время визитов наступит завтра после обеда, как

того велит дворцовый этикет...

— Что? — чуть было не поперхнулась Исгерд. Пришлось прикрыть синеватые губы ладонью и старательно откашляться.

— Ты не впустила принца в мои покои?

— Вы как раз собирались принимать ванну... — Испуганная горничная сжалась. — Я думала, в мои обязанности входит поддерживать распорядок вашей жизни...

— Безусловно, но моего брата дворцовые условности не касаются. — Хозяйка покоев отставила сладкий напиток прочь. — Чтобы увидеться со мной, он не обязан записываться на прием.

— Да, ваше высочество, — пискнула Дорте. — Простите меня за оплошность...

Осознав наконец, что от переживаний новая служанка вот-вот лишится чувств, Исгерд сжалась и великодушно склонила голову.

— Забудем об этом.

Она и запомняла, как благоговеет перед терновой принцессой простой люд.

— Главное, запомни урок на будущее... Лета?

Вторая помощница услужливо подалась вперед.

— Будь добра, пошли за братом скорее. Наверняка у него было какое-то важное дело.

И пресекая дальнейшие извиняющиеся реверансы, Исгерд отослала обеих девушек прочь.

Шелест их одежд скоро стих. Ароматный пар за клубился вокруг задумчивой принцессы. Все же удивительно, как подданные могут любить ее и бояться одновременно? Понимают ли они, что, несмотря на терновое могущество, их будущая королева — существо из плоти и крови, пусть черной, как морион?

Исгерд сунула ноги в мягкие банные туфельки и, шлепая каблуками, прошла на балкон.

Догадываются ли жители Тьер-Лерана, что кроме долга в сердце ее отыскали убежище сотни других чувств — тревожных, противоречивых?.. Или для народа она — лишь воплощение великой благодатной силы, суть которой — хранить покой и порядок?

Да славится Неувядающий Терн и избранный, что им отмечен. — Тонкие пальцы начертили узор на каменном парапете... Отныне он — столп и защита Тьер-на-Вьёр... Как там дальше звучали слова терновой молитвы?

Гулкое эхо под сводами коридоров нарушило бессвязный поток

невеселых мыслей — Этельстан... Его походку принцесса различила бы даже среди сотен шагов.

— Герда?

Несчетное количество раз она отыскивала взгляд этих карих глаз в суете званого ужина или шумного бала. С детства он был для нее спасительным якорем. Когда брат находился рядом, невзгоды отступали. И Исгерд неизменно казалось: она знает его лучше всех.

Неудивительно, что теперь, уловив мятежный блеск, девушка сочла это признаком обиды.

— Надеюсь, из-за Дорте ты не станешь сердиться? — сходу предположила она. — Бедняжка всего два дня состоит у меня на службе и не успела изучить порядки в Терновом дворце.

— Она лишь указала на мое место, — бесцветно возразил принц, огибая круглую чашу купальни. — Справедливо.

— Ну что за бессмыслица? — застонала Исгерд. — Девочку просто сбила с толку здешняя вычурность и вдобавок скучный свод правил, который ей наверняка пришлось вызубрить на память.

— Хорошо, — отмахнулся Этельстан слишком небрежно, чтобы поверить в его искренность. — Несмышленная служанка интересуется меня в последнюю очередь. Давай лучше потолкуем о сегодняшних дипломатических встречах.

— С каких пор тебя заботят переговоры?

Удивление принцессы было неподдельным. До сих пор брат ее не проявлял к политике ни малейшего интереса, предпочитая проводить дневные часы в королевских садах или за книгами.

Этельстану же в ее словах почудился намек на скверное выполнение собственных обязанностей при дворе, и он вскинулся, зло сузив темные глаза.

— Если бы в моих руках была сосредоточена хоть какая-то власть, я непременно бы присутствовал на каждой встрече с послами, на каждом королевском заседании. Но что толку торчать там, если голос мой все равно ничего не значит?

— Полноте, Этельстан. Ты имеешь право посещать все королевские мероприятия. Я рада видеть тебя в любое время дня и ночи.

— Даже на переговорах с ветрами, назначенных на сегодня? — Тонкая бровь изогнулась, как сердитая змея.

— Разумеется, — все с тем же изумлением пожала плечами принцесса. — Но откуда тебе о них известно?

— О, во дворце у меня еще остались надежные осведомители, которые

охотно делятся информацией. В отличие от родной сестры, давно переставшей посвящать меня в свои тайны...

— Здесь нет никаких секретов. Ветряные гости не желали предавать свой приезд огласке, потому об их присутствии в Тьер-Леране пришлось умолчать. Но, поверь, при следующей же нашей беседе ты бы услышал о них от меня. Если бы не счел рассказ слишком скучным.

— Скучным? За кого ты меня принимаешь? — Принц осекся, пытаясь взять себя в руки.

Но Исгерд успела удостовериться окончательно, что по большей части им движут злость и обида. Ах, если бы только на нее, тогда проблему легко можно было бы решить сестринскими объятиями. Но ведь брат изводит себя из-за короны, полноправной владелицей которой она вот-вот станет, и собственного незавидного положения.

Исгерд пригорюнилась и тяжело вздохнула. С каждым днем принц отдалялся от нее все сильнее. Поскорее бы прошла злосчастная церемония. Она станет королевой и на деле докажет беспокойному брату: ее привязанность к нему никогда не иссякнет.

— Так значит, меня не вышвырнут из Зала советов, едва я решу навестить сегодняшнее собрание? — прервал ее размышления Этельстан.

— Конечно нет. — Подхватив полу длинного халата, Исгерд приветливо шагнула к нему. — Никто и никогда не посмеет сотворить с тобой подобное. Во всяком случае, пока власть находится в моих руках.

Власть... Мутные глаза вспыхнули и почернели. Принц сгреб с банного столика полупустой кубок, жадно из него отхлебнул.

— Насчет человека, сообщившего тебе о наших тайных гостях. — Бескровное лицо Исгерд застыло в паре саженей от него, бледные губы строго сомкнулись. — Ты обязан выдать его. Нельзя допустить, чтобы внутренние дела королевства становились достоянием общественности...

— Хочешь лишить меня последнего никчемного влияния? — невпопад пробормотал Этельстан. — В то время как у самой в кулаке все терновое могущество.

— Да что с тобой сегодня такое? — Принцесса гневно скрестила руки. — Ведешь себя словно ребенок, без конца сетующий на судьбу! Не пришла ли пора тебе повзрослеть?

Побелев, Этельстан крепче сжал пустой теперь кубок и уязвленно отступил к двери.

— Постой, — опомнилась огорченная девушка. — Я не это хотела сказать. Ты ведь знаешь, брат, принадлежащее мне, будь то престол или любовь подданных, — твое по праву. Я с радостью поделюсь с тобой всем,

что попросишь.

— Вот как? — Он лукаво замер на пороге. — А если я захочу часть терновой магии? Сможешь ты по-сестрински разделить ее на двоих?

Тишина — как и следовало ожидать. Искерд молчала, удрученно ссутулившись. Мокрые волосы грязновато-серыми прядками падали на лицо. Едва ли кто-то из придворных видел принцессу такой, хотя Этельстан не раз заставлял ее захлебнуться бесплодными возражениями.

Если бы она только могла разорвать надвое колдовскую силу, жарким потоком бьющуюся в жилах! Тогда ее брат властвовал бы вместе с ней бесконечно долго, почти вечно. И ей никогда не пришлось бы мириться с горестями утрат.

Но волшебный терновник — не сухая ветка, его не разломишь пополам. И уж тем более немислимо одарить кого-то колючими чарами. Этельстан знает об этом, но все равно изводит ее упреками, беспечно полагая, что безжалостные слова не задевают сердца.

Терзаясь печалью, Искерд ненароком взглянула в окно и охнула, подскочив на месте. Солнце уже в зените! А ей ведь предстоит уйма дел до переговоров. Кликнув расторопную Лету, принцесса направилась в гардеробную — переодеваться. И хотя лицо ее перед придворными попеременно выражало заботу или заинтересованность, приличествующие случаю, мысли до самого вечера оставались безрадостны и темны.

* * *

Изольда проснулась от неприятного сосущего чувства, заставляющего похолодеть и съежиться. Мерещилось, что из бездны забвения на нее глядят жуткие глаза. Но стоило принцессе приподнять голову над лежанкой, марь развеялась, стало понятно, что за взгляд пригвоздил ее к месту.

— Таальвен! — Щеки тотчас вспыхнули. — Что за возмутительная привычка пялиться на людей?

Лютинг отвернулся без особого раскаяния и подбросил коры в робко трепыхающийся костерок.

— Как спалось?

— Хорошо, — протянула Изольда в некотором замешательстве. — Даже здорово...

Жаль, пробуждение было слишком внезапным, иначе она бы запомнила ночные видения во всех деталях.

— Кажется, мне снова снилась Исгерд. — Колдунья запустила пальцы в растрепавшуюся за ночь прическу и прикрыла веки. — И она была расстроена.

Приморский принц хмыкнул удовлетворенно, пристраивая над огнем несколько мелких рыбешек. Внимание Изольды тут же переключилось на будущий завтрак.

— Как ты их изловил? — Шитая золотом накидка соскользнула с плеч. — Зубами? Можно подумать, по ночам ты превращаешься в волка и отправляешься на охоту.

— Вряд ли. А то бы принес косулю. — Нежданная улыбка обнажила клыки — вполне обычные для человеческих.

— Значит, этому тебя учили во дворце? — подтягивая смявшиеся гармошкой сапоги, в шутку предположила Изольда. — Добывать еду, обулаивать лежанку... Полезные навыки для короля.

— Я не король, — вымолвил Лютинг. — Собираюсь быть им когда-то, но титул заслужить не успел.

— Зачем же тогда звал высокородную принцессу замуж? — делано ужаснулась Изольда.

На что Мак Тир ответил с хитрым прищуром:

— Спасал тебя от одинокой старости — мать твою считали ведьмой...

— И что с того? Претендентов на мою руку всегда хватало, несмотря на лживые слухи.

— Может, не всех известили, будто северинская королева повинна в смерти твоего отца?

— Неправда! — взвилась Изольда. Былого добродушия как не бывало. — Моя мама любила короля! Иначе зачем ей покидать ради него родные земли?

Она уязвленно умолкла и потянулась за плащом. Под проникновенным зеленым взглядом вдруг стало зябко и неудобно.

Наблюдая за резкой сменой ее настроения, Лютинг собирался признаться, что жалеет о неосторожно брошенных словах, — в конце концов, никому не известно, как обстояли дела у четы Северин на самом деле, но тут Изольда недоуменно ухватила за шею.

— А где мой кулон?

— Я снял его, — сказал принц без обиняков, заслужив новый ошарашенный взгляд.

— Как? — Задать более внятный вопрос принцесса не успела. С вершины холма полетели мелкие камушки, а вслед за ними на траву спрыгнул Хельмвинд.

— Похоже, я вовремя, как всегда. — Наполненная до краев фляга из мягкой оленьей шкуры глухо шлепнулась рядом с поклажей.

— Куда ты дел амулет? — Опешившая Изольда наконец пришла в себя.

— Спрятал в суму к ветру, — беззастенчиво сознался Таальвен.

— Но зачем?

— Тебе нельзя его носить. Никогда.

Все еще недоумевая, принцесса поднялась на ноги. Лютинг тоже встал, последовав общему примеру. Толковать свои действия ему не хотелось, поскольку дельных объяснений не приходило в голову. Но Изольда с Хельмвиндом продолжали буравить его глазами, и пришлось начать говорить хоть что-то.

— Эта вещь вытягивает из тебя силы...

— Естественно. — Терновая колдунья подбоченилась. — Она для того и создана, чтобы сдерживать чары тьер-на-вьёр.

— Ты не поняла. — Лютинг убрал волосы за ухо так, что стал виден тонкий шрам на его виске. — Амулет не утихомиривает терновую ведьму, он убивает тебя!

— Откуда ты знаешь?

— Разве ты сама не почувствовала, что сильно ослабела с того самого мгновения, как надела его?

— Еще бы, — подтвердила Изольда. Для нее это как раз не было неожиданностью. — Ведь камень Вей Эрны каким-то образом останавливает терновую магию. Без нее я снова стала человеком.

— Нет. — Приморский королевич коротко мотнул головой. — Сила терновника изначально принадлежит тебе. Перекрывая ее с помощью ветряной побрякушки, ты собственноручно затягиваешь петлю на своей шее. Может, вещица и избавляет от явлений ведьмы, но вместе с тем и от самой жизни.

— Откуда ты знаешь? — повторила вопрос Изольда, и Северный ветер также вперился в принца льдистым взглядом.

Помолчав секунду, Лютинг вздохнул и обреченно произнес:

— Я это вижу.

— Видишь? — Брови принцессы поползли вверх.

— Сложно объяснить. — Таальвен задумчиво пожал плечами.

— И все же попытайся, — вставил верховный хлестко. В кои-то веки Мак Тир был вынужден давать объяснения.

Но слова его — скупые, выверенные — лишь напустили туману.

— Изольда, у тебя внутри словно пылает яркий костер... я чувствую

его жар даже на расстоянии. Но с тех пор как появился амулет Розы Ветров, пламя больше не полыхает. С каждым днем оно гасло, слабело, а теперь еле теплится, и ничего не стоит потушить его. Это с легкостью могли сделать глодальщицы, а в будущем попытаются и другие чудовища. Но если не они станут причиной твоей гибели, тебя прикончат сны. Разве хочешь ты снова искать выход из их беспросветной слепоты?

Изольда потупилась, вопросы и гневные упреки растворились в сдавленном выдохе. Слишком откровенными показались ей речи Лютинга. Откуда ему известно о ее мучительных видениях, о горьком привкусе пепла на губах? Как он может замечать то, о чем говорит?

— С янтарным камнем на шее ты умираешь, — прибавил жестко приморский принц. — Наверняка ветер тоже это почуял.

Тяжелый взгляд уткнулся в застывшую фигуру Хёльмвинда. На удивление тот не стал спорить.

— Зачем в таком случае ветряная владычица вручила мне кулон? Не могла же она желать моей гибели? — Изольда потрясенно попятилась. Речи мужа с трудом укладывались у нее в голове.

— Похоже, Мак Тир намерен обвинить ее в покушении. — Северный ветер подхватил свой дорожный мешок и разыскал среди свертков гладкий кусочек затвердевшей древесной смолы.

— Пока нет... — парировал Лютинг. — Чтобы уличить в чем-то Вею Эрну, нужны доказательства, а не домыслы. Но насчет колдовского оберега я уверен. Если сомневаешься в моих словах, верховный, собственноручно завяжи шнурок на шее принцессы.

Он с вызовом взгляделся в бледное лицо ветра, наперед зная, что рисковать жизнью Изольды тот не посмеет. Она тоже обернулась к Хёльмвинду — рассеянно, беспомощно.

Раскачиваясь, словно волшебный маятник Ливы, кулон в ветряных пальцах крутанулся вокруг собственной оси, поймал в цепкие янтарные глубины золотистый вечерний всполох, и на миг Изольде показалось, что колючий чертополох в смоле расправляет сухие стебли, хищно тянется к ней.

— Может, Роза Ветров не догадывалась о действии своего амулета? — Ее смущенный голос вернул Таальвена и Хёльмвинда к действительности. — В конце концов, ветряная владычица проспала столько лет. Неудивительно, если в голове ее знания смешались.

Эти слова призваны были помочь северному владыке оправдать свою повелительницу, но должного облегчения они не принесли. Гладкий вощенный шнурок жег его ладонь, в сердце будто воткнули иголку.

А ведь ветер и сам видел, как стремительно силы оставляют Изольду, как гаснет ее обычно ясный взор... Почему же не предупредил, не высказал опасения вслух? Из-за Вей Эрны, которая просила доверять ей?

— Давайте дождемся, когда Хельм встретится с Розой во сне, — тем временем продолжала принцесса, — и расскажем ей обо всем. Держу пари, она сможет объяснить случившееся.

— А до тех пор, — Изольда в смятении покосилась на своего мужа, — я постараюсь не отходить далеко от Таальвена. Кажется, тьер-на-вьёр по-прежнему боится его.

Верховный сдержал невеселую усмешку. Лютинг едва заметно качнул головой в знак согласия.

— Но если вы заметите, что глаза мои почернели, а голос изменился, едва только шевельнутся колючки на моей коже, — узкие ладони принцессы взволнованно нырнули в складки плаща, — немедленно наденьте на меня амулет, ладно?

Хельмвинд затолкал осколок янтаря поглубже в суму.

— Как скажешь...

«Ты не сделаешь этого», — говорили сжатые губы и волевой наклон головы Лютинга.

«Не сделаю...» — беззвучно вторило сердце северного владыки.

* * *

Под ногами скрипели, взвивались белой пылью раздробленные кости древних гор. Мел и кремний вспарывали мшистый травяной покров там и тут, высились грядами, маячили на горизонте отдельными крутыми холмами. Когда-то на этом месте дыбились грозные скалы. А может, холмистую долину от края до края укрывало пенное море... Воды его превращали каменную твердь в песок, столетиями обтачивали шершавые бока, любовно ваяя изгибы из грубых наростов... Так или иначе, некому было рассказать о тех далеких временах, и путникам оставалось лишь гадать, что за стихии хозяйничали раньше в чудесной долине.

Возможно, ответы на вопросы знала тьер-на-вьёр. Она ведь была когда-то терновой принцессой и ведала многое о стране, по просторам которой сейчас шагала Изольда. К тому же ведьма теперь вновь могла говорить — пусть ее устами. Этого принцесса боялась, оттого держала тень Таальвена Валишера в поле зрения. Если колдунья появится, он успеет схватить ее, вырвать из колючего тернового переплетения.

Интересно лишь знать, как ему это удастся...

«У тебя внутри словно пылает яркий костер...» — звоном отдалось в ушах, и принцесса покраснела, на ходу пряча лицо в капюшон.

— Ох, умолкни, приморский королевич...

— Ты становишься похожей на Эйалэ, — посетовал Хельмвинд, нагоняя ее со спины. — Бормочешь себе под нос, словно одержимая... Пройдет немного времени, и вознамеришься управлять другими, будто королева.

— Я уже на это способна, забыл? — бросила Изольда через плечо. — Кроме того, известняки, реки и травы окрест принадлежат мне одной.

И, дождавшись, пока ветер поравняется с ней, зашагала быстрее, примеряясь к его широкому шагу.

— Тебе ли? — Безупречные черты лица верховного тронула тень сомнения.

— Терновой принцессе... Но ее больше нет, и сила терновника моя, пополам с тьер-на-вьёр.

Вымолвив это, Изольда прикрыла глаза, с наслаждением ощущая, как вьется колючая лоза под кожей. Невидимые ветви вновь ожили, распрямились. С тех пор как подарок Вей Эрны перестал их сковывать, жара от растущих шипов вполне доставало, чтобы согреть принцессу, наполнить ее тело звонкой силой.

— Вижу, без кулона тебе и в самом деле лучше, — хмыкнул ветер.

И колдунья устыдилась того, как упивается мощностью терновника. Плечи ее дрогнули, щеки заалели.

— Ох, прости. Не думала, что это так заметно.

— За что ты просишь прощения?

— За явное удовольствие от колдовства, разумеется, которое стало причиной падения твоих предков. Грубо и нетактично с моей стороны. — Она ухватила за кончик взлохмаченной косы и принялась доплетать ее.

— Брось, — возразил Хельмвинд, — глупо не тешиться могуществом, если оно у тебя есть.

Прозрачные глаза подернулись дымкой.

«Наверняка он вспоминает о том, как привольно парить в ледяных бескрайних просторах, — догадалась Изольда. — Тело его почти свыкло с жесткими касаниями ступней к твердой земле, но дух никогда не смирится с близостью к простым смертным».

— Мы разыщем оставшиеся ветряные башни, — горячо пообещала она, и тогда ты вновь станешь самым величественным из всех известных мне ветров...

Верховный ничего не ответил, лишь поглядел на нее пристально, задумчиво.

Внезапно Лютинг, возглавляющий их маленький отряд, остановился, по-звериному обвел долину впереди взглядом.

— Слышите?

— Скрип колес, — насторожился Северный ветер.

— Карета? — Глаза Изольды обрадованно блеснули.

— Скорее повозка или телега. — Таальвен отступил в мягкую тень холма, увлекая за собой взволнованную принцессу. — Проще обойти другой дорогой.

— Обойти? — В тоне ее засквозило нескрываемое отчаяние. — Я сыта по горло чудовищами и непролазными буреломами. Давайте разведем дорогу у местных, а то и попросим подвезти нас. В конце концов, если мы проделаем хоть часть оставшегося пути без приключений, всем это пойдет на пользу.

— А как же напутствие Вей Эрны? — напомнил помрачневший Хельмвинд.

— Так мы и не будем ночевать в людских поселениях, только прокатимся пару верст...

— А твои колючки? — Теперь Таальвен Валишер поддался сомнениям.

— Я прикрою их волосами. — От нетерпения Изольда почти приплясывала на месте.

Брести по безлюдным диким просторам ей до того надоело, что поездка в телеге крестьян виделась захватывающей прогулкой. Может, тогда удастся позабыть о донимающих мыслях. А то ведь ни Таальвен, ни Хельмвинд не пытались скрасить последние несколько дней дороги — напротив, безмолвствовали невесело, украдкой переглядываясь о чем-то своем.

— Да идемте же! — Возбужденная принцесса ухватила Лютинга за руку. — Что с нами станется от одной пустяковой встречи с людьми? Не съедят же они нас!

— Скорее всего — нет, — предположил Северный ветер, — но, возможно, разбегутся с воплями ужаса. Следы на твоей коже наводят на местных суеверную жуть.

Отчаявшись убедить верховного, Изольда умоляюще уставилась на своего мужа.

— Ну пожалуйста...

По-детски искреннее желание разогнать тучи над их отрядом и

разбавить гнетущую обстановку коснулось его ровным горячим светом.

— Если извозчик испугается, немедленно спрячемся за камнями, — нехотя промолвил Таальвен.

Затя не казалась ему слишком опасной. Ветер нахмурился, но вмешиваться не стал. Не только из него терновой колдунье нынче вить веревки. И хотя умом он понимал, что лучше бы не попадаться на глаза тьер-на-вьёрским крестьянам, отказывать Изольде также не хотелось.

— Значит, идем? — просияла принцесса, ласточкой сорвавшись с места.

Скрин несмазанных колес слышался совсем близко.

— Стой! — Таальвен потянулся за ней, но ухватил только разогретый весенний воздух: Изольда уже сбегала вниз по холму, чутко прислушиваясь, чтобы понять, с какой стороны дороги появится долгожданный экипаж.

Хёльмвинд пренебрежительно усмехнулся, выражая на свой манер все, что он думает об умениях Мак Тира распоряжаться своей женой.

Между тем скрежещущая на все лады телега обогнула меловый уступ и плавно покатила в сторону запыхавшейся колдуньи. Это была обыкновенная деревенская бричка, запряженная единственной рябой кобылкой.

Вместо козел над передней парой колес была приколочена перекладина с добротной грубой скамейкой. На ней восседал крепкий детина в изношенных башмаках. На руках его, обнаженных по локоть, бугрились мышцы, некрашенная рубаха была едва стянута на груди простой веревочной тесьмой. Безрукавый облезлый кожух тряпицей болтался на могучих плечах. Овечья шапка, залихватски сдвинутая на лоб, низко напознала на глаза. Из-под нее во все стороны торчали жесткие, как прутья, рыжие волосы.

— Ну, чего встала? — беззлобно гаркнул мужик, осаживая лошадь тоненькой хворостиной. Настоящего кнута у него не было.

Боязливое животное фыркало и пятилось, но идти дальше не желало. А все потому, что тонкая фигурка в красном плаще преградила ему путь. Казалось странным, что возница не замечает ее, продолжая понукать скотину.

— Вперед, кому говорят! — присвистнул крестьянин с досадой.

Упрямое животное только прижало уши к голове и взмахнуло серым хвостом.

— Наверное, она меня боится, — осторожно подала голос Изольда.

Возница мгновенно напрягся, вскинулся — огненная с проседью

голова слепо качнулась по сторонам.

Лишь теперь принцесса заметила, что его мутные выцветшие глаза глядят сквозь нее, словно никак не могут зацепиться за знакомые образы. Человек был слеп, иначе уставился бы на сливовые завитки на девичьих руках или расчерченные шипами скулы.

— Изольда! — Скользя с меловой насыпи, Таальвен соскочил на землю рядом с девушкой.

Мужик на козлах стянул свою засаленную папаху, услышав, как белая каменная крошка хрустнула у него под ногами. Затем последовали отголоски еще одной поступи — легкой, почти бесшумной. Безмолвный Хёльмвинд замер за другим плечом принцессы.

— Так-так. — Возница тряхнул зажатой в кулак шапкой — нарочито беззаботно. — Редко я встречаю путников в самом сердце Белой долины, слишком близок к ней Гладан-Къэль. Вы кто будете?

— Путешественники, — нараспев заговорила принцесса. — По всей видимости, неудачливые. Забрели сюда случайно. Можно сказать, заблудились. Меня зовут Изольда. А моих провожатых — Тааль и Хёльм.

— И куда же вы идете, Изольда, Тааль и Хёльм? — Незрячий взгляд скользнул по трем напряженным фигурам.

— К Огненной реке, — призналась принцесса, до того переглянувшись со своими спутниками.

— К Дахана-Пламен? — Крестьянин нахмурил выгоревшие на солнце брови. — Зачем вам туда?

Изольда переплела в замок тонкие пальцы.

— У нас там дела...

— Вот оно что. — Возница понятиливо кивнул, снова натягивая замусоленную шапку на рыжие вихры. — Тогда желаю удачи, до реки еще топтать и топтать.

Он перехватил покрепче тонкую ветку, чтобы подстегнуть лошадь, но тут принцесса приблизилась на шаг и осведомилась вежливо:

— Может, вы подвезете нас? Я вижу, бричка ваша пуста — в ней вполне хватит места для четверых.

Мужчина задумался, делано почесал затылок.

— Оно-то можно, и мне как раз по пути, но вот беда: проклятое заднее колесо совсем расшаталось. Боюсь, не выдержит оно двоих взрослых мужчин. Тебя одну я бы, пожалуй, взял...

Лютинг выразительно звякнул мечом, вставая между Изольдой и повозкой.

— Сама она никуда не поедет.

— Ну, тогда делать нечего. — Мужчина развел руками. — Прощения просим.

— Погодите. — Принцесса развернулась на каблуках. — А если попробовать починить колесо?

Тут же тяжелый взгляд Хельмвинда обдал ее такой стужей, что Изольда запнулась. Без слов стало понятно: и под страхом смерти ветер не прикоснется к телеге.

— Таальвен? — Словно ища помощи, она вгляделась в не улыбочное лицо мужа.

Следовало сгрести ее в охапку и отправляться восвояси, но, на счастье Изольды, приморский принц умел чинить колеса.

— Можем попытаться, — проворчал он без особого восторга.

— Так я слезаю? — мигом спохватился мужчина.

В два счета он спрыгнул со своей скамейки и, даром что слепой, прытко обежал расшатанную телегу.

— Да здесь и дел-то на четверть часа — ступица разболталась, да спица треснула.

Словно в подтверждение его слов, кобыла в упряжке тонко заржала, тряхнула свалявшейся гривой. Лютинг вздохнул и вручил Изольде ножны с мечом, а затем и куртку — таскать тяжелую бричку и чинить грязные колеса в полном обмундировании было бы крайне нелепо.

* * *

— А ты неплохо управляешься со спицами, — хохотнул довольный возница часом позже. — Никак в деревне вырос?

Лютинг не ответил, пропустив мимо ушей и похвалу, и язвительный Хельмов смешок.

С ремонтом пришлось повозиться, зато теперь хозяин брички обращался к нему почти по-дружески. Его звали Видар, и, если верить его собственному о себе рассказу, жил он в деревеньке у кромки Белой долины и промышлял торговлей. До соседнего селения самый короткий путь пролегал через холмы, и, хотя местные считали место гиблым из-за близости Гладан-Къель, за серьги и монисто, что привозил Видар в своей расшатанной телеге, платили хорошо.

По словам мужчины, когда-то он был кузнецом, да вот ослеп волею случая и нынче годился лишь на то, чтоб гнуть из металла перстни и другие бесполезные побрякушки.

Таальвен Валишер слушал чужака пронизательно, про себя отмечая: сил у бывшего кузнеца вполне хватит, чтоб защитить себя в дороге, а лет ему едва минуло за пятьдесят. Так что пока хозяин повозки кряхтел и жаловался на старость и немощность, потирая якобы ноющий крестец, приморский принц лишь щурил волчьи глаза да запоминал дорогу.

Несмотря на выправленные колеса, бричка ехала медленно. Если поторопились бы, путники легко могли бы ее обогнать, о чем Хельмвинд не преминул сообщить, пытаясь устроиться поудобнее на жестком полу. Лежанка ему не нравилась.

— Там под мешковиной спрятаны меха, — махнул щедрой рукой Видар, — на украшения выменял. — И прибавил, теребя рыжий ус: — Денег-то у меня с собой нет.

Если бы он только мог лицезреть новоиспеченных попутчиков, то понял бы, что опасения встретить в их лице грабителей напрасны. Ведь один лишь наряд принцессы стоил больше всех пожитков Видара вместе взятых, но крестьянин был слеп. И лишь жмурился привычно, от жары закатывая и без того поднятые рукава.

Изольда хотела было устроиться на козлах рядом с ним, но глупая лошадь вновь начала взбрыкивать. Пришлось усесться в стороне — на самый дальний край повозки.

— Ума не приложу, — сокрушался возница, — отчего Полынь так испугалась. Она, конечно, животное вредная, но от людей шарахается впервые.

— Наверное, учуяла незнакомый запах, — подсказала принцесса, подкладывая рыжую лисью шкуру под голову вместо подушки.

— Странно все это...

Не удостоив разговор собственным вмешательством, Северный ветер оглядел колючий венец на лбу принцессы. Выходит, животные в этой колдовской стране боятся терновых чар? Хорошо, что встреченный ими человек неспособен разглядеть, кого усадил в свою повозку.

Наконец он нашел худо-бедно удобное положение и оперся спиной о низкий бортик. Бричку тут же трянуло. Проклятые меха, настеленные вместо перины, сползли на самое дно.

— Эйалэ тебя разрази! — процедил ветер сквозь зубы, проклиная людей и их кособокие колымаги. Когда он станет собой...

Пальцы ухватились за тусклый болотный перстень. Что случится после того, как Роза Ветров обретет былую силу? В Тьер-на-Вьёр вернуться ветра? Родичи его встретятся наконец со своей могущественной владычицей? Понравится ли ей Зефир? Быть может, она сумеет стереть с

невозмутимого лица Эйалэ напускное величие?

Ссохшиеся колеса мерно поскрипывали, и под этот усыпляющий звук мысли ветра уводили его все дальше в пучину раздумий.

Заскучав от тишины, Видар подхлестнул Польшь и спросил, обращаясь к Изольде:

— Сколько же тебе лет, девочка?

— Семнадцать, — без запинки сообщила она.

Что толку скрывать свой возраст от слепца, который и рассмотреть-то тебя не может.

— А твоим спутникам?

— Хм. — Принцесса наморщилась. — Таалю двадцать пять, а Хёльму...

В замешательстве она поглядела на ветра, но глаза его были закрыты — то ли спит, то ли не желает вступать в бессмысленные беседы.

— Почти столько же...

Лютинг проглотил остроумное замечание и распустил тесьму на тонкой рубахе. Двадцать пять веков, быть может. Но даже зрячему по виду все равно не угадать.

Видар задумчиво пожевал соломинку. Мысль, к которой он клонит, приморский королевич растолковал давно и терпеливо ждал, когда же владелец брички закончит ее. Долго томиться не пришлось.

— А разумно ли девице твоих лет шастать по безлюдным дорогам с двумя взрослыми мужчинами?

— Разумно? — не поняв, переспросила принцесса. Ладони ее поглаживали мягкий лисий мех. — Путешествовать без них было бы куда менее рассудительно.

— Может, оно и так. — Видар поскреб колючий подбородок. — Да только люди могут подумать всякое... Незамужняя, без присмотра...

— Она замужем, — перебил Таальвен резковато, положив тем самым конец неудобному разговору.

Изольда охнула, поняв, о чем ведет речь их возница. А ведь и верно, она не назвала своих спутников, так что со стороны их троица выглядела по меньшей мере странно. Хотя, в общем-то, нить судьбы, связавшая их дороги воедино, и правда переплелась слишком причудливо, чтобы ее распутать. Так что лучше промолчать. Пускай Видар гадает, кого из этих двоих Стефан Северин нарек однажды ее мужем — надменного Северного ветра или угрюмого Лютинга Мак Тира. В любом случае верного ответа не сыскать, ведь она поклялась принадлежать душой и телом волку, которого теперь нет.

— Ясно, ясно, — захмыкал неловко крестьянин. — Ты не серчай... я же понимаю, что девка приличная, потому и волнуюсь. В наших краях чего только не случается — глухомань. А тут на тракте такая красавица, да в сопровождении двоих мужчин...

— Почему вы думаете, что я красива? — спросила с улыбкой принцесса. Грубоватый кузнец вызывал у нее симпатию.

— Так ведь по голосу чую. Разве может такой звонкий и сладкий голосок быть у какой-нибудь страхолюдины-ведьмы?

Изольда неловко опустила голову. Польша фыркнула и боязливо перешла на рысь.

* * *

— Из каких краев ты, говоришь? — все выпытывал Видар, нахлобучивая папаху на подернутые сизым дымом глаза.

— Из дальних...

Собеседник из Лютинга был неважный. Говорил он коротко, отрывисто и в основном по делу. Так что выведать о нем хоть немного правды любопытный возница не мог, сколько ни силился.

Наблюдая за его тщетными попытками, Изольда посмеивалась в колени и лениво перебирала лоскуты рыжего, бурого и крапчатого меха, сваленные в кучу. Мужа ее разговорчивым не назовешь. Пожалуй, в обличье волка он был более словоохотлив, но вряд ли бывший кузнец растолковал бы смысл низкого гортанного рычания. Скорее схватился бы за дубинку, что припрятана у него на дне брички под сырмятными кожами.

Принцесса поддела ногой отполированное древко и вдруг услышала тоненький едва различимый звон.

— Что это?

Стараясь удержать равновесие на ухабистой дороге, она встала на четвереньки и запустила руку под меховой тюк. Мгновением позже на свет показался небольшой округлый инструмент с семью струнами, бережно завернутый в тряпицу.

— Лира!

— Что ты там лепечешь? — озадаченно отозвался чуткий возница. — Небось, хелис мой разыскала...

— Хелис? — Изольда вновь шлепнулась на дно повозки, на этот раз поближе к Хельмвинду, и принялась с интересом разглядывать чудное устройство. Похоже, сделано оно было из кости и поверху обтянуто кожей.

Материал заметно поизносился — видно, маленькая лира путешествовала с Видаром не один десяток лет.

— В дороге бывает скучно, — пояснил хозяин брички, сонно поводя рыжей головой. — Как разморит под полуденным солнцем, играю, чтобы не уснуть. Звук плохонький, да все лучше, чем самому с собой разговаривать. Можешь потренироваться, если умеешь и есть желание. Там под мехами припрятано гусиное перо.

Без труда Изольда нашарила взъерошенное обломанное перышко, ласково провела по нему ловкими пальцами. Играть на лире ее учили в замке Северин. Помнится, тогда выходило неплохо. И пускай диковинный хелис отличался формой и своей неказистостью, на таланте музыканта это сказаться не должно.

Перехватив перо поудобнее, принцесса уперла костяной корпус хелиса в живот и задела струны.

— Тен-нь, — протяжно загудели они.

Во второй раз получилось лучше, но все равно играть в трясущейся повозке было неудобно. Звук выходил расстроенный, тревожный.

— Хватит терзать мои уши, — поморщился Хельмвинд спустя несколько минут. — Ты лиры в руках не держала?

— Держала, — обиженно буркнула принцесса. — И немало.

— Что же тогда тянешь струны, словно облезлую кошку за хвост? — Он уселся к ней вполоборота, величественно закинув ногу на ногу.

— Раз такой умелый, попробуй сыграть сам!

Жалобно звякнув, хелис перекочевал к Северному ветру и умолк. Привычно придерживая ослабевшие струны, он ловко подкрутил колки, поудобнее пристроил инструмент и провел ладонью над тонкими натянутыми нитями. Но в ответ зазвучала лишь тишина.

— Буран и вьюгу на человеческие пальцы! — зло процедил верховный, в который раз вспоминая, что легкость вихрей теперь ему неподвластна. — Дай сюда.

Он отобрал засаленное перо у Изольды и изучил на просвет. Неужели ему, одному из четырех старших ветров, придется пользоваться этой убогой вещью, чтобы заставить лиру петь?

Но другого способа не нашлось, и Хельмвинд мягко и невесомо коснулся пером замерших струн. Движение, еще одно — и полилась музыка. Таальвен хотел бы назвать ее скверной, но тембр, мелодия были так нежны и чарующи, что язык не поворачивался упрекнуть ветра в малейших огрехах.

Принцесса слушала заворуженно. Вмиг она позабыла об

оскорблениях, нанесенных ее талантам, простила верховному самонадеянность и бахвальство. Он играл словно ветер — бесплотный и легкокрылый, задевающий струны не иззубренным кончиком птичьего пера, но острым крылом, скольжением не знающей оков души.

Онемевший от восхищения Видар тоже заслушался, позабыв вовремя подхлестнуть Полюнь. И она побрела совсем медленно, лениво переставляя тощие ноги. Третьего своего попутчика возница почти не слышал в дороге и теперь, когда представилась возможность вызнать о нем хоть немного, наострил уши.

Когда мелодия утихла, Изольда заправила за ухо выбившуюся прядь и произнесла восторженно:

— Потрясающе! А сможешь ты подстроить мелодию под мою песню?

— Подхватить твой мотив? — переспросил ветер рассеянно, про себя удивляясь сиюминутному порыву, который подстегнул его взяться за хелис. Обычно северного владыку сложно было заставить музицировать на публике.

— Да, — закивала принцесса. — Мне не сыграть так ни за что на свете, пусть же у моей песни хоть раз в жизни появится столь волшебный аккомпанемент.

— Пой, — поразмыслив, разрешил Хельмвинд. Он бы отказался играть, но девчонка дерзнула сомневаться в его мастерстве... Пусть же уяснит, что для него нет ничего проще, чем удержать в пальцах, даже человеческих, верткую нить мелодии, соткать из нее любое полотно.

— Сейчас, — обрадованно кивнула принцесса. — Дай только стихи вспомнить.

И, смежив веки, затянула с придыханием тонкий, как лунный свет, напев. Но стоило Изольде облечь его в слова, Хельмвинд дрогнул. Он хорошо знал эту песню — тягучую, старинную, обожаемую младшими ветрами на его родине.

— Далеко-далеко за лесом,
Среди дымки холодных гор,
Под небесно-звездным навесом
Серебрится во льдах Сеам Хор.

Гладкость стен сверкает гранитом —
Крепче стали Железный дом.
В том чертоге, морозом шитом,
Малахит на венце золотом

Полыхает в тяжелой короне,
Множа отблески глаз, огня...
Наш владыка на каменном троне
Краше ночи, мудрее дня...

Пальцы ветра скользили над струнами привычно и легко, пусть ему и приходилось сжимать в них неудобное нелепое перо. Этот мотив он мог бы повторить во сне: грустную историю о повелителе Сеам Хор ему пели в далеком детстве. Наверняка кто-то из его подопечных научил Изольду мелодии. Но каким образом она овладела бескостным ветряным языком?

Слова и предложения принцесса произносила так, будто десятки лет пользовалась незнакомым наречием: ни один звук не таил в себе ошибки, а были они отрывистыми, неуловимыми.

Но вот пришла пора завершить мелодичную историю, и Изольда, набрав в грудь воздуха для последнего куплета, допела:

— Он не знает пощады, страха,
И прозрачный взор не сломить.
Сердце ветра — безмолвная птаха...
Властелин не умеет любить...

Хёльмвинд отложил подрагивающий хелис в сторону и вопросительно уставился на певунью. Та в ответ скромно зарылась в капюшон — окрыление быстро покинуло ее, уступив место неуверенности.

— Либ меня научил... — Она повела плечами, стараясь разгадать, о чем думает верховный. — Плохо получилось?

— Шутишь? — вмешался в разговор потрясенный Видар. — Прекраснее я ничего сроду не слыхивал! Жаль только, не разобрать, что ты там шипела.

Ветряной язык и правда был полон свистящих, не знающих правил и опоры звуков, обуздать которые нелегко. Неудивительно, что они показались крестьянину сплошной свистопляской.

Но Таальвену не требовалось толковать чужеродные речи: он чувствовал, о чем поет Изольда, словно вместо нее шевелил языком. Потому спрашивать о сути песни не стал.

— Так говорят в местах, откуда вы родом? — Возница развернулся на

козлах, напрочь забывая о неповоротливой кобыле, щиплющей траву у обочины.

— Это язык Хельмвинда, — пояснила Изольда польщенно. — И песня была о нем.

— Вот еще, — небрежно повел плечами ветер. — Это история обо всех владыках Сеам Хор, она появилась еще до моего рождения... Зря Либ потратил время, забывая твою голову глупостями.

— Не говори так! — Принцесса вспыхнула. — Твое наречие чудесно, когда-нибудь я освою его.

— Зачем? — Верховный растрепал и без того всклокоченное перо.

— Чтобы беседовать — с Веей Эрной, Лотарэ... с тобой.

— Поехали, — одернул их Таальвен, берясь за поводья. — Иначе и за неделю не доберемся.

— Твоя правда, — спохватился Видар, щелкая коротким кнутом. — Мне трястись аж до темноты. А там — сделаю привал, и до дома останется с десяток верст.

Изольда быстро смекнула, что в пылу разговора чуть не разболтала лишнего, и благоразумно примолкла, но унять интерес возницы было не так-то просто.

— Видать, из заморских вы краев, раз говорите на языке, о котором я не знаю...

Лютинг пожал плечами, позабыв, что жест его останется невидимым для собеседника.

— Зачем же направляетесь к Дахана-Пламен? — Не дожидаясь пояснений, бывший кузнец развел жилистыми руками. — Насколько мне известно, там хозяйничают одни призраки.

— Как так? — спросила Изольда, подбираясь поближе к деревянным козлам. Пришлось выпрямиться в полный рост и облокотиться о бортик раскачивающейся брички.

— Ну, — Видар пожевал жесткий ус, — не раз люди видели смутные фигуры у Огненной реки. Обычно в сумерках или на рассвете. Толкуют, они бродят вдоль берегов, утаскивая в пучины всех, кого встретят... Но сам я ничего такого не замечал. Зато наблюдал другое...

Он таинственно замолчал, и Изольда свесилась через борт телеги, рискуя свалиться при первом рывке.

Упиваясь ее вниманием, рассказчик понизил голос и поведал хрипло:

— Как-то раз пришлось мне заночевать у тамошнего брода. Темень стояла непроглядная, Полынь то и дело оступалась, и я заопасался, что она сломает ногу на кривой дороге. Конечно, боязно было разбивать лагерь у

воды, да ничего не поделаешь. Развел костерок, прикорнул. А под утро слышу шипение и бульканье. Глядь, а над рекой туман стелется — густой, что дым от печки. И свистит, парует, как живой. Ну, я на телегу и дал деру — даже котомку со снедью оставил. Так-то...

— Может, это была обычная дымка? Она появляется, если ночь холодна, а к утру пригревает солнце. — Вконец забывшись, Изольда извернулась и боком присела на шаткую скамеечку, втиснувшись между Таальвеном и Видаром. Даже ладонь вперед протянула, чтобы похлопать кобылку по пыльному крупу.

Но как только та зависла в верхке над мягкой шкурой, животина будто взбесилась. Заржала пронзительно, закусила удила и рванула вперед так, будто по пятам за ней гналась стая голодных волков.

Видар беспомощно замахал руками. Принцесса, чтобы не рухнуть под колеса, вцепилась в жесткое сиденье. Неготовый к таким скачкам Хельмвинд чуть было не слетел с брички.

Один Лютинг остался хладнокровным, твердо натянув поводья.

— Тпр-р!

Но кобыла не слушалась и несла по ухабам и выбоинам, не разбирая дороги.

— Гром и молния, Мак Тир! Да убери же девчонку подальше от зверюги, пока та не обезумела окончательно! — прорычал сквозь топот Северный ветер.

Поездка и до этого не казалась ему приятной. Теперь же вся спина у верховного была в синяках.

Изольда слабо пискнула, когда Таальвен спихнул ее со скамьи обратно в повозку. Правда, он был уверен, что ушибы и ссадины ей не грозят: принцесса приземлилась аккуратно в руки Хельмвинда.

— А еще ведьма, — охнул он, получив локтем под ребра.

К счастью, маневр подействовал, и остервеневшая Полынь начала понемногу сбавлять ход.

— Стой, дура! А ну, тихо! — во все горло бранил ее возница. — Умом ты, что ли, двинулась?

Повинуясь хозяйскому голосу, лошадь пробежала еще с треть версты и остановилась, тяжело раздувая ноздри. Выглядела она жалко.

— Вот же зловредная животина. На мясо тебя пущу!

Несмотря на суровые угрозы, Видар слез с повозки и пошел проверять, все ли в порядке с кобылой. Ощупал копыта, хребет и спину, даже в зубы заглянул.

Полынь прядала ушами, покаянно опустив голову. Кажется, свою вину

она осознала.

Пока возница разбирался с ней, Таальвен перекинул ноги через хлипкий борт и спрыгнул в телегу. Изольда так и лежала среди рыжих меховых свертков, уткнувшись носом в плечо недовольного ветра.

— Целы? — Лютинг помог ей подняться.

— Кажется. — Принцесса одарила верховного пристыженным взглядом. — Прости, Хёльм.

Он картинно закатил глаза и ничего не сказал.

— Дальше пойдем пешком? — будто бы не решив окончательно, осведомился Таальвен Валишер.

— Да незачем, — возразил Видар добродушно, похлопывая лошадь по взмыленным бокам. Здесь до развилки-то пара часов. Довезу, раз обещал. А там наши пути все равно разойдутся.

Видно было, что трое загадочных путешественников не идут у него из головы и за лишнюю дюжину минут с ними он готов потесниться.

— А не понесет опять? — протянула Изольда с опаской, потирая ушибленный бок.

— Не-е, — заверил рыжий возница. Незрячие его глаза глядели на девушку в упор. — Только из брички не высовывайся. А то боится тебя старушка с чего-то.

Принцесса кивнула со вздохом и уселась на край телеги, свесив ноги за борт.

— Так пойдет?

— Пойдет, — хохотнул кузнец. — Трогаемся.

И, запрыгнув на свою скамеечку, ласково дернул поводья.

— Иди сюда, рыцарь.

— Ты меня так называешь? — удивился Таальвен, вновь занимая прежнее место.

— А кого ж еще. Из всей честной компании у тебя единственного есть меч.

— Это еще ни о чем не говорит, — ответил Лютинг уклончиво, привычно кладя руку на пояс.

Ножен там не было — сейчас они вместе с клинком гремели где-то на дне телеги.

— Кому как, — подмигнул возница слепым глазом. Он явно был смекалистый малый, раз заметил столь многое, полагаясь только на слух. Но вряд ли нес какую-то угрозу.

Приморский принц скрестил на груди руки и отвернулся, разглядывая пятнистые склоны известняковых холмов.

— Ну что, сыграете еще? — Сухой прут в мозолистых руках сухо запел.

— Нет, — холодно отрезал Хёльмвинд.

И принцесса вздрогнула, с горечью гадая, что снова гнетет ветряного владыку. Может, неповиновение приказам Вей Эрны? Она ведь сняла янтарный амулет вопреки ее заветам. Или иная обида, причина которой обязательно сыщется, потому что на терновую ведьму всегда есть за что гневаться...

До гула в ушах она перебирала бесконечные причины для дурного настроения верховного и печально вздыхала. Если бы только он мог сказать по-человечески, что у него на душе, стало бы намного легче. Как веселый Зефир или даже вспыльчивая Фаруна, не таящие своих обид. Но северный владыка не был ни тем, ни другим. Уста его будто сковывала ледяная печать, за которой прятались шепот и тихие удары сердца — непостижимой безмолвной птахи.

ГЛАВА 11

СТРАЖИ СГОРЕВШЕЙ РЕКИ

Как и обещал Видар, через несколько часов показалась развилка. Основная накатанная дорога круто сворачивала за холм, сторонняя отделялась, превращаясь в едва проторенную тропинку, и вела к дальним рощицам, слишком редким, чтобы называться лесом.

Поглядывая на вечернее солнце, троица путешественников слезла с повозки — кто с сожалением, а кто и с нескрываемым облегчением — и распрощалась с приветливым кузнецом. Вернее, прощалась Изольда. Таальвен хлопнул напоследок по истертой скамье, а ветер и вовсе остался в стороне.

— Спасибо за все. — Принцесса протянула ладонь, мысленно извиняясь за вздорное поведение верховного.

Возница, похоже, не обиделся, горячо пожал ее руку в терновых узорах и наугад кивнул Лютингу, на удивление верно поняв, куда следует повернуть голову.

— Удачи тебе, Изольда. И вам двоим... Приглядывайте за ней хорошенько, чтоб не угодила в беду.

Он с наслаждением расправил богатырские плечи и взъерошил рыжую бороду.

— А надумаете возвращаться тем же путем, заглядывайте ко мне в деревню — тракт этот аккурат в нее упирается. Как доберетесь, спросите Видара. На мою хибару вам любой укажет.

— Хорошо, — тепло пообещала Изольда, сознавая, что больше они никогда не увидятся.

— Идем уже, — выдохнул Хёльмвинд. Ему досадно было терять время на рыжего недотепу, да и скучно топтаться на месте.

Принцесса послушалась, хоть и шикнула на него незаметно.

— Прощай, кузнец, — бросил Лютинг, сходя с наезженной дороги.

Колеса брички скрипнули весело, загрохотали. Полынь трусила как ни в чем не бывало, будто и не пыталась ближе к полудню угробить своих незадачливых пассажиров. В любом случае хозяин на нее не гневался.

Прежде чем разойтись, путники разузнали, далеко ли до Дахана-Пламен пешком, и, заслышав о двух-трех днях, приуныли. Но погода была ясная, солнце светило щедро, суля тихий вечер, так что, отдаляясь от

повозки, Изольда не слишком огорчалась. Только с Видаром расставаться было жаль. Он показался ей хорошим человеком — добросердечным и искренним. О ее чести побеспокоился. Знал бы, что перед ним терновая ведьма, наверное, и вопрос задать побоялся бы.

Шаркнув сапогами, Изольда двинулась вперед. За последние два года кто только не предлагал ей руку и сердце. Даже болотный король, и тот сподобился. Интересно, как бы повел себя Лютинг, услышав, что Северный ветер некогда тоже уговаривал ее остаться с ним? Разъярился бы, стал относиться к верховному еще более неприязненно? Или, по обыкновению, затаил в змеиных глазах левой клокочущие чувства и поглядел пространно, пристально?..

Когда-то Изольда собиралась поведать волку обо всем, но так и не отважилась, и теперь это не казалось ей удачной затеей. Зачем приморскому королевичу размышлять о том, что больше не имеет значения? Ведь верховный решился на признание, пребывая под действием терновых чар. Да и замуж ее не звал. Принцесса сомневалась, произносил ли он вообще любовные клятвы хоть перед кем-то, кроме терновой ведьмы, что силой вырвала откровение из его уст. Вряд ли. И, наверное, больше никогда никому не скажет.

Неожиданно печальная тень легла на ее вычерненное сливовыми побегами лицо. Отчего-то захотелось, чтобы Хельмвинд теплее относился к ней. Хоть вполовину так же, как она к нему. Ветер был дорог Изольде, потому мысль о том, что принцесса для него — лишь назойливая попутчица либо терновая колдунья, помощью которой можно заручиться, отравляла сердце.

Но лучше так, чем мучить его выдуманной, сотворенной чарами страстью, подспорья у которой нет. Изольда потрянула головой, отгоняя тревоги. Грустить подолгу она не умела. Ветер жив, если не здоров. И они с Лютингом сделают все, чтобы вернуть ему силу. А с тем, что верховный глядит на нее с раздражением и досадой, можно как-то совладать. Терпел же волк, пока она бичевала его людское обличье.

Последние солнечные лучи вызолотили меловую дорожку, и принцесса заспешила по ней, любуясь рдяным закатом. Приморский королевич с Северным ветром глядели ей вслед. Под багряной вуалью колдунья была необыкновенно красива.

Хёльмвинд проснулся в примятой, мокрой от росы траве от шороха — так шелестят украдкой тихие девичьи шаги. Не поднимая головы, он открыл глаза, оглядел укрытую мглой рощицу, в которой они с Мак Тиром и Изольдой разбили лагерь.

Ночь едва достигла расцвета, и голубой рожок юного Серба плохо освещал уснувшее редколесье. От костра тоже остались одни головешки. Только тусклая россыпь светляков на дальней поляне, забавляясь, перемигивалась со звездами.

Верховный затаил дыхание, прислушиваясь. Со сна ему, что ли, грезится. Но робкая поступь вновь отдалась за деревьями призрачным трепетом.

Пошевелив затекшими ногами, ветер сел, плавно потянулся за хлыстом на поясе. Ладонь опередил цепкий жест Таальвена Валишера. Тот перехватил Хёльмову руку повыше локтя и приложил указательный палец к своим губам.

— Тс-с.

Двигаясь, словно тень в темноте, ветер бесшумно встал, вопросительно взглянул на Мак Тира. Приморский принц настороженно молчал.

И лишь после того, как отголоски невесомых шагов увязли в зыбком мареве ночи, произнес вполголоса:

— Изольда ходит во сне...

— Уверен, что это она? — шепнул Хёльмвинд, намекая на новое явление тьер-на-вьёр.

Лютинг отрицательно качнул головой.

— Потому и разбудил тебя сегодня. — Изумрудные глаза зеленились во мраке ярче болотных огней.

— Хочешь сказать, она бродит по ночам не в первый раз?

По спине северного владыки прокатилась непрошенная дрожь.

— Не в первый. — Белая рубаха Таальвена поплыла в сторону соседней рощи, сигнальным флажком указывая ветру направление. — Вчера она так же блуждала по округе, но терновую силу не призывала. Глаза оставались голубыми, а колючки не двигались.

— Раз так, — уязвленно выдохнул верховный, — почему ты решил посвятить меня в таинства ее прогулок теперь?

Скрытность спутника казалась ему оскорбительной. По крайней мере, когда речь шла об Изольде. Но упреки были принцу ни о чем. Гибко ступая, он обогнул частокол остролистого можжевельника, качнул низкую ветвь молодой рябины.

— Хочу поговорить с ней...

— Что?

Таальвен застыл, углядев наконец знакомую фигуру в неподвижном зеленом море полевицы. Его спутник начинал негодовать всерьез.

— Думаю, Изольда крепко спит. И пока она скитается во власти морока, прошлое тьер-на-вьёр вырывается на поверхность. А это значит — не колдунья и не принцесса уселась на поляне. Вполне может быть, по ночам стоянку обходит Исгерд. Но чтобы проверить, мне нужна твоя помощь.

Хёльмвинд выхватил из мглы одинокую маленькую тень, что примостилась на камне. Неужели Мак Тир правда верит, будто она — отголосок прошлого тьер-на-вьёр?

— Я попробую побеседовать с ней, — подступил ближе приморский принц. — Если получится, не предпринимай ничего — просто затаись за деревьями. Но если я ошибся и в темноте меня встретит терновая ведьма...

Он протянул ветру гладкий длинный шнурок, на конце которого болтался отполированный кусок янтаря.

— Может, просто обнимешь ее покрепче? — осклабился Хёльмвинд. — Колдунья ведь боится капкана твоих рук.

Но амулет ветер все же взял, мысленно рассудив, что вряд ли успеет подобраться к ведьме достаточно близко, чтобы надеть его.

— Без моего сигнала не высовывайся, — отдал последний приказ Лютинг.

«Чтоб она тебе шею свернула!», — пожелал ветер про себя. Он был вдвойне возмущен, ведь Мак Тир не сказал ему о ночных бдениях принцессы, да еще вздумал командовать. За эти проступки гибель в когтях тьер-на-вьёр представлялась северному владыке справедливым уделом.

Когда приморский королевич ступил под неверное сияние Серба, девушка на камне не вздрогнула — слишком глубоко была погружена в собственные думы. Пришлось намеренно задеть носком сломанную рябиновую ветку — легонько, чтобы не испугнуть беспокойную странницу.

— Кто здесь? — встрепенулась она. — Дорте? Лета?

Широко раскрытые глаза вслепую скользили в ночном тумане.

Таальвен подошел ближе, двигаясь так размеренно, как только умел.

— Кто ты? — строго спросила принцесса, различив его силуэт. — Говори, иначе сию секунду позову стражу!

Голубые очи глядели ясно, повелительно. Как и предполагал приморский принц, в них не было ни капли черноты.

— Меня зовут Таальвен Валишер.

— Что ты делаешь в моем саду, Таальвен Валишер? — Напряженная ее спина наконец немного расслабилась, пальцы перестали сжимать камень.

— Ищу одного человека.

— Вот как? — удивилась девушка непритворно. — Выходит, оба мы явились сюда в поисках потерянного... Подойди ближе, Таальвен Валишер.

Он сделал еще несколько шагов, и нога в сапоге утонула в шелковом ковре луговой травы — всюю набирающей роста по весне. Знакомые черты принцессы проступили отчетливее. Вот месяц играет голубым на резко очерченных, отмеченных шипами скулах, вот тонкие брови хмурятся встревоженно.

— Кого ты надеешься здесь разыскать?

— Изольду Северин. — Лютинг остановился, не дойдя до нее всего пару сажений. — А ты?

Девушка поудобнее уселась на камне. Ноги в мягких сапожках не доставали до земли.

— Своего брата — Этельстана. Он обещал встретить меня в полночь в королевском саду, но не появился. С тех пор я сижу здесь и жду...

Пока она говорила, Таальвен изучал каждое движение, каждый поворот золотоволосой головы. И когда принцесса сложила увитые колючками ладони на коленях, вымолвил вкрадчиво:

— Ты ведь Исгерд?

— А кого еще ты ожидал встретить в моем личном цветнике? — Она обвела рукой поросшую полевицей прогалину и дальнюю вересковую каемку. Похоже, на месте редкого можжевельника и молодой травы спящая видела нечто иное.

— Посиди со мной, — внезапно попросила она. — Мне одиноко и тоскливо сегодня. Кажется, я петляю в здешних зарослях сотни лет, а брат все не идет. Может, с ним приключилось несчастье? Или я перепутала день и время?

Принцесса вздрогнула, поджимая мокрые от росы ноги. Туманная морось напознала из соседнего оврага, а на ней не было ничего, кроме сапог, штанов да неплотной рубахи.

Повинуясь бархатистому голосу, Лютинг присел на соседний камень, незаметно устремив взгляд поверх плеча девушки. За ее спиной, под сенью деревьев, белело размытое пятно волос Хельмвинда. Значит, ветер начеку.

— Поведай мне об этой Изольде. Кто она? — тем временем пропела собеседница, привычно облакая королевские повеления в светский любезный тон.

— Моя невеста... — ответил королевич машинально и тут же исправился: — То есть моя жена.

— Она красива?

Таальвен кивнул, изучив проступающие под полупрозрачной тканью ключицы и сомкнутые с досадой губы.

— И ты любишь ее? — Изящная ладонь начертила невидимую полоску на кремниевой поверхности.

— Люблю... Но она не любит меня.

— Как же так? — искренне огорчилась принцесса. — Ты обидел ее, заставил страдать?

Лютинг по-волчьи стиснул челюсти, заглушив протяжный вздох.

— Знаешь, Таальвен Валишер, мне чудится, я тоже чем-то оскорбила Этельстана... и теперь он сердится на меня, заставляя ночь за ночью искать его в тишине... Но дорогой брат простит меня, иначе и быть не может. И твоя Изольда простит...

Горько и тяжело сделалось от ее утешительных слов. Пусть спящая не понимала, о чем болтает, уста ее были устами Изольды, оцепеневшие плечи — плечами той, которую хотелось согреть, укрыть от холода.

— Я вижу седину в твоих волосах, хотя лицо у тебя молодое... — Она бесстрашно потянулась к нему, тронула темную с серебром прядь. — А я вот не поседею в срок, не состарюсь, как обычные люди... Мне суждено веками оставаться сильной и юной, чтобы править и защищать королевство.

Будто лишённые воли, руки поникли скорбными плетями.

— Ах, если бы не власть терновника, Этельстан не злился бы на меня! Клянусь, я бы подарила ему колдовство, если б умела... я бы отдала его и тебе, чтобы не видеть зависти в любимых глазах. Мне думается, ты благородный человек, Таальвен Валишер. И поступил бы с терновыми чарами мудрее меня...

Принцесса осеклась расстроено и дотронулась продрогшими пальцами до щеки Таальвена. В тот же час тело ее пронзила судорога, голубые глаза закатились, и девушка стала заваливаться на бок.

Лютинг метнулся, с тревогой подхватил ее, но оказалось, Изольда уронила обмякшую голову на плечо мужа, пребывая в глубоком сне. Дыхание было ровным, золотистые ресницы не трепыхались.

— Северный ветер, — тихо позвал королевич.

Верховный выскользнул из укромной тени, в мгновение ока оказавшись рядом. И заключил, бросив взгляд на колдунью:

— Она спит.

— Как спала все это время. — Лютинг приподнял над землей драгоценную ношу.

— То есть это не была тьер-на-вьёр?

— Нет.

— Значит, Исгерд? Но как такое возможно — три сущности в одном теле? Не слишком ли много даже для чародейки?

В темноте колючки на коже колдуньи показались ветру чересчур густыми, и он безотчетно шатнулся назад.

— Не думаю, что терновая принцесса реальна. — Лютинг перешагнул тощую вязанку хвороста, уцелевшую с вечера. — Она, как призрак, живет в разрозненных воспоминаниях...

— И понемногу сводит Изольду с ума? — Неприятное предположение давно витало в воздухе, Хёльмвинд лишь высказал его вслух.

Мак Тир сдвинул брови. Он размышлял об этом с того самого момента, как понял, что исковерканные осколки чужой памяти заставляют принцессу становиться кем-то другим. Не оттого ли теряли рассудок предыдущие жертвы тьер-на-вьёр? Или их вконец изматывала сокрушительная сила, селившаяся в теле благодаря присутствию ведьмы?

Склонившись над лежанкой, Таальвен бережно опустил девушку на покрывало и завернул в ветряной плащ. Тонкие черты были безмятежны. До рассвета много времени — пусть отдыхает.

Где-то вдалеке ухнула в сонных кронах птица, да так и забылась, убаюканная теменью. Северный ветер сунул в костер щепку сухой коры, подул на остывающие угли. Секунда-другая, и древесина потихоньку занялась, освещая поляну.

— Ну? — Он скользнул взором по лицу Мак Тира, будто высеченному из гранита.

— Я не стану ей говорить. — Принц пристроился у огня, стянув на груди полы небрежно накинутой куртки. — Возможно, это больше не повторится.

Мятежные искры тщетно пытались взметнуться ввысь — слабые тлеющие точки в необъятной глубине ночи.

— Ты многое не спешишь рассказывать собственной жене. — Верховный уперся локтем в колено, подперев кулаком подбородок. — Может, не зря она тебя сторонится?

— А что ты предлагаешь ей поведать? — насупился Таальвен, намеренно игнорируя едкий намек. — Историю о том, как Изольда превращается под луной в Исгерд? Думаешь, новость ее порадует? Не хватало только этого в придачу к ведьме с терновником! Какая мысль, по-

твоему, первой придет принцессе в голову?

Хельмвинд разжал пятерню, позволяя драгоценному подарку Вей Эрны соскользнуть в золу.

— Верно... — раздалось в ответ. — Она не должна его носить.

— Вижу, на что ты надеешься, Мак Тир. — Острый сучок, зажатый в пальцах северного владыки, поворошил горящие угольки. — Успокаиваешь себя мыслью, будто рядом с тобой она никогда не поддастся натиску колдуньи? Сумеет удержать чары в узде? А если нет?

Лютинг устало смежил веки.

— Тогда мы зря потревожили поверхность волшебного зеркала...

Он по-прежнему считал, что терновая магия неотделима от естества Изольды, пусть и проклянулась стараниями ведьмы. Правда, игнорировать разрушительное влияние тьер-на-вьёр на принцессу не мог — слишком остро чувствовал, как вцепилась она в мятущуюся душу. Едва ли слабее он удерживал ее сам, но доверять подобное Хельмвинду не собирался. Вместо этого спросил сосредоточенно:

— Ты признаешься ей?

— Нет, — откликнулся ветер после паузы. — Но если подобное случится вновь, ты расскажешь ей сам.

Требование показалось Таальвену справедливым, и он согласно кивнул, скрепляя уговор. Обсуждать больше нечего, мнилось этим двоим, не желавшим посвящать друг друга в личные секреты.

* * *

Спустя двое с лишком суток путники достигли главного рукава Огненной реки — и в этом рыжий Видар не ошибся. Судя по древней ветряной карте, теперь надлежало прошагать версту или две вдоль русла и выйти к равнинному острову, который Дахана-Пламен огибала правильным плавным кольцом. На этом пятачке земли и находилась южная цитадель. Роза Ветров предусмотрительно отметила ее затейливой завитушкой.

Пейзаж из холмистого давно сменился равнинным, так что углядеть на горизонте высокую, черную от копоти башню сумела даже Изольда, попеременно вертевшая головой во все стороны.

— Выглядит негостеприимно. — Она поежилась, натягивая капюшон. — Будто крепость темного колдуна.

— Единственная колдунья здесь — ты, — напомнил Северный ветер. — И если проклятия пока не искрят на кончиках твоих пальцев,

бояться нечего.

— В Гладан-Къёль мы тоже так думали. — Девичьи руки нащупали под плащом ветряной клинок. — Но оказалось, что тьер-на-вьёр — не худшее из здешних чудовищ.

«Да и чудовище ли вообще?» — мысленно задала себе вопрос Изольда, пытаясь припомнить, почему так тоскливо сжималось ее сердце. Будто она забыла о чем-то важном, потеряла близкого человека и не может воскресить в голове ни его имени, ни лица.

Оставив позади ковер из разнолистной травы, Таальвен вдруг уставился себе под ноги. Поравнявшись с ним, принцесса мигом разгадала причину такого поведения. Травянистое полотно внезапно редело, истончалось, за ним следовала жирная полоса пепла. Гарь покрывала берег до самой кромки воды. Обугленные деревья тянулись к побледневшему небу, как беспокойные мертвецы, с которых содрали кожу. Хлопья сожженной дотла земли вздымались за поступью, клубились у ног путников, пачкая подошвы сапог.

Впереди, насколько хватало взгляда, не росло ни кустика, ни деревца. Мир вокруг Дахана-Пламен оказался иссушенной пустошью. Пыльная паутина оставила след и на самой реке, накрыв ее пологом. И хотя течение приносило к острову чистую свежую воду, она быстро мутилась, пойманная в плен вездесущего пепла.

— Неудивительно, что здесь никто не живет, — покашляв в кулак, заметила принцесса. Она старалась ступать как можно аккуратнее. Но липкая сажа все равно тянулась следом, въедалась в одежду, кожу, волосы. — Похоже, у Дахана-Пламен в прошлом случилось какое-то несчастье.

— Пожар? — предположил Таальвен глубокомысленно и получил легкий тычок в плечо.

— Ясно, что не наводнение! Я говорю о причинах появления огня, — проворчала Изольда.

— Вряд ли мы о них узнаем.

Северный ветер, отделившись от спутников, подобрался ближе к воде. Мысли его целиком занимала обугленная черная цитадель, испещренная царапинами. Иные в длину доходили до аршина, на вершок раскроив крепкие стены. Что за существа оставили такие отметины?

До башни было довольно далеко, и, хотя живых растений кругом не найти, хилая вереница мертвых древесных остовов закрывала обзор. По дальнему берегу ежом топорщился давно сгоревший тростник, скрывая основание ветряной крепости.

— Едва ли Видар в своих путешествиях доходил сюда, — размышляла вслух принцесса. — Да и кто-либо другой. Если они боялись самой реки... — Она всмотрелась в полноводный поток, лентой змеящийся к горизонту, — то пепелища должны были сторониться как чумного.

В словах Изольды был толк. Кузнец непременно похвастал бы попутчикам, что видел спаленный дотла остров с черной башней посредине, но смолчал. Скорее всего, так далеко вдоль Дахана-Пламен он не забирался.

— И ни огня, ни зловещего тумана... — заключила Изольда, изучая окрестности.

Но и без них зрелище рисовалось жутковатое.

— Поищем брод? — бросил через плечо Северный ветер, окуная ладонь в мутную воду. Кольцо Огненной реки перед ним было широким.

Пожалуй, верста наберется, примерилась принцесса. Нелегко одолеть вплавь. Да и кому охота соваться в вязкую, горящую пучину.

— Непохоже, что здесь сыщется мель. — Таальвен Валишер двинулся против солнца, с сомнением поглядывая на мутное зеркало плеса. Петля вокруг загадочного острова рисовалась немаленькая.

— Может, есть мост или лодка? — Желая быть хоть чем-то полезной, Изольда обогнула берег дальней тропинкой и побрела в другую сторону от Лютинга — за расплавленным солнечным диском. Густая цепочка шагов тут же обозначилась в мягкой саже.

От пыльной взвеси по щиколотку чернели ноги, щекотало в носу, но принцесса только прикрылась рукавом, стараясь на мысочках скользить над пепелищем.

Взгляд ее то и дело цеплялся за обгоревшие каменные стены, что вздымались угрожающе над грязной водой. Живет ли там кто-нибудь? Или по винтовым лестницам крепости блуждают одни призраки? Правду знать не хотелось. В душном безветрии противоположный берег мнился еще чернее, пасмурнее этого.

Внезапно за камышовой каемкой что-то промелькнуло. Лодка? Изольда подобрала плащ и рысью рванула туда. Только бы днище оказалось целым.

Спуск под ногами был довольно крутой, и, когда принцесса подобралась к кромке воды, макушка ее скрылась за черным косогором — не выследить ни Таальвену, ни остроглазому Хельмвинду. Последний, хоть и шел за ней следом, давно отстал, замешкавшись у заводи.

«Проверю, действительно ли наткнулась на челнок, и кликну их», — мысленно пообещала Изольда, не видя большой опасности в том, чтобы

порыскать одной по безлюдному побережью.

Поиски ее не были напрасными: в полутора аршинах от берега покачивался на сонных волнах старый двухвесельный ялик. Пузатые бока, должно быть, застряли в густых зарослях сгоревшей осоки много лет назад, да так и замерли в своей непрочной тюрьме, лишённые спасительного дуновения ветра или другой возможности выбраться. Закопченные весла колыями торчали в петлях, тщетно грезя хоть разочек еще ударить по речной глади.

Стараясь не ступить в реку, чтобы не замочить сапоги, Изольда примерилась и прыгнула в лодку. Чтобы удержать равновесие, пришлось с силой ухватиться за носовую балку, выступающую над корпусом. Вот будет потеха, если от удара шлюпка развалится.

Послышался плеск. Днище качнуло, потревоженные весла изумленно скрипнули. Но к счастью, древняя обшивка выдержала, Изольда благополучно приземлилась на доски между двумя жесткими сиденьями.

— Прекрасно.

Дно и борта оказались целы, весла, хоть и раздулись от речной влаги, вполнегодились, чтобы грести.

— Эй, Хельмвинд! — осторожно привстав, позвала принцесса. — Таальвен! Идите сюда, я нашла в камышах ялик.

И чтобы спутники наверняка поняли, откуда доносится ее голос, натужно налегла на тяжелое весло, приподнимая его.

Сгоревшая давным-давно осока зашипела, крошась в пыль. Лодку легонько повело в сторону, незаметно выталкивая на глубину.

— Изольда? — крикнул издалека Северный ветер. — Главное, не суйся на борт без нас.

Шагать до нее верховному было несколько минут.

— С этим ты припоздился, — фыркнула принцесса, осторожно опуская весельный плавник в воду. Нужно было подогнать лодку к берегу и выбраться, пока не явились путники и не начали отчитывать ее за опрометчивость.

Изольда уже видела, как смыкаются взыскательно губы приморского принца, как закатывает с презрительным вздохом глаза Хельмвинд. Обращаются с ней словно с малым дитем. А она, между прочим, терновая ведьма!

С усилием потянув на себя оба тяжелых веретена, девушка озадаченно огляделась.

— Что за наваждение?

Лопастидвигались, но суша не приближалась ни на аршин.

Не желая выслушивать строгие назидания, она сделала еще несколько широких гребков. На сей раз лодка колыхнулась, но поплыла почему-то не к берегу, заросшему осокой, а по течению к середине Дахана-Пламен.

— Как такое возможно? — Обескураженная принцесса завертелась на месте.

Еще несколько секунд, и всех ее усилий не хватило даже на то, чтобы качнуть злосчастное весло, не то что вытащить его из вязкой глубины.

— Я же велел оставаться на суше! — окликнул ее Хельмвинд с берега.

Ялик отдрейфовал достаточно далеко, и он наконец заметил его округлые черные бока.

— Плыви обратно.

— Не могу. — Изольда развела руками, стараясь не выдать своей тревоги. — Судно меня не слушается.

— Что значит не слушается? — По мере того как лодочку уносило течением, звенящий голос ветра терял ледяную остроту. — Просто шевели веслами!

И без того нервная девушка послушно уселась на перекладину и показательно взялась за веретено. Но оно окаменело в петле, будто было вытесано из гранита или накрепко кем-то удерживалось под водой.

Озаренная догадкой, принцесса бросила древка и, скользнув на самый край скамьи, перевалилась за борт. Может, водоросли опутали дно шлюпки? Поборов сомнения, она опустила руки в толщу реки, вслепую ощупывая весло.

Древесина была скользкой и гладкой. Непохоже, чтобы движения ее сковывали цепкие подводные травы. Наконец ладонь добралась до чего-то необычного. Чтобы проверить, пришлось свеситься до самой глади, присыпанной пеплом, погрузиться в нее по плечо. Но как только Изольда сделала это, она поняла причину, по которой не могла грести. Весла держали под поверхностью вовсе не речные кувшинки, а крепкие сильные руки. Гибкие пальцы оплели дерево, как щупальца, намертво закрепив в стальных уключинах. И лишь под трепетным прикосновением принцессы они шевельнулись.

— Ай! — Изольда отскочила как ужаленная. — Гадость!

Она затрясла ладонью, надеясь избавиться от кошмарного ощущения, будто приложила пятерню к чему-то холодному, студенистому. Колдунье было знакомо подобное чувство — оно возникало при первом же взгляде на кикимор и болотных чертей, склизкую кожу которых сплошь украшали наросты и бородавки. Потому девушка знала: кисть, сжимающая весельный плавник на глубине, не может принадлежать живому существу.

— Изольда! — позвал с дальнего берега Лютинг.

Теперь он тоже видел шатающийся ялик, достигший середины Дахана-Пламен, но добраться до него не мог.

Шустрый поток, умело скрывающий силу под спокойной на вид гладью, гнал свою игрушку все дальше, покачивая на волнах.

— О боги. — Принцесса зажмурилась, словно не расслышав возгласа. Единственная страшная мысль пятном пульсировала в ее голове: кто там на речном дне?

И, сама не веря, что делает это, Изольда вновь сомкнула одеревеневшие пальцы на ребре деревянной обшивки и склонилась над водой.

Поначалу из глубины на нее взглянуло лишь собственное отражение — бледное, перепуганное. Но затем невесомую вуаль сажи словно потянули вниз — мутная дымка сошла с речной поверхности, явив ошеломленному взору илистую почву, на шестерку саженей отдаленную от шлюпки. Изгибы ее целиком покрывали скорченные недвижимые тела.

— Ох! — Изольда надрывно всхлипнула, не замечая, как мокнут в темной воде растрепанные волосы. — Мне не выбраться отсюда живой...

И пока она смотрела сквозь подсвеченную услужливым солнцем толщу, глаза диковинных существ из реки начали раскрываться. Это не были люди, уж больно громадными выглядели их миндалевидные глазницы. Вместо носов лица прорезали крошечные парные щелочки. Кожа казалась чешуйчатой — бронзовой, зеленоватой, впрочем, колдунья могла ошибиться из-за ила и пепла, насыщавших темную бездну чужеродными оттенками. Но сведенные судорогой оскаленные лица девушка изучила хорошо, и выражения их точно были недобрými.

— Изольда! — всколыхнул мертвенную тишину новый встревоженный окрик.

Не дожидаясь ее ответа, Таальвен Валишер ринулся в воду, намереваясь вытащить жену из загадочной реки.

Но стоило ему погрузиться в мутную пучину по колено, чешуйчатые создания на дне ожили, зашевелились. Широкие их пасти раззевались, словно заходясь в шипящем крике, мертвые глаза наливались желтизной. Ловко, как подводные змеи, чудовища поползли к берегу, нацелившись на приморского королевича. Это и вырвало принцессу из пут столбняка.

— Вернись на сушу! — Она поспешно вскинула ладонь. — Иначе они убьют тебя!

Таальвен замер на мгновение, но бежать не стал. Паника на лице Изольды подстегивала пробираться на глубину. Чтобы убедить его,

колдунье пришлось выпрямиться, рывкнуть так грозно, как она только умела:

— Прочь из воды, Лютинг Мак Тир, а не то лишишься жизни!

Шипастый терновник, обвившийся вокруг шеи, превратил слова в оглушительный раскат грома. В волосах Изольды затрещали молнии. Это подействовало лучше уговоров.

Ощущая на себе огонь черных глаз, приморский королевич попятился, послушно вскарабкался на берег. Как раз вовремя, чтобы хищные когти на четырехпалых руках вхолостую вспороли пространство над гладью.

Вмиг река забурилась, закишела мшисто-медными телами. Они гибко изворачивались, по плечи выныривая на поверхность, толкали друг друга, ползали по мелководью, впрочем, не спеша выбираться на сушу.

Вытянутые змеиные лица с травянистой кожей, изукрашенной чешуйками, щерились, кривлялись там и тут. Пальцы кровожадно скребли песок, перемешанный с сажей.

— Что за дрянь? — Северный ветер с отвращением отшатнулся от воды. В своей долгой жизни он видел многое, но от подобного зрелища даже бесстрашное сердце пропустило несколько ударов.

— Наверное, стражи реки, — пояснила Изольда громким, слегка подрагивающим голосом. — Очевидно, они пропускают лишь того, кто пересекает Дахана-Пламен в челноке.

Всматриваться в темную глубину ей больше не хотелось. А ведь поблизости еще плавало то чудовище, что держало минуту назад ее весло.

Словно уловив эхо ее мыслей, речная гладь за бортом вспенилась, из волн показались сильные руки. Не желая оказаться с чудовищем лицом к лицу, Изольда в отчаянии отскочила к дальнему краю ялика, прижалась спиной к доскам, силясь нырнуть на дно как можно глубже, укрыться в почерневшем древесном чреве.

Но речной гость отлично знал, где искать свою жертву. Качнув и чуть было не перевернув лодку, он рывком подтянулся и вполз внутрь.

— Нет! — Изольда стиснула зубы.

Голосить было нельзя, иначе Таальвен или Хельмвинд бросятся в воду и падут под натиском безжалостных когтей.

— Убирайся! — Судорожно хватая ртом воздух, она наблюдала, как извивается пластичное тело змееподобного существа, как скрежещут по доскам его четырехпалые кисти. Пришелец ударил под водой длинными мощными ногами, по пояс выныривая из реки.

— Т-с-с. — Раздвоенный язык дугой выгнулся в багряной пасти.

— Держись, Изольда, мы идем! — разнеслось над Дахана-Пламен.

Ах, если бы она только могла обернуться, отвлечься на мгновение от своей беды, то увидела бы, как хлещет чудовищ плетью Северный ветер, как бешено орудует мечом ее муж, пытаясь прорубить себе дорогу к лодке. Приметила бы она и то, что на медно-зеленых телах не появляется ран от клинка и хлыста, как будто кожа стражей реки давным-давно сделалась безразличной к боли. Оглянувшись, она непременно разглядела бы неистовую решительность на лицах обоих своих спутников, но она оставалась безучастной к жестокой схватке на берегу. И лишь взирала с неподдельным ужасом в желтые, как редкий топаз, глаза речного охранника, понемногу сползая в его влажные объятия.

Вот могучая хватка сотрясла ялик, завалила набок, и, не сумев сдержать саднящего грудь страха, Изольда вскрикнула:

— Не прикасайся ко мне, химера!

— Тс-с. — Изогнутые пальцы впились ей в плечи. — Бессмысленно кричать... Лучше отвечай на вопрос-сы... Иначе будешь с-спать с-с нами в пучине...

Бескровные губы шевелились, производя звуки, которые складывались во вполне человеческие слова, пусть разрозненные и шипящие. Осознав это, терновая колдунья подавила новый вопль, рвущийся из горла, и прекратила дергаться, как рыбешка на жаровне.

— Кто ты, с-странница? Для чего перес-секаешь Дахана-Пламен?

Змееподобное чудовище потрянуло ее, требуя немедленных пояснений. Но девушка не могла выдавить из себя ни словечка. В мыслях хозяйничал сплошной сумбур.

— Ес-сли путешественница с-станет молчать, — желтые глаза с тонкими зрачками-черточками приблизились к ее лицу вплотную, — драконий князь утащ-щит ее на дно.

Тщетно старалось чудовище устроить Изольду — испытать больший испуг она вряд ли была способна. Похолодев, как ледышка, принцесса дышала отрывисто, сглатывая отдающий речной тиной воздух, пока сапоги ее и бриджи пропитывались холодной водой.

— Кто ты? — в последний раз прошипел драконий князь, по пояс окуная свою жертву в реку.

И внезапно за Изольду ответило колдовство. Черными побегими терновник завихрился вокруг ее запястий, заслони плечи, колючим воротом окутал шею. Словно защищая свою хозяйку, рассерженные шипы впились в чешуйчатую кожу мертвеца, злобно потянулись к глазам, угрожая их выцарапать.

— Ах! — Великая сила прошла по жилам Изольды острой желанной

дрождью. Голова ее запрокинулась.

Но речной страж не отпрянул в глубины испуганно. Напротив, топазовые его очи заискрились надеждой, бугристые руки радостно дрогнули.

— С-сила и влас-сть терновника... Ты обладаеш-шь ими?!

И прежде чем Изольда успела ответить, он стиснул ее виски в скрюченных пальцах, прижимаясь холодным лбом к ее — горячему, увитому дикой сливой.

— Ес-сли так, то с-смотри, терновая колдунья, что с нами с-делали! И поведай: с-справедливо ли?!

Янтарные радужки зажглись исступленным огнем, и принцесса, почти теряющая сознание от напряжения, увидела...

Небо над Дахана-Пламен было багровым. Таким его делало гудящее голодное зарево, бушевавшее на земле. Не щадя ни леса, ни деревянных построек вокруг ветряной цитадели, оно металось по обеим сторонам от водяного кольца, на версту вздымаясь ввысь.

Река исходила паром. Алые, винные всполохи казались вспышками салютов в мгlistом мареве. А еще в нем парили драконы — гибкие, могучие. Их хребты болезненно выгибались, хвостовые пики, яростно мечась, со свистом резали воздух.

Изольда видела бесчисленные желтые глаза, полные страшной боли, она наблюдала, как скребут небосвод сведенные судорогой лапы.

Закованные в бронзовую и малахитовую чешую создания били разодранными крыльями и падали в реку, захлебываясь в полете последним безумным криком. Десятки поверженных драконов... Кожа их трескалась, будто обугленная, изъеденная ржавчиной, натянутые жилы ослабевали.

— Тысячи тысяч лет вам спать в этой реке, охраняя остров с южной башней, — набатом пророкотало в дымном видении. — И не будет у Дахана-Пламен стражей лучше. Всех, кто посмеет вплавь пересечь реку, вы убьете. А путников, плывущих по ее черным водам на лодке, станете спрашивать, зачем им понадобилось на тот берег. Ни один смертный не исхитрится вам соврать. Глаза ваши разглядят правду. И только изрекшего правильный ответ вы пропустите...

— Нет! — резануло по ушам звериным рыком. — Драконий народ не с-служил никому и тебе не с-станет!

Исполинские крылья разогнали едкий чад — над испепеленной землей заскользил могучий драконий князь. Зубы его были подобны пикам, когти — стальным крюкам. Лапы с легкостью подняли бы к облакам карету с лошадьми, раскрошили бы металл и дерево. А чешуя сверкала в ревущем

зареве гранями нефрита.

— Времена меняются, — ответил с триумфом бесплотный голос. — Пришел черед вам склонить змеиные головы.

— Никогда! — полыхнул жарким пламенем величественный зверь.

Но раскаленные белые языки едва лизнули каемку дотлевающего берега.

— Разве я нуждаюсь в твоём разрешении, князь? Поздно сучить крыльями, когда дело сделано. — Зловещий гортанный хохот наполнил небо и землю, словно смеявшийся был одновременно везде.

И произошло невозможное. Беспомощно замолотив громадными лапами, дракон в драгоценном панцире дрогнул, потерял равновесие. До последнего Изольда надеялась, что в полете он выровняется, выпрямит сильное перепончатое крыло, но участь зверя была решена. С ревом и стонами коченеющее тело описало полукруг, громыхнуло о водяную толщу, подняв фонтаны мигом испаряющихся брызг.

— Ты мой, драконий князь. Все вы теперь покорны мне!

Корчась от невыносимой муки, что сковала тело крылатого змея, принцесса протяжно застонала. Выносить пережитые им страдания было так тяжело, будто саму ее заживо хоронили в топкой глубине, заставляя исполненное пламенем сердце остыть навек.

— Обманщица! — захрипел напоследок повелитель крылатых змей, приподнимая длинную шею над кипящей поверхностью. — Ты ответишь за то, что сотворила!

И изумрудный гребень его скрылся в волнах Дахана-Пламен. Воцарилась тишина... Иных слов, видений, звуков не было, как не было у Изольды веры в то, что невидимая злодейка понесла наказание за свои страшные деяния.

Она извела под корень, уничтожила драконов — прекрасных, древних, ласкавших небеса Тьер-на-Вьёр еще до того, как их благодатный полог укрыл первых людей. И некому теперь оплакать волшебных крылатых созданий, нашедших могилу на дне Огненной реки. Кто обрек их на подобную смерть?

Понемногу приходя в себя, колдунья качнула тяжелой головой. Маревое перед глазами стремительно рассеивалось, легкие больше не разрывал горячий воздух. Драконье обличье истаяло, ноги вновь стали человеческими — стройными и неприятно мокрыми от заполнившей челнок воды. Не ровен час пойдет ко дну, как опрокинутая скорлупка.

Чтобы спасти суденышко, Изольда мягко, но требовательно сомкнула пальцы на холодных запястьях, заставляя драконьего князя ослабить хватку.

На удивление он повиновался, тотчас выпустив свою пленницу. Освобожденный ялик с шумом плюхнулся на реку. Принцесса осталась лежать на дне лодки, качаясь на волнах, как в колыбели.

Но покой ее был недолгим.

— Изольда! — хором выкрикнули Лютинг с Хельмвиндом, решив, должно быть, что принцесса утонула. Все это время они видели лишь днище накренившегося ялика, и теперь нельзя было сказать, чей вопль получился более встревоженным.

Намереваясь положить конец изматывающей бессмысленной борьбе своих защитников, принцесса перевернулась на живот, шатко поднялась на колени.

С грязной одежды и влажных волос градом катились капли.

— Со мной все в порядке. — Слова звучали безумно нелепо, но времени на пространные объяснения не нашлось. — Замрите, прекратите нападать. Я хочу, чтобы оба вы дождались меня на берегу.

— Но ведь... — Разгоряченный Хельмвинд захлебнулся возражениями: в своем ли она уме?

Но более проникательный Лютинг тронул его за рукав.

«Не спорь, — говорил его предупреждающий жест. — Делай, что она велит».

Верховный сердитым рывком стряхнул с волос налипшую копоть. Видно, треклятый Мак Тир снова вызнал о принцессе что-то неведомое ему самому. Иначе как объяснить, что он вдруг утратил воинственный запал, хотя секунду назад готов был крошить змеиные тела, покуда хватит мочи.

Дождавшись кивка от Таальвена Валишера, принцесса нагнулась над водой. И вновь спутники лицезрели только ее спину, заслоняющую таинственного собеседника.

Между тем главный сторож Дахана-Пламен опять вынырнул из воды, вцепился в бортовые доски и потянулся вопросительно к той, которую совсем недавно грозился утащить на дно.

— Я поражена, драконий князь, — призналась ему Изольда. — Не отыскать таких слов, что отразили бы мою скорбь. Мне жаль, что много лет назад кто-то лишил твой народ сил, сделал узником этой реки. Без ваших могучих крыльев просторы Тьер-на-Вьёр никогда не станут прекрасными, как прежде...

Согнувшись еще ниже, она притронулась к нефритовым чешуйкам на его голых предплечьях.

— Но что я могу сделать теперь, когда беда свершилась?

— Ос-свободи нас... — зашипел ее собеседник, возводя подернутые

мукой глаза к небесам. — Уничтожь, дай умереть... в твоих очах колдовская мощь, я видел, как они напитались чернотой. Этой силе много больше, чем всем нам. Она возникла, чтобы защищать пределы Тьер-на-Вьёр, хранить ее обитателей. Так используй же власть по назначению. И если считаешь, что мы достаточно страдали, позволь нам вкусить покоя...

С искренним сочувствием внимала принцесса тихим шипящим речам. В них ей виделись мудрость и истина. Пускай терновые чары она заполучила случайно, но призвание их и правда крылось в том, чтобы служить колдовской стране, в которой она оказалась волею судьбы.

Но как помочь несчастным драконам? Изольда откинула за спину мокрые пряди волос, закусил губу. Вряд ли тьер-на-вьёр согласится объяснить, что к чему. Да и не стоит ей появляться, пока она бродит без защитного амулета да без малейшей догадки, как одолеть ведьму. Нет, нужно придумать что-то самой.

Качнув в ржавой уключине обмякшим веслом, Изольда поглядела за горизонт. Мало-помалу тот багрился закатом, напоминая о страшном зареве, которое она наблюдала в воспоминаниях драконьего князя... Раз крылатым змеям не страшен был пожарища, что за сила способна разрушить их крепкие тела?

Мысли рассеянно разбредались. Казалось, через минуту Изольда услышит, как неестественно громко дышит вдалеке Таальвен Валишер. Чтобы не тратить время напрасно, она в последний раз поклонилась стражу реки и промолвила:

— Послушай меня, драконий князь. В моем теле действительно поселилась терновая магия, но я не умею управлять ею. И не могу по мановению пальца выполнить то, о чем ты просишь.

Давным-давно сведенные предсмертной судорогой мускулы на зеленом лице не дрогнули, только когтистые пальцы глубже впились в дерево, оставляя глубокие выемки.

— Но клянусь тебе, — Изольда прижала к сердцу скрещенные руки, — я сделаю все, чтобы освободить из посмертного рабства тебя и твоих подопечных. Обещаю, ни один дракон не останется гнить на дне, когда я отсюда уйду. Просто дай мне подумать, посоветоваться со своими спутниками. Возможно, вместе мы разгадаем, как помочь стражникам Дахана-Пламен.

Утонувший века назад дракон окинул стеклянным взглядом двоих мужчин, окаменевших на дальнем берегу. Одежда их была измазана сажей и пеплом, глаза запальчиво горели.

— Пропусти нас на остров... Мы должны добыть горловину ветряного рога для Вей Эрны. Если вещица здесь, мы быстро управимся и к утру постараемся придумать, как с вами быть.

— Нам уж-же лгали такие, как ты. — Раздвоенный кончик драконьего языка скользнул по заостренным клыкам.

— Знаю. — Принцесса отважно всмотрелась в тонкие провалы острых змеиных зрачков. — Но я не обману. А если слукавлю, ты дождешься, пока на острове у нас закончится запас провизии и мне придется забраться в утлый челнок, а затем...

Она понизила голос до хриплого шепота:

— Сделаешь все, что захочешь.

— Хорош-шо, — кивнул драконий князь, на миг перехватывая жесткий голубой взгляд.

И тут же ушел под воду, оставив на поверхности цепочку ширящихся кругов. Но тело стража Огненной реки исчезло в пучинах ненадолго. Доплыв до прибрежной отмели, на которой съежились десятки его мертвых соплеменников, вынужденных охранять переправу, он зашипел, зарычал грозно:

— Х-с-с! Шас-с...

Невольно Лютинг дернулся, впечатал пальцы в рукоять, которая и так намертво приросла к ладони.

Но вместо того чтобы напасть, странные существа на берегу зашевелились и ползком попятились в реку. Поначалу в мутной воде скрывались их жилистые плечи и узкие туловища. Затем и головы исчезли в пыльной глубине, издав напоследок змеиное шипение.

Следующей неожиданностью стало то, что непослушная лодочка Изольды сама по себе двинулась в сторону ее спутников. При этом принцессе даже за веретено не пришлось браться: крутые бока ялика скользили по волнам ладно и скоро, разбрызгивая пену. Веки колдуньи были опущены, и только бледное лицо выдавало подлинное смятение.

Когда нос шлюпки ткнулся в черный от копоты песок, терновая колдунья скомандовала, устраиваясь на самом краю кормы, чтобы Хельмвинд и Лютинг поместились в тесное суденышко:

— Садитесь.

Северный ветер был готов удушить Изольду собственными руками, хотя и понимал: она ведет себя подобным образом неспроста. Но пока дождешься объяснений, неразумное сердце выскочит из груди, так что лучше дать волю разбушевавшимся чувствам.

Спрятав меч в ножны, Таальвен пропустил верховного вперед и уселся

на носу лодки, на всякий случай прикидывая, как удобнее обороняться, если подводные твари нападут снова. Делал он это по привычке — для самоуспокоения, ведь прекрасно понимал: на воде от притких, не знающих боли тел не будет спасения. Да и принцесса не выказывала боязни, значит, жизни их в относительной безопасности.

Лютинг не злился на нее за молчание — не было нужды. Каждая эмоция Изольды проносилась перед глазами яркой вспышкой. Волнение за них с ветром, озноб от пережитого и тоска по загубленным жизням — такая гнетущая, что солью жжет глаза.

С макушкой ныряя в синеву ее печальных блестящих очей, Таальвен постепенно забывал о клинке и горячечном запале, что пылал совсем недавно под его кожей. Неровное дыхание успокаивалось.

А ялик тем временем неведомо как одолел большую часть пути. С поверхности его плавный ход грезился настоящим чудом, но троица в лодке хорошо знала: под речной гладью ее тянут и толкают не знающие устали драконьи руки.

Когда полоска противоположного берега разостлалась под килем черным ковром, Изольда медленно встала. Ноги ее плохо слушались, пришлось опереться на весло, чтобы не упасть. Она выбиралась из лодки последней, и Северный ветер, уже минуту топтавший золу, нетерпеливо обернулся.

— Объяснишь, наконец, Эйалэ тебя унеси, что стряслось на этой проклятой богами реке?! Если вы двое так и продолжите молчать, клянусь, я за себя не отвечаю!

Одолев вздыбившийся нос челнока, Изольда, покачиваясь, ступила на песок, сделала несколько нетвердых шагов к верховному и судорожно ухватила за край его туники.

— Ох, Хельмвинд, Хельмвинд...

Она хотела сказать что-то еще, но слезы, горячие, безудержные, ручьями полились по лицу.

Верховный стоял как громом пораженный. Подобного отчаяния он не ожидал.

Не разбирая, кто из двоих защитников сейчас перед ней, Изольда уткнулась ветру в грудь и начала оседать на землю, в одночасье лишившись сил.

— Да что ж за напасть?! — рявкнул в сердцах северный владыка, подхватывая ее.

Но в скорбных рыданиях было не разобрать слов. С каждым всхлипом вспоминая, как трещали под натиском пучины драконьи ребра, принцесса

плакала, и не было конца ее непоправимому горю. Только когда глаза колдуньи стали прозрачно-аквамариновыми, а в горле не осталось ни единого стога, худенькие плечи перестали подрагивать.

Хёльмвинд отстранил ее, вверяя заботам стоящего рядом Мак Тира и поглядел на свою одежду. Она была мокрой, словно сам ветер выкупался в соленой реке из девичьих слез.

ГЛАВА 12

ЧАРЫ ДЛЯ ЖДУЩИХ ПОКОЯ

Нарыдавшись вволю, Изольда наконец смогла отогнать тень чужого прошлого, наводнившего разум мучительными картинами. Голова прояснилась, сердце перестало терзаться событиями, что произошли с кем-то другим много лет назад. Но решительность освободить несчастных пленников осталась.

Надеясь, что спутники посоветуют, как это сделать, принцесса рассказала обо всем, что случилось на Дахана-Пламен — с ней и погибшими драконами, — и кротко уставилась на ветра с приморским королевичем. Больше минуты те ошеломленно молчали, пока верховный не протянул подозрительно:

— А ты уверена, что видение — не плод сотворенного чудовищами наваждения? Может, так они усыпляют бдительность всех проплывающих мимо.

— Нет, — запротестовала Изольда горячо. — Я точно знаю: это не обман. Если бы вы только видели, как блестели в багряных всполохах их крылья, как надрывались заполненные криком глотки... я словно умирала вместе с ними, шла на дно, сознавая: мои янтарные глаза в последний раз видят солнечный свет...

Она осеклась, ссутулившись опустошенно, и Лютинг положил на девичье плечо ладонь в кожаной перчатке.

— Мы тебе верим.

— Предположим, — бесстрастно продолжил свой монолог Северный ветер, — что желтоглазый монстр не соврал и подсмотренное тобой было на самом деле... Как заставить мертвых драконов упокоиться с миром?

Принцесса вздохнула и, утерев щеки тыльной стороной ладони, утомленно присела на камень.

— Не знаю. Но мы должны сделать это во что бы то ни стало. Иначе сердце мое разорвется от скорби.

— Думаю, чешуйчатые твари выпустят нам кишки гораздо раньше. — Верховный пристально изучил клочок выжженной суши, на котором он со спутниками оказался, и в сотый раз пожалел, что разучился летать.

— Не надо так о них отзываться! — встала на защиту драконов принцесса, утирая со лба сажу, под слоем которой тонкие сливовые ветви

едва обозначались.

— Тебе не мешало бы умыться, — фыркнул Хельмвинд беззлобно, поражаясь тому, как царственно выглядит колдунья, несмотря на грязь, усталость и мокрую одежду.

— Тебе тоже. Эйалэ бы в обморок грохнулся, завидев владыку Сеам Хор, по макушку измазанным в золе.

— О да, ему понадобилось бы влить в себя минимум кадушку чая, чтобы смириться с настигшим нашу семью позором.

Оба они вымученно улыбнулись.

Но заставить смягчиться Лютинга было не так-то просто. Покуда он ощущал, что юная жена его в опасности, смех и веселье обходили стороной не по годам серьезного королевича.

— Пойдемте к башне, — промолвил он сосредоточенно. От пепла и без того тронутые сединой волосы выглядели серебристыми.

Покоряясь всегда такому твердому, лучившемуся правотой голосу, Изольда поднялась и отряхнулась. Похоже, вместо души в нутро ее мужа боги по ошибке влили закаленную сталь. Не для того ли, чтобы он вечно оберегал кого-то? И если под этим непутевым созданием всевышние подразумевали ее, могли бы устроить так, чтобы приморский принц хмурился поменьше.

— Не будем расходиться, — предупредил Хельмвинд, устремляя взор на оплавленные стены цитадели. В то, что ее изувечили крылатые змеи, верилось легко, хотя в людском своем обличье они и выглядели несоизмеримо меньше.

Зато силой обладали недюжинной. Это верховный успел выяснить, пытаясь располосовать крепкие змеиные тела ветряной плеткой. Жалящая лента не оставила на них ни единого рубца, лишь тонкие бледные черточки.

— Ты видела, кто погубил драконов? — невзначай спросил у принцессы Таальвен, чеканя шаг по рыхлой почве. Эхо ее тревожных догадок не давало ему покоя.

— Я не заметила никого, только голос — странный, нечеловеческий. Так могла бы говорить терновая ведьма. — Изольда запнулась, вздымая носком сапога небольшое угольное облачко.

— Не думаю, — возразил Лютинг невозмутимо. — Разве обратился бы к тебе драконий князь, будь ты причиной его смерти?

— Кто знает... Разум стража реки после тысяч лет, проведенных в иле, вряд ли остался, как прежде, ясным. И я тогда могла выглядеть иначе...

— Как Исгерд? Вряд ли она застала те давние события, да и какой толк терновой принцессе изничтожать крылатое племя? В твоих снах она

предстает справедливой правительницей.

Изольда задумалась, про себя соглашаясь с мнением мужа. Искерд и правда не казалась ей злобной ведьмой. Потерянной — да, несчастной...

— Нет, вовсе не тьер-на-вьёр утопила драконов, — рассуждал вслух приморский королевич. — Как там говорилось в твоей песне?

— *Мы ушли в зеркала вслед за ней — и не встретишь крылатых на свете...* — продекламировала Изольда, без труда вспомнив нужную строчку.

— Непохоже, чтобы они уходили, — возразил Хёльмвинд, показательно подворачивая рукав разодранной до плеча туники.

— Может, это образное выражение?

— Или обман... — Таальвен, по обыкновению, предполагал самое худшее. — Так или иначе, правды нам сейчас не разведать. Давайте поищем ветряную дудку.

Он запрокинул голову, обозревая закопченный пористый булыжник, из которого некогда сложили старинную цитадель. Путники как раз приблизились к ее основанию, замерев в десятке саженей от фронтальной обугленной стены.

Зубчатые стены были изрезаны жуткими царапинами, но высились стойко, пачкая небосвод золой. Древние своды зияли дырами, как ветхое сукно, а все же укрывали постройку от дождей и жары.

— Мороз по коже, — созналась Изольда, стараясь рассмотреть, что там за узкими окошками.

— Вход, наверное, с другой стороны...

Множа отпечатки в бархате пепельного ковра, Северный ветер настороженно обошел круглые бока крепости. Спутники следовали за ним по пятам, на всякий случай прислушиваясь.

Но башня отмалчивалась. Не было ни бриза, ни легкого дуновения, чтобы оживить ее воспаленные окна-глазницы.

Наконец Хёльмвинд поднялся на крыльцо, заглянул во входную арку. Деревянные створки, когда-то запиравшие ее, давно истлели в зареве устроенного драконами пожарища.

— Здесь лестница.

Ступени вились вверх — до того мелкие, что по ним пришлось бы шагать чуть ли не боком, а голову пригибать, чтобы не расшибить лоб о нависающую каменную спираль.

— Тесно, — пожаловался верховный. — Дождитесь, пока я поднимусь, а то втроем не развернуться.

Изольда смиренно повременила несколько секунд и ступила на узкие

камни, придерживаясь за стену. Лютинг сопел за плечом.

Путь был недолгим — лестница быстро кончилась, выведя путников на свет. И, жмурясь от вечернего солнца, принцесса разочарованно воскликнула:

— Пусто!

Каменная площадка, венчавшая крепость, и правда была пустынной.

Замешкавшись на миг, терновая колдунья перешагнула последний завиток подъема, шаркнула по булыжному полу, припорошенному гарью.

— Как такое возможно?

Верховный ветер замер у кромки низкого зазубренного парапета — лицо отрешенное, ладони белеют на фоне каменной кладки.

— Ни один смертный не сумеет вынести ветряной рог за пределы башни. А если брать в расчет суровых тварей на дне Дахана-Пламен, то поверить в похищение станет еще сложнее.

— Куда же делась реликвия? — Тонкая фигура поравнялась с Хёльмвиндом, нависшим над пропастью. Чтобы убереечь его от опасности, принцессе хотелось обхватить узкую талию покрепче, оттащить северного владыку от хлипкого ограждения. Но она лишь положила руку рядом с его рукой.

— Хороший вопрос... — Верховный качнулся, отгоняя назойливое желание шагнуть со стены. Тело помнило, как это делается, и убеждало, что вновь станет невесомым, лишь на секунду ощутив прозрачную легкость воздуха.

— В полу у входа я заметил люк, — сообщил Таальвен Валишер, разрушив наваждение. — Может, рог спрятали в подполье?

Легкие шаги вновь огласили шелестом винтовую лестницу. Изольда испытала настоящее облегчение, когда ее муж спровадил ветра прочь.

Но не успели они с Лютингом скрыться в витках каменной спирали, как послышались шум и страшный грохот. Что-то заскрежетало, загудело, а затем знакомый охающий голосок взвыл во всю глотку:

— Не пуцу, и не надейся! Только через мой труп!

— Ирифи! — вмиг догадались принцесса с Таальвеном.

Пока они торопливо спускались, цитадель заполнялась воплями и стенаниями. И вдобавок каким-то странным треском, словно Пыльный вихрь швырял о стену тяжелые металлические побрякушки.

— Хёльм? — Изольда первой спрыгнула в темное затхлое подземелье, задохнувшись клубами пепла.

— Дзынь! — Тяжелый бронзовый кубок пронесся мимо ее уха и жалобно звякнул о камень.

— Проклятье! — чертыхнулся Таальвен, рывком прижимая девушку к полу. Сразу под окошком люка громоздилась груда хлама, за которой стоило спрятаться, чтобы сохранить голову целой.

— Именем северною владыки я приказываю тебе прекратить!

Оказывается, все это время Хёльмвинд укрывался за ржавым прогнившим сундуком. Даже свернувшись в три погибели, он чудом за ним уместился.

— Вжх! — прошелестел в воздухе какой-то предмет, присыпав спину ветра комьями земли.

— Ты больше не верховный! Погляди на себя, господин! Что она с тобой сделала?

— Сейчас ты вредишь мне намного больше. И если не остановишься, клянусь, я развею тебя в прах!

Но маленький Ирифи был неумолим.

— Я спасаю тебе жизнь, повелитель! Отправляйся назад, пока еще возможно. Верни то, что у тебя отняли, и лети домой.

— Рано или поздно у тебя кончатся снаряды, — процедил Хёльмвинд зловеще. — Тогда я изловлю твое тщедушное тельце и вытряхну из него жизнь!

Будто в насмешку над угрозами, в переднюю стену ларца угодил фарфоровый кувшин и со звоном рассыпался, заставив Изольду крепко зажмуриться. Впрочем, в душной камерке и так не было видно ни зги. Оставалось загадкой, как Таальвену удастся следить за зачинщиком беспорядка.

— Горе мне! — надрывался Ирифи, расшвыривая древние боевые копья направо и налево. — Лучше бы я не дожид до этого дня!

— О да!

Когда осколок очередного, пущенного наугад снаряда задел плечо Лютинга, принцесса вознамерилась действовать.

— Ирифи, — позвала она приглушенно, силясь набрать в легкие побольше воздуха. Сделать это было сложно, поскольку приморский королевич своим весом придавил ее к грязному полу. — Это я — Изольда... Если успокоишься, обещаю выслушать тебя и помочь чем смогу...

— А я приложу тебя о булыжник, как только поймаю, желчно добавил Хёльмвинд, сводя на нет ее усилия.

— Не обращай на него внимания! — Она уперлась ладонями в широкую мужскую грудь, заставляя своего защитника посторониться. — Поверь, Хёльм тебя не тронет. И никто из нас, но для переговоров нужно сложить оружие...

— Переговоров? Переговоров?! — захлебнулся рыданиями сморщенный старичок. — Беседами несчастью не подсобишь... Все худшее уже свершилось.

Тем не менее метать горшки и печные ухваты прекратил.

От всей души жалея вихря за пролитые слезы, Изольда выглянула из-за укрытия.

— Не нужно плакать. Давай-ка лучше мы по очереди выберемся из подземелья и подождем тебя во дворе. Покажешься, как будешь готов. Вот мое слово: никто и пальцем тебя не тронет.

— Полоумный сморчок, — зашипел змеей Хельмвинд. — Да я прикончу его, едва поймаю.

— В знак добрых намерений, — голос Изольды вновь сделался повелительным, — Северный ветер покинет подвал первым.

— Еще чего!

Верховный и сам прекрасно понимал: лучшего способа, чем переговоры, чтобы утихомирить безумного баламута, не сыскать, но гордость его отказывалась спускать унижения с рук какому-то безродному вихрю.

С другой стороны, сидеть за ненадежной баррикадой крайне неудобно: шея и колени уже ныли, в глазах было полным-полно сажки. Так что Хельмвинд, сцепив зубы и пообещав себе однажды обязательно наказать старикашку, позорно ретировался. Вслед за ним подполье покинула принцесса, нащупав в темноте косую стремянку. Лютинг выбрался последним — в три прыжка, потирая ушибленное плечо.

— Мы уходим, — мирно сообщила Изольда. Спутники ее, не в пример хмурые, потопали прочь из крепости.

— А теперь выходи ты, Ирифи.

— А не то выволоку за шкуру! — Ветер мстительно сверкнул взглядом.

— Тс-с! — Грозный вид Изольды сводили на нет грязь и зола. — Мы ждем тебя.

Прельщенный ласковой теплотой ее голоса, Пыльный вихрь повозился немного в своей норе, а затем робко показал из люка седую макушку.

— Куда ты пропал? Мы искали тебя у подножия Ветряного царства...

Он горестно помотал головой.

— Откуда ты знал, что мы явимся на остров? — расспрашивала дальше принцесса. — Ведь ты дожидался нас, верно?

— Да. — Ирифи понурился. — Но до последнего надеялся, что вы не придете. Это значило бы, что она по-прежнему спит, как и полагается.

— Кем полагается? — теряя терпение, выпалил ветер.

— Законами справедливости!

— Да ты, верно, растерял остатки разума в толще колдовского зеркала!

Вихрь боязливо попятился, и Изольда волком глянула на нарушителя перемирия.

— Не слушай его. Хёльмвинд просто расстроен... Скажи лучше, куда делся ветряной рог?

— О! — Бесцветные глаза старичка полыхнули лихорадочным триумфом. — Я надежно спрятал его в темнице — вам троим ни за что не найти!

— Но ведь подземелье совсем крошечное... — Терновая колдунья дружелюбно подняла руки и сделала в сторону вихря осторожный шаг. — Неужели твой повелитель не отыщет здоровенную трубу в тесноте подвала? Не лучше ли на время вверить горловину рога мне? Я обязуюсь хранить ее, пока мы не пойдем, чем она так угрожает Хёльмвинду...

Ирифи задумался. Страхи и мнимые опасности столетиями подтачивали его беспокойный разум, немудрено, что порой странные решения казались вихрю верными. Кроме того, девушка с терновым венцом на лбу говорила так доверительно, что речам ее хотелось верить.

— И ты не отдашь реликвию господину? — Он поджал болтающиеся над землей худые щиколотки.

— Нет, пока не удостоверюсь, что жизнь его в полной безопасности.

— Этого не будет, покуда верховный находится в пределах Тьер-на-Вьёр!

— Ирифи, — тонкий стан Изольды легонько качнулся, — знаешь ли ты кого-нибудь могущественнее терновой ведьмы, кому можно доверить волшебный предмет? Наверняка нет. Так что позабудь о страхе и скорее вручи его мне...

Пыльный вихрь всхлипнул надрывно, отправляясь в подземелье за припрятанной вещицей. К несчастью, он помнил другое создание, столь же грозное и опасное, как тьер-на-вьёр. Но поведать об этом не мог ни одной живой душе.

* * *

— Отдай его мне, — в который раз заворчал ветер, поглядывая на толстый кошель на поясе принцессы.

— Нет, я ведь дала Ирифи слово.

— С каких пор обещание, посуленное безумцу, чего-то стоит?

Изольда уперла руки в бока, но тут же беспомощно опустила их.

— Давай хотя бы попробуем разузнать, о каких несчастьях твердил горемычный вихрь. Он ведь хочет уберечь твою жизнь.

— Да что ты? — окрысился Хельмвинд, вытряхивая из волос крупницы земли и осколки битой посуды.

— Пусть и делает это немного неуклюже... — Изольда все пыталась оправдать симпатичного старичка. — Прощу, не набрасывайся на него. В конце концов, нет ничего плохого в том, что горловина рога пока побудет у меня. Но если ты настаиваешь...

Она потянулась к мешочку, привязанному на боку, и ветер испустил долгий протяжный вздох.

— Ох, ладно, оставь... Может, хваленые чары терновника сгодятся хоть на что-то полезное.

— Вот и славно! — Колдунья просияла, ничуть не обижаясь на заносчивый тон. — И раз мы прекратили не стоящий внимания спор, давайте лучше поговорим о драконах.

Бесстыдно подслушивавший Ирифи взволнованно встрепенулся, закувыркался в воздухе.

— О драконах? О тех, что спят в водах проклятой реки?!

— Тебе что-то о них известно? — подал голос Лютинг. Пока его жена пререкалась с негодующим верховным, он напряженно придумывал способ убраться с обугленного острова. К сожалению, тщетно.

— Сто шестнадцать мшисто-медных панцирей, фейлан! — с жаром затараторил вихрь. — Двести тридцать два крепких перепончатых крыла. Янтарные, топазовые глаза, величавые шеи... Все загублено, изъедено рыбами на дне Дахана-Пламен. Кара на наши головы за то, что не сумели уберечь крылатых! Но что мы могли — безразличные к вершащемуся во внешнем мире?

Выдергивая спутанные космы, он заметался над островом, не прекращая стенать и корчиться. Под ветряными порывами набухали целые облака черной взвеси.

— Можно им чем-то помочь? — спросила Изольда, натягивая плащ на лицо.

— Нет. В мертвые тела не вдохнуть жизнь...

— Я не хочу оживлять их. — Из-под алой ткани виднелись одни голубые слезящиеся глаза. — Лишь подарить страдальцам покой. Нет такой тюрьмы, которую нельзя разрушить, особенно если владеешь волшебством.

Пыльный вихрь неожиданно замер, закивал, не удосужившись перевернуться всклокоченной головой вверх. Костлявые колени смешно торчали из оборванных штанов.

— Твоя правда!

— Так значит, есть возможность освободить пленников? — Требовательный, полыхающий зеленью взгляд пригвоздил старичка к месту.

— Ох и страшно ты смотришь, фейлан, душа в пятки уходит!

Таальвен внутренне содрогнулся. Но на чудаковатые высказывания Ирифи никто давно не обращал внимания.

— Как избавить крылатых от мук? — подхватила Изольда. — Прошу, ответь. От этого зависит наша судьба!

Старичок моргнул, глубокомысленно поспешил палец и, подлетев к принцессе почти вплотную, объяснил поучительно:

— Во власти терновника давать жизнь и отнимать. Когда колдовские ветви завьются погребальным узором и напитаются чернотой, когда шипы прорастут сквозь чешуйчатую плоть и полую драконью кость, тогда в измученных телах не останется искры, что позволяла им двигаться, обрекала на страдания в подводном узилище... Пусть терновник раскрошит древние черепа и прочные костяные пластины. Ему одному по силам...

— Что? — Изольда не поверила своим ушам. — Ты предлагаешь начисто стереть их с лица этой земли? Но как сотворить такое со ста шестнадцатью телами, хаотично разбросанными по всему дну?

Вихрь взлетел к небесам, поведя костлявыми плечами. По всей видимости, разглагольствовать ему наскучило.

— Пусть катится к буранам, — пожелал Хельмвинд вслед. — Все равно в его блаженной болтовне правда и выдумка так перепутались, что концов не найти.

— Думаю, насчет власти терновника он не сочинял. — Принцесса решительно распрямила спину, обвела глазами кольцо глубокой реки. — И раз иных догадок на сей счет не сыскать, предлагаю проверить.

— Хочешь запрудить реку сливовыми зарослями? — уточнил Таальвен Валишер, утаптывая ногой пепел.

Изольда кивнула. Раньше ей не доводилось делать подобное, и лишь боги ведали, хватит ли мочи использовать нужное количество магии. С другой стороны, шипастые побеги не раз возводили стены вокруг нее по собственному желанию. Значит, творить такое им не составляло труда.

— Я пойду с тобой, — вдруг заявил Лютинг. — Постою за спиной, пока ты будешь колдовать.

По настойчивому тону принцесса поняла: муж ее опасается, как бы могущество терновника не захлестнуло колдунью. Ведь его понадобится много, а тьер-на-вьёр, терпеливо ожидающая шанса вырваться на свободу, всегда настороже.

— Хорошо...

Нельзя сказать, что от неусыпного присутствия Таальвена Изольде становилось легче. Напротив, руки и ноги немели, в горле словно застревал плотный тугой комок. Но совладать с невидимой ведьмой получалось намного лучше. Так что пускай сторожит...

Северный ветер предусмотрительно отошел подальше. Магия терновой колдуньи неизменно вызывала у него смятение и трепет. И как бы Хельмвинд ни желал помочь, интуиция заставляла убраться подальше, когда голубые глаза принцессы заливало теменью. Уж лучше он понаблюдает за Мак Тиром, в который раз отважившимся крутиться под носом у ворожащей девушки, — невероятное безумство, на которое нельзя смотреть без восхищения.

— Готов? — любопытствовала Изольда буднично, словно собиралась ловить рыбу или купаться.

Таальвен кивнул, вслед за женой отправляясь к речной каемке. Как только подошвы их сапог коснулись мокрого песка, из глубины вынырнул бдительный драконий князь.

— Я должна поговорить с тобой, — крикнула колдунья, и страж Дахана-Пламен поманил ее на глубину чешуйчатой рукой.

— Ну, пойдём, — промолвил Лютинг, беря спутницу под локоть. В башмаках у обоих тут же премерзко захлюпало. Едва высохшие одежды вновь пропитались влагой.

Пришлось забрести в мутную толщу по пояс, прежде чем драконий князь смог подплыть к ним и встать на черный речной песок.

— Кажется, я знаю, как положить конец вашим мытарствам, — заговорила Изольда приглушенно. — Но хорошо подумай, прежде чем я начну. По завершении колдовства от твоего народа ничего не останется. Только безмолвный бесполезный прах. Хочешь ли ты этого?

Некогда сильный могучий дракон замолчал, сверкнул топазовым взором. Очи его видели бессчетное множество закатов и восходов, наблюдали, как растут и ширятся горы, наползая на шершавую каменную твердь. Крылатому было ведомо, как рождались в Тьер-на-Вьёр новые моря и чудесные озера... Он умел прорицать будущее, был велик и мудр, и бесконечно утомлен.

— Хочу покоя, — затрепетал в багряной пасти змеиный язык.

— Как повелишь... — Принцесса кивнула, с усилием вытаскивая из ила увязшие подошвы. — Тогда возвращайся на дно. Скоро ты получишь желаемое.

Безучастный драконий князь устремил на юную колдунью взор, шагнул ближе. На нечеловеческом лице не было ни сожаления, ни страха. Грезилось, что через мгновение за спиной его раскроются грозные бронзовые крылья, а в глотке забурлит пламя. Но наваждение сгнуло, так и не воплотившись.

— Ты, — с шипением выдохнул он, — будешь править Тьер-на-Вьёр — от клыков Ан-Альеж на востоке до Звездного моря на западе... Сотни долгих веков... Тайны истоков древней магии, зеркальных озер и другие станут тебе доступны... Но ты никогда не вернешься домой!

Он вскинул когтистый указательный перст, и принцесса с трудом удержала в груди невольный взглас.

Но пугаться было некого. Огласив последнее пророчество, пленник Огненной реки с головой погрузился в пепельный поток. Миг — и на пыльной глади не осталось даже кругов.

— С-славно. — Слегка заикающаяся девушка поплелась на берег. От волнения сосало под ложечкой, и она не заметила, как Таальвен украдкой убрал ладонь с рукояти.

Наконец мокрые, ежащиеся от холода, они выкарабкались на сушу. Опустившись на колени, принцесса погрузила ладони прямо в остывшую золу.

— Прошу, терновник, явись на мой зов, — зашептала она, — помоги упокоить тех, кто нуждается в твоей защите...

И сосредоточенно сомкнула веки, не зная, что еще предпринять. Подол ветряного плаща, черный от копоти, сиротливо улегся на песок, светлые локоны, поддрагивающие от пробуждающихся чар, лениво рассыпались по спине.

— Даруй им смерть, — бормотала Изольда, отчаянно надеясь, что колдовство послушается, прильнет к бледным запястьям сухими браслетами.

Но тревожилась она напрасно. В этой пропитанной древними чарами стране магия отвечала на зов почти мгновенно, буйно разрастаясь, если ей позволяли. В мгновение ока колючие путы оплели Изольду и двинулись дальше — на мелководье. Задержавшись на поверхности на секунду, могучие корни взрыхлили речное дно, заплелись по нему, словно ползучие стебли кувшинок. Хотя вряд ли безобидные цветы, способные разве что спутать незадачливому пловцу ноги, сумели бы нанести подобный ущерб.

Слиловые побеги наводняли реку, кинжалами прошивали тела утопленников, вспарывая плоть. Как и предвещал Ирифи, они крошили драконьи кости в пыль, сминали черепные коробки. Фигурные ребра под их натиском ломались, как стебли осоки, но жадным ветвям было мало. Будто чудовищные щупальца, они росли, змеились, пока не заполонили собой все русло. И вот уже непролазная смертоносная стена защищает остров с южной крепостью от непрошенных гостей. Едва ли кто-нибудь рискнет штурмовать ее.

Разогнув спину, Изольда изумленно поглядела на творение собственных рук. Странно, она и не уследила, как перекинулись колючие стебли с ее бедер и плеч на речную гладь. Кажется, дело сделано: ни один дракон не уцелеет после столь яростной атаки.

Теперь требовалось отозвать чары обратно. Иначе путники будут заперты на острове, как в ловушке.

— Ш-ш-ш, — уговаривая шипастый клубок отступить, вновь заворожила колдунья. — Довольно...

Но управлять разросшимся терновником оказалось не так-то просто. Ветви продолжали множиться, напозать на противоположный берег. Колючки на них достигали исполинских размеров.

— Подчинись, — застонала Изольда, закусывая почерневшие губы. — У тебя нет собственной воли!

Она чуяла: в этой изнуряющей борьбе тьер-на-вьёр ей не помощница. Открестившись от своей магии на время, ведьма молчала, предоставив Изольде самой постигать науку управления волшебством. С каким же трудом она ей давалась!

Но ни одно существо или сила, будь то человек либо чары, лишённые разума, не устояли бы против безграничной воли, что бурлила в отважном сердце. И в конце концов, слиловые ветви дрогнули, сдались на милость своей хозяйки.

Наблюдая, как они уползают из вспененной воды, Таальвен выдохнул с облегчением. Он знал, что принцесса выстоит, верил всей душой. Сомневался лишь в том, сколько попыток для этого понадобится. На их с ветром счастье, колдунья училась быстро. Минет год, и она свыкнется со своими чарами, примет их как частицу собственного естества... Если тьер-на-вьёр не помешает.

— Правильно, — проговорила принцесса, заставляя последние тоненькие стебли втянуться в чернильные полосы на руках. Все так, как и должно быть.

Обозревая вспаханный вдоль и поперек берег, она попыталась встать,

но колени предательски ткнулись в золу.

— Ох, тина и кости!

Предвещая наперед, что она откажется от помощи, Лютинг все же подступил и протянул жене ладонь.

— Я не собираюсь падать в обморок.

Губы его тронула кривая улыбка.

— Сегодня нет.

Прошли времена, когда Изольда терялась в забытии после каждого всплеска колдовства. Больше она не намерена соскальзывать за границы разума.

Ухватившись за протянутую руку, принцесса, шатаясь, поднялась. Перед глазами мгновенно заплясали черные точки. Но приморский принц просто шел рядом, незаметно подстраиваясь под ее неровный шаг, Подрывать едва затеплившуюся веру колдуньи в себя ему не хотелось.

Кое-как Изольда доковыляла до крепости. Вечер давно выстилал небо звездными блестками и теперь почти окончил свою привычную работу. Смеркалось.

Не обращая внимания на первые звездочки, принцесса упала на каменное крыльцо и заявила, обращаясь к Хельмвинду и Ирифи — порядком потрясенным:

— Теперь драконы оплаканы и с почестью погребены. Можем переправляться назад. Осталось разыскать еще две башни.

— Я бы с радостью покинул это место, — наконец сподобился ответить Северный ветер, — но ты в щепки разнесла то, на чем мы собирались плыть.

Принцесса озадаченно оглядела отмель. И, завидев развороченный вдребезги челнок, ни с того ни с сего захихикала.

— Ох, наш несчастный корабль... о нем-то мы позабыли... Храбрые путешественники с горкой трухлявых обломков вместо плота...

Напряжение последних часов схлынуло, лишив ее остатков сил. Но колдунья все смеялась, ухватившись за живот, размазывая слезы по замызганным щекам.

— Ай, не могу больше! — Чтобы не задохнуться, пришлось повалиться на спину и несколько раз наполнить горящие легкие воздухом. — Погибаю!

— А она точно придет в себя? — на всякий случай уточнил верховный владыка неведомо у кого.

Приступ Изольды виделся ему едва ли не таким же безумием, как недавние бесчинства у реки.

— Если нет, — Лютинг лениво оперся о каменную кладку цитадели, — сунем ее в мешок.

— У нас нет мешка. — Верховный осмотрелся.

— Тогда доверим Ирифи нести принцессу до следующей башни.

— Мне? — Пыльный вихрь с содроганием отшатнулся. После расправы над змеями, свидетелем которой он стал, несчастному требовалось время, чтобы прийти в себя. — Я не удержу терновую ведьму!

— Никто не будет меня тащить, — восстановив дыхание, внесла ясность Изольда. — Эти двое просто издеваются над нами.

Она сползла с невысокого порога и подмигнула пришибленному Ирифи.

— Пересечем реку вплавь. Всем нам не помешает отмыться как следует, так что купание пойдет на пользу.

Ловкие пальцы принялись сплести волосы в косу: в воде неприбранные космы наверняка станут лезть в глаза.

— Ты хорошо плаваешь, Северный ветер? — насмешливо полюбопытствовал Таальвен Валишер.

— Лучше, чем ты с этой железякой. — Верховный ехидно указал на меч.

— Жители приморских земель учатся нырять с раннего детства, доставать со дна жемчуг и ракушки... Легкий клинок для меня не помеха.

— Посмотрим...

— А знаете что? — положила конец их драчливым препираниям принцесса. — Давайте заночуем на этом берегу...

— Место понравилось? — мгновенно поддел Хельмвинд.

— Нет. — Она смущенно опустила голову. — Тело совсем не слушается. Боюсь, доползти до берега — все, на что я сейчас способна.

От такого простодушного объяснения верховный потерял всякий интерес к дальнейшим издевательствам. Таальвен же будто того и ждал.

— Разобьем лагерь под крыльцом, — распорядился он. — Дрова для костра у нас уже есть.

— Сотни веков эти многострадальные земли не видели пламени, — вклинился в разговор Ирифи. — Неужто рука твоя не дрогнет, высекая искру, фейлан?

Приморский королевич не ответил, отправляясь за обломками деревянного ялика.

— Ты ведь бывал здесь раньше, не так ли? — между делом полюбопытствовала Изольда, сплетая из гибких ивовых прутьев основу для будущей лежанки. Не то чтобы ей требовалась постель помягче, но раз Таальвен Валишер натащил в лагерь ивняка, почему бы не обустроить уютное местечко хоть на одну ночь?

Ирифи выдернул длинную нить из подола своего ветхого плаща и принялся наматывать ее на узловатый палец. На вопрос он не ответил.

— Задолго до того как Хельмвинд увидел Вею Эрну во сне, ты о ней знал. Затем без карты и провожатого отыскал южную цитадель, нока мы не задумывались о своем будущем походе, а еще подсказал, как помочь томящимся в темнице драконам... Признайся, в Тьер-на-Вьёр ты не в первый раз?

— Проклятое королевство... — Выцветшие глаза бесцельно обшарили соседние ольховые заросли, обступившие болотистую пойму Дахана-Пламен.

— Я же вижу, как ты прячешь правду за мнимым безумием. — Принцесса наморщила лоб. — Возможно, если показать тебя Розе Ветров...

— Тс-с! — Пыльный вихрь неожиданно затрясся и прижал морщинистые ладони к горлу — там, где его обхватывала тугая петля диковинного украшения. — Ни слова, ни мысли! Нужно молчать...

Нечесаная голова беспокойно завертелась по сторонам, выискивая воображаемых слушателей. Но кроме Ирифи с принцессой, у огня не было никого: Лютинг час назад отправился на поиски ужина, Северный ветер тоже запропастился куда-то, не желая проводить вечер в компании ненавистного сородича.

— Все в порядке... — Колдунья понизила голос и, сосредоточившись на непослушных стеблях, ловко вывязала еще один слой древесной перины. — Мне ты можешь довериться. Обещаю сохранить твои тайны.

— Тайны... — сдавленно повторил вихрь.

Не похоже было, что он до конца понимает, о чем твердит девушка. Окутанные пеленой думы то прояснялись, то снова тонули в призрачных образах.

— Но если уста твои не в силах вымолвить заветные слова, молчи. Я не стану обижаться. — Принцесса принялась за новую ветку. — С Таалем в прошлом случалось подобное. Правда, тогда он еще был волком, которого я заколдовала, и не мог поведать о своем проклятии ни единой живой душе. Пытаясь нарушить мой запрет, он обычно начинал рычать — вот так.

Изображая свирепого хищника, Изольда оскалилась и смешно зарычала.

— Наверное, это должно было приводить всех возможных собеседников зачарованного принца в бегство, но мне даже нравилось наблюдать, как рождается из волчьей груди этот мягкий баюкающий звук. Странно, да?

Нахохленный Ирифи покосился на нее отрешенно. Ему явно было не до воображаемых волков. Но принцессу не смутила подобная рассеянность. Кому еще она могла поведать о своей смехотворной тоске по Таальвену Валишеру, терновой магией превращенному в зверя, — Хельмвинду, Лютингу Мак Тиру? Ну уж нет! Первый ее на смех поднимет, второй взглянет с упреком — совершенно справедливо.

— Потому, мой друг, я не стану осуждать тебя за безмолвие. Но если захочешь поговорить...

— Не могу-у! — Вихрь бедственно сунул голову в складки своей одежды и подлетел на несколько саженей, завывая надсадно. — Жалкие отступники ни на что не способны-ы! Пыль и немощ остались от прежнего величия, тени и суета! Ай, горьки плоды постыдных деяний...

Чем выше он поднимался, тем надрывнее становился надломленный горем голос. Но в конце концов вопли растворились в вечерних сумерках.

— Ирифи? — Принцесса трижды обозвала себя черствым сухарем за то, что начала этот разговор. Дернуло же ее выпытывать о секретах седовласого вихря, когда и дураку понятно: выдать их мешают глубинный необъяснимый страх и душевные страдания, помутившие его рассудок. Ох, не потерять бы бедолагу вновь. А то, чего доброго, отобьется от спутников.

Она поднялась и, морщась, размяла затекшие ноги. Привычным жестом ладонь легла на поясной кошель. Горловина ветряного рога проступала сквозь плотную ткань. Пока вещица хранится у Изольды, вряд ли Пыльный вихрь покинет их маленький отряд.

Обретя в этой мысли слабое утешение, принцесса подкинула в огонь хвороста и снова уселась за рукоделие. Нехитрая монотонная работа хорошо успокаивала.

Через четверть часа явился Северный ветер — бесшумный, как снежный покров над пиками Сеам Хор. Оглядев стоянку издали, он пристроился у костра и спросил одобрительно:

— Как тебе удалось от него избавиться?

— От кого? — Ветви под сбившимися пальцами тревожно хрустнули.

— По-моему, ответ очевиден, ведь от одного из отсутствующих здесь тебе не отделаться так просто...

Изольда с укором поджала губы. В обсуждении Лютинга у него за спиной ей виделось нечто неправильное. Пускай подобные мысли иногда и

посещали ее, негоже подкреплять их словами.

— Что же случилось? — Верховный быстро провел ладонью над пламенем, забавляясь на ветряной манер. — Ты прокляла его, обратила в песчинку?

— Все нет, — буркнула принцесса с досадой. — Никак не возьму в толк, отчего ты так взъелся на несчастного старичка?

— Действительно, отчего же? — Хельмвинд царапнул колючим взглядом бархатную синь небес, враждебно скрестил руки. — Может, потому что вихрь сотни лет скрывал от меня правду о прошлом моих предков? Или пытался помешать разбудить Розу Ветров? А стоит ли упоминать, что он намеревался убить меня на острове посреди Огненной реки?

— Вряд ли он желал тебе навредить, — возразила Изольда примирительно. — Скорее не нашел лучшего способа убедить покинуть эти колдовские земли...

— Старый дурак, — подытожил Северный ветер уже не так сердито. — Нужно было запереть его в подземельях сторожевой башни.

Изольда со вздохом отложила ивовые прутья и уселась поближе к огню.

— Он и так заперт, в каком-то смысле — в мрачных чертогах собственного пошатнувшегося разума. А вместе с ним обретаются фантомы, запрещающие бедняге говорить...

— Ты считаешь, ему есть о чем нам сообщить?

Принцесса зябко подтянула колени к груди.

— Думаю, Ирифи бывал в Тьер-на-Вьёр прежде... Неспроста он в мгновение ока находит здешние дороги и ответы на наши вопросы. Но стоило спросить об этом, как вихрь умчался — расстроенный до слез.

— Покувыркается в облаках и вернется, — хмыкнул равнодушно Верховный. Обвинять Изольду в бестактном обращении с полоумным сородичем ему бы и в голову не пришло. А вот умозаключения ее Хельмвинда заинтересовали. — Почему ты уверена, что этот блаженный раньше посещал Терновую страну? Он ведь мог узнать о ней из своих заплесневевших книг.

— Мог, — пространно согласилась принцесса. — Но без тайны здесь не обошлось. Мне самой когда-то приходилось умалчивать правду, и теперь я чую страх сболтнуть лишнее за версту. Он словно удавка на шее — душит, сковывает язык...

— О чем ты больше всего боялась рассказать? — внезапно поинтересовался ветер. — О своем заколдованном королевиче или о том,

что рискуешь остаться терновой ведьмой навсегда?

Изольда дернула плечами, отгоняя непрощеный колкий озноб. От прозрачного взора тщетно было прятать взгляд за веером опущенных ресниц.

— Мои тревоги больше не имеют значения — они настигли меня, и от терновых чар не избавиться. А Лютинг Мак Тир...

«Получил наконец желаемое», — пронеслось в мыслях, но принцесса не позволила непрощеным словам соскользнуть с языка.

— ...Освободился от пут заклятия... и у нас появились новые поводы для опасений.

Северный ветер одарил ее задумчивым взглядом, вторившим его размышлениям, и вдруг сменил тему, выразительно уставившись на ивовую перину.

— Готовишь супружеское ложе?

— Вовсе нет! — вспыхнула колдунья, приминая лозу на самодельной лежанке. — Решила скрасить вечер за рукоделием.

— Получилось сносно.

При иных обстоятельствах сомнительная похвала была бы с негодованием отвергнута, но вниманием принцессы нынче владели тревоги поважнее.

— Как думаешь, — неловко выдавила она, утыкаясь взглядом в плетение, — я... в общем... хороша собой?

Робкий вопрос обескуражил не только саму колдунью. Возможно, потому долгое время внешне невозмутимый Хельмвинд подбирал ответ. Но в конце концов, не найдя достойного, произнес, прячась за спасительной мантией сумерек:

— Почему ты не спросишь у своего мужа?

— Нет. — Принцесса прижала ладони к щекам. — У кого угодно, только не у Лютинга. Он... понимаешь...

Объяснения зашли в тупик. Но верховный владыка не желал сдаваться.

— Он что? Выпорет тебя за праздную болтовню, съест?

— Нет, разумеется... — Лежащая у колен колдуньи вязанка по воле девичьих пальцев заплелась в тугие косички. — Как такое вообще пришло тебе на ум?

— Иногда ты глядишь на Мак Тира со столь неподдельным ужасом, что сами собой напрашиваются куда более невероятные догадки.

Онемевшая Изольда смешалась окончательно, не смея скользнуть на тропу опасных размышлений. Ни в коем случае нельзя признавать правоту Северного ветра, иначе придется выискивать оправдания странному своему

поведению. А их нет, ведь чем сумел напугать ее сдержанный и всегда спокойный Таальвен Валишер — не людским же обликом?

— Уверяю, твои впечатления ложные — я не боюсь Тааля, просто не привыкла к нему, оттого избегаю личных разговоров...

— А со мной, выходит, откровенничать не стесняешься? — тут же вывернул наизнанку ее признание верховный, за что был с осуждением осыпан щепками, оставшимися от обломанной ивовой лозы.

— Прекращай насмеяться, иначе я больше никогда не доверю тебе ни единого секрета! — Пунцовая, как мак, Изольда натянула свой плащ. — И лучше позабудь все, о чем я тут наболтала...

Чтобы отвлечься, она смела с подола мусор и выпрямилась во весь рост.

— Где же, в конце концов, Таальвен Валишер?

Все еще пребывая в крайней задумчивости, Хельмвинд усмехнулся и потер окольцованную сухим браслетом руку.

— Явится, не переживай.

Запястье будто затекло. Но погруженная в размышления принцесса не заметила этого.

— Ты слышишь его?

— Нет. Просто знаю. Невозможно по доброй воле оставить девушку, которая так ослепительно красива.

— Замолчи, больше ни намека на эту тему! — Она тряхнула распущенными волосами, помалу возвращая прежнее душевное равновесие. — И дернуло меня вести задушевные разговоры с самым острым на язык ветром среди живущих.

— Но я серьезно, — запротестовал верховный без тени улыбки. — Это ответ на твой вопрос: Изольда Мак Тир хороша собой настолько, что ни человек, ни иное существо не посмеют утверждать иначе.

— О, Хельмвинд, ты совершенно невыносим!

Он незаметно накрыл отяжелевшую ладонь покрывалом и поудобнее устроился на дорожных мешках.

— Не знаю, что заставило тебя сомневаться, но, если желаешь, можем спросить при случае какого-нибудь князя или короля. Хотя бы и болотного...

Принцесса отмахнулась и наострила уши, чтобы первой различить в темноте эхо далеких шагов. Но вместо них слышались только отрывистая птичья перекличка да редкий плеск в водах разлившейся по весне Огненной реки.

Таальвен вернулся как раз вовремя, чтобы уберечь свою жену от бесплодных скитаний в густом мраке. Еще минута, и даже рассудительные уговоры Хёльмвинда не смогли бы ее удержать.

Оказалось, приморский королевич забрел в болото в поисках еды и целую вечность из него выбирался. Дахана-Пламен в этих местах затопила перелески и долины, выйдя из берегов после щедрых весенних дождей. Идти вдоль ее русла стало небезопасно.

— Завтра заберем влево от речного рукава, — бросил Лютинг, счищая грязь с перепачканных сапог.

На огне уже дымилась наваристая похлебка.

— Можно попросить Ириффи подняться повыше и глянуть, в какую сторону идти. — Изольда запрокинула голову, стараясь высмотреть маленького вихря среди рваной перины облаков. — Конечно, если утром он возвратится.

— Снова улетел? — вскинул бровь принц.

— Из-за меня. — Изольда виновато спрятала руки за спину.

Пока густое варево в походном котелке закипало, она наскоро поведала о своей неудавшейся беседе с Пыльным вихрем.

Таальвен Валишер не стал ее журить и вообще не придавал значения покаянным признаниям. Гораздо больше его волновал блеск голубых глаз, в которых ясно читалось, что Изольда переживала из-за его затянувшегося отсутствия.

«Ты ждала меня, принцесса?» — вопрошал его изумрудный взор, который приходилось прятать, чтобы не будоражить и без того не знающую покоя девичью душу. Ради такого стоило провести в топях целый день.

— Я ждала... — Изольда попробовала ароматную похлебку на вкус и блаженно зажмурилась, — что поход вниз по течению будет не таким сложным. Чем дальше, тем больше глубоких балок и буреломов... Выбраться на ровную землю — отличная идея. Что скажешь, Хёльмвинд?

Северный ветер слабо качнул головой, incapable думать ни о чем, кроме иссушающего жара, пятном расплывшегося вверх по предплечью. Пальцы скрутило, дыхание само по себе замедлилось.

— Что с тобой? — насторожилась Изольда. Среди людей, пожалуй, она одна могла отличить болезненную бледность на лице верховного от обычной, присущей всем северным ветрам.

— Н-ничего, — процедил он, стиснув зубы. Получилось

неубедительно.

Тут уже Лютинг подступил к верховному, нарочно улегшемуся под низким деревцем, как можно дальше от света костра. Чтобы определить причину его мучений, много ума не требовалось.

— Покажи руку. — Принц присел рядом на корточки.

— Не могу... — Ветряной голос отдавал болезненным звоном.

— Не можешь поднять? — Мак Тир осторожно потянул за край одеяла, которым Хельмвинд накрылся до подбородка.

— Даже сдвинуть на вершок.

— И ты молчал весь вечер? — принялась сокрушаться принцесса. — Может, это лихорадка или еще какая-нибудь напасть, угрожающая жизни?

— Нет. — Пытаясь подняться, Северный ветер оперся о землю ладонями и мгновенно сморщился. — Буран и вьюга! Никакая это не болезнь, а браслет...

— Браслет? — Не церемонясь, Изольда повалила его на полупустые сумки. Еще секунда, и рукав ветряной туники был закатан по локоть. — Он ведь выглядел иначе!

Тщедушные стебельки, бывшие некогда обычной лозой, свитой в сухое кольцо, ожили, впились плотоядно в белую Хельмову кожу. Казалось, мертвые сучья пытаются врасти прямо в плоть, оставляя на ней сапфировые кровоподтеки.

Не отдавая себе отчета, Изольда вцепилась в опасное украшение и отдернула ужаленную ладонь.

— Ай!

На пальце выступила капелька черной крови.

— Не трогай! — ахнул верховный — слишком поздно. Разозленный вмешательством колдуньи браслет ту же сомкнулся вокруг посиневшего запястья. — Эйалэ тебя разрази!

Предвосхищая новую отчаянную попытку своей жены освободить ветра, Таальвен Валишер поймал ее за локоть.

— Послушай его, будет только хуже.

— Вы что, оба умом тронулись? — вскипела принцесса. Чудилось, она различает, как хрустят завитки браслета, глубже вгрызаясь в податливую плоть. — Нужно снять эту штуку немедленно!

— Бояться нечего, — прошипел, задыхаясь, Северный ветер. — Это всего лишь магия Вей Эрны.

— Всего лишь магия? — пришла в негодование принцесса. Наблюдать, как ее друг прижимает искалеченную руку к груди, было невыносимо. — Она тебе кости переломает!

— Нет... — Он скорчился, не в силах больше терпеть.

Теперь горело не только запястье и плечо — жар окутал все тело, опалил легкие. Хельмвинду казалось, он вот-вот задохнется, но сопротивляться ветер не мог. Все члены будто окаменели, налились свинцом. Могущественная сила запустила в него вездесущие когти и тянула куда-то вниз, сквозь землю, прочь из бесполезной телесной оболочки...

— Роза ведь обещала, что придет к нему во сне, — продолжала заламывать руки Изольда. — А это больше похоже на агонию!

Она опустила на землю рядом с верховным, судорожно глотающим воздух. Снять браслет снова не пыталась — слишком глубоко он увяз в его теле, вместо этого приложила прохладную ладонь к покрывшемуся испариной лбу. Но Хельмвинд не почувствовал легкого прикосновения.

— Может, ветряная владычица, как обычно, не слишком четко выразилась? — Таальвен хмуро уставился на злосчастное украшение на запястье верховного. — У нее и раньше возникала путаница с деталями...

— Не понимаю... — недоумевала терновая колдунья. — Зачем так мучить его?

— Потому что иначе она не умеет?

Хельмвинд, давно потерявший нить разговора, не различавший голосов, глухо застонал.

— Это похоже на чары, которые Вея Эрна применила, чтобы «одолжить» ветряную силу, — продолжил приморский принц. — Помнится, в тот раз ветру тоже досталось.

— Не хочешь же ты сказать, что теперь ему придется терпеть снова и снова, как Роза захочет поговорить?

Собственная догадка привела Изольду в ужас. Одинаково сложно было поверить в незаслуженный удел Хельмвинда и в то, что ветряная владычица избрала столь жестокий способ общения со своим подопечным.

— Быть не может! Наверняка что-то пошло не так. — Изольда заботливо уложила Хельмвинда на подушку из походных сумок. — Может, мне поколдовать над ним немного?

— Скверная затея, — прозвучал категоричный ответ. — Если, конечно, не собираешься убить его.

Лютинг отвлекся от созерцания истыканной тонкими сучьями Хельмовой руки и сочувственно поглядел на ветра. Должно быть, магия ветряной повелительницы причиняла ему немалые страдания. Видят боги, приморский королевич не желал их верховному. Но прямо сейчас он не ощущал ни в себе, ни в своей жене-ведьме власти хоть как-то исправить

плачевное положение. Оставалось только ждать.

— Ждать? — повторила Изольда обреченно, кое-как успокаиваясь тем, что чертополоховый браслет перестал рвать запястье ветра на куски. — Просто оставить его на растерзание ненасытного волшебства?

— По крайней мере, Роза ни в кого его не превращает...

— Ох, Тааль. — Принцесса беспомощно обхватила себя за плечи. Как и прежде, шутки Люгинга не вызывали у нее смеха.

ГЛАВА 13

КОСТЬ В ГОРЛЕ

В горькой текучей мгле, что поглотила Хельмвинда без остатка, властвовал прах. Ни огня, ни холода — черный колючий пепел заполнил собой все его естество, не оставляя места для чувств, надежд, воспоминаний. И хотя пребывание в мертвой иссохшей реке длилось не больше мгновения, Северный ветер успел позабыть, кто он и чего желал прежде.

А затем его неприкаянную душу будто рванули на поверхность, выдернули из мрака, и стало еще хуже.

— Хельмвинд, — раздалось в ушах... — Ты слышишь меня?

Голос был мягким, но вместе с тем нетерпеливым, отстраненным, словно чужеродную теплоту в него вливали по капле.

— Приди в себя, Северный ветер!

Не смея противиться, он открыл глаза. Тут же огоньки сотен свечей запрыгали, заплясали по стенам. В полутьме торжественно обряженного тронного зала горел медно-золотым переливом богатый наряд Вей Эрны. Самоцветная тиара венчала темноволосую голову.

— Прости меня, верховный. Я должна была предупредить, чем обернутся наши с тобой встречи. Надеюсь, путь ко мне был не очень мучительным.

Мало-помалу приходя в себя, Хельмвинд огляделся. Каким-то таинственным образом он за несколько минут перенесся в Ветряное царство и теперь стоял в главном его чертоге — ошеломленный, утративший голос от пережитого.

— Ты можешь говорить, — будто угадав его мысли, величественно кивнула Роза Ветров. — Пускай временно и лишен тела.

Эти слова совсем выбили почву из-под ног ветра. Наконец он осознал, почему так странно себя чувствует. Сколько бы ни глядел, северный владыка не мог различить в мерцании пламени свои руки, ноги, очертания. Хотя точно знал, что находится в старинном ветряном зале.

— Понимаю, что это сложно, но постарайся сосредоточиться, — промолвила Вей Эрна, пряча нетерпение под сочувственной улыбкой. — У нас очень мало времени. Я еще слишком слаба, чтобы подолгу удерживать твой дух, да и ты не облегчаешь мне задачу своей непокорностью.

Она плавно сошла по ступенькам, касаясь пола одним лишь подолом платья, и подплыла к своему онемевшему подданному.

— Обещаю, в следующий раз свидание пройдет не так болезненно. А теперь расскажи мне о ваших поисках.

— Мы... нашли ветряной рог в Южной цитадели, — осторожно заговорил ветер. — И сейчас на пути к западной башне.

Собственный голос чудился ему чужим и бесплотным, от бестелесного звона мутило, кружилась голова.

— Хорошо. — Роза довольно спрятала руки в длинные рукава. — А как поживает терновая ведьма?

— С тех пор как Изольда надела амулет, мы ее не видели, — сообщил Хельмвинд не колеблясь. По сути, в признании его не было лжи: тьер-навьер и правда не появлялась с того самого мгновения, лишь ее беспокойные воспоминания.

— Замечательно! — В серых глазах царственной красавицы вспыхнули янтарные искры. Полные губы чуть изогнулись. — Я так благодарна тебе, мой друг. Ведь ты — единственная моя надежда...

Приблизившись к высоким канделябрам, она привычным жестом поправила фитили на свечах, взмыла под потолок. Темная волна волос взметнулась следом.

— Значит, по пути у вас не было неприятностей?

Разномастные тени от ее силуэта расползлись по стенам бесформенными кляксами. Ветер отрицательно качнул головой. Пожалуй, он не смог бы и самому себе объяснить, почему вдруг решил умолчать обо всем случившемся с ним, Изольдой и Мак Тиром. Может, из-за безжалостного излома темных бровей ветряной владычицы или колдовской оторопи, что нашла на него.

— В Гладан-Къэль мы повстречались с глодальщицами, — все же решил поделиться верховный. — Кажется, они собирались нас сожрать, но обошлось.

— Понятно, — вымолвила Вея Эрна рассеянно. Могильные чудовища не слишком ее волновали. — А что южная крепость?

— Черным-черна от гари и изрисована царапинами до основания.

— Вы доплыли до острова без задержек?

Крапчатые глаза вперились в Хельмвинда, и неожиданно он порадовался, что не беседует с повелительницей лицом к лицу.

— На берегу нашлась лодка...

Роза Ветров обхватила ладонями резные столбики своего трона и озабоченно наморщила лоб.

«Если она не поведала нам о драконах, то и не должна о них знать», — рассудил верховный, крепче утверждаясь в мысли, что пока сохранит часть правды в тайне. Худо-бедно он приноровился к своему нынешнему призрачному облику и спросил бесстрастно:

— Что-то тревожит тебя, владычица?

Опомнившись, она вздрогнула, нервно повела плечами.

— Ну разумеется. Я волнуюсь за тебя, моим собственным повелением отправленного за тридевять верст, и за бедняжку принцессу, страдающую в когтях терновой колдуньи... Сердце мое замирает, воображая, какие опасности могут вас поджидать. О, как бы мне хотелось тоже отправиться в поход. Узреть своими глазами горловину южной ветряной трубы...

Тут она осеклась, царапнула ногтями по дереву, украшенному позолотой. Парящие в воздухе каблуки туфель мелодично щелкнули о каменные плиты.

— Ах, Северный ветер, не могу больше... Созданная браслетом связь одинаково быстро лишает сил нас обоих...

В тусклом свечном сиянии Хельмвинд увидел, как темнота мазками ложится на строгое красивое лицо.

— Придется прощаться... Но помни: если возникнут сложности, ты всегда волен попросить моей помощи. — Вея Эрна покачнулась, делая шаг, и верховный безотчетно подался навстречу, чтобы подхватить ее, но пространство кругом не сдвинулось ни на вершок.

— Я жду тебя, Хельмвинд, как ждала долгие сотни лет...

Облаченные в медно-золотую ткань плечи поникли, Роза Ветров вскинула руку, другой взмахнула, словно обрывая невидимую нить, и ее правильные черты мгновенно расплылись, растворились в пыльной круговерти. Ветер вновь почувствовал, как сухая река уволакивает его на самое дно. К счастью, это продлилось недолго: тянущая из глубины боль схлынула, отпустила. Прохладный ночной воздух крылом мотылька коснулся разгоряченных щек.

— Древние праведы... — простонал верховный пересохшими губами. Небо над его головой пустилось в диковинный сумасшедший пляс.

— Очнулся? — проговорил Мак Тир вполголоса, протягивая перед собой бурдюк с холодной водой. — Еще даже не рассвело.

Хельмвинд скривился, не оценив шутки, и жадно припал к горлышку. Лишь вдоволь напившись, он обнаружил, что каким-то загадочным образом переместился ближе к огню и лежал теперь не на земле, а на мягкой плетенке из ивняка, застланной покрывалом. В трети сажени, свернувшись калачиком, спала Изольда. Густые волосы рассыпались в беспорядке,

листья и тонкие стебельки проглядывали сквозь них, как драгоценные украшения, к которым хотелось притронуться.

Отогнав незваную мысль, Северный ветер вопросительно взглянул на Лютинга. Тот только плечами пожал.

— Не хотела отходить от тебя далеко на случай, если браслет вконец разбушует.

— И что бы она делала тогда? — От очередного взгляда, брошенного на принцессу, в груди предательски кольнуло.

— Смастерила бы тебе похожий подарок, но только из терновника? — Приморский принц поднял воротник своей куртки, придвинулся к костру. Было видно, что в защитные чары девушки он не очень-то верил. По крайней мере, по отношению к ветру. — Кости целы?

Верховный осторожно потер саднящее запястье. От бесчинств волшебного браслета на нем остались пара синяков да ноющее покалывание. Сухие ветви мирно окольцовывали руку.

— Да.

— О чем говорили?

Манера Таальвена беседовать лишь о том, что представляет для него интерес, вызывала у Хельмвинда раздражение, словно у властелина, не привыкшего к прицельным допросам.

— Расскажу утром... — Он поднялся, стараясь не разбудить спящую принцессу, полукругом обошел стоянку. — Спи, если охота. С меня на сегодня хватит.

И, дождавшись, когда задумчивый приморский королевич уляжется у кострища, сам устроился поодаль на самом краю зыбкого светового ореола. Альхека красила предрассветный туман лиловым, заставляя застоявшуюся в широких заводях воду ядовито розоветь. И лицо ветра на мгновение стало землистым, как у покойника. А на белые волосы, остриженные по лопатки, вдруг упала бледно-лазорева траурная вуаль.

* * *

На пятые сутки стало ясно: путники заблудились. Вей Эрна велела им пробираться через болота, но чащобы, затопленные паводками, оказались совершенно непроходимыми. Кое-где река разлилась на версты, путь осложняли овраги и буреломы, заваленные подгнившими остатками древнего леса. Чтобы обойти их, Изольде с ветром и Таальвеном понадобилось сделать гигантский крюк. Но вместо тракта, обозначенного

на ветряной карте, их встретили бездорожье и все те же топкие озера со стоячей водой.

Похоже, десятки неуправляемых истоков запрудили этот некогда пригодный для жизни край. И теперь благоденствовать здесь могли разве что скользкие речные гадюки, завидев которых принцесса опасно замирала.

Вдобавок ко всему на третий день полил дождь: не весенняя морось — настоящий водопад с небес. Шагать под его косыми струями было трудно и утомительно: и без того склизкая почва расползалась под ногами.

От пергамента, испещренного подсказками Розы Ветров, больше не было толку, ведь, если верить ему, водополье давно должно было кончиться. До ветряной цитадели вел узкий перешеек, набрести на который троица отчаялась.

Направить путников не мог и Ирифи, часами бормотавший себе под нос нечто невразумительное. Настроение его заметно ухудшилось, вихрь не реагировал даже на дружелюбные попытки Изольды поддержать болтовню. Что ж, ему хотя бы не приходилось месить ногами жидкую грязь.

— Давайте остановимся, — предложила принцесса, медля у очередной развилки. Раскисшая тропинка убегала налево в чахлый подлесок, направо плескалась напоенными дождем водами очередная заводь. — Хватит брести наугад.

— Наугад, вслепую... — залопотал Пыльный вихрь, подлетая ближе. — Везде одно и то же — гниение, смерть.

— Не будем предаваться унынию. — Изольда стащила с головы капюшон, мешающий разглядеть дорогу. — Я уверена, все не так безнадежно.

— В том, чтобы торчать здесь, толку тоже немного. — Сапог Хельмвинда с чавканьем утонул в земляном месиве.

— Верно. Но я не собираюсь задерживаться надолго. Только хочу определить, куда нам идти.

— Ну-ну, — хмыкнул ветер скептически. — Карту одолжить?

— Нет нужды... — Колдунья смежила веки, медленно обернулась вокруг своей оси. Струи холодного дождя немилосердно стекали за ворот, но Изольда стойко терпела, прислушиваясь к себе. — Стоит лишь успокоиться, стать внимательнее, чтобы отыскать... горячую еду, сухой тюфяк и крышу над головой.

— А терновые чары точно можно использовать для таких примитивных затей? — сбивая ее настрой, протянул верховный. Впрочем, в тоне его слышалось больше усталости, чем недоверия. Раньше ветер уже

наблюдал, как ловко терновое чутье способно вести по нужному следу.

Таальвена Валишера колдовство не слишком заботило. На уме у него были иные догадки.

— Там, где кров, непременно сыщутся люди. — Он замер за спиной у своей жены.

— И пусть. — Изольда кивнула с готовностью. — Будет кому натаскать воды для ванны и растопить камин.

— Надо же, принцесса, с каких пор ты мечтаешь о таких глупостях? — вновь принялся подтрунивать верховный. Мокрые прядки его волос посерели от напитавшей их влаги.

— С тех самых, как покинула Долину ветров. Помнится, у тебя самого в Железном доме имелась мягкая постель... — Она запоздало прикусила язык — двусмысленность фразы повисла во влажном воздухе. — Ох, проклятье! Я лишь имела в виду, что мечтаю провести ночь в тепле и сухости. Но если вы возражаете...

— Нет, — прояснил Лютинг за них с ветром. Изумрудные глаза сверкнули. — Мы не против перин с подушками.

— Тогда, — Изольда сглотнула, — не мешайте мне оба.

И поспешила погрузиться в спасительный колдовской транс. Эти двое точно сведут ее с ума!

Сливовые колючки тихо зашевелились, согревая замерзшие пальцы. Дом, уют — нужно думать только о них. Опостылевшая сырость нехотя отступила, монотонная капель сделалась тише.

«Ты устала и сбилась с пути... Так иди же за мной, терновая ведьма... я укажу верное направление твоему сердцу...»

Пальцы колдуньи невольно коснулись завитков чернильной короны на висках, дыхание участилось.

— Кажется, туда.

— Кость! Кость в горле! — как водится, нежданно заголосил Ирифи, заставив вздрогнуть даже непоколебимого Лютинга.

Но стоило Северному ветру зловеще воззриться на вихря, тот мигом втянул голову в худые плечи.

— Идем? — Без тернового забытья принцесса быстро ощутила сырой холодок, зубы застучали. Мокрая рубаха подвенечным платьем утопленницы липла к спине.

— В конце концов, хуже не делается, — кивнул безразлично верховный, устремляясь в избранном Изольдой направлении.

Таальвен тронулся последним, замыкая процессию. Он хорошо знал: нет такой беды, которая не могла бы стать еще мрачнее.

— Это что за хибара? — процедил Северный ветер, брезгливо изучая залитое грязью подворье.

Изгородь вокруг него, хоть и щетинилась частоколом, но также красовалась прорехами в сплетенных из розги перегородках — при желании и взрослый мужчина пролезет.

— Худшей дыры я в жизни не видал...

Обвинение верховного нельзя было назвать справедливым. Перед путниками высился вполне пригодный для жилья дом, пусть окруженный вразной сколоченными пристройками, зато добротный и, судя по желтым огонькам в окнах, хорошо натопленный.

— Постоялый двор... — пояснила Изольда без обиняков и скользнула глазами по облупленной размокшей вывеске над крыльцом. — «Кость в горле».

— Я и говорил. — Ирифи обиженно раздул щеки. В конто веки его давешнее горячее бормотание обрело смысл.

— О, прости. Мы не вполне тебя поняли. — Изольда нерешительно тронула высокую калитку, оглянулась на спутников. — Заглянем или вы передумали?

«Не возвращаться же обратно на болота, — умоляли ее печальные очи. — К чему мытарства, если на пути у нас безопасный кров и уютный очаг?»

Таальвен Валишер пристально оглядел придорожную гостиницу. В добром нраве тех, кто нашел приют за ее стенами, он сильно сомневался. Обычно в таких местах околачивались одни бродяги, да и хозяева бывали нечисты на руку.

Королевич быстро сосчитал про себя окошки второго этажа, наглухо запертые ставнями: четыре с этой стороны, примерно столько же с другой... Покоев не слишком много. Может, посчастливится, и трактир окажется полупустым? Вон и из крошечных окон харчевни, занимающей большую часть первого этажа, шума не слышно.

Изольда тем временем юркнула за ворота и замерла выжидающе, придерживая створку для своих спутников.

— Догоняйте.

«Что с тобой делать, принцесса...» — сдался без боя Таальвен. Он и сам бы не отказался просохнуть у огня. Но пренебрегать осторожностью не следовало, потому приморский королевич напомнил привычно:

— Только не показывай лицо из-под мантии — вряд ли нам повезет дважды натолкнуться на слепую, как Видар, компанью. И молчи — говорить буду я.

— Хорошо. — Сейчас Изольда согласилась бы на любые условия. — Я даже могу постоять с Хельмом в стороне, чтобы постояльцы приняли нас троих за странствующих рыцарей.

— Разбойниками — вот кем они нас с Мак Тиром посчитают, — добавил ветер иронично. — Шатающимися по здешним дорогам с подозрительной девчонкой.

— Не говори глупостей, я же в мужской одежде.

— И что? — Верховный не сдержал короткого смешка. Думаешь, сложно разглядеть, что там под тонкой тканью, особенно когда ты носишься туда-сюда, словно цветочная ветресса на летнем лугу в Ни-Эн'элор?

— Какая еще ветресса? — смутилась Изольда, запахнув алый плащ Зефира на груди. — Я одета более чем неприметно. Могу одолжить у Тааля перчатки, если хотите.

— Лучше укрой свою кудрявую голову, а заодно все изгибы, проступающие под мужской рубашкой. Или попроси мужа завернуть тебя в мешок, так будет вернее.

— Таальвен, ты слышал, как он обо мне отзывается? — захлебнулась праведным возмущением зардевшаяся принцесса. По ее мнению, благоверный обязан был защитить доброе имя жены.

Но, к удивлению Изольды, приморский королевич осаждать верховного не стал. Прошел мимо как ни в чем не бывало, еще и добавил вскользь:

— Я убеждал тебя, что этот наряд никуда не годится, когда ты примеряла его во дворце Вей Эрны, помнишь?

— Ничего подобного! — В сердцах принцесса топнула по грязи. — Ты разглагольствовал, будто костюм мне не идет, потому что я... потому...

Хватаясь за деревянную изгородь, чтобы не шлепнуться в лужу, она лихорадочно силилась воскресить в памяти тот самый разговор. Хоть убей, в голову лезли одни сожаления, что ей никогда не стать такой же несравненной красавицей, как Роза Ветров.

Разогнав их усилием воли, словно крикливых ворон садовой метлой, Изольда приосанилась, уперла кулаки в бока.

— Признайтесь, вы оба сейчас попросту потешаетесь?

Ни один из ее спутников и ухом не повел.

— Ах так? Раз, по-вашему, я выгляжу неприлично, почему ни один не

преминул сообщить об этом?

Она сделала еще несколько подчеркнуто горделивых и оттого рискованных движений по раскисшему в болото подворью, закачалась, теряя равновесие, и Лютинг тут же предупредительно протянул руку.

— Переодеваться тебе все равно не во что. Так что просто накинь капюшон.

Волей-неволей Изольде пришлось опереться на непочтительного грубияна — распластаться в луже перед трактором не хотелось.

— Видал ты этих несносных мужчин? — пожаловалась она Пыльному вихрю. — С них бы потребовать плату за нанесенное оскорбление — бериллами и хризолитами! Или хотя бы золотом.

Заслышав такое, приморский королевич с размаху остановился, не дойдя до клепаной двери под вывеской всего пару шагов.

— Совсем забыл, у нас ведь нет денег.

— Тогда просите прощения прилюдно, — едва не впечатавшись ему в спину, предложила принцесса.

— Да нет же. — Лютинг ловко поймал ее, снова готовую оступиться на топкой почве. — Я толкую о том, что нам нечем заплатить за ночлег.

— Верно. — Плечи Изольды горестно поникли. Упреки и негодование мигом были забыты. — И красть здесь — не лучшая затея. Ветряного коня для тайного бегства нет — пропажу сразу заметят и отдадут нас под суд.

Хельмвинд фыркнул свысока, переступая густую лужицу помоев.

— Ветра не воруют, а берут принадлежащее им по праву. Едва ли хоть один смертный посмеет судить крылатых за это.

— Так и есть. — Ирифи закувыркался, разбрызгивая грязную воду. — Нам людской закон не писан, хватай что плохо лежит!

И завихрился волчком, срывая с кровли трактира верхний слой подпорченной непогодой дранки.

— О чем ты толкуешь? — спросил Лютинг с подозрением, силой одного взгляда заставив старичка прильнуть к земле.

— Ни о чем. Я не виноват!

— Ну полно, Ирифи. — Принцесса ласково потрепала перепуганного вихря по впалой морщинистой щеке, заслоняя его от своего мужа. — Таальвен — не враг тебе, он лишь хочет знать, о каких сокровищах ты ведешь речь.

— Об этих. — Беззаветно доверяясь ее мелодичному голосу, Пыльный вихрь вывернул карманы, доверху набитые крупными сверкающими минералами. Корунды, блестящие гранаты и розовые турмалины скользнули сквозь старческие пальцы, неловко посыпались в грязь

вперемешку с янтарными бусинами.

— Красота! — охнула пораженная Изольда. — Где ты их раздобыл?

— В южной цитадели, — догадался Хельмвинд, взирая на бледного Ирифи свысока, словно на дохлую букашку. — Презренный старикашка обокрал обитель собственных предков.

— Нет! — Вихрь запричитал, бухнулся на колени. — Я не отнимал, лишь возвратил свое...

— На этой забытой праветрами чужбине пыль на дорогах — и та тебе не принадлежит.

— Но...

— И слушать не стану, — властно отрезал верховный. Хныканье Ирифи вконец истрепало его нервы. — Если б мог, давно приказал бы тебе сгинуть с моих глаз.

— Хельм! — запоздало одернула Изольда, склоняясь над бедным вихрем. — Нельзя быть столь жестокосердным!

Ее пальцы участливо сжали щуплое плечо Ирифи, глаза робко блеснули.

— Не бери в голову... Можно мне одолжить у тебя несколько самоцветов? Они пригодятся нам, чтобы снять комнату в трактире.

Вихрь не проронил ни слова, но с готовностью ссыпал девушке в ладонь переливающуюся разноцветную горсть.

— Спасибо...

Не успела она толком поблагодарить, как старичок крутанулся на месте, пискнул расстроено и растворился в вымытом ливнем воздухе.

— Погоди!

Но звать назад было поздно — только капли янтаря да следы от колен в размокшей грязи остались от Ирифи.

— Знаешь, Хельмвинд, — сердито проговорила Изольда, вручая драгоценные камушки Лютингу, — неудивительно, что вместо ветряных талантов тебе достался Железный дом. Такому бесчувственному остро слову самое место в ледяной крепости! Если б ты был змеей, то непременно ядовитой, от одного укуса которой люди каменели бы заживо.

Смерив его взором, полным разочарования, она протопала на крыльцо и звучно щелкнула дверной ручкой.

«Жестокий, лишенный умения сопереживать варвар! А я еще жалела тебя за страдания!»

От ее оглушающего негодования кончики пальцев у Таальвена запекло, а еще слабо закололо под правым ребром. Было странно столь остро ощущать эмоции, направленные вовсе не на него. Но даже эти

переживания не могли сбить с толку осмотрительного приморского королевича. Бросив на свою жену, переступающую порог трактира, быстрый тревожный взгляд, он вдруг повелел про себя:

«Стой! Не вздумай входить туда одна!»

Изольда рывком остановилась. Как раз вовремя, чтобы остаться в тени покатой крыши, нависающей над узкими сенями. Под ногами здесь похрустывала солома, а отсветы от очага долетали слишком слабо, чтобы выхватить из полумрака заглянувшего на огонек путника. Зато с порога, наоборот, открывался чудесный обзор, и принцесса, замешкавшаяся под низкой потолочной балкой, смогла все хорошенько рассмотреть.

Зал как зал — дымный, полутемный, — самое время зажечь свечи к вечеру. В трещины стен намертво въелся запах горчащего масла и тушеной капусты. С притолоки свисают вязанки сушеного чеснока и гирлянды из лука. Кухню легко обнаружить по хорошо различимому аромату бараньего жаркого.

Даже не пытаясь придержать тяжелую дверь и тем самым уберечь себя от нежелательного внимания, Хельмвинд последним нырнул в тепло харчевни. И хоть в ней было немногочленно, вся ватага постояльцев, уместившаяся на скамьях вдоль пары длинных столов, впиалась в новых гостей обеспокоенными колючими взглядами.

— Чего надо? — не слишком учтиво рявкнул трактирщик, приложив кружкой о выщербленную столешницу. В дымном свете очага было видно, как он щурится, силясь разглядеть незнакомцев.

Чтобы облегчить эту задачу, Лютинг подошел ближе и коротко ответил в тон хозяину:

— Комнату с очагом и постелью.

Темные выпученные глаза впились в две завернутые в плащи фигуры за спиной приморского королевича.

— С одной постелью?

— С тремя. — Таальвен глухо пристукнул по дереву ребром ладони в умело выделанной коже.

— Где ж я найду такие громадные палаты, чтобы сунуть туда целых три кровати? — посетовал трактирщик, сноровисто отмечая про себя, что на одни лишь серебряные накладки с одежды да тонкие перчатки гостя можно купить весь сегодняшний ужин. — Тебе надобно в город. Там можно хоть дворец на ночь снять... я укажу дорогу...

— Нет. — Лютинг покачал головой. — Мне нужны здешние покои.

Он отнюдь не был простаком, которому легко развязать язык парой умелых фраз. Но хозяин постоялого двора пока об этом не знал.

— Что же сразу не втолковал? — Тонкие губы тронула нахальная ухмылка. — Тогда десять тернов, и еще по три с каждого за еду.

На стол опустился кулак с зажатými в нем янтарными бусинами.

— Этого хватит?

Подсвеченные пламенем камни тотчас пронзительно засияли, заставив трактирщика затрепетать. По мутному блеску его глаз стало понятно: янтарная горстка стоит много больше запрошенной суммы. Но признаваться в том прожженный торгаш не спешил. И затаил, алчно прикрывая желанную добычу от посторонних взоров:

— Сразу и не скажешь. С монетами было бы сподручнее.

— Нет так нет. — Приморский королевич бесстрастно повел плечами, сгребая янтарь в карман. Страстное желание трактирщика сбить с незадачливых путешественников лишнее было для него очевидным.

— погоди! — Распаленный жадностью владелец постоялого двора дернулся, потянулся к самоцветам. — Я сдам тебе комнату, но с одной постелью.

Оплывшее грубое лицо тут же приобрело притворно любезное выражение.

— Видишь ли, господин, домишко у меня крохотный, а в такую непогоду гостей хоть отбавляй — самому негде спать. Так что либо одна кровать на всех, либо... — Он задумчиво поскреб подбородок. — Могу предложить тебе со спутником местечко в общей комнате, а девушку устроить отдельно.

— Не стоит, — холодно ответил Лютинг. — Комната на троих сгодится. Только тюфяков туда принеси.

— Запросто, — сверкнул сточенными резцами трактирщик. — Еще чего повелишь?

— Лохань для купания и горячей воды...

— Воды-ы? — Елейный голос мигом сделался жалобным. — Так ведь дел невпроворот.

Но, заметив стальной блеск во взгляде своего гостя, хозяин кивнул поспешно.

— Ладно уж, сделаю... Дочка у меня на кухне хозяйничает — она и принесет.

В знак того, что разговор окончен, Таальвен Валишер отошел от стола. При этом узкие ножны на его поясе чуть заметно качнулись, привычная к рукояти меча ладонь придерживала оружие.

«Бывалый вояка, — заключил мысленно трактирщик. — Чуть что, церемониться на станет».

И опрометью смахнул россыпь янтаря в подол засаленного передника.
«А все же неплохо бы его разговорить...»

— Гляжу, ты какой-то нервный с дороги, за оружие хватаешься. — Он напустил на себя беззаботный вид и стер со столешницы невидимые соринки. — Только у нас это ни к чему — заведение тут тихое, мирное. В самый раз, чтоб набраться сил перед странствием.

— Хорошо. — Лютинг направился в сторону лестницы. — Значит, не придется рубить головы.

— Головы? — Трактирщик подался следом, бледнея и зеленея попеременно. — Боги упасите! В наших краях не видали отрубленных голов с тех пор, как герцог Ван Д'амон приказал казнить последнюю ведьму-отшельницу.

— Это всего лишь выражение, — пояснил Таальвен в надежде отделаться от семенящего следом хозяина. — Так говорят приморские короли, когда рассчитывают на порядок... Ну, указывай, куда идти.

— Не обессудь, господин, разболтался, — пуще прежнего засуетился тот. — Совсем забыл про твоих спутников. Девушка, небось, устала так, что и лица не кажет из-под плаща. Скорее веди ее наверх, налево от ступенек. Почитай, лучшая на весь дом опочивальня... я бы и сам в ней жил, да бегать вниз несподручно...

Он готов был расхваливать свое захолустье столько, сколько позволят, но Лютинг не стал слушать. Кивком поманив Изольду с Хельмвиндом за собой, он дождался их и зашагал по ступенькам. С десятков пар любопытных глаз молча глядело в спины.

«Как пить дать, станут вслушиваться в каждый наш шаг, — вздохнула Изольда. — Но лучше так, чем ночевать под открытым небом. К тому же затаиться на вечер — не самая сложная задача...»

Половицы под сапогами всех троих немилосердно скрипели, хоть Таальвен и ступал, напружинившись, а гибкий, словно кошка, Хельмвинд вообще чуть касался пола.

* * *

Комната была в меру пыльная и не особо уютная — это Изольда подметила сразу, переступив порог. Холодный очаг чернел плохо выметенной золой, сундук в углу сиротливо прикрывался ободранной крышкой. Кроме постели, пары табуреток да кувшина с тазом для умывания в покоях не нашлось ничего.

Но в нынешнем положении принцесса восхваляла бы судьбу и за меньшее. Так что, стянув потяжелевший от дождя плащ, она прошлась из угла в угол и заявила победно:

— Я же говорила, что найду нам крышу над головой!

— А раньше почему молчала? — невзначай поинтересовался ветер, придиричливо осматривая стены и пол.

От четверки свечей, воткнутых в треснувший старый подсвечник, остались одни огарки.

— Раньше не лило так немилосердно...

Изольда подошла к окну и распахнула ставни. До ночи было еще далеко, но ранние, сдобренные моросью сумерки успели превратить пейзаж в серый, начисто слизав его очертания.

— Бедолага Ирифи. — Терновая колдунья уперла руки в подоконник, высунулась наружу. — Обречен ночевать под открытым небом.

«Слава буранам», — позлорадствовал Хёльмвинд, но язвить вслух не стал, чтобы не выслушивать новую порцию назиданий касательно своего дурного обращения с истеричным вихрем. Вместо этого возразил:

— Все равно здесь только одна кровать.

— И правда. — Изольда медленно обошла постель с высокими резными столбиками, изголовьем приставленную к стене. С пыльного балдахина, приколоченного к потолку, свисали ошметки паутины.

Кажется, в ее давних кошмарах про Лютинга были точно такие же покрывала, резьба, подушки...

Словно соглашаясь с тревожными размышлениями жены, Таальвен Валишер заявил, не таясь:

— Мне не по душе это место — напоминает разбойничью нору. Да и трактирщик тот еще пройдоха... Переночуем и прочь. А до того не стоит тебе спускаться в общий зал.

Сообразив, что Лютинг обращается к ней, принцесса насупилась.

— Хочешь, чтобы я до утра просидела взаперти?

— Хочу уберечь нас от неприятностей.

— Разве они грозят кому-то за обеденным столом?

Таальвен Валишер расшнуровал куртку, неспешно отвязал ножны и отложил свой меч в сторону.

— Одни боги ведают, где тебя поджидают беды, принцесса... Иногда чудится, ты способна угодить в переделку и посреди безлюдной пустоши.

— Вдвоем с тобой еще бы! — сквозь зубы прошипела Изольда, но спорить прекратила. Слишком велика была радость от того, что она сможет вымыться по-человечески, пристроить голову на подушку. Если королевичу

приспичило бродить по харчевне в одиночку, скатертью дорога.

— Воду скоро принесут, — продолжил Лютинг, полагая, что вопрос улажен. — Пока будешь отмокать, мы расспросим у местных дорогу, заодно сходим за едой.

— Сдается мне, владелец этой дыры попытается отравить тебя, Мак Тир, — присев на грубо сколоченный табурет, поделился своими соображениями Хельмвинд. — В надежде прибрать к рукам остальные богатства, которые могут сыскаться в твоих карманах.

Комната казалась ему затхлой и до того убогой, что едва ли выглядела лучше самого крошечного подземелья в Железном доме, потому ветер старался не прикасаться к стенам.

— Я бы здесь есть не стал.

— Как знаешь. — Таальвен безразлично пожал плечами. — Никто не запрещает оставаться голодным.

И вдруг нахлобучил на голову принцессы ветряную накидку. Спустя мгновение в дверь несмело постучали.

— Ванну заказывали? — Худая как смерть девица прокралась в покои тотчас, как ей отворили. За собой она волокла тяжелую лохань, которая скрежетала по половицам так душераздирающе, что Северный ветер не сдержал оханья.

— Вода вот-вот поспеет, — проямлила служанка, вытаращившись на него. Стоило ее мутным, как у отца, глазам выхватить из полумрака лицо Хельмвинда, как остальные постояльцы в комнате перестали существовать.

— Что-нибудь еще прикажете? — Мозолистые пальцы принялись комкать без того мятый передник, пока Северный ветер потирал виски.

— Раз ты спросила, — Изольда улыбнулась украдкой, — можно нам свечей и дров для камина?

И проворно сунула девице заляпанный воском канделябр. Ждать дельных поручений от верховного было тщетно. Скорее всего, он даже не заметил, что новоиспеченная горничная глядит на него восхищенно.

— Конечно. — Служанка на ощупь взялась за длинную деревянную ножку. Оторваться от созерцания нечеловеческой красоты нового постояльца она не отваживалась. Ведь столь совершенные черты, отливающую белизной кожу и резную тонкость не знавших работы мужских ладоней видела впервые.

Наверняка дочери трактирщика также не приходилось сталкиваться с чудовищной ветряной заносчивостью, иначе она сгорела бы со стыда, прознав, что прекрасный, как горный дух, гость глядит сквозь нее, преспокойно пропуская смущенный лепет мимо ушей. Но к счастью,

девица приняла отстраненное молчание за таинственность и изрекла подобострастно:

— Могу раздобыть вина или горького меда... Он хорошо согревает в холодную ночь.

Хёльмвинд не шелохнулся. Так уж повелось, что обращать внимание на обычных смертных было ниже его верховного достоинства. Между тем несчастная горничная, краснея, переступила с ноги на ногу.

— Или принести для вас настойку огневика, господин? Говорят, он сгоняет бледность с лица.

Тут уж принцесса под капюшоном не выдержала и сдавленно захихикала. Она и не думала насмехаться над служанкой, да и Северный ветер вел себя недостойно, но вот беда: разыгравшаяся сцена выглядела чересчур уморительно.

— Лучше принеси воды поскорее. — Изольда подхватила горничную под локоть, мягко выпроваживая из комнаты. — А за Хёльма не беспокойся. Его утонченной бледности никакая микстура уже не поможет.

— А? — так и не поняв, как очутилась в коридоре, ошарашенно протянула дочь трактирщика.

Двери за ней захлопнулись. Изольда со смехом опустилась на кровать.

— Ну и недотепа ты, Северный ветер. Поучился бы у Зефира обращению с девушками.

— За каким ураганом? — очнулся он наконец.

— Затем, что ни тебе, ни ему вот, — принцесса тряхнула головой в сторону Лютинга, — не заслужить звание обходительного рыцаря, если будете продолжать в том же духе.

— О чем ты говоришь? — Пальцы Хёльмвинда недоуменно вертели болотный перстень.

— О дочке трактирщика, которая в тебя влюбилась. Как пойдешь ужинать, будь начеку. А то не избежать случайной встречи где-нибудь в укромном уголке.

Ветер покосился на девушку как на умалишенную и заправил за ухо еще влажные волосы.

Но когда служанка попеременно принесла зажженные свечи, а затем дрова, огниво и полные кипятка ведра, счел за лучшее покинуть покои. Чересчур замороженно скользил по нему взгляд странной девицы. Кроме того, она нарочно носилась туда-сюда, расправляясь с одним поручением за раз, и Хёльмвинду набила оскомину бестолковая кутерьма.

Таальвен тоже устал от мельтешения длинных юбок и в конце концов отобрал у дочери трактирщика оба ушата с горячей водой, а затем

следующую пару — с холодной и выдворил ее прочь. Ванну Изольде он наполнил самостоятельно, залив продолговатую лохань почти до краев. Над поверхностью вздыбился пар — пришлось разгонять его ладонью.

— Вернусь, как стемнеет, — пообещал принц. — Принесу тебе ужин.

— Не надо спешить, — холодно отозвалась девушка. — Наслаждайся одиночеством или обществом тьер-на-вьёрских проходимцев. Может статься, в их человеческой компании тебе не грозят колдовские неприятности.

— Изольда...

Она уязвленно вздернула подбородок, схватилась за волосы, чтобы распустить их, — чересчур рьяно.

И несмотря на то что Лютинг сознавал, что беседовать с принцессой нынче без толку, ему хотелось отнять не повинные ни в чем локоны у жестоких пальцев, чинящих самоуправство. Чтобы расплести их, расчесать до блеска и увидеть на чудесном лице умиротворенную улыбку. Но кажется, чаяниям его сбыться было не суждено.

— Запрись и никому не открывай, — попросил королевич, гоня беспросветные думы прочь. — Засовы на здешних дверях крепкие.

— Будь уверен, — воскликнула она, нарочно громко опуская задвижку в металлические скобы. — Не отворю, хоть до утра стучите. Придется вам с Хельмвиндом спать у порога.

И шлепнулась на стул, чтобы стащить с ног перепачканные тиной сапоги.

* * *

— Дерзкий приморский королевич, — продолжала роптать Изольда, по шею забравшись в исходящую паром лохань. — Туда не ходи, это не делай... Привык указывать, а мне будто законом положено подчиняться, словно его... жене!

От негодования она скрестила руки и с головой ушла под воду. Нежную кожу на щеках окатило жаром, уши мигом залило.

— Кровь и кости! — выругалась принцесса на манер глодальщиц, выныривая на поверхность.

Пришлось отжимать волосы и устраиваться поудобнее. Сделать это было нелегко, ванна оказалась слишком узкой и мелкой. Но Изольда тешилась возможностью понежиться в тепле, потому поджала ноги и вновь опустила на дно.

— Так-то лучше...

Тело приятно покалывало, кудрявые локоны не хуже речных змей расплылись по водной поверхности. Разомлев окончательно, принцесса прикрыла глаза и пробормотала:

— *Быть тебе зверем, Лютинг Мак Тир. Чтобы никто не мог полюбить тебя, последовать за тобой...*

Терновник на ее запястьях и бедрах даже не шелохнулся. У принцессы сейчас не было той неистовой отчаянной злости, что подтолкнула однажды изречь страшное проклятие. Вместо нее остался запутанный клубок иных чувств, разобраться в которых сложнее сложного.

— *...Твои зеленые глаза следят за мной из-за рек и лесов, не дают спокойно жить...* — На миг Изольда представила острые волчьи уши, вдохнула пряный лесной запах, исходящий от звериного меха. — *Ты — чудовище и не должен ходить среди людей...*

Губы ее замерли, мысли окончательно разбрелись. И когда колдунья готова была затеряться среди их сонного мельтешения, в голове разразилось отчетливое:

«Делай, что он велит! Все, что пожелает...»

— Нет! — Дважды за этот вечер она вспенила воду, заливая кипятком пол. И, прижав ладонь к сердцу, уперлась лбом в железный бортик. Кровь в висках стучала набатом, сливовые побеги и те встрепенулись, хватко окольцевав руки. — Что за наваждение?

— Должно быть, я уснула, — спустя минуту рассудила Изольда, понемногу успокаиваясь. — Не может же тьер-на-вьёр нашептывать мне подобное. Она Лютинга на дух не переносит.

На шелестящий протяжный зов терновника, слышанный ею десятки раз, внутренний голос также не походил.

— Неужели Таальвен оказался прав, и мне нельзя оставаться одной, чтобы не навлечь на себя неприятности?

Но чужой шепот в голове молчал, и спустя миг принцесса вообразила его дурным порождением утомленного ума. Отогнав беспокойные думы, Изольда вновь окунулась в ванну. На этот раз дремота не стала ждать подходящего шанса, прытко заслонив разум бесплотной пеленой.

Спи... Прочь приморского королевича. Прочь Вею Эрну и Изольду Мак Тир. Важна лишь принцесса Исгерд, сотни лет тому назад правившая Тьер-на-Вьёр, — только ее печаль, до сих пор звучащая из глубины веков тихой тоскливой песней.

Возвратившись в душную харчевню по парадной лестнице, Хёльмвинд с неприступным видом обогнул столы и уселся на краю общей скамьи в самом дальнем и темном углу. Но это не помогло отвести внимание от его персоны. Разве мог остаться незамеченным тот, кто по-королевски прошествовал через всю комнату, сверкая прозрачными глазами, словно хрустальными ледышками?

Стоило верховному отвернуться, как дюжина любопытных взоров устремилась в его сторону: постояльцев в общем зале прибавилось, видно, сошлись поужинать да погреться у очага. Вряд ли хоть один из них прежде встречался с северными ветрами, так что интерес его диковинная внешность всколыхнула нешуточный.

Круглый, как барабан, купец издали наметанным взглядом оценил вытканную хитроумной вязью тунуку беловолосого гостя, тонкие наручи на шнуровке. Двое чужеземцев с ввалившимися щеками подозрительно косились, поцеживая кислое пиво. Даже трактирщик помедлил с новой порцией бараньего рагу, задумчиво брякнув подносом о столешницу...

Что и говорить, не только Изольду следовало прятать под покровом плаща. Но кутаться в него теперь было поздно — шепотки стремительно расползались по харчевне, как запах горелого. Обстановка становилась все более напряженной.

— И дернул меня буран по доброй воле соваться в жилище к людям, — чертыхнулся верховный владыка вполголоса, не в силах игнорировать подобное навязчивое любопытство. — Впредь ноги моей не будет в их муравьиных селениях!

И, страстно мечтая оказаться в Железном доме, в тысячах верст от суматошной человеческой оравы, покинул светлицу. Тяжелая дверь надсадно лязгнула.

На улице было немногим лучше: с крыши капало, рыхлая сырость льнула к ногам, как ни отгоняй. Но, по крайней мере, никто не глазел ошеломленно.

«Люди... — ступая в глубь широкого крыльца, Хёльмвинд поморщился. — Неразумные, мятущиеся существа, которым отмерено ничтожно мало... Стоит ли вообще тратить свое время на тех, чья жизнь — незаметная вспышка во мраке?..»

Ответ на вопрос был очевиден. Но какая-то настырная мысль угнездилась на задворках разума и не давала покоя: ведь Изольда тоже

человек. Почему она не вызывает у верховного раздражения? Не оттого ли, что в ее присутствии он испытывает совсем другие чувства?..

Пристроившись под стеной, Хельмвинд закрыл глаза и припомнил недавний разговор с принцессой.

— Что за кровожадная магия? — морщила гладкий лоб она. — Неужели не нашлось другого способа поддержать связь?

Мак Тир безмолвствовал, спокойно ожидая, когда речь зайдет об интересующих его делах.

— Разве Роза Ветров не обязана оберегать тебя? Особенно теперь, когда... — Принцесса замялась, подыскивая подходящее слово. Лишний раз напоминать ветру, что он нынче равен по силе простому смертному, не хотелось.

— Так зачем ей защищать меня? — увлеченно подхватил Хельмвинд, намеренно смущая колдунью. Он и не собирался сердиться, напротив, ее забота стала ему приятна.

— Затем, что ты пожертвовал ради Вей Эрны прежней жизнью! Пусть на время, но и такой дар бесценен. А подвергать страданиям своего верного посланника, чтобы выспросить о делах, видится мне жестоким и напрасным.

— Ты ведь не знаешь до конца ее замыслов.

— Если бы знала, — губы принцессы сложились в строгую полоску, — и тогда не одобрила бы этот поступок.

Впервые за время их похода она сердилась на Розу Ветров, и величественный облик владычицы в памяти не властен был изменить этого.

— Как же она отреагировала, услышав об Изольде и медальоне? — невзначай отозвался Лютинг, пока жена его возмущенно сопела в стороне.

— Никак...

Лицо принцессы удивленно вытянулось.

— Но мне казалось, завет Розы насчет ее подарка непреложен. Мыслимо ли...

— Я не сказал ей, — нехотя оборвал ветер.

— Почему? — Сбитая с толку Изольда окончательно запуталась. Пальцы непроизвольно коснулись шеи в том самом месте, где некогда кожу жгла шнуровка подвески.

— Не посчитал нужным...

Краткий ответ верховного едва ли прояснил положение, во всяком случае, для Изольды. И, озадаченно моргнув, она уставилась на Хельмвинда в упор.

— Объясни по-человечески.

— Нечего здесь растолковывать. — Он рывком поднялся на ноги. — Времени было мало, мы беседовали лишь о самом важном.

— О чем же?

— О горловине ветряного рога. — Северный владыка одернул подол туники и напоказ вознамерился прогуляться вокруг лагеря. Но увильнуть от расспросов терновой колдуньи нечего было и пытаться. — Я сообщил ей, что мы добыли ветряной раструб.

— И ничего больше? — Изольда двинулась следом, готовая удержать Хельмвинда за руку, если понадобится. — Разве не понимаешь, как странно это звучит, Северный ветер?

Разумеется, он понимал. Видел правду и Лютинг Мак Тир, с безмятежным видом коптящий мясо у огня. Похоже, ему не нужны были пространные толкования, чтобы выяснить причину неожиданной скрытности верховного.

— Хельмвинд... — вновь позвала Изольда, заставляя его оглянуться. — Почему ты не рассказал Розе Ветров правду?

— Вот заладила! — Ветер с шумом выдохнул, не надеясь отделаться от общества колдуньи. — Если отвечу, что не хотел, тебя это устроит? Иных веских доводов у меня нет.

— Пока, — шепнул Лютинг одними губами, но острый слух ветра с легкостью уловил его замечание.

— И покуда ты не вытрясла из меня всю душу, — верховный качнул головой, вглядываясь в сучковатые заросли у дальней заводи, — давай позабудем о Вее Эрне.

Принцесса вздохнула, но он, не дожидаясь ее согласия, стремительно скрылся за косогором.

С той поры истекла почти неделя, но выполнить собственное пожелание ветру не удавалось. Мысленно он все перебирал догадки о том, что же заставило его утаить истину от ветряной владычицы. Толковых не находилось. Между тем судьба привела его со спутниками к замшелому трактиру, облезлый вид и надоедливые обитатели которого портили и без того мрачное Хельмово настроение. Засыпать бы болото, на котором примостилась эта хибара, саженью-двумя снега! Глядишь, станет светлее.

Но вместо мелодичного снежного похрустывания под ногами мерзко чавкала грязь. И верховный вдруг подумал, безмерно удивляясь собственным чаяниям:

«Скорей бы Мак Тир притащился в харчевню...»

Не то чтобы он успел затосковать по скупым замечаниям королевича, просто его неулыбчивый вид запросто отваживал досужие взгляды.

Недаром терновое колдовство когда-то обратило Лютинга в грозного волка.

Но поступи его слышно не было, так что Хельмвинд вышел за ворота, замышляя короткую прогулку, тем более небо к ночи прояснилось.

«Попытаюсь разыскать Ирифи — Изольде на радость. — Он выбрал в темноте дорожку посуше. — И с какой стати ей сдался этот слезливый пустозвон...»

Когда огни в крошечных окошках дома превратились в искорки за его спиной, Таальвен Валишер все же спустился в столовую. И, не обнаружив Северного ветра, решил дождаться его за ужином. Будоражить народ загадочным поведением не стал — привычно подсел к столу, предусмотрительно выбрав укромное местечко. Как и столешницы, лавки здесь были общие, но опасливые постояльцы не больно-то рвались заводить беседу с неприветливым чужаком. Стоило ему появиться, отодвинулись благоразумно — каждый поближе к своей компании.

Лютинга подобное положение вполне устраивало. Подозвав взмахом ладони трактирщика, он принялся дожидаться своей порции. А чтобы не терять времени даром, расстелил на столе пропитанную влагой ветрянную карту. Признаться, Таальвен надеялся вызнать дорогу у хозяина «Кости в горле». Но это надлежало сделать так, чтобы не отвечать попутно на сотню любопытных вопросов. Впрочем, если понадобится, драгоценности развяжут любой язык и заставят умолкнуть, когда нужно.

Еще раз изучив пометки Вей Эрны, приведшие троих путников к затопленным паводками далям, приморский королевич потянулся за кубком и отхлебнул. Разогретое вино сильно кислило. Чтобы перебить вяжущий рот вкус, в него добавили ягод и сладкого тростника, но это его не улучшило. Пожалуй, перед Таальвеном оказался худший глэгг, который ему доводилось пить. Отрадно будет полюбоваться на лицо Северного ветра после того, как он испробует такую кислятину.

— А вот и горячее. — Трактирщик внезапно выскочил из-под руки и выставил перед гостем глиняные миски. — Для вас и вашего друга. И куда только он запропастился в такую зябкую ночь?

Следом за похлебкой на столе появилась плошка с кашей и еще одна с соленьями, несъедобными на вид.

— Выглядит что твой король, — с завистью продолжил хозяин постоянного двора, восхищаясь обликом Хельмвинда. — Жаль только, белый как снег. Ну да кто их, вельмож, разберет — может, в Тьер-Леране сейчас мода такая... и сами вы ишь поседели раньше срока. А ведь тоже не из простого мужичья.

Алчные глазки все шарили по ладной фигуре Таальвена, будто силась

нащупать слабинку.

— Что же спутницу свою ужинать не захватили? Наверху, поди, скучно одной.

— Ее развлечение — не твоя забота, — осадил его королевич. — Советую не совать нос в чужие дела.

— Да разве я кого донимаю? — Хозяин оскорбился. — Забочусь о постояльцах — только и всего. Авось им чего понадобится.

— Если хочешь помочь, — Лютинг отодвинул полупустой кубок, — взгляни на эту карту. Мне нужно знать, верна ли она.

Обрадовавшись возможности выведать хоть малую толику истины о таинственном госте, трактирщик мигом прильнул к столу, схватил коптящую вдалеке свечку и поднес к самому носу.

— Карта, говорите... — Сальные пальцы заелозили по хрупкой бумаге.

Хорошо, что Северный ветер не видит, порадовался Таальвен. Тот, чего доброго, огрел бы плеткой нахала, посмеявшегося столь непочтительно обходиться с реликвией его народа.

Но владелец постоялого двора недолго разглядывал бумагу. Уже через пару мгновений он выпрямился, почесал лысоватую макушку.

— Не сердчайте, господин, я в этой писанине ни слова не разберу. Чудной какой-то язык. Да и места незнакомые. Вон те горы похожи на Дымные, озера на северо-западе вроде Драконьи, но сам я в далеких краях в жизни не бывал. — Он озадаченно ткнул в карту, оставляя на ней жирный след.

— Хорошо. — Пергамент в руках Лютинга зашелестел, свился в трубку и исчез в потертой тубе, порождая у трактирщика новые домыслы.

По его оплывшему лицу ясно читалось: насчет собственных догадок он не лжет. Не то с готовностью подсобил бы Таальвену, чтобы почесать язык еще немного, а может статья, и подзаработать.

Убедившись, что трактирщик бесполезен, приморский королевич сухо кивнул, опять погружаясь в собственные думы.

— Не стану тебя задерживать. Больше у меня нет вопросов.

— Позволь мне взглянуть на твою карту, — донеслось из угла наискосок, когда грузный хозяин постоялого двора разочарованно потопал в сторону кухни. — Большинство местных и читать толком не умеют, не то что разбираться в древних свитках.

— А ты, значит, не из их числа? — ответил Таальвен уклончиво, допивая остывшее вино.

Он заметил незнакомца в простой, но добротной одежде с порога,

когда впервые вошел в трактир. Тогда мужчина лишь глянул украдкой и быстро отвел каштановые с лиловым отсветом глаза. Их необычайная яркость показалась приморскому королевичу знакомой, но времени, чтобы размышлять об этом, не нашлось.

Теперь же Лютинг мог рассмотреть как следует и обветренное лицо чужака, отмеченное редкими, но глубокими морщинами, и серебряный перстень на его безымянном пальце, выполненный в форме волка, пожирающего собственный хвост. Навскидку мужчине можно было дать от сорока до пятидесяти лет, но что-то подсказывало приморскому королевичу: сидящий перед ним гораздо старше. Прядки его волос, перехваченные на лбу кожаной тесьмой, выцвели на солнце, покрылись налетом седины, сухие тонкие губы будто отродясь не знали улыбки. Черное с головы до ног облачение лишь подчеркивало впадины на щеках.

По произвольным движениям пальцев угадывалось: собеседник королевича не привык надолго выпускать из рук оружие. Впрочем, он не выглядел воинственно или свирепо, скорее совершенно не к месту в людной, полнившейся громкими возгласами светлице. Словно внезапная тень, вторгшаяся в охраняемое магией костра мирное жилище.

— Я прибыл издалека, — подтвердил незнакомец, высвобождая плечи из складок дорожной накидки, так что стало видно: он не настолько кряжист, как мнится в обманчивом полусвете. — Но в «Кости в горле» бываю частенько — успел изучить привычки и нравы здешних постояльцев.

Пронзительная глубина взора плохо вязалась со спокойным размеренным тоном, да и затейливые нашивки на стеганой ткани дублета выдавали отнюдь не праздного сплетника, заскучавшего в одиночестве.

— Будь уверен, никто из них не растолкует для тебя и строчки священных гимнов на древнетьернском.

— Песни мне ни к чему, — сдержанно возразил Лютинг.

— Разве твой документ не написан на забытом смертными языке?

— Возможно. Но кто сказал тебе, что на человеческом?

Пламя любопытства в темно-лиловых глазах разгорелось пуще прежнего. Залпом опорожнив стоящий перед ним кувшин, мужчина встал с насиженного места и уселся напротив Таальвена Валишера. Теперь огонек свечи выплясывал перед его лицом, превращая желтушную кожу в застывшую маску.

— Занятно. Мне казалось, все прочие наречия давних времен позабыты... в мире полным-полно неожиданностей. Не стану скрывать: мне охота оценить твою карту, но если откажешь — обиду таить не буду.

Не обращая внимания на мурашки, забегавшие по спине, Лютинг погладил пальцами крышку тубуса. Что дурного произойдет, если странный незнакомец минуту-другую изучит пергамент? В конце концов, на нем нет ветряных мудростей, а очертания Тьер-на-Вьёр без толку хранить в секрете.

Истертый временем свиток снова зашуршал, разлегся на столешнице, поскрипывая растрескавшимися краями. На сей раз никто не обратил внимания на королевича: постояльцы усердно набивали желудки, и по мере того как пустели их кружки, нестройный гомон голосов становился все громче.

— Сколько же веков назад ее начертили? — присвистнул незнакомец пораженно, разглядывая треугольники гор и затертые до дыр крылья драконов, примостившихся на сгибах ветхой бумаги. — Если мир когда-то и был таким, то об этом вряд ли помнят на постоялом дворе в нашей глухомани.

Тщетно исследуя спиральные букочки, он тронул едва заметную горбинку на носу и нахмурился.

— Твоя карта устарела давным-давно. Взять хотя бы здешний край — уже несколько веков тут не сыскать никакого леса: одна древесная гниль осталась в широких заводях, а дальше к югу-востоку и вовсе путь преграждают болота.

— Но разве в окрестностях в старину не стояла башня? — Таальвен провел ладонью над аккуратной подписью, сделанной Розой Ветров.

— Хм... — Собеседник его медленно отстранился в полумрак, скрестил на груди жилистые руки. — Если она и находилась здесь, после разлива южного притока Дахана-Пламен много лет назад, вряд ли уцелела. Целые деревни смыло мощным потоком воды, ила и песка. Сейчас одни непролазные топи тянутся отсюда до Пустоземья — ни конный, ни пеший не одолеет. В былые времена меня угораздило заблудиться там в поисках беглой души... Неделю потерял, мечась вслепую в плотном тумане, едва не погиб от жажды. И ничего, кроме гнилья и бродячих огней, не обнаружил... Но вдруг ты окажешься удачливее, зеленоглазый путник, если тебя поведет *сильный зов*.

Он устался многозначительно, потирая волчью голову на кольце, и Лютинг, повинувшись внезапному порыву, стиснул похолодевшие ладони. Ни с того ни с сего ему стало казаться, что вовсе не ветряная карта вызвала изначальный интерес таинственного собеседника. Что же тогда? В затылке кольнуло, дышать на мгновение стало тяжело. Очертания незнакомца в черном незаметно поплыли, пятном растекаясь в воздухе.

«Что за марь? — мотнул головой королевич. — Неужели проныра-трактирщик подсыпал в глётг какое-то зелье?»

Но на хмель или действие иной дурманной травы наваждение не походило. Голова оставалась ясной и в то же время тяжелой, на задворках разума нарастал навязчивый гул.

— «Кость в горле», — между тем фыркнул незнакомец. — Справедливое название для захолустья, еда и питье в котором нороят встать поперек глотки. Но славно хоть, хозяин не додумался обозвать трактир «Под терновой лозой». Тошнит от этих затхлых комнатушек «под лозами» в каждой придорожной канаве. Куда ни плюнь — священная сень терновника.

Ослабив пряжку на поясе, он приподнял свой кувшин, выразительно сообщая толстяку за кухонным столом, что желает добавки. Таальвен наблюдал за его движениями сквозь мутное стекло собственной тревоги.

— Суеверные простолюдины уповают на то, что колючая ветвь принесет им удачу, но древние чары не вернутся в эти края, хоть до упаду малюй на дощатых вывесках сливовые плоды... По мне, куда надежнее колдовство, которое можно пустить в бой, полагаясь лишь на себя. — Ладонь собеседника любовно погладила нашивку на рукаве, губы победно изогнулись. — Смекаешь?

Приморский королевич по-прежнему с трудом продирался сквозь смысл сказанного. От необходимости отвечать его спас трактирщик, явившийся по требованию гостя. Он поставил на стол новую порцию темного напитка, покрытого хлопьями пены, и угодливо согнулся пополам.

— Может, мясцом вас попотчевать, мастер Кетиль? Самое сочное для себя припас, но вас, так и быть, уважу.

— Оставь, — бросил гость, не размениваясь на вежливые церемонии. Грубоватый ответ резанул Таальвену уши, заставляя призадуматься, отчего же с ним Кетиль столь любезен. — Принеси лучше ржаных сухарей.

— Сию минуту, — заверил трактирщик, пятясь от стола.

Как видно, седого гостя он хорошо знал и справедливо побаивался. Но почему?

На ощупь Лютинг скатал карту, окунул ложку в чуть теплую похлебку. На соседа по столу он старался не глядеть. Этот Кетиль был не то чтобы очень грозен — среднего роста, скорее худой, чем поджарый. Говорил спокойно, лишнего не спрашивал. Даже теперь, когда завладевший его вниманием пергамент скрылся из виду, не стал донимать болтовней. Сидел себе, прихлебывая мутную брату.

Но вот его колючий, не знающий преград взор словно проникал под

кожу. Под его прицелом не хотелось ни есть, ни пить — только убраться от чужака скорее.

— Раз мое имя тебе известно, — заявил Кетиль, запуская пятерню в миску с сушеными хлебными корками, — может, откроешь свое?

— Таальвен Валишер... — Приморца подмывало встать из-за стола, но ноги будто приросли к плохо выметенному полу.

— За знакомство! — Кетиль пристукнул глиняным кувшином о столешницу и смачно глотнул. — Хороший у тьер-на-вьёрцев обычай — называть детей именами ветров. Хоть так их будут помнить в этой безветренной стране. Жаль только, люди сотни лет как позабыли добрую традицию...

Не дождавшись от приморского королевича объяснений, новый знакомец продолжил рассуждать вслух:

— Впрочем, многое в Терновом королевстве изменилось. Взять хотя бы колдуний, что раньше селились привольно у Драконьих озер и здесь — в Пустоземье, — всех до одной извели, исправляя огрехи прошлого. И невдомек, что магию в Тьер-на-Вьёр этим не вернешь... Впрочем, таким, как мы, грех жаловаться — покуда была охота, имелась и работа. Не то что сейчас... Случается, ни одна живая душа за зиму не навестит Удел душеловов...

Пока он болтал сам с собой, Таальвен пытался заглушить звон в ушах. Требовалось немедленно отвлечься, и судьба милостиво ниспослала такую возможность. Перепугав самых ближайших к сеням гостей, в харчевню вплыл бледный призрак со светящимися глазами. Миг, и он двинулся прямо на свет.

— Ай! — взвизгнула дочка трактирщика, роняя половник в помойное ведро.

Отец не мешкая отвесил ей затрещину.

— Растяпа!

Хёльмвинд молча обошел их обоих и направился к Лютингу, не удостоив других посетителей и коротким взглядом.

«Северный ветер!» — впервые при его появлении приморский королевич испытал облегчение. Может, хоть в присутствии верховного он придет в себя.

Пока тот усаживался, Кетилия и след простыл. Причем он умудрился скрыться из-под носа соседа, не поднимая шума. Но сам Лютинг был этому только рад. Хорошо бы и кувшин с ошметками пены на дне прихватил. Тогда можно притвориться, будто разговора и странного недомогания, последовавшего за ним, не было. Впрочем, в груди у принца больше не

жгло, дыхание успокоилось.

— Вижу, местная стряпня тебе по вкусу? — сморщил нос Хельмвинд.

О недавнем приступе помрачения разума Таальвена он не догадывался. Ковырнул ложкой в студенистой каше и отпихнул тарелку.

— Кажется, отрава, которую обычно готовит Изольда, смотрится аппетитнее.

— Только на вид. — Лютинг не сдержал лукавую усмешку. — Но ей об этом ни слова.

На душе вновь сделалось более-менее спокойно, если не считать обыденных забот, донимавших королевича.

— А я ведь по наивности полагал, что терновая магия дарит своей владелице неограниченное могущество. В том числе на кухне.

Признание прозвучало слегка сокрушенно. Пускай раньше Северному ветру не приходилось заботиться о пище, сейчас он сполна оценил важность ее внешнего вида и вкуса. Но принц, привычный к походным условиям, только возразил резонно:

— В отсутствии неограниченной власти у Изольды есть своя прелесть. Иначе я весь век коротал бы в волчьей шкуре, а ты стал бы ядовитой змеей, обращающей людей в камень.

— В лед, — подхватил верховный, поднося к губам свой кубок. И закашлялся под одобрительные смешки коварного Мак Тира.

ГЛАВА 14

ИРИФИ КОШАЧИЙ ХВОСТ

Тяжелые парадные створки, отделанные медью и анальезским скальным золотом, скрипнули и чинно отворились. Огонь в массивных фонарных клетях, свисающих из мрака потолка, словно коконы из исполинской паутины, загудел, заметался. Но негаснущие торфяные угли с Южных болот были надежно заперты в металлических светильниках, и пламени нечего было пытаться вырваться на свободу.

С малолетства Игерд недолюбливала эти фонари. Чересчур они напоминали пыточные приспособления для преступников, укрытые в самых темных залах дворцовых подземелий. Всего раз она видела их ржавые покачивающиеся остовы, но и этого хватило, чтобы зловещий образ навсегда отпечатался в душе юной принцессы.

— Здесь закончат свой век враги нашего дома! — торжественно возвестил Этельстан, вставляя коптящий факел в настенное кольцо. Поздно вечером он привел сестру в катакомбы, якобы показать кое-что интересное, а на деле — поглумиться. — Видишь вон те рычаги? Если крутануть их, придет в движение старая цепь, удерживающая клетки.

— Но ведь под ними вода! — ужаснулась малышка Игерд, оглядывая глубокий омут впереди. — Неужели найдутся преступления, за которые необходимо наказывать столь сурово?

— Ну конечно. — В голосе ее близнеца слышалось странное упоение, будто происходящее доставляло ему удовольствие. — В Тьер-на-Вьёр сыщется немало злодеев, достойных занять эти темницы. Кое-кто из них даже может попытаться в будущем убить тебя...

Черные воды узкой подземной реки плотоядно хлюпнули, и терновая принцесса испуганно попятилась от рукотворного каменного берега.

— Знаешь, какая кара полагается за покушение на членов королевской семьи? — распинался Этельстан, раззадоренный испугом сестры.

— Нет.

— Поведать тебе?

В ответ ее глаза лишь распахнулись шире. И принц, неспособный длить театральную паузу дольше, сдвинул колесо с четырьмя выступающими из оси рукоятками.

Тотчас механизм, поддерживающий пыточное орудие на весу,

задвигался, толстая цепь заскрежетала безрадостно, рывком погружая пустую клетку в воду.

— Ай! — скорее выдохнула, чем вскрикнула Исгерд. Сердечко ее готово было остановиться и одновременно выпрыгнуть из груди.

Но веселящийся от души Этельстан вдруг громко расхохотался.

— Ох, Герда... видела бы ты свое лицо! Глазищи как два чайных блюдца — еще немного, и вылезут из орбит... — Падая на колени от очередного приступа хохота, он снова тронул злополучный рычаг, и ржавая цепь повторно гроыхнула.

На сей раз дрожащая девочка лишь нервно зажмурилась. Воображение или древняя память терновника живо рисовали несчастных, оставленных умирать в этой страшной комнате: вот сломленные обессилевшие узники молят о пощаде, тянут руки из стылой глубины. Неужто брат не видит их печальных мертвых глаз, не слышит стонов?

— Да никого здесь не пытаются, дурочка, уже много десятков лет... — заверил принц, отсмеявшись. — Но можем посадить в клетку тебя, чтобы проверить, так ли могущественна сила, превратившая твою кровь в чернила.

И, не дожидаясь растерянных возражений, он деловито двинулся к Исгерд. Но жестокой затее не суждено было свершиться, поскольку зычный рев глашатайских труб, возвещающий о возвращении королевской четы во дворец, отвлек обоих детей.

— Скорее! — Этельстан подскочил на месте. — Родители не должны узнать, что мы спускались сюда.

И, схватив ладонь сестры, поволок ее прочь из подземелий, позабыв вернуть клетки на прежнее место. Исгерд бежала за братом, оступаясь и оскальзываясь, изо всех сил пытаясь утихомирить разгневанную колдовскую силу, желающую впиться ему в плечи.

С тех пор она давно научилась ею управлять, но еще не раз ее неразумный близнец оказывался перед лицом страшной опасности, будто намеренно доводя принцессу до крайней степени отчаяния.

Хотел ли он разозлить ее, чтобы поглядеть на терновую магию в действии? Или просто издевался над сестрой, как делают многие братья, лишённые общества других мальчишек и вынужденные дни напролет проводить в опостылевшей компании? Так или иначе, Исгерд не гневалась на принца. В ее представлении тот был просто чересчур озорным ребенком, в сущности, не желавшим ей зла. Не хотел Этельстан навредить и сейчас.

Придержав рукой тонкий полукруглый ободок, служивший символом власти до коронации, терновая принцесса чинно уселась на трон — такой

же скользкий и неудобный, как вся мебель в этой величественной комнате. От колючих ломаных линий становилось не по себе, тепла болотного угля явно не доставало, чтобы прогреть гигантское помещение.

Но разве о тепле думали великие предки, возводя монументальный и мрачный Зал советов, выстраивая по периметру высоченные колонны, увитые шипастой каменной лозой? Стремилась ли они к уюту, задумывая сводчатый потолок так, чтобы он вечно тонул в густом мраке, хищно нависая над головами присутствующих?

О нет, помещение это строили вовсе не ради мирных бесед, а чтобы наполнить души посетителей Тернового дворца всеобъемлющим благоговейным страхом. И надо отдать должное монархам, правившим задолго до Исгерд, они отлично знали толк в том, как впечатлить своих вассалов.

Впрочем, обитателей Ветряного царства никогда не было в их числе. Ветра веками жили скрытно и обособленно, никому не служа и не подчиняясь. Что же им понадобилось от будущей терновой королевы теперь?

Положив ладони на подлокотники, как того требовал обычай, Исгерд осторожно прислонилась к ледяной спинке трона — к концу переговоров спина точно одеревенеет от холода. Но едва ли низкие скамьи у стен, предназначавшиеся для королевских советников, многим лучше. Интересно, так ли неприветливы официальные залы ветряной цитадели или легкокрылая Вея Эрна вообще не принимает посетителей?

Среди тех, кто видел ее неприступный замок снаружи, не нашлось ни одного, кто не отдал бы должное его величию. Недаром это был одновременно и замысловатый чертог, состоящий из сотен башен, и Ветряное царство, в котором смогли бы укрыться все бураны Тьер-на-Вьёр, вместе взятые...

— Герцог Тьер-Лерана, Держатель королевских библиотек, Хранитель дворцовых садов и Почетный рыцарь Ордена колючей лозы — принц Этельстан тьер-на-вьёрский, — возвестил герольд с апломбом, оборвав размышления принцессы и вызвав попутно удивленные шепотки в рядах завсегдаев королевского собрания. И немудрено, ведь в Зале советов принц слыл редким гостем.

Занимая свободное место среди советников, Этельстан недовольно поморщился, словно собственные титулы были ему в тягость, и, сунув ладони в рукава традиционной для таких сборищ мантии, с любопытством уставился на вход для визитеров.

Обустроили его так, чтобы гости ступали в зал с дальнего конца и

медленно приближались к трону, по пути обозревая давящее великолепие обстановки.

— Его светлость Южный верховный ветер, — вновь произнес герольд хорошо поставленным голосом, — Повелитель песчаных ураганов, один из четырех, правящих воздушным войском, Ирифи Кошачий Хвост. И его спутник, младший чистокровный Штормовой западный ветер — Вендаваль.

Не мешкая в зал вошли двое мужчин, вернее, влетели, не касаясь слепящего зеркальным блеском пола. И тут же Исгерд поняла, что древние архитекторы Тернового дворца просчитались, тщась надеждой, что на всякого чужака их обитель нагонит ужас.

Ветряные послы двигались плавно, уверенно. Меньше минуты потребовалось им, чтобы не спеша пересечь пространство бесконечного холла и замереть у нижней ступени трона. И ошеломленными они себя отнюдь не чувствовали.

Горделивый взор верховного ветра был преисполнен достоинства, когда он после поклона взглянул на бескровное лицо хозяйки чертога. В манерах его помощника также сквозила твердость, выдающая силу характера. Возможно, более нескгибаемую, чем у ветра, названного Ирифи. Тем не менее он, как старший, держался впереди и даже на аршин приподнялся над землей, сложив пальцы в приветственный знак.

От такой дерзости по холлу разнесся возмущенный ропот: никто в Терновом дворце не смел перечить древним традициям, которые недвусмысленно требовали, чтобы народ, иноземные послы и придворные на торжественных мероприятиях всегда находились ниже, чем их правитель.

Ветрам также полагалось взирать на терновую принцессу, запрокинув головы. Но коротышка Южный ветер был так мал ростом, что и рядом с Исгерд не доходил ей до плеча, оттого позволил себе нарушить правило. Впрочем, и после этого хитрого маневра макушка Ирифи осталась ниже монаршей, потому принцесса решила не журить верховного — лишнее напряжение на переговорах ни к чему, — лишь приосанилась, насколько было возможно при идеально ровной спине.

Зато теперь она могла хорошенько рассмотреть крошечного посла — от черного с золотом длиннополого халата и тонкой тесьмы на шее до смешных остроносых туфель с загнутыми кверху носками.

Младший ветер остался у подножия трона, глядел почтительно и признаков неуважения не выказывал, потому удостоился более благосклонных оценок со стороны придворных мужей. Да и тонкая его

кольчуга вкупе с алым плащом и сапогами выглядела куда представительнее легкомысленного одеяния верховного. Рыцарский образ дополнял подбитый бархатом широкий берет, который Вендаваль стащил со лба, едва его старший спутник заговорил.

— Терновая принцесса, приветствуем вас от имени Розы Ветров и всего Ветряного царства. Позвольте выразить благодарность за то, что согласились нас принять.

В ответ на легкий кивок Вендаваль взмахнул рукой, и по обе стороны от трона появились тяжелые сундуки.

— Здесь чистейший горный хрусталь из стеклянных пещер под ветряной цитаделью. А еще драгоценные ткани, сотканые лучшими умельцами моего народа. Примите их в дар как символ расположения Розы Ветров. — Голос у него оказался спокойным и мягким, но какая-то печальная нотка не давала Искерд покоя.

Правда, тревожные раздумья скоро отступили. Горный хрусталь в Тьер-на-Вьёр ценился на вес впятеро дороже золота за способность ловить солнечный свет и на долгие годы сохранять его в своих колдовских гранях. А из ветряных тканей получалась одежда, защищающая не только от холода, но и от острых наконечников стрел, — щедрые подношения, как ни крути.

— Благодарю, — сдержанно ответствовала принцесса. — Чему же я обязана такой приязни Розы Ветров?

— Коронации, разумеется, — тотчас оживился Ирифи. — Мы явились накануне, чтобы пожелать вам долгого и мудрого правления. А заодно удостовериться, что новая терновая владычица восстановит справедливость относительно наших престолов.

— Справедливость? — Белесая бровь принцессы поползла вверх. — Разве мой народ как-то ущемляет права жителей Ветряного царства?

Собеседник ее словно ждал этой фразы. Напустив на себя сокрушенный вид, он опустил на ступеньку и произнес:

— Сотни сотен лет ветра усердно дуют над Терновым королевством, принося на своих крыльях снега и дожди, приближая весеннее тепло, навевая осеннюю погоду и сохраняя таким образом природный порядок вещей. И ни разу мы не удостоились благодарности, в то время как терновым королевам народ воздает почести, а границы их владений с каждым веком расширяются. Честно ли это? Как верховный, я понимаю: до сих пор ваши подданные пренебрегали нами по незнанию. Но настал час изменить сие.

— Какой прок ветрам в том, чтобы тьер-на-вьёрцы их славили? —

озадаченно протянул один из седовласых королевских советников. — Или Роза Ветров возжелала, чтобы ей молились, словно богине из храма?

Такое предположение позабавило почтенных старцев на скамьях, но отнюдь не южного верховного. Наморщив лоб, он поглядел на них пристально, с затаенной неприязнью. Но, наткнувшись глазами на бледное лицо принца, живо овладел собой и соорудил вежливую улыбку.

— Все нет. — Маленькая ладонь клятвенно прильнула к груди. — Ветра не настолько тщеславны, чтобы требовать святилищ в свою честь. Да и земельные наделы нам ни к чему: мы привыкли жить в поднебесье и до сих пор властвуем там всецело...

Исгерд насторожилась, предчувствуя неожиданный поворот его монолога.

— Но ветряная владычица мудро считает, что досточтимая терновая принцесса могла бы отплатить ей добром за долгие столетия безвозмездных трудов. А именно поделиться с Всею Эрной чарами после вступления в полноправные монархи.

— Что? — невольно сорвалось с губ Исгерд. — Вы просите каким-то образом разделить терновое волшебство? Должно быть, это шутка.

Обряженный в боевые латы Вендаваль смущенно потупился, но верховный Ирифи по прозвищу Кошачий Хвост подхватил с жаром:

— Понимаю, ваше высочество, подобное мнится невозможным, но у моей повелительницы достаточно способностей, чтобы перенять у вас частицу магии, если на то будет королевская воля.

Не обращая внимания на раздосадованный гул за спиной, он подобрался ближе к сиденью Исгерд и замер, пытливо приподнявшись на цыпочки. Но обнаружил на ее лице лишь крайнее недовольство.

— Вы ничего не получите! — провозгласила принцесса без обиняков. Чтобы принять решение, ей не требовались ни мнение советников, ни долгие переговоры. — Могущество терновника принадлежит той, которую древняя магия выбрала в качестве вместилища. Мне хранить ее до появления новой жрицы, и никто более не вправе претендовать на чары, покуда я жива!

— Разумеется, Роза Ветров предусмотрела, что наши претензии поначалу покажутся вам возмутительными. — Плоские каблук остроносых туфель упрямо шаркнули по скользкому полу. — Но если задуматься, мы растрачиваем свою мощь на благо людей со времен начала мироздания. Не так уж самонадеянно попросить что-то взамен.

Оттолкнувшись руками от жестких подлокотников, Исгерд поднялась и шагнула навстречу зарвавшемуся ветряному послу. Нелепые притязания

мнились ей бессмысленным набором звуков, впустую сотрясавших воздух.

— Вы, верно, не в себе, если явились к моему трону с подобной просьбой. Или безумна ваша владычица, раз снарядила своих подопечных за терновым колдовством, рискуя накликать мой гнев. Как бы там ни было, священная магия никогда не перейдет в руки непосвященного, я этого не допущу!

От вежливой дипломатии не осталось следа. Тон девушки сделался резким и воинственным. И тому была причина: ветряные наглецы покусились на самое ценное, что имелось у нее. Ведь благословение терновника для избранного было дороже семьи и всего королевства.

— Ваше право отказать нам, — согласился Ирифи, застигнутый врасплох яростным напором. — Но впредь ветра не станут выполнять свою работу задаром. Если тьер-на-вьёрцам понадобятся ливень или солнечное тепло, ждите, покуда само оно не явится в королевство!

Предупреждение пронеслось по холлу с порывом сухого горячего вихря. Советники похватили летающие с голов островерхие колпаки и осуждающе зашептались.

— Прекрасно! — отчеканила принцесса, преодолевая последнюю ступеньку. — С этого и следовало начинать, чтобы выяснить: ни меня, ни моих подданных не устрасить угрозами!

Верховный ветер все пятился и, поравнявшись со своим помощником, застыл, бессильно сжимая кулаки. Вендаваль же будто стыдился высказанных спутником требований. Вздохнув украдкой, он неспешно склонил голову, чтобы не возвышаться над сошедшей с пьедестала Игсгерд.

— Если кроме силы терновника, ветров больше ничего не интересует, предлагаю закончить. Передайте Розе Ветров мой категоричный отказ и просьбу не тревожить Терновый дворец по схожим вопросам.

— Как пожелаете... Надеюсь, это решение не заставит вас горько пожалеть со временем. — Полы драгоценного халата верховного взметнулись вместе с ним. Пространство над головами присутствующих вздрогнуло, загудело, и спустя миг в Зале советов поднялся настоящий песчаный шторм. Крохотные острые крупинки сложились в необъятную воронку, набросились на стены, заскрежетали по камню.

— Помогите! — завопил кто-то с дальней скамьи.

Но терновая принцесса не сдвинулась с места. Ее такими фокусами не пронять. Полная решимости и колдовской силы ладонь поднялась кверху, рассеивая бурю, призывая поданных к спокойствию.

— Прощайте, — кивнул коротко Штормовой западный ветер, растворяясь в воздухе следом за своим спутником. Секунда, и от послов не

осталось следа. Только растревоженный огонь в ветряных светильниках мигал ошалело. Волшебный торф засыпало песчаной пылью почти доверху. Небольшие дюны покрывали пол и королевский трон, целые горсти набились в сложную прическу Игерд. Принцесса уже собиралась вынуть шпильку и снять тонкую корону, чтобы вытряхнуть их как следует, но тут в гробовой тишине грянул истеричный старческий возглас:

— Стража!

А ведь и верно: куда подевались рыцари личной королевской гвардии? Может, их околдовали коварные ветра, чтобы напасть на терновую принцессу? В таком случае почему она до сих пор жива?

Но все смутные мысли вдруг отступили перед одной, гораздо более важной и навязчивой: Ирифи, Вендаваль... неужели они жили в Тьер-на-Вьёр во время правления Вей Эрны?

Разум будто очнулся от созерцательного оцепенения. Выходит, им известна правда, которую, возможно, не знает и сам Эйалэ?

Прожитые давно чувства Игерд поблекли и осыпались, словно пыльца. Окутанная видениями прошлого, Изольда пошатнулась, взмахнула руками, стремительно теряя опору. И внезапно стены великолепного зала закачались в такт, растеклись, как жидкая глина. Обитый теменью потолок рухнул вниз, заливая мир чернотой, грозясь поглотить принцессу.

Спасаясь от бесплотного удара, Изольда припала к земле и окончательно провалилась в зыбкую ткань между своими снами и реальностью. А затем вынырнула из остывшей лохани: мокрая и дрожащая. Еще какое-то время морок не отпускал. Ослепленные глаза видели то гладко обтесанный камень королевского чертога, то отстраненное до жути лицо Этельстана.

Неприглядная простота давно небеленых стен трактира казалась наваждением, как и низкий балочный потолок с кисеей паутины.

— Вендаваль, Ирифи... — kloкотало у Изольды в горле, пока кулаки молотили по воде. Холодные брызги летели во все стороны. Понадобилась целая минута, чтобы принцесса пришла в себя и перестала барахтаться как одержимая. Утонуть в полупустой ванной ей совершенно не грозило, а вот хозяин харчевни наверняка очень скоро обнаружит мокрые разводы на потолке этажом ниже.

Эта прозаичная догадка окончательно усмирила Изольду, и, вцепившись в бортики своей купальни, она выкарабкалась из нее и опустилась на пол. Голая спина мигом покрылась гусиной кожей, с волос противно закапало.

— Шторма и северные бури, почему так холодно?

Поднимаясь с колен, Изольда потянулась к поленнице, чтобы подбросить дров на каминную решетку. Единственная трухлявая головешка, которую она сунула в очаг перед тем как купаться, давно прогорела. Но внезапно в висках гулко застучало.

«Ну нет, — ладони упрямо стиснули голову, — на сегодня с меня хватит видений».

И, твердо решив отогнать дурноту, колдунья несколько раз медленно вдохнула. К сожалению, это не помогло: возвратившаяся пульсирующая боль эхом отдалась в затылке.

— Исгерд, оставь же меня в покое! — простионала Изольда, с трудом вставая.

И хотя в глубине души зрела догадка, что к ее слабости не имеют отношения ни воспоминания терновой принцессы, ни колдовство, разобраться с новой напастью Изольда не успела. Стоило сделать пару неверных шагов, как ее согнуло пополам безжалостным спазмом.

— Ох! — Из легких будто выбили воздух одним ударом, ноги подкосились. Неожиданная необъяснимая слабость нашла на колдунью. И следом за незримыми тисками, сковавшими тело, из ниоткуда к ней воззвал беззвучный голос, лязгающий, как удары кирки о твердый гранит.

«Слушай... Слушай... Слушай меня!»

Поначалу разобрать слова было непросто: они звякали невнятно и растворялись в болезненном биении крови в венах. Но постепенно звуки обрели поразительную ясность. Глухой стук в ушах, животе, горле множился и сам по себе складывался во фразы:

«Открой... Открой же дверь, Изольда!»

Мысленный приказ действовал подобно терновой магии, но власть его была намного глубже, ведь в отличие от колдовства он исходил извне, сияясь смести, подчинить дух девушки. А она, вслушавшись, уже не могла выбросить навязчивую идею из головы.

«Встань! Покорись мне, сейчас же!»

Мешкать больше не было мочи. Спина вдруг выпрямилась, ноги сами понесли к запертой на засов двери.

— Нет! — воспротивилась колдунья, вспомнив наконец, что она совершенно голая.

Кто бы ни ждал в коридоре, предстать перед ним в таком виде не хотелось.

— Изольда! — донеслось снаружи, и принцесса сквозь озноб различила голос Лютинга. Низкий, встревоженный, он громыхал взаправду, не хоронясь по углам ее измученного разума. — Слышишь меня? Отвори!

Ответить она не могла. Да и вообще сделать хоть что-нибудь, кроме как вцепиться дрожащими пальцами в тяжелую задвижку. Бесплотный зов в голове требовал избавиться от нее, и колдунья обязана была подчиниться.

— Проклятье! — вырвалось у принцессы, когда деревянная перекладка отъехала в сторону.

Опрометью Изольда бросилась к постели, схватила свой плащ и завернулась в него по шею. Как раз вовремя, чтобы успеть спасти положение.

— Что здесь происходит? — воскликнул Таальвен Валишер, переступая порог и первым делом замечая перекошенное лицо Изольды. — Мы слышали шум.

О, как походил этот рычащий тембр на другой — беспощадный, диктующий ей минуту назад, что делать. Колдунья едва сдержалась, чтобы с визгом не отскочить в угол.

— Ты тут с болотным королем схватилась? — поцокал языком вошедший следом Хельмвинд. — Или с его мертвыми невестами?

Как водится, он поначалу не обратил внимания ни на бледность, ни на взъерошенный вид Изольды, куда больше заинтересовавшись учиненным ей беспорядком. И, лишь обогнув лужи на полу, устремил взор на виновницу потопа.

— Кажется, Мак Тир не преувеличивал, предрекая, что не стоит оставлять тебя наедине с колдовством. Что стряслось?

— Я пыталась выбраться из видения Исгерд, — сипло выдохнула Изольда, с облегчением отмечая, что горло ее отныне не сжимает волшебная хватка. — Всякий раз, как оно обрывается, мир сна буквально рушится на глазах, словно я падаю в пропасть. Оттого пробуждение всегда застаёт меня врасплох.

— Значит, ты уснула, — уточнил Лютинг, намеренно стараясь держаться от испуганной принцессы на почтительном расстоянии. — Что видела?

Вопрос мигом отвлек Изольду от тягостных раздумий и породил другие, не менее напряженные: как поведать спутникам, особенно Северному ветру, о событиях прошлого, не вызывая растерянности, недоверия и справедливого гнева? Едва ли верховный будет счастлив узнать об алчных притязаниях своих предков. И уж конечно, поставит под сомнения прочие открытия принцессы. Но выбора нет. Хельмвинд, как и приморский королевич, заслуживает того, чтобы знать правду.

Собравшись с духом, Изольда тряхнула мокрой головой и несмело промолвила:

— Сегодня в воспоминаниях Исгерд я встретила двух знакомых, которых никак не ожидала увидеть... Это привело меня в смятение. Оказывается, много веков назад, во времена правления Вей Эрны и терновой принцессы, в Тьер-на-Вьёр жили Вендаваль и Ирифи...

Сию секунду горящие любопытством — зеленые и настороженные — прозрачные глаза обратились к Изольде.

— Наш знакомый Пыльный вихрь тогда был вовсе не выжившим из ума стариком, — осторожно продолжала она. — Его звали Ирифи Кошачий Хвост — Южный верховный ветер... Он прибыл в Терновый дворец по поручению Розы Ветров, встретился с Исгерд и угодил к ней в немилость...

— Полная чепуха, — перебил Хёльмвинд бесцеремонно. — Разум подвел тебя или терновая ведьма намеренно сплела паутину ложных образов. По-другому не объяснить.

— Но, учитывая долгие тысячелетия жизни, отведенные твоим сородичам, — принцесса плотнее укуталась во влажную накидку, — разве сложно предположить, что некоторые из них могут быть по-настоящему древними?

— Я говорю не о времени. — Северный владыка скрестил руки на груди. — Если б ты родилась ветрессой, то понимала бы: старший ветер не способен стать вихрем.

— Никогда?

Хёльмвинд отрицательно покачал головой. Было видно, что он озадачен и вовсе не так уверен, как желает показать. И все из-за невероятного предположения, пришедшего на ум. Но озвучивать его вслух казалось верховному нелепицей.

— Хёльм? — окликнула Изольда, наблюдая за тем, как неуловимо меняется выражение бесстрастного обычно лица. — Значит, верховному никак не превратиться в вихря?

— Только в сказках, — прозвучал нетвердый ответ. — Есть несколько поучительных сюжетов, в которых старший ветер в одночасье лишается силы за собственные промахи. В иных историях он продает ее или меняет на нечто более желанное у коварной ведьмы... — Но все это — выдумки для детей. И пока вы двое не ухватились за заманчивую идею, — он раздраженно сдвинул с места канделябр, забытый посреди комнаты дочерью трактирщика, — повторю: на практике совершить подобное превращение нельзя.

— Разве Роза Ветров не отняла твою силу? — резонно возразил Лютинг. — Может, и другая колдунья сумела бы...

Хёльмвинд досадливо поморщился, вспоминая, как легко удалось

ветряной владычице лишить его мощи. Невольно пальцы потянулись к обманчиво хрупкому браслету на запястье. Но помыслить, что волшебный сюжет, знакомый всякому юному ветру с детства, оказался правдивым, было нелегко.

— Даже если допустить, что какой-то недотепа стал слабее по вине могущественной чародейки, случись подобное в наших с братьями и сестрой владениях, мы бы знали.

— А вдруг все произошло в другом мире много лет назад? — Голые ступни Изольды прошлепали по полу, оставляя мокрые следы. — Предположим, Ирифи служил верховным владыкой здесь, в Терновом королевстве, когда вас с Фаруной, Зефиром и Эйалэ еще не было на свете.

Чтобы уложить это в рамки привычных верований, Хельмвинду пришлось бы в который раз порушить их, но и тогда осталась бы масса вопросов.

— Звучит безумно, — отозвался он. — Ведь в таком случае Ирифи по прибытии в наши края пришлось бы скрывать правду от собратьев долгие годы. Зачем?

— Может, он, как Тааль когда-то, не мог ею поделиться? Если на беднягу наложила чары сильная колдунья или колдун, вряд ли ему позволили бы болтать о них.

— Намекаешь на тьер-на-вьёр? — В мерцании огня тень от переплетенных пальцев верховного пауком вспрыгнула на стену. — Все равно получается несуразица. Если Ирифи насолил ей настолько, что ведьма превратила его в вихря, на кой ураган оставлять старика в живых? И почему Вендаваль до сих пор в полном здравии?

Раздумывая, принцесса пожевала губу. Догадки действительно звучали противоречиво.

— Кстати, о ветряной владычице. — Лютинг звякнул кочергой, хозяйничая у остывшего камина. — Если видение Изольды правдиво, то чудно, что Роза уверяла нас, будто все ее верховные мертвы.

— Наверное, в самом деле так полагала, — пожалала плечами терновая колдунья. Обвинять Вею Эрну и тем самым ставить под удар верного ей Хельмвинда не хотелось.

Но Таальвен Валишер был чужд ее дипломатичным стремлениям.

— Разве Роза Ветров, по ее собственным заверениям, не чувствует страдания и тем более смерть своих подопечных?

— Чувствует, — подтвердил северный владыка подчеркнуто безразлично.

— Значит, никакие уловки, будь то ложь или случайное неведение, не

способны ее провести?

Ветер надулся, но все же ответил честно:

— Если кто-то из верховных погибнет, Вея Эрна узнает об этом сию секунду, находясь за тысячи верст. Ей не нужно видеть все своими глазами... к чему ты клонишь, Мак Тир?

«К тому, что она лжет», — красноречиво говорили желваки на скулах приморца. Но вправе ли Лютинг сейчас высказывать обвинения? Тому, что он верит путаным снам Изольды, нет разумных толкований. Да и ветра жестоко обвинять в вынужденном расположении к своей повелительнице. В конце концов, выбор у него невелик, а прошлое Исгерд вполне способно оказаться фальшивкой. Вот только Таальвен чуял: терновая принцесса не врет, как не могут лукавить бесповоротно прожитые образы, отзвуки, отпечатки...

— Так о чем ты толкуешь? — не желал сдаваться Хельмвинд, и Изольда живо представила, как разочарует его финал ее сна. Следовало хорошенько обдумать дальнейший рассказ. В конце концов, он ни в чем не обличает Вею Эрну, всего лишь доказывает: с Исгерд у нее вышла размолвка. На том и надлежит остановиться.

Подтянув скользкую ткань плаща, из-за капюшона норовившую сползти с мокрой спины, принцесса встала между своим мужем и Северным ветром и проговорила как можно более миролюбиво:

— Таальвен имеет в виду, что разобраться во всей этой истории невероятно сложно, тем более вы не дослушали ее до конца. Но досказать я смогу не раньше, чем приведу себя в порядок.

— С тобой разве что-то не так? — Ледяной взор утратил запальчивость и прошелся по растрепанным волосам и голым коленям принцессы.

— Я не успела одеться!

Верховный хмыкнул, соглашаясь мысленно, что вид у Изольды действительно странноватый.

— Ну? — с нажимом вымолвила она.

— Что? — не понимая, чего от него ждут, Хельмвинд уставился на Лютинга.

— Предлагает тебе выйти в коридор, — учтиво разъяснил принц.

На лице ветра наглядно отобразилось все, что он думает по этому поводу. Но Изольда была неумолима. Рывком отворив двери, она отчеканила:

— Ступайте прочь оба. И лучше немедленно, пока я не заледенела на сквозняке.

Как тут было прекословить? Мужчины, по очереди покосившись на нее, послушно потопали за порог.

— С какой стати она пошла открывать нам, едва вынырнув из ванной? — донеслось из темного холла, когда принцесса зашнуровывала рубашку. Голос принадлежал верховному. Затаив дыхание, она все ждала, что ответит на это Тальвен Валишер, но ее муж молчал, и сквозь заслон стен Изольда ощущала, как его не улыбочивые черты становятся еще задумчивее.

* * *

Спать было невозможно. Отчасти из-за тюфяка, набитого комками колючей соломы так неравномерно, что бугры, вздувшиеся под жесткой тканью, напоминали кочки на болоте, отчасти по вине неумолкающих мыслей. Внутренние голоса, все без исключения принадлежавшие разуму Хельмвинда, шушукались настырно, отгоняя любые сны.

Утомившись ворочаться, Северный ветер соорудил из своей неприглядной постели подобие сиденья и устроился У камина. Он хорошо помнил времена, когда недоумевал, завидев с высоты людей, жмущихся к костерку в темном зимнем лесу. Охотники ли, простые путники, застигнутые метелью, они спешили развести огонь и до рассвета тянули к нему озябшие руки, пугливо оглядываясь на каждое завывание снежного бурана.

Какими забавными и беспомощными виделись верховному люди тогда. Но вот прошло не так много времени, и сам он ищет спасения у жалкого пламени, сиротливо облизывающего последнюю недогоревшую головешку.

Но вовсе не собственная временная уязвимость волновала северного владыку нынче ночью. Сон бежал от него, ведь ветер не мог выбросить из головы рассказ Изольды. По ее словам, в далеком прошлом Ирифи и Вендаваль явились во дворец терновой принцессы, чтобы требовать часть ее магии для Вей Эрны... и Исгерд им отказала. А самое любопытное — ветряные послы якобы похвалялись, будто их повелительница способна овладеть любыми чарами. Сложно вообразить большую глупость.

Нет, разумеется, старшим ветрам дано многое и для иных непосвященных умения их подобны чудесам, но на терновое колдовство такие, как Эйалэ или Роза Ветров, вряд ли способны. Или все же он ошибается?

Проще всего было отбросить историю принцессы как совершенно фантастическую. Но тогда резонно поставить под сомнение и остальные видения колдуньи, которые в последнее время редко свидетельствовали в пользу Вей Эрны.

— Наверняка мы найдем толкование всем странностям, когда добудем горловины ветряных рогов, — увещевала девушка часом ранее. — Роза обретет наконец силу, и прошлое прояснится...

Но с каждым открытием надежда ветра на это стремительно таяла. Бесчисленные вопросы донимали северного владыку по ночам, сомнения пустили цепкие корни глубоко в его сердце. Выкорчевать их смогла бы мудрая справедливая властительница, не таящая секретов от своего подданного. Была ли таковой Вей Эрна?

— Пусти... — со всхлипом пробормотала принцесса, ворочаясь на постели.

Хельмвинд привстал на локтях, всматриваясь в темноту. Очередной кошмар? Может, потому кровать не понравилась Изольде? Укладываясь, она поглядывала на высокие столбики, словно отгоняла дурные воспоминания. Но все же поддалась на уговоры своего мужа занять единственное более-менее сносное для ночлега место.

Сам Мак Тир примостился у двери. Ложе его было таким же жалким, как тюфяк Хельмвинда. Страшно подумать, что здешние постояльцы проводят так каждую ночь. Но королевич не жаловался, видно, за время, проведенное в волчьей шкуре, привык спать где придется. А может, в краях, откуда он родом, покои обставляли не лучше?

Отчего-то приспособленность Таальвена к тяготам походной жизни безмерно задевала верховного. Лишившись ветряных умений, он ощущал, что проигрывает Мак Тиру во многом. Но выносливость и наличие необходимых для выживания в чужом мире навыков можно простить, если бы не главное преимущество бывшего волка: златокудрая принцесса некогда предпочла его владыке Железного дома.

Чтобы избавиться от досадных мыслей, Северный ветер принялся представлять хозяйские покои в собственном чертоге: монолитный гранит с прожилками серебра, золота и кристаллического железа, увешанные сталагмитами своды... Интересно, его кровать влезет в эту комнатку или упрется передними ножками в камин? А хоть один очаг из Железного дома удалось бы встроить в жалкие стены? Пожалуй, толщины ни одной из них не хватит...

Справедливее всего, обретя силы вновь, снести эту лачугу, развеять по ветру, чтобы позабыть позорную ночевку, как кошмарный сон. Может

статься, так он и поступит, когда станет северным ветряным владыкой, пока же...

— Этельстан...

Ленивые размышления прервал тихий шорох. Матрас на постели принцессы прогнулся, отброшенное покрывало сползло на пол. Затем скрипнули старые доски у изножья, раздался скрежет отодвигаемого засова.

— Эй, Мак Тир, — вполголоса позвал Хельмвинд, наблюдая за тенью, юркнувшей в коридор сквозь узкую щелку.

— Я слышу... — Словно только этого и ждал, Таальвен сел и принялся натягивать сапоги.

Пожалуй, ему не составило бы труда догнать беглянку еще у покоев, тронуть за плечо, чтобы она потеряла сознание, и вернуться в комнату до того, как истечет минута. Но затянувшееся молчание, во время которого приморский королевич одевался, красноречиво свидетельствовало: планы у него иные.

— Похоже, будить Изольду ты не собираешься, — заключил ветер, не слишком надеясь на ответ. — И верно, зачем? Пусть прогуляется, раз с этим не сложилось накануне. Жаль только, она не прихватила свой волшебный плащ, чтобы замаскироваться под мальчишку.

— Идем, — игнорируя ироничный тон, кликнул Лютинг. — Покараулишь, пока я буду с ней разговаривать.

— Ты уже вел бесполезные беседы с терновой принцессой. Проку от них никакого.

— Раньше мы не расспрашивали ее о прошлом...

Северный ветер фыркнул скептически:

— Полагаешь, стоило?

Таальвен крадучись шагнул в коридор.

— Искерд не в себе, Мак Тир, — прошелестело у него за спиной, — разумно ли доверять ее сумбурным сбивчивым воспоминаниям?

— Источников надежнее у нас нет.

— Значит, хочешь воспользоваться осколком памяти сотни лет как умершей девушки, чтобы вызнать побольше о минувших событиях? И благополучие жены ничуть тебя не интересует? — Хельмвинд ступил на лестницу и пожалел, что по старой привычке не надел обуви.

— По-твоему, ей повредит разговор? — Звериные глаза принца сузились.

— Нет, недомолвки. Или ты запамятовал, что собирался посвятить Изольду в подробности ее лунатизма?

Замешкавшись у входа в харчевню, Таальвен побарабанил пальцами по перилам лестницы. В том, что редкие явления Исгерд не сулят его спящей жене беды, он был почти уверен, как предвидел и крайнее ее беспокойство, в случае, если Изольда обо всем узнает. Что-то с ней неладно, и вести об ожившей наяву терновой принцессе способны напугать колдунью еще больше. Но как втолкуешь это ветру, если вся суть объяснений сводится к туманным предчувствиям?

Взъерошив и без того лохматую голову, Лютинг неохотно покорился:

— Ты прав... Нужно рассказать Изольде об Исгерд. Сделаем это утром. Пока же попробуем выяснить, известно ли терновой принцессе хоть что-нибудь о собственной судьбе.

Дать согласие Хёльмвинд не успел. В глубине комнаты у очага зазвенела разбитая посуда, печной уголь, по всей видимости, просыпавшийся из перевернутой корзины, весело скрежетнул о каменный пол. Шума было довольно, чтобы разбудить бдительного трактирщика, если он взаправду уступил покои наверху постояльцам и спал теперь неподалеку от своих кладовых.

Не дожидаясь, пока Исгерд опрокинет еще что-нибудь, ветер с приморским королевичем кинулись к ней. В три прыжка они одолели пространство столовой, обогнули лавки и столы и замерли у кухонной стойки, отгораживающей общий зал от длинной комнатушки, в которой готовилась еда и хранились запасы. Там-то и хозяйничала терновая принцесса.

Остерегаясь, как бы не испугнуть ее, Лютинг жестами велел своему спутнику обойти столешницу с левой стороны и укрыться в тени громадной печки. Сам же двинулся направо, вглядываясь в густой мрак.

Не заметить Исгерд было сложно: болтающаяся ниже бедер рубаха белела в темноте, распущенные волосы золотились даже во мгле кухонного закутка. Если бы в харчевню в тот час сунулся сонный хозяин, он бы принял убранство девушки за погребальный саван, а саму ее наверняка посчитал бы призраком и с воплями кинулся наутек. Но по счастью, сон его был крепок.

Наблюдая за тем, как принцесса отрешенно перебирает ножи и ложки, Таальвен Валишер приблизился еще на аршин. Она словно не замечала его, тонкие пальцы бесцеремонно звенели утварью, скользили вдоль полки с закопченными сковородками и котелками, рассыпали пучки трав. Еще немного, и примется потрошить мешки с луком и картошкой, вывалив содержимое на пол. Без сомнения, она что-то искала, но позволить и дальше бесчинствовать на кухне, рискуя переполошить весь дом,

приморский королевич не мог.

— Здравствуй, Исгерд, — промолвил он тихо и твердо, надеясь отвлечь ее. — Что ты здесь делаешь?

Заслышав голос, она вздрогнула, слегка попятилась. Но быстро овладела собой.

— Ах, это ты, Таальвен Валишер... Разве не видишь, разыскиваю ключ.

— Ключ? — уточнил он, незаметно отодвигая кружки подальше от края столешницы.

— От покоев Этельстана. — Шаря ладонями чуть ниже печной заслонки, она сжала металлический наконечник ухвата и с досадой отставила. — Куда он запропастился?

При этом подол рубахи испачкался в золе, но Исгерд не стала его отряхивать — поднялась с колен и побрела дальше. Глаза, хоть и широко открытые, явно не видели того, что происходит на самом деле.

— Расскажи, как выглядит твой ключ, и я помогу в поисках, — предложил Лютинг, чтобы обездвигить ее хоть на мгновение.

Это подействовало, но ненадолго.

— На вид — обыкновенный, резной, не длиннее указательного пальца, с круглым ушком... я обыскала каждый угол спальни — смотрела и в шкапулках с драгоценностями, и в письменном столе. За книгами пусто, в кошельках тоже... Может, оставила в кармане одного из нарядов в платяном шкафу?

Переступив через черенок метлы, она приблизилась к кладовой и сунула туда нос. Разумеется, внутри не обнаружилось ни одной вешалки с платьями, но девушку это не смутило.

— Ох, помнится, когда я в прошлый раз читала в саду, злополучный ключ висел у меня на шее, на алой ленте. — Босые ступни зашлепали в сторону выхода, которым пользовался трактирщик, чтобы попасть в сарай за постоянным двором. — Если я обронила его там...

— Погоди, — окликнул Лютинг, на ходу придумывая, как бы отговорить ее от прогулки на свежем воздухе. — Может, мы сумеем обойтись без ключа? Укажи, где находится опочивальня Этельстана, и я что-нибудь придумаю.

Задержавшись на пороге, она обернулась. В лунном свете, тонко сочившемся из-за распахнутой двери, было видно, как вьется терновый узор, поднимаясь от плеча к скулам.

— Хочешь, чтобы я отвела тебя к его комнате? Пожалуй, это полезнее, чем копошиться в садовых кустах. Поедем!

Почти задев локтем рукав Хельмвинда, притаившегося у стены, Игерд быстрым шагом возвратилась в харчевню.

— Хорошо, что ты объявился... Сердце подсказывает, Этельстану грозит несчастье, — поделилась она, жестом увлекая своего собеседника вверх по ступеням. — Мой долг — его предупредить. Но брат все не идет, сколько бы я ни коротала время в условленном месте. Что, если ему успели причинить вред?

— Кто посмеет обидеть принца? — подыграл ей Таальвен. Он давно сообразил, что беседовать с терновой принцессой возможно лишь на ее, полном призрачных воспоминаний языке. — У королевской семьи есть враги?

— Нет, конечно... — Она осеклась. — Лишь у отчаянных безумцев достанет глупости противостоять армиям Тьер-Лерана или бросить вызов терновым чарам!

— Тогда нечего переживать. — Лютинг нагнал ее на втором этаже, окинув коридор быстрым изучающим взглядом. Как бы громкий голос Игерд, вообразившей себя хозяйкой в родном чертоге, не потревожил кого-то из постояльцев. Повстречав в темноте одержимую девушку с колючими метками, они не придут в восторг.

— Куда дальше? — поторопил приморский королевич у собственных покоев.

Принцесса потерянно скользнула ладонью по стене, беззащитно повела плечами: холл с нависающим потолком казался ей незнакомым. Еще секунду тому назад перед лицом горели огни дворцовых светильников, множили свет зеркала, а теперь сделалось неуютно и темно.

— Не помню этих переходов... Иногда замок видится мне муравейником.

Толкнув ближайšie двери, Игерд внезапно обнаружила, что они не заперты, и нырнула во мрак пустой комнаты.

— Этельстан?

Убогое убранство сложно было скрыть под плотным ночным покровом, но скиталица, заплутавшая в лабиринтах собственных мыслей, оставила скромную обстановку без внимания.

— Куда, на милость богов, он подевался? — бубнила она, меряя шагами узкое на королевский вкус пространство. — Как бы не опоздал к завтрашней коронации.

— Когда ты в последний раз с ним встречалась? — невзначай поинтересовался Таальвен.

— За полночь на королевском балу... Нет... в моей личной

купальне... — Лишь теперь принцесса смекнула, что не способна дать внятный ответ. — Мы стояли вдвоем у дальней парковой стены... а затем сигнальный камень на шпигеле дозорной башни засверкал алым...

Наслышанный от Изольды о дальнейшем развитии событий, приморский королевич спросил вкрадчиво:

— Кто-нибудь желал принцу зла?

— Нет. — Исгерд ухватилась за столбик кровати. — С чего бы?

Может, ветры, которых послала к тебе Вея Эрна? — продолжил наступление Таальвен.

— О чем ты? Они прибыли, чтобы поздравить меня с коронацией, и скоро распрощались.

— И забрали с собой Этельстана?

Меж светлых бровей залегла морщинка. Видно было, что нить свершившегося неумолимо ускользает от принцессы, как бы тщательно она ни сматывала ее в клубок.

— Помнишь, как Вея Эрна потребовала часть твоей колдовской силы? — все не унимался Лютинг.

Золотистые ресницы затрепетали.

— А то, зачем брат позвал тебя в сад среди ночи?

— Он хотел... хотел...

В голубых очах заблестели слезы, но вымолвить страшное предположение Исгерд не решилась. Пустое, ей только чудится!

Растревоженная грудь тяжело вздымалась под рубашкой.

Терзаемому жалостью приморскому королевичу пришлось напомнить себе: помочь бедам Исгерд нельзя, а вот извлечь из ее сбивчивых фраз то, что способно облегчить участь Изольды, — да. Потому он умышленно оторнул сострадание.

— Этельстан причинил тебе боль? Это он виноват в том, что стало с вами?

Терновая принцесса со стоном сдавила виски. В голове у нее царил полнейшая сумятица. Единственная мысль удерживала от кромешного хаоса: почему этот жестокий чужак с ветряным именем говорит столь ужасные вещи?

— Кто ты? — простонала она, борясь с нахлынувшей смертельной усталостью. — Как оказался в моей опочивальне? Каким образом стража тебя пропустила?

С вопросом пора было кончать. Лютинг видел: воскресить в памяти истинную цепочку событий принцессе не по силам. Прошлое от нее заслоняет завеса, сквозь которую не пробиться.

Намереваясь утихомирить ее, приморский королевич подался к Исгерд, но, объятая страхом, она крутанулась в сторону и бросилась за порог. Там уже поджидал Северный ветер, который легко подхватил беглянку, затаскивая обратно в спальню.

— Стража, — не успев набрать в легкие воздуха, пискнула она. — Сюда...

Но прежде чем по трактиру прокатился настоящий вопль, верховный зажал принцессе рот ладонью, пинком захлопывая дверную створку.

— Клянусь, я задушю вас обоих терновой лозой! — шипела Исгерд сквозь холодные пальцы. — Если хоть волос упадет с головы моего брата...

— Все еще считаешь, от вашей беседы ей никакого вреда, Мак Тир? — шикнул Хёльмвинд, стараясь удержать брыкающуюся заложницу и не сломать ей при этом кости.

Приморский королевич глядел на вырывающуюся Изольду завороченно, не смея моргнуть. Что-то в ее отчаянных метаниях было притягательное и пугающе знакомое.

— Пусти! Пусти! Отпусти!

— Да усыпи же ты ее! — нетерпеливо рявкнул верховный, проклиная Лютинга за промедление.

Отвлеченный властным звенящим голосом, Мак Тир встряхнулся и сжал трепыхающуюся принцессу за плечи.

«Уходи», — беззвучно повелел он, и глаза страдальцы закатились, а искусанные губы перестали кривиться от крика.

«Уходи», — пришлось повторить и себе, гоня прочь накатившую сладостную истому. Но темноту в собственной душе отогнать было гораздо сложнее, чем страхи Исгерд, послушно растворившиеся в грезах спящей Изольды.

ГЛАВА 15

БОЛОТНАЯ КОРОЛЕВА

Утро не принесло покоя. Голова у Изольды была тяжелая, а ноги ватные, будто после десятка верст по холмам и долам верхом на дурной кобыле. Вдобавок ко всему плечи противно саднили. Ощупав их, принцесса обнаружила следы от хватких объятий. На ум мигом воротился кошмар о Лютинге Мак Тире, и внутри похолодело.

Разведать что к чему, сходу не удалось: Таальвен ушел в харчевню за завтраком, Хельмвинд, казалось, вообще не ночевал под крышей, а когда вернулся в комнату, буркнул два-три слова и уселся чертить что-то в ветряной карте.

— Что рисуешь? — перебрав все незатейливые дела, что могли сыскаться ранним утром в полупустой трактирной комнатке, поинтересовалась принцесса. — Разве этот пергамент — не сокровище твоего народа?

— Кусок старой бумаги, — Северный ветер размашисто черкнул карандашом, — который тщетно беречь, раз в пути от него нет проку.

— Потому ты решил его... изуродовать?

— Всего лишь исправляю неточности, — фыркнул Хельмвинд, искоса поглядывая, как принцесса усаживается на тюфяк рядом.

— Но откуда ты знаешь правильные очертания?

— Мак Тир сообщил...

— А ему как стало известно? — Сдержанный тон ничуть не убавил любопытства Изольды, она упрямо не желала прекращать допрос, и верховный ветер со стуком отложил карандаш.

— Вчера кто-то за ужином надоумил.

— Ясно. Выходит, теперь мы разведали, где именно искать ветряную башню.

Вымученная улыбка, призванная скрыть внутреннее смятение, побудила Хельмвинда испытать укол вины. Без сомнений, колдунья догадывается: что-то не так.

В подтверждение его мыслей она с недовольством потерла ноющее плечо.

— Мне плохо спалось прошлой ночью. Чувствую себя истощенной, как после явлений тьер-на-вьёр или навеянных ею снов... Ты ничего не

слышал?

В следующий миг дверь в покои отворилась, избавив верховного от необходимости подыскивать подходящие объяснения: на пороге показался Таальвен Валишер. В руках он нес поднос с кувшином воды и незатейливой деревенской снедью. Тонкий шрам у виска, обычно прикрытый волосами, белел ровной полосой в пасмурном утреннем свете.

— За изгородью я видел Ирифи, — сообщил он сходу, ставя поднос с лепешками и вареными яйцами на единственный имеющийся табурет. — Пыль от него воронкой — углядишь и за версту.

— Нужно попытаться поговорить с вихрем о прошлом. — Голодная Изольда выудила из миски ломоть хлеба и высунулась в окно. — Главное — не наседать на него, не то он снова исчезнет.

Никаких песчаных бурь вдалеке не вырисовывалось, и принцессе пришлось вернуться к трапезе. Светло-коричневая скорлупа захрустела, крошась под ловкими пальцами.

— Ты не упоминал, что разузнал дорогу, Тааль...

— Имелись другие более важные новости...

От слов его веяло неизбежностью. Смешавшись под пристальным взглядом, Изольда отложила неочищенное яйцо обратно на поднос.

— Нам нужно кое-что тебе рассказать.

По сосредоточенному тону Таальвена было понятно: тема предельно серьезная. Снедаемая скверными предчувствиями, принцесса опустилась на кровать.

— Я слушаю...

— Накануне ты гуляла во сне, — огорошил он. — Нам с ветром пришлось вернуть тебя в покои и силой уложить в постель, но это полбеды... Тело твое в тот миг принадлежало Исгерд.

— Неужто я снова грезил о ее прошлом и умудрилась об этом позабыть? — Лицо Изольды удивленно вытянулось.

— Не совсем. — Лютинг украдкой переглянулся с верховным. — Она не снилась тебе, ты сама стала ею.

— Как? — Принцесса округлила глаза. — Герда ведь воспоминание! — И, встревожившись из-за молчания мужа, Изольда посмотрела на терновник на запястьях. — И что я... то есть она делала?

— Искала своего брата. — Таальвен присел рядом, вкратце пересказывая события минувшей ночи. Когда речь коснулась предыдущих столкновений с Исгерд, неожиданное понимание исказило тонкие черты колдуньи: иная сущность завладевает ею не в первый раз — на виду у Лютинга, обещавшего когда-то ничего не скрывать от нее.

— Как давно вы двое знаете о терновой принцессе? — Сизая дымка взмутила на миг небесную голубизну ее глаз и осела.

— Месяц, может, меньше...

— Почему же раньше не удосужились сообщить?

Хёльмвинд на своем матрасе в углу вздохнул обреченно, представляя разнос, ждущий Мак Тира и его самого за компанию. Может, не зря принц держал язык за зубами?

Но скандалить с Таальвеном было как сражаться с ливнем или пожаром. Внешне он оставался невозмутимым — ни следа раскаяния не вспыхивало в зеленых глазах, какой бы укоризной ни жгла их Изольда. Похоже, приморского королевича непросто пристыдить, когда он верит в свою правоту.

— Вновь ограждаешь меня от лишних беспокойств, Лютинг Мак Тир? — с обидой спросила принцесса.

— Не очень успешно, — прозвучало с сожалением. — Несложно было предположить, что от новостей об Искерд ты надолго потеряешь покой. Но меня тяготила и другая забота... Что, если тебе удастся запретить терновой принцессе приходить? Тогда мы лишимся последней возможности расспросить ее о собственной жизни.

— Она умерла, — напомнила колдунья.

— Но все еще способна вещать, пусть чужими устами...

— Не забывай, что эти губы принадлежат мне! — взвилась Изольда. — Моими желаниями пренебрегают, используя тело как вместительницу! Но что до того приморскому королевичу, привыкшему силой и упрямством получать свое?

Удар был разящий, не лишенный коварства, но Таальвен Валишер ни единым жестом не выдал досады на несправедливые обвинения. Он не станет защищаться, как откажется поднимать против Изольды оружие, что бы ни случилось. Она сбита с толку, потому бушует. Но пройдет время, и ожесточение ее уляжется.

Потянувшись за ножами, прислоненными к стене у изголовья постели, Лютинг пристегнул их к поясу и надел перчатки.

— В памяти Искерд спрятан ключ к пониманию тернового волшебства. Он нужен тебе, чтобы овладеть чарами. И раз одержимая, заплутавшая во времени покойница — единственный шанс ответить на вопросы, что канули в забвенье веков, мы выудим их из нее. Чтобы, когда придет пора, ты не осталась беззащитной.

— Перед кем? — Изольда уперла руки в бока. Она все еще сердилась, и пылкого чувства не остудило даже искреннее признание.

— Не знаю. Но защищаться однажды придется, — сумрачно заверил приморский королевич. — И никто, кроме тьер-на-вьёр, не поможет тебе с колдовством.

Изольда шумно выдохнула и принялась заталкивать остатки завтрака в походный мешок.

«Никто не поможет...» — отдавались эхом в ее голове строгие слова.

* * *

«Кость в горле» троица покидала под присмотром множества пар небезразличных глаз. Пристально пялился путникам вслед трактирщик, неустанно подсчитывающий, сколько еще драгоценных камней могло завалиться в суме у зеленоглазого чужака. Томно вздыхала его сраженная чувствами дочь, то и дело роняя половую щетку, за что получала от отца тычки и затрещины. Долго и испытующе сверлил лиловым взглядом размытую даль мастер Кетиль. Лошадь его с рассвета гарцевала в стойле оседланная, но мужчина терпеливо дожидался, когда новый знакомый спустится в столовую, чтобы удостовериться в каких-то своих догадках на его счет.

Но в конце концов кособокий, провонявший сыростью и прелым духом трактир канул за поворотом, и все, что случилось в нем, мало-помалу начало терять вес. Правда, уязвленная молчанием Изольда все еще дулась на Таальвена, а Хельмвинд был погружен в свои мысли, но ласковое утро брало свое. На свежем воздухе путники приободрились, ночевка под крышей хоть и принесла неожиданности, все равно позволила выспаться лучше, чем в топкой озерной колыбели. Так что вскоре к звукам монотонных шагов прибавилась болтовня принцессы с ветром.

— Если бы я была ветрессой, то первым делом возблагодарила бы небеса за собственные волосы, которые не нужно мыть и причесывать по три раза в день. Как это, наверное, удобно — позабыть о заколках и гребнях, носиться с неприбранной головой в дождь и вьюгу...

— Раз коса доставляет тебе столько хлопот, избавься от нее, — предложил Хельмвинд практично, к вящему недовольству приморского королевича. Но Изольда лишь состроила озорную улыбку.

— Просто собрать в пучок и взмахнуть ветряным клинком? Лива бы за такое четвертовала... Помнится, сама она была не прочь завладеть моими волосами, и уж точно поседела бы от ужаса, проведая, что я обрезала их почем зря...

Изольда задумчиво потянула тугой локон, распрямляя его, но стоило отпустить, он мигом завился в золотистую спираль.

— Славная Лива... Доведется ли нам поболтать у очага однажды?

По лицу ветра легко угадывалось: чаяний ее он не разделяет, более того, надеется, что судьба уберезет его от новых встреч с заклинательницами. И чтобы не ворошить осиное гнездо, принцесса сменила тему разговора.

— Любопытно, отрастут ли твои волосы, когда ветряная сила вернется...

Хёльмвинд безотчетно потянулся к ровно обрезанным кончикам, не удлинившимся ни на вершок с тех пор, как Изольда прошла по ним кинжалом.

— Мне больше нравились прежние, — призналась колдунья, — с ними ты походил на Каменного короля.

— Кто это? — Огибая очередную излучину, верховный свернул с дороги.

— Один из моих любимых сказочных персонажей. — Глаза Изольды вдохновенно заблестели. — О нем почти неизвестно северинской ребятне, так как легенда о Конне Киалдере родом из далеких горных краев. Но моя бабушка — уроженка высокоземья — провела на взгорьях большую часть жизни и не раз убаюкивала меня тамошними сказаниями... Как сейчас помню складные строчки:

В ясный день расколет гром
Небо над горами —
Это катится верхом
Конн Киалдер над нами.

Булава его скребет
По скалистым кручам.
Походя, сшибает лед
Силою могучей...

Скачет каменный король
Пировать на взгорьях,
Сыплет щебень, кварц да соль
На свои подворья.

Созывает гадов, птиц

В гости до рассвета.
Запрягает кобылиц
В быструю карету.

В ней алмазов — сорок мер,
Горы фианитов —
Для ночных небесных сфер,
Теменью укрытых...

Всполошенная появлением неожиданных гостей, с ветки слетела крошечная пепельная белка и, шмыгнув чуть ли не под сапогом у принцессы, вскарабкалась на деревце повыше. Примеру ее последовала тройка предусмотрительных товарок, и еще целую минуту за спинами путников раздавались враждебные щелкающие трели. Рассказ о Каменном короле прервался на полуслове.

— Настрелять бы их с дюжину. — Лютинг поднял на ходу мелкий округлый камешек и подбросил на ладони. — На неделю хватило бы. Вот только нет ни лука, ни пращи...

«Хвала богам... — Изольда окинула заботливым взглядом затерявшихся в хитросплетении веток зверьков. — Никто нынче не станет на вас охотиться».

Казалось, сама она не способна спустить тетиву: жалко, да и духу не хватит обглаживать косточки после того, как заглянула в хитрые сметливые глазки. С другой стороны, ела же она дома фазанов и перепелов, и оленину, и мясо диких кабанов...

— Жевать этих крыс? — содрогнулся Северный ветер. В отличие от мягкосердечной колдуньи муки совести обошли его стороной.

— А ты пробовал? — Не оборачиваясь, Таальвен Валишер примерился к молодому орешнику.

— За кого ты меня принимаешь?

Если бы ледяные потоки были подвластны Северному ветру, они бы взвихрились от возмущения.

— В долгом плавании, когда надоедает рыба, прыгучие грызуны становятся желанным лакомством. — Приморский королевич деловито захрустел гибкими прутьями. — Когда удастся на час-другой сойти на берег.

Хельмвинда снова передернуло. Теперь он не возьмет в рот ни кусочка мясной пищи месяц так точно.

— Держи! — вдруг вскинул руку Лютинг.

В сторону ветра полетела прочная палка. Упругое дерево запело, рассекая воздух, и умолкло, лишь оказавшись в ладони.

— Зачем это? — Северный владыка равнодушно осмотрел новый посох.

— Чтобы не угодить в топь. Мы сходим с тропы.

Теперь настал черед Изольды выпытывать.

— Правда? Почему?

Заодно сыскался веский повод опустить мешок, который она вызвалась тащить от порога таверны, и передохнуть немного.

— Я нашел след Пыльного вихря. — Отмечая, как жена его с натугой распрямляет спину, Таальвен указал на тонкие песчаные полосы.

Пыльные косые мазки успели размокнуть на влажной почве, различить их было непросто, тем более что разрыв между каждым составлял больше сажени. Но если приглядеться, можно безошибочно определить: здесь побывал Ирифи.

— Только не нападайте на него, — заботливо попросила Изольда. — Я сама потолкую с вихрем, когда выдаться шанс.

— Все надеешься, на старика найдет просветление? — съехидничал Хельмвинд, отбирая назад свою поклажу.

Принцесса вяло запротестовала.

— Хочешь и дальше ее нести? — Лямка в грациозных ветряных пальцах послушно ослабла. — Только скажи, и котомки навсегда окажутся в полном твоём распоряжении.

Нет! — заныли умоляюще плечи принцессы, безвинно страдающие от ее упрямства несколько часов кряду. Что за блажь — надрываться наравне с мужчинами.

— Ну? — уже праздновал победу вероломный ветер.

Выбившейся из сил принцессе пришлось сдаться.

— Дай только выну из сумы свой плащ.

Пока она копалась в вещах, Таальвен срубил прочную трость для себя и еще одну — поменьше — для принцессы. Споры о том, кому достанется походная ноша, он игнорировал. Раз Изольда вбила что-то в свою сумасбродную голову, протестовать бессмысленно. Она скорее сдастся на милость язвительных замечаний Хельмвинда, чем послушает мужа.

Дождавшись окончания бескровного поединка, он вручил колдунье ореховое древко и махнул вдаль.

— Судя по следам, Ирифи летел по течению. Если поторопимся, легко нагоним.

Изольда кивнула, утыкая нижний конец палицы в грязь.

— Идемте скорее.

Разыскать потерявшегося участника похода ей хотелось вовсе не потому, что он мог пролить свет на ее недавний сон. Просто в том крылась хоть какая-то обозримая цель. Ведь после известий о наводнении, что принес Лютинг, поиски западной башни непременно зашли бы в тупик. Как продолжать путь, если время и силы природы перекроили на свой лад земную твердь?

Ирифи же мог поведать о ветряной цитадели или хотя бы помочь советом, как случилось на драконьем острове. Может, он даже выведет их к стенам башни, размечталась принцесса. Нужно лишь правильно попросить.

Раздумывая, Изольда медленно продвигалась по равнине. Бесконечные озера, в которые слилась река, превратили простор в усеянное осколками водное зеркало. Наверняка сверху выглядит необычайно: сплошные облака, затопившие низину от края до края. А вот с земли картина не такая живописная: на фоне пасмурного неба заводи грязновато серели, прятали тропинку под неопрятными клочками осоки.

Обходя их, принцесса старалась не замочить сапоги. А еще отмечала, как ослабевает ток воды по мере продвижения в глубь болота. Не ровен час течение совсем исчезнет, заплутает среди бесконечных плотин из поваленного дуба и осины. Вот тогда станет по-настоящему несладко, ведь от топей жди лиха.

Вспоминая, как скиталась когда-то по мрачному дому Давена Сверра, колдунья ежилась и прибавляла шаг. Болотника больше нет, да и она очутилась в далеком чужом королевстве, но что с того? Помнится, Давен Сверр хвастал, будто владения его объединяют все на свете стоячие водоемы, где бы они ни находились. Значит, в трясиных Тьер-на-Вьёр полно оголодавших тварей, подстерегающих незадачливого путника. И жирные прожорливые пиявки, глубоко вгрызающиеся в плоть, — одни из самых безобидных.

Одолев очередной невидимый перешеек между двумя поросшими сухостоем омутами, Изольда рассмотрела вдалеке маленький темный смерч. Теперь понятно, почему Хельм с Таальвенном забирают все глубже в бездорожье. Хорошо хоть, дальше шлепать не придется.

— И-хи-хи! — Округу накрыло хриплым сухим хохотом. По озерной глади побежали круги. — Ха-ха-ха!

От свистопляски вихря трещали тонкие ветви ив, брызги летели во все стороны. Для бурного ликования он выбрал единственный сухой пяточок земли поблизости и теперь грозился выворотить всю имеющуюся на нем

растительность.

— Эй, Ирифи, — позвала Изольда, ступая на тонкую ленту тропы, ведущей напрямик к островку. Но предостерегающая рука Таальвена мягко отстранила ее назад.

— Мак Тир прав, — неожиданно поддержал принца Хельмвинд. — Опасно приближаться к безумцу, пока он не сложит крылья.

— Но это же Ирифи! — Колдунья бесстрашно оглядела темную воронку, впрочем, рваться вперед прекратила.

— Ил, песок и болотные кувшинки! — веселился тем временем виновник маленького урагана. — Версты воды и тумана... и больше ничего!

Гул трущихся друг о друга песчинок глушил слова, но вскоре стало понятно: Ирифи чрезвычайно доволен чем-то. А стоило ему заметить Хельмвинда, радости прибавилось с избытком.

— Господин! — Человеческие очертания наконец проступили сквозь пыльные завихрения. — Как же я счастлив!

Буран мгновенно улегся, кудрявые ивовые кроны трепыхнулись напоследок и свесили обломленные ветви.

— Ныне час добрых вестей!

Пока Северный ветер выбирался на поляну, он всерьез засомневался, не огреть ли старика плеткой, но в итоге любопытство взяло верх.

— О чем ты говоришь?

— Ветряной цитадели больше нет! — завопил, захлебываясь, Ирифи. — Затоплена, облюбована рыбой и надежно укрыта болотом!

— Врешь, — не поверил Хельмвинд. — Ветряная твердыня не может утонуть.

Но вихрь опять принялся вертеться юлой.

— Реют стяги над западным рогом,

Грозно скалятся пики зубцов...

Будь хоть князем, наш враже, хоть богом —

Сосчитаешь своих мертвецов!

— Погоди распевать, Ирифи. — Следом за ветром Изольда осторожно ступила на чахлую траву. — Ты точно говоришь о западной ветряной башне?

— О ней самой, язви буран прочную каменную кладку! Весь вечер и ночь я потратил на поиски, прочесал заводи вдоль и поперек. Сколько

лугов, ох, сколько лощин загублено... Но это и к лучшему: пусть размочит водой плодородную почву пастбищ, пусть гниют леса, обращаясь в труху. Главное — рог не достать!

Засучив ногами, вихрь трижды кувыркнулся через плечо и завис вверх тормашками.

— Кость, из которой он сделан, прочна, как стены ветряной цитадели, но мне и не нужно, чтобы их рушили, перемалывали в пыль. Достаточно схоронить треклятую реликвию от чужих рук, особенно — моего несчастного владыки.

Выпалив это, Ириффи заспешил оказаться подальше от Хельмвинда — чересчур зловещим сделался его облик — и заканючил:

— Сейчас ты во власти гнева, повелитель, но спустя месяцы сердце твое уразумеет мою правоту.

— И в чем же она заключается? — Полные презрения слова бичом полоснули по воздуху. — Скажи на милость!

От такого тона у робкого по натуре старичка окончательно поубавилось пыла, он сник, свесив на грудь острый подбородок.

— Мир Тьер-на-Вьёр сулит тебе гибель... Но вскоре, отчаявшись свершить задуманное Розой, ты бросишь бесплотные попытки и вернешься домой...

— Домой? — Черты верховного исказила исступленная гримаса, словно последняя капля переполнила чашу его терпения, и бурлящая горечь хлынула через край. — Домой после того, что со мной случилось, — пешком до самого Сеам Хор? Явиться к Эйалэ с повинной, кланяясь ему в ноги, будто бродяга? Умолять наделить толикой ветряного духа? Ни за что! И под страхом смерти я не двинусь отсюда без своей силы, равно как не нарушу клятву, данную Вее Эрне, пусть мне придется переплыть треклятое болото вдоль и поперек!

Он остервенело отшвырнул свой посох и потянулся к вихрю, забывая о том, что не властен подняться в воздух.

— Глупец! — взвизгнул Ириффи, боязливо отскакивая.

Отчаянный порыв взлохматил кудри Изольды, щедро присыпал их песчаным крошевом.

— Чтобы вновь обрести могущество, тебе вовсе не нужно служить Розе! Вспомни песнь о всевластных колдовских зеркалах...

За долю секунды ярость на лице Северного ветра сменилась потрясением. Внезапная догадка вытеснила из головы ругательства, щедро запасенные для старика, обмякший язык присох к небу.

«В зеркалах Тьер-на-Вьёр спадают любые чары, самое страшное

колдовство сходит на нет...»

— Все верно, мой господин... Достаточно пересечь зачарованную толщу во второй раз, и сущность твоя вернется, а Вея Эрна лишится украденного.

— Не может быть! — Изольда пошатнулась.

Если утверждения Ирифи верны, северный верховный волен уйти в привычный ему мир в любое мгновение. Бросить на произвол судьбы Розу Ветров, не сдержать обещание, но все же стать собой — непобедимым, крылатым... Ох, лучше бы вихрю-болтуну хранить эту тайну! Каково будет Хельмвинду, страдающему в людском теле, продолжать поход с подобным знанием?

Но, в отличие от колдуньи, верховный недолго пребывал в замешательстве. Совладав с захлестнувшими его эмоциями, он напустил на себя хладнокровный вид и принялся туже сматывать хлыст, притороченный к поясу.

— Твои рассказы не имеют значения, старик. Так или иначе, я не покину Тьер-на-Вьёр без Розы.

— Все еще веришь, что она полетит с вами? — Ирифи неуклюже спикировал к дальнему озеру. И бескрылый, Хельмвинд внушал ему трепет. Но долг оградить его от невзгод виделся верному слуге достойным поводом для неповиновения. — О, мой наивный повелитель, вовсе не этого жаждет душа ветряной владычицы!

— И чего же она хочет? — Таальвен Валишер попытался поймать старичка на слове.

Но тот вдруг зафыркал, заметался клубком, шипя и ругаясь на ветряном языке. Осмысленные речи оборвались, недавнее ликование сменилось неподдельной злобой.

— Ложь и предательство! Скверна, упадок, смерть! — Шипящие звуки беспорядочно мешались с человеческой речью, душили вихря удавкой.

Чтобы остановить сумасшедший припадок, Изольда окликнула его и прошлепала по мелководью до края болотистого омута.

— Полно убиваться. Никак не возьму в толк, почему тебе так противна мысль о помощи Вее Эрне? Она ведь и твоя повелительница.

Бури, что поднялась следом, не ожидал даже Хельмвинд. Всклопоченный вихрь взревел, будто раненый зверь, и грудью кинулся на воду, поднял волну в три аршина, выдрал с корнем прошлогодний камыш.

— Молчи, неразумная, я зарекся на веки-вечные не служить никому, кроме четырех верховных владык! Позабыть, стереть из воспоминаний... Никогда не ступать на терновые земли!

Отпрыгнувшую на берег принцессу обдало ураганом из крошечных капель, толкнуло назад, но шторм быстро улегся: сил у мятущегося Ирифи было не так уж много. И вскоре его надрывной крик опустился до сдавленного шепота.

— Клятвопреступник! Я нарушил древний завет, но осталось недолго... Повелитель уйдет, как только удостоверится, что возродить власть Розы нельзя... я улечу вместе с ним... Не о чем волноваться...

Меркнущая на глазах тень уносилась все выше, завывания теряли скорбный тон.

— Цитадель канула в бездну и покоится теперь на дне Болотного царства. Даже ты, терновая ведьма, не изловчишься добраться. Если только не станешь русалкой или болотным королем...

Собственное остроумное заключение позабавило Ирифи, и, хрипло хихикая, он нырнул в плотное облачное марево.

— Терновая ведьма на болотном троне, ха-ха-ха! — продолжало нестись из поднебесья.

Похоже, Хёльмвинд оказался прав, что Пыльный вихрь не способен вести продолжительные беседы. Впрочем, Изольду это уже не заботило. Покусывая губы, она уселась на ветвистую корягу. В голове быстрее ветроворота сновали мысли.

«Терновая ведьма на болотном троне — отчего сама она не догадалась? Нет, конечно, повелителем топей взаправду ей не сделаться, но ведь можно прикинуться им на час-другой. Ай да Ирифи — оставил ценнейшую из всех возможных подсказку, не желая того!

Если башня действительно прячется под саженьями воды, существует единственный способ обнаружить ее. И каким бы опасным он ни оказался, это по плечу терновой ведьме. Нужно лишь предвидеть все наперед, обмозговать как следует...»

— Изольда? — Таальвен, обеспокоенный ее отрешенным видом, присел рядом на корточки. От сумбура чужих переживаний в ушах у него позвякивало, но разобрать, что именно на уме у принцессы, не удавалось.

— Кажется... — Неуверенный взгляд скользнул по наглухо зашнурованному воротнику его куртки, по выразительным чертам лица. — Я придумала, как найти ветряную цитадель... Если Ирифи не лжет на ее счет.

Напускное спокойствие Хёльмвинда схлынуло. Ожидая продолжения, он не мигая уставился на колдунью.

— Как же? — вымолвил Лютинг наперекор собственным тревогам. О том, что услышанное не вызовет у него восторга, он знал.

— Чтобы изучить каждый вершок здешнего половодья, я опущусь на дно запруженного озера и повелю всем болотным чудовищам помочь. Они обшарят закрома своих владений и непременно отыщут затопленную башню, ведь под водой все на свете омуты сообщаются в единое королевство.

— Очередное безумство... — Верховный разочарованно отмахнулся. — Прожорливым тварям пришлая ведьма не указ. В лучшем случае они не послушаются, в худшем — попросту разорвут тебя на куски.

— Нет, если ты дашь мне свое кольцо...

— Кольцо? — Он выставил вверх ладонь, и бледный свет выбелил покрытый патиной гладкий ободок на пальце. — Это всего лишь кусок металла...

Потемневшие глаза принцессы поймали холодный блеск, жадно впились в него.

— Заблуждаешься... Долгие века принадлежавший Давену Сверру перстень — символ власти. С его помощью я перехитрю подводных тварей, докажу им, что меня надлежит слушаться. А вздумают перечить — применю магию...

Шипастый венец на лбу Изольды ожил, заплелся гуще.

— Пыльный вихрь недаром утверждал, что только полноправный владелец способен исследовать топкие глубины. Раз так, я стану новым болотным королем.

* * *

Ясное дело, претендовать на корону Изольда не собиралась. Сделаться бы на время хозяйкой разномастной подводной братии, и задача решена, но Таальвен, выслушав ее план до конца, наотрез отказался отпускать Изольду одну.

— Приказать подводным чудовищам раздобыть пропажу — куда ни шло, но скитаться по болоту в одиночестве — затея никудышная. Мы идем с тобой!

— Вы утонете по дороге, — замотала головой терновая колдунья, — и моя магия не уберезет.

— Не утонем. — Упрямый приморский королевич расправил плечи. — Однажды нас переправляли во дворец по воде, и все обошлось.

— Как же, припоминаю, после этого я чудом привела Хельмвинда в чувство!

Упова на то, что ветер непременно откажется соваться в топь, колдунья обернулась в его сторону. Но верховный словно сговорился с Мак Тиром.

— Безрассудно идти туда самой...

— Ушам своим не верю! — От досады принцесса качнула древесный ствол, еще недавно служивший ей креслом. — Разве не понимаете, мне ничем не угнаться за утопленницами, пока они будут тащить вас в болотный чертог. Что если безмозглые девицы надумают позабавиться в пучине? Как ты, Лютинг Мак Тир, намерен от них защищаться?

Вместо ответа он поднял неуступчивый взгляд:

«Хватит перечить. Или, полагаешь, я оставлю тебя в трясине?»

«Не оставишь...», — сознавалась Изольда самой себе, пока спину холодило томительным до отчаяния ознобом. Как своевольничать, когда доводы разума рассыпаются, словно печная зола? Смирись, принцесса, пусть королевич решает вашу судьбу...

И она кивнула согласно.

Рассматривая неподвижные шипастые завитки на растерянном лице колдуньи, Хёльмвинд лишней раз удивился тому, как покорна ее магия воле Мак Тира. Отчего бы терновнику не взбунтоваться, не захлестнуть Лютинга тугой петлей, если Изольда в одиночку не способна отбить его натиск? Может, подобным неестественным образом у людей проявляется любовь?

Занятно, если так, но его подобные глупости нисколько не касаются. Почему же при мысли о них так тяжело дышать?!

Чтобы отделаться от нахлынувшей хандры, Северный ветер встряхнулся, поискал среди облачного занавеса исчезнувшего Ирифи.

— Значит, проведем пристанище бывшего болотного короля... Может, повезет наткнуться на его кости во мраке.

Придя в себя, принцесса поморщилась.

— Надеюсь, нет.

— Думаешь, он еще жив?

О судьбе Давена Сверра она предпочитала не размышлять. Здравый смысл подсказывал: всякое незащищенное существо, оставленное в столь мрачном опасном месте, как подводный чертог, обречено сгинуть, но настойчивое чувство предупреждало: узник терновых чар еще дышит, бродит по земле... Объяснить свою уверенность принцесса не решалась. В конце концов, вдруг это очередная шутка ее замороженного чарами ума?

— Мне казалось, от колдовства терновой ведьмы мало что спасет, — все рассуждал Хёльмвинд. — Но по поводу скелета короля нельзя

утверждать наверняка: голодные прислужники могли проглотить его целиком.

— Прошу, Хельм... — От воображаемой картины Изольду покорило. — Давай не будем представлять себе его участь. Достаточно и того, что мне придется вверить вас двоих заботам не слишком-то смекалистых утопленниц или одичавших русалок. Не хочу даже думать, на что они способны.

— Но ведь ты гораздо смертоноснее их, правда? — Он протянул принцессе кольцо и, отметив, как ладно оно улеглось среди шипастых спиралей на ладони, усмехнулся криво.

«Время возвращать последние твои дары...»

Изольда в задумчивости погладила холодный металл, всмотрелась в едва различимые царапины... Оставил ли их Давен Свэрр, стаскивая свадебное украшение с безжизненной руки очередной остывшей к утру жены? Или вещица просто изнасилась от времени?

На миг в памяти всплыли сырые коридоры и затхлые подземелья, мертвые девушки с синими, вытянувшимися от страха лицами. И собственный грозный лик, отражение которого она увидела в потемневших от боли и муки очах болотного короля, когда превращала его в человека.

* * *

Легко вознамериться занять место болотника, но, чтобы забраться в глубь его владений, понадобилось полдня неприкаянных плутаний среди ивняка и редких догнивающих урочищ, оставшихся от леса.

Изольде, весившей намного меньше остальных, приходилось не так тяжело, а вот Лютинг с Северным ветром часто проваливались в вязкую глинистую ночву, хоть и пытались ставить ноги на кочку или место посуше. Воодушевления это не прибавляло, между тем маленькому отряду требовалось углубиться в озерный край как можно дальше, чтобы набрести на настоящее болото. В лужах, оставшихся позади, вряд ли обитали существа крупнее лягушек и гигантских рогатых улиток. Принцессе же требовался водоем, в котором могли жить утопленницы или хвостатые русалки, на худой конец. Налаживать беседу с тритонами она бы поостереглась.

Хлюп-хлюп — причмокивало под подошвами сапог, а может, и в самих сапогах, успевших пропитаться влагой. Трость, выструганная приморским королевичем, здорово выручала на неприметных с виду прогалинах.

Залюбовавшись цветами на очередной кочке, Изольда воткнула древко перед собой и чуть не провалилась в зыбкую грязь.

— Проклятье!

Купаться в мутной жиже раньше срока не хотелось. Впредь она будет ступать за Мак Тиром шаг в шаг.

Буйный, как прежде, Ирифи не отставал от отряда: бороздил небеса, время от времени забавляясь кругами на воде и распевая гортанно. У Хельмвинда от его песен скрипели зубы, но достать мерзавца верховный не мог, потому шагал, понемногу впадая в молчаливое бешенство.

Трясины казались бесконечными. Небо предостерегающе набухало — вот-вот накроет ливнем. Тогда придется искать не крепость, затерянную среди озер, а дорогу обратно. Только запомнить ее никто не старался.

Пыльный вихрь принял за новый отрывок древней боевой песни:

— Ветряные безжалостны луки,
Плети, стрелы прицельно разят.
Наши крылья, как лезвия, руки —
Ураганов сильнее во сто крат...

И, оборвав мелодию, закрутился за спиной Хельмвинда. — Далеко, мой владыка. Еще так далеко! А воды меж тем безбрежны — рыскай хоть сотню лет...

— Хватит ему докучать, — пригрозила Изольда, потрясая указательным пальцем. — Не то напущу на тебя сливовые побеги!

— Грех требовать, чтобы я умерил отраду, когда мой владыка почти спасен, — визгливо захныкал Ирифи. Но декламировать куплеты перестал.

— Вот и славно...

В иных обстоятельствах обиженный вид старичка огорчил бы принцессу, но теперь она лишь отмахнулась от пыльного шлейфа, запорошившего глаза.

— Хоть голова прекратит болеть.

В душе колдунья понимала: вовсе не от назойливых песен у нее ломит виски. Покоя не давал страх, червем обвивший нутро: что, если задумка ее не сработает и перстень Давена Сверра не убедит подданных Болотного королевства в том, что перед ними — новая властительница? Сумеет ли терновая ведьма от них отбиться? Положим, утопить ее русалки не смогут, но вот задушить, упрятать в свои пещеры, выкопанные в иле, — пожалуй. Что тогда станет с Хельмвиндом, Таалем?

— Кажется, сгодится, — заявил Лютинг, вторгаясь в беспросветные раздумья своей жены. — Глубоко, да и дороги в обход не видно.

Стащив заплечный мешок, он прошелся по окоему мутного озерца, прикидывая, сколько сажений до противоположного берега. На вид выходило не больше пяти.

— Сгодится для чего? — протянул Ирифи подозрительно. — Коли ты, фейлан, помышляешь о крепости, так ее тут вовек не стояло.

Но растолковывать вихрю что к чему, никто не собирался.

Хельмвинд также опустил свою поклажу на землю, осмотрел темнеющую в предвечерней серости гладь.

— Местечко краше некуда.

— Если где и сыщутся утопленницы, то в этом болоте. — Приморский королевич вытряхнул из складок одежды пучок сорной травы.

— Утопленницы? — Истина мало-помалу начала доходить до терзаемого недобрыми предчувствиями Пыльного вихря. Воротившись из высот, он плюхнулся неподалеку и окатил брызгами всю троицу. — Зачем вам болотные девы? Что ты задумал, повелитель?

Северный ветер нахмурился и завязал волосы в хвост, чтобы не лезли в глаза под водой.

— Постарайтесь задержать дыхание, пока будете плыть, — принялась наставлять Изольда. — В подводном чертоге будьте начеку. Я разыщу вас, как только окажусь там...

От волнения за спутников голос ее сделался тоньше, злополучный перстень жег руку, норовя выскользнуть и укатиться восвояси. Пришлось вдохнуть глубоко и стиснуть ладонь в кулак.

— Вы собираетесь в болото? — взвыл ошалело вихрь. — Безумцы!

Картина в его затуманенном разуме наконец сложилась, хрупкое душевное равновесие, обретенное не так давно, затрещало, как раздавленная ореховая скорлупа.

— Не слушай терновую ведьму, владыка! Она приворожила тебя... а теперь мечтает похоронить заживо в беспросветном глубоком омуте.

— Не стану я его хоронить! — вспыхнула принцесса возмущенно, едва не впервые выступив против ветхого старичка. — Я почти уверена, что русалки внемлют моим указаниям.

— Почти? — Ирифи репейником повис на краешке Хельмовой туники. — Только послушай, повелитель, это же верная смерть! Раз на то пошло, пусть с девчонкой идет фейлан. Его не жалко, да и будет кому приструнить ведьму, если выпадет нужда.

— Какой заботливый, — хмыкнул Лютинг, не тая особых обид.

Самоотверженность седого вихря в чем-то его восхищала.

Впрочем, Северный ветер ответил на слезные мольбы полным равнодушием.

— Отвяжись. — Шаг назад, и в скрюченных пальцах Ирифи вместо ткани остался бесплотный воздух.

— Я верну его, обещаю, — попыталась утешить несчастного страдальца принцесса, но тот поглядел с такой укоризной, что щеки ее заалели.

— Бессердечная душегубка! Все вы едины...

Впору было осадить Ирифи, но у Изольды, пребывавшей в расстроенных чувствах, не достало сил. Может, обвинения в ее адрес не беспочвенны?

— Зови своих русалок. — Северный ветер расшнуровал наручи, сбросил верхнюю одежду, бесполезную под водой. Хотел избавиться и от сапог, но в последний момент передумал: расхаживать в мокрой обуви противно, но оказаться босым в берлоге болотника еще пакостнее.

— Горе мне! — Ирифи сеял себе на голову пыль и песок, глядя, как терновая колдунья ворожит над поверхностью озера.

Действуя по наитию, она коснулась воды. Тут же чутье подсказало погрузить ладони по локоть.

«Услышьте, болотные твари, — пропел в тишине терновник, протягивая щупальца сквозь девичьи пальцы. — Тьер-на-вьёр приказывает вам...»

Лютинг с Хёльмвиндом молча наблюдали. Северный ветер припомнил не к месту болезненное обездвиживающее чувство, настигшее его, когда сливовые ветви прошли сквозь плоть, заставляя сердце забиться снова. Испытывает ли Изольда подобную боль, отдаваясь своим чарам?

Таальвен Валишер напряженно всматривался в озерную гладь. Поначалу она выглядела тихой и безмятежной, но вдруг всколыхнулась, запузырилась едва заметно.

— Берегись, мой бедный владыка! — возопил как оракул Ирифи.

Верховный лишь ближе подступил к берегу. Там, в топкой глине, что-то юркнуло, зашевелилось. Затем из воды показались зеленая макушка, мшистые глаза. Навстречу Изольде вынырнула голая по пояс девушка и замороженно уставилась на колдунью.

— Подплыви ближе, — позвала принцесса, не смея поверить, что просит о таком. Трясущиеся губы выдавали ее возбуждение с лихвой, но зеленоволосая гостя не замечала, как срывается на хрип предательское дыхание.

— Узнаёшь этот перстень? Он принадлежит той, которую ты обязана беспрекословно слушаться.

Девушка с пятнистой зеленой кожей нацелилась на протянутую ей ладонь и резко взметнулась из-под воды.

— Не двигайтесь! — предупредила терновая колдунья, догадываясь, что сейчас ее муж потянется за мечом, а Северный ветер — за своей плеткой. — Что бы она ни делала, оставайтесь на месте.

Посиневшие от переживаний и пробужденной силы глаза уставились на любопытную русалку. Придерживаясь за скользкий бережок, Изольда стала спускаться в омут.

— Что ты творишь? — глухо вымолвил Таальвен, и на мгновение принцессе почудилось, что за спиной у нее напружинил лапы готовый к прыжку волк. — Она явно не прониклась твоим могуществом.

— Нет. — Изольда сцепила зубы, когда ледяная озерная вода хлынула под одежду. — Но пусть убедится в том, что я ее не боюсь.

Обрадованная предстоящим скорым и легким обедом, русалка стремглав кинулась к девушке, обвила руками ее тонкую талию и собиралась уйти на дно со своей добычей, но тут хищные сливовые колючки больно укололи ее, защищая свою хозяйку, и нападавшей пришлось поспешно отскочить.

— Хс-с! — принялась жаловаться озерная дева, баюкая в воде израненные руки.

Завидев такое, даже Ирифи обратился во внимание. По природе своей он не любил болот и, глядя на утопленницу, трясся от омерзения.

— Я — твоя повелительница, — повторила принцесса строго, чтобы образумить скулящую девицу. — Посмеешь обидеть меня — лишишься жизни!

Водянистые глаза теперь глядели боязливо. Зеленокожая внимательно изучила перстень на колючей руке и, преисполнившись благоговения, окунулась в болото по подбородок.

— Хах-х...

Чувствуя, как сводит ступни, Изольда сошла по покатоному берегу глубже, провозгласила:

— Мне нужна помощь слуг. Этим двоим нужно доставить в болотный дворец. Немедленно!

На сей раз впечатленная русалка не стала мешкать. Понятливо пустив пузыри, она плюхнулась в пучину и спустя минуту вынырнула уже в компании нескольких подруг. Лица у них были больше похожи на человеческие, глаза глядели печально, а наготу кое-как прикрывали

облепившие тела сорочки. Но стоило рассмотреть цепкие крючковатые пальцы, и очарование развеивалось: вовсе не сострадание требовалось утопленницам, а горячая свежая плоть.

Сдаваться на их милость Изольде не хотелось, а поручать Таальвена и ветра прелестницам, оголодавшим без людского тепла, — и подавно. Но только обитатели болота знали короткие пути во владения Давсна Сверра, притом плавали так быстро, что заложники их не успели бы захлебнуться.

— Отнесите Хёльмвинда и Таальвена Валишера в мой королевский чертог! Да поживее, чтобы они остались живыми и невредимыми! А вздумаете тронуть, скормлю вас чудовищам, что заперты в костяных подвалах!

От такой угрозы утопленницы бросились в стороны, попрятались под кувшинками. То ли упоминание темниц их всполошило, то ли грозный вид терновой колдуньи. Но мало-помалу переполох улегся, водянистые взоры обратились к мужчинам. Видно, те прищлись им по вкусу, поскольку из полуоткрытых уст полилось нежное курлыкание. Обнаженные руки призывно потянулись из озера.

— Идите сюда... — Изольда оглянулась на своих ошарашенных спутников. Судя по напряженным позам, ни одному не хотелось следовать за ней.

— Твои утопленницы безмозглые, как улитки, — посетовал Хёльмвинд, пока ближайшая к нему девица игриво теребила камыш. — Что они обычно делают со своей добычей в трясине?

— Целуют, — поведала принцесса каменным голосом, — крепко, пока не надоест... а потом едят.

Тотчас лицо верховного ветра выразило такое отвращение, что впору было предположить: прикосновение скользких холодных губ для него страшнее, чем участь оказаться съеденным.

— Но с вами они так поступать не станут, — заверила колдунья, поправляя корону из ветвящейся терновой лозы.

Русалки поглядывали на нее почтительно, больше ни одна не решалась приблизиться, чтобы пощупать или попробовать на зуб.

— Видите, слушаются. Спускайся ко мне, Хёльмвинд, западная башня ждет.

Вспомнив о долге перед Веей Эрной, верховный выдохнул и по пояс скользнул в грязную воду. Как только он оказался в пределах досягаемости, две зеленые, словно тростник, девицы вцепились в ветра мертвой хваткой. Ладони одной с нечеловеческой силой надавили на плечи, пальцы другой зарылись в волосы.

— Ох! — невольно вырвалось у него, когда подросла третья претендентка на лакомый кусочек и принялась шипеть на соперниц.

— Отнесите его в болотный чертог, — громко повторила свое распоряжение колдунья, пока утопленницы тянули Хельмвинда вниз. — И не вздумайте топить!

«Неужели Лотарэ некогда была в их числе? — мелькнуло в голове у верховного, стиснутого в смертельных объятиях. — За то, что она пережила, Давен Сверр достоин смерти!»

В уши хлынула вода, тело, непроизвольно сопротивляясь, отталкивало перепончатые ладони.

— Повелитель! — зарыдал Ирифи.

— Прошу, Хельм, не трепыхайся. — От вида того, как ее новые служанки волочат ветра на глубину, у Изольды разрывалось сердце. — Они не причинят тебе вреда.

Последних слов северный владыка так и не услышал. Еще одна обожательница томно прильнула к нему, и от беловолосой головы остались одни круги на темной поверхности.

— Убийца! — бился в истерике Пыльный вихрь. — Кто оплачет моего непутевого господина?

От его стенаний Изольда вздрогнула, как от удара.

— Никому не придется. — Голубые глаза глядели покаянно, но вихрь не слушал, мечась над водой, впрочем, не слишком низко, чтобы ловкие утопленницы не смогли его достать.

— Твоя очередь, Таальвен Валишер.

Уговаривать королевича не пришлось. В два прыжка он оказался рядом, и от этого близкого присутствия принцессе сделалось чуточку спокойнее.

— Не показывай им страха, — шепнул он.

— Я и не... — Широкая ладонь под водой сжата ее руку.

— Ты боишься. — Таальвен махом отмел ее возражения. — Видят боги, Изольда, от меня этого не скрыть. Я все о тебе знаю. Но они...

Он покосился на озерных дев, сгрудившихся поодаль, и склонился к принцессе.

— Если болотные твари прознают об истинных твоих чувствах, догадаются, как холодеет от ужаса твоя кровь, их не отвадишь магией. В омуте ты убьешь одну, ранишь другую, но очередная все же вцепится зубами, выцарапает глаза. Не страшись их, принцесса, и никого на свете, ведь ты — тьер-на-вьёр...

Как случилось, что чувства ее стали для Лютинга открытой книгой?

Что позволяло ему видеть ее насквозь? Изольда беспомощно хватала ртом воздух, силясь возобладать над главным своим страхом, пока ступни вязли в густом иле.

— Полезай в омут, Лютинг Мак Тир.

Он ловко выпутал острый камышовый лист из мокрых завитков ее волос и направился к утопленницам.

— Живо тащите его во дворец! — распорядилась Изольда.

Но стайка зеленокожих девиц пугливо отпрянула. Похоже, вместо любви Таальвен внушал им какое-то другое, не в пример осторожное чувство, заставлявшее любопытно таращиться, но при этом держаться подальше.

— Быть может, их пугает твой меч? — предположила принцесса, мысленно соглашаясь с мудрым выбором утопленниц.

Недолго думая муж ее отцепил от пояса ножны и зашвырнул на берег. С громким плеском оружие шлепнулось на мелководье, откуда неугомонный Ирифи его незамедлительно выволок.

— А теперь? — Приморский королевич обезоруженно выставил вперед ладони.

Девицы все мялись, опуская долу мшистые очи, стоило Лютингу выхватить взглядом хоть одну.

— Закрой глаза, — догадалась принцесса. — Они боятся их... пламени.

Поборов удивление, Таальвен покорно зажмурился, и мигом череда рук потянулась к нему.

— Ш-ш-ш, — негодовали утопленницы, сердито скалясь и заплывая со спины. Куда только подевалось их сладострастие? Сообразив, что новая жертва не собирается сопротивляться, они вцепились в Лютинга, словно в дикого зверя, и бесцеремонно окунули в озеро. Секунда — и его макушка скрылась.

«Ничего не бойся! — твердила себе Изольда, стараясь не вспоминать, как покорно принц позволил увлечь себя в неизвестность. — Держись невозмутимо, как болотный король».

Первым делом нужно добраться до дворца так же скоро, как ее спутники. Задержав дыхание, принцесса опустилась в омут. И, сопровождаемая всего одной русалкой — той, что первой явилась на ее зов, унеслась в водовороты.

Ирифи продолжал вопить и бесноваться, когда перепончатая рука схватила Изольду. А затем свет поблек, и чаша мелкого озера превратилась в бездонный спуск вниз.

ГЛАВА 16

СВАДЕБНЫЙ ПЕРЕЗВОН

Вместо ног у проводимой Изольды был чешуйчатый оливковый хвост — это принцесса выяснила, как только глаза привыкли к размытому мельтешению искривленного подводного мира.

Плоский раздвоенный плавник, как маятник, колыхался из стороны в сторону, отталкиваясь от воды, позволяя своей обладательнице двигаться быстро и прытко, подобно настоящей рыбешке.

Значит, в спутницы терновой колдунье и верно попала русалка, не знавшая на своем веку иной обители, кроме холодного омута... у утопленниц обычно имелись человеческие тела.

Попросить бы ее плыть помедленнее, размечталась принцесса, ослепшая от оплеух водорослей. Но мешкать нельзя, покуда Таальвен и Хельм зажаты в тисках смертельных объятий!

Представляя, как зеленая пятерня накрывает безжизненные глаза Лютинга, как тянутся бескровные губы к бледным устам Северного ветра, Изольда что есть мочи молотила ногами, сея за собой облако мелких пузырьков. И русалка, раззадоренная веселой забавой, мчалась скорее.

В запальчивости своей она едва не вывихнула принцессе плечо, но вот вдали показались знакомые башенки исполинского пня. Болотный дворец нисколько не изменился, лишь гуще оброс мхом и ракушками.

— К крыльцу! — скомандовала колдунья, хлебнув с непривычки хлынувшей в рот воды.

Перистый хвостовой плавник русалки взвился, нечаянно вспоров штанину Изольды. Через минуту она уже опускалась на занесенные илом парадные ступеньки. Похоже, их давненько не чистили.

Каретный сарай в глубине подворья зарос роголистником, дверная створка болталась на одной петле. Изольда пригладила колом стоящую косу и оглядела темный вход в болотный чертог. Ни звука, ни шороха — что за зрелище ждет ее внутри? Русалка, сновавшая неподалеку, забила хвостом, подталкивая в спину. Видно, ей не терпелось выполнить приказ и уплыть восвояси.

«Ладно, — уговаривала себя колдунья, переступая порог. — На крайний случай есть ведь терновая магия».

И, преодолевая сопротивление воды, вошла в неосвещенный холл.

Двигаться сразу стало легче, дыхание возобновилось. Только с мокрой одежды полило, как из прохудившейся кадушки.

Пустяки... Вооружившись ветряным кинжалом, она направилась в глубь дворца. Главное — отыскать Хельма с Таальвенном.

Но залы и светлицы словно вымерли. Сколько бы ни рыскала по ним принцесса, натыкалась лишь на залежи ржавого хлама, некогда бывшего оружием, и кучи мусора. Длинные трапезные столы сплошь покрывала грязь, всюду царило запустение.

— Тааль, — наконец решилась нарушить могильную тишину Изольда. — Хельмвинд!

Рыхлые стены мигом впитали эхо, с потолка с противным хлюпаньем сорвалась дюжина мутных капель.

— Есть здесь кто-нибудь?

Тщетно было ждать ответа. Щупальца коридоров извивались до бесконечности, путницу по-прежнему окружали сырость да прилепившиеся к сводам улитки.

Так она и скиталась, вздрагивая при каждом шорохе, про себя отсчитывая гулкие удары сердца. Кое-где в напольных чашах теплились искорки торфяного пламени. Обнаружив такой светильник, принцесса старалась набрать горючего для маленького самодельного факела. Но сердцевина его быстро выгорала, и по большей части колдунья продвигалась в потемках.

Наконец стало очевидно, что на верхних уровнях заложников утопленниц нет. Если те и доставили их, как велено, то заперли в каком-нибудь стылом закутке. Именно так поступил бы Давен Сверр. Но вот беда: переходов в его чертоге не счесть. Какой из них выведет к нужной камере?

Раздобыв новую порцию топлива, принцесса чиркнула кресалом по кремню, запасливо хранившемуся в ее кошеле, и с третьего раза высекла искру. Торф задымился, рождая бледный голубой свет. С ним спускаться в покрытые мраком туннели было не так жутко.

Цок-цок — отстукивали по камню каблуки. Стараясь не оглядываться поминутно, Изольда забиралась все глубже, поднося светильник то к одному, то к другому зарешеченному окошку. Толку от этого было мало, ведь при таком слабом освещении дальние очертания клетушек четче не становились. Но принцесса верила: спутники ее непременно отзовутся, заслышав шаги. Обшаривать каждую запертую на засов тюрьму она остерегалась: вдруг наткнешься на пожелтевшие кости.

— Бам-м, — нарушил невеселую прогулку отчетливый стук. За ним последовал другой, третий. Будто кто-то колотил по прочной двери,

стремясь вырваться наружу. Кровожадные стражи, которыми в прошлом похвалялся болотник? Обезумевшие от долгих лет на цепи узники?

Пристыдив себя за трусость, терновая колдунья встряхнулась и заспешила на звук. Вдруг это Хельмвинд или Таальвен Валишер пытаются освободиться, пока она здесь трясется от страха?

Принцесса немедля перешла на бег. Узкий коридор вихлял как безумный. К счастью, несмолкающий грохот направлял точнее карты. И вот Изольда оказалась у нужной камеры.

— Хельмвинд?

Чудилось, что секунду назад из-за двери долетали шипящие ветряные проклятия.

— погоди немного, сейчас я тебя выпущу. — Вдев ножку факела в ржавое кольцо на стене, она примерилась к толстому тяжелому запору, которым запечатали тюремную дверь.

— Ис-с... — оживились по другую ее сторону в предчувствии свободы.

Услышав этот шепот, Изольда невольно замерла и попятилась.

— Хельм... Это правда ты?

Из пересечения прутьев в верхней части створки высунулись тонкие черные пальцы и по-паучьи поползли вниз. Острые коготки тоненько заскребли по клепанному металлу дерева.

— Ис-с...

Принцесса в ужасе вжалась в осклизший камень за спиной. Чудо, что она не успела сдвинуть злополучный засов. Хоть бы он оказался зачарованным и выдержал натиск неведомого пленника.

Сообразив, что выпускать его не собираются, обитатель темницы взвыл утробно, остервенело забился. От тряски створка заходила ходуном.

Этого оторопевшая колдунья вынести не смогла и, проглотив рвущийся из горла вопль, наугад бросилась в темноту. Налево, направо, вверх по крутым лестницам — куда угодно, лишь бы не видеть, как крадутся пальцы-соломинки по щербатым доскам.

Провалы боковых туннелей так и мелькали, ноги несли не разбирая дороги. Несколько раз она падала, но мигом вскакивала, не замечая боли. И с каждым новым витком в расширенных зрачках сгущалась чернота растревоженной магии.

Наконец вдалеке показался просвет. С утроенным рвением Изольда завернула за очередной поворот и с разбегу налетела на что-то живое и мягкое.

— У-у-у! — взвыло у нее под боком, когда колдунья в панике

заслонила руками. Разозленные сливовые колючки змеями потянулись к противнику, оцарапали незащищенную плоть.

— Чтоб тебе подавиться! — заорал болотный король, откатываясь назад. Поначалу он подумал, что его настигла кикимора, вооруженная острыми кривыми когтями, и наперед простился с жизнью. Но скоро выяснилось, что никто не собирается кромсать его грудь на части. Вместо приземистой туши чудовища в сумрачной тени распласталось худосочное девичье тельце.

— Глазам своим не верю! — И без того длинное лицо вытянулось еще больше. — Терновая ведьма?

Потерявшая на время контроль Изольда пошевелилась. Зрение, слух медленно возвращались, а волшебные ветви, напротив, прятались под кожу.

— Давен Сверр? — Опершись на колени, она удивленно заморгала, поползла к нему. Побледневший болотник тут же выхватил из-за пояса тупой обломок тесака.

— Не приближайся!

Похоже, за месяцы, что Давен Сверр провел в собственном чертоге в облике человека, нервы его совсем разладились. Немудрено.

— Я — не угроза тебе, — постаралась урезонить его колдунья, заправляя за ухо кудри, растрепавшиеся от бега. — Опусть свой нож.

— И не подумай. — Опираясь на стену, болотник тяжело поднялся, заковылял в глубь зала. — Наверняка ведьмовская натура возжелала большего вероломства, чем то, что уже свершилось. Потому ты явилась убить меня!

— О каком коварстве ты ведешь речь? — Принцесса и сама выпрямилась, невзначай нащупала ветряной клинок в сапоге. — Я лишь выполнила твое пожелание.

— Ты прокляла меня! — Бывший болотный король оскалил мелкие зубы.

— Разве не этого ты хотел?

— Нет! — Осунувшееся лицо заострилось сильнее. — Я мечтал стать человеком, а не утратить силу.

— Боюсь, одно без другого никак не воплотить.

— И ты не озаботилась сообщить мне раньше?!

На мгновение гнев, что копился в закромах его души не один день, превратил Давена Сверра в прежнего властителя, скорого на расправу. Это избавило принцессу от остатков непрощенной жалости.

— Когда же я должна была во всем тебе признаться? — сжала кулаки она. — В минуту, когда ты топил в пучине моих друзей или угрожал

смертью мне самой?

Болотник осекся. Первый шок минул, и до него помалу дошло, что швыряться необдуманно обвинениями — не только бессмысленно, но и опасно. В конце концов, перед ним тьер-на-вьёр, пусть и выглядящая как тощая девчонка. Не лучше ли выведать, что за заботы привели ее на дно омота?

Переменив позу на более расслабленную, он утер царапину на щеке рукавом и нехотя протянул:

— Что ж, возможно, я отчасти был неправ... Приношу свои извинения.

— Извиняйся сколько влезет, — хмыкнула принцесса, легко улавливая в угрюмом облике перемену. — Твоей беде все равно не поможет.

— Но вдруг подсобит твоей... Если причиной визита в Болотное царство послужила вовсе не моя скоропостижная кончина, — осколок ножа в пальцах Давена Сверра спрятался под грязной накидкой, — значит, у терновой ведьмы в болоте есть дела...

— Тебя они не касаются. — Изольда подбоченилась, крепче затянула пряжку на поясе.

Опыт настойчиво подсказывал: с пройдохой связываться не стоит. Но после гонки по лабиринтам подводного чертога она понятия не имела, где находится, не говоря уже о местоположении Таальвена с Хёльмвиндом. А Давен Сверр, сумевший выжить в катакомбах, неплохо здесь ориентировался. Может, всего разок обратиться к нему?

Украдкой она скользнула взглядом по впалым глазницам, выхватила из темноты изъеденные худобой черты — смертоносным бывший король не казался. Положим, в складках платья у него припрятано еще какое-нибудь оружие. Пустит ли он его в ход против той, от которой разумнее получить выгоду?

— Так чем тьер-на-вьёр занимается в Болотном королевстве? — дал волю своему любопытству Давен Сверр. — И откого улепетывала? Не от здешних ли Вор-Хала, заманивающих жертв подобием человеческой речи?

В памяти принцессы всплыла жуткая до тошноты картина встречи с недавним пленником. А ведь она действительно приняла издаваемые им звуки за ветряное наречие.

— В моих подвалах множество существ, с которыми лучше не встречаться, — хвастал дальше повелитель трясин. — Даже глупые утопленницы не забредают сюда. Именно потому я избрал эту пещеру своим убежищем: чем страшнее чудовища под боком, тем меньше охотников оказаться у их логова.

— А сам ты не боишься угодить в когтистые лапы? — Изольда не

заметила, как исподволь втягивается в разговор.

— Нет. — Темные глаза Давена Сверра хитро взблеснули. — Я хорошо знаю нижние уровни, ведь лично приказал их выкопать. И ни за что не куплюсь ни на призывное бормотание Вор-Хала, ни на замковые ловушки. Ты же слышала о них, ведьма?

Сбитая с толку принцесса вгляделась в многочисленные провалы нор, ведущих из пещеры.

— Ямы со слизнями, зыбучие пески, живые и вечно голодные цветы исполинских пузырчаток — всего и не упомнишь... — Он царапнул по стене, по старой привычке затачивая ногти. — Если желаешь, могу провести мимо всего этого добра. За справедливую плату, конечно...

Принцесса покачала головой, мысленно отдавая должное его изворотливости. Не прошло и десятка минут, как трясущийся за свою жизнь узник сделался расчетливым вымогателем. То ли еще будет.

Подметив, что внимание ее привлек самый широкий туннель, болотник вдруг заявил доверительно:

— Этим коридором пользоваться не советую. Не далее как пару часов назад по нему промаршировала целая процессия.

— Вот как? — Изольда наострила уши, нарочно подогревая азарт собеседника.

— Судя по грохоту, мои непутевые подданные волокли кого-то в грибные темницы. Наверное, поймали свежатину.

Он мечтательно облизнул губы, верный былым аппетитам.

— Значит, прошли совсем недавно?

На ходу выуживая из-за голенища клинок, терновая колдунья решительно сунулась в круглый зев хода. Болотному королю от такого безрассудства на миг изменила выдержка.

— Ты оглохла? — кинулся вдогонку он. — Говорю же, тем путем следовать опасно!

Принцесса даже не оглянулась, знай, шагала, придерживаясь за мокрую стену.

— Безмозглая чародейка! — злобно чертыхнулся Давен Сверр.

Досадно утратить шанс на спасение после того, как в голове созрел план побега из подводного плена. Но что за блажь — бросаться наперерез ошалевшим болотным тварям, которых получалось так удачно избегать до нынешнего дня.

На его счастье, уйти далеко Изольда не успела: первая же развилка, возникшая в тусклом сиянии грибов-гнилушек, заставила ее наморщить лоб.

— Куда теперь?

— Назад, — едва не дергая колдунью за ворот, вспыхнул бывший король, — пока болотные черти не обнаружили.

— Это были утопленницы, — повела плечом Изольда. — И они безобидны.

— Неужто? — Повелитель омутов аж поперхнулся возмущением. — Полюбоваться бы тебе, как голыми руками бестии расправляются с пойманными простофилями, мигом бы дурь из головы выветрилась! Или полагаешь, все они кроткие и разумные, как твоя драгоценная ветресса?

— Постой-ка. — Догадка вдруг озарила его угловатые черты. — Откуда ты знаешь, кто именно накануне шастал в коридоре?

Принцесса смахнула с виска капельки болотной влаги. Тайна ее, доселе служившая хоть малым, но преимуществом, трещала по швам. От этого в мыслях воцарился еще больший сумбур.

— Мне нужно попасть в темницу, которую ты упомянул. Поможешь разыскать ее быстро?

Но Давен Сверр уже учуял наживу и принялся за охотничью игру с пылом настоящего умельца.

— Так подводные девки поймали кого-то из твоих друзей! Неужели опять волка?

— Показывай дорогу или убирайся в свою нору, — оборвала терновая колдунья, стремясь остаться хозяйкой положения.

— Ухожу, раз ты настаиваешь. — Нескладная фигура плавно повернулась назад. — Но имей в виду: топляки, обитающие в зарослях за стенами этой части дворца, нередко роют лазы в мои темницы. Залить их они не могут, так как чертог надежно зачарован от воды, но вот сожрать запертых в камерах пленников — запросто. Сам я не раз находил обглоданную черепушку или бедренную кость, когда приходил проведать несчастных.

— Стой! — в отчаянии Изольда прикусила губу. — Что ты хочешь в обмен на услуги провожатого?

— Собственноручно умертвить тебя, — откровенно признался болотный король. — Но для начала сойдет и свобода.

Слова так и сочились желчью, рассеивая напускную вежливость, как дым.

Теперь с ловкачом тем более следует держать ухо востро, напряглась колдунья, но чем она могла припугнуть давнего врага? Чарами — вряд ли, после того как он догадался о собственной важности.

— По рукам, — вздохнула принцесса, поглядывая исподлобья. — Я

вытащу тебя на берег, если сможешь найти Таальвена Валишера и Северного ветра...

— Сразу двоих? — От восторга он чуть не захлопал в ладоши: такая удача после череды мытарств. — За двойную подмогу полагается щедрое вознаграждение...

Изольда мрачно сложила руки на груди, ожидая подвоха. Но Давен Сверр заключил лукаво:

— Потолкуем о награде, когда вызволим первого твоего Дружка.

И, приблизившись к развилке, великодушно указал на один из туннелей.

— Ведьмы вперед, на случай, если по дороге нам встретится стража...

Каков мерзавец, смеет ею помыкать, хотя недавно ползал перед колдуньей на брюхе!

Держа наготове рукоятку голубого кинжала, принцесса молча потопала в полумрак — навстречу Лютингу или, если интуиция ее подвела, — прямо в разинутые клыкастые пасти.

* * *

От последствий тернового проклятия Давен Сверр отоцал, сгорбился. Изольда видела, как болтается на нем мешком потрепанная одежда. Не ускользнули от ее внимания и выпирающие, словно лоза из ветхой корзины, полукружия ребер. По всему выходило, жизнь у заложника ее чар сложилась незавидная.

Оглядываясь на него через плечо, принцесса мимоходом отмечала, что самонадеянности в движениях бывшего короля поубавилось. Они сделались крадущимися, отрывистыми, как у притаившейся в засаде ласки. Впрочем, голод и лишения не избавили ее старого знакомого от капризов и дурных манер, лишь заставили скрывать их под маской лживой почтительности.

Как пить дать Давен Сверр мечтал броситься на нее, переломить ей шею, но на стороне колдуньи имелась магия. Защитит ли она свою хозяйку от бед? Утверждать с уверенностью принцесса не отваживалась. Иногда терновник и правда выручал, но происходило это в основном произвольно. Для того же, чтобы управлять колдовством всецело, требовалось учиться.

Кое-как ориентируясь по сиянию бледных поганок, Изольда обогнула остов продырявленного доспеха и выждала с минуту. Хвала богам, ни тех,

кто притащил сюда латы, ни других, носивших их при жизни, слышно не было. Болотник также умудрялся не производить лишних шорохов.

Удостоверившись, что он следует за ней, Изольда продолжила путь. Интересно, как ему удалось продержаться в гиблом чертоге так долго? Наверняка приходилось прятаться в тесных норах, ночевать впроголодь...

Убеждая себя, что живодер заслужил расплату, колдунья вдруг пришла к неприятному умозаключению: чего же тогда достойна тьер-на-вьёр? А она сама, бесправно разящая всех неугодных колдовством? Суда, вечной темницы, более жестокого возмездия?

— Прибыли, — провозгласил провожатый негромко. — Грибная тюрьма аккурат за поворотом. Спускайся, если хочешь, а я покараулю.

Предложение смутило принцессу, но спорить на пороге предполагаемого узилища своих спутников она себе не позволила. Окатила Давена Сверра ледяным взглядом и юркнула за угол. Почти тотчас дорогу преградил глухой тупик.

— Ты обманул меня!

— Погляди себе под ноги, — проворчал нетерпеливо болотник, — да поживее, пока не набежали желающие нами попить.

Последовав указанию, принцесса опустила голову и, верно, рассмотрела в полу люк с громадным кольцом — круглый и, похоже, страшно тяжелый. Но зато на нем не было ни единого замка или запора. Утопленницы не тревожатся о побеге своего пленника?

Одолеваемая дурными предчувствиями, она поднатужилась и потащила, затем рванула на себя, дернула в сторону. Крышка поддавалась с трудом. Пришлось умерить гордость и кликнуть на подмогу наблюдавшего за туннелем болотника.

— Мне возиться с черной работой? — кисло скривился он. — А потом велишь ботинки тебе вычистить?

Но Изольда была неумолима.

— Я согласилась взять тебя на сушу, если подсобишь в спасении моих друзей. В противном случае считай нашу сделку расторгнутой.

— Ох, ладно, ладно, — каркнул бывший король, хватаясь за кольцо. — Будь проклят тот день, когда я сподобился утопить тебя!

Несмотря на хилый вид, он оказался на удивление сильным. И дело у них заладилось: неподатливая дверца заскрежетала по земле, съехала.

— Тс-с! — зашипел на принцессу Давен Сверр, нервно оглядываясь по сторонам. — Клади осторожнее.

Покончив со злополучной крышкой, Изольда прильнула к краешку люка и свесилась вниз.

— Хёльм, Таальвен Валишер?

Изнутри пахло густым сладковатым душком — вроде бы гнилостным, но при этом заманчиво привлекательным. У Изольды даже голова закружилась.

— Тааль?

В темноте было слышно, как плещет тоненький ручеек, но различить дно или стены погреба не удавалось. Внезапно издалека раздался тихий сдавленный кашель, за ним сиплое прерывистое дыхание.

— Изольда? — медленно проговорил Лютинг. — Ты не чудишься мне?

— Слава праветрам! — От радости принцесса чуть не свалилась в темницу. — Прости, что так долго. Я искала вас с Хёльмвиндом повсюду, но треклятый дворец как подводный муравейник!

— Выходит, Северный ветер не с тобой? — сонно уточнил королевич. — Здесь его тоже нет...

Речь была приглушенной, вялой, будто он еле ворочал языком.

— Ничего. — Наобум шаря во мраке, принцесса силилась нащупать хоть кусочек тверди. — Вдвоем мы живо вызволим и его. Главное, что ты цел.

Узник замолчал, словно размышляя над спорным утверждением, и от волнения у терновой колдуньи засосало под ложечкой.

— Ведь с тобой все в порядке, правда?

— Да, — поспешил успокоить Лютинг. — Просто в голове туман и перед глазами сплошной мрак.

Она облегченно обмякла.

— С этой загадкой мы живо разделаемся: вытащим тебя наверх, и мир сразу обретет очертания.

Поддрагивающие пальцы принялись распутывать завязки на плаще.

— Хватит копать, — поторопил болотник, косясь на черный зев коридора. В компании тьер-на-вьёр или нет, в здешнем сыром закутке он — что мышь в западне. Если загонят в угол, не отобьешься.

— Кто там с тобой? — насторожился в своей тюрьме Таальвен Валишер.

Пришлось Изольде набраться храбрости и открыть правду.

— Давен Сверр.

— Что? — На сей раз окрик получился живым, выразительным. — Болотный король, которого мы считали мертвым?

— Я потом все объясню, ладно? — Она опустила в отверстие люка скрученную в канат накидку. — Попытайся ухватиться за плащ, что я тебе сбросила.

По шумному сопению приморского королевича можно было запросто догадаться: от новой компании он не в восторге. Но насчет несвоевременности пререканий принцесса рассудила верно.

Потоптавшись на месте, Лютинг наугад примерился, куда именно прыгать, и оттолкнулся от земляной почвы — мимо.

Изольда глубже сунула в яму запястье, перехваченное тугим хитроумным узлом.

— Чуть повыше...

О том, почему ее муж не замечает света, обозначившего выход пятном в полотке, принцесса предпочитала не думать. В конец концов, ей самой так же сложно разглядеть его в этих недрах.

Нацелившись на встревоженный голос, королевич предпринял новую попытку. И хоть кровь у него в висках оглушающе бухала, задел ткань накидки кончиками пальцев.

— Почти получилось! — возликовала Изольда. — Осталась всего четверть вершка.

Ноги Таальвена постепенно слабели. Создавалось впечатление, что он пролежал без движения неделю... Мышцы отказывались напрягаться, тяжелая голова соображала все хуже.

Но зов северинской принцессы был сильнее навязчивой истомы. Шепча его имя, она тянулась к королевичу, и, связанный клятвой верности, он обязан был перевернуть небо и землю, чтобы дать ей желаемое.

Вверх! Ладонь победно сомкнулась на кончике веревки. Изольда охнула, поддавшись рывку, стремительно сползая в подземелье. И непременно свалилась бы, если бы ее вовремя не поймал болотный король.

— Неумеха! — принялся отчитывать он. — Раз духу не хватает, не берись.

Пальцы впивались в ее бедра, спину, как рыболовные крюки. О том, чтобы действовать бережнее, Давен Сверр не заботился.

Но принцесса, сцепив зубы, терпела. Лишь бы вытащил Таальвена на свободу. От неподъемной тяжести кисть у нее онемела, но разукрашенные терновником пальцы готовы были держать до последнего.

Наконец болотный король добрался до потрескивающей ткани, стал сматывать ее вершок за вершком. А едва рука приморского королевича показалась в провале, прытко нырнул за ней.

— Э, да он с момента нашей последней встречи избавился от хвоста! Твоя работа, тьер-на-вьёр?

Запыхавшейся колдунье было не до ехидных замечаний. Теперь, когда ее защитник оказался рядом, она окончательно убедилась: вид у него

болезненный. Может, неразумные утопленницы ненароком изувечили узника?

Бережно прислонив изнуренного Таальвена к стене, Изольда принялась выискивать порезы, следы крови. Но алых пятен на одежде не было. Тогда, чтобы развеять все сомнения, она попыталась ощупать притихшего королевича.

Широкая ладонь тотчас перехватила ее тонкие пальцы.

— Не трать время попусту — я не ранен... — Грудь его вздымалась и опадала надрывно, тяжело.

— Но я ведь чувствую, что-то...

— Не так... — Лютинг слепо уставился на принцессу, и она разглядела, какими мутными и пустыми стали некогда яркие глаза. — Я по-прежнему ничего не вижу...

* * *

— Хорошо убиваться, ему же не оторвали голову, — закатил глаза болотный король.

Причина, по которой тьер-на-вьёр целых четверть часа металась, словно муха в паутине, была искренне ему непонятна.

— Поверь мне на слово, люди и без глаз прекрасно обходятся, коли жизнь дорога...

Словно в подтверждение его зловещих намеков, Таальвен воинственно обернулся, без промаха определяя положение болотника в застывшей свет темноте.

— Ну-ну! — Тот боязливо отступил в сторону. — Вернется твое зрение.

— Когда? Как? — Взвинченная Изольда позабыла о том, что нужно вести себя бесшумно. Лютинг же насупленно молчал, сохраняя прежнюю напряженную стойку.

— Твоего спутника ненароком разместили в ядовитой грибной темнице, — пояснил Давен Сверр. — Если вдыхать ее пары достаточно долго, то размякнешь, словно хлебная корка в молоке.

— Что это значит? — На всякий случай колдунья отпрянула подальше от тюремной ямы.

— Сначала исчезнет зрение, слух, потом откажут руки-ноги, оборвется дыхание... а дальше грибные корни просто впитают тебя с водой, как кашицу...

Изольда сглотнула, с трудом сдерживая гримасу отвращения. Она ведь и сама дышала отравленным воздухом.

— Но твой друг пробыл в подземелье слишком мало, чтобы превратиться в кисель. И вероятнее всего, не успел сильно пострадать.

— От твоих домыслов нам должно стать спокойнее?

Болотный король безучастно развел руками.

— Я ведь не всесильный чародей, чтобы знать наверняка...

При виде ухмылки на тонких губах внутри у Изольды все заклокотало: лиходеи насмехается, да еще наслаждается чужим горем! Захотелось раствориться в зареве гнева, дать волю сокрушающему неистовству магии и пристукнуть болотника, как комара.

Но пламя под вскипающим котлом ее ярости остудил приморский королевич.

— Что Давен Сверр вообще здесь делает? — произнес он спокойно, будто осознание собственной слепоты ничуть не порушило его выдержки. — Ты обещала рассказать...

Принцесса опомнилась, стряхнула с пальцев искорки незваного волшебства.

— Помогает мне не заплутать в лабиринтах болотного чертога... я наткнулась на него случайно...

И, перескакивая от события к событию, кратко изложила все, что произошло с ней после погружения в темные глубины озера. Когда черед дошел до сожалений, что испытывала она из-за временной слепоты Лютинга, болотник притопнул нетерпеливо.

— Поворкуете, когда выберемся из переходов! Каждую секунду сюда могут нагряться черти.

К несчастью, он был прав. Пришлось отложить признания и поспешить за ненадежным провожатым, воровато семенившим по туннелю. Но как поспеет за ним Таальвен Валишер? Недолго думая, принцесса крепко сжала его ладонь и шагнула в полумрак.

— Иди за мной...

Спутник ее двинулся следом без лишних вопросов, да так уверенно, словно различал дорогу лучше, чем сама Изольда. Снедаемая сомнениями, она даже обернулась, но вместо изумрудного огня рассмотрела лишь белесую пленку, затянувшую его зрачки, — удивительно! Может, по волчьей памяти Тааль полагается на слух или острое чутье?

Невесть зачем отсчитывая боковые пролеты, колдунья вдруг вспомнила об одной детской игре. По правилам в ней завязывали глаза всем, кроме ведущего, игроки брались за руки и шли туда, куда он укажет.

При этом зрячий обычно приговаривал, будто крадется по шаткому мостику над пропастью или замирает на краю обрыва... Остальным требовалось беспрекословно следовать его указаниям — прыгать, когда велют, пригибаться, уворачиваться.

Забава была одновременно веселой и страшной, иногда дети взаправду забирались под лестницы и в чуланы в поисках настоящих преград. Замковая ребятня даже прыгала в сено с покатых крыш амбаров, но Изольда присоединялась к ним крайне редко. Никто не решался тащить принцессу в лужу, служившую морем, или заставлять перелезть через забор. А уж отвечать за ее шишки — и подавно.

Потому с ней играли в основном скучные няньки и иногда Стефан. Но если он надевал на сестру повязку, то замковые коридоры полнились визгом.

— Осторожно, горный лев! — выкрикивал северинский принц, заставляя девочку припадать к полу. — Берегись, с люстры свесилась огромная змея!

Взбудораженная собственным воображением, она пицала, втягивала голову в плечи и стаскивала со лба платок, неизменно проигрывая изобретательному брату. Не потому что не доверяла ему, просто не могла вынести незримой опасности.

Как же Лютинг Мак Тир ее переживает? Вериг ей или давно окаменел изнутри, словно прибрежная скала на северном побережье? Несокрушимый вид его говорил в пользу последнего, но теплая ладонь, в которой легко спрятать пятерню, убеждала: сердце королевича такое же горячее, как ее собственное. Нужно лишь разглядеть за рублеными чертами отражение того, по кому тоскует душа...

Но не теперь, не сегодня... Хёльмвинд нуждается в ее помощи, судьба Розы Ветров зависит от их похода. Значит, сердечные терзания подождут, решила принцесса и, едва сырые лабиринты сменились дворцовыми коридорами, потребовала показать покои утопленниц.

Давен Сверр нахмурился, но все же свернул в один из многочисленных залов. Раз ведьма желает развязать языки немым, словно устрицы, подводницам, он удерживать не станет. Как и соваться на рожон — пускай управляется сама!

Одна за другой распахивались двери заброшенных спален, пока принцесса продвигалась к самой дальней, за стенами которой слышалась тихая возня. Похоже, зеленоволосые прислужницы что-то не поделили.

Незапертая створка медленно отворилась. Лютинг, не дожидаясь сигнала, отпустил руку своей провожатой. Бывший болотный король

шмыгнул в закуток, готовый спастись бегством, если придется. Но Изольда не намерена была удирать от новоиспеченных служанок. Напротив, собиралась призвать их к ответу за то, что они сотворили с Таалем, и выяснить, куда горе-помощницы подевали второго ее спутника.

Увы, внятной беседы не вышло. Сразу за порогом колдунья обнаружила ворох гнилой соломы, в котором, будто в гигантском гнезде, возлежал Северный ветер — бледный и на вид неживой. И самое худшее — окружен он был босоногими утопленницами, приникшими к его бесчувственному телу.

Стаей диковинных птиц они облепили лежанку, длинные пальцы перебирали серебристые волосы, тянули, бесцеремонно гладили. Одна из девиц даже устроилась у верховного на груди, зарывшись носом в вырез его туники. Но места на «постели» хватило не всем, оставшиеся не у дел прелестницы вились у изголовья, сердито шипя. Более удачливые подружки скалились в ответ и плотнее припадали к своей добыче.

От такого зрелища кровь отхлынула у принцессы от лица. Схватив первую попавшуюся под руку вещь, она кинулась в бой, рыча во все горло:

— А ну прочь, рыбьеглазые, оставьте его в покое!

Щербатая посуда, которой оказался пущенный колдуньей снаряд, засвистела над головами болотных дев и, не причинив им вреда, громыхнула о стену. Тут же в руках у Изольды очутился обломок копья, но надобности в оружии больше не было: всполошенные ее яростью, тюремщицы Хельмвинда с визгом ринулись врассыпную.

— Да как вы посмели тронуть его? — рявкнула принцесса, мельком оглядывая неподвижного ветра. — По-вашему, Хельм — ужин или очередная забава?

Синеватые следы от зубов лучше ответа пестрели на белой коже, пока утопленницы в страхе прятали лица под нечесаными космами.

— Собирались его сожрать? — Копье лязгнуло о камень, и виноватое хныканье сделалась громче.

— Кого? — простонал Северный ветер, с трудом разлепляя веки.

У колдуньи отлегло от сердца, и, позабыв о непутевых прислужницах, она опустилась в гнездо у его ног.

— Тебя, разумеется...

Придерживая гудящую голову, верховный вынырнул из гнилой соломы, озадаченно осмотрел синяки на собственных запястьях. Странно, откуда они? Затем поднял глаза на растрепанную колдунью и наконец вспомнил озеро и проклятых русалок.

— Мы все еще на дне болота? А мне грезились Сеам Хор, звонкая

песня вьюг в пустых оконных проемах...

— Может, они ее тебе нашептали, — принцесса кивнула на болотных дев, — пока примерялись к угощению.

Ветер невольно оглянулся. Голодные утопленницы заулыбались маняще, колыхнулись к его постели.

— Стоять на месте! — приструнила Изольда. — Или превращу в слизней!

Несколько пар зеленых глаз спешно потупилось. Но в подлинности раскаяния засомневался бы и Таальвен Валишер, лишенный возможности наблюдать за плутовками воочию.

— Всех вас не мешало бы наказать за неповиновение, — строго проговорила принцесса, — да пользы от этого никакой. Надеюсь, хоть для поисков ветряной башни сгодитесь...

И указала на маленькое зарешеченное окошко.

— Принесите мне горловину спрятанного там рога, и я, так и быть, прощу ваши проступки...

Присмирившие подводницы дружно проследили за ее жестом и остались подпирать стену как ни в чем не бывато. На их несмышленных лицах читался лишь испуг и одновременно нескрываемая досада от того, что не удаюсь испробовать свежего мяса прежде, чем терновая пришелица ворвалась в их логово.

— Не слишком они торопятя тебя уважить, — посетовал Хельмвинд. — Может, подхлестнуть их сливовой лозой?

— Чтобы окончательно разогнать по углам? — Принцесса устало коснулась гладкого лба. — Где я потом возьму новых помощниц?

И повторила с нажимом, обращаясь к утопленникам:

— Ступайте в болото и отыщите ветряную цитадель!

Гладкий перстень на ее руке блеснул призывно, и внезапно Давен Сверр, таившийся в тени, злорадно захихикал.

— Так вот чего на самом деле хочет тьер-на-вьёр — добраться до затопленной крепости, заручившись поддержкой этих тупиц... Ой, держите меня тритоны...

Плечи, закутанные ветхим тряпьем, затряслись, сиплое дыхание толчками полетело из его гортани.

— Преклоняюсь перед твоей самонадеянностью, ведьма, но утопленницы здесь не помогут. Если бы ты хоть месяц пожила в болоте, знала бы: они не плавают дальше окрестных глубин, дни напролет карауля у поверхности, и вряд ли видели хоть треть моего царства... — Куда полезнее разослать по омутам вьюнов и угрей, расспросить местных

кикимор, только вряд ли эти твари послушаются самозванку... — Сцепив костлявые пальцы в замок, он ухмыльнулся триумфально. — Пусть услужливость зеленоволосых подводниц не вводит тебя в заблуждение. Когда-то они были людьми, человеческие чувства еще тлеют в их застывших сердцах. Но попробуй покомандовать настоящими моими армиями, наводнившими норы, непроходимые водорослевые чащи, и узнаешь, чего стоит терновое колдовство в трясине!

— Неужто не существует способа извести этого скользкого выскочку? — вмешался в разговор Северный ветер. В высоком нескладном оборванце он без труда признал своего бывшего мучителя и не испытывал ни малейшего желания с ним любезничать. — Я бы затолкал кляп в его лживую пасть или сунул в погреб, если не умолкнет.

— Вот, значит, как терновая колдунья платит по счетам? — Болотник оскорбленно схватился за сердце. — Что ж, вяжите меня, раз приспичило, сажайте в темницу... Никто все равно не станет вам помогать. Придется топтать в подводные дали самостоятельно. Надеюсь, времени у вас в избытке...

Догадываясь, что страстный монолог не иссяк, принцесса призвала на помощь все свое терпение, теща Давена Сверра пристальным вниманием.

— Но кабы тьер-на-вьёр была мудра, — подстегиваемый успехом, паясничал он, — то не тратила бы недели и месяцы на пешие прогулки в тине. А попросила бы помощи у истинного правителя топей — болотного короля.

— Я и есть болотный король, — изрекла Изольда без высокомерия, — пока ношу на пальце этот перстень.

— Ведьма, а наивна, как дитя... — От напускного умиления рот Давена Сверра разинулся в мелкозубой звериной улыбке. — Но вынужден тебя разочаровать: мое кольцо хоть и дает определенную силу, не делает носителя повелителем пучин. Убедись в этом сама, если не веришь, — заставь моих подданных подчиняться!

Изольда бессильно помяла тонкие кисти рук. Вера в собственное могущество, обретенная не так давно, стремительно истончалась. Но все же рядом стоял Таальвен Валишер, а Хёльмвинд заслонял от бед по другую сторону. Это вселило спокойствие в дрогнувший было голос.

— Даже желай я тебя использовать, — нарочно поддалась ходу его мыслей принцесса, — терновые чары необратимы... Что толку судить о власти, данной болотному королю, если я не могу вернуть тебе прежний лик?

— В том-то и суть, что можешь... — В мгновение ока Давен Сверр

сделался предельно серьезным, кожа на выпирающих скулах натянулась. — Подумай хорошенько, мы ведь толкуем о твоём собственном проклятии, тьер-на-вьёр.

На что он намекает? Растерянно теребя обручальные перстни, Изольда уткнулась взглядом в гурьбу утопленниц, скучавших в отдалении, и про себя повторила слова, некогда сотканые из магии и ее жажды расквитаться:

«Никогда тебе не сбросить оковы моего колдовства... Разве что объявится сумасшедшая утопленница, обязанная тебе своей преждевременной кончиной, которая по доброй воле согласится стать твоей женой. Найдешь такую, и снова обретешь прежний вид!»

Не в этих же строках бывший король ищет спасение? Ведь нет ни одной обитательницы болотного чертога, сохранившей ясность ума и при этом безумной настолько, чтобы пожелать...

И тут низкий чужой голос разорвал петлю ее мыслей, глумливо швырнул в лицо знакомое женское имя:

«А как же Лотарэ? Ее можно попросить, потребовать...»

— Замолчи!

От неожиданного окрика задремавшие от безделья болотные девы подскочили, кинулись наутек. Самая прыткая сумела извернуться и выскользнуть за порог, но следующую беглянку, метившую туда же, Лютинг изловил выверенным движением.

— Ты просишь недопустимого... И задумываться о таком не хочу!

Давен Сверр, не привыкший к ее пререканиям с тьер-на-вьёр, воспринял тираду на свой счет.

— Разве я нуждаюсь в сильном союзнике — властителе топей и омутов, чтобы добиться цели? Моим друзьям требуется провожатый и лекарство от слепоты? О нет... Мне довольно и того, что ты вытащишь меня на сушу, как условились...

При упоминании болезни Хёльмвинд бросил беглый взгляд на приморского королевича, но не заметил в его манере держаться ни малейшего намека на недуг.

Тем временем болотник напирал, вдохновляясь все больше:

— Твоя вина, ведьма, что придется засучить рукава и призвать на подмогу чары! Так хватит ныть — принимайся за работу или выметайся в трясины на поиски башни. Только не строй из себя безгрешницу, которой впервые приходится марать белые ручки!

— Кажется, король окончательно свихнулся, — доложил Северный ветер с ехидцей, отлепляя от рукава колючий стебель какого-то вьющегося

растения. — Или захирел от сырости... То-то он несет чепуху...

— К моему стыду, он говорит о противодействии, что полагается любому заклятию... — От правды, в которой вынуждена была сознаться, Изольда едва не трепетала. — Обязательных условиях, выполнив которые, можно расколдоваться.

— Так от магии существует средство? — На секунду Хёльмвинд позабыл о гоноре.

— Зачастую непосильное, придуманное лишь затем, чтобы на словах уравновесить колдовское вмешательство... Но в случае с Таальвеном оно сработало.

— Удачно донельзя, — небрежно поддакнул верховный. — И что же нужно сотворить, дабы разрушить проклятие этого душегуба? Обратит его в пиявку? За ночь вычистить за него от ила все омуты?

Колдунья сдавленно качнула головой.

— Женить его на девушке, что добровольно согласится на брак после того, как болотник ее утопил...

— Какое изуверство. — Ветер сосредоточенно распутал шнуровку на горловине туники. Похоже, признание его не потрясло, во всяком случае, не настолько, чтобы отвлечься от наведения туалета.

— Но на что не пойдешь ради благого дела. — Походя задетый браслет на его запястье неприятно хрустнул. — Хватаем любую зеленокожую в этом хлеву и уговариваем произнести любовные клятвы... а дальше...

— Не выйдет, — опечалилась принцесса. — Обычные подводницы на роль невесты не годятся. Они — лишь подобия тех, кем были раньше, лишенные возможности соображать. Для обряда нужна девушка, понимающая, на что она идет.

— У тьер-на-вьёр не бывает простых задач, верно? Зря я полагал, что она ненароком поскупилась на колдовские ухищрения. Но раз так, участь короля безнадежна: невесту ему днем с огнем не сыскать.

— Если только мы сами не выберем ее из числа тех, кому можно повелеть пойти под венец... — озвучила роковую истину Изольда. — Понимаете?

Прозрачные очи Хёльмвинда почти сразу озарила догадка, и замешательство колдуньи сделалось очевидным.

— Лотарэ? — медленно вымолвил он, дивясь тому, как причудливо ткет свои нити судьба, отмеченная узором терновой магии.

— Лотарэ... — словно угощение, повертел на языке Давен Сверр. — Маленькая ветресса-утопленница, так некстати меня покинувшая... Всегда знал: не стоит ее отпускать...

Лотарэ — молчаливая, застенчивая, спасшая некогда жизнь самой Изольде... Здесь нечего было обсуждать. Но по мере того как рушились надежды призвать на помощь утопленниц, затея с возвращением болотного короля превращалась в единственную возможность, которую нельзя упускать.

В попытке найти иной выход терновая колдунья гонялась за подводницами, пока они не улизнули, — все до единой, объятые паникой. Смирившись с тем, что служанкам не дано уразуметь ее призывов, принцесса прильнула к решетчатому окну, намереваясь приманить русалок. Но кроме далеких теней, сновавших в подводных зарослях, около дворца никто не проплывал.

Пришлось вернуться к тому, с чего она начала, и вновь обратить внимание на Давена Сверра, преспокойно взгромоздившегося на недавнюю постель Хёльмвинда. Чтобы было сподручнее, он натаскал соломы к стене, выстроил из нее подобие кресла и теперь восседал на гнилой подушке с таким видом, будто трое спутников явились в его светлицу на поклон. Лютинга с Северным ветром он игнорировал с подчеркнутым безразличием, словно присутствие их нисколько его не тревожило.

Между тем мужчины успели перекинуться парой слов и, пока болотник суетился, выяснить, как лучше держать оборону, если придется. Таальвен Валишер, как прежде, слепо поводил обесцвеченными глазами, но, похоже, не слишком страдал от этого. У Хёльмвинда сложилось впечатление, что Мак Тир притворяется, когда тот запросто поймал за локоть крадущуюся подводницу. Но ветер списал странность на природную чуткость королевича. Сам он, в общем-то, тоже исхитрился бы вслепую обогнуть любые препятствия. По крайней мере, раньше это не составляло труда.

— Одолжи мне свой кинжал, — попросил Лютинг, нарочно отрывая принцессу от тщетного занятия.

Рукава ее рубахи насквозь вымокли, пока она бултыхалась в зеленой воде.

— Вот, держи. — Она вложила в мужнину ладонь узкий клинок и собралась было вновь сунуться в болото, но не для того Таальвен завел разговор.

— А теперь расскажи о Лотарэ... Каким образом ее можно использовать?

— Никаким, она моя подруга и не заслужила такого чудовищного жребия!

— Она ветресса, — веско напомнил Хёльмвинд. — И сделает все, лишь бы помочь своему повелителю... Другое дело, что нам из этой лужи до нее не дозваться.

Перебирая в мыслях все возможные хитрости, позволяющие связаться с родичами, он зашептал беззвучно невесомые ветряные строки. Но власти прикликать шторма или хотя бы доносить воздушные послания у них не было.

Глядя на бесплодные старания, принцесса отчетливее сознавала: втроем они в тупике, из которого ведет лишь один чудовищный выход. Ни один честный человек его не одобрит, но утаить подсказку от ветра равносильно лжи, а лгать ему, вытерпевшему столько горя по ее вине, Изольде не позволяла совесть.

Потому пальцы ее тянулись к завязкам мешочка при поясе, пока сердце неистово билось, а щеки покрывались румянцем. Что-то внутри ныло тревожно:

«Молчи! Пусть никто не узнает о верном способе приманить Лотарэ... Разве не чуешь, от него за версту несет раздором... Да и вам ли вершить судьбу ветрессы после года мучений во владениях болотника?»

Но прозрачный тонкий хрусталь уже переливался на свету, а губы щекотало потаенное откровение.

— От Либ в дар мне досталось кое-что... Разумеется, вы будете против его использования...

— Ветряной колокольчик! — ахнул верховный. — Все эти дни ты таскала его в кошеле?

Смущенная принцесса скрипнула подошвой сапога. То, как воспрям духом ее спутник, служило дурным знаком.

Кажется, Ветер ущелий смастерил игрушку для сестры сто лет назад... — продолжал он с азартом. — Почувствует ли Либ что-то, кроме смутной тревоги, когда раздастся звон? Или мелодия привлечет лишь Лотарэ, для которой и была вырезана вещица?..

— Хёльмвинд, стой... — Стремясь донести суть, принцесса попыталась перехватить его взгляд. — Избранница Давена Сверра не просто свяжет с ним жизнь, она останется здесь навсегда...

Но заманчивая идея настолько захватила верховного, что вытеснила угрызения совести. Пришлось Изольде воинственно закатать рукава и напомнить о долге перед ветрессой.

— Терновые чары не дадут Лотарэ покинуть пределы болот, пусть вызволять несчастную прибудет хоть целое войско! — мрачно пророчествовала она.

В ответ Хельмвинд вытянул ладонь, хладнокровно отменяя угрозы.

— Дай-ка...

— Ты же не обречешь на заключение не повинную ни в чем близняшку Либа? Это по меньшей мере нечестно!

— Пожалуй. Но жизнь не обязана быть справедливой, — возразил ветер с толикой сожаления. — Часто нам приходится жертвовать счастьем ради высшего блага. Мне не доставит удовольствия брак ветрессы с болотником, но, если иного пути, чтобы освободить Розу Ветров, нет...

— Ушам не верю! — с чувством воскликнула принцесса. — И это говорит старший верховный, красноречиво воспевающий свободу! Где она, когда речь касается чужих судеб? По какому праву ты навязываешь другим жертвенность, на которую идут лишь добровольно? Опомнись, Северный ветер, пока не стал таким же тираном, как ненавистный тебе Эйалэ, или угнетателем похуже!

От нещадности последних обвинений у нее самой защипало в глазах, но обида за Лотарэ не давала смягчиться.

Глубоко задетый Хельмвинд изменился в лице. Чем угодно могла оскорблять его острая на язык колдунья, но и за сотню лет не нашла бы повода ранить сильнее. Голубые глаза сузились, речь заострилась, как ледяное лезвие, привычное вздымать снежные бураны.

— Что ты знаешь о наших традициях, человеческая принцесса, об укладе жизни ветров? Несколько легенд, пару веселых песенок? Приходилось ли тебе когда-нибудь думать о целом народе? Едва ли, ведь при одной мысли о собственном замужестве ты трусливо подалась в бега! А теперь смеешь упрекать меня в том, что я не забочусь о своей подопечной?!

Слова хлестали жестко, безжалостно, укротить их, когда от гнева и горечи все внутри плавилось, у ветра не хватало духу. Тем более необузданным чувствам он обязан был отчасти личной слабости.

— Можешь сколько угодно ратовать за благородство, — прогремел последний губительный выпад, — но не обманывайся, Изольда Мак Тир, блюсти его ты способна, лишь пока тяжкие решения за тебя принимают другие! К счастью, охотников предостаточно — тьер-на-вьёр и приморский королевич с мечом наголо всегда к твоим услугам!

В конце концов воздух в его легких закончился, и пересохшее горло болезненно обожгло.

Отшатнувшись, как от пощечины, принцесса отчужденно наблюдала за тем, как борется с кашлем ее обличитель, как прижимает тыльную сторону ладони ко рту. И хоть в ответ хотелось зарыдать, завопить от боли,

она не проронила ни единого всхлипа.

— Видят боги, у тебя нет души, Северный ветер. — Изящный колоколец из резного хрусталя выскользнул из ее пальцев, с мягким стуком приземлился в солому. — Жаль, зеркала избавили тебя от метки тьер-навьер. Она служила бы лучше ледяной пустоты, которую ты лелеешь внутри...

С этими словами Изольда развернулась на каблуках и вышла из комнаты, оставив своих спутников наедине с Давеном Сверром.

Как отрадно ему было видеть замешательство терновой ведьмы, наблюдать склоки и ссоры. Пусть эти трое разят друг друга, ему оттого только слаще. В конце концов, деваться им некуда, посему новая невеста и облик, по которому истосковались все члены, уже не за горами. А после он подумает, как изощреннее расквитаться с надоевшей мерзавкой-колдуньей.

* * *

О, Хельмвинд, светлый, будто сияние в северных небесах, как мог ты быть столь жестоким? Неужели в холодном твоём сердце не сыскать ни капельки теплоты для той, что добровольно поделила с тобой тяготы опасной дороги? Или после всего, что она натворила, не добиться прощения?

Примостившись на крылечке болотного чертога, принцесса грустно наблюдала, как колышет течение ее потрепанную одежду. По правде, она могла бы подождать Ветрессу скалистых ущелий внутри, в относительной сухости, но намеренно скрылась в водяной толще, чтобы никто не потревожил.

Спутники ее без надобности не станут шнырять по коридорам, болотные девы от новой хозяйки шарахаются... Видно, досаждать Изольде снаружи посмеют лишь черти и кикиморы, но эти вряд ли пристанут с разговорами.

— Ну же, попробуйте напасть, — подзадоривала мнимых чудовищ принцесса, и заплутавшие в ближайших зарослях красноперки настороженно зарывались в песок. Гонять их было скучно и бессмысленно, потому очень скоро колдунья прикрыла глаза и целиком отдалась накатившей хандре.

Какая она, должно быть, дуреха: вздумала надеяться, что Северный ветер питает к ней чувства, когда в поступках его сквозили безразличие, неприкрытая вражда... Умница Лива не раз предупреждала о мотивах

верховного, но так хотелось верить, что все на свете ошибаются на сей счет и только она одна разглядела истину.

В итоге она обвела вокруг пальца себя, ведь очевидно: Хельмвинд не страдал от иных увлечений, кроме тернового наваждения. Она же непритворно полюбила его в час смятения и одиночества и до сих пор не могла отделаться от своей детской привязанности. Сначала ветер заменил ей обожаемого брата, после — друга, которого у нее никогда не было. И в конце концов стал еще кем-то — важным, необходимым, но не имеющим названия... в противовес тому, с кем насильно свела ее судьба.

Но теперь без толку изводить себя скорбными думами. Дружба их была иллюзией, очередной грезой в сонме ее фантомов...

От жалости к себе стало совсем неважно, и Изольда принялась усиленно думать о Вее Эрне. Помочь ей — вот что она должна сделать, а затем вернуться домой, выведав наконец правду о тьер-на-вьёр. И Лютинг Мак Тир отправится вместе с ней.

— Ох, — ресницы колдуньи взметнулись, — я ведь оставила его незрячего на попечение Хельма и Давена Сверра — хороша жена!

Впопыхах она соскочила со ступеней, скрипнула парадными створками, но призрачное предчувствие в последний миг заставило обернуться. И ровно через секунду из зеленоватой болотной мути навстречу выступила высокая фигура. Она не спустилась сверху, вопреки ожиданиям, не вынырнула плавно — по-ветряному, а отделилась от водорослей — бесшумная как тень.

— Лотарэ! — Студенистая жижа во второй раз за день хлынула Изольде в глотку. — Кхе-кхе, уходи немедленно!

И чтобы не пускать ртом пузыри, подобно безмолвным русачкам, она впрыгнула в холл.

— Тебе нельзя здесь находиться!

Обеспокоенная ветресса подалась следом, бережно похлопала принцессу по спине.

— Ты в порядке, Изольда?

Сама она от воды ничуть не пострадала, наоборот, — посвежела, как распустившаяся кувшинка.

— Забудь обо мне! Скорее возвращайся к горному озеру, через которое сюда проникла. — Отдышавшись, колдунья ухватила подругу за руки и повлекла обратно в болотную зыбь.

— Погоди, я слышала звон. — Чтобы не наступить на длинный подол, Лотарэ приподняла просторное платье, и стали видны ее голые лодыжки. — Клянусь праветрами, то был наш с Либом хрустальный

колокольчик...

— Именно поэтому тебе не следует здесь задерживаться, — затараторила принцесса. — Уплывай живее, пока Хельмвинд не притащился на порог!

— Наш владыка? — Голубые очи ветрессы озарила искренняя радость.

Когда она часом ранее в сомнениях прощалась с солнцем и облаками, то и не мечтала о подобной встрече. Выходит, нелегкое решение покинуть поднебесный мир было навеяно провидением!

— Уже много месяцев от него нет вестей. — Лотарэ убрала с плеч разом позеленевшие волосы. — Неужто с момента исчезновения повелитель находился на дне болота?

— Нет. — Постепенно Изольде открывались неприметные с первого взгляда, но чуждые ветрам черты во внешности подруги. Пальцы у нее удлинились, скулы стали острее, лицо покрылось травянистыми пятнышками... — Ох, Лотарэ, ты выглядишь совсем как при первой нашей встрече!

— Неужели? — Задумчивое лицо приобрело чуть меланхоличное выражение.

— В точности! Нужно вытащить тебя на поверхность, пока перепонки не выросли. Вдруг во второй раз ты не сумеешь вернуться к прежней жизни.

Подхлестываемая собственным страшным пророчеством, колдунья принялась выпроваживать недавно прибывшую гостью из холла. Но та лишь казалась хрупкой и податливой и без труда отстранила принцессу.

— Прошу, объясни, что стряслось... я не уйду, пока не узнаю...

В робком обычно голосе промелькнула решительность. Пришлось Изольде быстро пересказывать историю своего с Хельмвиндом и Таальвеном похода. В ней вскользь упоминались Роза Ветров, ветряные крепости и горловины рогов, что нужны для возвращения ее силы. Минуя остальные перипетии, удалось кое-как приплести и болотника с его неудачным проклятием. И мало-помалу причина тревоги принцессы стала вполне понятна.

— Вот оно что... — прошелестела Лотарэ, поправляя крошечную розовую лилию на поясе. — Кажется, я верно расценила знаки судьбы.

— О чем ты? — Всерьез проникаясь неприязнью к этому вездесущему понятию, Изольда вздрогнула.

— С тех самых пор, как я покинула подводное пристанище, мне не давали покоя сны... в каждом из них была вода — текла сквозь меня, манила...

При виде подернувшихся влажной дымкой очей ветрессы скверное подозрение завладело терновой колдуньей. Чтобы избавиться от него, она приблизилась к Лотарэ вплотную, опустила на ее талию похолодевшие руки.

— Прошу, успокой меня, что пришла сюда, ведомая одним только долгом... Скажи, будто поддалась мелодии злосчастливого колокольчика, а вовсе не зову сердца...

— Это будет неправдой... — Плечи утопленницы покаянно поникли. — В самый первый раз я действительно не желала оказываться в недрах болотного дворца. Но после того как провела здесь год и затем выбралась на сушу, поняла: мне не стать прежней, жизнь ветрессы бессмысленна. Горы больше не трогают, сил хватает лишь на то, чтобы оторваться от земли... Раньше в подводной пучине я тосковала по светилам, но под их лучами мною овладела куда более разрушительная печаль. И даже Либ не способен теперь понять, отчего мое нутро разрывается на части. Я словно бы утонула давным-давно и не должна была возвращаться...

— Что за нелепицы! — вскинулась принцесса. Но Лотарэ поморщилась так страдальчески, что ей сделалось стыдно за свои упреки.

— День за днем я провожу у озера, оно внушает мне покой... Поначалу я журила себя за порыв вновь ощутить, как давит тяжелая толща на грудь, но он так притягателен, что не хватает сил противостоять... и вот нынешним утром, различив далекий колокольный звон, я решилась. Как же отрадно, что не зря. Теперь я сумею выручить Хельмвинда и, возможно, обрести мир.

— Но... как же твой брат? — В отчаянии Изольда пустила в ход последнее оружие. — Он так скучал по тебе и вновь останется один-одинешенек...

— Он — Северный ветер. — Ветресса потупилась, сглотнула ком. — А я — больше нет...

Вконец раздавленная принцесса протерла глаза, не понимая, отчего все кругом стало мутным и расплывчатым. Добровольный уход Лотарэ из привычного мира был для нее сродни похоронам заживо.

— Все в порядке, — утерла ей слезы кроткая утопленница. — Позволь мне помочь вам с верховным владыкой хотя бы малостью... Обещаю, это сделает меня счастливой.

— Счастливой? — Чтобы осознать весь ужас положения подруги, колдунья нарочно представила, будто сама должна пойти под венец с Давеном Сверром. На мгновение сделалось жутко, но потом она

вспомнила, что стояла с ним у алтаря рука об руку. И не сумела положить конец его бесчинствам. Может, седьмая невеста сподобится приструнить болотного короля?

«Прав был Хёльм, корящий тебя за слабость, — гадко саднило внутри. — Стоит случиться настоящей беде, в бой бросаются другие, а ты и рада отсидеться в сторонке...»

От досады она впилась ногтями в кожу на ладонях, провозгласила в жарком порыве:

— Раз спасти тебя я не способна, то прослежу, чтобы Давен Сверр не уронил и волоса с твоей головы! Нельзя позволить ему взяться за старое. Пусть правит с тобой на равных, как с болотной королевой, иначе...

Пока она подыскивала наказание пострашнее, ветресса застенчиво скользнула длинным рукавом по полу, усмехнулась тайком.

— Не волнуйся об этом. В конце концов, утонувшей девушке мало чем можно навредить...

— О, Лотарэ... — Изольда мгновенно растеряла прыть. — Не говори о себе, будто о мертвой.

— Не буду. — Лотарэ покорно опустила подбородок и, дождавшись, когда растроганная колдунья успокоится, вежливо попросила: — А теперь отведи меня к северному владыке... я опять слышу хрустальную мелодию...

Так и не уловив звона, терновая колдунья вздохнула и двинулась в знакомом направлении. Следом за ней, наслаждаясь запахом сырости, шла настоящая утопленница. Глаза ее видели в темноте, ступни не чувствовали холода, а сердце, если и билось, то страшно медленно.

ГЛАВА 17

ОБЕТЫ И КЛЯТВЫ

Состроенная второпях болотная свадьба напоминала Изольде худший ее кошмар. Ведь невесту выдавали замуж за угнетателя вопреки ее желанию, пусть Лотарэ и считала иначе, да еще навсегда отнимали надежду на возвращение домой. То же случилось с матерью принцессы, поступить подобным образом собирались и с ней самой. К каким последствиям это привело?

Сооружая сложную косу из волос-веточек будущей новобрачной, колдунья хмурилась, обзревала исподлобья присутствующих, словно осужденных преступников, но молчала. Сама-то она повинна не меньше других: заплела чары, исподволь впутав в них горемыку Лотарэ, и еще радовалась тому, как ловко проучила Давена Сверра.

Не догадывавшаяся о ее самоистязании ветресса сидела смирно, доверчиво позволяя украшать себя, как заблагорассудится терновой колдунье. Роль невесты была ей в новинку, и непривычная суета вокруг немного стесняла. До этого Лотарэ приходилось обряжать будущих жен Давена Сверра, но тогда все складывалось по-другому: похищенные девушки давились горькими слезами, пока гибкие зеленые руки шнуровали подвенечные платья. Ветресса была для них тюремщицей, а свадебный ритуал — началом неминуемого конца.

Лотарэ же встреча с женихом лицом к лицу не страшила. После месяцев, проведенных в Сеам Хор в одиноких скитаниях, она постигла, что больше не боится за свою жизнь. А вот судьба верховного северного владыки, напротив, тревожила до мурашек.

Завидев его издалека, ветресса ужаснулась: иссушен, как деревья в Мертвом саду, измучен... Силы, бывшие некогда сутью Хельмвинда, покинули его, но едва ли не столь губительно, как пустота, образовавшаяся на их месте, повелителя подтачивало другое чувство.

Потеря, злость, разочарование?.. Лотарэ все гадала и не могла распознать по утратившему привычное свечение лицу. А заглядывать в прозрачные глаза слишком долго она не смела. В конце концов, кто такая Ветресса скалистых ущелий, чтобы копаться у владыки в душе? И дабы ненароком не нанести оскорбление бесцеремонной опекой, она лишь низко, почтительно поклонилась.

— Не теперь, когда обскакать меня способен любой полувихрь, — возразил Хельмвинд, упираясь ладонью ей в плечо.

Но исполненная искреннего уважения утопленница в ответ стиснула ее и зашептала:

— Ни вихрь, ни шторм не сравнятся с нашим верховным! Для меня вы — единственный и самый достойный владыка Железного дома, в каком бы облике ни предстали...

И смущенная собственной вольностью, она залилась изумрудной краской.

Изольду ее откровение растревожило пуще прежнего: как может Хельмвинд платить за преданность черствостью расчетливого властелина? Но препираться с верховным она не собиралась, как и навязывать свою компанию. Раз он вознамерился добыть для Вей Эрны искомое любой ценой, она поспособствует. Обременять же больше не будет.

— На маскарад ты, что ли, ее готовишь? — не стерпел томления сидящий в своем стогу Давен Сверр. — Отчего так долго?

С бывшей служанкой он при встрече поздоровался учтиво, но не преминул скабречно подмигнуть, когда вслух радовался их скорой женитьбе. Лотарэ, на удивление, не поддавалась на уловку — поглядела прямо и строго.

«Распоясалась на воле, — решил болотник. — Но это недолго исправить...»

— Скажи спасибо, что вообще разыскали тебе невесту, — огрызнулась злая на весь свет принцесса. — И изволь ждать столько, сколько потребуется...

«Потом возблагодаришь за отсрочку...» — довершила она мысленно, чтоб не пугать до срока. Чего доброго, сбежит, мерзавец.

Еще один затейливый узелок — и прическа невесты была готова. Воткнув последнюю шпильку, Изольда отошла, чтобы полюбоваться своим творением и заодно придумать новый способ, как оттянуть церемонию. Условились, что проведет ее Северный ветер. Для утопленницы он был кем-то вроде короля и, по людской традиции, обладал правом венчать молодых.

С другой стороны, свадьбы у ветров на веку Хельмвинда не случались, так что он понятия не имел, как совершать обряд. А осерчавшая терновая колдунья нынче скупилась на советы.

— В приморских землях монарх или жрец обычно говорит о своей власти, а затем спрашивает согласия у вступающих в брак, — внезапно пришел на выручку королевич.

Дразнить принцессу он не помышлял, но та оцетинилась, словно кошка на лютых псов:

— Небывалая любезность... Если бы не стальные кандалы, что, по слухам, надевают на запястья девушкам в ваших краях — отказа они не предполагают... Или я ошибаюсь?

— Это лишь символ верности, — предпринял осторожную попытку защитить заветы предков Лютинг. — Отжившая свое традиция, которую чтут только некоторые вельможи и короли, да и те напоказ. После свадьбы стальной браслет снимают.

— Чтобы заменить его кольцом поменьше, украшающим палец. — Колкая синева во взгляде отражала больше, чем сумела бы выразить Изольда словами.

— Кстати, об этом, чудесная идея! — вклинился болотный король, с самого начала кидавший вожделенные взгляды на свой перстень. — Давно жажду вернуть пропажу.

Скатившись с соломы, он бочком подобрался к девушке и самонадеянно распластал пятерню.

— Человеческой колдунье от него мало проку, а мне — польза и отрада.

В сомнениях принцесса спрятала руку с кольцом за спину. Вверять волшебную вещицу Давену Сверру не хотелось, хотя перстень словно бы требовал оставить его в болоте. Надетый поверх терновых узоров, он тяжелел, грозился соскользнуть или, наоборот, туго сжимал онемевший перст...

«Но ведь можно даровать его новому владельцу!» — осенило Изольду. И, оглянувшись на Лотарэ, она объявила:

— Я откажусь от кольца при условии, что оно достанется ветresse как свадебный подарок. А ты получишь...

Пришлось обшарить покои утопленниц, захламленные сомнительными украшениями, осколками глиняной посуды и прочей дребеденью, которая за долгие годы скопилась на дне болота. Наконец взор наткнулся на стальной кусок кольчуги, проржавевшей до рыжины.

— Вот это!

Безыскусное плохонькое колечко, годное лишь на то, чтобы защищать носителя от колющих ударов, послушно отделилось от лат. Сузив его одним нажимом, Изольда сунула побрякушку под нос жениху и царственно вскинула подбородок.

— Согласен?

Взбешенный ее дерзостью, болотный король скрежетнул зубами, но

противиться не стал — слишком слаб был для этого. Вот избавится от оков тщедушного человеческого тела и расквитается с ведьмой за все!

— Давай сюда! — Грубая ручища схватила обломок кольчуги и сдавила его в кулаке.

— К слову, кольцо — не единственное мое требование относительно вашего брака... — Изольда вернулась к наряду ветрессы. — Хочу, чтобы перед свадьбой ты дал зарок, что будешь чтить Лотарэ как равную по силе и положению. Более того, у тебя не будет иных жен — живых или мертвых.

— Что? — взъершился болотник. — Ты рассудком тронулась, тьер-на-вьёр? Да я лучше пойду на корм слизням, чем назову жалкую подводницу ровней!

— Тогда позабудь о прежнем теле и готовься стать чьим-то ужином, — попытожила принцесса, с каменным лицом собирая букет из хищных пятнистых калл.

Лиловые с синевой цветы приволокли болотные девы по первому же велению Лотарэ. И по тому, как охотно они бросились на поиски, было понятно: подводницы принимают девушку за свою.

— Мне не указ ни Роза Ветров, ни Хёльмвинд, — грозились колдунья, бережно сплетая длинные стебли в один. — Если не дождусь от тебя обещания, Давен Сверр, магии не бывать! Пусть пропадают пропадом ветряная цитадель с ее сокровищами и просьбы Вей Эрны. Через болотные владения я отправлюсь домой, навсегда оставив тебя гнить в одиночестве...

Тщась надеждой на то, что самоуправство девушки возмутит ее спутников, болотник беспомощно развернулся к ветру с Лютингом. Но ни у одного из них не добыл поддержки. Таальвен Валишер стоял столбом, согласный на все, что взбредет в голову его сумасбродной жене, верховный молчал не то чтобы одобрительно, но и без намерения вмешиваться.

— Да вы тут все пляшете под ее дудку! — сплюнул бывший король в сердцах. — Так и быть, я выполню указ ведьмы, но и она посулит мне кое-что взамен.

Принцесса оторвалась от букета, который старательно перематывала лентами и уставилась в сердитое лицо.

— Говори.

— После того как я сделаюсь собой и проведу тебя к башне, ты поклянешься навсегда убраться из моих болот. Никогда и ни при каких обстоятельствах нога тьер-на-вьёр больше не ступит в трясины, пусть рушатся небеса или чья-то жизнь зависит от этого! Не желаю лицезреть твою размалеванную терном физиономию в своих чертогах и, клянусь, утоплю любого, кто посмеет упомянуть твое имя!

Будто поправляя корону, Изольда дотронулась до шипастого обода на висках. Обостренное до предела чутье убеждало: Давен Сверр готов пожертвовать своим спасением, если сейчас она не склонится. Похоже, отделаться от колдуньи виделось ему больше удачей, чем пытаться ее погубить.

— Идет, — наконец прозвучало в напряженной тишине. — Но учти, болотный король, обидишь свою жену — и заверения мои тотчас потеряют силу. Я мигом узнаю, спущусь в самое сердце трясин, сровняю с илом стены твоего дома, а самого тебя уничтожу...

— По рукам. — Хмурый Давен Сверр выпятил нижнюю челюсть. — Давайте же покончим с болтовней, покуда я не умер от старости!

Беззвучно фыркнув, принцесса надломил ножку последнего цветка и вручила букет невесте.

— К сожалению, не слишком искусно. Но управляться с такими крупными бутонами мне еще не приходилось.

— Лучше и быть не может, — поблагодарила Лотарэ, прижимая лепестки к груди. — Жаль, конечно, что они не белые, но зато смотрятся не в пример ярче...

«Словно ядовитые языки, — мысленно согласилась терновая колдунья, — в самый раз для траурного шествия...»

И молча отерла липкий сок с перепачканных пальцев.

* * *

— Верно ли, что ты, Ветресса скалистых ущелий, добровольно берешь в мужья Давена Сверра?.. А ты, болотник, желаешь брака с Лотарэ?..

«Ну а ты, верховный северный владыка, по доброй ли воле толкаешь свою соплеменницу в топкую бездну, из которой ей никогда не выбраться? Или сводишь таким образом счеты с жестокой судьбой, что лишила тебя всего?..»

Вопрос безостановочно вертелся в голове, пока Хельмвинд выслушивал свадебные обеты, благословлял новоиспеченную пару, предлагал в знак свершившегося надеть обручальные кольца.

Явь походила на сон — искаженный, горячечный, и охристый орнамент лишайников, испятнанный заплатками мхов на стенах входного зала, только добавлял ему химерности.

Вносили свою лепту и утопленницы в грязно-белых рубахах. То ли свет привлек их, то ли праздное любопытство, но за Лотарэ с болотником

притащилась целая ватага. Те, что рвали для нее цветы, покрыли головы венками, словно дружки на настоящем празднике. Не хватало лишь музыки.

Хвала праветрам, плясок не предвиделось. Все закончилось скоро и не слишком торжественно. Завладев своим перстнем, Северная ветресса не колеблясь надела его и скромно прикрыла букетом. Во время ритуала она ограничилась коротеньким «да», заставившим Изольду подпрыгнуть, как на иголках.

Болотный король вместо клятвы буркнул «желаю» и чуть не выронил ржавое кольчужное колечко из неуклюжей лапищи.

«Не к добру, — безотчетно отметила терновая колдунья, запоздало насмехаясь над нелепой суеверностью. — Как будто брак с повелителем топей может сулить счастье!»

— Да скрепится ваш союз нерушимыми узами, — подвел невидимую черту Северный ветер.

Нарочно он, что ли, стремился ей досадить? Украдкой принцесса покосилась на верховного, но довольства в облике не обнаружила — только тени от торфяных всполохов под запавшими глазами. Хорошо хоть, не спрашивает, есть ли среди гостей противники церемонии, а то пришлось бы вмешаться.

Впрочем, поздно гасить пламя, когда сгорела вся изба. Зеленоволосая ветресса упрочилась в стремлении принести себя в жертву, и до нее не достучаться. Изольда перепробовала все — от стращений до уговоров. Утопленницу не сманили даже рассказы о зеркалах Тьер-на-Вьёр, способных развеять проклятие болотника.

— Тогда и магия не понадобится, — разливалась соловьем принцесса за минуту до свадьбы. — Разыщем зеркало, окунем в него Давена Сверра...

— И окажемся на краю света без возможности вернуться в Терновое королевство, — свел на нет ее потуги верховный ветер. — Да еще очередное зеркало потеряем. Кто знает, сколько их осталось.

Как дитя доверявшая ему Лотарэ протестующе шелестнула оборками юбки.

Но упорство колдуньи не иссякало.

— В Тьер-на-Вьёр можно попасть через болото.

— Которое еще нужно разыскать — под мышку с Давеном Сверром, вряд ли готовым к долгой сухопутной прогулке... — Хельмвинд выразительно поглядел на болотника, жадно ловившего обрывки разговора. — А если и да, понадобится чересчур много времени...

Из уст терновой колдуньи вырвался вздох. Решить эту задачу ей было

не по силам. Оставалось признать: составленный на скорую руку план пестрит прорехами, как мантия Хаар Силлиэ после носки. Придется занять место позади жениха с невестой и смириться с суровой действительностью. Последнее особенно угнетало, словно сама принцесса отрекалась от свободы.

А вот Давена Сверра завершившийся обряд воодушевил. И, примеряясь к Лотарэ, на которую он, по привычке, возлагал всю работу по собственному превращению, король осведомился напористо:

— Что мне с ней сделать теперь? Поцеловать? Отвести в спальню?

По воспаленным глазам читалось: он готов и на худшее, лишь бы развеять постылые чары.

Мельком вообразив, как неласковые руки укладывают дрожащую ветрессу в постель, Изольда содрогнулась, рассекла пространство между парой ребром ладони.

— С ней ничего делать не понадобится!

— Славно. — Болотник отстранился подальше. — Значит, магия подействует сама по себе?

— Почти. — Нащупав в складках рукава узкую кисть Лотарэ, принцесса плавно повлекла девушку в тень. — Осталось одноединственное условие, без которого тебе не стать прежним королем.

— Какое?

Бесконечные ведьмовские игры надоели Давену Сверру. Хотелось немедленно избавиться и от слабосильного тела, и от поганки тьер-на-вьёр, учинившей весь этот бедлам.

Кто же знал, что она замыслила трюк, способный застать врасплох ее собственных приспешников. Неслучайно девчонка настояла, чтобы свадебная церемония проходила в холле дворца — поближе к болотной зыби.

— Чтобы сделаться собой, — неестественно низко произнесла Изольда, — тебе нужно перестать быть человеком, перейти в подводный мир, как это делают некоторые твои слуги...

Болтая, она все пятилась, словно убегала от невидимой опасности. А болотные девы, до того не смевшие поднять головы, по-змеиному вытягивали шеи.

— Отрастить хвост? — капризно передернул Давен Сверр, позабывший об их существовании.

— Утопиться! — наконец провозгласила колдунья, для пущего эффекта сжимая волшебный перстень на чужом теперь пальце. — Эй, подводницы, тащите-ка его за порог!

Тотчас же десятки белесых глазных белков вперились в нее... в отличие от приказа искать в пучине ветряную башню этот был прост и понятен, к тому же желанен как никогда. Хватай добычу и волочи в омут, пока последняя судорога не пронзит брыкающееся тело, мучительно сладко напоминая о собственной кончине. Но смутное сомнение не позволяло насладиться бесчинством: кто эта живая, спрятавшаяся под переплетением колючих терновых лоз, стоит ли ее слушаться?

— Повели им, — шепнула Изольда в стрессе, видя, как мешкают ее сестры, а Давен Сверр ошалело вертится в поисках выхода. — Позволь оборвать человеческую жизнь, и проклятие спадет.

Изумленная Лотарэ перевела растерянный взгляд сначала на принцессу, затем на своего мужа.

— Нет! — во всю глотку запротестовал он. — Ты ведь не убийца... Ведьма вновь плетет интриги, нельзя ей верить!

Ветресса замялась, до хруста стиснула сочные стебли калл. Никогда прежде она не отдавала смертоносных распоряжений, не решала самостоятельно, жить кому-то или умереть. Но терновая колдунья не позволила опомниться.

— Смелее, ты стала болотной королевой — привыкай повелевать, если намерена составить своему мужу достойную партию. — Черные шипы черты ожесточились, губы сомкнулись в беспощадную полосу. — И закаляй крепость духа, столь необходимую сильному правителю, чтобы отрешиться от упреков совести ради высшей цели...

Укол предназначался Хельмвинду, но поразил сразу две цели: ветра, каявшегося в недавней вспышке гнева, и его миролюбивую подопечную.

«Она права», — поддалась молчунья Лотарэ. Плечи ее распрямились, тембр окреп. И пусть в речах Изольды ветресса не чуяла двойного смысла, они убедили ее собрать всю твердость и в одночасье обрушить на бывшего короля.

— Хочу, чтобы вы утопили его! — звякнуло холодно, ветрено. — Сию секунду!

Этого хватило, чтобы жадные до забав утопленницы сорвались с цепи, из пугливых скромниц превратились в хищных тварей, наделенных недюжинной силой и страшным проворством. Играть в салочки с чужой жизнью было для них слаще меда.

— Хах-х, — криво разевались алчущие рты.

— Ш-ш, — впивались в плоть когти, пока упирающаяся жертва хрипела и дрыгала ногами.

Наблюдать разыгравшийся кошмар было отвратительно. Хотелось

заткнуть уши, чтобы не слышать визгов Давена Сверра, не видеть, как отчаянно он пытается выжить. Даже Северный ветер, до того неистово жаждавший снятия проклятия, не сумел сохранить равнодушие.

Но терновая колдунья, несмотря на порыв, не стала прятать глаза. Нынешнее колдовство сотворила она, ей и лицезреть безобразный исход.

— Проследи, чтобы они не ранили болотника. Пусть топят, но не калечат... — распорядилась Изольда сдержанно, пока Давена Сверра выталкивали за порог.

Болотные девы обступили его так плотно, что не было ни малейшего шанса освободиться. К тому же стоило им оказаться в воде, ловкость их утроилась. А новоиспеченный жених стал еще медлительнее, неповоротливее.

— Мучители! — взвыл он напоследок.

И принцесса, провожая ужасную процессию взглядом, отметила:

— Осталось недолго...

Из подсвеченного блеклыми огоньками дворцового коридора не было видно ничего, кроме покосившейся створки и рубленой кромки ступеней, поэтому она двинулась следом.

— Постой, Изольда, не нужно тебе на это смотреть. — Встревоженная ветресса качнулась за ней, выронила ставшую восковой охалку калл. — Давай подождем, пока все кончится...

Белокурая колдунья только тряхнула головой, ныряя за дверь.

— Оставь ее, — шепнул коротко Лютинг Мак Тир, не пытаясь растолковать ни себе, ни другим, что за печаль движет его женой. — Пускай идет, если решила...

— Но... — Лотарэ, растерявшая большую часть королевской непоколебимости, смешалась под туманным взглядом. — Ох, Таальвен Валишер, твои глаза!

Не слишком изменившись в лице, он кивнул.

— Последствия пребывания в грибной темнице...

— Долго тебя там держали? — отвлеклась от Давена Сверра ветресса. Стыд за то, что она заметила недуг королевича так поздно, потихоньку пятнал щеки жаркой зеленью.

— Час... Два... — Таальвен пожал плечами, в уме подсчитывая возможное время.

— Тогда слепота обратима. — Длинный подол подвенечного наряда зашуршал, уплыл в сторону. — Нужно скорее приложить к векам травы... Раньше они хранились в кладовой, но вряд ли уцелели в этом беспорядке...

— Болотник убеждал, будто хворь пройдет сама по себе. — Чутко

вслушиваясь в шорох ее движений, Лютинг шагнул на звук.

— Через день или два, — согласилась после раздумья ветресса. — Но до той поры придется блуждать в темноте на ощупь, что не слишком приятно.

Так ли это стесняет его? Таальвен прислушался к себе — в первый раз с момента, как тьма размыла знакомые ориентиры, — и внезапно пришел к выводу, что потеря зрения не тревожит, как должна. Глаза не видели, но мир вокруг не исчез, не потерял очертаний, напротив, сделался более четким, словно сбросил покровы, которые раньше отвлекали от истинных его форм.

— ...Хоть что-нибудь... — донеслось отдаленно, и Лютинг осознал: обеспокоенная Лотарэ задает какой-то важный вопрос.

— Прости, я отвлекся... Можешь повторить?

Робея от настырности, ветресса вновь пробормотала:

— Различаешь ли ты тени, силуэты?

Чтобы проверить наверняка, приморский королевич повертел головой. Ничего подобного не обнаружилось, только блестел во мраке тонкий след, оставленный Изольдой. Подобно бесконечной ослабленной струне, он вился и петлял, безошибочно подсказывая, где сейчас находится принцесса. Но вряд ли имел отношение к внезапной слепоте Таальвена. Потому принц благоразумно умолчал о необычной путеводной нити.

— Тогда тем более не обойтись без лекарственного снадобья, — вынесла вердикт Лотарэ. — Я знаю, как его составить, хотя раньше не готовила... Когда Давен Сверр вернется, попробую снарядить подводниц за нужными растениями.

«А если он не воскреснет? — хотелось вмешаться Хёльмвинду. — Вдруг мы утопили короля — раз и навсегда! Вот будет шутка».

Как ни прискорбно, волновался он отнюдь не из-за Мак Тира или собственного соучастия в постыдном преступлении. С каждой новой минутой ветер все сильнее сомневался, что терновое проклятие удастся снять.

Но терзания его были напрасны. Не успела Ветресса северных ущелий проверить, как там терновая колдунья, замковая створка с лязгом слетела с петель, послышалось заполошное барахтанье утопленниц, и в холл с мрачным видом прошествовал болотный король. Жесткие его волосы тянулись прутьями до самой земли, острые зубы щерились, а длинная перепончатая пятерня сжимала острый девичий локоть.

— Ну, здравствуйте, дорогие гости, — поприветствовал он, щуря угольные глаза. — И ты будь здорова, прекрасная моя жена... Теперь все в

топях пойдет как должно — властелин вернулся домой!

* * *

— Что за постная физиономия, ведьма? — рявкнул сквозь мутное стекло трясины болотный король, безжалостно охаживая ездовых сомов плетью. — День у тебя не задался или, может, поездка не веселит? Так я наподдам, чтоб катилось задорнее!

Шаткая повозка взрезала воду, и без того разогнавшись не хуже боевой колесницы. Казалось, еще аршин, и она развалится, разрываемая на части двумя гигантскими рыбинами. Но Изольда, намертво впившаяся в сиденье под собой, упрямо молчала: Давен Сверр не дождется от нее испуганных обмороков, пусть хоть пускает усатых скакунов в галоп.

— Да не морщи ты лоб, — захохотал болотник зычно, — не то изойдет морщинами, и муженек любить перестанет.

— А это уж не твоя забота, — процедила принцесса.

Зубы у нее угрожающе клацнули на крутом вираже, с очей давно спала нежная лазурь, но Давен Сверр предостережения не оценил.

— Или он тебя и так не больно лелеет? Может, следовало бросить сероухого в моих подземельях, пока он еще трусил на четвереньках? Глядишь, и замуж выходить бы не пришлось...

Воображаемый исход истории увлек его, и, наслаждаясь удрученным видом принцессы, повелитель топей откинулся на твердую спинку и мечтательно прикрыл глаза.

— Был бы у нас с Лотарэ ручной зверек на побегушках, подносил бы пироги с пивками... Справляться с этим теперь предстоит ветрессе. Ах, тьер-на-вьёр, как славно я с ней заживу, скольких людей утоплю... Может стать, в их числе сыщутся и твои родичи.

Изо всех сил стараясь не поддаваться на подстрекательство, терновая колдунья содрала с шеи скользкий побег, самовольно украсивший ее, словно зеленая бархотка, и притронулась к запястью короля почерневшими пальцами.

— Причинишь моей подруге боль, заденешь хоть мизинцем, я разорву тебя на куски!

В подтверждение грозного обещания блестящие шипы на ее коже зашевелились, потянулись к упругой зеленой плоти.

— Эй, полегче! — дернулся в сторону Давен Сверр. — Отзови-ка колючки, пока я не вышвырнул тебя за борт.

Страхивая ее ладонь, он ненароком ослабил поводья, и двухколесная бричка завертелась в водовороте. Под размокшим днищем калейдоскопом замелькали водорослевые дебри, илстые непаханные поля и камни.

— А ну держать строй! — Кнут хлестнул по черным спинам сомов, рождая щелчок, слышимый и в пучине. Кабина со скрипом выровнялась, понеслась спокойнее.

У Изольды, которую от рывка толкнуло вперед, а потом приложило виском о выступающий угол, на мгновение потемнело в глазах. Тихий стон невольно исторгся из груди.

— Тина и кости!

— Видишь, как опасно тормозить возницу, — с издевкой пожурил ее болотник. — В следующий раз хорошенько взвесь, распускать ли чары.

А ведь он способен нарочно направить двуколку в омут — неприятная мысль когтистой лапой оцарапала изнутри, напомнила о том, как отважна она, когда рядом Хельмвинд и Таальвен Валишер. Несмотря на их протесты, Изольда вызвалась сопровождать Давена Сверра в башню — один он ехать отказался, а Таальвен с ветром не осилили бы подводные скачки. Вмешаться пыталась Лотарэ, но разве поторгуешься с болотным королем.

— С тобой, милая женушка, покатаемся в другой раз... — засвидетельствовал он подчеркнуто галантно. — Нынче же позволь потешиться обществом тьер-на-вьёр, ведь мы больше никогда не увидимся... Если, конечно, она не расхотела тащиться за тридевять вод в угоду какой-то там ветряной розе.

По выверенному до вершка, чутко-пренебрежительному кивку принцесса поняла: от прогулки не отвертеться. Оставалось надеяться, что по возвращении она сумеет собрать кости. Но пока двуколка болталась, как плотва на леске, уверенности не было. Под волосами у колдуньи уже вспух черный синяк, а они с болотником едва одолели половину пути.

Справедливости ради следует отметить, что болотного короля сумасшедшая тряска тоже не вдохновляла. Потому он старался больше не отпускать поводья, находя развлечение в безумной скорости. Но спустя версту-другую махать плеткой стало скучно, пейзажи кругом рисовались однообразные, и оборвавшийся разговор с его стороны возобновился.

— Что за зеркала, о которых вы сплетничали с ветром и твои незрячим мужем? Они правда снимают любое колдовство?

Терновая колдунья пожалела и косого взгляда, ясно давая понять, что беседовать не настроена. Болотника ее неприступность подстегнула.

— А если, скажем, протащить через них ведьму, подобную тебе, она

лишится своей магии?

Предположение показалось увлекательным, но за время своего заточения в людском обличе Давену Сверру изрядно опротивели одинокие мысленные пересуды. Потому он потряс кнутом у самого носа Изольды, привлекая ее внимание.

— Хорош играть в молчанку, она приелась мне горше улиток на обед! Из-за ветрессы горевать незачем — я ее не съем. Только в сказках водяные закатывают пиры из человечины, после которых катают по полу выскобленные черепушки, — мне такие увеселения неинтересны. Вот утянуть трепыхающуюся девицу под воду — да...

Подметив, как насторожилась принцесса, он блаженно хрустнул суставами и продолжил:

— Признаться, я рад, что женился: найдется, с кем перекинуться парой слов за ужином, выпить за здоровье. У тритонов и жаб для этого мозгов маловато... а Лотарэ хороша собой, понятлива — вон и тугоумных помощниц заставила ходить по струнке...

Болотный король выдернул из волос гибкий зеленый прутик и задумчиво попробовал на зуб.

Как считаешь, хватит ей для счастья моих чертогов и палат? Согласится ли новая жена делить со мной прежнюю опочивальню? Или, как ты, пожелает другую — поближе к солнечным лучам?

Столь упоенное ехидство могло преследовать единственную цель — выбить терновую колдунью из колеи, но, сознавая это, она не могла отрешиться от занозистого голоса, предрекающего сестре Либа совершенную беспросветность.

И ценою тысячи усилий ветресса не сумеет покинуть топь, подняться на поверхность. Небесное полотно, божественные светила с жемчугами звезд для нее навек потеряны: со дна их не разглядишь, как не ощутишь тепла сквозь неясную зелень гибельных вод. Во власти супружницы Давена Сверра она будет лишь вспоминать былое да греть душу снами о цветущих лугах.

Впрочем, сердцу ее, наверное, милее склоны высланных вьюгами вершин Сеам Хор... Не о них ли станет грезить болотная королева? Зачем, во имя праветров, менять их колкую свежесть на оплывающие подводные барханы? Возможно ли, что Лотарэ поступает верно, покоряясь неизбежности рока, а она сама, доселе не сумевшая принять Таальвена Валишера как мужа, человека, жестоко обманывается?

Чтобы отрешиться от разноголосицы мыслей, она уперлась каблуками в скользкое дно повозки и стала следить за дорогой. От ее посерьезневшего

вида болотник приуныл, с зевком подтянул упряжь.

— В первую нашу встречу ты была поживее, хоть и ростом ниже. Видно, люди преснеют со временем, как залежавшиеся лепешки. Славно, что мне такая судьба больше не грозит...

— Если б сыскались чары, — ответила принцесса приглушенно, — сделать тебя хоть на долю участливей, человечнее, я истратила бы половину своей магии, пустила в ход заклятия, черную кровь... Королевством пожертвовала бы, лишь бы такой, как ты уразумел, что за сокровище ему досталось.

Связанная волшебством, Лотарэ останется с тобой, несмотря на глупые прихоти и своенравие, сумеет развлечь, поддержать. Она единственная из твоих подданных способна на чувства... Но сколько веков пройдет, прежде чем эгоистичный самодур вроде тебя постигнет это?..

Откровение зацепило короля, привело в замешательство. С одной стороны, оно походило на оскорбление, за которое не лишне и наказать, с другой — произнесено было подозрительно чувственно, словно колдунья жалеет его. Может, от воды ей подурнело? Или нахалка взаправду дерзнула запугивать его ворожкой? Так и не определившись, Давен Сверр счел за лучшее уточнить:

— О чем ты толкуешь, ведьма, уж не о новых ли каверзах? Только попробуй развернуть здесь колдовскую лозу, и, клянусь короной...

— Впереди, — оборвала поток угроз принцесса. — Ветряная каменная кладка!

Позабыв о разговоре, болотник вытянул шею, отыскал в колыпании водорослей место, куда указывала точеная рука.

— Твоя правда. А я все строил догадки: выстояла ли древняя развалина... в последний раз мне приходилось проплывать тут лет пять назад.

— Выходит, ты понятия не имел, уцелела ли нужная мне горловина?

— Верно. — Со злодейской улыбкой он направил сомов вкруговую, свистнул залихватски. — Но я и не обещал ее достать — только довести тебя до цитадели, пусть вместо нее окажется хоть груда булыжников.

Принцесса поджала губы, смиряясь с безнадежной изворотливостью болотника, и поспешила вжаться в сиденье — постромки на ездовых рыбах натянулись, задрожали, как тетива. Одно неловкое движение, и двуколку закружит в потоке, будто щепку.

Но возница управлял твердо, умело, восседая в бричке как влитой, да еще подгонял нарочно:

— Эгей, черношкурые, шевелите хвостами!

При таких стараниях зубчатая стена ветряной крепости вырисовалась совсем близко спустя минуту. Была она зеленой, как и все в этом бестелесном растекающемся мире, почти до самой верхушки облепленной раковинами, ползучим водяным папоротником и ряской. Но, несмотря на буйную поросль, очертания угадывались легко. Как видно, древние праветры не мудрствовали над архитектурой сигнальных башен, возведя их одинаковыми, словно близнецы. Только эту в отличие от южной сестры не бороздили царапины.

— Ох и глубоко она погрузилась! — Потрясенная Изольда всматривалась ввысь, тщетно определяя, сколько отсюда плыть до поверхности. — Как такое произошло?

— Это Болотное царство, — гордо выпятил грудь Давен Сверр. — Все, что попадает в его пределы, оказывается там, где я того пожелаю, даже если изначально ушло под воду на аршин.

Понукаемые его плетью, быстроходные сомы начертили вокруг постройки широкую спираль, взмахнули плавниками напоследок и плавно опустились в песок чуть поодаль от входа, давно обрушенного, черного, как котел лесной ведьмы.

По тому, как оплетали цепкие болотные растения каменную арку, как копошились в мутной почве у крыльца многочисленные существа, Изольда заключила: утонувшая твердыня давно стала пристанищем болотных раков, а может, и тварей покрупнее. Помешают ли их клешни и щупальца, когда она полезет в каменную трубу?

«Если так, выбираться придется самой». — Глаза болотного короля сияли от предвкушаемого зрелища. И чтобы не затягивать с развлечением, он подтолкнул колдунью к подножке, пинком отворяя дверцу повозки.

— Чего же ты медлишь?

Спасаясь от его липких прикосновений, она прыгнула в ил, побрела к крепости. Но в последний миг свернула в ложбину. Не из страха или праздного любопытства — по воле терновника, что внезапно очнулся, приказал ногам держаться подальше от остова загубленной цитадели.

«В сторону, — гласил монотонный, лишенный оттенка призыв. — Ищи в песках, а к камням не приближайся...»

— Куда собралась? — Повелитель трясин выпрямился во весь рост, оперся подошвой о передний борт брички.

Изольда будто оглохла. Рубаха на ее спине вздулась пузырем, разодранный штанина обнажала витые колючки на бедре.

— Изготовилась шляться по округе, пока омуты не обмелеют? Напрасно... я торчать в здешнем захолустье не буду!

«На колени, — тем временем направлял колдовской голос. — Смежи веки, зрение тебе ни к чему — старайся взглядываться душой...»

Растворяясь во внутреннем шепоте, принцесса опустилась на землю, припала к песчаному покрывалу. Она точно не помнила, когда свыклась с магией, пульсирующей в теле, отринула боязнь в ней раствориться, — до путешествия в Тьер-на-Вьёр или очутившись в чужих, но странно знакомых землях. Так или иначе, терновая сила больше не страшила, не брала на излом. Каким-то невероятным образом Изольда научилась отделять от нее метания Исгерд, которые раньше сплетались в единый искрящийся клубок. И чудилось, что чары теперь принадлежат вовсе не терновой ведьме, дремлющей на задворках разума, но самой принцессе Мак Тир.

— Где ты? — как молитву, твердила она, запуская в почву сливовые побеги. — Не место ветряной вещице в болоте... Отзовись...

Жажда зрелищ, скучающий Давен Сверр решил прогуляться до косогора, за которым скрылась колдунья и, не обнаружив за ним ничего интересного, двинулся обратно к двуколке. Про себя он решил, что девчонка тронулась умом, но мешать ей не стал. Все же интересно, чем кончится история.

Рано или поздно безумице придется бросить бессмысленные раскопки и спуститься в подвалы башни. Потеха выйдет от души. Если Вор-Хала, обитающий в мглистых, изрытых норами недрах, не перебрался в иное местечко... Но и случись так, приятно будет поглазеть на Изольду, плутающую в бесконечных подземных туннелях... То-то она порастратит силенки!

Обнадеженный собственными кровожадными ожиданиями, болотник выгреб из кармана горсть засохших сто лет назад моллюсков и щедро сыпанул в усатые морды оцепеневших сомов. Те не мешкая принялись жадно хрустеть пустыми панцирями, отбирая друг у друга добычу к вящему удовольствию хозяина.

— Тупицы, — проворчал он, давя сапогом последнюю ракушку. — Спустить, что ли, их с упряжи, чтоб погоняли девчонку?

К счастью, идея не успела окрепнуть. Принцесса, помутив немного песок в низине, скоро показалась из-за дюны. В ладони она сжимала наконечник костяной трубы. Умиротворенное лицо так и светилось.

— Что за фокусы? — напустился на нее король. — Ты ведь говорила, горловина находится в крепости?

— Наверное, любопытная рыба вытащила и обронила в овраге... Или какая-нибудь русалка...

— Будь она неладна! — От негодования он затрясся. — Испортила мне усладу созерцать твои страдания! А я, между прочим, полдня тащился в эдакую даль ради зрелища.

Признание заставило окрыленную Изольду отступить за стенки брички.

— Какого?

Давен Сверр вдаваться в подробности не стал — зашипел раздраженно, одергивая полы истрепанной одежды.

— Вечно с тобой все идет наперекосяк! Казалось бы, чего проще: погубить такую соплячку, но внезапно, как угорь из норы, возникают чары, коверкают все, до чего дотянутся! По какому праву они вмешались в мою жизнь, кто ответит за беспредел, учиненный магией?

Принцесса невольно попятилась, потянулась за ножом, наперед понимая, что простое оружие не способно ее защитить.

— Не явись ты однажды в болотный чертог, — проигнорировал ее жалкий маневр король, — я продолжал бы жить как ни в чем не бывало. Но тебе обязательно нужно было попасться на глаза моим подводницам, соблазнить меня силой своего волшебства!

— Я никого не соблазняла! — проговорила она как можно убедительнее. — И не просила топить ни себя, ни волка. За наше пленение лишь ты несешь ответственность! Вспомни, как мечтал жениться, и посуди еще разок, кого обвинять в собственных мытарствах.

Но рассуждать здраво болотный король был не настроен. Надвигаясь на нее, как ветвистая коряга, он скалил зубы и мел зеленой гривой клубящийся ил.

— Мелкая гнусная паршивка, до чего жаль, что чары защищают твою тонкую шкурку... Ну да я накажу тебя по-другому: отправлю на берег, раз драки с Вор-Хала не предвидится... Раз и навсегда!

Отступающая принцесса поначалу удивилась такому милосердию, но, услышав весь план Давена Сверра, похолодела от ужаса.

— Ты клялась не соваться в мои чертоги, — рычал он желчно, — никогда не ступать в болота. Вот и будь верна слову — жди на поверхности, пока я стану топить твоих друзей... Рано или поздно их раздувшиеся трупы всплывут в каком-нибудь грязном пруду. Тогда и выловишь мерзавцев, чтобы похоронить, если изловчишься. Потому что я намеренно не оставлю ни одного, ни второго прислуживать моему величеству...

— Не посмеешь. — От волнения оторопевшая девушка втянула носом холодную воду.

— Почему же? — Хищные черты Давена Сверра окончательно потеряли сходство с человеческими, расплылись. — Разве у нас с тобой был уговор о жизнях кого-то, кроме Лотарэ? Сдается мне, ты попала в этот капкан дважды...

— Нет! — воскликнула колдунья, опрометью бросаясь к повозке. — Ты не тронешь их, иначе моя магия...

— Молчать! — гаркнул король, опрокидывая ее навзничь неувлимым для человеческих глаз движением. — Твоя магия бессильна перед своими же узами. Пусть они станут для тебя непреодолимой ловушкой!

Раскинув руки, он вдруг закатил глаза, оттолкнулся от дна, сотрясая болотную толщу мощным утробным пением. И спустя секунду она забурлила, закипела от тысяч крохотных пузырьков.

— Ко мне, кикиморы, ко мне, черти, — неслось через их подвижный заслон. — Хватайте ведьму и несите прочь из моего царства!

Словно по мановению невиданного шторма, глубину всколыхнули волны. Двойка испуганных резким толчком сомов тронулась с места, поволокла двуколку по песку, оставляя в нем глубокие борозды.

Но силившаяся подняться Изольда не видела этого. Едва она успела протереть лицо от залепившего его песка, как трехпалые и вовсе лишённые пальцев ладони подхватили ее под мышки, скрутили ноги и повлекли вверх, будто набитый опилками тюфяк.

— Пустите, — пыталась кричать она, но ластоподобная бородавчатая лапа залепила рот, сплющила челюсть до темноты в глазах.

— Прощай, терновая ведьма! — напутствовал Давен Сверр, издевательски салютуя вслед. — Надеюсь, ты найдешь себе нового мужа взамен тому, что упокоится в моих омурах. Впрочем, поклонников у тебя всегда в избытке...

И в два прыжка очутившись у своей колесницы, схватил болтающиеся позади ездовых рыб поводья. — Вперед, заморыши, напрямик ко дворцу! Меня дожидаются гости, а заставлять их скучать болотному властелину не подобает!

Провожая разогнавшуюся двуколку бессильным угасающим взором, принцесса выворачивала шею, тщетно выталкивала воздух из ноющей груди.

«Очнись волшебство, — бухало у нее в висках. — Помоги мне освободиться!»

Но терновник, вяло оплетающий плечи, не способен был отпугнуть полчища чудовищ, призванных болотным владыкой. Израненных колючками мгновенно заменяли другие — бесстрашные, нечувствительные

к терновым уколам. К тому же с каждым рывком волшебное сопротивление ослабевало, сознание плененной колдуньи гасло, замутненное болью, усталостью и страхом.

«Беги, Северный ветер, — погружаясь в темноту, твердило оно. — Спасайся, Таальвен Валишер... Мой храбрый волк, ровни которому не сыскать и за краем мира...»

* * *

— Только цветы — стебли чересчур ядовиты, — приговаривала Лотарэ, принимая из рук утопленниц пахучие бело-желтые охапки. — Калужницу следует размять в ступке, а белокрыльник отварить на медленном огне...

Подпирающий стену приморский королевич кивнул апатично и вновь вперился в пустоту. Заинтересованным он не выглядел, хотя речь и касалась его собственного благополучия, о котором радела ветресса.

— ...Затем отвар остудить, смешать с соком первого цветка и приложить к глазам пропитанную им повязку на час или два... Должно помочь.

В поисках посуды, что сгодилась бы для кипячения, новоиспеченная болотная королева углубилась в недра кладовых. Любопытные подводницы стайкой заглядывали через плечо, пока она копалась и гремела утварью, как настоящая хозяйка. Плавные движения длинных рукавов завораживали их, тихий шепоток действовал как успокаивающая колыбельная.

— Они волочатся за тобой, будто снежинки за ветряным облаком, — фыркнул Хельмвинд, обходя присмиревших девиц стороной. — Может, наберутся ума со временем?

Неуклюжая попытка подбодрить подопечную, выразить надежду на то, что в трясинах будет не так уж плохо, вызвала у нее прилив благодарности.

— Ну разумеется. — Аккуратно придерживая обвалившиеся полки, Лотарэ выбралась из чулана, застенчиво соединила ладони. — Во время прошлого моего пребывания в омуте подводницы служили неплохой компанией. Уверена, не оставят они меня и теперь...

Задержав пространный, полный невысказанных тревог и сожалений взгляд на ее спокойном лице, верховный вдруг ощутил, как сбивается дыхание, а щеки лишаются обычной бледности.

— Не думайте обо мне, господин, — подлила масла в огонь тихая просьба, — лучше позаботьтесь об Изольде. Зря мы позволили ей ехать с

Давеном Сверром...

Об этом Северный ветер догадывался и сам. Предположения одно страшнее другого роились в голове с того самого момента, как повозка треклятого болотника скрылась из виду. Но разве был выбор в тех обстоятельствах?

Имелся ли он вообще — у Мак Тира, несчастной близняшки Либа, терновой колдуньи? У самого Хельмвинда, раз на то пошло, взявшего обязательство перед Всеи Эрной? Силком заглушая вопли докучливой совести, ветер ступил к порогу, непокорно вздернул плечами.

— С Изольдой все будет в порядке, как тьер-на-вьёр она на многое способна... Болотный король боится ее — не без причины. Сомнительно, чтобы он...

Тс-с! — не дал докончить Таальвен Валишер. Словно зверь, разбуженный гиканьем охотников, он встал в боевую стойку, по привычке потянулся к ножнам, которых на поясе не оказалось. — Слышите?

Не различить глухое гроыхание, обладая тонким ветряным слухом, было невозможно. Удивительно, как приморский королевич распознал его в подводной тишине.

— Ох, праветры! — ойкнула Лотарэ, вихрем выскакивая на крыльцо. — Неужели вернулись так быстро?

За ней последовали верховный ветер и свита из утопленниц. Таальвен же остался посреди парадного холла неподвижный, настороженный. Раньше, чем колеса брички коснулись земли, до того, как ветры выхватили из болотной мути очертания юрких сомов и возницы, он знал: Изольды в повозке нет... Тонкая золотая нить, связанная с ней, тянулась в сгущающуюся даль на версты. Значит, колдунья далеко, дальше, чем можно обозреть со дна болота.

Но поделиться мыслями принц не успел. Выписав вокруг своего чертога с десятков кривых колец, болотный король осадил усатых скакунов прямо над крыльцом и, предоставив им в одиночку пристраиваться к каретному сараю, спрыгнул на подъездную аллею.

— Лестно, когда тебя встречает жена в окружении подданных... Утомление как рукой снимает. Осталось закатить пир для полного счастья, но до того надобно разобраться с теми, кому в подводном дворце не место!

Не произнося ни слова, Лотарэ выступила навстречу мужу, стараясь высмотреть за его спиной взъерошенную златокудрую голову.

— Не ищи понапрасну, — глумливо сообщил болотник. — Ведьмы со мной нет.

— Где же она? — произнесла ветресса так тихо, что едва встревожила

стоячую воду.

— На берегу. — Он обнажил мелкие острые резцы. — Правда, на каком — мне неизвестно, но есть ли разница? Костяную штукювину, которую искала в башне, чертовка получила. Наступил черед и мне воздать за труды.

— О ч-чем ты говоришь? — Чтобы подавить трепет, Лотарэ обняла себя, ухватившись за локти под широкими рукавами.

Но болотному королю не было дела до ее переживаний. Поймав под прицел черных глаз складную фигуру ее бывшего повелителя, он ухмыльнулся, размашистым шагом направился к своему чертогу.

— Сначала я утоплю тебя! — прозвучало угрожающее. — Затем возьмусь за благоверного терновой поганки и уж постараюсь, чтобы она знатно помучилась, прежде чем отличит ваши искромсанные лица друг от друга!

Действуя скорее по наитию, чем из страха, Хельмвинд подался назад, отыскал ладонью спящее кольцо боевого хлыста.

— Беги, если желаешь, — рассмеялся Давен Сверр, превратно толкуя его отступление. — Скрыться в этих коридорах все равно не получится — только продлить собственные страдания, что, впрочем, не идет вразрез с моими замыслами.

Через миг он уже был на пороге. Благоговевшие перед напором властелина утопленницы поспешили убраться с его пути, и только Ветресса скалистых ущелий осталась заслонять вход в парадный холл.

— Прочь с дороги, — потребовал болотник, надвигаясь на нее.

Но Лотарэ лишь стиснула похолодевшие пальцы в кулаки.

— Отойди...

Бескровные ее губы приоткрылись, произнося единственное слово:

— Нет...

— Что-о-о? — взревел медведем разгневанный болотный повелитель. — Ты дерзнула перечить мне, утопленница, — своему мужу, королю? Клянусь хвостом русалки, я выполнил свой зарок, данный тьер-навьер: она с ветряной побрякушкой невредимой добралась до поверхности. А о судьбе ее прихвостней мы не договаривались! Мыслимо, чтоб я помиловал и этих двоих, словно мои владения — какой-то проходной двор! Нет уж, пусть платят за двойной постой в трясинах, как расплачивались остальные, — жизнью!

— Нет... — опять изрекла Лотарэ, на этот раз громче, расправляя ссутулившиеся плечи, постепенно привыкая к собственной неожиданной храбрости.

— Да ты никак помешалась, ветресса! — подобрался вплотную Давен

Сверр. — Или от колдуньи набралась дурных замашек? Если так, я быстро отучу тебя прекословить.

— Я твоя жена и болотная королева, — напомнила она звенящим от смятения голосом. — И отныне распоряжаюсь делами нашего королевства наравне с тобой!

Согнувшись дугой, Давен Сверр загоготал. От смеха черты его сделались не такими устрашающими, но ветресса знала: это обманчивая перемена.

— Ох, уморила, — наконец перевел дыхание он. — В следующий раз за неповиновение велю заковать тебя в цепи, пока же ограничусь предупреждением: ступай в палаты немедленно!

— Нет! — Очи ее посерели, как предгрозовое весеннее небо. — А возжелаешь упечь меня в темницы силой, нарушишь свое обещание, и тьер-на-вьёр вольна будет спуститься сюда, чтоб расквитаться с тобой!

— Ах ты... — Онемевший болотник постепенно бледнел. Лишь сейчас до него начало доходить, в какой капкан загнала его Изольда, ловко использовав желание избавиться от нее на веки вечные. А ведь раньше Лотарэ казалась послушной, как ручная змейка. Неужто теперь на нее не будет управы?

— Уйди, если жизнь дорога... — Давен Сверр сдавил ее локоть перепончатой ладонью. — Помещаешь мне теперь, и я найду способ отплатить...

Дальше ветресса, придумавшая единственный верный выход, слушать не стала. Оттолкнув короля, она попыталась повалить его на песок и что есть мочи завопила:

— Сестры, доставьте Хёльмвинда с Таальвеном Валишером туда, откуда взяли!

— Только попробуйте отпустить этих двоих, и я собственноручно оторву вам пальцы! — визгливо заспорил потерявший равновесие Давен Сверр. — Топите их, рвите на части, если хотите! Пусть вода покраснеет от крови.

Поднявшись на ноги, он кинулся к дверным створкам, и Лотарэ вновь отрезала путь живым заслоном.

— Убью! — рявкнул король, заноса когтистую ладонь для удара. Но в последний момент отвел ее, кусая губы от злости.

Тем временем болотные девы уже были на пути к поверхности. Внезапно просьбы болотной королевы стали для них важнее яростных приказов, отданных бывшим властителем. Ведь у ветрессы имелось нечто, чего Давен Сверр был лишен: искренняя доброта, с которой она

обращалась даже к таким, как хладнокровные утопленницы. Потому что Лотарэ понимала их, разделяла любовь к перекатам подводных волн по мягкому илу и к ползучим узорам, начертанным водорослями. Так же, как их, ее приводили в восторг невесомые клинья лучей, пронзающих мелководье, и кувшинки — пурпурные, сизые, как дым, и розовые, распускающиеся лишь над самыми опасными бездонными омутами...

Оттого босоногие подводницы и под страхом наказания избрали в повелительницы зеленоволосую Лотарэ, что давно была им сестрой.

— Заговор! — Болотник метался по дну, тщетно призывая пучеглазых тритонов и затаившихся в тине чертей. — Все в погоню!

Молодая жена волоком тащила его в палаты, а он мог разве что хвататься за стены и скобы для факелов, боясь ранить ее и тем самым нарушить роковую клятву.

— Догнать мятежников! — разносилось по коридорам, пока дверцы одной из комнат не захлопнулись с шумом.

Лишь тогда перепуганные болотные обитатели показали носы из своих нор, боязливо повысовывались из зарослей. За долгое время они отвыкли подчиняться кому бы то ни было, кроме чувства голода. Но теперь, как видно, все пойдет своим чередом или лучше, ведь болотный король больше не один на своем прославленном троне.

ГЛАВА 18

ВЛАДЫКА ДУШИ И ТЕЛА

Накрапывало мелко и противно, будто не конец тьер-на-вьёрского лета окутал королевство сладким медовым августом, а вдруг наступила сырая поздняя осень. И хотя ветер нынче не прикасался к нечесаной облачной шерсти, она все равно сбивалась в колтуны, а капюшон с головы принцессы сползал. Оттого по ее лбу и скулам одна за другой стекали холодные струйки, слепили глаза и заливали за ворот, рисуя затейливые дорожки вдоль спины.

Но не это заставляло ее медлить при каждом подозрительном шорохе, прятаться меж редких деревьев, окружавших развалины старой дозорной крепости, — беспокоила Исгерд возможная скорая встреча. Накануне она обнаружила письмо в своем походном шатре, который, к слову, днем и ночью сторожили солдаты с пиками наготове. Мелким, каллиграфическим почерком Этельстана в нем сообщалось, что брат будет ждать ее в главном зале разрушенной башни после захода солнца. Разумеется, приходиться предписывалось без охраны.

Впрочем, колдовской терновник был для Исгерд лучшей защитой, которую можно заполучить в лагере, разбитом на ночлег посреди высохшей речной долины Дахана-Пламен. В давние времена Черная башня располагалась на самом ее берегу, грозно взирая слепыми ныне бойницами. Говаривали, что она принадлежала древним драконам, но их не видели в пределах Тьер-на-Вьёр сотни лет, так что за достоверность легенд рассказчики не отвечали.

Сама же река несколько веков как сменила русло и, хотя на ее изрезанном течением дне частенько находили перламутровые раковины и полые, как камыш, скелеты крабов-исполинов, по праву считалась сушей.

Королевские дружинники истово спорили, мудро ли становиться на ночь в столь открытом незащищенном месте. Но терновая принцесса запросто положила конец их сомнениям, напомнив, что от подданных Розы Ветров не найти укрытия ни в лесу, ни за косогорами меловых холмов, вспучившихся неподвижным белым морем на юго-западе. Потому излишне тратить драгоценные часы отдыха на бессмысленные прения.

Дабы утихомирить опасливо озирающихся солдат, она на скорую руку возвела вокруг палаточного городка двухсаженную сливовую изгородь и

велела отряду готовиться ко сну. Таких бесхитростных мер для душевного покоя служивого люда пока что было достаточно. Ни мечники, ни копьеносцы не знали доподлинно, с какой именно целью направляются в Ветряное царство, и уже неделю как терялись в догадках. Для полномасштабной войны их было чересчур мало, в качестве личной охраны принцессе достало бы и двух десятков верховых, вооруженных дальнобойными арбалетами.

Исчезновение Этельстана держалось в строжайшем секрете. Правду пришлось открыть самым приближенным советникам и высшим военным чинам — без их помощи терновой наместнице никак не удалось бы спланировать свой поход. Но в таких кругах обычно ревностно берегли тайны, потому можно было не волноваться на сей счет.

«Да уж, Герда, долой тревоги, — язвила мысленно принцесса, передвигаясь перебежками. — Ветра похитили твоего брата взамен на отказ поделиться терновой магией — обычное дело для властительницы Тьер-на-Вьёр...»

Своих подозрений по поводу Этельстана она никому не открыла — убеждала себя, что он невиновен. Быть может, запуган, сбит с толку, опутан ветряными чарами... вспомнить хотя бы слухи, что ходили о Розе Ветров. Раньше Исгерд не придавала им значения, но вдруг молва об иных колдовских способностях не лжет? Если так, долг принцессы — освободить брата, а вовсе не обличать перед народом.

Ночь прибывала, сворачивалась черными непроглядными хлопьями, как сворачивается в кадушке перекишее молоко, и скоро в мешанине дождя и темени нельзя было различить ничего, кроме далеких огней походного лагеря.

Но свет не требовался терновой принцессе. Она давно миновала каменистый подъем, до костяной гладкости обглоданный течениями, оставила позади чудом уцелевшую дорожку, вымощенную, дабы кони не месили грязь под стенами крепости.

Вереница мыслей не давала передохнуть, заполняя голову бесчисленными «вдруг». Правда ли Этельстан появится в условленном месте, он ли написал письмо или его составили хитроумные ветра, направляющие руку несчастного узника? Что он скажет при встрече, как поведет себя? Потешит ли принца, что во имя его спасения она собрала целую маленькую армию?

«Которая вряд ли преодолет опасный крутой подъем к чертогам небесного царства, если того не пожелают всемогущие ветра. — Принцесса приуныла. — Ведь под ударами штормов и буранов любой, даже

закованный в прочные латы пехотинец неминуемо сорвется в пропасть».

«Не допустить кровопролития! — твердил непоколебимый глас будущей королевы. — Убедить Вею Эрну отступить, отказаться от честолюбивых помыслов ради благополучия Тернового королевства».

До глубины души уверовав в праведность своей затеи, Искерда решила и тенью просочилась сквозь расщелину в обвалившейся стене. На миг из прорех небесного покрывала выплыл Серб и тут же задохнулся под тяжестью наползающих дождевых туч. Но и этой секунды хватило, чтобы поглубевшие волосы принцессы расцвели пятном в беспробудном мраке бесплотных комнат.

— Герда? — Из темноты послышался голос. — Ты пришла, неужели?

Не спеша приближаться, она расчистила подошвой крошево из базальта, давным-давно бывшее ровной поверхностью, сощурила бесцветные глаза.

— Чему ты удивляешься, Этельстан? Разве я не сестра тебе, не защитница, что клялась великим терном оберегать брата от врагов?

— О, ты клялась... — отозвалось в ответ безрадостно. — И много чего сулила, но не сдержала обещаний...

— Не понимаю. — Белые руки с плетением черных вен беспомощно разошлись в стороны.

— А что тут понимать? Дай ветрам то, чего они просят, уступи единожды, и я обрету свободу...

Скользнув под козырек уцелевшей крыши, терновая принцесса удрученно ссутулилась, утерла влагу со слипшихся белесых ресниц.

— Я не могу этого сделать...

— Ну разумеется... — выплюнул Этельстан с горечью. — Ведь ты — почти королева, пресветлая жрица терновника, по сравнению с величием которой судьба брата не стоит и выеденного яйца.

— Вовсе нет... — воспротивилась она, но громкий гневливый шелест и последовавшее за ним болезненное стенание сковали язык, погнали прочь из-под сухого, но темного укрытия.

— Хватит с меня лживых оправданий! — вырвалось надсадно. — Твоим заботам — ломаный грош цена... Признайся, забавно было изображать неведение, годами водить меня за нос, выжидая, пока не станет поздно и дряхлое мое тело само не отторгнет терновую магию?

— Ты не в себе, брат, позволь отвести тебя домой... — Искерда вслепую повертела головой. — Я улажу неразбериху, никто не посмеет выказать ни упрека в твой адрес. Советникам доложим, что ветра одурманили тебя, обманом удерживали в своих владениях. Когда же

рассудок твой прояснился...

— Замышляешь объявить меня сумасшедшим? — вскричал принц, все больше погружаясь в пучину горячечного отчаяния. — А ведь она предупреждала о твоём властолюбии...

Шорох отрывистых шагов заставил Исгерд чутко застыть, бьющая через край магия готова была отражать атаки — насмерть, если придется. В сумраке пыльных коридоров помимо Этельстана ощущалось нечто таящееся, враждебное. Но усилием воли принцесса усмирила безотчетный порыв, стряхнула с ладоней колдовское напряжение.

— Умоляю, брат, внемли моим доводам — я не лгала тебе ни разу в жизни... Говорю правду и теперь...

— Чушь! — зашипел он. — Ты внушала, будто терновую силу нельзя разделить, а Вея Эрна — великая Роза Ветров — поведала, что способна перенять колючие чары. Но стоило ветрам заикнуться о подобном, ты прогнала их прочь! А могла бы выслушать до конца, попросить ветрянную владычицу наделить меня хоть долей волшебства... Знай же, я толковал с ветрами об истинах, которые ты отмела в непомерной гордыне, и нынче не отступлюсь от цели!

— Этельстан, уверяю тебя...

— Полно притворяться, ваше высочество! Прикрываясь мудростью, ты копишь магию, словно она принадлежит тебе одной, и строишь планы, как столетиями править Тьер-на-Вьёр. А я между тем имею на терновник равные права! И не собираюсь смотреть, как ты возносишься над простыми смертными, становишься чуть ли не богиней в их глазах, пока я старею, довольствуясь жалкими титулами и никчемными орденами, о которых забудут через неделю после моей кончины!

Сорвавшись на крик, он затих. С минуту было слышно только тяжелое дыхание, подобное хрипу мечущегося в лихорадке. Но постепенно принцу удалось совладать с припадком безумия.

— Больше тебе не провести меня, сестра, — эхом прокатилось по залу. — Ни словами о сестринской любви, ни жалобами о бремени терновой власти. Как принц, я претендую на волшебное могущество и получу его! Не теперь, так спустя месяц, год, когда оголодавшие крестьяне явятся во дворец и потребуют примирения с ветрами... а не подействует безветрие, ураганы перейдут в наступление. И уж они не оставят от королевства камня на камне. Такой судьбы ты жаждешь для своего народа?

Отравленные ядом зревшей годами зависти речи оставляли глубокие шрамы на душе терновой принцессы, словно брат по-живому клеймил ее раскаленным железом. Пытаясь найти ему оправдание, Исгерд делила

предложения на отдельные слова, шевелила губами, чтобы связать их воедино — не в столь страшной последовательности, но выходила бессмыслица.

— Я сам предложил ветрам устроить собственное похищение, чтобы вывести тебя на чистую воду! — запальчиво выкрикнул Этельстан. — Надеюсь, ты вступишься за меня, пожертвуешь частичкой колдовства, но куда там. Ты умеешь лишь щебетать велеречиво о подлинности своих чувств да командовать солдатами... Какой же душой надо быть, чтобы снарядить их против ветряного воинства! А требовалось всего-то — умерить спесь и поделиться чарами...

— Не верю... — ища опоры, принцесса прислонилась к расколотому каминному барельефу, — что со мной говорит брат — в здравом уме, по доброй воле... Отчего ты прячешься в темноте, словно вор или убийца? Выйди на свет, погляди мне в глаза...

— Тщишься одолеть меня, заморозить, как ведьма? — Принц и в этой просьбе углядел коварный замысел. — Думаешь, от королевского взгляда я затрепещу, паду на колени? Забудь, Герда, отныне я — не твоя безвольная тень, Вея Эрна подарила мне настоящую силу!

С этими словами он выступил из ночного марева, гордо вознеся голову, на которой покоилась сухая корона из чертополоха.

— Вот тебе мои очи, любезная сестра! Всмотрись в них внимательно, чтобы раз и навсегда уяснить, как сильно я ненавижу тебя!

Забыв вовремя закрыть рот, терновая принцесса охнула, отскочила за каменный зев очага. Вне всяких сомнений, в башне с нею беседовал Этельстан, но до чего страшен был его облик! Многочисленные колючие стебли вросли прямо под кожу, уродуя лицо, оставляя кровоподтеки. Виски и шея вздулись бороздами, белки глаз покраснели от напряжения. Задняя часть венка плелась по спине, накрепко вживившись в плоть под одеждой, разорвав рубаху и камзол на лоскуты. Руки, насквозь прошитые иззубренными лезвиями листьев, истекали сукровицей.

Если раньше близнец Исгерд отличался от нее лишь чертами, то сейчас выглядел настоящим чудовищем по сравнению с дрожащей сестрой. В панике ей хотелось выхватить нож и отсечь ужасные отростки, но умом принцесса понимала: клинком их не вытравить.

— Этельстан... — едва разлепляя онемевшие уста, пробормотала она. — Еще не поздно все поправить... я попробую расколдовать тебя, выпутать...

— Прибереги магию для самообороны! — зло огрызнулся принц. — Пригодится, когда ветряные армии ударят по Тьер-Лерану!

Набрав в легкие воздуха для новой угрозы, он презрительно скривился, но неожиданно рухнул на пол. Видимо, от боли, которую причиняли сухие ростки. Чтобы облегчить ее, Исгерд потянулась к содрогающемуся плечу брата, но полный вражды окрик остановил, оттолкнул яростно:

— Не приближайся! Я не желаю твоей жалости — только магию и власть!

От мощного спазма язык принца запрокинулся в глотку, тело скорчилось, терзаемое изнутри страшной чужеродной силой. А хищные соцветия заклётого венка все не унимались.

— Прекрати! — вместе с багровой пеной сорвалось с искусанных губ. — Ты обещала припугнуть ее! Довольно!

Но та, к которой он обращался, упрямо молчала, позабыв о нем или же потеряв всякое милосердие. Кроме терновой принцессы, рядом не нашлось никого, кто сумел бы облегчить муки. Впрочем, и она, как ни тряслась над извивающимся братом, тоже не властна была успокоить кошмарные судороги.

— Не надо-о! — заревел страдалец, прозревая исход, к которому движется. По багровому лицу покатались злые обреченные слезы. — Герда, пожалуйста, помоги.

Забыв обо всех жестоких и незаслуженных укорах, что Этельстан бросил ей несколько минут назад, Исгерд металась среди каменных обломков, бессильная исправить чужие ошибки. Тонкая корона на челе брата успела разрастись до размеров громадного кокона, связать принца по рукам и ногам. И стоило Исгерд предпринять хоть малейшую попытку разорвать путы, Этельстан начинал кричать пуще прежнего. Видно, крошащиеся кости сухие стебли каким-то колдовским образом сделались частью его самого и теперь не желали отрываться от изменяющегося тела.

А облик его и вправду становился иным: суставы трещали, хребет непомерно вытягивался.

— Прошу... — прохрипел Этельстан прежде, чем макушка его скрылась под гроздьями шипастых бутонов, и рыдания стихли.

Шатаясь от пережитого, Исгерд упала на щербатые плиты, принялась колотить по окаменевшим стеблям. Чары вдруг превратились в бесполезный груз, без толку отягощавший ладони. Как бы много они ни умели, в борьбе за Этельстана оказались бессильны. Оставалось звать его сквозь ширящийся чертополоховый сверток, сдирая в кровь и без того уродливые костяшки.

— Отпусти его! Немедленно! — с воплями требовала Исгерд, пока

свежие побеги отталкивали ее в сторону. — Держись, Этельстан, не поддавайся магии!

Морозящий без остановки дождь растворял ее голос, уносил отзвуки вниз, в речную долину, для того чтобы влить их в быстрый поток Огненной реки, наполнить ее искренней печалью. Так продолжалось час или два.

Наконец диковинный сухой кокон перестал расти. Напитавшаяся влаги поверхность хрустнула, пошла трещинами.

— Этельстан! — раньше срока обрадовалась принцесса, цепляясь пальцами за образовавшиеся рубцы.

Но вместо бледного лица ее бедного брата из переплетения лоз показались темная змеиная чешуя, свертки кожистых крыльев, смятых, как залежавшаяся парусина.

— А-р-р! — заходили ходуном столетние стены. А когтистые лапы ударили по базальту так, что скрежет услышали даже в разбитом поодаль лагере. — Ра-ар!

Оторопевшая Искерд отползла назад, на ощупь нашла каменное возвышение порога. От потрясения соображать ясно она не могла — только следовать силе, что толкала вперед.

«Беги! Спасайся!» — гремело с каждым ударом сердца, и она побежала.

Ступени, голое подворье, кривая подъездная дорожка, потом насыпь, колючая сорная трава и глинистое брюхо сменившей ток реки.

Сквозь пелену принцесса с трудом разбирала, куда ступать, оскальзывалась, но все же неслась, утирая со щек воду, отчего-то едко соленую. А вслед сыпались, как щебень, вековые обтесанные булыжники, взвивались в ночное небо струи пока еще слабого пламени... И, сотрясая мир пронзительным звериным криком, на крыло вставал черный огнедышащий дракон.

* * *

И вновь, как прежде в волчьей шкуре, Таальвен Валишер понятия не имел, сколько часов он болтался посреди сереющего проблесками, но по большей части непроглядного ничего, принюхивался, напрягал слух. Ногам не давала просохнуть роса, а нежная мантия тумана приятно холодила разгоряченный лоб. Иных сигналов, которые бы подсказали, что окружает приморского королевича и куда следует двигаться, он не ощущал.

Зрение все еще не вернулось, вопреки заверениям Давена Сверра, что

хворь скоро пройдет. Сострадательная Лотарэ только и успела, что оборвать цвет с заветных лечебных стебельков, когда во дворец явился болотник. С другой стороны, она спасла Лютингу с ветром жизнь, а это намного ценнее способности видеть.

Выкарабкавшись из мелкого, густо затканного болотными лилиями пруда, приморский королевич первым делом попытался разведать, где именно очутился, затем поискал Хельмвинда. И когда ни одна затея не увенчалась успехом, двинулся в направлении, что обозначила сияющая золотом путеводная нить.

«Делать мне все равно нечего, — трезво рассудил он. — Наудачу разыскивать Северного ветра, которого, быть может, утопленницы доставили к берегам совершенно иного водоема, тщетно. А до Изольды я доберусь, даже если придется переплыть моря и зеркала Тьер-на-Вьёр».

Порешив на том, принц Мак Тир выломал себе сучковатую клюку из кустарника, ткнувшегося в колени, и зашагал, часто запрокидывая голову в надежде, что солнечный свет поможет обрести зрение. Но мгновения истекали, а вездесущая чернота почти не светлела.

От безделья пальцы принялись сучить призрачную нить. Невероятным казалось, что к ней возможно притронуться, смотать в переливчатый клубок, который, впрочем, исчезал, стоило выпустить из рук. И с каждым новым мотком запала у королевича прибывало.

«Поймай ее, догони... — навязчиво трепыхалось в груди. — Она ведь твоя принцесса... твоя добыча...»

По-звериному раздувая ноздри, Таальвен Валишер с самозабвением внимал этому глубинному зову, полагался на него, словно на поводыря. И мир, окрашенный жаром предвкушения, преображался: становились видимыми камыши и илестые лужицы, камни и узловатые деревца обретали очертания. Непохожие на прежние, но вполне уловимые, чтобы обойти стороной, пригнуться, не свалиться в яму.

В азарте погони принц не заметил, как сменились на небосводе светила, а зыбь под сапогами затвердела. Дыхание его сделалось частым и резким. И вот неосязаемая нить в руках легонько натянулась.

«Попалась!» — зашлось в восторге одичавшее сердце.

Будто поддразнивая, за другой конец уползающей во мрак струны дернули — невесомо, но вполне достаточно для того, чтобы чуткий Таальвен угадал направление. С этого мгновения тело его действовало самостоятельно. Выверенные молниеносные движения повлекли вперед, кровь взыграла, как молодое вино.

— Изольда! — позвал королевич, стараясь замедлиться, обуздать

незнакомые инстинкты.

А разум уже заволакивало всепроникающее:

«Лови! Хватай! От охотника нет спасения! Пусть душа ее трепещет в оковах твоей хватки!»

— В оковах моей хватки... — вторил предатель-язык, бесстыдно выдававший потаенное желание подчинить себе терновую колдунью.

И только в уголке сознания билось тревожное напоминание о том, что она лучше откусит себе язык, чем даст согласие на плен или кандалы.

* * *

— Исгх-рд, — аукалось в разбрызгиваемой направо и налево воде, в плаче ломающихся стеблей осоки, — с-смерть...

Изольда летела ланью, не сознавая, что пересохшее русло Дахана-Пламен и изрыгающий искры и дым дракон остались во сне, от которого она так и не очнулась. Губы еще твердили, как заклинание:

— Не стреляйте, только не стреляйте в него!

А исцарапанные пальцы горели. Но мало-помалу реальность возвращалась, сбивая с толку то не пойми откуда взявшимся озером, то плотным рядом сухостоя, как по волшебству возникшим из-под земли.

— Где же я? — вконец заплутав на границе грез и яви, простонала колдунья. — Почему мир двоится, вертится колесом?

Придерживаясь за колющий бок, она поискала глазами лужицу или озеро, чтобы умыться. И, углядев под горкой свежий ключ ручейка, жадно припала к нему — взмокшая, чумазая, как кикимора.

Но отдыхать довелось недолго. Как только влага окропила сладостью пересохшее горло, принцесса ощутила сильный, лишаящий воли рывок, словно ее заарканили невидимой волшебной веревкой. Внутренности сдавило, волной накатил страх. Почти такой же всепоглощающий, что завладел Исгерд много лет назад, когда она, сломленная горем, убегала от своего крылатого брата-змея.

Надрывно закашлявшись, Изольда вскарабкалась на пригорок, огляделась затравленно — ни души. Но поверишь ли глазам, когда от набата бесшумных вражеских шагов закладывает уши.

«Он здесь!» — твердило предчувствие, посылая в галоп, на который больше не было мочи. И, наобум выбрав направление, колдунья запетляла, как подстреленный заяц.

В изматывающей свистопляске побега мнилось, что кто-то

выкрикивает ее имя, но остановиться и посмотреть Изольда не смела. Отчаяние нагоняло с каждым рывком. Чувство, что ее удерживают, тянут, путало ноги, лишало остатков проворства. Не выручал даже терновник, хоронящийся под орнаментом колючек так, словно он был обыкновенным узором.

Давний кошмар о погоне сквозь мглистый лес повторялся, только на сей раз все происходило взаправду. Удавка страха сделалась столь тугой и невыносимой, что хотелось выпрыгнуть из кожи, отделить себя от костей, лишь бы стряхнуть ее, избавиться от наваждения. Не тут-то было. Перескочив низкорослую ограду из шиповника, принцесса приземлилась прямо в руки своего преследователя и вместе с ним кубарем покатилась в ложбину.

Оберегая ее от ударов и ссадин, Таальвен накрепко притиснул ее к себе, заключая в объятия, как в безопасную клетку. Но колдунья его стараний не оценила.

— Будь ты проклят! — прохрипела она остервенело. — Пусти!

Необъяснимое влечение оглушало, требовало от королевича припечатать ее к земле, натянуть пульсирующую между ними нить до треска. И наслаждаться охмеляющей властью обладания до тех пор, пока Изольда не лишится чувств. Но другое переживание — не в пример милосердное, робко уговаривало ослабить хватку.

«Ты причиняешь ей страдания... — вздрагивало в душе. — Разве не видишь?»

Усилием воли преодолев искушение, он заторможенно отстранился... в средоточии обернутого в темень мира искаженное девичье лицо казалось маской, слипшиеся от тины и песка волосы сваялись, запекшаяся кровяная корка на виске ярко чернела.

— Изольда...

Оглушенный собственной жестокостью, что всегда была ему чужда, Лютинг расцепил ладони, высвобождая заложницу. Она продолжала отбиваться, подобно пойманной в силки птице.

— Отпусти меня! Развяжи! — Извивающиеся руки скребли и царапали, будто в попытке сбросить тесные узы.

Чтобы не дать ей ранить себя, он изловил ее запястья и, бережно удерживал, пока сопротивление не сошло на нет. И все больше стыдился недавней страстной одержимости, затмившей разум.

— Очнись, принцесса, пожалуйста... я не хотел обидеть тебя...

Ввергнутая в полутранс его монотонным шепотом, Изольда помалу успокоилась. Тело еще дрожало, но не выгибалось дугой, словно из него

вынимают душу. Теперь приморский королевич мог приподнять ее, прислонить спиной к груди и даже вдохнуть украдкой сырой запах потяжелевших от глины волос.

— Тс-с, тише... — баюкал Таальвен принцессу.

Но и вопреки навеивавшему оцепенению голосу она продолжала всхлипывать:

— Освободи меня, расколдуй... Невыносимо жить, пока ты гонишь, преследуешь... День за днем я чувствую, как истончается моя суть...

— Неправда, — противился Лютинг, невольно отбирая у жены право на пререкания. — Тебя обещала мне судьба... Она сплела воедино наши жизни, определила пути и не могла ошибиться. Разве есть нечто дурное, предосудительное в моем искреннем желании быть рядом, защищать, любить тебя?

По-прежнему чересчур изнуренная, чтобы пошевелиться, терновая колдунья тяжело вздохнула.

— А если я не хочу этого?

— Что ж, — внутри у него заныло, — ты вольна уйти — куда угодно, с кем пожелаешь...

— И ты отпустишь меня?

— Отпущу, — судорожно выдохнул Лютинг, сам до конца не веря, что способен на подобное. — Клянусь именами своих предков, я не стану держать тебя силой... Но прошу, давай хотя бы попробуем — стать мужем и женой...

Уронив голову ему на плечо, Изольда опустила веки, слабо кивнула. Было неясно, соглашается ли она от бессилия или действительно принимает его предложение. Но покуда Таальвен мог обнимать ее, прижимаясь губами к разбитому виску, это не имело значения.

— Ты гневалась из-за оков, которые надевали в древности невестам в приморских краях, — задумчиво пробормотал он. — А знала ли, что ключи от них бросали со скалы в море с тем, чтобы жених добыл их со дна и отомкнул браслет своей суженой в день свадьбы?

— Нет, — ответила принцесса. — Что же случилось с теми, кто не находил ключа?

— Они считались недостойными женитьбы... — Отыскав обручальные кольца на ее израненных пальцах, Лютинг повертел одно, другое и, не стянув до конца, вернул их на место. — Но нередко происходило и так, что жених погибал, пытаясь отобрать заветную вещь у морской пучины. В случае несчастья обещанная ему в жены девушка должна была год носить траур, а затем вновь могла давать любовные

клятвы.

— Стало быть, ты прыгнул бы за ключом, играй мы свадьбу в родовом замке Мак Тир? — едва шевеля языком, поинтересовалась колдунья. — Это хуже, чем выходить замуж по принуждению.

— Почему?

Устраиваясь поудобнее, она поерзала, уткнулась затылком ему в ключицу.

— Потому что большей глупости, чем тонуть из-за металлической побрякушки, сложно представить... Думаешь, отрадно невесте быть причиной смерти пусть и нелюбимого человека? А если по ее милости погибнут двое?

— Никто не станет считать ее виноватой...

Неутешительная поправка заставила Изольду хмыкнуть с предубеждением:

— Как насчет самой нареченной?

Вопрос смутил приморского королевича, ведь раньше он не размышлял об этом. Но в том-то и состояла вся прелесть его воспитания, что любые жизненные недоразумения легко списывались на злой рок.

— Если им суждено быть вместе...

— Ох, замолчи, Лютинг Мак Тир, — устало оборвала его принцесса. — От твоей привычки слепо следовать заветам, противоречащим здравому смыслу, злость берет. Кажется, предпиши тебе боги взять в жены морскую сирену, ты и тогда не стал бы бунтовать.

— Из нас двоих вовсе не я обручился с волком, — напомнил он справедливо.

— Зато ты женился на терновой ведьме, что не особо прозорливее...

Затевая спор, колдунья почуяла, как прибывающая сила наполняет ватное тело, выровнялась. Близость Таальвена вдруг покорибила, вогнала в краску. То, как мерно стучало его сердце под ее левой лопаткой, одновременно завораживало, отпугивало. Но признаться себе, что за несколько минут она свыклась с тяжестью мужских рук, принцесса не успела.словно гром, возвращающийся из небытия, вдалеке послышался топот конских копыт, за ним — обрывки разговоров. И спустя мгновение ложбину накрыл зычный окрик:

— Эй, Таальвен Валишер, ты там живой? Или мечешься в беспамятстве, как твой беловолосый спутник? — И, приблизившись еще на десяток саженей, говоривший сообщил кому-то наставительно: — Твердил же, искать следует к западу от озерных долин... Далеко уйти он не мог, да и наследил порядочно.

В ответ ему промолвили неразборчиво, зазвенела конская сбруя. Похоже, попутчик говорившего спешился, потянулся за оружием, притороченным у седла.

— Еще бы тетиву взвел для верности, — попенял верховой издевательски. — Авось у него там арсенал из камней и комьев грязи.

Пристыженный стрелок засопел, молча отступил к лошади, очевидно, пропуская вперед старшего по возрасту или званию.

— Вылезай, Западный ветер, — добродушно произнес тот, подъезжая ближе и заставляя Изольду с Лютингом почувствовать себя преступниками, пойманными с поличным. — Это мастер Кетиль — твой старый знакомец из «Кости в горле».

— Кетиль? — Таальвен Валишер опомнился первым. — Что ты здесь делаешь?

— Ищу тебя, разумеется, — донеслось из-за холма за миг до того, как над гребнем мелькнула седая голова. — Беда, приключившаяся с твоим другом, навела меня на мысли, что и у тебя не все гладко...

— Он говорит о Хельмвинде, — ужаснулась принцесса, до того не вникавшая в смысл обращенных к ее мужу речей.

— Ба, — прищелкнул языком удивленный пришелец в черных одеждах. — Да ты, гляжу, не один в этой канаве. Прихвати же и свою спутницу — места на крупе Унгвара вам обоим хватит с лихвой.

Густые брови Лютинга хмуро сошлись, делая его лицо жестким настолько, насколько возможно без опасной зелени очей.

— Разве я соглашался ехать куда-то с тобой?

— Пока нет, но чую нутром, судьба того страдальца тебе небезразлична, а ему в эту самую минуту приходится ой как несладко... Мои друзья отвезли бедолагу в форт, принадлежащий нашей общине, — местный лекарь попытается помочь, но, боюсь, его скудных умений не хватит, чтобы снять браслет...

— Вы пытались стащить его с запястья Хельма? — Терновая колдунья с тревогой вскинула голову. В мгновение ока личность чужака и подробности его рассказа отошли для нее на второй план.

— И не помышляли. — Карие с отсветом глаза впелись в колючую вязь на белой коже. — С подобной штукой ножом не обойтись — ясно без толмачей... Нужен наговор или чары... Или иная мудрость, неведомая простым фейланам...

— Главное — не трогать его, — впопыхах пояснила принцесса.

— Что ж, мы еще успеем нагнать обоз и предупредить об этом врачевателя... Если не будем мешкать...

Словно приняв приказ к исполнению, свирепая кобыла Кетиль нетерпеливо тряхнула шеей. Привыкшая к послушанию ладонь в плотной шипастой перчатке тут же натянула поводья, принуждая животное закусить удила.

— Понимаю, доверять мне нет никакого основания, но, клянусь своим даром, ни я, ни мои собратья по ремеслу не желаем вам зла. Удел душеловов — место, хоть и не самое приятное, по мнению простого люда, зато безопасное, сполна обеспеченное провиантом. Оттуда ведет множество дорог — вы вольны выбрать любую, когда поднимете на ноги своего друга. Если понадобится, я даже одолжу вам лошадей. Взамен попрошу лишь о возможности прояснить для себя некоторые загадки... Но если такой расклад вам не по вкусу...

Ожидая реакции на свое не в меру заманчивое и одновременно подозрительное предложение, Кетиль повернул лошадь, предоставляя двум сидящим в яме путникам возможность полюбоваться ее необычной сивой мастью. А заодно проверить: за спиной он не прячет меч, арбалет или другое оружие. Но удостовериться в этом сумела одна Изольда.

— Мы ведь отправимся за Северным ветром? — в безотчетном порыве ухватив Таальвена Валишера за руку, спросила она.

А еще недавно маялась от обиды на верховного, ранившего ее так страшно и глубоко... Не выстоять тебе против собственных привязанностей, сострадательная принцесса... От обжигающей лихорадки чужих чувств губы королевича мигом пересохли, но к хаосу в душе колдуньи ему было не привыкать.

Да, — провозгласил Лютинг достаточно громко, чтобы знакомый из трактира также расслышал. — Если Кетиль даст обещание, что тебя никто не тронет.

— Ни пальцем, ни острием, — добродушно отозвался седовласый всадник. — Без твоего разрешения.

И, царапнув шпорами темные с серебром конские бока, подмигнул лукаво.

Ориентируясь на мягкий шаг карабкающейся по кособору колдуньи, Лютинг зажмурился и зашагал вверх. В голове у него опять начинало тихонько шуметь — не то от усталости, не то от изматывающего ожидания, будто каждый вершок приближал к чему-то значительному, судьбоносному.

«Все — мираж, — повторял себе королевич, сквозь мрак разглядывая фигуры и лица прибывших с Кетилем людей. — Ложное предчувствие, заблуждение ума...»

А в груди восковыми лужицами оплывало смутное ликование, словно

после сотен лет на чужбине он возвращался домой...

* * *

— Мне нужна калужница... — внезапно заявил Таальвен Валишер после дюжины минут угрюмого молчания, легко касаясь незрячим взором края зеленеющего перелеска. — И, кажется, белокрыльник...

Они с Изольдой ехали верхом на одном коне, и от тряски ступни ее раз за разом задевали каблуками его ноги в стремях. То, что она уступила принцу поводья, ничуть не смутило мастера Кетиля, словно умение Таальвена вслепую ориентироваться в пространстве было для него чем-то самым собой разумеющимся. А вот готовность, с которой изукрашенная коллочками колдунья позволила затащить себя в седло, да еще обхватить покрепче за тонкую талию, вызвала нескрываемое изумление. Впрочем, мужчина быстро упрятал его под покров задумчивого безразличия и впредь позволял себе наблюдать за спутницей Лютинга лишь исподтишка.

— Калужница... — Не замечая косых взглядов чужака, принцесса принялась копаться в памяти. — Не ее ли у реки собирает Лива, чтобы приготовить отраву от огородных вредителей? Она еще называла эту траву водяной змейкой...

— Похоже на правду. — Кетиль незаметно сбавил ход и, намеренно не выпрашивая подробности о новом имени, повел пространную беседу: — В наших краях калужница слыла ядовитой — у скота она способна вызвать несварение, колики... Да и людям я бы не советовал есть растение сырым.

— Ты знаешь, где его раздобыть? — запросто пренебрег предостережением приморский королевич.

— А как же...

Громадная кобыла поравнялась с Унгваром — гривастым тяжеловозом, любезно предложенным путникам, и пошла быстрым уверенным шагом.

— Что насчет белокрыльника?

— На твое счастье, Западный ветер, я немного разбираюсь в травах. — Разминаясь в седле, Кетиль скрежетнул широкими наплечниками, и указал куда-то на восток. — Вон в той стороне, версты три не доезжая до форта, есть озеро. Мне частенько приходилось коротать время на его берегах, водяного лапушника, если, конечно, сказ о нем, там пруд пруди!

— Значит, придется заехать, — решил, не советуясь, Лютинг.

Притихшая Изольда только выдохнула в капюшон — не место и не время требовать объяснений, пока лиловоглазый всадник в плаще и дублете

кружит рядом, как хищный беркут, а свита его скачет хоть и поодаль, но наострив уши. Ох, почему она не умеет общаться с мужем мысленно...

Будто уловив ее беззвучный ропот, Кетиль прикинул, далеко ли до нужного водоема, и спросил:

— Зачем тебе эти растения?

— Из их цветов можно сделать зелье, которое избавляет от слепоты... — сдержанно растолковал Таальвен Валишер.

— Вот оно что. — Уголки морщинистого рта дернулись в бледном подобии улыбки. — Тогда наберем побольше, чтобы подействовало наверняка. Не годится парню вроде тебя мыкаться по миру наудалую, полагаясь лишь на чутье...

Ничего особенного он не сказал, но у Лютинга почему-то возникло знакомое неприятное чувство, что хитроумный всадник намекает на какую-то сокрытую истину.

— Правда, для подобного простого задания сопровождение ни к чему. — Тонкие губы вновь изогнулись. — Отпущу-ка я ребят, чтобы из-за нашей отлучки даром не пылили одежды.

Измыслив так, он подхлестнул сивую кобылу и умчался вперед — перекинуться парой слов со своим отрядом. По привычке щурясь, Лютинг уставился ему вслед, но разглядел одни тени, расплзающиеся в серой пустоте.

Наблюдала за Кетилем и принцесса, стараясь не выдавать силком убаюканного волнения. Вот сейчас он отдалится еще на аршин, и можно посеCRETничать с Таальвеном без свидетелей. Но едва она собралась открыть рот, чтобы поделиться страхами и догадками, в голове возник неожиданно четкий запрет: «Молчи!».

Дыхание тут же сперло, придуманные фразы рассыпались, будто бусины с порванного мониста. Губы онемели, как по волшебству.

«Что же это?» — судорожно глотнула воздух принцесса, пока оцепеневший Таальвен Валишер твердил про себя:

«Молчи! Не говори ничего! Пришелец в черном слышит, ведает нечто, рождающее во мне восторг и ужас одновременно...»

Заметить, как костенеет стан его спутницы, он не мог, всецело поглощенный неизбежностью грядущего. Впрочем, повиновавшись зову, терновая колдунья быстро почувствовала облегчение и зорко уткнулась в ватагу Кетиля, с ног до головы обряженную в черное.

Мужчины с одинаковыми нашивками на рукавах споро о чем-то условились, уважительно покивали мастеру и дружно пустились вскачь. Миг — и от их присутствия осталась только хмарь на кривой грунтовой

дороге.

— Ну, я все устроил, — поспешил порадовать седой всадник, галопом проделав обратный путь. — Братья мои двинутся в Удел и предупредят, чтобы вашего друга не тормозили почем зря. А мы тем временем сделаем небольшой крюк к озеру.

Изольда, в уме гадавшая, сколько ему лет, невольно восхитилась выправкой, с которой Кетиль держался верхом. Как бы стар он ни был, на проворстве движений это не сказалось. Только вот кожу вокруг глаз заволокло сетью скупых морщин, выдающих возраст.

— Вы все состоите в каком-то ордене? — наконец решила разузнать принцесса. — Или наемном воинском отряде?

Сумятица, посеянная в ее душе невероятными перипетиями последних дней, улеглась, уступая место природному любопытству.

Кетиль, не ждавший такого поворота, в замешательстве потер подбородок, перехватил пересвет окаймленных золотом ресниц. Похоже, белокурая красавица в мужских одеждах пребывала в искреннем неведении.

— Обычно нас именуют Братством фейланов или Волчьим братством...

Судя по недоуменному наклону взлохмаченной головы, ясности в домыслы принцессы это не внесло.

— О душеловах ты тоже не слышала? — Крупный серебряный перстень в форме волка вспыхнул на свету, сияя во всей красе. Растерянная всадница не обратила внимания и на него.

— Кто такие душеловы?

Словно в преддверии грозы, воздух вокруг конной тройцы потяжелел, обрел какую-то гнетущую ауру. Но языка принцессе она не сковывала, потому можно было беспрепятственно продолжать.

— Сто лет меня об этом не спрашивали... — поправляя тугую тесьму на лбу, старчески покряхтел Кетиль. — Или того больше... Но раз ты действительно не знаешь, попробую пояснить. Фейланы — люди с особым даром, умеющие отслеживать и ловить чужие души...

— Как охотники? — с сомнением уточнила Изольда.

— Почти... в отличие от них нам не нужны гончие псы и луки со стрелами — только умение, что кроется в самой нашей сути, подобно крови, с рождения текущей в жилах... Дабы настичь жертву, нам достаточно знать ее имя, однажды увидеть лицо — и то необязательно воочию, сойдет и в памяти другого.

Взбираясь на крутой пригорок, он приподнялся на стременах,

взмахнул короткой косой, удерживающей вместе свалявшиеся пряди.

— Когда фейлан берет призрачный след, участь беглеца решена. Ведь от нашего брата не скрыться ни под какой личиной. Телесная оболочка для нас — лишь одна из зацепок, ведущих к цели...

— Но как вы это делаете? — откликнулась уже на спуске заинтригованная колдунья. — Ищете то, что невозможно пощупать руками, запереть в клетку?

— Так ли невозможно? — подмигнул собеседник, многозначительно всматриваясь то в чернильную рябь на ее коже, то в каменный лик Таальвена Валишера. — Душеловы обладают способностью опутывать прочными нитями, от которых не спрятаться и во сне. Потянешь за них — жертва сама явится на зов, станет молить о темнице, казни, только бы освободиться от губельной связи с фейланом... Ведь даже смерть лучше того, что способен учинить он с незащитной душой...

— Конечно, мы не мучаем людей ради забавы... — Кровожадные нотки в его тоне сгладились, растворились в скороговорке заученных фраз. — Разыскиваем преступников для тьер-леранского верховного суда и сборищ поскромнее — с того и кормимся. А если случается ненароком загнать до безумия какого-нибудь вора или мошенника, судебные посадники и деревенские старосты закрывают на это глаза: у всякой профессии свои недочеты...

— Значит, вы действуете с дозволения закона... — Стремясь разбавить неприятный осадок, возникший от слов Кетилия, принцесса представила себе самых отъявленных мерзавцев, на которых он мог охотиться.

— Безусловно. — Плащ фейлана, как исполинское крыло, всколыхнулся на узкой тропе. И Лютинг, следивший за беседой словно издали, вдруг понял: их провожатый врет. Недаром отдает безразличием его чеканный слог — видно, на счету у охотника немало замученных бедолаг, ни в чем не повинных перед правосудием.

— Грабители, убийцы и разбойники боятся нас как огня. Но на их удачу, не каждый город или хутор может себе позволить нанять душелова... Год от года приходится занижать цену, чтобы не остаться без средств к существованию, — тоска...

Чем увлеченнее разглагольствовал Кетиль, тем более зловещей виделась Изольде его история. Откровение, что в Тьер-на-Вьёр любую душу можно беспрепятственно поневолить, вызвало возмущение, почти осязаемый внутренний протест. И, кое-как совладав с ним, колдунья заключила, что сует нос не в свои дела. В конце концов, она гостя в этом дивном крае и не имеет права осуждать законы, которыми тут

руководствуются.

— Держитесь, впереди топко, — предупредил душелов, понукая свою лошадь по самое брюхо нырнуть в ползучую мешанину луговых трав. Свинцовый озерный плес засерел в низине, как тусклый кружок оброненной великаном монеты.

— Смотри, Тааль, цветов здесь не счесть! — брякнула принцесса, тут же одергивая себя. — Ой, я не имела в виду «смотри глазами»...

— Знаю...

Отчаявшись остудить пленившую нутро горячку, Лютинг прислонил пятерню к взмокшей шкуре Унгвара, вдохнул медленно, глубоко. Нынче необходимо прояснить мысли. Может, треклятые грибные темницы виноваты в беспокойстве, кружащем ему голову?

Будто догадавшись, что на уме у приморского королевича, Изольда перекинула ногу через широкий круп, сползла с коня.

— Сейчас наберу для тебя две охапки — оглянуться не успеешь... — И, сверкнув голубым клинком, вынутым из сапога, по шею окунулась в травостой.

Водяную змейку она разыскала без заминок, благо, ее на берегах росло видимо-невидимо. О том, как выглядит белокрыльник, пришлось осведомиться у мастера Кетиля, лениво жующего колосок.

— Вроде вон те белые цветы именуют лапушником, — без промедления указала твердая мужская рука.

— Каллы? — Чтобы не выронить уже собранный букет, принцесса разостлала на лысом пяточке свою накидку и бережно завернула цветы в алую ткань. Невелика беда, если фейлан с чудными глазами увидит ее без плаща: он давно разглядел все, что стоило внимания. А растения без мешка или котомки не унести.

«Хороша чаровница, — тайком засмотрелся Кетиль, любуясь, как грациозно девушка перебегает с места на место. — Шипы и те не уродуют, только отпугивают дремучих крестьян, а душеловов, напротив, влекут богатой добычей. Много ли теперь дают в тьер-леранском суде за ведьму? Жаль, не я ее заарканил».

— Почти готово! — долетело до замерших в седлах мужчин с берега.

Связывая узлом свой легкий плащ, принцесса беззвучно шевелила губами:

— Только бы помогло... Пожалуйста...

Пусть Таальвен вернет себе зрение, а заодно и изумрудную глубину очей, к которой она привыкла. Без нее сложно вспомнить невеселую волчью улыбку, что грела в моменты отчаяния.

Отыскав среди зелени плечистую фигуру королевича, настороженную и теперь, когда от усталости лицо его осунулось, Изольда безжалостно отмела сомнения и заспешила к Унгвару.

Впервые за время долгого путешествия она отважилась покориться желанию богов, внять просьбам Лютинга и стать ему женой, спутницей... Не бежать без продыху, ища укрытия в недомолвках, выдуманых обидах. Ведь, взаправду, приморский принц не был повинен перед колдуньей ни в чем, кроме своей любви. Так может, довольно бичевать его за это?

Приладив сверток с цветами на конскую спину, Изольда вложила ладонь в руку своего мужа, потянулась к нему.

Вопреки собственным предрассудкам и неизъяснимой боязни она постарается... Полюбить, разобраться с клокочущими чувствами. Тааль обещал уважать ее выбор и не удерживать силой, как захватчица тьер-навьер или Душеловы, разбойничью бытность которых увлеченно описывал Кетиль.

* * *

Даже с открытыми воротами форт казался воинственным и грозным. Чернело на главной башне знамя с лютым волком, извернувшимся колесом, бугрились под его намалеванной шкурой неотшлифованные камни. Неистребимая в подобных застенках сырость рядила кладку в мшистую зелень, щекотала ноздри душком непросохшей по весне земли. Проезжая под аркой над главным входом, Изольда непроизвольно пригнулась, прильнула к Таальвену Валишеру, но он, поглощенный глубокими думами, не заметил этого.

Продолжал молчать королевич и после того, как скакун под ним добрел до коновязи, остановился по привычке, вытягивая губы в сторону корыта с питьевой водой.

Приехали, — по-хозяйски огласил Кетиль, швыряя поводья подскочившему слуге. — Спешивайтесь и ступайте в покои, я распоряжусь принести все необходимое для умывания. Жилище у нас бесхитростное, ну да его не королям строили...

Обозревая голый внутренний двор, выложенный мелкими камушками, и неприютные крепостные стены, терновая колдунья представила, как завывают ветра в пустых коридорах, и лишь спустя пару мгновений вспомнила, что их в Тьер-на-Вьер больше нет. За исключением одного.

Безошибочно истолковав ее ищущий взгляд, седой фейлан махнул

рукой в сторону дальнего флигеля:

— Или вы желаете сразу навестить своего болящего друга в лазарете?

Принцесса кивнула, изучая низкие — в два этажа — постройки, над которыми высилась, как зоркий страж, квадратная многосаженная башня. Таальвен же, оглушенный вездесущим звоном в ушах, не хотел ничего, кроме как вернуть привычное состояние и рассеять наконец мгlistую пелену перед глазами. Но подобного Кетиль не предлагал.

— Раз ни одежда моя, ни звания ни о чем вам не говорят, проясню: я — один из старших в Уделе душеловов. — Он приосанился. — В общей сложности нас пятеро, но двое с прошлого месяца в отъезде. Так что вечером милости прошу за трапезный стол к оставшимся братьям — стулья как раз пустуют.

Шишковатые пальцы, освобожденные от тесноты перчаток, потянулись к гнутым лепесткам наплечников, расшнуровали их.

— По форту можете перемещаться открыто, запертых комнат у нас нет. Но к конюшням лучше не приближаться: некоторые боевые скакуны признают лишь одного хозяина... в башню также попрошу не входить: порог ее переступают только фейлапы... В остальном никаких запретов. За всем, что понадобится для врачевания, обратитесь к знахарю.

Вручив накидку и дорожный доспех помощнику, Кетиль собрался удалиться, но обретший голос Лютинг бросил ему вдогонку:

— Дорого нам обойдется твое радушие?

Старый душелов ухмыльнулся, будто кот, накрывший мышиную норку когтистой лапой. Желваки на его высоких скулах исчезли.

— Кроме беседы и нескольких откровений, над которыми я бьюсь который день подряд, мне от тебя ничего не нужно...

* * *

Хельмвинд пребывал в беспмятстве, таком глубоком и безвозвратном, что пробудить его сумела бы лишь колдунья, наставшая тяжелый сон. Изольда верила: в конце концов, Вея Эрна так и поступит, получив от ветра все требующиеся сведения. И раз сама она помочь ничем не могла, то покинула тесную клетушку врачевателя, стараясь выбросить из головы образ истыканной чертополоховыми колючками руки в синих кровоподтеках.

«Наверняка Роза Ветров не придумала, как иначе связаться со своим подопечным, — уговаривала себя принцесса, — она делает это от

безысходности...»

Но боль, которую совершенно точно испытывал верховный владыка, побуждала ее собственное запястье ныть и дергаться. Что именно стряслось с ветром? Совершенно точно утопленницы Лотарэ вынесли его из болота, как все обстояло потом, было не разгадать.

По пути в келью Таальвен пересказал, чем кончилось дело во дворце Давена Сверра после того, как колдунья его покинула, и, прибавив пару обрывистых замечаний насчет своего знакомства с Кетилем, вновь погрузился в размышления.

— О чем он хочет поговорить? Почему следовал за нами от самого трактира? Не из-за терновых ли узоров, вызывающих у тьер-на-вьёрцев суеверную неприязнь? — маялась предположениями Изольда.

Но приморский королевич не властен был подтвердить или опровергнуть ни одно из них. Чтобы не досаждать, она прекратила допрос и в поисках душевного равновесия принялась за снадобье от слепоты.

Отрешенный вид, чуждый даже такому ворчуну, как Лютинг Мак Тир, беспокоил Изольду, с другой стороны, потеря зрения мнилась вполне весомой причиной, чтобы пребывать в дурном настроении.

«Коли вдуматься, не так уж сильно хворь изменила Таальвена Валишера. — Принцесса с хрустом нарезала стебли калужницы. — Если и стал он более рассеян, то самую малость...»

После окончания всех приготовлений вскипяченный белокрыльник оставили стыть на выщербленном дождями подоконнике, а сок из цветов речной змейки заботливо сцедили в чашу, которую одолжил Изольде седой подслеповатый знахарь. Плеснув ледяной воды в таз, она умылась и привела в порядок одежду, насколько это вообще было возможно после всех передряг, выпавших на ее долю. Чем же теперь заняться?

Раздумывая, стоит ли отчищать рубаху Таальвена от пятен, Изольда отерла о штанину запачканный соком ветряной кинжал и шепнула смущенно:

— У тебя все рукава в глине... Хочешь, я отстираю?

В другой раз Лютинг бы улыбнулся, пошутил о нелегкой доле северинской принцессы, но нынче, когда пульсирующий комок безымянных чувств сводил его с ума, мочи смеяться не было.

— Впрочем, — сама себе возразила терновая колдунья, — сапоги у тебя зелены от тины, а штаны заляпаны грязью выше некуда. При таком параде несколько глиняных разводов смотрятся вполне уместно. Я бы не стала возиться, только лицо бы умыла...

Лицо... Светлое, как образы богов, безупречное... Во мгле Таальвен

нащупал тонкие очертания Изольды, попытался, как прежде, заслониться от сущего запретными мечтами о ней. Но безумие, наполняющее тело от макушки до пят, не утихло.

«Давай же! — гроыхало под ребрами, — ты почти у цели, почти обрел то, что было утрачено сотни лет назад...»

Хотелось вскочить, признаться Изольде, что он знал это место — чужое и одновременно привычное до закутка... Всю дорогу от Драконьих озер до Болотного царства Лютинга тянуло именно сюда. И вот он пришел в Удел душеловов — оглушенный, на негнущихся ногах, как щенок на свист хитрого псаря. Дабы позволить случиться тому, что предназначено... Но сила в стенах таинственной крепости чересчур сокрушительна...

— Пойдем ужинать, — наконец выговорил Таальвен, неспособный облечь в слова захватившие его чувства. — Цветочному отвару все равно нужно время, чтобы охладиться.

— Идем... — Пальцы послушно потянули за дверную ручки. — Надеюсь, хоть нынешним вечером нам не придется спасаться от лиха.

* * *

— Теперь, когда все подкрепились и долг наш, как хозяев чертога исполнен, настала пора потолковать начистоту. — Кетиль залпом допил вино из тяжелой чаши. — Покуда хмель не ударил в головы...

Сказано это было скорее для красного словца, поскольку Таальвен Валишер к крепким напиткам не притронулся, а Изольда пригубила лишь самую малость, довольствуясь колодезной водой.

По лицам Сурта и Форкоша — двоих волчьих братьев, ужинавших с гостями и, как видно, привыкших к подобному крепкому питью, — также не читалось ничего, кроме молчаливого интереса, хотя кубки их то и дело пустели.

— Даму советую спровадить спать — от греха подальше... — не глядя на принцессу, предложил лиловоглазый фейлан. — Но это уж на твое усмотрение.

— Она останется... — В обогретой щедрым каминным пламенем безлюдной трапезной, после сытного ужина Лютингу стало заметно легче. Звуки больше не двоились, выворачивающий внутренности спазм поутих.

— Как бы тебе не пожалеть о своем решении...

Белесый взгляд чиркнул по темной фигуре Кетилия, и тот обезоруженно откинулся на спинку стула.

— Воля твоя, Западный ветер, но после не сетуй, будто не предупреждали...

Сурт и Форкош, не раскрывавшие рта, переглянулись, и ядовитая змейка недобрых предчувствий скользнула у Изольды от груди к животу. Хорошенькое начало!

Но приморский королевич даже позы не сменил, равнодушный к сомнительным намекам.

— О чем ты хотел расспросить?

В поисках подходящего зачина Кетиль побарабанил по дубовой столешнице, протянул обтекаемо:

— Откуда ты взялся такой, Таальвен Валишер?

— Из Приморского королевства...

Скрывать свое происхождение Лютинг не видел смысла.

— И в том потерянном краю действительно не слыхивали о душеловах?

Безразличное движение плеч, означавшее «нет», не испортило седому фейлану настроения. Подперев кулаком подбородок, он продолжил:

— Возможно ли, что в неведении пребывают и сами обладающие даром?

— Я с ними не знаком...

— О, понятно... а среди членов твоей семьи не было никого с необычайными способностями?

Все еще не замечая, как беседа принимает губительный оборот, Таальвен отряхнул рваную бахрому манжет.

— Смотри что ты подразумеваешь под этим описанием. Многих из моих предков — мореходов, завоевателей — можно назвать выдающимися людьми... Столетия тому назад они высадились на голос морское побережье и научились выживать там, где другие умирали от голода...

— Есть чем гордиться, — одобрительно хмыкнул душелов. — Но меня интересуют таланты, связанные с внутренними порывами...

В замешательстве Лютинг потер переносицу.

— Готов биться об заклад, подобные имелись в достатке, иначе откуда у тебя такой дар?

— Дар? — отозвался недоверчивым эхом королевич.

— Разумеется! Ты — фейлан, Западный ветер, я понял с первого взгляда еще в харчевне трактира. Оттого и впал в крайнее смятение. — Смакуя свое открытие, Кетиль раскрошил в пальцах хлебную краюху и смахнул на пол мелкие крошки. — Одно дело, если б охотничья сущность в тебе дремала, — бывает и такое. Но она проявлялась столь ярко и

незаурядно, что казалось нелепым, будто ты можешь не ведать обо всем, а мы — пропустить бриллиант в поисках юных талантливых братьев.

Вот теперь Таальвен уразумел, в какую хитроумную западную угодил. Внутри все похолодело, от щек разом отхлынула краска.

— Ты заблуждаешься...

— Разве? Тогда погляди на добычу, что тебе удалось пленить, и припомни, как именно она оказалась в твоей власти. — Отмеченные древним колдовством карие глаза воззрились в остолбеневшую принцессу. — Слышал ли ты имя до того, как настиг ее, видел ли лицо? Может, преследовал девчонку во снах, манил к себе, как истинный душелов?

— Это... не имело отношения к вашей охоте. — Стремясь оборвать поток напраслины, приморский королевич уперся руками в подлокотники, шаркнул сапогом по скользкому каменному полу.

— Так значит, особые ритуалы соблюдались?! — Обветренное лицо Кетилия торжественно просияло. — Расскажи, как все было? Ты испытал вожделение, зов?

— Нет! — Лютинг ухватился за голову. Вопреки желаниям он вдруг вспомнил день своего посвящения, ободряющую руку дяди на плече и то, как ярко горел костер в домике у седой ведуньи. Творя чары, она приняла богатое подношение от рода Мак Тир, насытила им священное пламя и затем открыла пятнадцатилетнему королевичу секрет имени, уготованного ему богами.

— Она станет твоей судьбой... — поздравила после Торстейн Мак Тир, не дивясь особо, что в жены племяннику избрана принцесса из соседнего королевства, а не безродная простолюдинка. Но ведь он, как и погибший отец Таальвена, а до того его деды, прадеды, верил в таинство древнего обряда, мудрость богов, верно?

Задумавшись об этом впервые, приморский принц опешил от того, насколько просто было бы провести его, да и десятки других, обладающих неким даром юношей: наперед шепнуть знахарке имя, удобное семье, и положиться на влечение охотника, которое хочешь не хочешь приведет фейлана к женитьбе. Но зачем? Чтобы добиться послушания, выгодных союзов?

От подозрений его замутило. Колокола в ушах затрезвонили с усиленным упорством. Но их разоряющие удары вряд ли были хуже того, что предстояло ему услышать.

— Ты говорил, что прочел обо мне в ритуальном огне... — пробормотала колдунья, напоминая о своем присутствии. — Услышал имя

и сразу принял как данность...

Разочарование, сквозившее в каждом звуке, захлестывало петлей.

— А я с тех пор ненавидела, боялась тебя, словно злейшего врага...

— Вполне понятные переживания для накрепко связанной жертвы... — деловито подтвердил Кетиль, поглаживая свой перстень. — Вот только чудно, как ты не свихнулась от близости со своим преследователем. Терпеть постоянные поползновения в сторону собственной души обыкновенный человек не способен. Вероятно, замешана недюжинная сила, но все равно тебя терзают страхи, кошмары...

Потрясенная справедливостью его предположений, принцесса вдруг ощутила, как надламывается внутри прочный стержень правды, на которую она привыкла полагаться, и вслед за его крушением пускаются в беспорядочный хоровод мысли ее и чувства.

А ведь Ирифи бормотал какие-то истории насчет фейлана, нарекал Лютинга так по меньшей мере трижды за их путешествие, но колдунья сочла все фантазиями старого вихря, нелепыми настолько, что и запоминать не стала. Наивная доверчивая глупышка...

— Не слушай его, Изольда! — Таальвен метнулся к девушке. — Уйдем отсюда, просто уедем прочь!

И, наотрез отрицая череду убийственных совпадений, потянулся к ней.

Но зерна хаоса, посеянные лукавым обитателем форта, успели укорениться, пустить ростки. Зараженная ими, принцесса оттолкнула ладони своего мужа, как щупальца морского чудовища, и медленно сползла с сиденья.

— Куда же ты собрался, незрячий душелов? — Расчетливый Кетиль не проникся разыгравшейся драмой. — Если не намерен ни прикончить, ни выдать властям свою добычу? На что она тебе? Зачем без конца затягивать и попускать узел на чужом горле?

Но отныне ошеломленная Изольда не замечала его присутствия. Грезилось, что спала плотная поволока, годами заслонявшая от нее истину. И стало невыносимо, опьяняюще горько.

— Ты говорил: судьба... Любовь, праведнее которой не сыщешь, замысел богов... — Тонкие стебельки терна плелись и кудрявились, проклевываясь прямо из тела... — А сам приходил по ночам, не давал забыться... Прикрывался самоотверженностью, верностью долгу. Лживо обещал отпустить, если попрошу... О, превращенный в волка по истинному своему подобию...

— Клянусь, это ошибка, — прохрипел приморский королевич, чувствуя, как в мгновение ока теряет все, чего удалось добиться за

последние два года. — Мне пророчествовали твое имя, я желал тебя в жены, грезил тобой во снах, но не потому, что поймал в плен!

— Все обман...

— Стоит ли спорить о том, что легко проверить? — Слегка озабоченный колдовским накалом, Кетиль осторожно поднялся на ноги. От чаровницы с терновником запросто дожидаться беды — пора Западному ветру ее приструнить. — Чтобы убедиться, что девушка — твоя жертва, повели ей сделать что-нибудь.

Отказываясь идти на поводу у фейлана, Лютинг сжал кулаки и тряхнул головой.

— Коли душелов приказывает с такого расстояния, ни одна пленница не выстоит, будь она хоть колдуньей, хоть самой терновой принцессой!

В ожидании зрелища Сурт и Форкош замерли в напряженных позах, готовые по первому зову сорваться с места, как волки, послушные вожаку. Но гость их только упрямо стиснул зубы.

— Ну же, придумай для нее какое-нибудь простое задание, — подстегнул его заговорщицки Кетиль, рассчитывая, что мальчишка призовет наконец своевольную добычу к послушанию. — Пусть упадет ниц или сунет руку в огонь.

— Не буду, — отчеканил Таальвен, сиюсь стереть из прошлого моменты, когда им овладевали горячность и животный азарт, подстрекающий нестись за Изольдой сквозь время и расстояние, находить ее без подсказок, ориентиров.

Но тут терновая колдунья, по горло укутанная дикой сливой, шагнула к нему, страшно крикнула:

— Повели мне!

Боги свидетели, она больше не верила Лютингу. Гнев, отвращение выжгли дотла, вычернили ее глаза, но, чтоб целиком отдаться пущенной на волю ненависти, требовалось знать наверняка. Потому принцесса с шипением устремилась к нему, впиалась в полы грязной рубахи, полосую его грудь.

— Приказывай же, проклятый приморский узурпатор, иначе я вырву твое волчье сердце, изрежу плоть на лоскуты! Говори, пока владеешь лживым своим языком!

Сквозь слепоту всматриваясь в искаженное яростью лицо, Таальвен зажал ладонями кровотокающие раны и обреченно выдохнул:

— Хватит, Изольда...

В тот же час шипы, окольцовывавшие стан терновой колдуньи, вздрогнули, поползли под кожу, будто единственное его слово было

весомее магии, что бурлила в ее венах.

— Хватит! — вновь повторил обретший себя фейлан, и принцесса узнала голос, не раз сокрушавший ее волю.

Нещадный, всеильный, подчиняющий... Как могла она столько дней не примечать сокрытую в нем сталь? От переизбытка чувств Изольда зашаталась, осела на колени. По милости душелова магия ее уснула, скованная силой могущественнее, чем амулеты Вей Эрны. Но бунтующая злоба, сотрясавшая естество, никуда не делась.

— Не желаю знать тебя, Лютинг Вестильд Таальвен Валишер Мак Тир... — захлебываясь, выплюнула Изольда. — Нет такого проклятия, что я не посулила бы тебе, но предатель недостоин терновых чар... Отныне ты мне не спутник, не муж... Не приближайся, даже не гляди в мою сторону. А если дерзнешь погнаться, зарекаюсь бежать до самого последнего вздоха!

Завершив грозный монолог, она попятилась, нырнула во мрак неосвященных коридоров.

— Пусть идет. — Напряженный Кетиль выставил ладонь, освобождая братьев от обязанности бросаться в опасную погоню. — Дар подсказывает, эта птичка нам не по зубам. Шли бы вы на отдых, многоуважаемые фейланы, да предупредили часовых на воротах, чтобы не чинили ведьме препятствий...

Более подвижный Форкош моргнул коротко, первым переступая порог. За ним под покров безлунной тьмы-на-вьёрской ночи устремился брат Сурт, привыкший полагаться на опыт старших душеловов. И вскоре крадущиеся парные шаги затихли в дальней части форта.

Потерявший опору и чувство реальности Таальвен Валишер остался наедине со своим разоблачителем, но и мельком не поглядел на него. В потоке хлынувшей внутрь пустоты принц не видел и не слышал ничего.

«Душелов, — отдавалось одновременно во всем теле. — Чудовище, алчущее подчинять ради забавы, сладости победы...»

А от перепачканных в алое ладоней тянулась тонкая золотая нить — вдаль, за стены волчьего форта, сквозь поля, рощи — на север... Он бы оборвал ее, если б умел, но казалось, тогда прекратится всякая жизнь: солнце замрет, испарится золотой лужицей с небосвода, сойдут на нет волны и ветра, а движимые тонкорукими богинями судьбы роковые колеса соскочат с божественных осей, погружая мир в кромешный нетающий мрак.

ГЛАВА 19

КРОМЕШНЫЙ МРАК

— Немыслимо, невообразимо! — буйствовала терновая ведьма, остервенело топчя васильки и едва проклюнувшиеся головки клевера сапогами. — Надо же мне было так ошибиться!

Лицо ее налилось чернотой, подернулось ненавистью. Оттого горькие слезы, ручьями омывавшие щеки, выглядели вдвойне странно. Но одержать верх над неподатливым телом Изольды тьер-на-вьёр было непросто даже в минуты крайней подавленности хозяйки. И бормочущие проклятия губы то и дело кривились от рыданий.

Напуганный надрывными воплями рябой конь перестал жевать весеннюю траву и благоразумно попятился. К своему несчастью, именно он первым попался терновой колдунье на глаза, когда час назад, разбирая от горя дороги, та ввалилась в конюшню. Он же случайно оказался самым смирным в Уделе душеловов, так что принцессе не пришлось укрощать незнакомое животное. Впрочем, от нее исходила такая разрушительная мощь, что даже Беглянка, брыкливая кобыла Кетилия, присмирела в стойле. Куда до нее трусоватому молодому жеребчику.

— Как же я не додумалась, не сплела воедино концы одной нити? — все сокрушалась ведьма. — Разгадка-то вертелась прямо перед носом! Фейлан, душелов... От нетерпимости к его путам в тебе и пробудилась сила! Его магия раздула искру, подобно тому самому проклятию, о котором наплела некогда полоумная старуха Брума...

В сердцах запустив в ночной простор горсть мелких камней, она сердито крутанулась.

— Только вспомни, как стойко Таальвен Валишер противостоял мне, не сломленный ни скитаниями, ни ужасным проклятием. Подавлял мою власть, укрепляя свою и в тщедушном волчьем облике! А уж сделавшись человеком, заимел вовсе неслыханное господство! Эти сны, которым я дивилась, вкупе с необъяснимым, неистребимым страхом перед приморским королевичем, мое унижительное послушание — все произрастало из хватки охотника, крепкой, как медвежий капкан... — Откуда, спрашивается, мне знать, что проклятые душеловы пересекли грань между Тьер-на-Вьёр и заокеанскими странами, за тысячи лет забрели столь далеко от дома? — пожаловалась сама себе ведьма.

При виде форта за спиной, метившего прямыми углами в светлеющее звездное небо, ее передернуло.

— Раньше я бы в два счета раскусила приморского пройдоху, поставила бы его на колени за вопиющую дерзость... Да по той эпохе давным-давно оттрубили прощальные гимны. Остается довольствоваться малым. К тому же Мак Тир, как видно, взаправду не ведал о даре. Иначе не влюбился бы в собственную жертву, словно деревенский простак.

— Не хочу... — измученным севшим голосом прервала ее изыскания Изольда, — ни слышать о нем, ни думать...

— Теперь-то ясное дело, — разнеслось по полю. — А что ты твердила мне год назад, хвастаясь замужеством со своим ненаглядным волком? Забыла? Кто из нас двоих нынче видится тебе худшим злом?

Выжатая до капли нестерпимой мукой, принцесса сухо всхлипнула, прижала ладони к полыхающей изнутри груди. И терновая ведьма сменила гнев на милость.

— Ну, полно. — Пальцы успокаивающе пригладили ткань рубашки, похлопали по спине. — Толку теперь рвать на себе волосы?.. Предлагаю поразмыслить, что нам делать дальше?

— Ничего, — простонала коченеющая в застенках израненной кровоточащей души Изольда. — Я не желаю дышать, говорить, ходить... Только уснуть, словно Роза Ветров, отрешившись от печалей, стремлений и поисков... Грезить до бесконечности в уютной заботливой пустоте...

— Тогда спи, изможденная принцесса, а я попекусь о нашем с тобой общем благе... — Поднявшись на цыпочки, тьер-на-вьёр закачалась, словно баюкая расстроенное дитя. — Разум подсказывает, что это удастся мне намного лучше, чем запутавшейся в хитросплетениях судьбы бедняжке. Пройдет совсем немного времени, и Терновое королевство, как прежде, окажется у наших ног. А то, о чем мечталось мне все долгие мучительные годы беспамятства, безволия, воплотится...

— Спи... — увещевала обрадованная невероятной удачей колдунья, бесшумно высчитывая, сколько верст скакать до Тьер-Лерана... — Никто не тронет, не потревожит тебя...

Сдавшаяся на милость чужого и вместе с тем привычного голоса, Изольда отступила, позволила упрятать свое отчаяние, тоску, а затем и остальные переживания куда-то в темную дремотную глубину. И тут же их место заполнил бесцветный густой туман. Перед глазами больше не колыхались пряные травы, ноги не ощущали выбоин. Сделалось безразлично, тихо... О таком ли бредил драконий князь, уповая на помощь терновой колдуньи?

Затаив дыхание, принцесса прислушалась к обожженному предательством сердцу: ни звука. Чудилось, что оно перестало надрывно стучать, как будто не было в помине никакого вероломства, лжи... а вместе с ними не существовало отступника Таальвена Валишера, гордеца Хельмвинда и самой Изольды Мак Тир... в мире не осталось ничего, стоящего волнений, — только желанный покой в крошечном бездонном мраке.

* * *

Она не говорила ему о великодушии, справедливости, не ставила в вину жестокосердие, внимая перечислению бед, настигших Хельмвинда со спутниками в болоте.

Крапчато-серые глаза не выражали ничего, кроме нетерпения, когда Северный ветер рассказывал о Лотарэ. Совершенная в своей красоте ладонь дробно выстукивала сложенным веером по подлокотнику — так-тук, так-тук... Атласные туфельки под необъятным платьем сучающе сталкивались носами.

— Ты достоин награды, верховный, — наконец похвалила Вея Эрна, водружая на макушку накренившуюся высоченную тиару. Вместо драгоценных камней и тонкой ковки ее снова украшал пестрый букет. — За храбрость свою и преданность общему делу...

«За то, что пожертвовал одной из своих подопечных... — продолжил мысленно северный владыка. — Подвиг сей следует воспевать в балладах в назидание другим...»

Но Роза Ветров, не слишком чуткая, когда дело касалось чужих душевных терзаний, сочла его безрадостность признаком усталости. И, умело переменявшись в лице, одарила верховного тоскующим участливым взором.

— Осталась самая малость, Северный ветер... Знаю, тебе тяжело, но прошу, не опускай рук на пороге той цели, за которую отдано столь многое.

Кружево, обрамлявшее сочную синеву платья на ее груди, взволнованно колыхнулось. И вместо того чтобы проникнуться пылким призывом, Хельмвинд вдруг понял: на алтарь своей победы ветряная владычица не погнушалась бы возложить любую жизнь. Не потому что слыла кровожадной злодейкой, — просто верила в непогрешимость собственных поступков, законную вседозволенность, дарованную правителям.

Сожалела ли она о силе, отнятой у северного верховного, отвечала ли правду, сетуя, что память ее неспособна воскресить события прошлого? Год или два назад он вряд ли задумался бы о таком — поставил под сомнение правоту Розы. Но после всего случившегося...

«После чар, изменивших тебя, — мнимых и настоящих...» — услужливо подсказал неумный внутренний голос...

Отмахиваясь от него, Хельмвинд вскинул голову, выхватил из калейдоскопа атласа и шелков цветущий лик Вей Эрны.

— Скажи, как звали твоих погибших верховных?

От неожиданности она приоткрыла полные губы, потянулась к янтарному кулону на золотой цепи.

— К чему этот странный вопрос?

— Просто ответь, если сумеешь припомнить...

— Ладно... — Вышитый наподобие гобелена плотный подол зашуршал по ступеням, грузно потянулся за сошедшей с престола фигурой. — Сабизель — Лыдый Ворон — самый старший северный ветер, Терраль Леванте — восточный, западный — Фельдвинд — Владыка Полей и южный — Ирифи — Кошачий Хвост.

Обойдя дальнюю часть зала, где некогда размещались подмости для музыкантов, ветряная владычица остановилась.

— Я любила каждого... и тоскую даже спустя века, жалея, что у ветров нет могил, на которые можно прийти, чтобы их оплакать... Но прошлое больше не имеет значения! Нам с тобой, Хельмвинд из Железного дома, надлежит отринуть печали, сомнения и устремиться вперед. В грядущем я вижу утешение — в триумфальном сиянии возрожденного Ветряного царства, затмевающим недолговечные людские династии. Нашими стараниями эпоха ветров настанет и будет длиться тысячи тысяч лет...

Окрыленная далеко идущими планами, Роза Ветров совершенно позабыла о чертополоховом браслете, что тянул из нее силы. В порыве воспарить под потолок она вдруг согнулась пополам, страдальчески охнула. Затянувшееся колдовское свидание требовалось срочно прекращать.

— Собери волю в кулак, северный верховный. И добудь мне последнюю горловину, куда питающая меня мощь окончательно не истощилась!

В следующую секунду убранство тронного зала подернулось рябью, брызнуло мириадами пылинок, влекущих за собой в сухую тягучую реку. Погружаясь в нее, Хельмвинд все гадал, намеренно ли ветряная владычица завершила встречу на такой повелительной, почти угрожающей ноте или

просто не успела сказать напоследок нечто ободряющее.

Увы, истину не выведать — чересчур искусна Вея Эрна в дворцовом лицедействе... Чтобы разглядеть суть, спрятанную под его тяжелой завесой, нужно быть либо неотесанным приморцем с подозрительной волчьей душой, либо...

Задыхаясь в бесплотном пространстве между ветряным дворцом и местом, где сейчас находилось его брненное тело, ветер припомнил рассказы Изольды о том, как пылкие чувства заставляли влюбленных прозреть опасность наперекор самым хитрым уловкам. Любовь якобы вскрывала обман, сеяла тревогу в верных друг другу сердцах... Ох уж эти людские сказки — ни капли здравомыслия. Благо, к ветрам они не имеют никакого отношения... Разве только...

Думая об Изольде, верховный вдруг спросил себя, отчего так и не посвятил Вею Эрну в подробности их совместного похода. Из страха за принцессу? Нет, ему не присущи подобные бесполезные чувства. Тогда почему? Ответ крылся глубже, чем можно себе представить: в истоках мучительного раскаяния, что втайне терзало Хёльмвинда при одном воспоминании о собственных злых словах, брошенных в чертогах Давена Сверра. Но распутывать этот клубок у него не было сил.

«Пусть все идет своим чередом, — смирился северный владыка, — скитальцы-ветра возвращаются в Тьер-на-Вьёр, колдуньи творят чары, попутно вручая свои сердца лохматым несговорчивым рыцарям, а он, Хёльмвинд, коротает дни в ледяных ущельях, где все прекрасно и неизменно, — под стать властелину Сеам Хор...»

* * *

О том, как попал в Удел душеловов, Северный ветер, как ни странно, узнал от старика-лекаря. Он же в двух словах рассказал о буре, что разразилась после появления в форте незрячего угрюмого незнакомца, сопровождаемого девушкой с терновыми узорами. Сомневаться, кем именно были пришельцы, не приходилось.

С тех пор прошло чуть больше суток, гость, оказавшийся фейланом, прозрел, а удивительная принцесса сбежала, прихватив из конюшни чужого коня. Впрочем, мастер Кетиль не изволил гневаться. Наоборот — радушно предложил двум оставшимся мужчинам гостить, сколько пожелают.

Выспрашивать, кто такие фейланы и отчего Изольда галопом унеслась в ночь, Хёльмвинд не собирался — во всяком случае не у болтливого

врачевателя. Слишком тот был навязчив, до раздражения суетлив и благоговеен. К тому же восторг его вызывал не сам ветер, а браслет, еще недавно являвший чудеса.

Хищные листья высушенного чертополоха притягивали человеческий взор не хуже богатого клада. Наблюдение увлекло лекаря всецело, ведь прикоснуться к вещице было настрого запрещено. Впрочем, как только верховный очнулся, и этому был положен конец. Терпеть рядом с собой полоумного старца он не желал.

Наскоро сжевав краюху хлеба, подкрепившись овечьим сыром, предусмотрительно припасенным для гостя, Хельмвинд покинул лазарет и отправился на поиски приморского королевича. О том, что его следует искать за стенами крепости, также разболтал любопытный знахарь.

«Толковать об этом запрещено, но Удел со вчера гудит, как пчелиный улей, — откровенничал он. — Чужак по имени Западный ветер как пить дать останется. По силе он вроде не уступает самому Кетилю...»

Без труда выбросив из головы всю чушь, которую пришлось проглотить с момента пробуждения, северный владыка спустился с небольшой насыпи, зорко выхватил из степных просторов крошечную темную точку и двинулся к ней, про себя ругая Мак Тира за то, что забрел так далеко. Исхоженных дорог ему мало?

— Эй, королевич! — Отмерив без лишнего версту под пригревающим полуденным солнышком, ветер по-людски приставил ко лбу ладонь козырьком. — Чего расселся?

Таальвен не вздрогнул — оторванный от мира, овеянный глубокой внутренней скорбью.

— Вслед за глазами тебя подвели и уши? — заворчал Хельмвинд, не терпящий подобного пренебрежительного обращения.

— Оставь меня...

— С превеликим удовольствием! — втайне порадовался скупому ответу ветер. — Но только после того, как объяснишь, где искать твою жену с моими пожитками.

В человеческих настроениях он едва смыслил, но этого хватило, чтобы заключить: дела нынче хуже некуда. За пару суток порознь Мак Тир помрачнел и осунулся, будто голодал несколько недель кряду. От обострившихся углов и впадин лицо сделалось совсем каменным. И горящие лихорадочной зеленью глаза лишь дополняли сходство с живой статуей.

— Как ты умудрился проворонить Изольду, в который раз дав ей сбежать, словно взбалмошной девчонке? — по привычке принялся

распекать верховный. — Тьер-на-вьёр, поди, не упустит удобного случая...

Устроившийся прямо на траве Лютинг качнул головой, утыкаясь взглядом в рыхлую от дождей землю.

— Может, и к лучшему... Ведьма, как выяснилось, не самый заклятый враг для принцессы...

— Неужели? Кто же, по твоему мнению, угрожает ее жизни больше?

Отвечать приморский принц не стал. Глянул исподлобья и принялся наблюдать за тонкими стебельками льна, пробивающими себе дорогу среди других растений.

— Буран и ненастье, Мак Тир, не хватало и тебе изводить меня недомолвками! Вея Эрна, когда нужно, держит рот на замке, несносный Пыльный вихрь молчит как рыба... От загадок я вскоре начну сидеть до срока!

Несуразность восклицания на миг отогнала тоску Таальвена. Оживившись, он повел бровью.

— Седеть?

— Или что там происходит с доведенными до крайности смертными? — Ветер взъерошил белоснежные волосы. — Не хочу из-за нервов выглядеть, как чахлый старик из лазарета. Потому не заставляй меня сводить знакомство с толпой надоедливых людей, от которых и так зуд по всему телу, объясни толком, что стряслось.

Просьба была не самой учтивой, зато чистосердечной. И, заключив, что Северный ветер имеет право услышать правду, Лютинг проговорил:

— Изольда была права, когда стремилась держаться от меня подальше... Душеловы — так нарекают в Тьер-на-Вьёр подобных мне...

Заинтригованный началом, верховный присел в стороне.

— Что за диковинка?

В кои-то веки упаднический настрой Мак Тира его искренне тревожил, а возможность разговорить королевича виделась благом.

Но Таальвен не собирался болтать без умолку. События минувших дней он уложил в такой короткий рассказ, что не набралось бы и на абзац в книге. Зато выражения выбрал самые нетерпимые к себе — пускай ветер знает о его чудовищных преступлениях. Заодно убедится: сомнения насчет природы способностей спутника оказались верны. Неспроста принц выслеживал Изольду, как королевская гончая оленя.

Но Хельмвинд, к превеликому удивлению, злословить не стал. Выслушал и спросил напрямую:

— Ты об этом знал?

Приморский королевич отрицательно мотнул подбородком.

— Но мой дядя наверняка догадывался. Чересчур сильно походил ритуал выбора избранницы в нашем роду на начало охоты.

— Выходит, он тебя обманывал. Зачем?

— Ради союза с нужным королевством, послушания, просто по традиции... — Таальвен развел руками, показывая: не у кого спросить...

— Не слишком умно, если брать в расчет, что жертва фейлана в плену долго не живет... Не проще ли обойтись без чар, пустив в ход обещания, угрозы, в конце концов? Слышал, другим правителям помогает. — По тону Северного ветра угадывалось: о праотцах Таальвена он невысокого мнения.

— Может, среди Мак Тиров дар ни разу не просыпался по-настоящему, — предположил Лютинг, пропуская мимо ушей сарказм ветра. — По словам Кетиля, такое бывает... Или мои предки не догадывались, какая именно сила заставляет их накрепко связывать себя с предназначенными женщинами...

Вспоминая истории о прабабках вековой давности, королевич попытался мысленно подытожить, сколько из них погибло в юном возрасте от болезни или несчастья. Даже навскидку выходило до странности много. Только его мать, тетку и нескольких родственниц по отцовской линии унесла молодыми «морская хворь». Так называли хандру, нападавшую на жителей приморья из ниоткуда, выпивавшую жизнь за считанные месяцы.

Лечить недуг было сложно: больной терял сон, покой, аппетит и вскоре уже метался в горячке обессиленный. Чтобы облегчить его страдания, в дом приглашали знахарок, но те вместо врачевания окуривали комнаты травами да полагались на милость богов... Безучастных по большей части... Возможно ли, что вместо них судьбой в такие мгновения управляли губительные сети душеловов?

— На что похожа связь с чужой душой? — вторгся в невеселые размышления Северный ветер.

От неожиданности Таальвен опешил на секунду, отстранился от событий прошлого.

— На истязание, плен... — По голосу было слышно, что ему охота казниться укорами.

Но изобличения не интересовали верховного.

— Я хочу знать, каково это для тебя...

Удивленный приморский королевич всмотрелся в резное лицо, выискивая следы насмешки, — ветер был донельзя серьезен.

— Однажды ты назвал свои чувства любовью... — попытался описать причину личного любопытства он. — Неужто зов похож на нее настолько, что легко перепутать?

— Не похож... — после затянувшегося молчания сознался Таальвен Валишер. — Но я привык существовать с ним, и одно стало неотделимо от другого...

Северный ветер смял в пальцах лист клевера. Он надеялся, что ответ Мак Тира прольет свет на толкование им непостижимого призрачного явления. Но, кажется, любовь столь эфемерна, что легко сойдет за любой порыв, будь то приворот или охотничий азарт фейлана.

— Представь себе голод, от которого невозможно избавиться, аркан, жгущий ладони, если за него не тянуть... — Приморский королевич едва не впервые заговорил откровенно, забыв о собственной скрытности.

Хёльмвинд задумчиво пожевал губу. Ни то, ни другое не вносило необходимой ясности. Понятно было одно: истории про душелова лучше бы много лет оставаться тайной, куда не наступит подходящее для открытий время... Но все, как водится, пошло наперекосяк.

— Что ж, о былом не плачут... и раз Изольда в бешенстве, — узкая ладонь осторожно ощупала синяки на израненном запястье, — нужно поскорее догнать ее, пока она не натворила дел.

— Ты так ничего и не понял? — хрипло откликнулся Лютинг. — Она меня ненавидит — неистово, до глубины души, — намного больше, чем тьер-на-вьёр...

— Это пока, — потряс злополучным браслетом ветер, — но стоит терновой ведьме завладеть ее телом, принцесса поймет: твое вмешательство спасает от пагубного колдовского влияния.

— Спасает? — В поисках подходящего примера королевич выдернул из земли зеленый колосок и принялся счищать с него еще не вызревшие зернышки. — Ты сейчас утверждаешь, что один оковы предохраняют от других, — жалкое оправдание душеловству!

— Нет, если на противоположной чаше весов посягательство тьер-на-вьёр!

— Считаешь, это позволяет преследовать кого-то под видом защитника всю жизнь? Доводить до сумасшествия, лишь бы жертва не досталась терновой ведьме?

От неприязнительности восклицания Хёльмвинд невольно поморщился. Но Таальвен, очевидно, вел спор вовсе не с ним. Отчаявшийся, измученный метаниями, он будто пререкался сам с собой, и ввязываться в эту перебранку было тщетно.

— Не мне решать, как поступить дальше, — напоказ дернул плечами Северный ветер, — речь о твоей жене. Но если бы Изольда была моей...

На миг он запнулся, околдованный тем, как желанно это звучит...

— Если бы я давал обещание, клялся в верности, нипочем не оставил бы принцессу на растерзание тьер-на-вьёр, и, следуя ее собственным заветам...

Умолкнув на полуслове, верховный поднялся из стеблистого мелкотравья. Убеждать приморского королевича в том, что ему следует вернуть терновую колдунью, оказалось пыткой. Слишком бурно ликовало сердце, воображая вражду, которую питает принцесса к своему мужу. Но оставить все как есть и самому отправиться на ее поиски было бы неправильно. Ведь тьер-на-вьёр в два счета разделается с северным владыкой...

«То есть дело в твоём необъятном страхе? — выискивал истину в собственной душе Хельмвинд. — Или в том, что Мак Тир не вполне виновен перед терновой колдуньей?»

Ответа не было. И, чтобы не мучиться мыслями, ветер зажмурился, представляя Зефира, играющего на дудочке, величественного Эйалэ в мягком кресле, капризную сестрицу Фаруну. Променять бы нынешнюю нелегкую участь на беззаботные склоки с этой троицей. Но до них не дотянуться сквозь бездонные зеркала Тьер-на-Вьёр.

* * *

А на третий день приехал гонец — взмокший до нитки, бурый от липкой дорожной пыли. Вместе с мохнатыми дождевыми тучами за спиной он привез весть о терновой принцессе, что давеча возвратилась в Тьер-Леран.

— Как буря, неудержимый смерч, въехала она в городские ворота на взмыленном коне, и копыта его, вот вам слово, не касались земли! — Тощие руки в дорожных перчатках жадно потянулись за чашей с водой, опрокинули, покрывая воротник капора и куртку влажными разводами. — На рыночной площади терновая наместница устроила настоящее представление, одним махом вырастив целый лес из дикой сливы. А потом ринулась во дворец, повсюду оставляя за собой колючую ограду... Недаром простые тьер-на-вьёрцы верили, что заступница их рано или поздно возродится. Не может страна бесконечно существовать без жрицы терновника...

Напившись, королевский вестник утер со лба пот и подвел к корыту своего скакуна.

— И хотя мы ждали, что избранная, как раньше, появится на свет в

одной из многочисленных веток властвующей семьи, подобное благодатное возвращение не лишило нас радости. Так даже лучше: не нужно растить и воспитывать юную принцессу, охранять от врагов. Сила ее, как видно, в самом расцвете, и вскоре Терновое королевство напитается ею сполна. Не за горами былое величие, фейланы!

Темные глаза глашатая воодушевленно заискрились, и Северный ветер вспомнил о надеждах Вей Эрны, как две капли воды созвучных этим.

Из торжественных признаний гостя форта стало ясно, что терновая ведьма приступом взяла свою бывшую резиденцию, разогнав перепуганный караул. Герцог, управляющий страной как избранный наместник, поначалу пробовал усомниться в правах и происхождении осадившей его дом и трон захватчицы. Но стоило разъяренным сливовым побегам обрушить часть крепостной стены вокруг и заполнить Пустошь позади королевского дворца, устранился. А днем позже признал абсолютную власть колдуньи.

Впрочем, выбора у него не было. Пугающая чернотой глаз новая владычица живо и наглядно объяснила всем при дворе: любое несогласие с ее законными притязаниями равносильно измене и, соответственно, карается смертью. Потому бывший наместник спешно покинул родные пенаты, прославляя богов за то, что унес ноги.

А вот народ запугивать не пришлось: легенда о возвращении принцессы угнездилась в сердцах тьер-леранских подданных так прочно, что благая весть встречала на пути лишь бурное ликование.

«Когда зацветет белым цветом Пустошь, а стены королевского замка падут... Когда от звездопадов станут серебряными ночи, народится на свет новая жрица...», — с трепетом шептали на всех подворьях строки древнего пророчества.

Было в нем много несуразностей, расхождений с действительностью, но самые важные знамения пришествия терновой принцессы сбылись, а уж детали мало кого интересовали. Разве что угрожающий облик девушки мог напугать иных жителей королевства. Но народу она пока не показывалась, между тем слава о могуществе колдуньи ширилась.

— Восхваляйте же будущую королеву! — прокряхтел вестник, забираясь в седло. Дорога ему предстояла дальняя — негоже тратить время на лишнюю болтовню. — И ждите ее высочайшей аудиенции. Братство фейланов много сотен лет состояло на службе у королевского двора, прежде чем потеряло с ним связь. Владычица намерена исправить это!

Хмурые душеловы потоптались на месте и, едва горластый мальчишка уехал, гуськом потянулись в главную башню — на совет. Ни Таальвена

Валишера, день-деньской пропадающего в полях, ни тем более Хёльмвинда они не позвали. Только много позже мастер Кетиль кликнул зеленоглазого фейлана к себе за стол на пару слов. Северный ветер беседы не слышал, но по решительному виду Мак Тира, покинувшего зал столовой, догадался: исход переговоров был отнюдь не в пользу братства.

— Едем в столицу, — так, будто они спешили пол часа назад, сообщил приморский королевич. — Кетиль согласен одолжить лошадей.

— Что он тебе сказал? — Оглядываясь на черное волчье знамя, верховный выжидающе сложил руки на груди.

— Предложил остаться...

— Ну а ты? — Прозрачные глаза смотрели не мигая, и Лютинг выразительно подбоченился.

— Я ведь сообщил, что мы трогаемся...

— Вопреки недавним своим заявлениям...

Замедлив шаг у конюшни, Таальвен Валишер ковырнул шершавую каменную стену. Выискивать объяснения тому, в чем сам толком не разобрался, было мудрено, как говорить на чужом языке. Но ветра, намертво прилипшего к месту, не заботили чужие затруднения. Ему требовались ответы.

— Ты был прав насчет Изольды... — стоически выдохнул принц. — Пускай вина моя перед ней неоспорима, прегрешения тьер-на-вьёр наверняка хуже. Она не союзник ни принцессе, ни нам, ни Розе Ветров. И судя по переполоху в Тьер-Леране, больше не томится в забвении...

— Завидная прозорливость для человека, — с трудом удерживаясь от победного хлопка в ладоши, изрек Хёльмвинд. — Обнаружиться бы ей раньше.

На самом деле перемена в поведении спутника почти осчастливила его, но выражать свое довольство чем-то, кроме словесных шпилек, представлялось сложной затеей.

— И седой волк из Удела запросто тебя отпустил?

Лютинг пожал плечами, вытаскивая из застенок сарая потертое седло.

По правде, лиловоокий фейлан уговаривал его остаться, примкнуть к волчьему братству и начать наконец использовать свои умения с толком. В Таальвене он видел чуть ли не преемника. Оттого огорчение, последовавшее за отказом принца стать одним из душеловов, вспыхнуло по-настоящему жарко.

— Зачем упрямяться? Освободи скорее ненужную жертву и живи как ни в чем не бывало, — вслух поражался нерасторжимой связи старый душелов. — Если ведьма надумает мстить за обиду, мы защитим!

Но приморский королевич не желал и слушать о том, чтобы сделаться фейланом.

— Ты обещал задать свои вопросы, — неуступчиво твердил он. — А затем отпустить нас на все четыре стороны, дав займы лошадей...

При этом желваки на его скулах вспухли так красноречиво, что дальнейшие доводы душелова заглохли, не успев сорваться с языка. Возражать на досадную правду было нечего.

— Будь ты неладен, глупый щенок! — в сердцах сплюнул мастер Кетиль, отчаявшись донести свою правоту. Терять такого способного юношу — расточительство, но ведь не посадишь его под замок, не посвятишь в таинства ордена силой.

«Ничего, побегает за строптивой добычей и сам возвратится на порог, — рассудил душелов, выплескивая остатки вина в свой кубок. — В конце концов, впереди у юного фейлана куда более долгая жизнь, чем у обыкновенного человека».

И жадно хлебнул из чаши, смиряясь с несправедливостью судьбы.

— Твоя взяла... Коней найдешь в последнем стойле. Не забудь вернуть, когда придет час. И вот еще что...

Отступивший в пустоту коридора Лютинг остановился на полушаге, готовый пробиваться за стены крепости с боем, если придется.

— Смени перед дорогой одежду. — Тонкие губы восседавшего во главе стола мастера растянулись в хитрой ухмылке. — Твоя будто в болоте стирана...

К вящему его удовольствию, Западный ветер смиренно кивнул. Вот и славно... Черный дублет с плащом и форменными сапогами сделают его хоть немного похожим на волчонка, авось дорастет и до братского перстня...

* * *

Ехать пришлось недолго — от силы дюжину верст. А после на горизонте столбом взметнулась пыль, земля дрогнула от лихой необузданной скачки.

— Всадники, — могильным голосом доложил Северный ветер. — Больше десяти.

— Поздно править в сторону — кругом степь, куда ни поворотись. — Таальвен Валишер выпрямился в седле, чуть натянув поводья.

— Ох, не от скуки они здесь ошиваются. — Сияние льда в прозрачных

глазах на мгновение сделалось ярче. — Гонят по чью-то душу.

Правота северного владыки раскрылась спустя минуту. Вдалеке затрубили воинственно горны, звякнула тяжелая конская сбруя, и зычный бас глашатая резанул по ушам.

— Именем будущей терновой королевы, остановитесь!

Несколько дальнобойных арбалетов тут же ощерилось будто по недосмотру позабытыми в ложах болтами.

— Ее высочайшим указом, по закону королевства Тьер-на-Вьёр, вы двое арестованы и отныне пробудете под стражей вплоть до вынесения приговора на главном тьер-леранском суде!

— За что? — возмущенно вздыбился ветер, забывая о том, что до бесславия уязвим в слабом человеческом теле.

— Обвинения вам зачитают на судилище. — Рысцей заходя против солнца, речник подал знак отряду, и brave вояки замерли наизготовку. Жилистые их кони, привычные к погоне и звону клинков, разгоряченно пофыркивали.

— Теперь понимаю, почему нам следовало сторониться людских поселений. — Ладонь Хельмвинда досадливо шлепнула по бедру. — У их жителей мозги набекрень: от нечего делать ловят на трактах случайных путников и сажают под замок.

— Не случайных, — подмигнул зачитавший обвинение всадник, пока кольцо его провожатых смыкалось вокруг мнимых преступников. — А только тех двоих, которых можно узнать по белым, что снег, волосам и очам, лютым от зелени...

Обреченно дожидаясь, пока на запястья накинута петля из прочной веревки, северный верховный процедил сквозь зубы:

— Чтоб мне провалиться! Еще недавно мгновения бы хватило, дабы обернуть этих недомерков в закоченевшие ледышки! А теперь предстоит волочиться за ними на поводке, как побитой собаке... Болотник дернул тебя врачевать свою слепоту, Мак Тир! Пожил бы недельку-другую с бельмами, глядишь, не помер...

— Разве не понимаешь, кто повелел тащить нас в темницу? — отозвался спокойно Лютинг. Для отпора у него не было ни меча, ни должных намерений.

— Терновая ведьма? — рыкнул ветер.

— Изольда, пусть она и пребывает в забвении. — Приморский принц невольно дернулся, когда путы слишком туго врезались в кожу.

— Тогда очень скоро вы встретитесь. Аккурат перед тем, как она накажет тебя четвертовать!

Лошадь Хёльмвинда, насильно взятая под уздцы, тревожно всхрапнула. Еще немного, и хозяин ее свалился бы под копыта, накрепко обездвиженный.

Чтобы показать свою покорность, Таальвен обмяк в седле, окончательно сдаваясь на милость королевских конников.

— Хорошо.

По-видимому, злое пророчество не слишком его испугало.

— Эйалэ всех разрази! — Северный ветер сокрушенно ткнулся лбом в костяшки побелевших пальцев. На этот раз в возгласе его не было насмешки.

* * *

Увенчанные статуями ниши, невесомые лесенки-переходы и лепные арки давно стерлись из памяти терновой ведьмы. И теперь, заново впитывая их замысловатую красоту, она величаво бродила по замку своих предков, до боли в затылке любовалась фресками и росписями на сводах, играла в прятки с собственным отражением в отполированном мраморе.

Тысячи лет небытия, бесчисленных изнуряющих перерождений, в которых ошметки чужих жизней мешались с ее отчаянными стремлениями заполучить долгожданное тело, почти начисто вытеснили все, что было важно давным-давно: привязанности, надежды, печали... Самое первое воплощение казалось тенью в непрерывном мелькании образов. Исгерд... Черненные волшебной кровью губы, блеклые черты... От картин минувшего остались жалкие лоскуты — бессмысленно латать, как ни старайся.

Впрочем, теперь у нее новое лицо. Тьер-на-вьёр замешкалась перед зеркалом и медленно торжественно обернулась. Медное от свечных огоньков золото волос кудрявыми волнами лилось на грудь, драгоценный блеск мориона проглядывал из-под густых пушистых ресниц — красавица! Такими ладными пальчиками, нежными локотками еще не доводилось миловаться неприкаянному духу колдуньи, без конца меняющему облики. Стереть бы с кожи шипастую вязь — и можно на престол. Но это невыполнимо.

Отныне красоваться новой правительнице Тернового королевства сливовыми метками всю жизнь. Такова плата за воспрянувшее могущество — магия принялась в теле северинской принцессы, укрепив ее и тем самым позволив невидимой захватчице существовать. Пусть же вьется по рукам и

ногам — девушка не станет сетовать.

До случайно обретенной красоты ей нет дела, пока самое важное — смерть Вей Эрны. Вот ради чего она дышит, расходует последние силы, понемногу лишаясь терновых чар. Злодейка ответит за преступления — даже спустя века!

Она покусилась на чужое столько раз, что если бы боги существовали, то давно раскроили бы небеса своими копьями и поразили мерзавку в самое сердце. Но всевышним нет дела до королевства, плесневеющего без ветров, как вода в болоте... Придется самой вершить правосудие!

Бездумно распуская ленты на рукавах платья, колдунья опустила на взбитые перины роскошного королевского ложа... Она отомстит за обиду — кровную и лишившую радости край, вверенный ее заботам. Не только люди пострадали от жадной до власти Розы Ветров. Признание вырвалось из ее губ, как бахвальство, когда ветряная владычица превозносила собственные умения.

«Погляди, какая мощь мне доступна! Подобно древним крылатым змеям, я могу изменить форму любого существа, превратить его в полубога... Стоит ли сомневаться, что и терновую магию осилю?..»

Но в уродующих мироздание чарах не было ничего божественного. Рабски закованный в черную чешую, неистово бьющий крыльями Этельстан тому подтверждение. Овладевая чуждым ее сущности колдовством, Вей Эрна добивалась лишь разрушения, владычества над прахом и мертвецами...

Где-то под ребрами у терновой ведьмы тоскливо засадило, словно открылась старая незаживающая рана. Но лик брата был так зыбок, что легко потонул в потоке жажды отмщения. Случившегося не поправишь, зато можно смыть позор вражеской кровью!

Ведьма мечтательно растянулась на кровати, позволяя покрывалам приласкать кожу перистой мягкостью. В конто веки ей подарен шанс... Но прежде нужно разобраться с фейланом, угрожающим главенству тьер-навьер. Иначе он обязательно вернется, зубами вытащит душу своей драгоценной жертвы из чертогов забвения, насильно привяжет к телу... Нельзя этого допустить! Найти Таальвена Валишера и казнить — вот что она обязана сделать!

В одночасье позабыв о лености и взбитых подушках, терновая ведьма сердито поднялась на руках. Не так уж она жестока... Душелов посмел оплести сетями, укротить дух колдуньи, хоть и охотился за Изольдой. Оттого она ненавидела его почти так же страстно, как сама девушка.

Если бы несколько дней тому назад в зале форта бесновалась не она, а

тьер-на-вьёр, Лютинг Мак Тир больше не распахнул бы своих ядовитых глаз! Но бесхребетная принцесса вместо праведного бешенства предпочла горевать, словно перед ней был не фейлан, а потерянный возлюбленный.

«И ладно, — мысленно успокоила себя ведьма, завязывая узлом колючки на столбике для балдахина. — Раз девчонка спит, я исправлю ее промах — доберусь до приморского королевича, а после займусь Веей Эрной...»

* * *

Грохот молотов час за часом вбивался в разум, терзал и буравил, не позволяя ни забыться сном, ни погрузиться в раздумья, смежив наконец веки. Хельмвинду мерещилось, что шум сведет его с ума намного раньше, чем прикончит приговор, обещанный стражниками.

— Что там творится? — спросил Лютинг из темного сырого угла, устав от непрерывного стука. Оконца в грязной каморке, в которую его сунули, не было. Зато имелся тюфяк с семейством мышей внутри.

Северный ветер, которому с камерой повезло чуть больше, приподнялся на цыпочки и заглянул в крошечное зарешеченное отверстие под самым потолком.

— Кажется, на площади строят виселицу... Но поскольку в прежней жизни людские орудия убийства не слишком меня интересовали, сказать с уверенностью не могу...

Оценив иронию, приморский королевич фыркнул, громким звуком потревожив спящих в соломе грызунов.

— Не печалься, теряться в догадках осталось недолго. — Сапог верховного разворошил перетлевшую набивку такого же, как по-соседству, тюфяка, через который приходилось постоянно переступать. — Они уже закончили помост.

Обсудить все тонкости работы тьер-на-вьёрских плотников заключенные не успели. В конце узенького коридора скрипнула дверца, и бойкая дробь каблуков зрителя наводнила пустые тюремные клетушки.

— Эй, беловолосый, поди-ка сюда! — донесся до Таальвена голос стражника. — С тобой желает говорить будущая терновая королева. Чтоб не оскорблять ее высочество убожеством подземелий, свидание состоится в моих личных покоях, но о побеге можешь не помышлять: к дверям я приставлю вооруженных молодцев! Не дерзи и веди себя почтительно, не то получишь никой под ребра.

Еще недавно от столь хамского обращения северный владыка пришел бы в неопишную ярость. Но сейчас из его камеры не слышалось ни звука, лишь лязгнули кандалы на запястьях, когда он покидал неприятное обиталище.

— Вперед, не оборачиваясь! — подогнал в спину смотритель, для вида размахивая алебардой.

Новоявленная терновая принцесса избивать пленников не велела, лишь заковать понадежнее, чтобы не улизнули. Потому нечего злоупотреблять рукоприкладством. Не приведите боги, владычица осерчает при виде увечий... И хотя о гневе ее главный тюремщик знал понаслышке, проверять слухи боялся.

Хельмвинд будто уловил витающие в воздухе опасения, потому шагал послушно и безмолвно. Не случись монаршего визита, его провожатый бы порадовался такой покладистости, но от одного воспоминания о низком властном голосе его брала оторопь. Впрочем, Северный ветер так же усиленно размышлял о терновой ведьме. И предстоящая встреча не приносила покоя.

Вот бы обжитые плесенью переходы тянулись вечно. Или вообще оказались ночным видением... Когда у очередной створки смотритель остановился, во рту у верховного стало сухо. Миг, и за дверью показалась комната, вполне достойная называться жильем, если сравнивать с крошечными тюремными конурками.

В лучшей ее части располагались стол со скрученными свитками, пара табуреток и широкая, застланная покрывалом скамья. Напротив кашлял дымом чумазый камин, в котором коптился полупустой котелок. Имелась тут и люстра, ныне не зажженная, поскольку дневного света из двух окон вполне хватало, чтобы осветить пыльные углы. Один из проемов загоразивала невысокая фигура в плаще. Из второго виднелись бараки для заключенных и обшарпанные казармы.

— Ваше высочество... — на цыпочках следуя за узником, вымолвил привратник. — Беловолосый заключенный, как вы и требовали... Кликнуть охрану на случай сопротивления?

Стоящая спиной девушка развернулась вполборота и придержала рукой в перчатке глубокий капюшон.

— Нет... в моей власти терновая магия, во много крат превосходящая медлительные секиры... Ступай и не входи в покои, пока не услышишь звон колокольчика.

Не смеющий перечить стражник уважительно поклонился и, цыкнув Хельмвинду напоследок, выскользнул за порог. Было видно, что посещение

новой правительницы королевства он почитал за величайшую честь.

— Итак, — приступила к делу терновая ведьма, как только они с верховным остались наедине. — Я обязана тебя поблагодарить. Не повстречайся Северный ветер на пути Изольды, чаяния мои вернуться домой так и остались бы робкими поползновениями заблудшей души...

Щелкнув у подбородка золотой фигурной брошью, она освободилась от пышных волн накидки и небрежно бросила ее на лавку.

— Надеюсь, ты не против созерцать шипы и узоры. Под бархатом до обморока душно. А расхаживать как есть на людях я пока не могу: чересчур суеверны дремучие тьер-на-вьёрцы. Но рано или поздно они привыкнут к причудливому виду своей королевы...

Хёльмвинд перевел осторожный взгляд с ее ладоней, упрятанных под замшу, на высокий ворот и лишь затем отважился окунуться в тягучую смоль очей.

— Верховный владыка разучился не только летать, но и говорить? — полюбопытствовала колдунья с натянутой улыбкой.

— Нет... — Губы ветра шевельнулись, помалу разгоняя болезненную белизну.

— Тогда, возможно, ты голоден или хочешь промочить горло, прежде чем продолжать беседу?

— Не хочу.

Нахмурившись, тьер-на-вьёр стряхнула с пальцев перчатки, расшнуровала плотный накладной воротник, скрывающий плечи.

— Отчего же в таком случае не отвечаешь вежливостью на мою глубочайшую признательность?

— Не понимаю, за что она мне причитается.

— Я объясню. — Сапожки, подбитые железом, цокнули в сторону узника, и он напомнил себе, что бегать от ведьмы по комнате, гремя цепями, бесполезно.

— Помнишь, как ты внял видениям о Розе Ветров, что я нашептала? Принялся рыться в замшелых ветряных талмудах в поисках истины? — затараторила она. — Большого нечего было и желать! Я ведь действовала наудачу, вверяя тебе сны о Вее Эрне, и слыхом не слыхивала ни о каких зеркалах. Способ перенестись в Тьер-на-Вьёр под мышку с девчонкой ты нашел самостоятельно...

— Что ж, всегда пожалуйста, — обронил ветер, исподтишка наблюдая за каждым движением ведьмы.

— Ты и нынешнему глубокому сну Изольды поспособствовал, как бы невероятно это ни звучало! Не очутись она с подлецом Мак Тиром в Уделе

душеловов, он бы не узнал об истоках своей силы, а наша принцесса от такого потрясения не впала бы в забытье.

— Так она ушла добровольно? — На миг сомнение придало речи северного владыки прежний взыскательный тон.

— Еще бы! — с жаром подхватила терновая колдунья, красуясь, как невеста на выданье. — Изольде это тело больше без надобности.

— Зачем же оно тебе?

В тишине послышался треск — это варево в позабытом котелке выкипело, и стенки его медленно раскалялись.

— Будто не знаешь. — Ведьма с тихим хмыканьем поддела кочергой ручку чугунка. — Я собираюсь стереть в порошок Розу Ветров, уничтожить под корень, чтобы сорные стебли ее чар навсегда засохли... и ты мне поможешь!

Словно внимая безумцу, верховный качнулся с носков на пятки, отчужденно уставился в провал раскрытого настежь окна.

— Ну-ну...

— Не смей отворачиваться, будто я у тебя на аудиенции! — Тьер-навьер молниеносно сменила тон. — Ты удостоен привилегии участвовать в моих замыслах — скажи спасибо или отправляйся на виселицу!

Отдохнувшего во все четыре угла черного вихря бумаги на столе привратника в панике разлетелись.

— Видно, выдумки, которыми щедро напичкала своего спасителя Вея Эрна, мешают тебе соображать, — не дождавшись должной реакции, пророкотала тьер-навьер. — Лживые байки! Как только поганка получит ветряные горловины, то выпьет льющуюся сквозь них силу дочиста, как собиралась поступить сотни веков тому назад, и обрушит остатки своего коварства на терновый край! А натешившись вдоволь, примется за другие, манящие магией земли... Думаешь, отчего приближенные помощники твоей владычицы развеялись прахом?

Верховный поневоле застыл, обращаясь во внимание.

— Всею виной ее ненасытность! Чтобы одолеть меня, душегубке не хватало могущества, вот она и прибрала к рукам таланты подданных. — Шипя и скалясь, как маленькая змея, ведьма оцетинилась сухими колючками. То же произошло и с тобой!

— Роза вернет мне мощь, как только воспрянет духом... — поражаясь собственной дерзости, заспорил Хельмвинд. Но собеседница только недобро расхохоталась.

— Держи карман шире! Она не пощадила десятки своих приспешников, не пожалеет и тебя! Очень скоро ты станешь призраком,

Северный ветер, прошлым, о котором никто не вспомнит, и родичей твоих ждёт та же участь... Горловины рогов, которые так страстно желает получить твоя ненаглядная Вея Эрна, связаны с ветрами по ту сторону зеркал. Отдашь их, и почитай, конец штормам и буранам. Если не желаешь гибели им и себе, делай, как я велю!

Отправляясь к тьер-на-вьёр, Хельмвинд воображал себе самые кошмарные испытания, изготовился, что будет повержен ее хищными чарами, но подобного поворота не ожидал.

— Я не ослышался, ты предлагаешь спасение?

Колдовские ветви в волосах колдуньи прекратили извиваться. Уняв вспышку раздражения, она чинно заложила руки за спину.

— Именно... Стараниями Изольды мне перепали два наконечника ветряных рогов. Третий, увы, без содействия ветра не достать. Подсоби в этом, и я верну тебе силу.

— Неужто терновой колдунье не по плечу то, на что способен бескрылый бродяга?

— Не скромничай. — Она пригрозила перстом. — Даже без своих умений ты остаешься верховным владыкой. И значит, можешь ступить на клыки Ан-Альеж... В отрогах древнего морского хребта хитрец Терраль Леванте построил восточную ветряную башню. А чтобы смертным неповадно было приплывать на скалы за золотом, якобы бьющим там прямо из-под земли, наложил на вершины подводных гор чары. Едва люди отправлялись к ним, на воду опускался смертоносный плотный туман, из которого не выплыть.

— Звучит как сказка для непослушных детей, — вынес вердикт Хельмвинд.

В ответ терновая ведьма снисходительно усмехнулась.

— Пожалуй, если позабыть о том, что сказки имеют обыкновение сбываться... и в нашей власти сделать так, чтобы эта не обернулась непоправимой бедой! Принеси мне последнюю горловину и обретешь прежнюю жизнь, Хельмвинд. Сможешь улететь домой, если такова будет твоя воля, или остаться и нарекаться единственным ветром в Тьер-на-Вьёр. А хочешь, отдам тебе Ветряное царство — не стану рушить его вопреки искушению?

Слишком хрупкая для сущности, завладевшей ею, девушка выглядела почти беззащитной, готовой просить о содействии. Но сливовые побеги были наготове, а под обманчиво кротким изломом бровей прятались два темных бездонных омота. Пойманный в их колдовской ореол, Северный ветер одернул себя.

«Как и Роза Ветров, она не умеет умолять, все эти ужимки — заслон, маскирующий твердость гранита... Но, праветы, как похожи обе владычицы, требующие от него одного и того же...»

— Если я соглашусь, — неожиданно для самого себя отозвался верховный, — что станет с Мак Тиром?

— Ему не жить! Ни при каком раскладе! — лязгнула зубами терновая колдунья, мигом впадая в прежнее ожесточение. — Но что тебе до никчемного королевича, прилипчивого, как репей? Существование его — не больше чем короткий танец снежинки в круговерти зимней вьюги.

Задержав внимание на ее обручальных перстнях, ветер задумался. Толковать по бесстрастному выражению, противится ли он гибели спутника или взвешивает иные мотивы, было непросто. Потому, чтобы избавить его от колебаний, тьер-на-вьёр подступила ближе и клятвенно пообещала:

— Сделаешь, о чем условлено, и проси любой милости. Даю слово, что не поскуплюсь на чары. Но если отвергнешь мое предложение...

Великодушие как волной смыло. Судя по огонькам, мерцающим в ее глазах, пощады от колдуньи ожидать не стоило.

Чтобы не навлечь на себя праведный гнев, верховный произнес как можно убедительнее:

— Мне нужно подумать.

— Думай. — Ведьма благосклонно взмахнула подолом, вынимая из кармана латунный колокольчик. — Но не слишком долго. Завтра пополудни я вздерну вас обоих.

* * *

— Она тебя повесит, — поигрывая гладким осколком янтаря, сообщил Хельмвинд. — Так или иначе... Самое время прибегнуть к тайным волчьим фокусам.

— Слишком далеко, чтобы заставить ведьму уйти. — Таальвен Валишер развел в полутьме руками. — Могу разве что потянуть за нить, тем самым взбесив ее окончательно.

Тонкая бесплотная струна, видимая лишь охотнику, минуя решетки, стлалась кольцами по коридору, манила прочь из подземелья. Но прикоснуться к ней даже мизинцем он не решался.

— В чем тогда польза от душеловства? — беззлобно проворчал верховный. — Довести тьер-на-вьёр до белого каления я и сам горазд...

За долгий, как зима в Сеам Хор, день ветер успел пересказать своему товарищу по темнице подробности свидания с колдуньей. Лютинг отнесся к ним донельзя смиренно, будто собственная скоропостижная кончина не вызывала у него ни горести, ни разочарования. Только спросил, прислонившись затылком к холодной заплесневевшей стене:

— Как она выглядела?

Прежде чем перенестись воспоминаниями в покои привратника, Хельмвинд оценил на прочность переплетения решеток.

— Как терновая ведьма... Глаза угольные, сливовые ветви трещат и вьются... Думаю, по поводу сна Изольды она не врала, хотя его добровольность вызывает сомнения...

Не такого ответа ждал плененный приморский королевич. Но определить, осталось ли в колдунье хоть что-то человеческое, как это делал он сам, верховный не мог. Главным образом из-за глубинного непреодолимого трепета перед ее магией, которая в один миг затмевала мысли о принцессе.

— Если тьер-на-вьёр избавится от меня... — впервые за время своего заключения Таальвен произнес это вслух, походя отмечая, как буднично звучит голос, — не останется способа пробудить принцессу. Быть может, его знает Роза Ветров, но добраться до нее ведьма тебе не позволит...

— Мне кажется, ты беспокоишься не о том. — Пальцы верховного, обездвиженные узелками на шнуре ветряного медальона, досадливо дернулись. — Она собирается затянуть петлю на твоей шее...

Не найдя, что на это сказать, Лютинг с тихим шелестом завернулся в фейланский плащ, спасаясь от сырости подземелья.

— Ты согласишься на ее условия?

Амулет Вей Эрны в ладонях ветра качнулся драгоценным маятником. Посвящать ли Мак Тира в то, что он обнаружился в кармане, или пусть принц и дальше считает, что надежды на спасение нет? В конце концов, ветряная вещица — отнюдь не гарантия свободы, да и королевич обещал когда-то беспрекословно принять любую прихоть Изольды, будь то сама смерть. Пускай же получает желаемое, а он, Северный ветер, наденет медальон на тьер-на-вьёр и вернет принцессу. Чудесное избавление!

Внезапно ход собственных размышлений привиделся Хельмвинду со стороны, и от их неприглядности сделалось стыдно. Каким образом подобное вообще пришло ему на ум? Почему вместо освобождения Розы Ветров, роковых совпадений, о которых вела речь тьер-на-вьёр, собственной безопасности, на худой конец, помыслы заполнил единственный образ?

Чувствуя, как рдеют щеки, верховный потянулся к крошечному смотровому окну, подставил лицо дотлевающему вечернему свету. Что творится с его разумом? Нужно немедленно объявить о находке, отрезать себе путь к отступлению, пока не знающий милосердия эгоистичный порыв не сделал его похожим на терновую ведьму.

— Я нашел подвеску, которую вручила Изольде Вея Эрна.

Выдернутый из серой полудремы Таальвен удивленно зашевелился.

— Повтори.

— Янтарный медальон обнаружился у меня в кармане. Нужно его использовать. Солгать тьер-на-вьёр, будто я готов ей помогать, затем подобраться и...

Сбитый с толку количеством новостей, принц застыл у границы своей клетки и озвучил первое, что пришло в голову:

— Планируешь подкрасться к ведьме незаметно?

— У тебя есть более удачные соображения? — все еще злясь на самого себя, огрызнулся ветер. — Можем свести ее с ума охотничьими приемами.

Недовольство его было столь явным, что Лютинг счел за лучшее оставить верховного в покое и дожидаться, пока сам он не поведает о задуманном. В итоге так и произошло.

— Красться не придется, — пояснил возобладавший над неведомыми ему прежде терзаниями Хельмвинд. — Я встречусь с колдуньей в Терновом дворце и устрою так, чтобы она оказалась рядом по доброй воле. А если не выйдет... нам обоим все равно болтаться на виселице.

Такому легкомыслию, пришедшему на смену былому смятению перед терновым колдовством, можно было подивиться. Но сил у Таальвена Валишера, ощущавшего на плечах едва ли не всю тяжесть мира, хватило лишь, чтобы спросить:

— Как ты это сделаешь?

Ответа пришлось ждать долго. В тишине сползло за горизонт солнце, невидимое для узников, потом мыши показали любопытные носы из своих укрытий. Чуть позже в темноте раздались шаги совершавшего обход привратника.

Прислушиваясь, Хельмвинд натянул ветряной кулон через голову, поежился. Еще несколько шагов, и он позовет вояку, потребует послать весточку к терновой принцессе. Что она сотворит с ним, узнав о его желании в обмен на услугу? Не стоит представлять...

Решение принято, помешать его воплощению не сумеют ни фейлан с зелеными глазами, ни сама ветряная владычица. Скоро на Терновую страну опустится ночь, и в королевских покоях останутся лишь тьер-на-вьёр и

Изольда, в безумном водовороте судьбы утратившая себя. Да еще Северный ветер, пришедший по зову сердца, чтобы сказать правду...

ГЛАВА 20

НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Но сказать легче, чем сделать. И вот уже блеклая убывающая Альхека брызжет едким марганцем, заливая окна Тернового дворца разбавленной кровью, а Хельмвинд все не может унять набата в горле.

Коридоры, населенные лишь древними растрескавшимися полотнами да латами, пустыми, как ореховые скорлупки, резко сворачивают, гнетут гигантскими лепными колоннами... в некоторых властвует темень, иные освещены, но бледные язычки пламени не вселяют в анфиладу залов ни капли жизни... Таков чертог терновой принцессы — нескончаемый, немой, словно богатая, но безжизненная усыпальница.

Безмолвствует и личная королевская охрана, принявшая бывшего заключенного под конвой прямо из рук начальника тьер-леранской тюрьмы. О чем говорить, если приказ ее высочества предельно понятен: доставить узника к порогу ее покоев, в пути беречь, но кандалы не снимать...

Похоже, появления Северного ветра ведьма ждала, это внушало надежду на ее уступчивость или хотя бы на то, что она не сотрет ветряного наглеца в порошок сразу после бесцеремонного предложения. Впрочем, уверенности не было.

— Налево, — впервые за время ночной прогулки по замку произнес обряженный в легкие матерчатые доспехи стражник. Перо на его заломленной набок шапочке качнулось, подрагивая.

Как видно, у членов дворцовой гвардии имелись особые отличия в одежде по сравнению с обыкновенными стражниками. По горделивым осанкам угадывалось: для них они вроде привилегии. Но Хельмвинду было безразлично, капоры, тюрбаны или колпаки напялили его конвоиры, главное — на поясах их болтались короткие обоюдоострые мечи.

— Стоять! — Четыре пары стальных каблуков в унисон отбили двойную дробь и замерли в обезоруживающей близости от верховного. — Прибыли.

Стучать в двери не пришлось. Хрипловатый голос ужом выскользнул из-за полуоткрытой створки, завлекая и отталкивая одновременно.

— Введите его, освободите от цепей и уходите прочь.

Повеление было исполнено в точности, при этом ни один из гвардейцев не двинулся дальше преддверия, не бросил на хозяйку комнаты

любопытного взгляда, будто облик ее был запретной тайной. Справившись быстро и бесшумно, четверо стражников исчезли, вверив узника в полное распоряжение будущей королевы.

— Наконец-то... — послышалось из глубины покоев, и кружевная кисея, отгораживающая их от балкона, приподнялась. — Путешествие от темницы до терновой резиденции заняло у тебя целую вечность!

— Увы, я больше не Северный ветер. — Потирая запястья, верховный переступил кисточку ковра, выстилавшего пол опочивальни.

— Надеюсь, ты явился не за тем, чтобы плакаться.

— Нет. — Прозрачный взор облетел пределы круглого помещения, безотчетно цепляясь за невероятную высоту потолков, витиеватость узоров на прикроватном пологе, пестроту пуфов и оттоманок, расставленных повсюду. Из плотной темени сводов на длинных прочных цепях свисало несколько похожих на птичьи клетки. Огоньки торфяных угольков сонно тарасились сквозь прутья.

— Великолепно! — одобрила тьер-на-вьёр, шелестя юбками. Платье было ей слегка велико, и, чтобы не запутаться в складках, пришлось приподнять его спереди. При этом показались босые ступни и лодыжки в колючих браслетах, но колдунью нисколько не смущало, что их видно из-под подола.

Обойдя необъятный письменный стол, она стащила с него блюдо с виноградом, некстати позабытое поверх пергаментов, и опустилась на диванные подушки, всем видом демонстрируя готовность внимать своему гостю.

— Я согласен тебе помочь, — набрав в грудь воздуха, сказал Хельмвинд. — Причалить к клыкам Ан-Альеж, разыскать ветряную горловину в восточной башне, нарушить клятву, данную Розе Ветров... если ты выполнишь мои требования.

— Интересно, — промурлыкала тьер-на-вьёр, позволяя тем самым излагать дальше.

— Хочу назад ветряную силу, а вместе с ней гарантии, что ты никогда не покусишься на власть моих сородичей... Дай обещание на крови, чтобы я мог в него поверить...

— Хорошо. — Очи ее, непроницаемые в торфяных всполохах, заблестели. — Но ведь это не все, верно?

Вместо кивка северный владыка подошел ближе, облокотился о полированную столешницу.

— Ко всему прочему я желаю получить Изольду в качестве твоей искренней благодарности за содействие.

Показная любезность тут же испарилась.

— Ты принимаешь меня за дуру? — Вставая, чтобы казаться выше, терновая ведьма опрокинула блюдо, и оно упало с подушек с глухим стуком. — Я не собираюсь возвращать девчонку, рискуя своим положением!

— Не возвращай. — Порывистым движением Хельмвинд откинул со лба волосы. — Мне достанет и ее облика, немало не изменившегося с тех пор, как душа принцессы уступила это тело тебе.

Все еще недоумевая, тьер-на-вьёр нахмурилась.

— Что это значит?

— Я люблю Изольду Мак Тир. — Глядя ей в лицо, вымолвил ветер. — И хочу, чтобы она стала моей...

Тонкая морщинка на ее лбу постепенно разгладилась. Уяснив наконец, что он имеет в виду, терновая ведьма потрясенно хмыкнула, а затем уперла руки в бока.

— Сражаешь наповал, Северный ветер. Поначалу не смел и языком шевельнуть, а теперь сподобился на дерзость, за которую его полагается вырвать.

Сохраняя завидное спокойствие вопреки сутолоке чувств, Хельмвинд пожал плечами.

— Ты сказала, любая подвластная тебе просьба...

— Просто неслыханно! — В замешательстве ведьма потянулась за кувшином с вином. — Иногда мне думается, что северинская принцесса медом намазана, иначе с чего вдруг все мужчины на свете взяли привычку к ней липнуть? И ладно приморский королевич, но ты, верховный!

Дать разумный ответ он не мог, поскольку сам впервые об этом задумался. Но после озвученного вдруг нашлось объяснение метаниям и спутанным помыслам, не покинувшим Хельмвинда даже после купания в зеркалах Тьер-на-Вьёр.

— Впрочем, я сама виновата. — Колдунья отмахнулась, осушая третий по счету кубок. — Не учла, что любовный приворот может стать началом чего-то более неискоренимого...

Смятые складки ее юбок хвостом потащились за ногами.

— С магией вечно так: вмешиваешься в одно, меняется и другое, бросаешься исправлять оплошность — все запутывается во сто крат сильнее...

Чтобы скорее покончить с философией, пока он не растерял решимости, северный владыка поднял с пола сизую виноградную гроздь и спросил вызывающе:

— Ну так что, ты повесишь меня или любезно уступишь Изольду на эту ночь?

Тьер-на-вьёр, якобы любовавшаяся изящной облицовкой камина, закусила губу. Такого казуса она не предвидела. Гордость требовала сейчас же принудить бескрылого вертопраха раскаяться, на коленях просить пощады! Но практичность, приобретенная за столетия небытия, советовала иначе.

Велика ли потеря — на часок оставить тело девчонки в распоряжении Хельмвинда? Не задушит же он ее, в конце концов. Да и теперешняя оболочка с колдуньей не навечно. Месяц за месяцем она ощущала, как чары убывают, откалывая от ее души по кусочку — неуклонно, мучительно. Магия не исчезала, но переходила к Изольде, лишая прежнюю свою хозяйку всякого будущего. Скоро суть ее сотрется из памяти мира, как зыбкие отпечатки с мокрого речного песка. До той поры важно воздать Розе Ветров по заслугам. Расплатиться за чужой счет ради такой цели — более чем разумно.

Помедлив еще немного, тьер-на-вьёр описала по спальне широкий полукруг и возвестила, останавливаясь у алькова:

— Договорились. Если хватит отваги не сбежать пред ликом тернового колдовства, забирай златовласую принцессу. Времени у тебя — до рассвета. А после исчезни с глаз, пока я не снаряжу отряд к берегам Тамэнт’адира — Туманного моря, на поиски Ан-Альеж. — И помни... — ломкий стебелек на ее талии задрожал, кольцами обвивая стан, — попытаешься навредить мне, верховный владыка, я убью тебя прямо здесь — искромсаю на полосы, не пожалев ни прелести твоих черт, ни возможности завладеть горловиной из восточной ветряной башни!

— Справедливо... — Ветер, все такой же прямой и хладнокровный, приблизился к ней, взялся, почти не дыша, за вшитую в пояс потайную шнуровку. — Раз проволочки улажены, ты позволишь?

Леденящий кровь взгляд холодил даже из-под золотистых ресниц.

— Прошу...

Но стоило ладони ветра пройти по ее ключице, хищные завитки на ней оцетинились.

— Они не помешают тебе, — последовало злорадное заверение. — Разве что своим колючим видом, но с ним придется смириться.

Одолевая непрошеную слабость, Хельмвинд кивнул. Она хочет отпугнуть его, заставить отступить.

Секунда, и пальцы утонули в льняном шелке волос. Никогда прежде Северный ветер не прикасался к ним вот так — надолго, без утайки. Если

забыться, можно подумать, что рядом с ним — Изольда, с мягкой улыбкой, пнящим запахом. Но закрывать глаза он не смел. Тьер-на-вьёр, нарочито застывшая, глядела на него безотрывно, словно заранее празднуя победу. Напрасно...

Не размениваясь на ласки, ветер потянул очередную тесьму. Сколько их на этом наперекосяк скроенном наряде? Рукава, корсаж, спина... От развязывания бесконечных узелков пальцы занемели... Внезапно в уме вспыхнула непрощеная шальная мысль: что скажет Изольда, если ему все же удастся возратить ее? Порадуется уплаченной за пробуждение цене?

Усилим воли северный владыка отбросил сомнения, разделался с последней шнуровкой. Все это произойдет потом... Пока же прочь аршины мешающей ткани!

Под платьем у колдуньи обнаружилась длинная нижняя рубаха, тоже украшенная лентами, к счастью, декоративными.

«Слава праветрам!» — невольно возликовал верховный, мечтавший теперь лишь о том, чтобы терновая ведьма скорее исчезла.

Но она не спешила уходить — поглаживала колючки, проступавшие из-под полотна, и буравила Хельмвинда тяжелым взглядом.

«Ты остановишься, Северный ветер...»

«Нет, — переливались льдом его безжалостные очи, пока руки увлекали окостеневшую колдунью на взбитые перины. — И если не стремишься убедиться, оставь меня с Изольдой наедине».

Прогибаясь под тяжестью двух тел, королевское ложе негромко скрипнуло. Перед колдуньей оказался полог — расшитый плодоносными ветвями дикой сливы и тщательно собранный в складки. На его богатом фоне лицо Северного ветра выглядело на удивление уместно. По крайней мере, до тех пор, пока он не решил ее поцеловать. Это оказалось чересчур для той, что сотни лет обреталась мстительным духом в пустоте. Быть может, в прошлом нежность была ей не чужда, но нынче, в чужом теле, от нее сделалось дурно до обморока.

«Ни по зримую, ни по бесплотную сторону мира не существует никакой любви! Сплошные ложь и предательство!»

Безотчетно упершись в грудь своего мучителя, тьер-на-вьёр мысленно отстранилась, попятилась в темноту, покидая Изольду на произвол скрывающих объятий. Пусть ветер делает что заблагорассудится, важна лишь расплата, орудием которой скоро станет эта оболочка!

Напряженные ее кулаки опустились на покрывало, остервенение, наполнявшее члены жесткостью, постепенно сошло на нет.

Но Хельмвинд почувствовал перемену не сразу. Захмелевший от

пасленовой сладости ее губ, он будто утратил чувство реальности, упустил на мгновение смысл происходящего. Хрупкие, как рыбы косточки, ребра попеременно оказывались под его пальцами. Тихое дыхание колдуньи волновалось где-то под солнечным сплетением верховного.

«Неужто, Изольда Мак Тир, разгадка моих терзаний была так безыскусно, по-человечески проста?»

Хёльмвинд сдержанно коснулся сливовых полос. Ни слов, ни ответных поцелуев — только губы принцессы, до того плотно сомкнутые, разжались. Отстраняясь на вершок, верховный потерянно заглянул в водоворот ее очей и не увидел там ничего, кроме безликой темноты: веки терновой ведьмы оставались поднятыми, но гнев и враждебность исчезли. Изольда словно пребывала в оцепенении — жутковатом, чутком, как сон на яву.

Завороженно подцепив тонкий завиток светлых кудрей, Хёльмвинд убрал локон за ухо принцессе, проверяя, действительно ли тьер-на-вьёр здесь нет. Тело ее никак не откликнулось, лишь колючки змеились в причудливом ритме.

Если и существует подходящий момент для возвращения Изольды, вот он. В последний раз проведя пальцем по ее полураскрытым губам, Северный ветер быстро стащил с шеи припрятанный под туникой ветряной амулет и рывком захлестнул шнурком беззащитное горло.

Непосвященный наблюдатель подивился бы такой жестокости, но она была spolна оправдана. Терновая ведьма, стремглав вырвавшаяся из полудремы, зашипела, выгнулась дугой, пытаясь стряхнуть воцелный шнурок.

— Ты! — Черты ее страшно, свирепо исказились, шипы пришли в неистовство.

Но было поздно. Сколько бы ни извивалась, ни брыкалась пленница, подняться с постели, расшевелить волшебство не могла. Оплавленный смоляной сгусток припечатал ее к кровати, заставляя корчиться, биться в судорогах от беспомощности.

— Ничтожество! — Острые ногти, лишленные былой смертоносности, наотмашь начертили на ветряной щеке четыре полосы.

В следующую секунду шипастое запястье было схвачено, заломлено до хруста. Чтобы не дать ведьме вырваться, Хёльмвинд налег на нее всем телом, вжимая в перину, одновременно затягивая петлю на нежном горле. Ни капли пощады — стоит позволить ей извернуться, и колдунья первым делом убьет его.

— Отпусти, прошу... — взмолилась обессиленная тьер-на-вьёр. Магия, пойманная в янтарный плен, стремительно утекала. — Я дам все

что хочешь... Буду вечно принадлежать тебе...

Следом раздался плач, столь неподдельный, что хватка Северного ветра на миг дрогнула.

— Хёльмвинд, мне больно, больно...

Но глаза говорили лучше слов. Ненависть в них бурлила лужицами расплавленной ртути — колдовской, опасной.

Убедившись, что бездушный ее истязатель не собирается прекращать, тьер-на-вьёр взвыла хрипло:

— Клянусь, ты не обретешь счастья! — От яростной досады по щекам покатались слезы. — Век твой будет велик, как и печаль!

Северный владыка грубо заткнул ей рот, чтобы истошные вопли не привлекли замковую стражу.

— М-м-м...

В последнем безнадежном порыве ведьма лягнула Хёльмвинда коленом. Но причинить ему вреда не успела. Как рассвет, в колдовском взоре забрезжила туманная робкая синева, стебли терна поникли.

Оглушенный страстью и опустошающим страхом, Северный ветер глядел, как светлеет облик обессилевшей пленницы, а место бывшего мрака занимает отчаяние. Но все не мог найти в себе силы ослабить веревку.

— Хель... — захрипела Изольда, и он наконец осознал, что душит не безумную ведьму, а до смерти перепуганную принцессу. Удавка врезалась ей в кожу, сплюсненные чужим весом легкие сдавило. — Ха-ах...

Силком разжимая ладонь, Хёльмвинд выпустил шнурок от медальона, замер ошарашенно. Но принцесса все еще судорожно хватала воздух. Одна ее рука потянулась к саднящей гортани, вторая, дрожа, уперлась верховному в живот.

— С-слезь...

Как ошпаренный, он отскочил назад, давая колдунье свободу и тотчас же ее скрутил страшный сухой кашель. Чтобы стало хоть немного легче, она перевернулась на живот.

— Кх-хах!

Подарок Вей Эрны болтался непосильным грузом, причиняя почти физическую боль.

Чтобы хоть как-то облегчить страдания колдуньи, Северный ветер разыскал на столе остатки вина, наполнил глубокую чашу.

— Вот, выпей.

Изольда повиновалась, опорожнив кубок в четыре глотка. При этом рубиновая струйка, перехлестнувшая через край, потекла по подбородку, пачкая белую сорочку.

— Еще...

Пока верховный вскрывал непечатую бутылку, принцесса спустила голые ноги с постели, изнуренно уперлась в собственные колени. Еще немного, и душа ее покинула бы тело — на этот раз навсегда. Но не погибель сейчас занимала ее.

По мере того как девушка приходила в себя, возвращались и воспоминания о нескольких днях, которые тьер-на-вьёр провела в ее теле. Смутные поначалу образы вспыхивали, будто свечи на парадной люстре, повергая Изольду в полнейший ужас. Беспорядки в столице, разбой и грабеж, захват целого королевства — как она допустила подобное?

В уме всплывали не только действия, но и рассуждения, эмоции терновой ведьмы: отомстить, уничтожить! От их шквальной хлесткости дребезжало в висках.

— О боги, Искерд...

Прерывая ее путешествие в прошлое, северный владыка протянул принцессе новую порцию питья, резко отдающего анисом, и она вдруг обратила внимание на топазовые отпечатки на серебре.

— Это кровь?

— Царапина, — успокоил ветер, стирая голубые следы краешком туники.

Но четыре ровных бороздки на его щеке уже запустили маховик памяти колдуньи в обратном направлении: подушки, непривычная тяжесть мужского тела, безумный поцелуй... Сделка, угрозы, тюрьма...

Потрясенная отголосками происшедшего, Изольда вернула верховному полную чашу и, шатаясь, поднялась с перин.

— Этого не может быть. Я, наверное, заблудилась в лабиринтах видений...

Лоскутный круг комнаты, занимавшей целую башню, угрожающе качнулся. Пришлось ухватиться за столбик кровати, расставить ноги пошире. Затуманенный взор колдуньи ткнулся в голые щиколотки, белотканое полотно нижней рубахи. И щеки, недавно совсем бледные, зарозовели.

— Хельм, дай мне что-нибудь прикрыться...

Первым под руку ему попался плед, небрежно свесившийся с оттоманки. Струющаяся ткань скользнула по спине принцессы, холодея лопатки. Укутавшись по самые уши, Изольда побрела к печи в центре опочивальни.

— Я ранила тебя... как-то еще?

Ветер мотнул головой.

— Но убила одного из обитателей Тернового дворца?.. Так и есть. — Предаваясь тягостным воспоминаниям, принцесса протянула озябшие ни с того ни с сего ладони к огню. — Узурпировала Тьер-Леран, до икоты запугала здешнего герцога...

Казалось, она опустошена, выскоблена печалью до самого доньшка. Но корень этой беды хоронился не только в постыдном налете на столицу. Быстро ли мысли о приморском королевиче вытеснят прочие из сердца колдуньи? Существует для нее нечто настолько же важное?

Снедаемый безрадостными догадками, верховный пнул носком закатившуюся под стол виноградину. Но вопреки его расчетам Изольда внезапно обернулась и несмело спросила сбивчивым шепотом:

— Как же так?

Не представляя, в чем именно заключается вопрос, северный владыка сделал глоток из ее кубка. Язык и небо обожгло, словно в чаше плескалось жидкое пламя.

— Как же так, Хельмвинд? — покаянно повторила Изольда. — Я думала, ты меня на дух не переносишь...

От изумления лицо его приняло невиданное полудетское выражение.

— За все, что я причинила тебе и Розе Ветров... Приворот, покушения, вечные неудобства в дороге... я мешалась у тебя под ногами, оскорбляла твои чувства... и все равно ты сказал тьер-на-вьёр, что любишь...

Дабы оттянуть необходимость говорить, верховный опять отпил огненной горькой гадости и изрек, кривя губы:

— Я никогда не испытывал к тебе ненависти, Изольда Мак Тир.

— Тогда почему был таким колким, сердитым? — Уголок расшитого пледа сполз с ее плеча вместе с полоской льняной ткани.

— Потому что право, которым хотелось обладать мне, досталось другому...

Пряча от смущения лицо за копной растрепанных волос, принцесса охнула. Но все дальнейшие расспросы были категорично сведены на нет.

— Это не меняет ровным счетом ничего. Однажды в чертогах Железного дома ты сделала свой выбор. А я сегодня совершил свой. Когда надел на тебя янтарный кулон, до того как скрипнула перекладина сооруженной для приморца виселицы.

— Прости меня за слепоту, Хельмвинд...

— Полно. — Он отчужденно воззрился в меняющее оттенок небо. — В случившемся нет твоей вины. Не вижу смысла переливать из пустого в порожнее...

Было ясно: большей откровенности и уж тем более задушевных бесед

из него и клещами не вытянуть. Не таков Северный ветер, чтобы, попирая гордость, дважды искать чьего-нибудь расположения. Потому принцесса заглушила рвущиеся с языка сожаления и сокрушенно кивнула.

— Да и не о том следует заботиться, — буднично сменил тему верховный. — После полудня Мак Тира — единственного человека, способного защитить тебя от влияния ведьмы, — вздернут на площади. Не буду ратовать за отмену казни. По мне, так королевич послужит знатным кормом для воронов. Но ты, Изольда, признайся правдиво, хочешь ли его смерти? Жаждешь ли отплатить тому, чье фамильное имя носишь?

Смущенная, растерянная, она доковыляла до балконной занавески, смяла в кулак кружевную паутинку. За балюстрадой пенилось колдовское сливовое поле, возвращенное менее чем за день. Ароматные лепестки тянулись к последнему лунному свету, мелкие синие плоды венчали ветви, как слитки сапфира... Тьер-на-вьёр сотворила эту красоту на Пустоши, чтобы воплотиться для жителей Тернового королевства в живую легенду, претворить свои планы в жизнь. Но Изольда — не она. Желает ли северинская принцесса стать причиной гибели Лютинга, украсть у мира, а заодно и у себя бесшумную волчью поступь, манящую зелень глаз?

Трепеща от запретных помыслов, Изольда зажмурилась, обхватила пальцами мраморный парапет. И, вторя голосу сердца, всхлипнула сквозь слезы:

— Пусть он живет... Лютинг Вестильд Таальвен Валишер...

* * *

Северного ветра не было, казни тоже. Сочилось дождем серое промозглое утро, без ключей проникая в камеры, пропитывая влагой и так подгнившую солому тюфяков, а стражники все не шли. Чтобы не считать минуты, Таальвен закрыл глаза и принялся сооружать из невидимой охотничьей нити силки. Ее он добыл еще ночью, от нечего делать исследуя собственные умения. И теперь узлы вязались на удивление споро. Не беда, что их не суждено пустить в ход, зато увлекательное занятие поглощало целиком.

«Интересно, можно ли повеситься в бесплотной фейланской петле? Или она душит лишь смертельным ужасом?» — праздно любопытствуя, приморский королевич попробовал заарканить самого себя и ничего не почувствовал. Похоже, подобные чудеса ему были неподвластны.

— И-ить, — взвизгнули ржавые дверные петли, будто подтрунивая над

его бестолковыми попытками. Осторожная череда шагов на фоне этого скрипа была почти неуловима.

Но все же Лютинг расслышал ее, главным образом потому, что знал приближающуюся поступь с точностью до движения. Вот, колеблясь, прикасаются к камню легкие каблуки — размах чуть больше аршина, длинная юбка метет пыль... Секунда-другая, и растревоженный поводок душелова оживает, натягивается в радостном предвкушении: ступай ближе, обезволенная добыча, прямо в холод сырых подземелий...

Сердце Таальвена успело кувырнуться дюжину раз, прежде чем терновая колдунья во плоти предстала перед решетчатым входом в его темницу, сняла капюшон. Усталые, словно вылинявшие глаза с опаской вгляделись в затхлую темень. Вне всяких сомнений, ведьма больше не властвовала над Изольдой: от кипучей мощи не осталось следа, все впитала затвердевшая ветряная смола. Стало быть, авантюра верховного удалась.

— Изольда! — Ноги сами понесли навстречу.

Вздвогнув от возгласа в тишине, принцесса замешкалась, но быстро взяла себя в руки. Совестно пятиться от закованного в железо узника.

— Лютинг... — Бледное лицо не выражало и половины разрозненных переживаний, которые считывал фейлан, — пульсирующий сгусток по ту сторону прутьев.

Движимый порывом, он потянулся к ней — сквозь стены и собственное тело, но колдунья, наловчившаяся различать охотничьи манипуляции, взвилась от такого самоуправства.

— Не смей читать мои мысли! — Стан ее напряжился.

— Я не...

— Ты копошишься у меня в голове!

Ослабляя связь между ними, насколько возможно, приморский принц поднял ладони кверху.

— Это происходит само по себе.

— Неужели? — Принцесса окатила пленника презрением. — Еще посетуй на негодайку-судьбу!

— Клянусь, Изольда, я не знал, что обладаю даром, и не рад ему... — Чтобы смягчить ее негодование, Таальвен бы согласился на любую пытку — даже носить до скончания жизни волчью шкуру. — Если бы только меня посвятили в суть происходящего раньше...

— Что тогда? Ты забыл бы обо мне, оставил в покое? Как и у тьер-навьер, в оправданиях у тебя одни фантазии. — Принцесса не пожелала внимать его заверениям. — Докажи свои слова, тогда и потолкуем.

Не в силах скрыться от чужой горечи, першившей в горле, Таальвен

прислонился к холодному мокрому камню.

— Но я не могу отменить сверившееся...

— Зато способен меня отпустить! Мастер Кетиль убеждал, что подобное по плечу любому фейлану.

В полусвете подземной тюрьмы сложно было разобрать, воодушевлен ли королевич таким раскладом.

— Дай зарок, — потребовала принцесса, переминаясь с ноги на ногу, — что положишь конец нынешней охоте по первому моему повелению!

— Я не знаю, как это сделать, — отголоском донеслось в ответ.

— Научись.

Тяжелая связка ключей звякнула на поясе терновой колдуньи, и, сняв с кольца самый неказистый, она ступила к тюремной камере.

— Прежде чем ты выйдешь отсюда, я хочу услышать кое-что еще: сознайся в своих прегрешениях, Таальвен Валишер. В том, что оплел путами мою душу и бесправно лишил покоя...

— Принцесса... — Плечи его опустились обезоруженно.

Но Изольда, терзая искусанные губы, бешено выкрикнула:

— Говори, иначе оставлю под замком!

— Я виноват, — выдохнул королевич, глядя ей в глаза.

— В кошмарных снах и байках о предназначении, заморочивших мне голову!

— Да.

— А еще в приказах, принуждавших меня угождать тебе! В наглости, подстрекавшей к женитьбе, в том, что вцепился в мое имя в избе приморской ведуньи!

Запрещая себе прикасаться к ее скрюченным пальцам в квадратах решеток, Лютинг Мак Тир молча кивал, наперед принимая каждый придуманный Изольдой грех. Пусть некоторые из них были смехотворны, беспочвенны, он повторит их без запинки.

— В том, что охотился, брал тебя в жены, — моя вина... и даже в неведении своем я всецело повинен...

От избытка чувств колени принцессы подгибались. Но прекратить жадно ловить каждый звук было выше ее сил. Наконец мнимые и настоящие упреки в адрес Таальвена иссякли. И, устыдившись собственного временного помешательства, терновая колдунья наугад ткнула ключом в замочную скважину.

Но то ли металл безнадежно заржавел, то ли ослабевшие пальцы не могли справиться с фигурным ушком, только все попытки были тщетны.

Чтобы положить им конец, Лютинг предложил как можно мягче:

— Давай мне.

Вопреки смертельным обидам голос этот притягивал. Довериться ему, вложить в протянутую ладонь не только ключ, но и свою исчерканную шиной руку, аукалось из глубины души Изольды. И чем внимательнее она прислушивалась, тем сильнее влекло спрятаться у Таальвена за спиной. Но ведь источник несправедливости — он сам! Чтобы избавиться от наваждения, принцессе пришлось хорошенько встряхнуться и ущипнуть себя под плащом.

Слава праветрам, занятый замком приморский королевич ничего не заметил. Старинный механизм под его нажимом щелкнул неохотно, и дверца клетушки отъехала.

— Теперь кандалы... — Принцесса посторонилась, выпуская пленника. Под тусклым прицелом лучей из соседних камер он заморгал, подслеповато сощурился.

Лишь сейчас Изольда заметила, как изможден Лютинг Мак Тир. Менее чем за неделю черты его лица сделались совсем звериными, ожесточились от болезненной худобы. Седины в волосах прибавилось, оковы оставили на запястьях красные полосы. И только глаза сияли ярче прежнего.

— Кажется, этот. — Отыскав в связке еще один ключ поменьше, принцесса вставила его в расщелину между двумя стальными браслетами, соединенными перемычкой. На сей раз пружина сдалась без боя.

— Я твой должник... — поблагодарил Таальвен Валишер, цепляясь взглядом за ветряной кулон.

Непроизвольно у Изольды защеботало под ложечкой. Но недавняя кручина напомнила о себе, заставив проговорить сурово:

— Тогда в благодарность освободи меня...

«Имеет ли она в виду сети душеловов или иные узы? Сознает, что некоторые союзы не разорвать ни разлукой, ни расстоянием?» — Приморский королевич мельком взгляделся в перстни на тонких пальцах. Надежды на то, что однажды душелов получит одно из них, почти не осталось.

* * *

За полночь с Пустоши потянуло насыщенной терпкой сладостью, и Изольда пожалела, что не притворила окна. От запаха щемило сердце, щипало глаза, будто древняя магия подстрекала сдернуть тяжелый амулет и

вдохнуть аромат дикой сливы полной грудью. Противостоять этому зову было донельзя тяжело, особенно ворочаясь в пыльной горячке колдовской бессонницы. Потому терновая колдунья в конце концов отбросила одеяло и рывком села.

В кои-то веки у нее имелась кровать, да еще какая — личная опочивальня с купальней и камином, и даже служанки. Но урвать хоть минуту покоя при всем богатстве принцесса не могла. Янтарный медальон обжигал кожу. Огорчения, тревоги роились в голове многоголосым хором.

Как ни странно, касались они по большей части не спутников колдуньи, но Исгерд, в памяти которой Изольда была заперта до своего пробуждения. Сыщется ли у судьбы более жестокая насмешка, чем травить душу, жаждущую покоя, бесконечными страданиями погибшей принцессы?

А Герда страдала так, что сама смерть убоялась ее клокочущей ненависти... Не из-за войны с ветрами или утраченного порядка, а по вине Этельстана... Недальновидный, алчный, но неизменно любимый сестрой принц предал ее, стал причиной упадка целого королевства и собственной бесславной кончины.

Изольда видела, как устремляются к нему вырвавшиеся из узды терновые шипы, как истошно кричит побледневшая Герда. Быть может, Вея Эрна и обернула незадачливого заговорщика в дракона, но сразили его терновые чары, преданно защищавшие хозяйку наперекор ее приказам.

Спящей принцессе Мак Тир довелось сполна испытать всю безысходность того рокового мгновения. Снова и снова она захлебывалась отчаянным воплем, прижимая к себе окровавленное тело брата, а после растворялась до сумасшествия, до полной потери человечности в вихре колдовства. Выстоять против такого напора не смогла бы ни одна чародейка. Тьер-на-вьёр выплеснула в мир океан бешенства. Чудо, что Роза Ветров отделалась многовековым сном.

Нащупав ступней мягкие комнатные туфли, принцесса обулась и побрела на балкон. Брови ее хмурились. Мыслимо ли после убийства дорогого брата остаться мудрой, уравновешенной? Исполнять монарший и жреческий долг как ни в чем не бывало? Сама Изольда потеряла контроль от гораздо меньшего. И пусть последствия оказались не столь губительными, она вполне способна была понять ярость терновой ведьмы. Удивительно, но та больше не вызывала отвращения, будто каким-то странным образом две души, соседствующие в одном теле, породнились.

«Как же помочь Исгерд?» — чаще остальных теперь возникал вопрос. Не сразить, не заставить навеки умолкнуть, а облегчить страдания, поскольку боль от незаживающей раны виделась Изольде нестерпимой

пыткой.

Пока что действенных способов насчитывалось немного. И все требовали содействия со стороны тьер-на-вьёр. Но удастся ли ее уговорить? Теребя кончик косы, принцесса прогулялась вдоль балюстрады. Для этого придется снять ветряной медальон. А еще позволить Лютингу приструнить ее в случае ведьмовского припадка.

При воспоминании о приморском королевиче пальцы дрогнули. Если затея удастся, фейланские пути больше не понадобятся, как и янтарь Вей Эрны, берущий магию на измор. Можно будет признаться ветряной владычице, что страшная правда о прошлом — не секрет, положить конец бессмысленной вражде. А потом...

За счастливой развязкой призраками маячили силуэты ветра и приморского королевича, вершить судьбу которых принцесса не была готова. Уж лучше с головой окунуться в злоключения Искерд!

Убегая от нежеланных мыслей, Изольда нырнула под колыхавшуюся занавеску и лишь после того, как ноги коснулись ковра, вспомнила: в Терновом королевстве нет сквозняков. Что же за дуновение тогда вздымает ее парусом?

Справившись с молчаливым изумлением, Изольда нашарила взглядом голубое лезвие кинжала на краешке стола и боком попятилась в его сторону. Но не успела сделать и пары шагов, как сухой жужжащий вихрь пригвоздил ее к стене. В мгновение ока кругом потемнело, спящие клетки-светильники закачались тревожно. И сквозь трение крошечных песчинок донеслось:

— Хвала древним праветрам, господин выбрался из сетей болотного короля, куда ты его спровадила!

— Ирифи! — У терновой колдуньи будто гора с плеч свалилась. — Я решила, что Терновый дворец осадил ураган, а это всего лишь ты.

— Лишь я? Всего-навсего? — оскорбленно заохал старичок, взъерошенный сильнее обычного. — По-твоему, достойно платить эдакой неучтивостью за усердные труды? Не я ли подсказал тебе, как справиться с драконами, терновая ведьма? От меня ваша упрямая тройца услышала о потопленной башне!

— О да, я неверно выразилась. — Силясь с помощью магии одолеть внезапный смерч, принцесса поднатужилась. Но оберег Вей Эрны по-прежнему исправно сковывал ее колдовство.

— Я один чаю сбережь Хельмвинда от когтей смерти, — досадовал Ирифи, и дальше чиня беспорядок. — Ради этого и разведаль, где находится последнее уцелевшее зеркало Тьер-на-Вьёр, добыл третью по счету

ветряную горловину, дабы не допустить нового опасного путешествия!

Сея мелкую пыль, словно из ведра, он заметался под конусообразным потолком, заскрипел балками.

— Погоди, пожалуйста. — Чтобы не попасть под песчаный ливень, Изольда прыгнула под балдахин.

Но Ирифи лишь страдальчески заломил руки и щедро осыпал и без того угасающий камин пригоршней песка. Стало совсем сумрачно. Силы лунного сияния не доставало, чтобы проникнуть сквозь запылившие воздух клубы. Требовалось срочно призвать баламута к порядку. И принцесса, высунувшись из-под подушки, строго прикрикнула:

— А ну, прекрати! И живо спускайся вниз!

Прозвучало это на диво сурово, и крошечный старичок, сгорбившись, виновато обхватил себя за костлявые колени.

— Будь добр, убери весь песок, — командовала дальше терновая колдунья, окрыленная внезапным успехом. — И веди себя тише. Хоть мы и в башне, дворцовая стража всегда наготове.

Ирифи взмахнул изодранным рукавом, и вся пыль, к полнейшему изумлению колдуньи, с гулом влетела через него прямо под ветхую одежду. Но интересоваться, куда именно она делась, у Изольды не было ни малейшего желания.

— Спасибо. Теперь садись. — Принцесса подвинула ветряному смутьяну маленький удобный пуф. — Ты, наверное, устал с дороги...

— Как шторм в открытом море. — Ирифи задрогал истоптанными сандалиями. — Мне пришлось избороздить версты над синей гладью Тамэнт'адира, прежде чем из тумана поднялись пики Ан-Альеж...

— Так ты побывал на золотых клыках?

Утвердительно потрясая седыми лохмами, он покосился на принцессу, подкладывающую сухую щепу в пульсирующее углями жерло хитроумной печки.

— Раньше суша в тех местах была велика, обширна. И хоть пугала крутизной прибрежных скал, но все же могла нарекаться островом о двух острых вершинах. Нынче же единственный зубец с уцелевшей на нем крепостью виднеется над океаном, второй почти всосали темные ненасытные воды...

В мечтах о былом он качнулся из стороны в сторону, горестно всхлипнув.

— Все проходит, и слава великих предков блекнет от времени...

— Раз ты летал в восточную обитель, — помолчав, отозвалась Изольда, — значит, нашел заветную горловину?

И вновь Пыльный вихрь подтвердил ее догадки.

— Любимая быстроходными восточными бризами реликвия у меня.

— Прекрасно! А то Хельмвинд собирался самостоятельно плыть за ней — без маршрута и карты.

— Мой одураченный повелитель, — бесцветные старческие глаза повлажнели, — никак не отрешится от идеи собрать вместе наконечники труб... Если б он уразумел то, что ведаю я...

— Ирифи, — принцесса присела на соседнюю оттоманку, разгладила ткань длинной ночной сорочки, — нам известно, что случилось в Тьер-на-Вьёр много лет назад...

У крохотного старца расширились зрачки и задрожал подбородок, будто он вот-вот расплачется.

— Сны Игерд, обрывки разговоров терновой ведьмы помогли собрать воедино разрозненную картину... Мы знаем о притязаниях ветров, роли Вей Эрны и твоем участии. Роза желала овладеть терновой магией. Как ближайший ее соратник, ты счел свои долгом помогать, и в том нет ничего предосудительного...

Бережно подобранные слова мягко слетали с языка принцессы, проникая в ясный как никогда разум бывшего верховного. Толковать с ним о разыгравшейся трагедии Изольде не хотелось — только утешить изнемогающий ум.

— Отпусти события прожитых дней, — увещевала она, — оставь наконец ношу, что веками тяготит душу.

— Ох, колдунья... — Узловатые ветряные ладони сплелись в замок. — Дозналась бы ты обо всех моих провинностях, не сулила бы облегчения. Такие, как я, обретают его лишь в смерти. До тех же пор нет иного пути, кроме искупления...

Рассудительная речь резанула по ушам. Куда только подевались взбалмошность вихря, извечные визгливые капризы. В жестах проступило величавое достоинство, словно Ирифи незаметно подменил кто-то другой. Ошеломленная чудесной переменой, Изольда вглядывалась в морщинистое лицо и недоумевала. На том сюрпризы не кончились. Успокоившийся Пыльный вихрь зашуршал складками плаща и вытряхнул из него тонкий костяной раструб.

— Коль скоро ошибки минувшего открыты тебе, благословенная терновником дева, избрать верное решение будет нетрудно. Воспользуйся этой вещью, как считаешь нужным. Препятствовать я не стану... — и доверительно вручил опешившей принцессе горловину.

— Ты уверен? — Пальцы ее невольно принялись изучать гладкую

костяную поверхность, но в очах, невидимых в потемках, застыло сомнение.

Ирифи выпятил нижнюю губу, вздохнул тихо и чересчур скорбно.

— Все, что мог, я сделал... Пора положиться на мудрость богинь судьбы.

А затем, не поднимаясь с сиденья, растаял в пыльной клубящейся дымке. Колдунья не успела и руку протянуть.

— Подожди...

Очертания сутулой фигуры исчезли, лишь песчаная взвесь неспешно оседала на бархат подушек. Не сон ли это?

Стиснув наконечник ветряной трубы, Изольда вскочила, обошла свои покои с юга на север, с запада на восток. Но и через четверть часа предметы кругом оставались осязаемыми, а отполированная кость — жемчужно-сияющей.

Отпущенные на волю мысли постепенно светлели: ей-таки улыбнулась удача! Северному ветру не придется бороздить волны Тамэнт'адира — в Ветряное царство он может отправляться хоть завтра. Если поверит, что последнюю горловину Ирифи отдал просто так...

Сама же принцесса на этот счет не сомневалась. Найденные за время скитаний реликвии как две капли воды походили на подарок вихря. И даже на ощупь в них чувствовалась затаенная сила.

Но правильно ли она поступит, возвратив ее Вее Эрне? Ведь в прошлом она вела с Тьер-на-Вьёр войны... Накрыв озябшие ступни пледом, что накануне служил ей накидкой, Изольда мгновенно отрешилась от тревог.

Пора положить конец непримиримой вражде. Хёльмвинд доберется до Розы Ветров и объяснит: ей нечего делить с принцессой. Прошлое надлежит оставить позади во имя мира. Ветряной повелительнице хватит ума, выдержки, милосердия, чтобы это понять, ведь наследие ее так долго пролежало в руинах.

При мысли о возрождении Ветряного царства, возвращении братьев северного владыки в Тьер-на-Вьёр Изольде сделалось уютно и легко, но лишь на короткий миг. А потом беспощадная пепельная река накрыла ее скользящим течением.

* * *

— Здесь точно не обошлось без каверзы. И в том, что пройдоха-вихрь

вдруг сделался нашим союзником, меня не убедит даже первый праветер! — Хельмвинд демонстративно водрузил изящный костяной рог на подушку к двум его точным копиям и заходил взад-вперед.

Изольда растерянно развела руками.

— Но ты проверил горловину с десяток раз.

— По мере своих скромных способностей. — На лице верховного отпечаталось прежнее раздражение, сдобренное пренебрежением ко всему миру.

— Говорю тебе, вихрь вел себя на диво разумно... После того как очистил от пыли мою спальню... — Принцесса смутилась, припоминая давешнюю бурю. — Не стоит нам судить его по былым выходкам.

Не разделявший ее благосклонности Северный ветер фыркнул.

— Мне тоже кажется странным поступок Ирифи, — высказался до сих пор молчавший Таальвен. — С чего бы ему меняться?

Завороженно глядя на кривую полосу шрама на его виске, Изольда опустила ладони на подлокотники. Она еще не успела привыкнуть к шквалу эмоций, что одолевали ее в присутствии душелова, оттого старалась держаться подальше.

Впрочем, просторный зал, предложенный королевским советником для малолюдных «домашних» заседаний, был создан для общения на почтительном расстоянии. Неудобные кресла в нем стояли так далеко от резного трона, что собеседникам пришлось бы повышать голос, чтобы услышать друг друга. Из-за этого решено было занять места визитеров.

Фрейлина Изольды, избранная тьер-на-вьёр сразу после захвата дворца, попыталась деликатно образумить госпожу, намекая на неподобающую к ней близость простых смертных, но принцесса властно выпроводила ее, в два счета освоившись в положении хозяйки.

— Голова ее тернового высочества на аудиенции не может быть ниже челяди, — присев в реверансе, пролепетала придворная дама. — Вы также не должны приближаться к ней ближе чем на полторы сажени...

— Упасите боги! — Северный ветер отпрянул от принцессы в притворном благоговении.

И Изольда, припоминая их последнюю встречу наедине, едва сдержала протяжный стон. Как теперь без стыда глядеть ему в глаза? С другой стороны, колкости куда лучше неловкого гнетущего молчания. Пусть издевается, если угодно.

Дождавшись, когда фрейлина удалится, терновая колдунья с облегчением опустилась на стул — не примечательный ничем, кроме ключей рунной вязи на жесткой спинке. Никакая сила не заставила бы ее

усесться на величественный трон. И Хельмвинд, и приморский королевич не единожды видели, как Изольда нарушает правила приличия посерьезнее. К чему же теперь условности?

— Я представила вас как своих гостей, но, боюсь, у здешних правителей особые привычки обращения с друзьями... — Каблуки ее не доставали до пола.

— Спорим, ты превзошла их в чудачестве, швырнув нас за решетку, — заявил верховный. — О виселице я вообще молчу.

Медленно заливаясь краской, принцесса пробормотала:

— Я приказала страже и начальнику помалкивать о заключении — во избежание слухов.

По сути, ей не следовало переживать из-за сплетен подданных. Особенно после неразберихи, учиненной терновой ведьмой. Но ту, поди, занимала одна Роза Ветров. Изольде Мак Тир же предстояло решить, как распорядиться неожиданно обретенной властью. И хотя к правлению ее готовили с детства, способ, которым принцесса заполучила королевство, восхищенный страх в глазах придворных, полное незнание законов Тьерна-Вьёр и собственных, дарованных терновником возможностей сводило с ума.

— Ты решила окончательно? — уточнил Лютинг, в отличие от ветра не покидавший своего места.

Изольда, застывшая изваянием, заморгала.

— Я о горловинах ветряных труб.

— Они принадлежат Хельмвинду. Я лишь взяла их на хранение, а теперь возвращаю... в надежде облегчить бремя прошлого, насколько удастся.

— А если не удастся?

В окружении добротной деревянной отделки приморский королевич выглядел истинным владыкой. Несложно было представить непоколебимую мрачную фигуру в темных одеждах на королевском троне. Ему, без сомнения, пошла бы каменная угловатость узоров, как шла седина в отросших взлохмаченных волосах.

«Прекрати!» — отчитала себя принцесса, усмиряя воображение, и промолвила: — Доверимся Хельму... Вея Эрна ближе ему, чем кому бы то ни было. Он убедит ее в искренности наших намерений, желании помочь, невзирая на прежние недомолвки...

Ядовитый взгляд Таальвена Валишера переметнулся к фигуре, отрешенно блуждающей по залу. Уста будто бы вопрошали:

«Слышал, Северный ветер? На тебя возложено неслыханное доверие!»

Но назиданий вслух не последовало. И Хёльмвинд не дрогнув вернулся к Изольде и Таальвену.

— Я уеду завтра утром. Дай мне коня и вели нигде не задерживать.

Белая ладонь бесцеремонно сгребла с подушки костяные наконечники, в следующее мгновение макушка верховного непростительно возвысилась над монаршей.

«Конец здешнему этикету», — грустно усмехнулась колдунья, посматривая на четыре глубокие полосы на щеке ветра — свидетельство ее гнева.

— Я придумаю для тебя какую-нибудь грамоту или печать...

— Обойдемся без печатей, — ответствовал ветер, спуская ниже чертополоховый браслет. Вся троица украдкой поморщилась от двусмысленности замечания. Отныне незримых меток им хватит на целую жизнь.

* * *

Северный ветер правил коня на юго-запад, оставляя позади ворота Тьер-Лерана и громоздкую тень дворца, глядевшего ему в затылок не одну версту. Кристаллический диабаз, из которого он был построен, придавал стенам и окаймляющей парк ограде легкую зеленцу, на полотне которой узкие, еще спящие окошки посматривали совсем тускло. Величественное, хоть и чудное здание.

Запоминая, как выглядят многочисленные флигели, башни и венчающие их черепичные конусы, Хёльмвинд обернулся в последний раз. От проводов и напутствий он наотрез отказался. К чему мяться на пороге, комкая на языке бессмысленные до немоты слова? Но терновая колдунья долго стояла у одного из окон, несмотря на раннее время, — одинокая и подавленная.

«У нее есть Мак Тир, — бесцеремонно напомнил себе верховный. — Принц, чью жизнь ты спас в приступе благородства».

Досада на самого себя вновь прошила навывлет. Но в глубине души ветер понимал: причина не только в его неслыханной отзывчивости. Придя в себя после казни Лютинга, принцесса наверняка пожалела бы о содеянном. Чувство вины и потери навсегда отравили бы ее существование, ведь привязанность Изольды к зеленоглазому фейлану очевидна. Любовь ли виной или подспудное желание принадлежать своему пленителю, Северный ветер не гадал, просто зарекся оглядываться, покуда столицу

Тернового королевства не заслонят фруктовые сады. Благо, тракт, по которому он ехал, пролегал как раз через рощицы груш и низкорослых персиков.

Когда же и они остались позади, новая печаль омрачила задумчивые черты: вдруг Вея Эрна не внемлет просьбам о перемирии? Опасение это затмевало все другие раздумья и страхи. Его отражение крылось в волчьих очах Мак Тира во время вчерашнего совещания.

«Кто из них двоих тебе дороже — Изольда или Вея Эрна?»

Вспоминая зарево неистовых порывов владычицы, то, как жадно она тянула жизнь из его напряженных жил, верховный все сильнее колебался. Положим, Роза лгала своим вызволителям из страха перед давней соперницей. Потому подсунула ей смертоносный медальон, умолчала о событиях древности, не открылась Хельмвинду. Где гарантии, что она станет благоволить колдунье теперь?

Изольде они мнились в стойкости, красноречии Хельмвинда, но он ставил их силу под сомнение. И все же понукал скакуна, сверяясь на ходу с аккуратной картой окрестностей из королевской библиотеки. Вопреки еканью сердца и недавним предупреждениям тьер-на-вьёр, что ветряная владычица иссушит его род дотла... Почему?

Интуиция подсказывала: ветру просто не дано поступить иначе — после того, как благоденствие нового дома принцессы Мак Тир оказалось в его руках. Отговорить Вею Эрну от войн, возвратит собратьев в терновые края и бесследно исчезнуть — такова роль северного владыки, отведенная ему вместо счастья.

ГЛАВА 21

НА ПУСТОШИ

Поначалу они ехали верхом — под покровом вечера, по дуге огибая высоченные стены Тернового дворца. Затем, когда дорогу преградило сплошное решето шипастых веток, спешили, стреножили пританцовывающих коней. Углубляться в непроходимые заросли животные отказались. Не помогли ни шлепки, ни окрики.

— Давай оставим их здесь. — Изольда, предпочитавшая ненадежной конской спине размеренную и куда более безопасную прогулку, сдалась первой. — Все равно роща слишком густая, чтобы передвигаться в седле.

Спорить Лютинг не стал. Во-первых, цель похода была ему неизвестна, во-вторых, намного приятнее сопровождать принцессу, чувствуя землю под подошвами сапог. Открытие показалось королевичу занятным, и он принялся выяснять, в чем причина удовольствия.

Неприглядная истина обнаружилась почти сразу: идя за Изольдой по пятам, можно было ощутить себя ее тенью, постепенно отдаться во власть азарта, подогревающего кровь, заставить чужое сердце трепыхаться в возбуждении.

— Проклятье! — чертыхнулся сквозь зубы Таальвен Валишер, рывком нагоняя колдунью, чтобы пресечь всякий охотничий соблазн.

Сосредоточенное ее лицо недоуменно выглянуло из-под капюшона и снова спряталось.

— Без чар сквозь терновник не пройти... Возьми меня за руку.

Колючая стена перед путниками и верно срослась непролазно: сунешься — выцарапает глаза, невзирая на призывное благоухание. Но чем поможет прикосновение душелова в борьбе с древней магией?

Подступая к сливовому лабиринту вплотную, он поймал обтянутые перчаткой пальцы, сжал несильно.

— Что ты задумала?

Изольда с предосторожностью повернулась назад — поглядела на темно-зеленую грядку сияющего дворца. Из высоких окон лился свет, расплескиваясь по ухоженному саду. Шпили и острые коньки чернели на фоне звездного неба.

Вряд ли из башен видно что-то кроме смазанных пятен, в которые слилась Пустошь. Да и жилых комнат, за исключением королевских покоев,

в этой части замка нет.

— Я собираюсь снять ветряной амулет, — она освободилась от прикрывающей голову ткани, — и побеседовать с Искерд... Спрячемся в гуще кустарников. Вдалеке от любопытных глаз не так рискованно ее призывать.

Свободной рукой принцесса подцепила шнуровку и с наслаждением стряхнула цепкое ветряное украшение. Тут же живительное тепло заструилось по венам, заполнило легкие. Горечь, царапавшая небо, бесследно растворилась.

— Дорогу!

Словно по волшебству, шипастые дебри разомкнулись, пропуская путников. Тоненькая тропинка, как шелковая лента, прильнула к их ногам.

— Нужно укрыться поглубже, на случай сопротивления. — Пошатываясь от прилива сил, Изольда повлекла приморского королевича в ветвистую темноту. — Я постараюсь любой ценой сохранить спокойствие. Но если станет понятно, что мне не выстоять...

Кулон с чертополохом лег в ладонь Таальвена. О молчаливой просьбе ему предстояло догадываться самостоятельно.

— Ты правда хочешь испытать это опять? — спросил он без обиняков, разворачивая колдунью, чтобы оказаться лицом к лицу на узкой тропе.

— Нет. Но иной возможности безопасно потолковать с тьер-на-вьёр не придумать. — Она замялась, не отваживаясь поднять подбородок.

— Безопасно? — Отголоски томительного гложащего вождения от охоты накрыли Лютинга жаркой волной. Поведать ли Изольде, что в качестве жертвы душелова она рискует не меньше, чем в поединке с терновой ведьмой? Или пускай верит, будто он без труда сумеет сдержаться, осадить себя?

— Я имела в виду сохранность жителей города, — в замешательстве пояснила принцесса. — Не желаю подвергать их нападкам разъярившейся колдуньи повторно.

— О чем ты будешь с ней говорить?

Не уверенная до конца в успехе собственного замысла, она потопталась на месте.

— Постараюсь донести, что вовсе не обязательно класть жизнь на алтарь мести Вее Эрне. Это не принесет ни облегчения, ни радости...

— Судя по воспоминаниям Искерд, иного смысла у ее существования нет.

— Пока... Но есть шанс отыскать его заново.

В глазах королевича проскользнуло удивление, затмившее раздумья о

неумных фейланских инстинктах.

— Постой, ты намереваешься... спасти тьер-на-вьёр?

— Если получится... Ты верно подметил по поводу тернового колдовства: каким-то чудесным образом оно прижилось во мне. В Тьер-Леране я особенно остро чувствую, как прибывает, распускается могучая невидимая сила. Что для Игерд, боюсь, означает погибель — бесповоротную, поскольку магию, чтобы возродиться, черпать будет неоткуда.

— Зачем же щадить злодейку? — Таальвен все еще пытался уловить суть сбивчивых рассуждений.

В ответ Изольда вскипела с внезапным негодованием.

— Но ведь тебя я помиловала, хотя соблазн навсегда покончить с оковами был велик! — Шины на висках вздыбились бунтуяще. — И Стефан благородно простил бесчестные мои деяния... и Хельмвинд не держит зла за обиды...

При звуке имени Северного ветра вспышка гнева угасла. Последняя фраза прошелестела тоскливо, словно приглушенная виной за все злоключения верховного.

— Не сердись, северинская принцесса, — попросил Лютинг, теряясь, как в дыму, в ее зыбкой печали. — Я лишь человек, чающий защитить что дорого. Но как и прежде, душа моя и тело в полном твоём распоряжении.

Откровение, поминающее давние свадебные клятвы, сдавило Изольде грудь. Зачем он повторяет их снова и снова, будто ставя в укор свою нестигаемую верность? Чтобы не выказать смущения, она рывком устремилась в гущу колючего леса, едва поспевая расчищать себе дорогу.

«Муж, покорный слуга и тюремщик — вот кто ты для меня, Таальвен Валишер»...

Терн повиновался мысленным приказам с поразительной прытью. Новые коридоры образовывались быстро и слаженно, в их причудливых формах проглядывала гармония смертоносной красоты. При виде ее приморского королевича то и дело пробирал озноб, но смыкавшиеся за спиной стебли ни разу не задели его.

Зато нежный терновый цвет кружил голову крепким ароматом. Лепестки сыпались, как снежные хлопья. В их водопаде шагающая впереди колдунья выглядела лесным духом, сманивающим незадачливого путника с тропы. И сопротивляться ее чарам ничуть не хотелось.

— Вон там устроим поляну. — Принцесса ткнула пальцем в гнездо дебрей. — В сердце Пустоши надежнее всего.

Дыхание ее выровнялось. И даже то, что Таальвен следует по пятам,

не мешало завладевшему Изольдой спокойствию.

— Расступитесь, — повелела она высоким кустарникам.

Уползая прочь, те бережно простерли шипастые лапищи над бредущими по Пустоши скитальцами.

«Естество беспристрастной магии во всей красе, — подумалось Изольде. — Готовой в равной степени защищать и разить по желанию повелителя». Славно, что она научилась худо-бедно управлять способностями со времен первого их проявления.

Чувствуя себя в зарослях как дома, колдунья обошла только что сотворенную поляну и шепнула Таальвену, пошевелив пальцами:

— Теперь отпусти меня и встань подальше, чтобы не пугать Исгерд... — Под чутким наблюдением она готовилась вновь столкнуться с давней соперницей. И хотя ей не хотелось снова оказаться во власти фейланских пут, довершила уверенно: — Но если почувешь угрозу, заставь ее уйти...

— Я верну тебя, — пообещал Лютинг, отстраняясь к границе песчаного пятачка до тех пор, пока сливовые побеги не ткнулись в лопатки.

Изольда кивнула, вслед за ненужными перчатками освобождаясь от плаща.

— Тогда приступим.

Глаза принцессы сомкнулись, разум погрузился в пустоту, отгораживаясь от шелеста, стрекота ночных насекомых. Чтобы обнаружить тьер-на-вьёр, требовалось углубиться в омут собственной души, на дне которого обреталась колдунья, не имеющая выхода из добровольной темницы. Но где именно ее искать?

— Исгерд, — шепнула девушка безмолвствующей тишине, присаживаясь на песок. — Я знаю, ты там, не прячься...

Чары вольно струились сквозь плоть, закручиваясь вдоль спины; кожу под ними чуть покалывало, но в целом обманчивое впечатление, будто Изольда — полноправная себе хозяйка, не менялось.

«Вспомни, как очутилась в постели с Хельмвиндом, и легко от него отделаешься», — сказала себе принцесса. Безумные события той ночи всплывали смутно, но в их подлинности она не сомневалась.

«Пожалуйста, Герда, явись на мой зов. — Изольда снова потянулась в темноту. — Я желаю тебе добра...»

В следующий миг в глазах посерело, стало душно, как перед грозой.

— Добра? — Губы колдуньи гневно скривились. — Что ты именуешь добром, маленькая принцесса, — торжество своих личных надежд, преступную безнаказанность, ниспосланную убийцам?

Осчастливленная успехом, Изольда вскочила.

— Разумеется, нет. Я веду речь об избавлении от боли и одиночества, волею судьбы отравляющего жизни нам обоим...

— Потому беспринципный охотник-истязатель здесь? — Принудив ее обернуться, тьер-на-вьёр язвительно уставилась на фейлана. — Чтобы насильно избавить меня от печали? Мягко же ты стелешь, голубушка, да жестко спать!

— Таальвен пришел по моей просьбе, — принялась оправдываться Изольда. — Он не тронет тебя без надобности.

— Прямо цепной пес — стережет добычу, нападает по команде! — Округу окатило злым хохотом. И терновая ведьма, подчинив чужую телесную оболочку, направилась к Лютингу развязной походкой. — Всмотрись в эти очертания, принцесса, звериной натуры ему не обуздать. Голод так и полыхает в дурной фейланской крови... Поощряя его, ты ставишь под удар нас обоих!

Подобравшись, словно хищница на охоте, она описала вокруг королевича кольцо, вскинула руки, делая вид, словно пытается поразить его.

— Жалеешь, что не принял от меня легкую смерть, Лютинг Мак Тир? Помнишь, давным-давно я предлагала покуситься на жизнь златокудрой малышки-Изольды? Кончина твоя в том случае была бы милосердной...

Таальвен безропотно выдержал чернеющий взгляд, различая под его пеленой знакомую лазурь.

— Все такой же молчун... — Надувшись от показной скуки, тьер-на-вьёр нарочно хлестнула принца волосами по лицу. — С велеречивым Северным ветром много забавнее. — Никак не соображу, отчего девчонка предпочла такому красавцу тебя?

— Оставь его в покое! — вмешалась Изольда, лихорадочно стискивая виски. Но ненависть ведьмы к душелову сложно было сдержать словами.

— Я, признаться, рада, что не убила тебя, королевич, — ослабилась она, отмахиваясь от принцессы, как от назойливой мухи. — Расплата за дерзость в нынешних обстоятельствах куда более изощренная. И ее венец — невозможность отделить жгучую страсть душелова от твоей непутевой любви — усладит последние мои дни. Майся же от бессилия, Лютинг Мак Тир, пусть снесает тебя мешанина чувств, сплавленных в одну цепь. Ни за что ее не разорвать без утраты, а ты ведь больше смерти страшишься терять...

С каменным спокойствием Таальвен следил за злобными ужимками тьер-на-вьёр. Натянутые мышцы болезненно свело, но он по-прежнему не

двигался с места, собираясь стоять, покуда Изольда не велит действовать.

К счастью, принцесса вовремя осадила распоясавшуюся ведьму.

— Хватит его задирать! — Мантия из колючек накрыла ее плечи, как ветвистая накидка. — Отвлекись от Тааля, давай потолкуем с глазу на глаз.

— Пусть тогда сгинет с очей! — огрызнулась нахально Исгерд. — Не могу ровно дышать в присутствии душелова, ярость так и клокочет...

— Клянусь, он свяжет нас обеих, если продолжишь упрямиться!

Колдунью под личиной принцессы перекосило.

— Если бы не знала, как все обстоит в действительности, сочла бы, что охота для тебя подобна неестественной утехе.

Пальцы ее скрючились, но ругань в адрес королевича все же поутихла. Взынченная Изольда не стала ждать новой вспышки раздражения и без намеков вывалила правду:

— Я знаю, что твоя сущность блекнет, Исгерд. Тебя скоро не станет, и час этот все ближе...

— Тоже мне, новость. — С деланой небрежностью ведьма убрала за уши непокорные прядки. — Она истончается из века в век со смертью каждой твоей родственницы. Жаль, что все они сходили с ума так скоро, даруя мне считанные дни... Другое дело — ты.

— Но дальше разрываться на части не выйдет. — Сомнительную похвалу принцесса пропустила мимо ушей. — Ты умираешь!

— Так празднуй победу, счастливица, нежданно-негаданно обретшая мощь терновых чар!

— Они достались мне в довесок к целой веренице неприятностей, — напомнила Изольда, возмущенная беспочвенными обвинениями. — И отнюдь не милостью богов.

Не признававшая собственных упущений колдунья надулась, показывая: лично ее такие тонкости не тревожили бы.

— Ладно, не будем спорить. — Голос, принадлежащий Изольде, смягчился. — Мы забрались в сердце Пустоши не ради раздоров. Я хотела предложить помощь...

— Помощь? — Светлая бровь взлетела вверх. — Чем ты способна мне помочь?

Догадываясь, что следующая фраза вызовет всплеск противоречивых чувств в ее сердце, которым отчасти распорядилась тьер-на-вьёр, принцесса заявила во всеуслышание:

— Тебе не обязательно исчезать, лишившись колдовства. Можешь остаться... со мной.

От неожиданности тьер-на-вьёр опешила, покосилась на зеленоокого

фейлана, ожидая, что тот вот-вот рассмеется. Но улыбка не появлялась, из чего следовал разумный вывод: Изольда не шутит.

— Ты опилась бузиной настойки? — участливо поинтересовалась ведьма. — Или вконец ошалела от охотничьих пут, раз согласна добровольно тесниться ради меня в этом теле?

Но принцесса не растерялась.

— Я подумала, нам стоит прекратить изматывающее противостояние, и сосуществовать будет вполне сносно. Ведь мысли и чувства не так сложно разделить на двоих. Ты сможешь глядеть на мир моими глазами, наслаждаться тем, что радует меня. Разумеется, это не заменит собственную жизнь, но всяко лучше полного забвения.

Потрясенный Лютинг с трудом подавил желание хорошенько встряхнуть Изольду, отчитать за сумасбродство. Каждая частичка его восставала против ее необдуманного замысла. Что она творит? Сулить ведьме прощение — куда ни шло, но предлагать в качестве постоянного вместилища саму себя — неслыханно!

— Уверена, сыщется заклинание, связующее воедино две души, — размышляла тем временем вдохновленная принцесса. — Найдем его до того, как чары окончательно перейдут ко мне, и вместе выколдуем тебе будущее.

— Крайне сомнительное, коли на то пошло. — Тьер-на-вьёр копнула песок носком сапога. — Прозябать на задворках разума, подбирая крошки с чужого стола, безвольно соглашаться с каждым твоим поступком — унижительно... Кроме того, ты наверняка потребуешь как-нибудь удружить взамен.

— Верно, — подтвердила принцесса.

С самого начала она не собиралась скрывать обоюдной, по ее мнению, выгоды и, когда представился шанс подать ее в лучшем свете, выпалила взволнованно:

— Ты расскажешь мне все, что знаешь о терновой силе, научишь ею управлять и заодно поможешь избавиться от разрухи, воцарившейся за годы безветрия в Тьер-на-Вьёр...

— Неужто в тебе разыграл долг перед королевством? — развеселилась ведьма. — Вот так ирония... Взаправду оно даже не приходится тебе домом. Впрочем, колдовской памяти терновника противостоять невозможно. Кнutom ли, пряником он заставит тебя служить во благо этих краев...

— Так ты поможешь? — с надеждой обратилась принцесса сама к себе.

— Нет. — Ведьма горделиво отряхнула запыленный подол. — Ведь согласно твоему плану, надлежит примириться с Розой Ветров...

— Так и есть. — Тон Изольды сделался увещевающим. — Без нее Терновому королевству не восстановиться... Войны уже принесли уйму горя, не пришла ли пора оставить былое?

Раздосадованная тьер-на-вьёр аж подпрыгнула.

— Да ты, моя дорогая, поешь соловьем, когда самой нечем жертвовать! Но дай-ка мне разделаться с твоим распрекрасным волком, и поглядим, какие думы тебя одолеют над его истекающим кровью телом! Облегчит муки идея мира и всепрощения, или она покажется тебе жестокой насмешкой?

С растущей тревогой Изольда посмотрела на сливовые соцветия позади Таальвена. Пока что колючки вели себя смирно, но недооценивать их не следовало. Успеет ли она запретить шипам бесчинствовать, прежде чем они причинят ее защитнику вред?

— Вея Эрна виновата, не спорю. Но, быть может, она давно признала свои ошибки и мечтает загладить их...

— Чушь, она жаждет лишь господства! — грозно оскалилась колдунья. — Корыстолюбивая самозванка в царстве ветров... Не знаю, откуда ее принесло всем нам на погибель, — у первых крылатых никогда не было повелителя!

Подхваченная ураганом неудержимого гнева, принцесса захлебнулась чужой пульсирующей злостью, бессильно прикусила язык.

— Один за другим Вея Эрна подчиняла себе народы. Спроси ее на досуге, кем она была до того, как назваться ветряной владычицей? Ведьмой пустыни, повелительницей драконов? Пусть расскажет, как извела большинство своих приспешников ради власти. И если после всех признаний тебе достанет мочи спустить с обгаренных кровью рук многочисленные грехи... — кулаки колдуньи осуждающе сжались, — то верши свое правосудие одна. Я предпочту смерть такому спасению!

— Исгерд...

— Брось называть меня этим именем! — рявкнула сердито ведьма. — Терновая принцесса умерла много веков назад. По вине той, которую ты оправдываешь. Прибереги же сочувствие для Розы. Когда я изувечу дух ее и плоть, оно точно понадобится!

Понимая, что тема исчерпана, Изольда все же попыталась задержать строптивую ведьму, но воли ее оказалось недостаточно. Словно разъяренный смерч, ведьма метнулась куда-то вглубь, выбив у принцессы почву из-под ног. И, заваливаясь назад, она с сожалением вскрикнула:

— Я не враг тебе, Герда!

А затем небо в прорезях веток взбрыкнуло, брызнуло звездами. Но вместо рыхлого песка Изольда ощутила под собой чьи-то сильные руки.

Таальвен Валишер... Всю напряженную беседу он не спускал с принцессы глаз, готовый в одночасье оказаться рядом. Ни чары, ни ведьмовские приемы не способны были оттолкнуть приморского королевича, заставить его испытать неприязнь к своей избраннице. В спазмах переходящего от души к душе тела он усматривал лишь мучения той, которую стерег самозабвенно. Оттого ладони прижали к себе сникшую принцессу так крепко. Но через секунду выяснилось: оборонять ее не нужно. Тьер-на-вьёр убралась добровольно, презрев щедрое предложение. Похоже, ни при каких обстоятельствах она не могла помыслить о примирении с Розой Ветров.

— До чего черна ее скорбь... — бессвязно шептала Изольда, приходя в себя после изматывающего, хоть и бескровного противостояния. Ватные ноги упорно не желали становиться на песок.

— Ты не можешь позволить ей остаться...

Отстраняясь от широких плеч Лютинга, принцесса с вызовом вскинула подбородок.

— Почему?

— Это неправильно, пагубно для тебя... — Рокот его голоса накрывал плотным тяжелым одеялом, из-под которого бессмысленно было выбираться. — Разве не мудрее избавиться от всех посягательств на свою свободу?

— Мудрее... — Наперекор слабости в онемевших конечностях Изольда выпрямилась. — Но как тогда поступить с печалью, от которой я стала неотделима? Прошрое терновой принцессы вросло в меня, как твой охотничий зов. От него не отвертеться.

Отваживаясь на дальнейшие пояснения, она дважды глубоко вдохнула и лишь затем окунулась в болотную зелень глаз напротив.

— Я не лгала Исгерд о желании обосноваться в Тьер-на-Вьёр... Звучит абсурдно, знаю. Но когда размышляю о том, как покину Терновый дворец, откажусь от королевских обязанностей, дух мой бунтует. Словно отпечатавшаяся на мне лоза все глубже пускает корни в этом неизведанном мире...

— Понимаю... — внезапно обескуражил ее Таальвен, поведя взором по кромке терновых завитков на ее шее. — Меня тянуло сюда со времен жизни в Долине ветров. Видимо, из-за Удела душеловов...

«Выходит, решение мое его не удивило, — с изумлением осознала

колдунья, — и Лива прозревала будущее, печалась, что мы с Таалем не возвратимся назад».

— Значит, ты не станешь тащить меня в родные края?

— Тащить? — Лицо приморского королевича оживила печальная усмешка. — Только если попросишь...

— А если повелю смириться с присутствием Исгерд? — дерзнула испытать его терпение на прочность принцесса.

Но суровый вид Таальвена, мигом сделавшегося серьезным, положил конец игре. И она пристыженно потупилась.

— Что толку спорить, если терновая ведьма и слышать не хочет о дружбе с Веей Эрной. Мой план провалился...

Подобрав с земли плащ, Изольда вслепую определила, где прокладывать дорогу к замку, и что-то тихо шепнула кустарникам. Сонные ветки разомкнулись, ласково осыпая принцессу сливовым цветом.

— Вернемся во дворец.

На обратном пути они шли порознь. В ежесекундном надзоре за тьерна-вьёр не было надобности, так как и она, и принцесса Мак Тир изрядно растратили силы. Но все равно Изольда потянулась за янтарным медальоном, стоило колючей ограде окончательно поредеть.

— Не надевай его, — хрустя стебельками терновой поросли, промолвил Таальвен. — Пока я рядом, тебе не нужны ветряные оковы.

Оглядываясь в поисках перчаток, принцесса встряхнула плащ и привычно покрыла голову капюшоном.

— Я ношу его не ради защиты от терновой ведьмы. — В мягком мареве ночи узор на ее запястьях выглядел шитьем на прозрачном кружеве. — А чтобы Вее Эрна поверила в искренность моей дружбы, когда прибудет ко двору.

— Раз так...

Сопrotивляясь всем своим естеством, Лютинг вручил колдунье ветряную вещицу. И тотчас лучистый ее свет, видимый ему во мраке, мигнул и потускнел.

«Я обещал не неволить тебя, Изольда, — рвалось с его языка. — Но мечтам твоим не суждено сбыться. Слышишь, как вскипает простор в предчувствии скорой беды? Я промолчу, чтобы не красть твой покой сейчас, спустя неделю ты и сама поймешь... Когда явится та, которую ты зовешь другом. Дорогу ей не преградят ни расстояние, ни верный тебе Северный ветер... Чего она возжелает? Что будет у нее в руках — оливковая ветвь или колдовское кольцо чертополоха, отнимающего по капле твою бесценную жизнь?..»

Ночь застала Хёльмвинда врасплох, как застигает незадачливого путника злодейка-беда. Только успело небо на востоке вылинять из василькового в тускло-голубое, как его затянуло звездным бархатным полотном, складки которого струились, оседали влажными тенями на камнях и деревьях.

«Знать, постарались шустрые кобылицы Конн Киалдера — каменного короля из Изольдиной сказки, — не всерьез предположил ветер, выискивая в сумерках местечко для лагеря. — Это ж надо сочинить, будто звезды по ночному небосводу рассыпают они!»

Наконец сияющий льдом взгляд зацепился за крошечную ложбину на опушке редкого леса. Если сойти с проторенного тракта и спрягать коня в зарослях калины, стоянку будет почти не обнаружить. Разве что присутствие путешественника выдаст огонь. Но костры верховный подолгу не жег — довольствовался щепоткой волшебного порошка, что вручила ему терновая принцесса перед отъездом, а после того как колдовские язычки ослабевали, дров не подбрасывал. Ни к чему ему лишнее внимание падких на сплетни тьер-на-вьёрцев, да и прочей возможной компании...

Спешившись и удерживая скакуна в поводу, ветер направился к невысокому косогору, полого сбегаящему с дороги прямо в густую траву. Эйалэ — а именно так он нарек ездовое животное — послушно трусил по вечерней росе, охлаждая вспотевшие бока. Темноты он не боялся, а руку искусного седока признал еще на тьер-леранской конюшне. Не фыркнул даже, когда Хёльмвинд сдавленно ругнулся, ощущая, как промокают до бедра заправленные в сапоги штанины. Опять ему ночевать, ежась от сырости, как в темницах Давена Сверра. Или теперь болотные катакомбы принадлежат Лотарэ?

Для дальнейших рассуждений голова Северного ветра была слишком тяжела. Версты, проведенные в седле, давали о себе знать. Да и привал он намеренно делал раз в день — к позднему вечеру. Так дышалось, думалось и спалось легче.

Укладывая узел с вещами в корневище вывороченного пня, Хёльмвинд в уме подсчитал, сколько суток тому назад шпиль и башенки Тьер-Лерана исчезли с горизонта. Выходило чуть больше недели. За это время он успел проехать сквозь сады и долины, перейти вброд шумные весенние ручьи, полюбоваться ровнехонькой каменной кладкой окрест нарядных хуторков. И вопреки древним ветряным сказкам Терновая страна представляла светлой

и чудесной, как две капли воды похожей на свою единственную полноправную владычицу.

Голубые, словно аквамарин, и такие же чистые озера цветом пытались соперничать с лазурью ее глаз. Бездонные черные — лесные — напоминали о власти над ними древней магии. И пряная зелень трав, податливая, не до конца окрепшая, и хрупкая тонкость ветвей воскрешали в памяти знакомый образ. В монотонном цоканье копыт аукалось, что от него не скрыться ни за какими заслонами. Оттого заиндевшее в костяном оплетье ребер сердце, чуждое всяким клеткам, беспрестанно покалывало.

— Ну сколько можно? — осерчал верховный, отслеживая новый приступ захлестнувшей левое предплечье боли. — Не хватало помереть от тоски!

Но на этот раз любовная хандра была ни при чем. Руку саднило из-за ожившего браслета. Тоненькие, как иголки, отростки чертополоха отделялись от него и впивались в кожу, прошивая плоть до самой кости.

— Буран! — зашипел узник ветвистых чар. — Не здесь, не сейчас, я ведь так близко...

Увы, Роза Ветров не способна была расслышать эти слова. Слишком долго она томилась в неведении и нынче не желала ждать, пока посланник ее достигнет чертогов Ветряного царства.

— Явись, Северный ветер! — требовал повелительный голос, и послушная ему магия ранила, влекла за собой изнутри.

По опыту зная, что сопротивление добавит страданий, верховный плюхнулся прямо на землю и вытянул перед собой распухшую кисть. Дышать он старался как можно глубже, но судороги, порождаемые браслетом, то и дело сбивали с ритма. Наконец сила их так возросла, что тело наперекор воле изогнулось в агонии, а суставы на пальцах захрустели. Последним, что заметил ветер в мире, окутанном обморочной мглой, стала чуть встревоженная любопытная морда коня, так и не привязанного на ночь. А после все померкло.

Дюжину или больше минут северный владыка тонул в зыбком сухом омуте, созерцая словно со стороны, как поток пепла обволакивает его застрявшую посреди пустоты душу. Затем тяжелая волна схлынула, и зрение понемногу начало возвращаться.

Барельеф, лоскуток цветастого полотнища, прикрывающий трещины в старинной кладке, капли воска на полу... Чтобы скорее разогнать пыль перед глазами, Хёльмвинд попытался надавить пальцами на воспаленные веки и обнаружил, что не может. Тело, разлученное с духом, не отзывалось на приказы. Отныне волшебный ободок чертополоха властвовал над ним

безраздельно.

Словно подтверждая неутешительную истину, Вея Эрна, возникшая из всполохов и теней в глубине тронного зала, сверкнула янтарным ожерельем и поприветствовала чопорно:

— Здравствуй, Северный ветер!

Сей же час многочисленные светильники засияли ярче, и взору верховного открылось убранство главной ветряной светлицы, за недели его отсутствия сделавшееся еще пышнее. С потолка занавесами свешивались аршины присборенной ткани, обрамляя настенные фрески. Там, где их не было, красовались знамена и гирлянды лилового сухоцвета. Ни паутины, ни хлама — при взгляде на обиталище праветров на гостя снизошло неподдельное благоговение.

— Я похозяйничала здесь немного, — усмехнулась довольно ветряная владычица. Выражения лица своего посланника разглядеть она не могла, зато настроение благодаря тесной магической связи улавливала с завидным успехом. — Стало намного наряднее, правда? Почти как в былые дни, когда зал наполняли дивная музыка и веселые голоса...

— Тебе виднее, я их не застал, — откликнулся верховный отстраненно.

И хотя излишняя сердечность не была присуща его натуре, что-то в холодном голосе заставило Розу Ветров оторваться от спинки трона.

— Но станешь свидетелем рождения нового Ветряного царства — краше, могущественнее предыдущего! — Она повела гладко причесанной, покрытой плетеной узорной сеточкой головой, и на прямом проборе заиграли огненные блики. — Ради этого оба мы покорно сносим лишения и тяготы.

Сам с собою условившись впредь не прятаться от пронзительного крапчатого взгляда, Хельмвинд кивнул и подтвердил:

— Ты права. Ожидание возвращения крылатых сестер и братьев в Тьер-на-Вьёр скрашивает трудности дальней дороги, а мысль, что они восстановят наконец утерянное равновесие и привнесут гармонию в мир, который порушили, греет сердце...

— Ну-ну, — высокий лоб владычицы прорезала одинокая морщинка, — я не была бы столь категорична. В конце концов, терновая принцесса виновата в бедствиях своего народа куда больше вынужденных покинуть родные края ветров. Вспомни сказания древности!

— Мне никогда их не забыть, — заверил северный владыка с затаенной печалью, от которой на душе у Вей Эрны стало непокойно вдвойне.

Дабы развеять неприятные подозрения, она поднялась, обдула чертог прохладным сквозняком и по-светски, насколько позволяло гложущее ее нетерпение, осведомилась:

— Как продвигается поход? Все ли в порядке с твоими спутниками?

Толстая коса, скрученная в жгут и часто перевязанная золотой тесьмой, извивалась за ее спиной, словно живая. Наблюдая за гипнотическими движениями, Хельмвинд раздумывал, как ему поступить. Открыть правду о ветряных горловинах и прояснившемся прошлом Исгерд, не размениваясь на осторожные намеки, или же попытаться определить, что на уме у его скрытной повелительницы? Второе предпочтительнее, но требует времени. А его у истощаемых чарами собеседников почти не осталось.

Значит, придется рискнуть, подбодрил себя верховный и, отбросив колебания, отважно шагнул в неизвестность.

— С Изольдой и Мак Тиром все хорошо. Мы отыскали два оставшихся наконечника ветряных труб, сейчас они в моей суме — на пути домой.

— Чудесные новости! — Вея Эрна взмахнула безразмерными рукавами, на аршин приподнявшись над полом. — Впервые за годы скорби я беззаветно счастлива!

— Радостно слышать... Но это еще не все известия...

Полные губы ветряной владычицы приоткрылись в легком недоумении, тонкие подошвы матерчатых туфель вновь коснулись напольного камня.

— Благодаря воспоминаниям погибшей терновой принцессы, всплывшим в памяти Изольды, мы сумели восстановить большую часть событий минувшего. И ветрам в них отведена не самая выдающаяся роль...

— О... — На прекрасном лице отразилась смесь растерянности и разочарования. — Так защитное колдовство моего амулета не сработало?

Неприятно удивленный ходом ее мыслей, северный владыка всмотрелся в ее напряженную фигуру.

— Оно подействовало... Настолько разрушительно, что пришлось отказаться от оберега.

— Почему же ты раньше не сообщил?

— Вея Эрна... — Хлесткая его речь смягчилась, сделалась тише и одновременно доверительнее. — Ни к чему обсуждать медальон, когда на кону разоблачение самой важной ветряной тайны — той, к которой так или иначе имеет отношение всякий наш родич... Расскажи, как было на самом деле, — без лжи и недомолвок. Я имею право узнать все из первых уст.

— У тебя нет иных нрав, — одернула его Роза, гневно накупившись, —

кроме беспрекословного подчинения своей повелительнице. Но им ты пренебрег!

Забывая, что физически не способен двигаться, ветер покачал головой.

— Я явился не за тем, чтобы осуждать. Обойдемся же без высокопарных упреков. Просто поведай мне правду. Взамен, обещаю, ты получишь горловины ветряных труб, как и завещала терновая принцесса.

Отчаявшись скрыть эмоции, Вея Эрна опять изменилась в лице.

— Я не ослышалась — ты сказал «терновая принцесса»? — Шлейф ее богатого наряда затрепетал. — Когда она успела присвоить этот титул и с каких пор отдает приказы моим подопечным?

Но прежде чем какие-либо пояснения слетели с языка Хельмвинда, в глазах хозяйки ветряного чертога заметались воинственные искры:

— Чуяло мое сердце, рано или поздно тьер-на-вьёр пустит в ход свое коварство, так и случилось. Наверняка девчонка с ней в сговоре, алчет получить личную долю выгоды. Нельзя было полагаться на ее верность... Но ты, Северный ветер, как дерзнул меня подвести? — Впрочем, — черты ее озарились решимостью, — храни и дальше собственные секреты. Отныне я не стану уповать на твою честность...

Вслепую нащупав в сумрачном пространстве невидимого посланника, Роза двинулась к нему, прикрыла глаза, погружаясь в легкое оцепенение. При этом драгоценное ожерелье на ее груди налилось янтарным светом, запульсировало, а ссохшиеся цветочные головки в твердой смоле начали раскрываться.

Околдованный зрелищем Хельмвинд попытался отвернуться и тут же почувствовал пронзительную боль. Виски сдавило, плоть обожгло, будто сквозь нее силились проникнуть бесцеремонные колючие щупальца. О том, чтобы противиться, не было и речи: ветер оказался связанным чертополоховой магией по рукам и ногам.

— Что ты творишь? — сумел выдавить он прежде, чем был окончательно обездвижен новой вспышкой чар.

Вея Эрна покачнулась от натуги.

— Тихо! — Чтение чужой памяти никогда не давалось ей легко, особенно теперь, когда мощи едва хватало, чтобы сдерживать противника. — Я лишь хочу разузнать, как ты переметнулся на сторону терновой поганки и глубоко ли она запустила шипы. Прекрати дергаться!

От присутствия чего-то инородного в голове Хельмвинда охватило чувство, будто он теряет рассудок. Шепотки в ушах двоились, пререкались друг с другом, образы пережитого схлестнулись в пестрящий комок, в котором не различить цветов.

Но самым невыносимым было господство чужой воли, диктующей, о чем думать. Под ее гнетом верховный заново проживал обрывки разговоров с Мак Тиром и тьер-на-вьёр, ночь, проведенную в тьер-леранской темнице, последние наставления Изольды перед отбытием...

— Хватит! — вырвалось из глубины скованного бесформенными путами сознания, когда сносить их стало не в мочь.

Будто от размашистой пощечины, Роза Ветров отшатнулась, заслонила дрожащей ладонью.

— Да как ты смеешь упираться? Забыл, кто нынче решает твою судьбу?

От сердитых перекатов ее голоса огненные кисти на свечных фитилях затрепетали, а стяги, ниспадающие из-под потолка, испуганно захлопали по камню. Но снова забраться в чужой разум ветряная повелительница не осилила — из-за сопротивления Хельмвинда, что опустошало ее. И ладно, она успела разведать все важное, пора заканчивать с болтовней.

— Подумать только, я собиралась сделать тебя самым приближенным своим советником, — картинно посетовала Роза, пережидая, пока к ней вернется хотя бы часть растроченной энергии, — даровать в награду за службу почти безграничную власть! Вообрази суеверный страх каждого существа в Тьер-на-Вьёр, лобзающего землю у твоих ног, Северный ветер, представь армию, которую мы сумели бы создать, дабы сломить гордость местных упрямцев и прочих иноземных князьков! Нам уготовано было ослепительное величие, но амбиций твоих хватило лишь на то, чтобы канючить о возвращении в Железный дом да ублажать бездарную терновую колдунью. Даже сюда ты заявился, тщась вырвать мое раскаяние и пощаду, — простодушный глупец!

Она хохотнула, чувствуя, как тело медленно избавляется от слабости, готовится к заклинанию, запасенному для отступника-ветра на крайний случай. Только бы ее способностей хватило, чтобы его удержать.

— Жаль расстраивать твои планы, верховный, но я не собираюсь мириться ни с новой жрицей терновника, ни с кем-либо другим. История моих завоеваний началась давным-давно — над колыбелью миров, угасших задолго до твоего рождения. И новоиспеченной терновой принцессе не суждено положить ей конец. Ведь девчонка, по сути, досадное препятствие, отсрочка, к которой я приспособилась за тысячелетия... Но символично, что с ней расквитаешься именно ты.

Янтарные точки в серых глазах вспыхнули и завертелись, ввергая и без того одурманенного Северного ветра в полный хаос. Короткая передышка от колдовских пыток завершилась.

— Воспрянь же, мой верный помощник! — сразила последним властным наказом Вея Эрна. — Яви истинную преданность своей повелительнице. Я возвращаю тебе то, что так долго обещала, — крылья!

И, выплескивая из недр своего естества остатки древней магии, она согнулась пополам, обрушила поток потрескивающей силы на Хельмвинда.

Удар был оглушающим. От него ветряную башню слегка качнуло, а самого верховного повлекло сквозь пространство, швырнуло в безжизненную телесную оболочку, разрывая жилы, превращая одежду в лохмотья. В два счета вырвавшийся на свободу чертополох спеленал своего пленника, распластал по мокрой земле и, не дав опомниться, принялся всасывать в тесный кокон. Под его грубеющей корой кожа обнажалась, сходила с костей ошметками, а те в свою очередь крошились и заново выстраивали гибкий каркас диковинного хребта.

Разбитый, раздробленный на осколки Хельмвинд осязал, как ввинчивается в плоть каждый хрящик — остро, варварски, — но не мог закричать. Исчезла сама способность произносить слова, звать на помощь. Вместо этого из груди, искромсанной чарами, исторгся отчаянный, нечеловеческий стон. В его надрыве чудилось нечто звериное.

Но терзать жертву до бесконечности колдовство было не властно. И кипящее озеро лавы внутри ветра понемногу начало остывать. А следом вернулись мысли.

«Что со мной? Я умер, окончательно утратил связь с поднебесным миром? Почему же тогда жжет от макушки до кончиков пальцев? Нет, по всей видимости, случилось нечто более страшное!»

Стараясь не потревожить тлеющие в теле очаги магии, верховный пошевелился, приник к трещине в чертополоховом панцире, но разглядел одни тени, окропленные нежной сизостью. Похоже, на востоке занималась молодая заря. Сколько же времени он провел в заточении? Одеревеневшие плечи шевельнулись, язык осторожно ощупал небо. Что-то не так...

Поднатужившись, Хельмвинд уперся спиной в шершавый стебель, толкая, проламывая его, словно птенец — оболочку гигантского яйца. Странно, но поверхность почти мгновенно пошла мириадами трещин, захрустела.

«Будто прутик переломить», — подумалось Северному ветру, вытягивающему длинную шею выше ветвей калины.

Но ключ к успеху был не только в утихших чарах — перед зубчатым спинным гребнем мало что могло устоять. Острый его частокол начинался сразу за костяными рогами на голове северного владыки и тянулся до самого драконьего хвоста.

«Какого еще хвоста?!» — Дыхание у ветра перехватило, зрачки, и без того тонкие, от потрясения сузились сильнее. Вот что произошло: Роза Ветров превратила его в чудовище!

Пасть с рядами острых клыков разинулась в негодующем вопле, булавоподобная хвостовая пика прошелестела по траве, выкашивая ее под корень.

— Ра-ар!

«Невозможно! Немыслимо!» — Верховный заметался в припадке временного помешательства, хлопая исполинскими крыльями, раздувая ноздри, словно боевой конь. Содрать чешую, вытряхнуть себя из змеиной шкуры, покуда он способен соображать.

Но серебристые пластины на лапах и животе не поддавались, как бы ни царапали их изогнутые когти. А от чудовищных кувырков только трещали заросли калины да подрагивала земля.

«Она ведь вернется, — обдала холодом драконье сердце внезапная догадка. — Соберется с духом и затянет петлю... Колдунья, о которой предупреждали Эйалэ, Ирифи и тьер-на-вьёр, — освобожденная мной Вея Эрна...»

От неизбежности грядущего широкая Хельмова грудь надрывно вздулась и опала, в уме возник образ той, что вскоре вынуждена будет отвечать за его поражение, — Изольда Мак Тир... Ее смерти желает ветряная владычица в первую очередь. И ради победы пожертвует всеми ветрами.

Нельзя позволить Вее Эрне выпить из костяных горловин! Нужно отнести их как можно дальше — в Тьер-Леран, под защиту терновой колодуньи, пока Роза не очнулась от своего волшебства.

Порешив так, льдисто-голубой дракон встряхнулся, подхватил дорожный мешок, надвое перекусив пень, некстати попавший на зуб, и взмыл в небеса, сминая лес, как поле молодых колосков.

«Выше — туда, где бьет наотмашь разреженный воздух, чтобы успеть защититить не ведающую об опасностях принцессу...»

И хоть в зверином облике Хельмвинд был не столь молниеносен, как в ветряном, сильные перепончатые крылья взбивали облака как сливки. А следом по полям и долам стлалась хищная ломаная тень. Завидев ее, тьер-на-вьёрцы разбегались от ужаса. Женщины хватали детей и прятались под крыши домов и амбаров.

— Дракон! Дракон! — разносилось кругом во славу Северного ветра.

Что и говорить, ему стоило бы предвидеть враждебную встречу, но в тот миг верховного беспокоило исключительно благополучие Изольды да

единокровных штормов с ураганами. О том же, как явится во дворец и объяснится с тьер-леранской армией, он беспечно не подумал.

* * *

Закусывая губу, чтобы не застонать, Роза Ветров приоткрыла один глаз, осторожно поерзала на узких ступенях тронного пьедестала. Судя по затекшим в неудобной позе членам, она пролежала без чувств около часа, упираясь расцарапанным лбом в острый каменный угол. Костяшки от падения были сбиты, локти пощипывало, а левая туфля валялась в паре вершков поодаль.

«Хорошо хоть, я твердо стояла на земле, когда потеряла сознание, — вздохнула с облегчением Вея Эрна. — Не то синяками бы не отделалась... Скорей бы восполнить запас колдовской силы и прекратить опасаться, что следующий всплеск магии закончится вековым беспробудным сном».

Вползая на трон, как ящерица, впиваясь ватными пальцами в подлокотники, ветряная владычица морщилась от боли. Сто лет она не испытывала недомогания после приступа колдовства. И ладно бы причиной стали полчища сраженных одним махом драконов, так нет же: одно маленькое преобразование — и колени дрожат, а мысли туманятся. Невесомой, прозрачной, как стекло, энергии Хельмвинда явно не доставало, чтобы ворожить в полную силу!

Воспоминание о дерзком строптивце вызвало у ветряной владычицы прилив раздражения. Отчего небеса не даровали ей более покладистого помощника — безотказного, не задающего лишних вопросов? Или среди верховных кротость подобна чуду? Взять хотя бы Ирифи, спутавшего своей повелительнице все карты в самый неподходящий момент. Если бы не его побег из Тьер-на-Вьёр с горсткой сородичей, глядишь, Вее Эрне хватило бы мочи сразить Исгерд. Но Кошачий Хвост оказался сердобольнее, чем она предполагала, и при виде гибели сестер своих и братьев пошел на попятную.

Велика потеря — пара сотен смертей... Сколько уже пали во имя процветания Розы! И ведь Южный верховный прекрасно об этом знал, но был так покорен идеей царствования ветров, что отрекся от гласа совести. Ох, не следовало открываться коротышке так легкомысленно, но Вее Эрне требовался надежный сообщник. К тому же вытряхивать душу из терновой принцессы в ее планы не входило — в положении ветряной владычицы жилось вполне вольготно. Все, что она хотела, — приумножить власть,

заручившись поддержкой самого влиятельного своего верховного.

Но вышло иначе... Тупице тьер-на-вьёрскому принцу боги отказали в прозорливости. В итоге он сподобился на единственное бестолковое нападение, в котором и был повержен. Ей же приходится расхлебывать последствия бездумных маневров до сих пор.

— Ничего, — проворковала она, залечивая ссадину на смуглом лбу. — Не за горами избавление от соперницы. Исгерд слаба, если верить обрывкам воспоминаний Хельмвинда. Стоит испить из наконечников ветряных рогов, и я превзойду ее по силе. Надобно только изловить непослушного Северного ветра, у которого сейчас те находятся...

Но как? Перебирая в уме все возможные варианты, Роза Ветров сцепила в замок подвижные кисти. Давеча она лицезрела непокорность верховного владыки, обращенного в крылатого змея чертополоховыми чарами. И яростный рев, с которым он выворотил лесную опушку, отнюдь не вселял веры в легкое укрощение.

Чего греха таить, легкомысленно было колдовать в столь уязвимом, истощенном состоянии. Неудивительно, что ветряная владычица потеряла власть над своим слугой. Радовало одно: связь с ним не оборвалась. Колючие ветви по-прежнему прочно окольцовывали не руку, но звериную лапу. Благодаря их хватке можно выследить беглеца, подчинить, а затем использовать в борьбе против тьер-на-вьёр. Наверняка в присутствии виновницы чар неистовое драконье буйство поутихнет. Вопрос только в том, чтобы нагнать Северного ветра.

Прислушиваясь к возобновляющемуся току ветряной силы в крови, Вея Эрна коснулась босой ступней холодного пола. Пожалуй, подняться в воздух и пролететь сотню-другую верст она вполне способна. Главное — перехватить бывшего посланника до того, как крылья принесут его к границам Тьер-Лерана. Не то заветные ветряные реликвии окажутся в лапах терновой ведьмы! Чем же чертовка сманила ветра? Что исхитрилась посулить?

Образы прошлого в мятежной Хельмовой голове ясности не внесли, лишь доказали: верховный предан колдунье беззаветно.

— Раз так, тебе не будет пощады! — процедила Роза, жадно впитывая живительное тепло сквозь выпуклости янтаря. — Я, как обычно, получу желаемое, прибавив к могуществу ветров голику терновой магии, — с верховным или без!

ГЛАВА 22

ДВЕ КОЛДУНЬИ

Горело яро, без удержу, и сколько бы ни заливали огонь поднятые по ночной тревоге чумазы, как трубочисты, солдаты, ненасытное его гудение не утихало. Уже изошло обугленными дырами прочное сукно ближних лагерных палаток, занялись повозки с провиантом. Кони, одуревшие от дыма и жара, метались в походных стойлах, пытаясь высвободить стреноженные ноги, бешено лягаясь задними копытами.

— Воды к королевскому шатру, живее! — надсаженно захрипел кто-то из едкого тумана. А следом с высоты опрокинулась волна горячего воздуха, прибитого к земной тверди ударом мощных змеиных крыльев.

— Зарядить стреломет!

— Нет! — взвыла Исгерд, размазывая копоть по бледному лицу. — Я запрещаю использовать какое бы то ни было оружие!

Но главный ее воевода, призывающий к порядку объятых паникой гвардейцев, и ухом не повел.

— Вывести принцессу из пожара, занять оборону по правому флангу, подачу воды из реки не прекращать!

— Вы же убьете его, слышите, тьер-на-вьёрского принца! — Оскальзывающуюся в грязи Исгерд скрутил сухой кашель, и какой-то заботливый копыеносец удержал ее за плечо.

— Пойдемте, ваше высочество...

Как ни странно, вместо оружия в руках его вился флаг Тьер-Лерана с именным королевским гербом. Вот только под слоем сажи венец, оплетенный цветущей сливовой лозой, нельзя было рассмотреть.

— Я не оставлю Этельстана! — Исгерд оттолкнула ладонь в боевой перчатке. — Ему нужна моя помощь.

Словно в насмешку над таким утверждением, трубящий на всю округу дракон спикировал к уцелевшим палаткам и низверг на их тряпичные крыши новую порцию пламени.

— Врассыпную! — заорал воевода запоздало, бросаясь на помощь солдатам.

От запаха горелого человеческого мяса желудок терновой принцессы болезненно сжался. С каждой секундой она чувствовала, как теряет контроль над собственным телом, невольно уступая его рассерженной,

призванной защищать людей магии.

— Брат, перестань... Покуда можно остановиться, исправить содеянное...

Но зудящие кисти уже тянуло в сладком неистовстве, а голова, необъяснимо легкая, отказывалась соображать.

Удар, еще один — это шишковатый змеиный хвост крушит остатки небольшой армии, сеет смерть среди ни в чем не повинных солдат. В росчерках его ни капли жалости, так пусть убийца поплатится за жестокий кровавый разбой!

— Этельстан! — Голос, неожиданно громкий, заполнил сухое русло Дахана-Пламен, будто заново возвратившаяся бурлящая река. — Взгляни на меня немедленно!

Покрытая колючими наростами змеиная морда тотчас повернулась в сторону Исгерд, безошибочно выследила ее в дымных клубах.

— Верно, я здесь. Жду тебя целую вечность!

Шипение, раздавшееся в ответ, пригвоздило тьер-леранских лучников к местам, заставило в страхе прикрыться щитами. Но бояться было нечего. Истыканные шипами ветви разворачивались над ними, даруя укрытие, восставая против кошмарного огнедышащего зверя. И первый же их выпад разодрал кожистое крыло.

Дракон зарычал, забился, теряя высоту, но не охотничий запал. В безумных его очах чернело бездной единственное желание, а когти упрямо метили в жертву.

«Улетай!» — взмолилась мысленно терновая принцесса, бессильная противиться колдовскому зову. Как водоворот песчинку, он закружил, направил ее, лишая воли и выбора. И следующее терновое острие навывлет поразило цель. За ним обагрилось змеиной кровью второе, третье, и наконец смертельно изжаленный Этельстан камнем рухнул с небес.

— Не-е-ет! — прорвался сквозь скрежет истошный вопль.

А затем что-то тяжелое обрушилось на подпрыгнувшую на постели Изольду, накрыв ее с головой. Лишь спустя три долгих удара сердца она поняла: это балдахин, а не хищная драконья лапа. Похоже, растревоженная беспокойным сном сила приняла пригрезившуюся принцессе угрозу за настоящую и, обороняясь, сдернула ткань над кроватью.

Говорила же она Таальвену, что небезопасно ей спать без ветряного оберега.

— Но с ним ты вообще не сможешь уснуть, — напирал приморский королевич несколько часов тому назад, стараясь не смотреть слишком выразительно на темные круги под глазами колдуньи. В том, что состояние

ее с каждым днем ухудшается, он не ошибался.

— Зато амулет бережет от терновой ведьмы...

Напряженные его пальцы украдкой сжались в кулак.

— От нее я и сам сумею тебя оградить... Отдай мне янтарный медальон хотя бы на одну ночь, прошу...

В конце концов пришлось согласиться и временно сменить опочивальню, чтобы Лютинг мог расположиться в смежной комнате. Королевская спальня занимала всю башню и находилась чересчур далеко от других помещений. И немудрено: ночевать под боком у неуравновешенных терновых принцесс возжелал бы только самоубийца. Или горемыка, которого угораздило на таковой жениться. Но о мужьях прародительниц Исгерд древние легенды отчего-то умалчивали. То ли срок их жизней был чересчур краток, то ли короли не представляли важности для летописей, поскольку терновый дар в королевских семьях передавался не от матери к дочери, а просто обнаруживался у очередной новорожденной после смерти жрицы терновника.

Выбираясь из вороха парчовых складок, Изольда скатилась на пол и почувствовала: она не одна. Душелов легок на помине.

— Тааль?

Болотные глаза в темноте светились лучинками. Он подал ей руку, помогая встать, одновременно разглядывая неподвижную вязь на ее предплечьях и шее. Сливовая лоза мирно дремала.

— Плохой сон?

— Кошмарный! Боги, как видно, решили навсегда лишить меня возможности дышать — с подарком Вей Эрны или без.

«Но нынче ты выглядишь куда свежее, несмотря на неприятное пробуждение, — отметил Лютинг, скользя взглядом по зарумянившимся девичьим щекам. — Так что выбор, носить ли ветряную побрякушку, очевиден».

— Сплошная маета с этими чарами... — Колдунья, не ведавшая о его умозаключениях, свесилась через спинку изножья и потянула испорченную ткань полога. — Творят что хотят, стоит упустить из виду... Полюбуйся, что стало с моей периной.

Изловчившись, она трянула вспоротым покрывалом, и в воздух взвилось целое облако белых лебяжьих перышек.

— Не покои, а какой-то курятник!

— Утром повелишь здесь прибраться, — фыркнул приморский королевич, уклоняясь от щекочущего ноздри пуха. — А до той поры займешь мою комнату.

В потемках Изольда смяла кружевные рюши на рукавах ночной сорочки. При мысли о том, чтобы ночевать наедине с Таальвеном Валишером, ее охватывало противоречивое странное беспокойство. Казалось, такая близость сулит кошмары, пострашнее нынешних... с другой стороны, нестерпимо хотелось ощутить присутствие волка — столь родное и привычное, дарующее покой. Как же поступить?

— Хватит холодить ноги на каменном полу, — разрешил загадку Лютинг, подталкивая притихшую жену к неприметной дверце в соседнюю комнату. — До рассвета пара часов, нужно успеть выспаться.

— Тебя послушать, так это последняя наша возможность. — Принцесса наконец обрела дар речи.

Таальвен переступил порог, молча впуская ее в свою опочивальню. Опровергать шутовское восклицание он не спешил. Но чтобы не нагнетать обстановку, произнес уклончиво:

— До тех пор пока властвуют сумерки, тревожиться не о чем...

— А потом? — резонно уточнила Изольда, приблизившись к гряде взбитых с вечера подушек и не обнаружив никаких следов пребывания на них приморского королевича. Покрывало на ложе было аккуратно заправлено. Выходит, ночь напролет ее стражник не смыкал глаз?

— Потом... — Он посмотрел на первые багровые угольки на горизонте, словно в их тлении крылось что-то кроме предвестников солнца. И выдохнул, занавешивая шторами узкие окна: — Тоже не о чем беспокоиться... я встану на твою защиту, что бы ни случилось.

Судя по тону, признание не предвещало ничего хорошего, и колдунья, от холода поджавшая ступню, встрепенулась.

— Но, Тааль...

— Спи, — прозвучало наперекор ее страхам и домыслам. — Ты устала, следует набраться сил...

Перечить низкому, отдающему звериным рыком голосу было сложно да и незачем. И принцесса, прозрев в гортанном звучании отголоски собственных желаний, нырнула в постель.

— Хорошо...

Правда, кое-какие вопросы еще занимали ее голову.

— А где ляжешь ты, если я отберу твое место?

Удобнее устраиваясь на диванных подушках, Лютинг зевнул:

— Я уже выспался...

— Правда? От этих простыней пахнет золой и благовониями, а вовсе не так, как если бы на них лежали. Значит, к кровати ты не прикасался...

— Нет. — Приморский королевич не стал отпираться. — Но

любопытно, чем же должно благоухать мое ложе?

— Скальной розой, вербеной, другими ночными травами... — сонный голос Изольды упал до шепота, — горькими по большей части... в их лесных ароматах так уютно, но увы — здесь только зола...

Острые ее колени прижались к груди, нос уткнулся в подушку, и через мгновение терновая принцесса задышала ровно и тихо, позабыв обо всех на свете тревогах.

— Спи, — кивнул Таальвен Валишер. Откровения Изольды, сказанные в полудреме, грели ему душу. Отныне каждое словечко ценилось им дороже любого сокровища.

* * *

Колдунья очнулась, словно выбралась на берег из темной густой глубины, и первое, что заметил ее взгляд, — алое сияние на украшенных гобеленами стенах.

«Восход», — подумалось в полудреме. Затем в поле зрения попали складка покрасневшей сорочки, рдяная дорожка света из окна и лицо спящего фейлана — до неестественного багровое. Девушку осенила жуткая догадка:

«Нет, это не солнечные лучи! Это зачарованный алмаз на шпиге Тернового дворца — предупреждает людей о гибельной опасности».

Потянувшись, чтобы изгнать из тела сонную слабость, она разметала подушки, подскочила к окну — сквозь запертое стекло было хорошо видно часть высокой ограды, окаймляющей парк. Деревья и стриженные кусты в нем вдруг приобрели угрожающий рубиновый оттенок, столь насыщенный, что мнилось, будто по корням их и правда струится кровавый сок. Вазоны с цветами, извилистые дорожки, даже диабазовая каменная кладка — все утратило привычный мирный вид.

— Вставай, душелов! — рявкнула колдунья, распахивая шкаф с такой силой, что дверцы жалобно скрипнули. И пока Таальвен Валишер моргал, пытаясь понять, в чем дело, она сорвала с вешалок вещи и вывалила их на пол охапкой.

— Вот это сгодится! — Плотное суконное платье было с шорохом надето через голову, стянуто на талии грубой шнуровкой.

— Сгодится для чего? — Хоть приморский королевич и соображал со сна не слишком сметливо, определить, что перед ним тьер-на-вьёр, сумел в два счета.

— Для встречи с Розой Ветров, разумеется. — Ведьма заскакала на одной ноге. Голенище правого сапога никак ей не поддавалось. — Видишь драгоценный камень на Защитной башне? Лишь однажды на моем веку он делался багровым — перед тем как проклятые ветра похитили брата. Следовательно, ныне Тьер-Лерану грозит напасть ничуть не меньше.

Стараясь не поворачиваться к ней спиной, Лютинг шагнул к подоконнику, украдкой взглянул на выкрашенный в алое двор. Насчет кровавого алмаза терновая колдунья не лукавила. Да и сам он накануне чувял приближающуюся опасность.

«И благополучно предался грезам — хорош защитник!»

— Хватит стоять столбом! — заворчала тьер-на-вьёр, втиснувшись наконец в тесную обувь. — Поднимай стражу, пусть скорее трубят тревогу! Или за годы без жрицы терновника люди позабыли, для чего им на крыше кусок зачарованного хрусталя?

Приморскому королевичу, конечно, было любопытно, почему вдруг его возвели в ранг союзника, но не настолько, чтобы идти у колдуньи на поводу. Потому, внося ясность, он подступил ближе, тронул бесплотную фейланскую удавку, готовый одним махом выбить дух из ее тела и освободить его для законной хозяйки.

— Я не стану выполнять твои распоряжения, и Изольда не будет.

Но ведьма, разгадав безыскусный замысел, не кинулась бежать, а лишь юркнула за кучу тряпья, выставила беспомощно увитые терносливом ладони.

— погоди! С минуты на минуту на замок нападут. И из нас двоих отнюдь не принцесса ведаёт, что делать в таких случаях. Дай мне, по меньшей мере, приготовиться к бою, а затем уж гони, коли без вздорной женушки жизнь не мила.

Смерив пылкое желание без промедлений расправиться с ней, Лютинг медленно переступил через разбросанную одежду. В увещеваниях колдуньи виделась логика: коль скоро им с терновой принцессой предстоит обороняться, неплохо бы подготовить имеющийся во дворце арсенал. С другой стороны, Изольда не желала враждовать с Веей Эрной...

— Решай быстрее! — поторопила черноглазая ведьма, воинственно стиснув кулаки. — Не то упустим момент.

— Будь по-твоему, говори, что делать.

Выдохнув обрадованно, тьер-на-вьёр расслабила одеревеневшую спину. Теперь бы успеть добраться до ветряной мерзавки прежде, чем оклемается северинская принцесса. В том не будет зла ни ей, ни ее настороженному спутнику, так что ершиться душелову нечего.

— В казематы! — Подобрал юбки, чтобы не мешали движениям, колдунья повела взлохмаченной головой и выпрыгнула в коридор. — Нужно привести королевскую гвардию в боевую готовность, выставить стрелков вдоль крепостной стены...

— Собираешься палить по ветряной владычице? — сбегая за ней по ступеням, осведомился Таальвен.

— А ты настаиваешь на переговорах? Как наивная наша принцесса, витающая в обманчивых надеждах... Тогда сразу вручи ее Розе, словно ягненка голодному удаву, — гадина возблагодарит тебя за подношение!

— Обойдусь без ее благодарности, равно как без твоей. Собирай своих воинов и помни: едва все будет готово к защите, ты отправишься восвояси!

Преодолевая страстную тягу прибить наглеца, тьер-на-вьёр скривилась и быстрее застучала каблуками.

«А как же, Лютинг Мак Тир, а как же...»

* * *

Двигать крыльями вверх-вниз оказалось не так легко. Отвердевшие плечевые мышцы через несколько часов занули, задние лапы, которые приходилось без конца поджимать, чтобы мягче скользить в потоках воздуха, отяжелели. Быть драконом Хельмвинду определенно не нравилось.

Ко всему прочему, полотно ветряных мыслей начало помалу расползаться, как ветхое затрепанное шитье. Воспоминания разобшались верста за верстой, словно из них на ходу выдергивали нити. Лоскуты разговоров всплывали в голове ничего не значащими фразами, которые сложно привязать к каким бы то ни было событиям.

«Похоже, я взаправду становлюсь змеем, — стеклышком кольнуло в драконьей груди. — Сколько времени до полного превращения?»

Синий зрачок обращенного к северо-востоку глаза сузился в полоску, высматривая на горизонте долгожданные черепичные крыши. Каков же был восторг ветра, когда те действительно появились.

Внутри что-то тоненько натянулось, захотелось зарычать во всю глотку, чтобы терновая принцесса услышала призывный клич в своей башне. Но в клыках у верховного находилась чересчур драгоценная ноша, рисковать которой он не мог. Потому лишь выпустил из ноздрей струю ледяного воздуха и сильнее заработал натруженными конечностями.

«Осталась такая малость!»

Жаль, ликование его продлилось недолго — вспенив низкие дождевые облака, выбравшись на простор, выбеленный рассветом, Хельмвинд вдруг отчетливо почувствовал: за ним погоня. Пока что далекая, призрачная, но с каждой минутой разрастающаяся черными грозowymi тучами и знаменующая собой скорое окончание его путешествия.

Без сомнений, со стороны Ветряного царства следом за беглецом смерчем неслась Вея Эрна, и в полете она была во сто крат проворнее, молниеноснее обремененного неповоротливым телом ледяного зверя. Настигнет — оглянуться не успеешь. Буран и вьюгу на слабые драконьи перепонки!

Чтобы плавнее скользить в воздушных струях, Северный ветер вытянулся в струну, выровнял длинный шипастый хвост. Скорее! Раскатистая громовая дробь уже сотрясала хмарь позади, а сводчатый замок на холме не делался больше. Может, небесные подступы к нему заколдованы?

Разогнавшись до предела своих возможностей, верховный сложил крылья, вошел в плавное пике, в падении увеличивая скорость до невообразимой. В ушах засвистело, чешуйки на спине и боках зазвенели кольчугой. И вот подкова города, сплошь покрытого черепицей из черного гладкого сланца, показалась из зелени королевских фруктовых садов. С юга, запада и востока Тьер-Леран ограждал полукруг реки, север был защищен добротной дворцовой постройкой и Пустошью, нынче непроходимой благодаря тьер-на-вьёр.

Но крылатому змею нипочем были рвы и укрепленные городские стены. В пять рывков он одолел бесполезные валы, и с оглушающим хлопком снова лег на крыло прямо над пустой рыночной площадью.

Хвала праветрам, до цели оставались последние аршины. Улочки, ступени, флюгеры, ленные фонтаны с питьевой водой — некогда оценивать красоты выстроенной с ювелирным усердием столицы. Не глядя на крошечные домики внизу, северный владыка заспешил ко дворцу. Коньки и башни его напоминали другой чертог — холодный, куда более неприступный, но образ упрямо растекался по воспоминаниям, ускользал. На память приходило лишь, что Хельмвинд звал его железным — Железный северный дом...

Из последних сил удерживая разматывающийся клубок мыслей, пышущий холодом дракон покрыл остаток дороги.

Прошлое неважно, главное — помнить о хранимых им реликвиях!

Тотчас же костяной гребень, белоснежная морда и крылья, посеребренные завитками чеканных узоров, покраснели, будто с небосвода

плеснуло рябиновым соком. А сразу за тусклым багрянцем наперерез хлынул угрожающий бой обозленных боевых барабанов.

«Не к добру, — проняло верховного, и в последний миг он заложил крутой вираж, оставляя Терновый дворец в стороне. — Ничего, подберусь с другого конца».

К несчастью, у противоположных башен змеиную тень снова встретила барабанная дробь, а в довесок к ней с крепостной стены оцетинились пики, мечи и заряженные луки. Похоже, Хельмвинда в терновых чертогах ждали, хотя он надеялся на встречу поприветливей.

— Стрелометы на изготовку! — раздалось далеко внизу, и зоркие драконьи очи выхватили из красноты внушительное деревянное сооружение наподобие громадного арбалета — страшное оружие.

«Следует немедленно придумать, как приземлиться, не попав под стрелы».

Пока ветер размышлял, темень над Тьер-Лераном, пришедшая из-за западного рукава Дахана-Пламен, сгущалась. На ее лиловом полотне выписывающая зигзаги крылатая фигура выглядела бледным пятнышком — потерянным и беспомощным.

— Тина и кости! — рыкнул дракон сквозь зубы, теснясь к Пустоши. Но стоило ему потревожить небеса над колючими завитками, как сливовые щупальца с невероятной прытью потянулись наперерез чужаку. — Проклятье!

Сознавая, что выбора нет, Хельмвинд вычертил в небе петлю и двинулся обратно, стараясь не соваться под хлынувший ливень из стрел. Совсем мелкие не могли принести ему вреда, но вот баллиста, метившая железным клыком в незащищенное брюхо, устрасала.

«Нужно найти Изольду! — Когтистые лапы скребанули по сланцевому скату крыши. — Она поймет, что это я, и прикажет прекратить огонь».

Но выследить затерянную среди десятков других неприметную точку оказалось непростой задачей. Пришлось замереть на прицеле у распаленных солдат, позволить покрывать ударами извилистое драконье тело. Наконец узкая морда, увенчанная короной рогов, уткнулась в плоскость северной оборонительной башни, узкие зрачки разглядели на зубчатом выступе ту, кого так долго искали.

— Р-р-р! — зарокотало в груди.

И змей, словно бы вытесанный из тонких пластин льда, ухнул к круглой каменной площадке, выступающей из стены.

— Целься! — громынуло у него под лапами. — Пли!

Рассекающее алый воздух копье пронеслось в аршине от кожистой перепонки.

«Изольда, неужели ты не видишь, не чувствуешь, кто перед тобой?» — Северный владыка безрассудно нырнул к конусам крыш, повинуюсь желанию во что бы то ни стало добраться до принцессы, посмотреть ей в лицо. И спустя миг ему это удалось.

— Стреляйте! — что было мочи крикнула терновая колдунья, в упор уставившись на дракона, хрустально индивеющего в багровых лучах. — Пока гад уязвим, ну же!

Ржавый механизм баллисты заскрежетал, и новый снаряд, куда более точный, взрезал пространство.

Впившись пальцами в край каменной кладки, отдавшая приказ девушка с жаром подалась вперед, затаила дыхание. На перекошенном чуждой Изольде злобой лице отпечаталось кровожадное удовлетворение.

«Что ее забавляет?» — Хельмвинд вздрогнул, запоздало уворачиваясь от острия. А затем левое крыло окутало липкой горячей болью.

Терновая колдунья призывно замахала руками.

— Еще!

Лишь теперь Северный ветер заметил: глаза у нее черные, а ладони, в запале выставленные напоказ, оплетены колючими ветками по самые запястья.

«Это же тьер-на-вьёр!»

Вывод был верным, хотя и несвоевременным, и вторая пика, пущенная секунду спустя, задела чешуйчатый бок. Провалившись в воздушную яму на несколько аршинов, ветер зашипел сквозь стиснутые челюсти и заметался меж островерхих дворцовых крыш, спасаясь от обрушенной на него канонады.

Раненое крыло сочилось густой голубой кровью, не давая маневрировать, игольчатые навершия башен сердито щетинились.

И все же, хрипя и заваливаясь на один бок, льдисто-белый змей кое-как поднялся над рядами солдат и кинулся в гущу искрящих зарницами туч. Угодить в объятия Розы Ветров было последним его чаянием, но осаждающие со всех сторон штыки и чары не оставляли выбора.

«Все верно! — возликовало глухо из самого сердца колдовского ненастья. — Возвращайся ко мне, Северный ветер, ступай к своей повелительнице!»

В следующий миг стебелек на растопыренной змеиной лапе взьерошился, из тонкого браслета превращаясь в узел хватких ползучих лоз и стягивая окровавленные перепонки. И дракон, лишенный последней возможности удержаться на лету, рухнул в дворцовый ров, как скомканная тряпица.

— Гад убит, повержен! — Гвардейцы, сгрудившиеся на стенах, победно затрясли флагами. Отголосков жуткого ветряного эха они не слышали, а яростную борьбу верховного с чертополоховыми путами приняли за предсмертные судороги.

Но Изольда видела, как проникают сквозь рваную рану, оплетают гибкую шею цветочные лозы, пока змей, и в падении сопротивляясь колдовству, хлещет хвостом, зубами вгрызается в сухую кору. И выдернутая из бездумия грез этим ужасным зрелищем принцесса очнулась, вняла кличу своих солдат, от потрясения превращаясь в изваяние.

— Хельмвинд, — вымолвили посеревшие губы. — Мой бедный Северный ветер, что я наделала!

* * *

— Изольда, очнись, посмотри на меня! — Бледный Таальвен Валишер тряс колдунью и, глядя на ее запрокинутую белокурую голову, каменел от страха.

Что именно приключилось с принцессой, приморский королевич не ведал. Около получаса, пока белокрылый дракон крутился над Терновым дворцом, он пытался добраться до узкой каменной площадки, с которой тьер-на-вьёр командовала обороной. Но протиснуться через толчею по занятым арбалетчиками крутым ступеням оказалось невозможно.

Подобное положение дел вряд ли было случайностью. Иначе куда запропастилась терновая ведьма, воспользовавшись кутерьмой тревоги? С самого начала она планировала бросить приморца в тылу и улизнула, едва выдался шанс.

Благодаря способностям душелова Лютинг напал на след колдуньи, но на вершине северной башни, в окружении гвардейцев, она была недосягаема. Пришлось смириться и занять ближайшую позицию для наблюдения за змеиными атаками. Впрочем было непонятно, считать ли умопомрачительные виражи нападением. Ведь при желании когтистый зверь мог нанести сколько угодно урона, но не тронул ни единого своего обидчика.

Да только праздно размышлять приморскому королевичу было некогда. Окриком разгоняя бестолково сгрудившихся солдат, он прорвался на тесный каменный пяточок и с замиранием сердца глядел на Изольду, кляня себя за то, что позволил тьер-на-вьёр властвовать в ее измученном теле.

— Почему... — донесся сквозь гул голосов и лязганье доспехов созвучный внутренним укорам приморца шепот, — ты не разбудил меня?

— Тьер-Лерану грозила беда, тебе грозила...

— И, подзуживаемый тьер-на-вьёр, ты предположил: она лучше справится с врагами? О, Тааль... — Скорбь в ее стоне проступала так четко, что у Лютинга похолодело в животе. — Разве лоснящаяся льдом шкура, легкость полета мнимого нашего недруга не напомнили тебе о ком-то другом? Как же ты не углядел Хельмвинда за пеленой звериного облика?

Приморский принц пошатнулся, краска отлила у него от щек. Пленный колдовством Северный ветер! Головоломка перед мысленным взором обрела последние фрагменты! Но каким образом верховный утратил людское обличье и отчего стены Тернового дворца залило алым светом, если на уме у него не было лихих помыслов?

Вместо ответа неистовый черный буран дохнул из поднебесья, хлестнул наотмашь своды тысячелетнего чертога плетью проливного дождя — Вея Эрна. Буря — плод ее стараний, как и чешуя на теле северного владыки.

— Опусти, меня, Таальвен Валишер. — Изольда зашевелилась, пытаюсь подняться. — Я должна идти.

Куда? — В зеленых фэйланских очах по-прежнему полыхала неодолимая решимость уберечь, оградить ее.

— К Хельмвинду.

— Тебе не успеть — Роза Ветров уже близко! Взгляни на мрак, затянувший столицу.

— Я пойду коротким путем. — Колдунья уперлась руками в камень парапета, напрягая пальцы.

По спине, сквозь кости и плоть заструилась первозданная всемогущая сила. Под ее напором прямо из булыжника проклюнулись терновые побеги, поползли вниз, словно лента живых древесных ступеней. Секунда, и колючая крутая тропа готова была вести напрямик — минуя коридоры бесконечного замка, к берегам крепостного рва.

Не мешкая Изольда вспрыгнула на переплетение ветвей, закачалась, пытаюсь найти равновесие. И, не дожидаясь, пока лестница прорастет прочными перилами, очертя голову ринулась вперед. Таальвен Валишер поспешил следом, инстинктивно пригибаясь от перекатов грома.

— Подожди!

Ему было жаль Северного ветра, но тревога за Изольду не давала предаться иным заботам. Час признавать ошибки наступит после.

Сливовая дорожка вилась, прочнея прямо под подошвами сапог. Но

принцесса не думала замедлять шаг. Чары не позволят ей упасть. Следует только всецело на них положиться.

Однако, как бы Изольда ни старалась двигаться скорее, понадобилась дюжина минут, чтобы спуститься по скользкой тропе до места, куда, по предположению колдуньи, свалился Хельмвинд. И даже после того, как ступни ее окунулись в раскисшую грязь, поиски не увенчались успехом.

— Где же он, где? — Изольда смотрела по сторонам, жмурясь от штормовых порывов, швырявших в лицо пыль и крупные дождевые капли.

Оглядевшись, Лютинг кивнул на ложбину за косогором.

— Думаю, нам туда.

И почти сразу они услышали рыдания.

— Старый пропащий дурак — я навеки проклят! И тебя привел к гибели, мой повелитель!

— Ирифи! — Принцесса узнала всхлипывания.

До катавшегося по земле старца оказалось рукой подать. Но приблизиться сквозь густое ураганное крошево она не сумела. Наконец заплаканное лицо вихря обернулось на зов, выражение раскаяния на нем сменилось вновь вспыхнувшей надеждой.

— Терновая ведьма! — Воронка песка взвилась, наседая на колдунью. А затем что-то мягкое ткнулось в ее отяжелевшие от воды юбки. — Прошу, умоляю, спаси! У подножия северной ветряной цитадели, подле берегов Звездного моря, спрятано последнее драконье озеро. Переправь туда моего владыку, пусть окунется в зеркальные воды и благополучно вернется домой!

— Так он жив? Я должна взглянуть на него! — Выдернув подол платья у Ирифи, крепко обвившего ее лодыжки, Изольда устремилась к песчаной насыпи.

Но то, что узрела она за грядой наметенного вихрем бархана, уничтожило все радостные ожидания. Северный ветер — перепачканный, опутанный чертополоховым колдовством, — качался в грязи, пытаясь одновременно выбраться из злополучного рва на сушу и перекусить сухие цветочные стебли. Льдисто-хрустальный его панцирь покрывали бурые и сапфировые потеки, которые оставили струйки ветряной крови, хлещущей из порезов и ссадин. Больше всего ее виднелось на вспоротом змеином боку и левом разорванном крыле.

— О, Хельмвинд! — Колдунья потянулась к верховному.

И беспощадный в хладнокровном своем благоразумии Таальвен Валишер удержал ее, разрушив последние иллюзии.

— Мы опоздали!

На противоположном берегу, обнажив окольцованные янтарем кисти рук, стояла Роза Ветров — сумрачная, сосредоточенная. Будто воинские знамена, рукава полоскались в порывах бури, смола на браслетах и ожерелье пузырилась. С налитых кровью уст срывались строки ворожбы. От их беззвучного натиска воля северного владыки гнулась, как размягченная сталь под кузнечным молотом.

— Ко мне! — стонали порывы ветра. — Принеси то, что приказано!

— Вея Эрна, — ахнула Изольда, когда змей, невидяще поддев на клыки какой-то лоскуток ткани, с шипением пополз к своей мучительнице. — За что ты истязает его? Я же возвратила тебе ветряные горловины!

— Ложь! — Рассвирепевшая ветряная владычица ударила молнией по воде. — Ты сделала из них приманку, замыслив использовать моего собственного посланника, чтобы добиться от меня вынужденных обещаний!

— Но мне ничего не нужно.

— Неужто, тьер-на-вьёр? Не верю ни единому словечку с той поры, как ты обратила Северного ветра в своего лазутчика!

Не понимая, как давняя соперница Игерд пришла к такому несуразному выводу, принцесса поспешно съехала по насыпи, наивно полагая: если побеседовать с Розой Ветров с глазу на глаз, беды удастся избежать.

Хвала богам, неотрывно сопровождающий девушку Лютинг в этом сомневался, потому вновь задержал ее у самой кромки берега.

— Забудь о перемирии, Изольда, сегодня все завершится битвой.

— Нет причин проливать кровь. — Терновая колдунья истово мотнула головой, уговаривая и сурового своего защитника, и Вею Эрну. Увы, оба пропустили отчаянный всхлип мимо ушей.

Таальвен Валишер решительно обнажил клинок, ветряная владычица же выволокла упирающегося дракона из ямы, словно пса за поводок.

— Побольше уважения, ветер! — Волшебные побеги врезались в обездвиженное тело, душа остатки сопротивления. — Не то велю чертополоху изрешетить тебя, как сито для муки.

Распластанный по земле змей присмирел, из разжатых чарами челюстей вывалилась затрепанная сума и мигом оказалась у новой владелицы.

— Молодец! — Роза хлопнула по костяной ковке рогов, не без бахвальства тешась послушанием. — А теперь яви нам хваленый северный нрав — поднимайся с брюха и преврати мерзавку тьер-на-вьёр в ледышку!

— Нет. — Оглушенная Изольда попятилась, наперед предвидя исход своего противостояния с вынужденным повиноваться Хельмвиндом. Воспоминания Исгерд о кончине Этельстана были еще свежи в памяти. — Пощади его, Вея Эрна, я не уберегу ветра от шипов терновой магии!

— Давным-давно он позволил колючей скверне овладеть собственными помыслами и чувствами. Пускай же расплачивается за предательство!

— Ты ошибаешься, Хельм никогда не предавал тебя!

— Умолкни! — В бешенстве Роза блеснула зарницами, оскалилась, теряя благородную свою красоту. — Он усомнился в моих замыслах, предпочел им советы терновой ведьмы, а значит, изменил долгу! И от липкого налета твоего колдовства сможет отмыться единственным средством — кровью!

— Верховный отдал тебе свою ветряную сущность, — заведено повторяла терновая колдунья, будто в беспамятстве наблюдая, как поодаль разворачивает узорчатые крылья грозный змей. — Ты — его должница и не вправе наказывать вызволителя!

— Я могу делать все что заблагорассудится, — ослабилась Вея Эрна. — После потерь, что довелось пережить нам обеим, пора отринуть глупую веру в правосудие богов.

— Идем, — прекращая накаляющуюся перепалку, тихо проговорил Таальвен.

Пока от угроз Роза не перешла к более решительным действиям, лучше было найти укрытие. Тем более внимание чертополоховой колдуньи вдруг переключилось на мешок, отнятый у дракона.

Принцесса, ошеломленная хаосом событий, поплелась за приморским королевичем, спотыкаясь на рыхлом песке.

— Куда же вы? — пропела Вея Эрна, поочередно вынимая на свет костяные навершия ветряных труб. — Наша тяжба с тьер-на-вьёр не окончена. Впрочем, тебя, Лютинг Мак Тир, она не касается. Уберешься сейчас, и я не стану преследовать.

С мечом наперевес, Таальвен загородил собой терновую колдунью так, что осталась видна только оборка суконной юбки. И поза его, и взгляд выражали враждебный протест.

— Как и следовало ожидать. — С триумфом поднеся к лицу древние реликвии, ветряная повелительница довольно прищелкнула языком. — За такую самоотверженность не грех поднять первый костяной кубок.

И не успела Изольда сообразить, о чем идет речь, как смуглые пальцы сжали резной бок усеченной снизу горловины, а полные губы коснулись

гладкой костяной поверхности.

Блеснуло. Ураган, вплотную подобранный к крышам Тьер-Лерана, вспучился, плотоядно поглощая флигели Тернового дворца и срывая с окрестных крыш сланцевую черепицу.

— Второй тост в твою честь, маленькая принцесса, — провозгласила ветряная чародейка, испив из первой бездонной чаши до самого дна. — Пусть ты всего лишь случайное вместилище для мятежной сущности тьерна-вьёр, которому вот-вот суждено погибнуть, без твоей подмоги северному владыке вовек не найти моего погребального ложа. Спасибо за вклад в мое освобождение!

И ветряная владычица опрокинула содержимое кубка себе в горло.

— Ну а третий рог я подниму за ветров — всех, что уже отдали жизни ради моего процветания, и смельчаков, которым предстоит пойти на священные жертвы. Раз они считают меня своей властительницей, то поймут, как важно мне получить их силу.

Жадные ее уста припали к краю третьей горловины.

— Я пью и за тебя, Хельмвинд — владыка Железного дома. Смерть твоя не станет напрасной...

— Этому не бывать! — Объятый безумием Ирифи бросился на ветряную владычицу с душераздирающим воинственным кличем, обрушивая на ее голову столп песчаной пыли. — Тебе не убить более ни одного из крылатых моих братьев! Прочь!

Дальняя каемка рва вдруг потемнела, утонула в непроглядном мареве, послышались свист и завывание. Но одного ожесточения было недостаточно, чтобы поразить истинную владычицу всех мирских ветров. Мгновенно она оправилась от изумления, выколдовала буран и разметала атаку вихря, как горстку праха.

— Выходит, и ты здесь, поджатый Кошачий Хвост! Очень кстати! Поддержка союзника, даже одряхлевшего, сгодится на благое дело. Поди-ка сюда.

Откашлявшись, Вея Эрна незаметно повела рукой, и Ирифи натужно захрипел. Глаза, и без того выпученные, покраснели, полезли из орбит.

— Тебе не победить, ведьма...

— Прочно мое колдовство! — Потешаясь над попытками старичка сохранить достойный вид, Роза опрокинула его навзничь. — Но и ты крепок, верховный...

Словно искрой, терновую принцессу обожгло невероятной догадкой. Осмелев, она высунулась из-за плеча своего охранителя, за которым пряталась.

— Вот кто не позволял Ирифи говорить, заставлял корчиться в агонии от невозможности облегчить душу! Тесьма на его шее — не украшение, а чертополоховые чары!

Таальвена, оцетинившегося волком, подмывало обездвигить Изольду, спрятать понадежнее. Но грозовая темнота кругом отрезвляла: аршином дальше или ближе — от Розы не сбежать.

— Ты — причина его помешательства! — вырвалось у принцессы, позабывшей, что преимущество нынче не на ее стороне.

Склоняя набок царственную голову, ветряная владычица делано пригорюнилась.

— Тебе бы все порочить да упрекать! А я между тем предложила Южному верховному прибавить к славе его предков еще несколько подвигов, возвеличить их. На что Ирифи охотно согласился. Не так ли мой друг?

Тонкий ошейник сузился пуще прежнего, причиняя, по всей видимости, нестерпимые страдания. Но вопреки им вихрь продолжал барахтаться в воздухе, словно пойманный в петлю маленький смерч.

— Расскажи, как вождедел сделатья сильнее, влиятельнее. Поведай о клятве, которую без принуждения дал взамен за знание некоторых моих секретов!

— Нет, — зашелся стоном Ирифи. Косматая голова со стыдом спряталась в складках одежды.

— Права я была, замыкая на лицемерной твоей глотке кольцо чертополоха? — с прибывающим рвением терзала бедолагу Вея Эрна. — Если бы не оно, ты изменил бы обещаниям куда скорее, в час смуты оставил свою благодетельницу! Впрочем, на побег ты и так решился, жалкий трус!

— Мне одному отвечать за смерть собратьев. — Пыльный вихрь нашел в себе силы для выстраданного признания. — И тяжести былых грехов не искупить. Но об одном я не жалею, Роза: что бросил тебя в гущу той судьбоносной схватки! Жаль, боги не надоумили покинуть Ветряное царство раньше, вверить тебя справедливому суду разгневанной терновой принцессы...

— Закрой рот! — Ветряная чародейка почернела от ярости. — Не смей выгораживать жадную злодейку!

И придушив несчастного вихря до полуобморока, уронила его в мутный канал.

— Отныне тебе позволительно только славить меня и упрашивать о пощаде. Когда же я верну утраченное ценой дорогих тебе ветров, ты сполна

ощутишь, каково лишиться последних чайний на счастливое будущее, остаться одному в горькой пустой темноте! Ждать недолго, верховный, приступим, едва остывшая моя магия разгорится!

Поражаясь тому, что проглядела за чинным обликом и великомудрыми наставлениями настоящее чудовище, Изольда вдохнула глубоко, собрала остатки мужества. И дальше оставаться в стороне от мучений дорогих ей ветров она не могла. Не ровен час Ирифи захлебнется в глубоких водах крепостного рва или Хельмвинд, с натугой глотающий воздух, не выдержит чертополохового плена.

«Нужно как-то их выручать! — мелькнуло в неразберихе мыслей. — Утихомирить пыл озлобленной Розы».

И, проваливаясь по щиколотку в прибрежную грязь, принцесса взмолилась, взывая к благоразумию:

— Вея Эрна, что за радость тебе в кровопролитной расправе? Давай остановимся, забудем о размолвках. Если желаешь чего-то помимо дружбы моей и мира, забирай, я не стану препятствовать! Только отпусти Ирифи и Северного ветра...

— Все что угодно? — зыркнув алчно, спросила ветряная повелительница, вспоминая о принцессе, опрометчиво выпущенной из виду. — Любую приглянувшуюся мне вещь? Как насчет терновой магии?

Заслышав такое, тьер-на-вьёр, упрятанная Изольдой в небытие, щелкнула терновой плетью, чуть не задев уклонившуюся в последний миг соперницу.

— Ни за что! Я лучше откушу свой язык, нежели позволю тебе завладеть мощностью терна!

— Какая встреча! — Серые в крапинку очи полыхнули исподлобья. — Я уж думала, ты планируешь вечно прятаться за славным личиком человеческой принцессы.

— Если из нас двоих кто и скрывал истинные мотивы за лицемерными ужимками, это ты, Роза!

— Убить ее! — гаркнула ветряная повелительница, вновь подчиняя себя опамятовавшегося было Хельмвинда. Растерзать на ошметки!

По тому, как дернулись четырехпалые драконьи лапы, как взбороздил гребенчатый хвост противоположный берег, Лютинг заключил: противоборствовать с Розой Ветров северный ветер не властен. Колдовской чертополох врос ему под кожу, обозначился на перепонках вздувшимися стеблями. Лишь внимая их приказам, можно было избежать истязаний.

«Уговоры его не остановят». — Обнаженное острие качнулось в ладони Таальвена.

Из двух зол — стычки со змеем и нового пришествия терновой ведьмы, волей-неволей заступившейся за Изольду, — королевич выбрал первое. Пусть колдунья пока сдерживает другую колдунью. Он попробует отразить нападки одурманенного верховного.

— Ха-ах. — Дракон обдал его морозом, вразвалку перебираясь подальше от подернутого зыбью канала. Изувеченное крыло обвисло и шлепало по лужам, влачась рубищем. Для того чтобы подняться в небо, ему требовалось пространство.

— Опомнись, господин! — запищал Ирифи.

Как он, потерявший сознание, выполз из топкого месива, оставалось загадкой. По всей видимости, на плаву вихря удержала тревога за своего владыку, обреченного на гибель от лоз тьер-на-вьёр. Напуганный предчувствием скорой беды, до нитки мокрый, он взлетел за Северным ветром и, когда тот изготвился вогнать когти в намеченную Веей Эрной жертву, кинулся ему наперерез.

— Тебе нельзя ее атаковать! — Узловатые пальцы вцепились в костяной нарост на змеином хвосте, не позволяя развернуться, напасть на мечущую чары терновую колдунью. — Держись от ведьмы подальше, слышишь?

Но как бы Пыльный вихрь ни уговаривал, едва поспевая отскакивать от смертоносных клыков, Хельмвинд не способен был уразуметь его доводов. Он теперь не понимал, не видел ничего, кроме образов, что навязывала ветряная владычица. Оттого вертелся, сучил лапами, сиюсь сбросить со спины старика.

В это самое время лишь увлеченность соперницей мешала тьер-на-вьёр разделаться с заслоняющим свет зверем. На всякий случай отгородившись от душелова стеной из тернослива, она бросила все силы на борьбу с Розой Ветров. Как видно, чужая мощь, которую та пригубила, пришлась захватчице по вкусу. Нужно не дать ей войти в раж, иначе возможностей терновой ведьмы, растраченных на многочисленные воплощения, не хватит, чтобы нанести поражение.

Но магия Розы стремительно прибывала. А вместе с ней рокотала над дворцом ужасная буря. Молнии слепили, ежеминутно обращая песок под ногами двух чародеек в гладкое стекло, отчего берег стал похож на полированный пол танцевального зала.

— Ты лишила меня жизни! — Тьер-на-вьёр топнула, и по стеклу побежали мелкие трещины. — И понесешь справедливое наказание!

— Однако ты ничуть не умнее своей юной подруги Исгерд, наивно уповающей на справедливость.

В неистовстве колдунья запустила в противницу гигантским корнем, опрометчиво расходуя последние чары и забывая о Северном ветре. От обиды и гнева перед глазами у нее потемнело.

А дракон между тем стряхнул надоедливую Ирифи и, часто хлопая разодранным крылом, нацелился прямо на ведьму.

«Беззащитная, поглощенная пылом драки... Самое время разить!»

Но терновая магия всегда была наготове. Пыльный вихрь знал это как никто. Оправившись от падения и призвав остатки ветряной мощи, он прильнул к задней лапе дракона, удерживая его в десятке аршинов от желанной добычи.

Такого самоуправства ведомый чертополохом змей не стерпел: схватив старика в кулак, он подбросил его вверх и сомкнул страшные челюсти поперек обмякшего тела.

Ирифи! — Изольда шатнулась, как подкошенная, подавляя сущность терновой ведьмы и кидаясь к камням, на которые раздраженный помехой дракон выплюнул перекушенного вихря. — Только не это, держись!

Стена из шипастой лозы рухнула, освобождая дорогу, и принцесса присела подле израненного старика.

— Все, что тебе нужно, — прохрипел, захлебываясь кровью, он, — продержаться еще немного... Последний рог, что я вручил... был намеренно мною отравлен...

— Тише, не трать усилия. — Изольда посмотрела по сторонам, ища нож или острый булыжник, о который могла бы порезать ладонь, чтобы нацедить для умирающего своей целительной крови.

Но Ирифи удержал ее, смыкая слабеющие пальцы на тонкой руке.

— Не надо, мои раны чересчур глубоки — не вылечить ни наговорами, ни лекарским средством. Много веков назад, снедаемый гордыней, я завлек свой народ в страшную западню... Честолюбивый, высокомерный болван, помышлявший о величии! — Бечевка из сухого стебля у ключиц резанула по дряблой коже. — Теперь я понимаю, что должен был с самого начала отказать безымянной пришелице из дальних земель, проявить благомыслие. Увы, урок был усвоен дорогой ценой...

Сдерживаемый чарами, он попытался вдохнуть и засипел, задергался, натужно выплевывая слова:

— Несмотря на происки Розы, мне удалось спасти часть своих соплеменников. Пришлось прибегнуть к сторонней магии, чтобы они позабыли Тьер-на-Вьёр, стали считать родную страну сказкой... Памятью усопших сестер и братьев я поклялся не возвращаться сюда, но нарушил обет...

Ох, Изольда, нужно было оставить Вею Эрну на поле боя, чтобы спящие ее глаза выклевали вороны, а тело утащил под землю дикий виноград. Но при мысли, что кто-то найдет ее, разбудит ненароком, я обливался холодным потом, потому отнес в залы Ветряного царства, соорудил усыпальницу и придумал злополучную байку о Розе и тьер-на-вьёр... Прости меня за наглую ложь!

Глядя, как стягивают до хруста стебли незащищенное горло, терновая колдунья тихо заплакала.

— Тысячу раз прощаю и прошу: перестань... Если не остановишься, магия убьет тебя!

— И поделом предателю! — Задыхающийся старик пренебрег слезными просьбами. — Но Хёльмвинд в моих преступлениях не повинен. Убереги его, не позволяй пасть жертвой чародейки...

— Как с ней бороться? — Голос терновой колдуньи осип от отчаяния. — Я едва научилась призывать терн и умею только защищаться.

— Выпусти ведьму... — одними губами прошептал Ирифи. — Она поможет... я лицезрел когда-то могущество тьер-на-вьёр...

Пытаясь сообщить еще одну важную истину, Пыльный вихрь надул щеки, но фраза внезапно оборвалась. Бесцветные глаза закатились, и тело в объятиях терновой принцессы, сделавшееся легче легкого, распалось на мириады песчинок.

Так умирают ветра? Прежде чем Изольда сумела осмыслить это, подоспел Тальвен Валишер и рывком поднял ее с колен.

— Вставай, принцесса, и начинай колдовать, пока дракон не откусил нам головы.

Вникать в смысл подобных речей, когда внутри все обмирает от горя, — кощунство, но боязнь новой утраты оттеснила безутешные рыдания. И, перекрикивая раздраженный звериный рев, принцесса ужаснулась.

— Обратить терновую магию против Хёльмвинда равносильно смертному приговору! Если вступлю в бой, я уничтожу его, понимаешь?

Ветряной клинок блеснул у нее за спиной, отгоняя вьющегося в вышине верховного.

— Понимаю. Но если этого не сделать, все произойдет с точностью до наоборот!

— Должен быть иной выход... — Подавленная, не успевшая свыкнуться с гибелью друга, терновая колдунья вцепилась в отвороты Таальвеновой куртки. — Дай мне минуту...

— Прости, Изольда, у нас больше нет времени.

— Время! — вскричала она, переходя на шепот: — Ирифи велел потянуть его. Не дать Вее Эрне до нас добраться. Остальное сделает яд, которым он наполнил костяной раструб!

— О чем вы там шушукаетесь? — Роза Ветров, утомившись наблюдать за бесплодными попытками крылатого слуги исполнить приказ, наострила уши. — Кончай их, верховный!

— И ты веришь словам умирающего безумца? — Уворачиваясь от змеиных когтей, приморский королевич увлек Изольду под защиту каменной кладки парковой ограды.

— Да! — Она оглянулась, всматриваясь в бурю, на границе которой парила Вея Эрна. В уме, как карточный расклад, выстраивался безрассудный план. — И коли ты со мной заодно, придется рискнуть и тоже поверить!

— Но что, если...

— Таальвен... — Приблизившись к нему вплотную, терновая колдунья встала на цыпочки. — Я знаю, ты хочешь как лучше, но Северный ветер не должен погибнуть во имя нашего спасения. Я — виновница нынешнего его положения, из-за меня он угодил в Тьер-на-Вьёр... и никогда, ни за что на свете я не прощу себе его смерть!

Ты не дарил мне свадебных подарков, Лютинг Мак Тир, не прыгал за ключом в пучины Северного моря. Пускай же жизнь верховного владыки станет твоим подношением, выкупом, в обмен на который я согласна беззаветно принадлежать тебе. Сохрани ее, отвлеки Хельмвинда, пока тьер-на-вьёр займется его повелительницей.

— Хочешь выпустить ее на свободу?

Дрожа от макушки до пят, Изольда кивнула.

— Так будет правильной. Я не владею ни одним боевым заклинанием, а Искерд мечтала о мести с последнего своего вздоха. Это ее битва.

Она была бы рада прибавить нечто более веское против будущих возражений приморского королевича, но до немоты боялась услышать отрицательный ответ. Потому молча ждала его решения, ссутулившись под дождем.

Глядя на нее — расстроенную, готовую жертвовать собой, Лютинг ощущал, как разрастается под ребрами ноющая сладкая боль. Колочий узор с пальцев Изольды незаметно перекинулся на его руки, царапнул выжидательно.

Не все ли равно, чем обернется замысел колдуньи, если она, хоть на краткий миг, обретет счастье. В конце концов, идей, как выпутаться из переплета, у него нет.

Сморгнув дождевые капли, королевич накрыл ладонью маленькую кисть, заставляя принцессу замереть, обратиться во внимание, и произнес, склоняясь к мокрому ее лицу:

— Хорошо. Я постараюсь выполнить твою просьбу, Изольда.

В приливе признательности она приникла к нему, ткнулась лбом в ямочку под ключицей. Легкость, с которой защитник ее согласился на сумасбродство, вдруг обнажила бесхитростную истину: Лютинг Мак Тир ничем не хуже волка, которого она любила, между ними попросту нет различий. Подпитанные колдовским страхом, они существовали только в ее голове, оттого было проще оправдать всех злодеев, вместе взятых, нежели единственного приморца-душелова.

— Таальвен Валишер... — в порыве чувств начала было Изольда.

Но змей, нарезающий круги в опасной близости, не позволил королевичу дослушать. Силясь выманить из-под стены ненавистных людей, чешуйчатая лапа ударила по кромке ограды, осыпая землю мелкой диабазовой крошкой.

— Осторожнее! — Лютинг вытолкнул терновую колдунью из поля зрения взбешенного Хельмвинда, метнул в того горсть мелких бульжников. — Сюда, Северный ветер!

Отступившая к бархану Изольда раскусила маневр и, кивнув напоследок своему защитнику, побежала к Вее Эрне, с любопытством наблюдавшей за зрелищем.

«Не трусь, Изольда Мак Тир! — гулко барабанило сердце. — Храбриться пред ликом беды написано тебе на роду! Иначе чары не свили бы в твоей душе колючее гнездо».

Вряд ли ветряная повелительница ожидала того, что случилось в следующую секунду. Вместо новых жалобных стенаний соперница ее запрокинула голову, воззвала к магии, высвобождая колючие завитки.

— И раз так случилось, я завершу начатое много лет назад. Приди же, тьер-на-вьёр! Вот тебе мое тело и мощь терновника, отныне ты вольна всецело распоряжаться ими!

Толчок — и заплаканная печальная принцесса провалилась в черную бездну. Тонкие черты посуровели, искусанные уста сложились в полоску.

— Боги! — подставив лицо дождю, воскликнула терновая ведьма. — Как долго я этого ждала...

Никогда прежде не приходилось Таальвену видеть мрак гуще того, что окутал Розу Ветров, сцепившуюся с тьер-на-вьёр в страшной колдовской битве. Молнии, шипастые булавы, обрывки заклинаний мелькали в рокошущей круговерти, оставляя на песке глубокие рытвины, руша стены, попавшие под удар. Небо страдало неминуемым своим падением, твердея от черноты, стекая ливнями за размытый горизонт.

Но разобрать во вспышках жуткого светопреставления, какая чародейка побеждает, а которой приходится несладко, не представлялось возможным. Чересчур плотной была пелена, да и Хельмвинд, хлеставший хвостом направо и налево, не давал приморскому королевичу передохнуть.

«Как отбиться от него без необходимости колоть и резать?» — тщетно выискивал выход Таальвен Валишер. Пока хитрость состояла в том, чтобы дразнить противника и отскакивать за обломки всякий раз, как крылатый змей порывался его затоптать.

Зато Лютингу удалось отвлечь дракона. Верховный, целиком поглощенный проворным приморцем, успел позабыть и об Изольде, и о своей хозяйке, затерявшейся в зареве боя. Злость на добычу оттеснила все доступные ему чувства.

Это было и хорошо, и плохо одновременно, так как сердитый дракон с каждой атакой выверял броски тщательнее. В какой-то момент его даже осенило использовать студеное дыхание, чтобы замедлить Лютинга. И тот, прибитый к земле ледяным порывом, чуть не напоролся на змеиные рога. Избежать тычка удалось чудом: костяное острие взрезало прочную кожу, из которой была пошита куртка, в верхушке от тела.

«Не зверь, а замороченный ветер, не ведающий, что творит, — намеренно охлаждал боевой азарт приморский королевич. — Я обязан сохранить ему жизнь любой ценой!»

Шатаясь, он оперся на меч, сделал предупреждающий выпад, дивясь внезапной медлительности, и почувствовал: рубаха отчего-то стала влажной и липкой.

«Кровь, — осенило его запоздало. — Неужели Хельмвинд таки задел меня? Теперь убегать станет сложнее».

О том, глубока ли рана, гадать не хотелось, ведь ждать подмоги было неоткуда. Будто чуя переживания загнанной в угол жертвы, кособоко переставляющий передние лапы-крылья дракон припал к песчаной почве, шевельнул хвостом, готовясь к новому рывку. Чуть уловимый аромат свежей крови защекотал ему ноздри.

— Проклятье! — Лютинг скатился в канал по пыльной насыпи, зажимая бок. — Удумал напасть наскоком?

Непрошенная горячая боль принималась за дело, расползаясь заразой, отбирая у него жалкое преимущество в опасной игре в змеиные кошки-мышки. Подвижность быстро сходила на нет. Следующий взмах когтей вполне мог оказаться последним на веку приморского королевича.

К счастью, гигантский зигзаг молнии расколол небосвод над спинным драконьим гребнем как раз за миг до смертоносного прыжка. Сияние ее было таким ярким, что явило взору сражающихся оба берега рва, очертания дворца и ближние окрестности.

Ослепленный белизной, Северный ветер зафыркал, замотал клыкастой мордой, пытаясь вернуть зрение и прикрывая веками чувствительные глаза.

— Это конец! — возвестила победоносно Вея Эрна, окончательно испугивая его. — Ты исчезнешь, а я буду править вечно!

В рассеивающейся облачной дымке силуэт ее, нависший над тьер-навьер, проступал грозно и четко, волны колыхающихся юбок делали его заметно крупнее прижатой к земле противницы. Мнилось, что это не колдунья заходится хохотом, взлетая в вышину, а вылепленная из грома и теней великанша.

Впечатленный зрелищем дракон с трепетом попятился, поспешил нырнуть в зелень садовых зарослей. После разрухи, что он учинил, проход к ним оказался открыт, и вскоре дворцовые кусты ломко затрещали.

— Тебе ни за что не выиграть! — прошипела терновая ведьма, беспомощно приподнимаясь на локтях. Последняя магия покидала ее, но не исступление, не праведный гнев. — На смену мне придут другие — мстители, воины. Терн не оставит тебя в покое, покуда корни его питают мир!

Ветряная владычица оскалилась, наступая носком туфли на одиноко трепыхающийся побег дикой сливы.

— Отрадно, что ты этого не увидишь.

Наполненная чужой силой до краев, она явственно ощущала, как блекнет свет исчерпавшей себя души, как Исгерд растворяется в потоке вечности. И каждая ее конвульсия, каждый судорожный хрип доставляли чародейке высшее блаженство.

Но вдруг злокозненная ухмылка сошла с губ, серые в крапинку очи округлились недоуменно.

— Что за напасть?

Ветряная мощь, бегущая по жилам, ни с того ни с сего обожгла ее, прочно связывающая с далекими ветрами нить оборвалась и исчезла. Миг назад Вея Эрна готова была свернуть горы, а теперь по телу ширился жар, в полыхании которого немели все члены.

— Нечем дышать. — Охнув, она опустилась на застывшую стеклянную лужицу, ухватилась за живот. В голове завертелись хороводом известные охранные заклинания. - ...*Черти черту чертогон, лихорадку-порчу вон...*

Но смоляные амулеты не отзывались. Подобно обыкновенным каменным побрякушкам, они затвердели и остыли. Запястья сделались тяжелыми, ступни приросли к земле.

— Твоих рук дело, Исгерд? Признавайся, что за наговор? — Утомившись бубнить бесплодные строки, ветряная владычица набросилась на тьер-на-вьёр.

Но по озадаченному выражению лица терновой колдуньи ясно угадывалось: та ошарашена происходящим едва ли не так же сильно. Раздавленная горечью поражения, она успела распрощаться с жизнью, как вдруг судьба подарила ей настоящее диво.

— Нутро горит! — борясь с приступом пламенеющей боли, зарычала ветряная повелительница. — Воды, я хочу пить!

В поисках чаши, которую можно наполнить, она качнулась в одну, другую сторону, и тут туманящийся взор наткнулся на горловины рогов, небрежно брошенные на мешковину. Задохнувшись от страшной догадки, Роза Ветров потянулась к ним, упала на колени.

— Вьюги и метели!

Следы невидимой волшебной отравы обнаружили на горлышке одного из кубков, стоило внимательно приглядеться. Почему она не сделала этого раньше? Без сомнения, их оставил мерзавец Ирифи! Как он посмел, как решился?!

Тщетно пробуя определить, что за яд подсунул ей бывший верховный, Вея Эрна содрала давящее на грудь ожерелье, обхватила виски.

Ей срочно нужно противоядие! Но где его раздобыть? Ни трав, ни корней под рукой нет, да и отвары вряд ли помогут против колдовского вещества, успевшего растечься по телу. Здесь требуется нечто такое же сильное.

Внезапно уста, подернутые пепельной коркой, лихорадочно задвигались.

А ведь под самым носом у нее скрыто исцеление от любых хворей — кровь тьер-на-вьёр!

Похоже, последние слова Вея Эрна выкрикнула вслух, поскольку терновая колдунья, во все глаза наблюдавшая за ней, испуганно отпрянула, заерзала по стеклу.

— Даже не думай об этом, гнусная пиявка, я не позволю тебе пить

мою кровь!

— Куда ты денешься, — захихикала ее соперница, цепляясь за прибрежные камни. Передвигаться она могла теперь только ползком. — Хоть раньше я и не задумывалась о подобном, но, право же, расточительно терять драгоценный эликсир. Тем более колючие чары мне не достались.

— Не приближайся! — Восковое лицо тьер-на-вьёр сделалось похожим на лист бумаги.

— Не трать, я возьму пару капель, от силы дюжину...

Из последних сил обуздывая оболочку, выталкивающую ослабевший дух, терновая ведьма перевернулась на живот, попыталась откатиться. Лоб от усилий покрылся испариной, в ушах зазвенело.

— Будь умницей, Исгерд, обойдемся без сцен. Я уничтожила целое племя тьер-на-вьёрских драконов. Думаешь, не совладаю с растерявшей магию соплячкой, которая и оплеуху-то дать не способна?

Иссушенные до жуткой худобы, будто измазанные углем кисти рук коснулись подола платья терновой колдуньи. Неужто такую страшную кончину она заслужила?

— Нет, — вскинулась Изольда, отпихивая обезумевшую чертополоховую чародейку. — Ты совершила немало ошибок, Герда, по жертвой зверства, веками обрывавшего жизни моих родственниц в Волчьей пасти, не станешь!

— Что ты там бормочешь? — зашамкала Роза Ветров, стремительно обращаясь в обгоревшую бронзовую статую. Тление, изуродовавшее упругую кожу, перекинулось на одежду и волосы. — Лучше подсажи, впиться зубами в горло или сойдет и бедро?

Подавив ропот Исгерд, жаждущей добить соперницу, терновая принцесса втянула шипы, поднялась на ноги.

— Мне жаль, Вея Эрна, но исцелить тебя не в моей власти. Некоторые недуги, как сказал Ирифи, не поддаются никакой магии... Даже одари я тебя вожделенным напитком, пожара не остановить... Клянусь, я старалась устроить по-другому...

Ветряная владычица не слушала. Словно слепой крот в поисках добычи, она рыхлила песок, клацала зубами, запрокидывая к небу растресканное, крошащееся пеплом лицо.

— Ведьма, вернись, куда ты пропала?! Мне пророчествовали стать всесильной, подчинить мир!

Выжженное ядом тело каменело, превращалось в пыль прямо на глазах. И когда скрюченные пальцы добрались до терновой принцессы, Роза не могла больше ни двигаться, ни навредить.

— Пустяки... — едва шелестел ее изможденный голос. — Отраве не сразить меня... Дай время, тьер-на-вьёр, я излечусь, накоплю силы... Где мои чудодейственные янтарные камни? Они всегда выручают...

Стремясь нашарить бесполезные амулеты, ветряная повелительница раскинула руки, да так и осталась лежать горсткой золы на стеклянной поверхности. Какое-то время заострившиеся ее лопатки двигались в такт тяжелому дыханию, но скоро и оно утихло. Длинная коса прилипла к спине, словно вплавилась в нее, складки наряда расползлись по стеклу грязными лужицами.

Еще миг, и начатое Пыльным вихрем завершилось: эхо бури, терзавшей окрестности Тернового дворца, набросилось на скульптуру из хрупкого праха, раздуло его, уничтожая последнее свидетельство существования Вей Эрны.

— Прости... — выдавила Изольда, обращаясь к пепельной взвеси, уносящейся к облакам.

— Ты жалеешь ее? — Исгерд едва вещала из пустоты, но все же полнилась враждебностью.

— Жалею... Алчность, что довела Вею Эрну до помешательства, мало чем разнится с необузданной ненавистью, знакомой нам обеим. Как знать, хватит ли мне мудрости не стать однажды ее заложницей, как Роза Ветров, как ты, Герда...

Подумав хорошенько, терновая ведьма хмыкнула и завершила, будто ей ведомо будущее:

— Не беспокойся, глупышке из глухомани не достичь моих высот. С рождения меня воспитывали как терновую принцессу, готовили к столетиям служения своему народу, а ты получила дар нежданно-негаданно. Сомневаюсь, что из него удастся вылепить нечто дельное... — С другой стороны, — в тоне ее проскользнули благосклонные нотки, — терновник избрал тебя в жрицы, значит, определенными талантами ты наделена. Развивай их и, быть может, лет эдак через двести постигнешь суть древних таинств.

— Не роль посредственной колдуньи меня смущает, — не обидевшись на показное превосходство, сказала Изольда. — А гнев, своеобразие, что подстрекают поступать не по совести! Подпитанные чарами, они сминают все на своем пути...

— Считаешь, обычные люди, обделенные колдовством, не испытывают подобного смятения чувств? Полно, северинская принцесса, и достойный твой брат, и добряк-Зефир, и душелов, целиком вылепленный из каменного спокойствия, иногда лишаются самообладания. Таков мирской

порядок вещей. Но ведь это не делает их отступниками в твоих глазах.

— Верно, — подтвердила Изольда, обескураженно морща лоб. — У некоторых попросту нет темной стороны.

— Зависит от того, что именно ею считать — фейланский зов, ветряную безрассудность, главенство королевских обязанностей, толкающих выдать замуж сестру... Ты, Изольда Мак Тир, в минуты ярости привыкла возлагать вину на меня, оправдывая темные думы и проступки. Но взаправду не я была твоим злом...

— А что же?

Как свеча, истаивая по капле, Исгерд в последний раз глянула на мир сквозь золотые ресницы.

— Неумение принимать, прощать — кто знает... у каждого личная темень в душе, но я при жизни не постигла ее загадок... Попробуй раскрыть их ты, обратить непроглядный мрак во благо, ведь он, как чары, — по сути своей не хорош и не плох.

Невидимая ладонь коснулась кудрявой макушки, прежде чем первозданная пустота поглотила бывшую терновую принцессу без остатка.

— Прощай, терновая колдунья...

И сливовая магия, а вместе с ней утомленная двоедушием плоть освободились навеки.

— Нет, погоди! — окликнула Изольда, не готовая к расставанию. Изнутри будто вырвали кусок, в голове стало неожиданно тихо. — Я о стольком хотела спросить, Герда...

Но было поздно: она осталась одна-одинешенька под размокшим небесным куполом. Только непривычная легкость знобила лихорадкой да смутная тревога била по ушам.

— Принцесса! — не унималось ее упрямое эхо. — Ты слышишь, приди в себя!

Изольда рассеянно огляделась в поисках источника шума и совершенно неожиданно заметила Лютинга, привалившегося к руинам на противоположном берегу. Почему он не даст ей передохнуть, пережить печали этого бесконечного дня и что за алые пятна на его одежде?

По мере того как возвращалось ощущение реальности, оцепенение колдуньи проходило, уступая место пониманию.

— Милостливые боги, да это же кровь!

Одним взмахом вычаровывая ветвистый мосток через канал, Изольда подхватила юбки, понеслась к раненому своему защитнику. От ужаса язык окостенел, в горле пересохло. Что, если уже слишком поздно и муж ее при смерти? Как ей жить без волка, без Таальвена Валишера?

— Покажи! — Трясущиеся ладони рванули куртку, скомкали ткань, пропитанную кровью.

— Северный ветер ускользнул. Гибель Розы не освободила его — Хельмвинд по-прежнему пленник в змеином теле, — скороговоркой выдохнул принц. — Нужно догнать его, пока не подоспели солдаты... с пробитым крылом верховному от них не уйти.

Пропуская бессмысленные в ту секунду объяснения, Изольда обхватила обоюдоострый меч приморца, проводя по клинку отрывисто, с нажимом. Лютинг едва успел остановить ее.

— Что ты делаешь?!

— Прежде чем выручать Хельмвинда, я должна убедиться, что ты не умрешь, не покинешь меня на произвол судьбы в далекой чужой стране!

Признание так удивило королевича, что вместо утешительных слов у него вырвалось нечто совсем иное.

— Разве хочешь ты, чтоб душелов, приморский захватчик бесконечно бродил у твоего порога?

Прижимая окровавленную ладонь к его ране, принцесса затрясла головой.

— Мне нет до него дела, покуда человек, согласный на плен волчьей шкуры ради моего спокойствия, охраняет мой дом и очаг... Я гнала его непозволительно долго... — Вкладывая самое могущественное волшебство, на которое была способна, в пульсацию под врачующими пальцами, она закусил губу. — Но теперь не потеряю, пусть хоть потоки лавы низвергнутся с неба.

Глядя на светлеющее полотно грозовых облаков, Лютинг заметил движение на крепостной стене.

— Насчет небесного огня не уверен, но арбалеты и стреломет точно готовы палить по врагам.

С содроганием проследив за его взглядом, терновая колдунья также отметила оживление, царящее на оборонных башнях. Непогода утихла, и замковая гвардия бросилась заряжать уцелевшие орудия.

— Бесполезно запрещать им стрелять, — опередил ее вопрос Таальвен. — В воинских рядах ужас и паника. И приказы твои — не гарантия, что Хельмвинд останется невредимым.

— Тогда найдем его и уведем подальше от замка! Сначала я позабочусь о разорванном крыле ветра, а после выполню обещанное Ирифи... — Отерев кровь о юбку, принцесса помогла своему мужу разогнуться и пристально посмотрела на запад. — Отправлю наконец Хельмвинда туда, где его истинное место, где никто не причинит ветру

зла...

Догадка не успела слететь с губ приморского королевича.

Отрешившись от тоски, заранее гложущей сердце, Изольда коротко довершила:

— Домой.

ГЛАВА 23

ДОМ — ДАЛЕКИЙ И БЛИЗКИЙ

— Идем, скорее переставляй лапы! — отважно манила дракона Изольда, перескакивая канавы с мутной дождевой водой и ободряюще хлопая в ладоши.

Обогнуть Терновый дворец и верхом занимало немало времени, а уж пешим шагом, со строптивым ветром в поводу, незадачливая тройца рисковала потратить на это добрую долю часа. Прискорбно, если учесть, что стражники терновой принцессы могут появиться в любую минуту. Но заставить Хельмвинда бежать за ней вприпрыжку было выше возможностей, дарованных колдунье. Хорошо и то, что змей не напал, завидев ее у входа в свое гнездо в сердце садового лабиринта.

— Какой ты копуша, — пожурила его принцесса, ступая одной ногой на песчаную почву Пустоши. Укрытие удачнее сложно себе представить.

Но верховный при виде непролазной стены из сливовых колючек вздыбился, зашумел, взмахивая здоровым крылом. Похоже, идея искать приюта в волшебном лесу его не прельщала.

— Вперед, кому говорю! — Изольда бесцеремонно шлепнула его по чешуйчатому бедру. И понукаемый ею ветер попятился к зарослям, зыряка на них неприязненно.

Вернулся ли к нему рассудок, судить было сложно, да и заглядывать в льдистые глаза времени не нашлось. Одно терновая колдунья знала наверняка: ей лично дракон с чудесными узорами на голубой броне — не угроза.

Таальвену он, кажется, тоже не желал зла. По крайней мере, до тех нор пока приморский королевич держался на расстоянии и не вынимал из ножен оружие. О том, что королевичу понадобилось совершить над собой усилие, чтобы позволить жене разгуливать в опасной близости от драконьих клыков, вслух сказано не было. Спокойствие, с которым принцесса положила руку на рогатую голову, а затем повела Хельмвинда за собой, решило дело.

— Дорогу! — велела Изольда терновым побегам.

Они съезжились по команде, пропуская странное шествие. Чуднее всех выглядела колдунья, перепачканная кровью сразу трех цветов — черной, алой и сапфирово-голубой. Нежно потрепав ее за оборку платья и

удостоверившись, что хозяйка не нуждается в помощи, ветви нехотя уползли прочь.

Привлеченный их возней Северный ветер по-гусиному изогнул шею, попытался сцапать беглецов, но был пристыжен строгой принцессой:

— А ну, прекрати!

Пришлось вернуться на тропу и дать хищным сливовым стеблям скрыться. Ничего, он разделается с ними потом!

Впрочем, с какой стати ему, северному владыке, гоняться за никчемными растениями? Это ниже достоинства одного из четырех... правящих... воздушным... войском...

Борясь с нагромождением диковинных знаний, которые трудно в одночасье уложить в голове, ветер потряс рогатой короной.

— Потерпи минутку, Хельм, — смягчилась колдунья, думая, что он невероятно устал. — Окажемся вне досягаемости стрелометов, и я вылечу тебя!

Чтобы не плутать по тернолесью без толку, она проложила ровную дорожку напрямик и через дюжину аршинов расчистила поляну, укрыв ее растительным куполом.

— Остановимся здесь.

Змей повиновался, заключив Изольду с Лютингом в широкий полукруг шипастого хвоста. Костяной его кончик нервно подергивался туда-сюда, будто не в силах сдерживать нетерпения.

— Как мы доберемся до берегов Виттаэж Шаст'эну? — пряча настороженность, поинтересовался приморский королевич. Соблазн припечатать пику хвоста к земле и оборвать безумный танец сбивал с мысли.

— Долетим.

На не улыбчивом лице приморца обозначились догадка и категоричное нежелание в нее верить.

— Ты же не собираешься использовать для полета дракона?

— Естественно собираюсь, — просияла принцесса. — Как еще нам троим подняться в небо?

— С помощью терновой магии...

Изольда скептически глянула сначала на свои, отмеченные чарами, руки, затем на Лютинга и скривилась в знак того, что на подобное колдовство она не способна.

Душелова, окончательно растолковавшего ее замысел, словно пчела ужалила.

— Ветер — не ездовое животное! Лететь на нем — сумасбродство, по

сравнению с которым блекнут прочие совершенные нами глупости.

— Не кипятись, Тааль. — Изольда деловито осмотрела впадины между зубцами драконьего гребня. — На вид спина его вполне удобная. Ухватимся покрепче, и все пройдет благополучно.

— Вот как, а если верховный кувыркнется? — Королевич ткнул пальцем в притихшего Хельмвинда, и тот устремил на него светлый холодный взгляд.

— Заранее попросим не кувыркаться...

— Изольда, ты говоришь о неразумном звере!

Оскорбленный клеветой, Северный ветер заворчал, подсек хвостом непочтительного приморца, заставляя того ухватиться за ноющие после неравной драки ребра.

— Вот видишь! — Счастью девушки не было предела.

— Что характер у него по-прежнему остался змеиным — вижу.

— Нет, он понимает нашу речь! — Закатав рукава, она приблизилась к Таальвену и выжидающе протянула руку за мечом. — Давай скорее исцелим его.

Догадавшись, что принцесса снова намерена увечить себя, принц сделался мрачнее тучи. Но Изольда выставила ладонь с тоненькой полоской и сказала беспечно:

— Старый порез затянулся. Нужен другой, чтобы хватило крови на ссадину на боку верховного и дыру в крыле.

Скрепя сердце Лютинг отдал ей свой клинок.

— Постарайся не раскроить плоть до кости.

— Постараюсь.

Когда дело было кончено и змей, недоуменно обнюхивающий чешую, перестал прихрамывать, Изольда увлекла его на середину поляны и попросила как можно дружелюбнее, стараясь игнорировать недовольство Лютинга:

— А теперь разреши нам оседлать тебя и отправляйся к самому северному из Драконьих озер. И по дороге постарайся не переворачиваться брюхом кверху, не то мы с Таалем свалимся и разобьемся насмерть.

Зрачки-щелочки понятливо расширились. Плутовски покосившись на приморца, Хельмвинд повертелся на месте, преклонил могучие лапы. Зажившее его крыло услужливо прильнуло к земле, как бы приглашая Изольду с Таальвеном взобраться по нему.

Первой по предложенной лестнице поднялась принцесса и устроилась в ложбинке меж драконьих лопаток. Сиденье было более чем ладным, и, чтобы показать это, она уперлась спиной в костяной треугольник гребня,

ограждающий от падения сзади.

— Гляди, здесь почти как в кресле.

Благодушнее от таких заверений приморский королевич не стал, но подступил к гладкому змеиному телу, изготовившись заскочить на него. Тотчас верховный сложил кожистые перепонки,дохнул на неудавшегося наездника морозным инеем, от души забавляясь.

— Хёльм! — Пятки терновой колдуньи скрежетнули по серебристо-белым спинным пластинам, не причиняя ветру ни малейшего ущерба. — Прекращай дурачиться.

Довольный верховный снова распластал крыло.

— Змея с рогами, — процедил Лютинг, устраиваясь в выемке зубчатого хребта. — Надеюсь, летаешь ты лучше, чем соображаешь.

Ветер в ответ запальчиво фыркнул, распростер крылья, принуждая колдунью держаться крепче, и, оттолкнувшись задними лапами, взлетел. Взмах, еще один — и сливовые кущи угодливо отпрянули, освобождая проход.

«Зря я его дразнил», — пожалел Таальвен до того, как пронзительный свист в ушах вытеснил остальные домыслы. А уж когда дракон набрал высоту и выровнялся, окунаясь в вагу облаков, голова и вовсе опустела. Небо, отряхнувшееся от колдовства, окатило синевой. Глаза у Таальвена заслезились, сделалось холодно, неуютно, как и полагается человеку в заоблачной вышине.

Но не все людские создания сторонились поднебесья. Изольда, удирая от безграничной печали, рвалась выше, гладила змеиную шкуру, чтоб до чешуйки запомнить ее узор, вобрать гладкую прохладу пальцами. Это был последний ее полет, последняя возможность стать на время частичкой ветряного мира, отдалить неминуемое...

Бризы, шторма не знают печали! Они носятся над твердью — легкие, свободные, даруя кораблям попутный ветер, заботливо расчесывая косы вербам и березам. Шаги их беззвучны, песни причудливы, стремления чисты, как весенняя капель. Никто не владычествует над вольными ветряными сердцами, никто не вправе сдерживать страстное их биение. Пусть же так будет отныне и вовек...

* * *

Кабы на то была воля Изольды, она восседала бы на жесткой спине верховного вечно. И встречный воздушный поток без конца ерошил бы ей

волосы, щипал лицо, наполняя легкие упоительной снежной колкостью. И скорая разлука с Хельмвиндом превратилась бы в сон, позабыть который до смешного легко.

Но несмотря на отчаянные желания Изольды, будущее неотвратимо приближалось — квадратами засеянных полей, отвоевывающих земли у леса, сменой дня и ночи, звездами, срывающимися с насиженных мест от дрожи небесных сфер под ударами драконьих крыльев. Всякий раз, как новый огонек чертил в темноте кривую дугу, терновая принцесса спохватывалась и принималась безмолвно вторить одно и то же: пусть сыщется всего одна — далекая, бугристая — дорожка в Терновое королевство для северного владыки.

Насчет последнего зеркала Тьер-на-Вьёр Ирифи выразился однозначно, но в полном непостижимого мире много тайных путей... Неужели крылатый верховный, у которого в запасе сколько угодно времени, не найдет верный?

«А захочет ли? — Страх не давал Изольде покоя. — После всех твоих выходов... Дозволено ли тебе вообще ждать его возвращения?»

Совесть убеждала в обратном, сердце маялось раскаянием, но продолжало лелеять робкую надежду.

Наконец бескрайние разливы предрассветного марева остались позади. Сверкнув костяным рогом, на горизонте возникла северная ветряная башня в окружении соеен-исполинов. Драконье озеро, сохранившее древнюю магию, находилось неподалеку. И в предчувствии скорой остановки Северный ветер плавно начал снижаться.

За сутки путешествия он ни разу не подверг седоков опасности, памятуя, как хрупки их тела. Лишь однажды задремавшая Изольда вскрикнула — вынырнув из грез и обнаружив под ногами вязкую необъятную черноту. Но Лютинг Мак Тир, придерживавший ее за плечи, ни за что не позволил бы девушке упасть — на сей счет ветер был спокоен.

Впрочем, судить о спокойствии, когда голова раскалывается от мешанины образов, а грудь распирает многогранными непонятными чувствами, сложно. Проваливаясь в них, Хельмвинд все меньше ощущал себя зверем, а после долго не мог отвлечься от затопивших разум воспоминаний.

«Владыка Сеам Хор... Повелитель выюжных штормов... Властелин морозных просторов, но не своего мятежного духа... Почему тебе грустно? Куда ты летишь, направляемый рукой терновой колдуньи?»

«Домой... Она упрашивала столь жалостно, влажная лазурь очей блестела... Что еще было делать?»

«Унести ее — за море, на край света, — отвечивал безымянный голос. — Спрятать в кулаке и похитить, покуда Мак Тир считает ворон!»

«Зачем? Я не желаю ей зла!»

«Зло... — невпопад вступал в перепалку кто-то третий. — Пыльный вихрь пал от руки верховного... Как пережить позор, признаться Эйалэ, сестрам и братьям?..»

Вскоре к многоголосому хору прибавились новые спорщики, терпеть их вздохи и советы сделалось совсем невыносимо. И чтобы не сойти с ума, Хельмвинд принялся считать взмахи крыльев... Один, второй, третий... сотый... тысячный — и так до бесконечности.

— Туда, — скомандовала Изольда, обрывая вереницу чисел и сонно потирая глаза, покрасневшие от стужи. Ветряные одежды с собой она не прихватила, потому замерзла в ледяном поднебесье. Казалось, тело ветра должно ее согревать, но змей был едва теплее глыбы льда, несмотря на прыть, с которой кожистые перепонки разгоняли по жилам кровь. Как видно, холодную.

— Садись где-нибудь на опушке. Я примерзла к тебе намертво и смогу скатиться только кубарем, — посетовала она.

Планируя вдоль кромки озерного плеса, дракон напружинил задние лапы и мягко приземлился на песчаном берегу. Миг — и изящная фигура слилась с россыпью громадных белых камней, будто на костях его давно не осталось плоти...

Изольда, ослепленная жутким видением, прижалась к искрящемуся серебром боку, проверяя, жив ли верховный. И, лишь уловив колыхание, отлипла от него.

— Чур меня!

— Похоже, озеро и правда полнится чарами, — заявил Лютинг, также одурманенный скоротечным миражом. — Схожу разведать, чего от него ждать.

На самом деле прогулка по берегу была призвана скорее позволить принцессе остаться с Хельмвиндом наедине. Но, и понимая это, она продолжала молча смотреть вслед удаляющемуся приморскому королевичу, неспособная побороть замешательство.

Северному ветру пришлось легко подтолкнуть ее, чтобы вывести из раздумий.

«Я должен лететь, — сияющий взгляд рвался за горизонт. — В теле зверя тесно и разуму моему, и вновь обретенной ветряной силе...»

Словно читая его мысли, Изольда кивнула.

— Тебе действительно пора... Но прежде я собиралась попросить...

Она ковырнула мыском песок, глотая заготовленные слова. Горе, что хлебнул по ее милости Хельмвинд за последние месяцы, вдруг сковало язык.

— Я привыкла считать тебя своим, северный владыка, но ветра никому не принадлежат...

И, в пылом порыве обхватив руками сомкнутую зубастую пасть, терновая принцесса прижала лоб к змеиному, покрытому костяными наростами.

— Возвращайся в родные края! Там тебя ждут любящие подданные, семья и почет, которого ты достоин. Расскажи соплеменникам, что на самом деле случилось в Терновой стране, пусть изменят сюжеты своих сказок... Быть может, по прошествии сотен лет какой-то неугомонный ветер увлечется ими, как некогда ты, проложит новые тропки в Тьер-на-Вьёр... Я обещаю выглядывать дорогого гостя день за днем, вслушиваться в скрип флюгера на башне... и мечтать, что однажды с небес повеет холодом, поверхность садовых фонтанов затянет корочкой льда и ко двору явится путник — долгожданный, знакомый. Но если этого не произойдет... — Не договорив, она поникла, колючки на пальцах, перехваченные тугими ободками обручальных колец, заволновались. — ... И тогда всей душой я буду желать тебе счастья!

Верховный втянул ноздрами теплый человеческий запах, осторожно высвободился, покрывая золото Изольдиных волос снежинками.

Он еще не вполне возвратился к прежней своей сущности, но чуял прощание. Оттого перекроенную чарами глотку сдавило. Захотелось зарычать, подхватить безоружную девушку и сигануть в озеро, оставив приморского королевича в дураках. Жаль, беспрекословный указ не позволил.

«Довольно! Ты не зверь, чтобы повиноваться сиюминутным страстям. Отправляйся домой, Северный ветер».

Покорные воле Хельмвинда крылья взвились, послали гибкое тело в полет умело и просто. И, всколыхнув опушку, словно приливная волна водоросли, понесли туда, где горячо палит солнце, предрекая знойные летние вечера и долгие закаты...

— Хельм! — Изольда вскинула в вышину ладонь.

Но дракон за секунду превратился в точку на голубом полотне. Любуясь его грациозными пируэтами, Таальвен запрокинул голову, высматривая, как скользит Хельмвинд по спирали, а затем, складывая крылья, стремглав бросается к земле.

«Чтобы пройти сквозь зеркало Тьер-на-Вьёр, необходимо упасть», —

припомнил завет западного верховного приморский королевич.

Не забыл о нем и Северный ветер. Потому пронесся мимо терновой принцессы с приморцем, словно сияющая инеем комета, и, подчиняясь своей ветряной доле, с плеском скрылся в темных водах.

— Прощай... — прошептала Изольда, отступая под сень поскрипывающих сосен. — Мой самый любимый ветер...

* * *

Позже, в трактире ближайшей деревни, куда терновую принцессу с ее спутником с почтением пригласили крестьяне, Изольда отстраненно внимала игре менестреля на диковинном инструменте, без аппетита дожевывая сытный ужин. Слава о новой жрице терновника успела разойтись по дальним уголкам ее владений, потому ее усадили за отдельный стол в отдалении от простого люда и потчевали самыми изысканными яствами, что сыскались на кухне.

Но ни музыка, ни еда не могли ее развлечь.

Лижет брюхо ладьи волна,
Море атласом синим стелется.
С небосвода ль, глубока дна
Привезти тебе злата, девица?

Выводил старательный музыкант, перебирая струны. Видать, столь скорбную мелодию он избрал, чтобы постояльцы заливали грусть вином, попутно заказывая побольше закусок. Но Изольде напиток в горло не лез. И, повертев так и сяк глиняную кружку, она отодвинула ее на край стола. Всю дорогу до людского поселения принцесса безмолвствовала, да и Лютинг не настаивал на беседе. Но нельзя убежать от правды вечно.

— У меня есть кое-что для тебя, Тааль...

Пряжей облачной с сизых гор,
Зорь колючих лепными изломами
Наряди мне светлицы, двор
Выкрась вьюгами невесомыми...

Певец капризно отвечал за воображаемую героиню баллады.

— Если речь об обещании взамен за спасение Северного ветра, забудь — ты ничего мне не должна.

— Почему? — Посоловевшие от тепла и печного дыма глаза округлились.

— Нам обоим достанет клятв, данных под угрозой чьей-либо смерти... — Таальвен с непроницаемым лицом долил себе горячего вина из кувшина. — Не собираюсь связывать тебя ими.

— Ну, тогда... — Пальцы Изольды выжидающе переплелись в замок. И менестрель, опережая ее, вновь изобразил неудачливого жениха, а затем взыскательную его избранницу.

Что за радость тебе в снегах?
Вот парча и гранаты алые...
Изловил я певуний-птаха
С чудо-перьями небывалыми...

Не мила мне невольниц трель,
Жаждет сердце ветров над кручами.
Пусть до сумерек их свирель
Ткет узоры-слова летучие...

— Выполни то, о чем я просила в тьер-леранской тюрьме. — Принцесса воспользовалась коротким проигрышем. Освободи меня.

Тут же ее опалило непримиримой зеленью, спрятать которую сложно, как ни старайся.

— Я по-прежнему не уверен, что сумею.

— Ты — душелов, Таальвен Валишер, просто разорви нить...

Всматриваясь в посерьезневшее лицо, Изольда звякнула посудой, потянулась к Лютингу через стол.

— Ты колеблешься, приморский королевич?

Не сыскался еще король,
Властный править лихими буянами.
Полно грезить, испить изволь
Вина терпкие чужестранные...

На сей раз песня зазвучала тише. Завороженный ею, Лютинг спросил без обиняков:

— Вдруг освобождение твое сделает нас чужими, разрушит все, во что я привык верить?

— Не узнаем, пока не попробуем...

Он помрачнел, катая по тарелке сморщенное печеное яблоко. Фейланская суть отвергала разрыв так истоиво, что душелову сделалось жарко до одури.

Горек мне их фруктовый мед,
Губы просят услад изысканней —
Тех, что солнце лучами льет
На простор иноземных пристаней.

— Я вручу тебе подарок, — доверчиво коснулась его ладони колдунья, — но взглянуть ты сможешь не раньше, чем высвободишь мою душу.

Догадываясь, что у него нет выбора, приморский королевич моргнул в знак согласия, раскрывая ладонь. Какой-то твердый гладкий предмет защекотал ему кожу.

— Теперь дело за тобой...

Просишь ты дорогих даров,
У меня лишь монеты ломкие,
Да табун вороных скакунов,
Да мечи с драгоценной ковкою.

Струны безжалостного менестреля захлебывались отчаянием. Постояльцы в зале слушали, забывая жевать от волнения. И только Таальвен не смел отвлечься от золотистой нити, что трепыхалась под его нажимом, извивалась скользким ужом.

«Наш трофей, наша добыча... — щекотал нервы зов. — Держи ее крепче! Колдунья не дастся в плен дважды...»

Это был не просто голос, мнилось, что к Таальвену взывало его естество — дикое, подчиненное инстинктам. Чтобы поступить им наперекор, понадобилось отрешиться от знаний и надежд, что некогда возлагали на него, от единоличной власти приморского властелина,

безнаказанности ловца чужих душ...

«Сызмальства ты верил, что судьбу вершат боги, так пускай рассудят, достоин ли Таальвен Валишер их милости...» — в одночасье принял решение он.

А дальше все случилось само собой, не потребовалось ни клинка, ни усилия. Чирк — и колдовская струна печально обвисла, утратила согревающий жар. Кроме этого, никаких роковых изменений Таальвен не подметил. Но охваченное ужасом сердце толкалось как ненормальное:

«Не открывай глаза! Как, узрев в любимых чертах отчужденность, безразличие, ты станешь жить?»

«Как-нибудь... — успокаивал себя приморский принц. Не сидеть же до скончания времен в трактире, зажмурившись, словно пьяный простофиля! В конце концов, если суть связи с Изольдой сводилась к фейланской иетле, надлежит честно принять горькую истину».

И, разделавшись с сомнениями, он встряхнулся, уставился на вещицу, зажатую в кулаке.

Непроглядная гладь мориона, граненная лучшими ювелирами королевства Северин, тотчас поймала в плен искорки света из очага и поглотила их, как ненасытная топь случайных путников.

— Твой перстень? — недоуменно заключил сбитый с толку Лютинг.

Изольда, поднимая кубок, сверкнула топазом на безымянном пальце, поправила вязь терновника на разгладившемся лбу.

— Твой... Ибо, как провозгласил мой брат, силу клятвы порушит лишь смерть, помнишь?

И однако ж ты беден, князь,
Раз не властен в боях-скитаниях
Ни добыть, увы, ни украсть
То, что скрепит мое обещание...

— Помню, — кивнул приморец, надевая кольцо.

И чарующая мелодия, похожая на шепот морского прибоя, заструилась протяжно, пророча новый чудесный сказ...

БЛАГОДАРНОСТИ

Давным-давно у истории о терновой ведьме не было продолжения — в пору сотворения своего она задумывалась коротенькой сказкой о паре глав, а в итоге разрослась, прочно пуская корни в моей душе на несколько лет.

И теперь, по завершении работы, хочется поблагодарить всех, кто приложил руку к этой книге. В первую очередь отважных моих героев — за то, чему они меня научили, позволив заглянуть в свои души. Направлять их было непросто, в какой-то момент я отдалась во власть сюжета, положились на персонажей, вверяя им самостоятельно вершить собственную судьбу.

Спасибо моему любимому мужу, стойко пережившему более чем три года колючего колдовского безумия, темных чар, терзаний, головокружительных взлетов и падений моего настроения и вдохновения.

Я благодарна сестре и родителям, которые относились к творческому труду чрезвычайно серьезно и уважительно, а еще волновались о судьбе Изольды, Тааля и Хёльма, словно те им — родня.

Самые теплые слова признательности адресую личной моей волшебнице — Марине Козинаки, подарившей книге великолепную обложку, оформление и пару сюжетных поворотов. Она прожила со мной терновую историю гораздо раньше, чем та превратилась в текст, и ни секунды не сомневалась в торжестве сказки.

Искреннее спасибо Оле Птицевой и Саше Степановой — за невероятную поддержку в минуты отчаяния, упадка и писательского кризиса, смех и слезы, позволяющие все это преодолеть.

И последняя, но не менее важная благодарность терпеливым моим читателям — согласным ждать хоть до скончания веков новых приключений любимых героев. Прошу, оставайтесь Мечтателями, ведь ваша вера в волшебство творит настоящие чудеса.

С любовью, Евгения

Киев, февраль 2016 — октябрь 2018